

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

РУССКОЕ СЛОВО.

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ—БЕЗБОРОДКО.

1862.

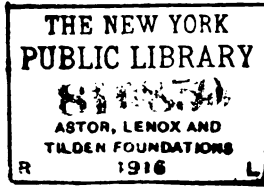
ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

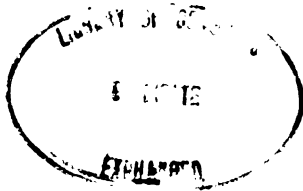
Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволено съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 8 марта 1862 года.

Цензоръ *Θ. Размакиновъ.*

УДОВОЛ.
СЛЫША
УДАЧНО

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Глухой городокъ. МАРКО-ВОВЧКА.
 ✓ Аринушка (повѣсть, окончаніе). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
 ✓ Физиологическія картины. Д. И. ПИСАРЕВА.
 * * (стих.). А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.
 ✓ Людвигъ Спиттлеръ.
 Фрина (стих.). ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.
 ✓ Приключенія Филиппа (романъ ТЕККЕРЕЯ).

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Финансовыя элквибраціи Фульда. — Репутація его вмѣстѣ съ Дюмоларомъ въ парижскихъ общественныхъ кружкахъ. — Лечение биржевой игрой финансоваго недуга. — Тронныя рѣчи императора Французовъ и королезы англійской. — Процессъ Анны Гамильтонъ. — Курьезный процессъ лорда Уильяма. — Лордъ Пальмерстонъ и его билль о передачѣ собственности. — Быстрая перемѣна англійской политики относительно Америки. — Побѣды федеральной партіи и планы конгресса относительно забоезаній. — Внутренняя связь между мексиканской экспедиціей и отпаденіемъ южныхъ штатовъ. — Походъ въ Мексику и храброе сопротивленіе Мексиканцевъ. — Вопросъ о будущемъ мексиканскомъ королѣ. — Отсутствие новостей изъ Италіи. — Ложная система дѣйствій Ривасоли и недоувѣріе итальянской націи къ піемонтскому парламенту. — Наводненіе въ Венгріи и засуха въ австрійской политикѣ. — Двойственное поведеніе Пруссіи относительно Германіи. — Значеніе демократической партіи въ Берлинѣ и неуѣмные ея обращаться съ современными вопросами. **ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

- Д. И. ПИСАРЕВА . . . . . 1. ✓
 Поэтъ—философъ Веневитиновъ и биографъ—критикъ
 г. Патковский . . . . . 28. ✓
 Ложныя и отреченныя книги русской старины. Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы»,
 выш. 3-й А. Н. ПЫПИНА . . . . . 42.
 Русскій Донъ—Кихотъ (соч. И. В. Кирѣевского I и II т.
 Москва 1861 г.). Д. И. ПИСАРЕВА. . . . . 88.

Иностранная литература. Американскій кризисъ и вліяніе его на европейскія дѣла. 1. AMERICAN CRISIS, AND ITS PROSPECTS. London. 1861.

2. UTILITARIANISM. By J. S. Mill. Fraser's Magazine.

1861. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА . . . . . 1.

ОТДѢЛЪ III.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ **Современная Литература** отлагается до будущаго мѣсяца.

Дневникъ темнаго человѣка.

Мой трепеть передъ призракомъ общественнаго мнѣнія. — Роковая скамья подсудимыхъ и общественное veto. — Русскіе скептики и ихъ тенденціи. Нѣчто о демоническихъ натурахъ. — Кто сомнѣвается въ русскомъ прогрессѣ? Ода прогрессу. — Разница между скептицизмомъ нѣмецкаго Фауста и русскаго Собакевича. — Два слова о Никитѣ Безрыловѣ и Викторѣ Аскоченскомъ. — *Два бойца* — мимолетная импровизація. — Домашній литературный вечеръ и его составъ. — Общественное мнѣніе въ лицахъ. — Старая княжна и юный господинъ. — Парижъ допотопнаго поэта и увлеченіе институтки. — Темный человѣкъ передъ судомъ *набраннаго* общества. — Мои надежды и окончательное пораженіе. — Литературныя чтенія — какъ одна изъ казней моды. — Мое злорадіе. — Сказаніе о вѣкомъ Охочекомоннѣ и объ его кулачной расправѣ съ петербургскими профессорами. — Уступка Охочекомонны въ пользу 3-го Толмачевой и одного изъ сотрудниковъ Русскаго Слова. — Счастливая гвзда г. Печаткина. — Гимнъ Библіотекѣ *дн. чтенія*. — Причятанья журнальной маски (З—на) надъ *дѣвдой Добролюбова*. — Можно ли ставить памятники людямъ, которыхъ фамилія виснлась черезъ маленькую букву? — Мой проектъ объ открытіи подписки на *пожизненные* медалы Зорину, З—ну, и Охочекомоннѣ. — Осужденіе статей Добролюбова и его друзей. — Тенденціи г. З—на и дочери становаго. — *Жалоба убадой красавицы*. — элегія. — Смыслость могильныхъ червей. — Кто ты? — Лирическое восклищеніе къ псевдониму. — Фантастическая сцена гласнаго *судопроизводства*. — Г. Лермантовъ и г-жа Кобыкова. — Протестъ послѣдней. — Я, какъ адвокатъ обвиненнаго. — Моя блестящая рѣчь о собственности и кражѣ. — Почему г. Лермантовъ называетъ *Неожиданное богатство* — *Легкимъ богатствомъ*? — Масляница и ея удовольствія въ Петербургѣ. — Послѣдній маскарадъ въ Большомъ театрѣ и его характеръ. Сцена въ буфетѣ, гдѣ я опять являюсь адвокатомъ, но неудачнымъ. — Нерѣшенный вопросъ: кто долженъ больше обижаться: тотъ-ли, кого бьютъ, или тѣ, которые смотрятъ, какъ бьютъ?! — Мои маскарадныя иллюзіи. — Маскарадный мотивъ — стихотвореніе. — Петербургская начальница и ея классическое: *встанте!*.. — Нѣчто о скоромъ торжествѣ буквы *Ъ*.

Шахматный листокъ (за февраль) В. М. МИХАЙЛОВА.

Премія: 3-й выпускъ «Памятниковъ старинной Русской литературы», изд. подъ редакцію А. Н. Пышина и 1-й томъ соч. Л. Мея отправлены подписчикамъ, вслѣдъ за янв. книжкой Русскаго Слова.

ГЛУХОЙ ГОРОДОКЪ.

(М. М. С.)

I.

Жилъ былъ въ городкѣ Н. городничій Эрастъ Антиповичъ Малимоновъ, человѣкъ сѣдоусый, чернобровый, коротко волосы стригъ, славно одѣвался; говорилъ про себя, что онъ роду почтеннаго и что сердце у него доброе; называлъ деньги благомъ земнымъ, просителей—приносителями, вишневку—утѣхою, а жену свою—помѣхою; всегда почти былъ веселъ, шутливъ, говорливъ въ гостяхъ и дома не бывалъ буенъ; любилъ у себя гостей принимать и самъ любилъ въ гостяхъ бывать, сердился онъ часто да не надолго: «я въ батюшку покойнаго» говаривалъ Эрастъ Антиповичъ «у меня сердце отходчивое, и ни крошки я не злопамятенъ.»

Жена у Эраста Антиповича была очень полная женщина и все рассказывала, какъ она худа была назадъ тому два года — даже годъ. Она читала всякія книги, а еще больше любила сидѣть съ книгой въ рукахъ подь окномъ и глядѣть на улицу. Она любила наряжаться, любила милыхъ людей и отъ нихъ вниманіе. «Конечно—говаривала она—конечно, отъ всякаго вниманіе пріятно, но отъ милаго, душевнаго

человѣка вдвое,—отъ милаго, душевнаго человѣка самая малость меня трогаетъ.» Она была хозяйка радушная и любезная: угощала, подчивала, рассказывала, что она дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ, что съ ней случилось и чего не случилось, что ей по сердцу и что не по сердцу; она щурила глаза и улыбалась; опускала глаза и вздыхала. Сколько ей лѣтъ она никогда не говорила, а еслибы захотѣла сказать, такъ сказала бы, что ей подъ сорокъ. Она бѣднымъ подавала, а богатыхъ чествовала; пригорюнивалась, когда рѣчь заходила о строгомъ отцѣ или о строгой матери, о приневоленной невѣстѣ, хотя ее самую ни отецъ, ни мать не неволили, и замужъ она пошла за Эраста Антиповича по своей охотѣ, безъ слезъ. Пригорюнивалась она тоже, когда рѣчь заходила о лихомъ мужѣ, о несчастной женѣ, хотя ея мужъ лихъ не былъ, а она почивала крѣпко, кушала въ сласть—гдѣ жъ подобье несчастной женѣ? Но она все-таки къ несчастной женѣ себя приравнивала. Нѣтъ, нѣтъ, да и скажетъ мужу:

— Зачѣмъ я за тебя замужъ шла? Лучше бы я не ходила за тебя замужъ!

— Твоя воля была, Павла Андреевна, отвѣтитъ Эрастъ Антиповичъ.

— Лучше бы я за другаго пошла! сѣтуетъ Павла Андреевна.

— Пора бы тебѣ ужъ это изъ головы выбросить, Павла Андреевна!

— Что такое пора? Я, слава Богу, еще не столѣтняя кажется, вамъ на зло я не старѣюсь! Кто меня ни увидитъ, всѣ мнѣ удивляются: какъ вы молодѣете, какъ вы молодѣете, Павла Андреевна! такъ и ахаютъ всѣ!

— Ты не вѣрь никому.

— Вамъ, конечно, никогда не повѣрю, Эрастъ Антиповичъ, и всегда буду думать до самаго гроба, отчего я не пошла за когонибудь получше васъ!

Если Эрастъ Антиповичъ вспыхнетъ и отвѣтитъ на это: лучше-то и взяли себѣ лучшихъ, а я тебя!—то Павла Андреевна заплачетъ и станетъ причитать; у Эраста Антиповича сердце отойдетъ—онъ и начнетъ уговаривать и увѣрять, что пошутилъ и кается, что шутка его глупая; но Пав-

ла Андреевна долго, долго плачетъ, а если Эрастъ Антиповичъ стерпитъ и ничего не отвѣтитъ, а начнетъ ходить по гостиной да насвистывать пѣсенку, ходить, ходитъ, насвистываетъ, насвистываетъ, остановится у двери, оглядываетъ дверь и вдругъ войдетъ въ залъ; въ залѣ походить, посвистеть, тоже остановится около двери, тоже ее оглянетъ и вдругъ войдетъ въ свой кабинетъ, притворитъ за собою двери и тамъ притаится. Павла Андреевна повздыхаетъ, повздыхаетъ и займется чѣмъ нибудь инымъ, и все кончится тихо и благополучно.

У Малимоновыхъ домъ былъ новый, свѣтлый. Стѣны бѣлыя, а ковры на полу съ яркими цвѣтами. Изъ оконъ на улицу видны были городскіе домики да колокольня! четыре окна были на улицу, а шесть оконъ въ садъ; въ саду пестрѣли всякіе цвѣты, зеленѣли раскидистыя яблони, груши, липы, тополи; и калина росла тамъ, и бузина, и сирень, и акаціи, и глогъ, и черемуха, вишни, черешни, шелковица; садъ былъ большой, густой, въ саду была и пасека; къ пасекѣ вела отъ дома дорожка, посыпанная пескомъ, гладкая, убитая, и еще были двѣ такіхъ: дорожка влѣво одна, другая на право, за то тропинокъ много вылось, скрещивалось и перекрещивалось по саду.

Павла Андреевна всегда ходила по гладкимъ дорожкамъ; Эрастъ Антиповичъ тоже; казакъ садовникъ больше лежалъ чѣмъ ходилъ. Кто жъ проложилъ тропиночекъ столько? У Малимоновыхъ жила ихъ дальняя родня, молодая дѣвушка Настя.

Настина мать доводилась Павлѣ Андреевнѣ двоюродной сестрой; когда-то онѣ долго жили вмѣстѣ, были подругами, потомъ разѣхались въ разныя стороны и долго не видались. Павла Андреевна слышала, что двоюродная сестра вышла замужъ за богатаго и хорошаго человѣка и что живетъ счастливо, и вдругъ Павла Андреевна получаетъ отъ нея письмо—предсмертное письмо; она писала, что раззорилась въ конецъ, что у ней дѣти померли, мужъ умеръ, и что сама она при смерти, и просила Павлу Андреевну по старой дружбѣ взять къ себѣ ея дочку Настю, а съ Настей ея свояченицу, мужнину сестру, вѣрнаго и неизмѣннаго ея друга. Она про-

*

сила ваять ихъ на время, пока кончится тяжба у овяченицы за хуторокъ. Выиграють тяжбу, писала она, Настя съ овяченицей переселятся въ этотъ хуторокъ на житье.

Когда это письмо пришло къ Павла́ Андреевичу, ея двоюродная сестра уже умерла и была похоронена. Павла́ Андреевна очень огорчилась ея смертью; со слезами стала рассказывать мужу о покойницѣ; извѣстно, какъ только человѣкъ въ землѣ, такъ всё его добродѣтели припомнятся:—мужъ слушалъ и жалѣлъ, и утѣшалъ ее тѣмъ, что это воля Божья.

Сейчасъ же послали лошадей за Настей и за Лизаветой Сергѣевной; покойницыню овяченицу звали Лизаветой Сергѣевной.

Онѣ пріѣхали черезъ три недѣли. Встрѣтили ихъ ласково, радушно.

Эрастъ Антиновичъ потиралъ руки, спрашивалъ о дорогѣ и говорилъ, что всякое горе проходить. Павла́ Андреевна вздыхала, подчивала чаемъ, вспоминала покойницу, прошлое время и утирала слезы; брала Настю на колѣни и спрашивала у ней, что она больше всего любитъ.

Лизавета Сергѣевна была кроткая, но нелюдимая, невеселая и не словоохотливая дѣвушка. Глаза у ней были черные, большіе, погасшіе и тихіе; лицо безъ кровинки—блѣдно и прозрачно точно восковое; улыбалась она хорошо, ласково и добро. Ходила она вся въ черномъ и строго постилась, подолгу молилась; ухаживала за Настей, учила ее, берегла.

Настя помнила, что когда были въ живыхъ отецъ и мать, сестры и братья, жили они въ деревнѣ, въ большомъ, каменномъ домѣ. Какой этотъ домъ былъ уютный и славный! Мать и отецъ были не строгіе; братья и сестры шалуны, тетенька Лизавета Сергѣевна была веселая. Тогда она игрывала съ ними, дѣтьми, въ жмурки, въ горѣлки; учила ихъ, нетерпѣливо топала ножками; тогда съ нея писали портретъ въ розовомъ платѣ, съ розаномъ въ волосахъ; тогда она носила на рукѣ золотое кольцо, ждала гостей, была такая румяная. Потомъ всё въ домѣ померли; деревню продали. Все это случилось не вдругъ, а понемногу. Настя помнила, какъ стоялъ въ домѣ первый гробикъ, потомъ другой гробикъ, и какъ послѣ тише стало въ домѣ. Отецъ ужъ не игралъ на скрипкѣ *горлицу*, а игралъ

чулка; мать тихо разговаривала съ теткой; два брата не могли вдвоемъ поднять такого шума, какой поднимался у нихъ вчетверомъ. Потомъ въ домъ гробикъ. еще; потомъ большой гробъ, за нимъ опять маленькій, а за маленькимъ опять большой. Все утихло въ домъ; просторнѣй, пустѣй и холоднѣй стало. Осталась Настя одна съ теткой и прожила съ ней пять недѣль. Настя точно другаго человѣка увидела тогда. Тетка ее учила и не сердилась за шалости, только отганавливала; золотое свое кольцо она или спрятала, или потеряла; она укладывала Настю въ кроватку, цѣловала ей ручки и ножки, но ни разу не пощекотала ее какъ бывало прежде, не смѣялась, не представляла буку и не сказывала сказку про волка,—она стала ровна и тиха, терпѣлива и печальна. Настя на нее глядѣла и ей шалости на умъ не шли.

Черезъ пять недѣль онѣ переѣхали на житье къ Малимоновымъ. Когда обжились вмѣстѣ, оглядѣлись, Павла Андреевна недовольна стала: Лизавета Сергѣевна была черезчуръ ужъ нелюдима, тиха, скрытна, а Настя черезчуръ своенравна, смѣла, рѣзва и вспыльчива.

— Что жъ это такое? говорила Павла Андреевна мужу о Лизаветѣ Сергѣевнѣ — никогда она со мной не поговорить откровенно; даже погулять вмѣстѣ по саду ни разу не пожелала; даже ни разу не пришла, не посидѣла со мной хотя часочекъ—все въ своей комнатѣ или Богу молится, или возится съ Настей, что же это мнѣ за жизнь съ ней?

— Да жила жъ ты безъ ея разговоровъ и безъ нея, — ну и теперь...

— Ты вѣчно съ совѣтами! Я не могу переносить...

— А Настя что? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Это ужасная дѣвочка! Она совсѣмъ, совсѣмъ меня не слушается! Настя, не гляди въ окно! Она глядитъ. Настя, побѣгай! Она не бѣгаетъ. Настя, кушай! Не ѣсть; а скажешь: не ѣшь! она такъ и проглотитъ. Вчера, напримѣръ, какъ она меня разстроила: слышу я что-то пицить гдѣ-то; неужели у меня мыши въ гостиной? Я слушаю, слушаю... Пицить. Я кошку велѣла принести, безпокоюсь, наблюдаю... Наконецъ я разобрала съ какой стороны пискъ—тамъ Настя сидитъ; глянула я на нее—такое у ней лукавство на личиѣ,

глазны такъ и бѣгаютъ. — Чего ты здѣсь сидишь все, Настя? Иди, кошкѣ не мѣшай. Она въ другой уголокъ перешла и вдругъ оттуда пискъ—пискъ... Такъ это ты? Шалунья ты, говорю, какъ не стыдно тебѣ, не совѣстно! Она съежилась такого изъ себя мышеночка представила, — знаешь, какая она хорошенькая, зубки какіе, глазки какіе—и смѣется, и жмурится, и я какъ дура разсмѣялась... Однако надхожу къ ней и серьезно говорю: Настя! Она легла, прижалась къ дивану. Встань! не встаетъ. Я хотѣла поднять—такъ она и впилась въ диванъ—не могу поднять! Вставай, глупая дѣвочка, приказываю тебѣ! Еще пуще вливается въ диванъ. Вставай сейчасъ! Не встану! отвѣчаетъ, а глазѣнки какъ уголья, сама такъ вся и распушилась отъ сердца.. Я на нее гляжу и она на меня глядитъ, прямо, прямо на меня глядитъ, хоть бы моргнула! Ахъ, какая дерзкая дѣвочка... и убѣжала!

Эрастъ Антиповичъ молчалъ, глядѣлъ внизъ и украдкой усмѣхнулся раза два.

— Что жъ ты молчишь? спросила Павла Андреевна. Какъ тебѣ это покажется?

— Ребенокъ еще, проговорилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Такъ я и знала! Такъ я и знала! Ты пристрастился къ этой дѣвочкѣ! Ты ее балуешь. Пожалуйста, не отговаривайся.

Эрастъ Антиповичъ не отговаривался и скрылся въ своемъ кабинетѣ.

Павла Андреевна обижалась на Лизавету Сергѣевну и сердилась на Настю.

Разъ утромъ Павла Андреевна вошла къ Лизаветѣ Сергѣевнѣ, спросила—какъ ваше здоровье? сѣла и поглядѣла кругомъ.

Комната была чистая, свѣтлая, но не веселая: въ углу узенькая кровать, надъ кроватью большое распятіе, два стула плетеныхъ, комодъ, большой столъ передъ окномъ, а на столѣ книги въ черныхъ переплетахъ и начатая работа—полотняная рубашка.

Павла Андреевна подвинулась поближе къ окну; окно было въ садъ—тамъ зеленѣло, пестрѣло, шумѣло, шелестило,

нахло травами, цвѣтами, ягодами; слышно было чириканье и щебетанье птичье и Настинъ голосокъ.

— А гдѣ жъ красное кресло дѣлось? спросила Павла Андреевна.

— Я его вынесла, оно мнѣ лишнее было, отвѣчала Лизавета Сергѣевна.

— А зеркало у васъ... разбилось?

— Нѣтъ, мнѣ его не надо.

Павла Андреевна поглядѣла на нее во вѣ глаза.

— Неужели вы всегда такъ жили? спросила она, и всегда вы такъ жить будете?

— Мнѣ такъ хорошо, отвѣчала ей Лизавета Сергѣевна.

— Вы очень нелюдимы, Лизавета Сергѣевна, сказала Павла Андреевна. Мнѣ это обидно и грустно... въ моемъ домѣ, вы меня за что-то не любите. Какъ можно! этакая скрытность, этакая нелюдимость! Весело развѣ? Какъ вы нелюдимы! Вѣдь я правду говорю, что вы нелюдимы?

— Да, я нелюдима, отвѣчала Лизавета Сергѣевна.

— Вы бросьте это, пожалуйста. Вамъ надо совсѣмъ перемѣниться. Перемѣнитесь, милая Лизавета Сергѣевна!

— Я перемѣниться не могу, отвѣчала Лизавета Сергѣевна тихо и кротко, такъ отвѣчала, что и Павла Андреевна понизила голосъ и повторила: не можете!

— Не могу.

Павла Андреевна хотѣла сказать ей—попробуйте! а сказалося: вы не тоскуйте!

Лизавета Сергѣевна отвѣтила: Богъ мнѣ поможетъ.

— Не обезпокоила ли я васъ? спросила Павла Андреевна.

— Нѣтъ.

— Нравится ли вамъ эта комната, Лизавета Сергѣевна?

— Нравится.

— А у Насти хорошо?

— Хорошо, посмотрите.

Лизавета Сергѣевна встала и растворила дверь въ другую комнатку съ бѣленькой, мягкой постелькой, съ розовыми занавѣсками на окнахъ, съ яркимъ ковромъ на полу. На столѣ сложены были книжки, тетрадки, стояла картонная башня, кошка съ стеклянными глазами и саночки; передъ са-

мымъ окномъ росла бѣлая акація; сквозь ея глѣбкія вѣтки солнце такъ и било въ комнатку; залетѣвшая пчелка жужжала на окнѣ; на подоконникъ то и дѣло вспархивала какая-то сѣренькая птичка съ темными глазками—вспорхнетъ, чирикнетъ и улетитъ, и опять вспорхнетъ.

— Какая смѣлая птичка! сказала Павла Андреевна.

— Настя ее приучила, отвѣтила Лизавета Сергѣевна.

— Страшная рѣзушка Настя! сказала Павла Андреевна.

— Да, отвѣчала Лизавета Сергѣевна и вздохнула.

Павла Андреевна хотѣла что-то еще сказать о Настѣ, но поглядѣла на Лизавету Сергѣевну и ничего больше о Настѣ не сказала.

— Извините, что обезпокоила васъ, Лизавета Сергѣевна, проговорила она еще разъ. Еще разъ спросила, не надобно ли чего и очень смирно простилась и ушла.

— Никогда больше я къ ней не пойду, развѣ заболѣетъ она, сохрани Боже, говорила Павла Андреевна мужу. Вообрази— кресло, коверъ, зеркало, картины — все изъ своей комнаты она повыкидала—точно келья теперь. Черныя книги... Сидитъ, шьетъ сама рубашку. Сердце такъ у меня заныло. Такъ вотъ и чудится, поютъ «со святыми упокой». Страшно, ужасъ! И жалко ее. Жалко было даже о Настѣ поговорить; еще огорчится, такъ я ничего о Настѣ и не сказала. Да правда, я и сама могу распорядиться съ Настей... могу и сама наказать.

Но когда она хотѣла Настю наказать, поставить въ уголъ, у Насти покатались слезы и она закричала, что ее обидѣли, что ее обижать никто не смѣетъ. Павла Андреевна не рада была, что ее затронула—стала ее ласкать, надѣлать конфектами. Настя всѣ ласки оттолкнула и разбросала всѣ конфекты; ее не могла ничѣмъ успокоить и Лизавета Сергѣевна—она и уснула въ слезахъ.

Думала Павла Андреевна, что на другой день Настя ускромится и попроситъ у ней прощенья, но Настя прощенья у ней не попросила и отъ нея бѣгала, и какъ-то такъ случилось, что Павла Андреевна первая ее приласкала и купила еще ей куклу.

— Кто это меня сбиль? говорила Павла Андреевна, зачѣмъ, за что я ей куклу купила?

— И хорошо сдѣлала, сказалъ Эрастъ Антиповичъ—ребенокъ.

— Ахъ, пожалуйста! Ты то вѣрно и сбиль меня съ толку! Вѣчно жужжишь, жужжишь, жужжишь надъ ухомъ... Она ничего не чувствуетъ... Просто злая дѣвочка!

Павла Андреевна надѣялась, что съ лѣтами Настя станетъ покорнѣй, уступчивѣй и разсудительнѣй; годы шли,— и ничуть не бывало, Настя осталась такою же, какою и была: ничѣмъ ее не укротишь, никакъ съ ней не сладишь—упрямица, спорщица. Правда, съ Лизаветой Сергѣевной она никогда не спорила и слушала ее тихо, не убѣгала. Позоветь ее Лизавета Сергѣевна, посадить подлѣ себя, обниметь и станетъ увѣщать; Настя сидитъ, слушаетъ, слушаетъ все, а когда рѣчь кончена, она хоть не скажетъ по прежнему,—а я таки буду! да личико ея за нее скажетъ. Но если Лизавета Сергѣевна очень огорчалась, Настя становилась передъ ней на колѣни, цѣловала у ней руки, просила приказаній себѣ и всѣ приказанія быстро и покорно исполняла.

Досаднѣй всего было Павлѣ Андреевиѣ, что Настю всѣ любили, всѣ ласкали, все ей прощали; что Настя всѣми вертѣла, какъ ей угодно было. Бывало, просятъ ее спѣть чтонибудь, какуюнибудь пѣсенку—голосъ у ней славный былъ, такой нѣжный и звучный—и какъ найдетъ на Настю, то сейчасъ она послушается, запоетъ, а то нѣтъ. «Не поется» и словно воды въ ротъ набрала, ужъ тогда ничѣмъ ее не заставишь. Это было досадно. И сколько разъ ей объщаютъ: «не будемъ тебя просить никогда». Только она подастъ голосокъ—помину нѣтъ о досадѣ и опять просятъ: спой, Настя, спой!

У Эраста Антиповича Настя была любимицей, а за что? Настя ему ни въ чемъ не угождала, Настя не ласкалась къ нему, Настя съ нимъ спорила и ему противорѣчила.

— Молчи, Настя! Я лучше тебя это знаю! говорилъ Эрастъ Антиповичъ строго.

— Вы по своему знаете, а я по своему знаю! отвѣчаетъ Настя.

— Молчи, Настя! Сказано разъ молчи, ну и молчи.

Тутъ то Настя и пойдетъ говорить... Эрастъ Антиповичъ разсердится очень,—глядь, самъ же къ Настѣ подходить и миру просить: «помиримся, Настя!»

Садовникъ, изъ казаковъ, старый, важный и мрачный, не любилъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, а особенно не любилъ панночекъ: «что оно такое? Павы не павы, сороки не сороки!» говорилъ садовникъ, «медь ѣдятъ, цвѣты вырываютъ да наряжаются, на что оно? Палець о палець не ударять!..» Прибѣжить Настя въ садъ—онъ недоволенъ: «влетѣла какъ московская бомба, рой прогнала, вѣтки обломала,—ей—Богу пойдти надо пожаловаться!» Онъ шелъ и больше половины дороги не доходилъ; замѣтитъ въ сторонѣ что нибудь—ворону или сухую вѣточку и къ нимъ придерется, къ воронѣ или къ сухой вѣткѣ. А кому онъ берегъ яблоки съ своей любимой яблони? кому берегъ медъ въ уголку шалаша, въ маленькой мисочкѣ?—Настѣ.

Кухарка Марина все ворчала на Настю: «экое наказанье! Ну, зачѣмъ панночкѣ въ кухню забѣгать? Это не панночка, а дикая птица—бѣда общая!» А кому Марина всегда пирожокъ пекла? На кого Марина хотѣла поглядѣть, когда лежала больна и вспомнила свою сторону?

Горничная дѣвушка Хима часто жаловалась, что панночка неугомонна очень, а когда у Химы братъ умеръ, къ кому первому она пришла и сказала: «у меня братъ умеръ!»

А горничная дѣвочка Ганна, для кого утирала слезы свои и начинала веселую сказку про глупую ворону рассказывать?

А сама Павла Андреевна, какъ ни сердита, отчего не можетъ сурово Настинаго ласковаго взгляда встрѣтить? Какъ ни крѣпится, ни хмурится, а губы такъ и раздвигаются и сердце теплѣетъ. Чаровница эта Настя, суцая чаровница!

Годы шли за годами. Хуторокъ Лизавета Сергѣевна не выиграла, онъ перешелъ въ другія руки; онъ съ Настей жили у Малимоновыхъ и ужъ собираться было отъ Малимоновыхъ некуда.

Настѣ еравнялось шестнадцать лѣтъ. Была она живая, рѣзвая хохотунья, темноглазая, стройная, свѣжая дѣвушка.

Въ это время умерла Лизавета Сергѣевна. Умерла она вдругъ, неожиданно: сидѣла, работала, слушала, какъ Настя около нея то пѣла, то говорила, слушала—вдругъ охнула и скатилась со стула на полъ. Настя кинулась къ ней, закричала,—всѣ сбѣжались, а ужъ она мертвая. Неутѣшна была Настя, и долго, долго неутѣшна. Ухаживали за ней, уговаривали ее—ничѣмъ нельзя было ее уговорить и ничто ее не утѣшило, кромѣ времени. И всегда какъ вспомнить любимую тѣтку, большіе, темные ея глаза полнымъ-полны слезъ и яркій румянецъ сбѣжить съ лица.

II.

У Малимоновыхъ часто гости бывали и самые разнородные гости: бѣдные, богатые, степняки, горожане, хуторяне—всякіе.

О Настѣ слава расходилась; молодежь стала съѣзжаться поглядѣть на ея красоту. Приѣхали разъ—потянуло въ другой разъ, и повадился часто ѣздить. За Настю ужъ много жениховъ сваталось. Она подумаетъ, подумаетъ и покачаетъ головкой: «нѣтъ, не пойду». Женихи присмирѣли, приуныли; ѣздили, глядѣли на Настю, а говорить ничего не говорили—боялись отказу.

Эрастъ Антиповичъ не только не торопилъ Настю, а еще радъ былъ, что она не хочетъ замужъ идти. «Скучно безъ Насти будетъ», говорилъ онъ.

Павла Андреевна съ нимъ спорила, но затѣмъ, чтобы ему доказать, что она больше его омыслить; у самой у нея сердце замирало при мысли съ Настей разстаться.

Часто сталъ ѣздить въ гости къ Малимоновымъ Данило Самойловичъ Копыта. Онъ былъ богатый человекъ; имѣнія у него были такія, что кто изъ помѣщиковъ мимо проѣдетъ—всякій вздохнетъ. Одинокій былъ, ужъ не молодой, изъ себя

не хорошо больно: высокий, словно шесть, сухощавый, ротъ у него щучій, носъ ястребиный, а глаза свиные.

Данило Самойловичъ въ первый разъ пріѣхалъ къ Эрасту Антиповичу по дѣлу, увидалъ Павлу Андреевну и Настю, познакомился и сталъ у нихъ бывать въ гостяхъ. Данило Самойловичъ всегда Павлѣ Андреевнѣ ручку цѣловалъ, привозилъ ей цвѣты, присылалъ персики, сидѣлъ около нея и говорилъ съ ней подолгу. Павла Андреевна нахвалиться имъ не могла, что за милый, за отличный человѣкъ. Придетъ Данило Самойловичъ—она заведетъ нескончаемыя рѣчи на распѣвъ. Эрастъ Антиповичъ тоже бывалъ доволенъ посѣщеніемъ богача, говорилъ съ нимъ почтительно, кланялся ему низко. Настя не очень жаловала Данила Самойловича—поклонится ему да наровить отъ него уйти. А Данило Самойловичъ какъ Настю увидитъ, такъ его глаза сверкнутъ и закроются на мгновенье. Говорилъ онъ съ Настей очень мало и рѣдко; говорилъ съ ней неровнымъ голосомъ и лицо у него тогда какъ-то темнѣло и угрюмѣло.

Разъ, Данило Самойловичъ очень долго сидѣлъ, разговаривалъ съ Павлой Андреевной и очень ее растрогалъ. Онъ ей говорилъ «что одинокому жить тошно, что хотѣлъ бы онъ жениться, да боится, что не пойдутъ за него — онъ и старъ, и уродливъ, горькая его доля! Умретъ онъ — глазъ некому закрыть!»

— Ахъ, что вы! Что вы! вскрикивала Павла Андреевна. Ахъ, не отчаявайтесь! Ахъ женитесь!

— Гдѣ ужъ мнѣ горемычному! пѣлъ лазаря Данило Самойловичъ. Гдѣ мнѣ! Я самъ себѣ невѣсты не съищу и ни отъ чьихъ рукъ не приму—вотъ развѣ изъ вашихъ.

— Неужели?

— Пусть Богъ меня накажетъ! Я васъ чту, Павла Андреевна!

— Ахъ, право, мнѣ совѣстно, Данило Самойловичъ! За что же?

— За все, за все, Павла Андреевна. Вы у насъ самая умная, а кто добрѣ васъ?

Павла Андреевна вздохнула и вѣрно никого добрѣ не нашла, потому что не отвѣтила.

— Гдѣ же мнѣ вамъ невѣсту отыскать? спросила она съ улыбкой.

— Поближе поищите, Павла Андреевна, поближе, отвѣтилъ ей Данило Самойловичъ; онъ понизилъ голосъ.

Павла Андреевна на него поглядѣла, словно еще спросила: гдѣ же?

— Поближе поищите, повторилъ Данило Самойловичъ.

Она задумалась, а онъ на нее глядѣлъ своими совиными глазами и губы у него немножко дрожали. Павла Андреевна подумала, подумала, откашлялась и громко на распѣвъ покликала Настю.

Настя вбѣжала.

— Настя, посмотри, какіе цвѣты прекрасные привезъ мнѣ Данило Самойловичъ. Ахъ, какъ пахнутъ! Какъ хороши! Все вѣдь въ природѣ прелестно! Сядь, Настя, посиди съ нами. Куда же вы, Данило Самойловичъ? спросила она въ удивленьи.

Данило Самойловичъ стоялъ съ шапкой въ рукахъ и низко ей кланялся; онъ весь въ лицѣ вдругъ перемѣнился какъ больной.

— Что съ вами? Что съ вами? Вы нездоровы? спрашивала Павла Андреевна.

Онъ отвѣтилъ, что нездоровъ, поцѣловалъ у ней руку, поклонился и ушелъ.

— Какой добрый человѣкъ! проговорила Павла Андреевна.

— Недобрый онъ человѣкъ! сказала Настя.

— Какъ можно осуждать людей, Настенька! Ты всегда осуждаешь! Почему ты знаешь, что онъ недобрый?

— А вы почему знаете, что онъ добрый?

— Я почему знаю? Да по всему.

— И я по всему.

— Ахъ, полно, Настя, полно! я бы желала чтобы онъ женился, Настенька.

— А я бы не желала.

— Отчего, Настенька?

— Онъ уморить жену бѣдную.

— Какія выдумки! Умная дѣвушка...

— Умная дѣвушка за него не пойдетъ.

— Отчего же не пойдти, мой дружокъ?
Настя запѣла!

А у тебе старый діду
Колочая борода,
Совинныя очи
Погани до ночи.

— Ахъ, стыдно, Настя, стыдно!

А Настя смѣялась, пѣла и говорила, что вовсе не стыдно.

— Бѣдный человѣкъ! Такой добрый человѣкъ!

А Настя смѣялась и спорила, что не бѣдный и не добрый.

— Стыдно, Настя, клеветать! Говорю тебѣ, онъ добрый и несчастный, одинокій человѣкъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ нехорошій, негодный! вскрикнула Настя. Къ нему сестра приходила—плакала, уходила отъ него—плакала, онъ ей никогда не помогъ... она умерла... на него сосѣди всѣ жалуются. Сколько людей онъ засудилъ! Сколько людей онъ обидѣлъ! У него середь зимы льду не выпросишь... Скупой, жадный, злой... Я его знать не хочу! Я ему и кланяться не буду!

Настя перевела духъ, посверкала глазами, вскрикнула еще разъ: злой, нехорошій, знать его не хочу! не хочу! и выбѣжала, не слушая, какъ Павла Андреевна ей кричала: полно, полно, погоди! постой!

Прошло три дня и въ три дня ни разу не удалось Павлѣ съ Настей поговорить опять о Данилѣ Самойловичѣ. Какъ только она поминала его—Настя начинала пѣть ту нехорошую пѣсню или быстро исчезала. Не успѣетъ Павла Андреевна протянуть: отличный человѣкъ! — ужъ Настя и нѣтъ въ комнатѣ.

— Что это ты все хвалишь его? спросилъ Эрастъ Антиповичъ. Точно впервые увидала его.

— Ну, не учи меня пожалуйста. Я его всегда буду хвалить, всегда.

— Хвали, Павла Андреевна.

Въ эти три дня Данило Самойловичъ не былъ у нихъ.

На четвертый день ввечеру онъ пришелъ, спросилъ о здоровьи и ни о чемъ больше не спрашивалъ. Онъ былъ очень блѣденъ, глядѣлъ все внизъ. Павла Андреевна вздыхала, обмахивалась платкомъ и глядѣла все вверхъ. Они сидѣли вдвоемъ въ гостиной, за чайнымъ столомъ. Эраста Антиповича не было дома. Настя не показывалась. Сидѣли и помалчивали.

Данило Самойловичъ досталъ изъ кармана коробочку, подержалъ и поблѣднѣлъ; подалъ эту коробочку Павлѣ Андреевнѣ и просилъ принять отъ него въ подарокъ. Павла Андреевна покраснѣла.

— Ахъ, зачѣмъ вы! на что? Ахъ, Данило Самойловичъ!

Она открыла коробочку и вскрикнула: ахъ, точно мои! мои потерянные!

— Я зналъ, что вы по нихъ скучаете... я старелся—проговорилъ Данило Самойловичъ.

Въ коробочкѣ были серьги съ дорогими камнями.

— Какъ же это вы? Гдѣ купили? Гдѣ достали?

— Я выписалъ изъ Варшавы, Павла Андреевна.

Павла Андреевна стала его благодарить,—у ней даже слезы блестѣли на глазахъ. Потомъ она принялась любоваться серьгами и говорила:

— Ужъ какъ я по нихъ горевала; сколько плакала, какъ потеряла! это была мнѣ память отъ матери, и вдругъ я ихъ потеряла. Я просто несчастья ждала какогонибудь послѣ этого. Точно они! точно они! точно ихъ вижу!

Налюбовавшись, Павла Андреевна стала чай наливать и стала рассказывать, какъ она свои серьги потеряла.

— Были мы у Анны Егоровны въ гостяхъ и пошли купаться. Я серьги сняла и спрятала въ карманъ да и забыла. Какъ я забыть могла—до сихъ поръ не постигну! И потеряла. Никакъ не могли найти послѣ. Двѣсти душъ искали—не нашли!

Павла Андреевна опять взяла коробочку въ руки и опять полюбовалась серьгами.

Данило Самойловичъ улыбнулся; улыбаясь, поблѣднѣлъ еще больше и спросилъ Павлу Андреевну или она забыла, что обѣщала? Невѣсту—то ему найти!..

— Нѣтъ, Данило Самойловичъ, нѣтъ! Я отыщу вамъ. Слава Богу, невѣсть—то у насъ и не перечесть.

Оба замолчали и посидѣли молча.

Вдругъ Данило Самойловичъ придвинулся близко къ Павлѣ Андреевнѣ. Глаза у него горѣли, лицо стало еще бѣлѣй и худыя его руки такъ и впились въ мягкія ручки Павлы Андреевны и больно ихъ жали. Данило Самойловичъ признался, что любитъ Настю и просилъ Павлу Андреевну помочь ему.

— Я рада, рада, отвѣчала Павла Андреевна, но Настя упрямая такая... слажу ли я съ ней, Данило Самойловичъ?

— Умная женщина все можетъ, Павла Андреевна! проговорилъ Данило Самойловичъ.

— Конечно, Данило Самойловичъ. Но почему вы Настю именно выбрали? Знаете ли, что я бы желала для васъ жену...

— Ее одну мнѣ надо! проговорилъ Данило Самойловичъ, а если не—она, онъ перевелъ духъ и договорилъ:—иной не надо никакой!

— Да вѣдь она очень упряма, очень своевольна, Данило Самойловичъ. Я вамъ все скажу—она вспыльчива и дерзка!

— Да, я знаю! Да, я знаю! Мнѣ ее надо! своевольную, дерзкую мнѣ надо!

— Ахъ, я, право, васъ не узнаю, Данило Самойловичъ!

— Данило Самойловичъ повторилъ: ее мнѣ одну надо! ее одну!

— Ахъ, право, какъ странно! говорила Павла Андреевна. Она была встревожена.

Данило Самойловичъ отошелъ, постоялъ у окна и воротился за чайный столъ съ покойнымъ лицомъ, со всегдашней своею медовою улыбкой. Они стали тихо разговаривать съ Павлой Андреевной и видно, что разговаривали о важныхъ дѣлахъ; Данило Самойловичъ оглядывался, прислушивался, Павла Андреевна разводила руками, пригорюнивалась, вздыхала, усмѣхалась и качала, и кивала головою.

Съ этихъ поръ у Павлы Андреевны только и разговору съ Настей что о женихахъ, о невѣстахъ, о свадьбахъ.

— Ты, Настя, не засидишься въ дѣвушкахъ, говорила.

Павла Андреевна. Сколько у тебя жениховъ—то! И будетъ еще больше, и будутъ женихи еще лучше—не, такіе какъ теперь!

— А чѣмъ же теперешніе не хороши? спросила Настя.

— Какъ, Настя, развѣ тебѣ нравятся? Неужели? Кто же?

— Всѣ—одни больше, другіе меньше.

— Отчего жъ ты замужъ не идешь? Тебѣ жалко насъ, Пасточка? А вотъ я тебѣ найду такого жениха...

— Нѣтъ, нѣтъ! За кого я захочу выдти замужъ, для того я никого не пожалѣю—растанусь.

— И насъ не пожалѣешь? Неужто, Настя?

— Не пожалѣю.

— Спасибо, Настя, спасибо! это ты за нашу любовь къ тебѣ... за мою любовь... Ахъ, ахъ!..

Павла Андреевна огорчилась и не могла дальше рѣчей вести. Какъ ни начнетъ—все одна и таже мысль въ головѣ, одни и тѣ же слова съ языка срываются: и насъ не пожалѣешь? Неужто?

— Не вѣрь ей, успокоивалъ Эрастъ Антиповичъ, она насъ пожалѣетъ.

— Ахъ, отъ нея все станется! отвѣчала ему Павла Андреевна со стономъ.

Однако дѣло надо было вести впередъ.

— Настя, любишь ты богатство? спросила Павла Андреевна.

— Какое богатство?

— Всякое. Чтобы имѣнія, лѣса, поля, зеркала, бархатныя платья, жемчуги, алмазы, изумруды, кареты, кучера, повара, золото, серебро... все было, все на свѣтѣ! Любишь Настя?

— Ой—ой! проговорила Настя и призадумалась. Хотѣла бы я на все это поглядѣть! сказала она.

— А еслибы тебѣ все это дали? Все тебѣ?

— Кто жъ бы мнѣ далъ?

— Женихъ бы такой нашелся... богачъ, добрый, чудесный... Ты бы вдругъ надѣла платье роскошное, драгоценныя камни, домъ бы у тебя такой, цвѣты такіе, гости, веселья... все, что ты захочешь! Тебѣ бы завидовали, кла-

нядись бы всё тебѣ... а? Настя? За такого жениха можно выйдти замужъ зажмуривши глаза! Правда?

— Нѣтъ, зажмуривши глаза нельзя.

— Право можно! Отчего же?

— Каковъ онъ, надо посмотрѣть прежде. Какова жизнь съ нимъ будетъ.

— Что жъ, жизнь чудесная! Вольная, богатая, хочешь—добро дѣлай, хочешь—зло, все можешь! А онъ... онъ тоже хорошій человекъ. Вотъ, напримѣръ, еслибъ такой, какъ Данило Самойловичъ... Ахъ, Данило Самойловичъ по моему лучше и добрѣй всѣхъ на свѣтѣ! Онъ бы тебя, Настя, нѣжилъ, онъ бы тебя, Настя, во всемъ слушался, утѣшалъ бы тебя; всякими бы роскошами тебя обсыпалъ...

— Кто это роскошами обсыпалъ кого? спросилъ Эрастъ Антиповичъ, самъ подошелъ къ зеркалу и сталъ передъ зеркаломъ прихорашиваться.

— Кто бы ни былъ! отвѣчала съ досадой Павла Андреевна. Развѣ это не хорошо въ роскоши жить?

— Богъ съ тобою! какъ не хорошо? Очень, очень, очень хорошо!

Эрастъ Антиповичъ сѣлъ въ кресло, зѣвнулъ, вздохнулъ, подперся рукою, подумалъ; потомъ поглядѣлъ кругомъ и сказалъ:

— Настя, спой пѣсенку. Что ты все въ окно смотришь?

— Ахъ, полно, теперь не до пѣнья вовсе! сказала Павла Андреевна. Ты помѣшалъ... Ты вѣчно...

Настя запѣла:

Не хочу я хатки
А ни сножатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневаго садка!
Ой ты старый дядуга
Изогнувся, якъ дуга...

Эрастъ Антиповичъ засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? съ негодованіемъ спросила Павла Андреевна.

— Какъ она это выговариваетъ: «ой ты старый дидуга», скверный, должно быть, дидуга!

— Навѣрно не хуже васъ, Эрастъ Антиповичъ!

— За что ты, Павла Андреевна? За что? Или ты на свой счетъ приняла что нибудь? Ей-Богу... Настя съ своей пѣсенкой выпорхнула изъ комнаты.

— Ну, что ей-Богу? Что ей-Богу? въ гнѣвъ спрашивала Павла Андреевна. Вы всегда не въ свое дѣло мѣшаетесь! всегда!

Эрастъ Антиповичъ всталъ и пошелъ къ дверямъ.

— Нечего бѣжать! Всегда бѣжите какъ зайцы!

— А что такое, Павла Андреевна?

— Ничего!

Эрастъ Антиповичъ сталъ похаживать по комнатѣ и поглядывать на двери. Павла Андреевна сидѣла и хмурилась.

— Настѣ пора замужъ, сказала Павла Андреевна строго.

Эрастъ Антиповичъ перемѣнился въ лицѣ и остановился.

— За кого? спросилъ онъ.

— За кого бы тамъ ни было! На что вамъ знать? Ей пора замужъ!

— Молоденька, промолвилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Что это вы все учите, Эрастъ Антиповичъ! Я знаю сама, что молоденька!

— Согласна она? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Что жъ вы полагаете, ее не надо никогда замужъ отдавать? спросила съ сердцемъ Павла Андреевна.

— Нѣтъ, я не полагаю... пусть идетъ. А вотъ жалко съ ней разставаться... Домъ безъ нея опустѣетъ.

Онъ посмотрѣлъ по стѣнамъ, по всѣмъ угламъ, прошелся еще разъ по комнатѣ и сѣлъ.

Павла Андреевна перестала сердиться, приуныла. Разговоръ на этомъ и оборвался. Посидѣли они, посидѣли молча и разошлись.

— Настя, сказала Павла Андреевна, тебѣ пора замужъ.

— Нѣтъ, еще не пора, отвѣчала ей Настя.

— А что, еслибы за тебя посватался Луша?

— Не пошла бы.

— А еслибъ Косовскій?

*

— И за него не пойду.

— А вообрази, еслибы за тебя посватался Данило Самойлович?

— Не пойду.

— А еслибы непременно надо было за него идти?

— Не пойду.

— А еслибы непременно, непременно было надо, ну — казнь или за него?

— Не пойду.

— Странно, Настя, отчего ты не цѣнишь такого чудеснаго человѣка! Точно онъ тебѣ не по душѣ...

— Онъ мнѣ не по душѣ. Будеть о немъ говорить. И Настя ушла.

Павла Андреевна была такъ недовольна, что Эрастъ Антиповичъ спросилъ ее:

— Что это ты надулась, Павла Андреевна?

Онъ было пришелъ домой веселый, заговаривалъ—не отвѣчаютъ, онъ и самъ разсердился.

— Какія ты странныя вещи говоришь! Право, я удивляюсь! сказала Павла Андреевна.

— Чего жъ ты удивляешься, Павла Андреевна? Ты не удивляешься, а блажишь. Ахъ жены, жены!.. Вонъ купецъ Миловъ нынѣшнюю ночью жену удавилъ.

— Ахъ, Боже мой! Кто тебя спрашиваетъ!

— Никто. Самъ себѣ говорю.

Сѣли обѣдать, Настя не было.

— А гдѣ же Настя? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Не знаю. Вы вѣдь ее избаловали такъ, что ни на что не похоже!

— Чѣмъ я ее баловалъ, Павла Андреевна?

— Всѣмъ! всѣмъ! Пожалуйста не спорьте! Не спорьте! Я и такъ нездорова!

— Эхъ, Павла Андреевна! Мучить тебя лихая болѣзнь! По тебѣ, матушка, всѣ березки плачутъ!

Павла Андреевна такъ и встрепенулась:

— Ну, ну, полно! промолвилъ Эрастъ Антиповичъ. Обѣдай смирно и я буду смирно обѣдать.

— Мнѣ жизнь не мила съ вами! Раньше сроку я въ гробъ лягу! сказала Павла Андреевна.

— Кто изъ насъ раньше, кто позже,—Богу одному извѣстно. А вотъ я прихварывать начинаю.

— Что жъ у тебя болитъ?

— Да такъ, неможется.

Эрастъ Антиповичъ сложилъ руки на груди и вздохнулъ, и охнулъ.

— Ты полегчись, пожалуйста! говорила Павла Андреевна.

— Полегчусь, полегчусь, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Не нравится мнѣ, что Настя безпрестанно бываетъ у Крашовки, сказала Павла Андреевна. Что за дружба съ Крашовкой! Эта Крашовка очень хитрая старуха.

— Бѣдна, проговорилъ Эрастъ Антиповичъ.

III.

Городъ N. былъ городокъ тихій. Двѣ улицы тамъ мощеныя, городническая да соборная; на остальныхъ улицахъ мягко было ходить по песочку, а на тротуарахъ росла травка и даже кое-гдѣ цвѣли цвѣточки, кашка розовая цвѣла, цвѣла ромашка; весною тутъ жители рвали молодую крапиву и лебеду на борщъ; полынь на настойку и цикорій на кофе и на лекарство. Въ городѣ было много садовъ, много пусто-порожныхъ мѣстъ, особенно глухое пустопорожнее мѣсто было на Лиховой улицѣ, около Ляховыхъ воротъ: огромный заросшій дворъ, въ томъ дворѣ развалины дома замшились и поросли бурьянами, за развалинами садъ густой, большой; сколько тамъ спѣло яблокъ, грушъ, ягодъ; сколько цвѣтовъ цвѣло, какая чудесная трава высокая! Туда однако рѣдко заходили и днемъ, а подъ вечеръ никто, никогда, потому что этотъ домъ и брошенъ былъ за то, что во дворѣ что-то не ладно дѣялось; а вотъ на *мѣсто* малолѣтнихъ наслѣдниковъ Хорошаевъ такъ всѣ ходили—тамъ тоже домъ развалился, да послѣ смерти стариковъ-хозяевъ и дворъ заросъ, и

садъ заглохъ; туда ходили за грибами, за печерицами, за ягодами, за плодами, за кирпичами. Тамъ всегда дѣти собирались играть; хозяйева отводили туда пастись своихъ коровъ и воловъ.

Недалеко отъ этого мѣста стоялъ бѣленькій домикъ въ три окошечка на улицу; ворота были новенькія, дворикъ зеленый. Посередѣ двора стояла старая, мелколистая груша; съ другой стороны домика зеленѣлъ и цвѣлъ садъ. Тутъ жила старушка Крашовка, Марѳа Петровна.

Отецъ ея былъ изъ казаковъ, ходилъ на Донъ, разбогатѣлъ, женился на красавицѣ, на донской казачкѣ; вышелъ въ купцы, да купецъ—то изъ него былъ неудалый. Не то чтобы самому зазывать въ лавку, а придетъ кто—такъ онъ едва глянетъ. Запрашивать онъ никогда не запрашивалъ, да и не уступалъ никогда. Что стоитъ?—Рубль. Покупщикъ радъ, что дешево, хочеть еще дешевле: бери полъ—рубля.—И это деньги, да не мои. Бери—75 копѣекъ!—И это деньги да не мои. А послѣ трехъ разъ и говорить больше не станеть. Зачастую покупщикъ обидится и уйдетъ — «мнѣ и даромъ отъ такого купца не надо»!

Сталъ онъ бѣднѣть. Тутъ у него жена умерла, дочь ему оставила, Марѳу Петровну.

Онъ загоревалъ крѣпко, совсѣмъ обѣднѣлъ и умеръ; умирая, говорятъ, онъ далъ дочери завѣтъ сходить на Тамань. Кто его знаетъ, былъ ли точно завѣтъ такой, только Марѳа Петровна на Тамань сходила. Еще живы люди, что помнятъ, какъ она вышла изъ городу. Осенью это было. Яснымъ временемъ вышла она въ черной кожушаночкѣ и съ красной лентой на головѣ и помнятъ, какъ черезъ полтора года она воротилась такая же привѣтливая, снокойная и бодрая, какъ и пошла. «Ходила» говорить «на Тамань, повидалась съ дядей; дядя хорошо тамъ живетъ; семьей завелся».

Марѳа Петровна пріютилась у своей дальней родни—жила тихо, работала много, а черезъ два года послѣ того замужъ вышла. Мужъ ея былъ полковничьяго роду, не бѣденъ, молодъ и хорошъ изъ себя. Стращали Марѳу Петровну, что онъ нравомъ сердитъ, да она или не повѣрила, или не побоялась—пошла за него и жили они очень хорошо. У нихъ

родился сынъ; еще этому сыну году не вышло—случилось несчастье. Крашовка повздорилъ съ сосѣдомъ на охотѣ, сосѣдъ то былъ того же поля ягода; не долго думавши, прицѣлили другъ въ друга и выстрѣлили. Крашовка живъ и невредимъ остался, а сосѣдъ на повалъ убитъ былъ. Крашовку долго судили; осудили и сослали. Рядомъ съ нимъ пошла въ ссылку и Марѳа Петровна съ сыномъ на рукахъ. Ужъ, какъ говорятъ, уговаривалъ, упрашивалъ Крашовка: «воротись!» не воротилась. И шли они вмѣстѣ, дружно и мальчика своего несли; то тотъ понесетъ, то другой. И то-сковалъ только одинъ Крашовка.

Богъ ихъ знаетъ, какъ тамъ въ ссылкѣ прожили. Черезъ нять лѣтъ Марѳа Петровна воротилась вдовою, съ сыномъ. Родня ея перемерла вся, и одна тетка передъ смертью от-казала ей домикъ и пожитки. Марѳа Петровна вошла въ этотъ домикъ, стала жить, и понемножку связала концы съ концами. Сынокъ ея Гриша славный былъ мальчикъ, казакъ настоящій. Учиться онъ былъ охотникъ. Сперва учился у дядька, потомъ сталъ проситься въ губернію на учење. Марѳа Петровна его туда отвезла и по году не видала; лѣтомъ только онъ приѣзжалъ. За то лѣто бывало краше.

Сынъ выучился, выросъ; говорили старушки, старожилки, что такъ и вышелъ онъ въ своего прадѣда полковника.

Сынъ пошелъ въ домъ къ какому-то помѣщику дѣтей учить. Марѳа Петровна жила въ своемъ домикѣ. Марѳа Петровна была старушка ласковая, тихая, спокойная. Комнатки свѣтленькія у нея, и пахло въ нихъ разными сухими душистыми травами, а въ окна пахло свѣжими цвѣтами изъ саду. У ней стулья плетеные, камышевые, а столы подъ узорными скатертями. Въ одной комнаткѣ стоялъ кожаный темный диванъ, въ другой стѣнные часы съ кукушкой, въ третьей комнаткѣ кровать и маленькая кроватка. Всѣхъ три комнатки и было. Надъ кроваткой висѣла шапочка сѣрая, смушевая и въ уголку стояла повозочка на трехъ колесахъ; на столѣ корзиночка съ нитками, съ клубочками шерсти и тамъ же лежалъ красненькій мячикъ, точно надо было его тоже всегда подъ рукой имѣть. У изголовья на столикѣ лежали письма отъ Гриши.

О прошломъ Марѳа Петровна никогда не говорила, на прошлое никогда не жаловалась. Часто ее спрашивали, тяжело ли ей было, жалѣли, что такъ горько молодые ея годы прошли,—Марѳа Петровна слушаетъ, слушаетъ и проговариваетъ: «Да, прошло все!» точно прошло милое время, точно ей жаль прошлаго. Съ Марѳой Петровной жила молодая дѣвушка Мелася,—дѣвушка очень хорошенькая и на видъ тихоня, да измѣняли ей ея глаза: лукавые, любопытные, быстрые глаза. Она видно и сама это знала, потому что то и дѣло вздыхала, все пригорюнивалась; глядѣла вверхъ, или внизъ, или въ сторону, никогда не глядѣла прямо. Стоитъ бывало этакъ, иной подумаетъ молитвы читаетъ на память; по стукни, зашуми что нибудь на улицѣ—стрѣла не вылетѣла бы быстрѣй Меласи за ворота, ловче не пробилась бы въ толпу.

Сюда-то Настя часто ходила и просиживала тутъ дни и вечера. Такіе тихіе дни и вечера!

Марѳа Петровна работаетъ; Настя и Мелася тоже работаютъ. Говорятъ мало, за то мыслями гдѣ не летаютъ! Вдругъ Настя скажетъ: «какіе у меня братишки были милые, Марѳа Петровна, еслибы они пожили на свѣтѣ!»

— Расскажи-ка ты мнѣ про нихъ еще что нибудь, Настя! просить Марѳа Петровна.

Настя станетъ вспоминать, рассказывать. Мелася спрашиваетъ котораго она брата больше любила; вспоминаетъ своего меньшаго—крикуна, и старшаго—молодца, и какъ за ея брата поповна хотѣла выдти замужъ, и какая была эта поповна, и какая мать у ней, и родня, и что за село гдѣ она жила, и что тамъ за обычаи. Мелася слышала, говорятъ, что будетъ зима теплая этого году.

— Наша зима еще слава Богу, отвѣчаетъ Марѳа Петровна, а вотъ есть края, гдѣ зима очень холодна.

— Гдѣ же? спрашиваетъ Мелася.

— Много тамъ людей мерзнетъ?

Марѳа Петровна рассказываетъ, какіе высокіе сугробы снѣжные, какіе льды бываютъ тамъ въ холодныхъ краяхъ, и какъ хорошо въ лютый холодъ огонекъ развести.

Ужь поздно. Настя прощается. Пора домой, а идти не хочется.

Марѳа Петровна зоветъ ее: приди опять поскорѣй, да побудь опять подольше. Мелася идетъ ее провожать. Всякій разъ Мелася говоритъ, что она всего вечеромъ въ темнотѣ боится, и собакъ, и людей, и мертвецовъ, а все-таки по улицѣ идя, она въ каждую ставенную щелочку заглядываетъ, забѣгаетъ въ сады за цвѣтами на вѣнокъ, догоняетъ всякаго встрѣчнаго—узнать, кто такой и куда идетъ. И Настя заглядываетъ въ ставенную щелочку и Настя забѣгаетъ въ садъ за цвѣтами, отъ встрѣчныхъ она сторонится.

— Прощайте, Настасья Михайловна, доброй ночи!

— Прощай Мелася, доброй ночи!

— Приходите къ намъ поскорѣй. Смотрите, не медлите долго!

— Приду, приду!

Настя стучится въ калитку, калитка отворяется, ее встрѣчаютъ. Кто пѣняетъ, что запоздала такъ, кто спрашиваетъ, не надо ли ей чего, кто рассказываетъ, что безъ нея гость такой-то былъ, а кто говоритъ что оскучилъ по ней.

Расходятся спать. Настя одна въ своей комнаткѣ. Она Богу молится, стоитъ на колѣняхъ. Потомъ она занемаетъ на ночь свои длинныя косы. Иногда она сядетъ, подумаетъ а послѣ думъ иногда улыбнется, иногда вздохнетъ и загаситъ свѣчу. Иногда загасивши свѣчу, сядетъ къ окну и долго сидитъ тихо, словно прислушивается къ чему-то, потомъ тихо встанетъ и тихо уляжется въ постель.

А Мелася, проводивши Настю, бѣжитъ домой и всегда встрѣтитъ Василя, сосѣдскаго работника. Василь красивый такой человекъ, черноусый, чернобровый, ходитъ въ вышитой-разшитой сорочкѣ, въ синихъ шароварахъ, свитку накидываетъ на правое плечо, и кажется онъ не колдунъ, а всегда знаетъ гдѣ Меласю встрѣтитъ. Встрѣтятся и остановятся. Ужь Василь говоритъ, говоритъ, ужь Мелася щебечетъ, щебечетъ.

— Мелася, что такъ поздно? спрашиваетъ Марѳа Петровна.

— А вы думаете ближній это свѣтъ! говоритъ Мелася.

Идешь, идешь, идешь... да еще страхъ на тебя такой нападетъ! испугаешься.

— Чего жъ пугаться, Мелася?

— Чего? ахъ, Боже мой! Боже мой единый! А вѣдьмы? А мертвецы? А злые люди? А бѣшенныя собаки? А вовкулака? А упыри? А...

— Что ты это, Мелася, что ты, голубка! Наше мѣсто свято! говоритъ Марѳа Петровна и крестится.

Мелася вздыхаетъ и себѣ крестится.

— Ну, пора спать, Мелася. Городъ-то давнымъ-давно утихъ, всё послули. Нигдѣ огонь не свѣтится.

— А какъ же не послуть? Давно, давно пора. Мы только полуночники, отвѣчаетъ Мелася, будто хочетъ сказать: что жъ дѣлать, такая наша доля!

Гасится огонекъ и все въ домикѣ темнѣетъ и утихаетъ.

— Что ты не весела, Настя? спросила Марѳа Петровна въ одинъ день.

А Настя въ этотъ день такая была нахмуренная.

— Какое у тебя горе, Настя?

— Да все мнѣ жужжать въ уши, что пора замужъ, пора замужъ, пора замужъ! Не хочу я замужъ!

— Или новый женихъ нашелся?

— Знаете Данила Самойловича Копыту?

— Знаю, Настя, видала.

— Такое пугало! вотъ онъ придетъ, сядетъ съ Павлою Андреевной—шу-шу-шу-шу, а послѣ того она мнѣ и поетъ: Настя, тебѣ пора замужъ! Къ тебѣ бархатъ пристанетъ, Настя! Тебѣ всё завидовать стануть, Настя! Ты надъ всѣми засіяешь, какъ солнце, Настя! А что если Данило Самойловичъ за тебя посватается? Какой чудесный человекъ, Настя!

— А Данило Самойловичъ?

Сталь рѣже ходить къ намъ. Со мной встрѣтится, только поклонится и поглядитъ—онъ нехорошо глядитъ. Нехорошіе у него глаза. Теперь еще хуже онъ сталь, точно кого убить собираетъ.

— А Эрастъ Антиповичъ что?

— Онъ ничего. Разъ спросилъ у меня: Настя, ты замужъ собралась?

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю. Онъ засмѣялся только. А я за Копыту не пойду, сули онъ горы золотыя, не пойду за него, не пойду!

— Да на что жъ тебѣ горы золотыя, Настя? Сказала Марѳа Петровна.

— Не надо мнѣ! не надо мнѣ его богатства!

— Не надо, Настя. Наиграешься золотомъ, мое дитя, оглянешься и жутко станеть.

Мелася вдругъ словно выросла изъ-подъ полу.

— Какъ же можно за нелюба идти? заговорила она. Да лучше въ землю пойдти! Этотъ Копыта старый, какъ свѣтъ, а страшный, какъ домовой, а скупой, какъ жидъ... Развѣ у васъ другихъ жениховъ нѣту? Есть молодые, хорошіе...

— Я ни за кого не хочу, сказала Настя.

— Да бѣда что ли, если подождете? Дѣвушка не мамла, не опадеть. Иныя ждуть, ждуть... говорила Мелася.

— А какого бы ты себѣ жениха желала, Настя? спросила Марѳа Петровна.

— Не знаю.

— Да вѣдь ты думала, небось, объ этомъ?

— Думала. Я бы желала хорошаго...

— Конечно, хорошаго, подхватила Мелася, хорошаго, молодого.

— А чѣмъ тебѣ полюбится? спросила Марѳа Петровна.

— Да я не знаю, отвѣчала ей Настя. Чтобы хорошъ былъ...

— А конечно хорошъ, сказала Мелася.

— Хорошій понравится и полюбится.

Однимъ вечеромъ Настя постучалась къ Марѳѣ Петровнѣ; ей двери отворилъ высокій, молодой, пригожій человѣкъ и посвѣтилъ ей свѣчкой. Настя остановилась, на него поглядѣла, а онъ на нее. Подумалъ онъ, что никогда еще ему не приводилось видѣть такой милой дѣвушки, а она подумала, что еще никогда она не встрѣчала такого человѣка, никогда еще не глядѣли на нее такіе чудесные глаза.

— А кто тамъ пришелъ? спросила Марѳа Петровна выходя.

— Настя пришла! Иди, Настя, иди! у насъ гость. Не ждали его, не чаяли, а онъ пріѣхалъ. Пріѣхалъ мой казакъ!

Всѣ вошли въ комнатку и сѣли.

Настя сѣла подлѣ Марѣы Петровны; пріѣзжій сѣлъ противъ Насти.

Марѣа Петровна сидѣла безъ работы. Лице ея поблѣднѣло немножко, а губы улыбались, а на глазахъ слезы блестѣли. Сынъ пріѣхалъ—вотъ онъ тутъ; она его видитъ и слышитъ.

Настя взялась было за работу.

— Полно, Настя, сегодня не работай, сказала Марѣа Петровна, сегодня у насъ праздникъ.

Настя сложила работу.

Пришла Мелася съ бѣлымъ хлѣбомъ, съ виномъ. Всѣ стали хлопотать: стали столъ накрывать, больше свѣчей зажигать, чайныя чашки разставлять. Всѣмъ было очень хорошо, у всѣхъ было какъ-то празднично на душѣ. Мелася надѣла на голову вѣнокъ изъ краснаго маку, перестала глядѣть внизъ и вверхъ, а прямо глядѣла на молодого хозяина. На него же глядѣла и Настя. А Марѣа Петровна съ него и глазъ не спускала. Ему ли не хорошо было? Вотъ знакомая комнатка, гдѣ мальчикомъ онъ засыпалъ подъ тихія пѣсни; вотъ милое материнское лицо—слава Богу! она еще свѣжа и бодра; а вотъ незнакомое лицо и такое молодое и прелестное! А вотъ другое—нельзя сдержатъ улыбки при взглядѣ на него, такое веселое и лукавое!

Вечеръ теплый, темный; мѣсяца нѣтъ, только звѣзды мерцаютъ. Какъ разросся садъ! Розовыя кусты живы, запахъ ихъ слышенъ, хотя ихъ самыхъ и не видно за черемуховыми вѣтками, что лѣзутъ въ окно; черемуха выросла безъ молодого хозяина—онъ теперь смотритъ на нее и думаетъ: это новая, это безъ меня, и ему приходитъ мысль, что всякому приходила, кто воротится на родныя мѣста: а давно ли?...

Марѣа Петровна рассказывала сыну о старыхъ знакомыхъ, о новыхъ домахъ, что выстроились безъ него, о слухахъ, какіе носятя. Онъ слушалъ, изрѣдка о томъ, о другомъ

самъ спрашивалъ. Мелася уходила, приходила и на ходу новости рассказывала, совѣты давала, предостерегала.

Вы побывайте у пана Луски, говорила она, у него даже медвѣдь на цѣпи есть. Онъ свою дочь просваталъ на чужую сторону куда-то; такой безжалостный этотъ Луска! А вотъ прибѣжить къ вамъ паничъ Шора—вы съ нимъ дружбы не заводите...

Настя говорила немного, она больше слушала. Какъ-то къ разговору она спросила:

— Вы на долго пріѣхали, Григорій Гавриловичъ?

Марѳа Петровна легко вздохнула, у ней ужъ отлегло отъ сердца—она уже знала, что останется долго.

— На долго, отвѣчалъ Григорій Гавриловичъ.

— У насъ страхъ, какъ весело, сказала Мелася.

— Очень весело у васъ? спросилъ Григорій Гавриловичъ Настю, чудное дѣло! У Насти на сердцѣ вдругъ стало какъ-то тихо, грустно, смиренно—она ему отвѣчала: не очень!

— И не скучались мы, сказала Марѳа Петровна, нечего Бога гнѣвить понапрасну. Я-то теперь почти никуда не выхожу изъ дому, рѣдко, рѣдко... и ко мнѣ часто ходитъ только одна Настя... придетъ и пощебечетъ у меня.

Григорій Гавриловичъ поглядѣлъ на Настю.

Поздно кончился этотъ вечеръ. Пора Настѣ домой; она прощается.

— Я васъ до дому провожу, говоритъ ей Григорій Гавриловичъ.

— Проводи, Гриша, проводи, говоритъ Марѳа Петровна, а то Мелася всегда боится одна ворочаться.

— А конечно страшно! говоритъ Мелася.

Григорій Гавриловичъ хочетъ провожать Настю. Онъ вышелъ съ нею за ворота и оглянулся во всѣ стороны.

— Вы не знаете дороги? сказала Настя.

— Безъ меня все перестроено, перепутано,—пожалуй, не найду.

— Ничего, я знаю. Недалеко.

Правда, что было недалеко, но шли они долго—таки. Остановливались, смотрѣли на заброшенный Хорошаевскій

дворъ и прошли Хорошаевскимъ садомъ къ дому Малимоновыхъ.

— Что вы такъ запоздали, панычка? спросила Хима. Всѣ уже спать въ домѣ. Пани сердилась. Данило Самойловичъ цѣлый вечеръ у насъ сидѣлъ. Весело тамъ вамъ было у старушки-то? Вы, кажись, устали. Почивайте. Хорошая вамъ ночь!

Настя вдругъ обернулась, обняла Химу, поцѣловала и сказала—добрая ночь!

— Голубушка моя! Не надо ли вамъ чего нибудь? спросила Хима.

Настя улыбнулась и покачала головкой. Хима ушла.

Настя легла спать. Она въ самомъ дѣлѣ устала отчего-то и ее сонъ клонилъ; но не крѣпко ей спалось. Только она засыпала—ее точно будилъ кто, вдругъ просыпалась. Къ утру она крѣпче уснула.

— А ты вѣрно заблудился по городу-то? спросила Марѳа Петровна сына.

Онъ взялъ ея руки и поцѣловалъ, и сѣлъ около нея.

— Или сонъ не клонить? спросила Марѳа Петровна.

— Нѣтъ. Какая ночь тихая и теплая.

— Ночи лѣтнія славныя.

Они перешли ближе къ открытому окошку.

— Ты писалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, а все лучше изъ живыхъ твоихъ устъ послушать, каково тебѣ жилось, Гриша?

— Жилось.

— И горе бывало?

— Бывало.

— Не великое?

— Нѣтъ, великаго не было.

— Что-жъ ты теперь думаешь? Отдохнуть?

— Отдохну. А пока—мѣсто найдется.

— Отдохни, дитя мое, отдохни.

На другой день черноусый Василь рассказывалъ людямъ что къ сосѣдкѣ Крашовкѣ сынъ приѣхалъ на житье, былъ онъ у важнаго пана въ учителяхъ, училъ дѣтей. Вдругъ важный панъ возьми да умри скоропостижно—пани сейчасъ

къ своимъ роднымъ въ столицу съ дѣтьми, а Григорій Гавриловичъ сюда, къ намъ. И очень хорошій, и добрый человекъ Григорій Гавриловичъ.

IV.

— Какъ вы съ Настасьей Михайловной познакомились? спрашивалъ Григорій Гавриловичъ у матери.

— Прежде на улицѣ встрѣчались, я спрашиваю: чья это хорошенькая? Узнаю—Малимоновская сиротка. Разъ у все-нощной вижу, она одна въ уголку молится, молится... Выходитъ народъ изъ церкви—она послѣ всѣхъ и важная такая идетъ, тихая; въ дверяхъ меня толкнула, подняла глаза и проситъ прощенья. Слово за слово, слово за слово разговорились. Дошли вмѣстѣ до дому. Я къ вамъ зайду, говоритъ она. Очень я рада. Зашла ко мнѣ. Она еще дорогой улыбаться начала, а пришла ко мнѣ, какъ защебечетъ, какъ зарѣзвится! И пѣла она, и танцевала она. Съ той поры и стала ходить ко мнѣ часто.

— А вы къ ней часто ходили?

— Нѣтъ, очень рѣдко. Малимонова мнѣ не землячка и не ровня.

— Что жъ она горда очень?

— Не такъ горда какъ привередлива. Одинъ разъ придешь къ ней—незнаетъ гдѣ тебя посадить, чѣмъ тебя угостить, ласкаетъ, безъ умолку разговариваетъ; а въ другой разъ придешь, она только тебя слушаетъ да обмахивается платкомъ—ни вопроса тебѣ, ни отвѣта; развѣ только промолвить: а! Впрочемъ, женщина не злая и милостивая къ бѣднымъ.

— А Малимоновъ?

— Онъ ровнѣй ея. Всегда спроситъ о здоровьи.

— А какво житье у нихъ Настасьѣ Михайловнѣ?

— Они оба ее любятъ.

— Хорошо ей у нихъ?

— Хорошо, не обижаютъ.

— Она никогда не жаловалась?

— Нѣтъ, не жаловалась. Рассказываетъ, то-то и то-то вышло, то-то и то-то было, да рассказываетъ безъ жалобы, такъ. На нее разсердятся—она сама на нихъ разсердится, знаешь, ровные счеты. А тебя-то какъ встрѣтили они?

— Хорошо встрѣтили.

— У ней бывають вечеринки; гостей много наѣзжаетъ.

— Частые гости?

— Частые. Молодежи много—Настины женихи.

— Кто жъ такіе?

— Не перечесть ихъ всѣхъ. Шосточка, Чаровскій...начала было считать Марѳа Петровна.

— А Настасья Михайловна, что?

— Ни за кого не хочетъ. Не хочу, говорить, ни за кого изъ нихъ не пойду.

Въ другой разъ Григорій Гавриловичъ спросилъ у матери.

— Вы все говорите о Копытѣ, что это за Копыта?

— Здѣшній помѣщикъ, богачъ. Малимонова за него Настю прочить, вотъ мы съ Настей и говоримъ о немъ.

— Что онъ за человѣкъ?

— Недобрый, говорятъ, старъ, скупъ, немилостивъ.

— Трудно уговаривать Настасью Михайловну за него идти?

— Гдѣ тамъ уговаривать! Она, даромъ что молоденькая, а своимъ разумомъ живетъ и своей волею: нѣжна, что цвѣтокъ, а крѣпка, что замокъ.

Григорій Гавриловичъ стоялъ у окна; передъ окномъ, передъ его глазами, цвѣли цвѣты; онъ долго смотрѣлъ на нихъ, о чемъ-то думалъ; не разъ онъ чуть-чуть улыбнулся; не разъ онъ чуть-чуть нахмурился.

— Знаете ли, кого я видѣла? сказала Мелася—она вбѣжала въ поныхахъ въ комнату—я видѣла Копыту!

— Гдѣ жъ ты его видѣла, Мелася? спросила Марѳа Петровна.

Настя тогда сидѣла тутъ же, шила; она только подняла глаза на вѣстовщицу разсѣянно, не спросила ее ни о чемъ.

Григорій Гавриловичъ тоже здѣсь сидѣлъ поодаль; онъ читалъ какую-то книгу и слушалъ, что говоритъ Мелася.

— Я встрѣтила его на улицѣ, говорила Мелася. Захожу въ лавку за сахаромъ, и онъ за мной слѣдомъ заходитъ. Купцы сейчасъ къ нему, словно пули, летятъ, кланяются, спрашиваютъ, товаръ хвалятъ; онъ покупалъ что-то въ коробочкѣ, лакомство какое-то, а я стою, жду да гляжу. Даютъ ему сдачу. Господи мой добрый! такъ онъ и кидается на каждую копѣчку, какъ пѣтухъ на ячменное зернышко... Одну серебряную *сороковку* взялъ, оглядѣлъ и не спряталъ, а въ кулакъ зажалъ, зажалъ ажно запищали и посмотрѣлъ на меня—такіе у него глаза нехорошіе! Я купила сахару, иду, а онъ меня нагоняетъ, спрашиваетъ: ты, дѣвушка, у пани Крашовки служишь?—Конечно, у пани Крашовки, говорю. Здорова ли она?

— Конечно, здорова, говорю.—Такая она добрая!—Конечно, добрая, говорю.—Тебѣ вѣрно жить у ней хорошо?—Конечно, хорошо, говорю.—Слышно, къ ней сынъ пріѣхалъ.—Конечно, пріѣхалъ, говорю.—Слышно, что сынъ у ней красивый такой?—Конечно, красивый, говорю, да прибавляю и мо-ло-дой. Молодой что барвинокъ! Ахъ, мое лихо! я думала, что онъ меня такъ и разорветъ на часточки за это слово. Такъ его и повело, и повело... Я отъ него скорѣй. Пстой, пстой, погоди, говоритъ, ты славная дѣвушка такая, а бѣдная, на вотъ тебѣ! Даетъ мнѣ серебряную сороковку. Берегите для иныхъ, говорю ему, я не бѣдная, это бѣдный *тотъ*, потому что у него души нѣту... да поскорѣе побѣжала отъ него.

Марѳа Петровна одна ее, кажись, слушала; покрайней мѣрѣ она одна взглядывала на нее и усмѣхалась.

— А знаете, куда онъ купленное лакомство понесъ? спросила Мелася. Прямо къ вамъ, Настасья Михайловна, я сама видѣла.

Мелася подождала, что ей Настя на это скажетъ. Настя ничего ей не сказала, шила. Мелася поглядѣла, поглядѣла на Настю и ушла.

Марѳа Петровна тоже на Настю посмотрѣла. Григорій Гавриловичъ съ нея глазъ не сводилъ.

— Настя, ты что-то скучать стала, а? спросила Марѳа Петровна.

Настя подняла на нее глаза и точно не слыхала сказанных словъ, улыбнулась. И взглядъ, и улыбка у ней были разсѣянные.

— Или тебѣ стали очень докучать этимъ сватаньемъ? спросила еще Марѳа Петровна.

— Докучаютъ, отвѣтила Настя. Она оперлась на локотокъ и хотѣла было задуматься, да нечаянно встрѣтилась глазами съ Григоріемъ Гавриловичемъ и вспыхнула румянцемъ.

— Онъ ужъ посватался? спрашивала Марѳа Петровна. Съ тобой онъ говорилъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Настя.

— Ты не печалься, Настя, сказала ей Марѳа Петровна.

— А Настя вдругъ очень запечалилась. Печальная посидѣла еще немножко у нихъ и ушла домой. Какъ ни упрасивала ее Марѳа Петровна: останься, Настя, останься! Она не осталась,—ушла.

Настя съ каждымъ днемъ умолкала и утихала; никого она не поднимала теперь на смѣхъ, не смѣялась почти, блескъ пропалъ въ ея глазахъ, пропала ея рѣзвость; голосъ у ней сталъ такой тихій, точно отъ роду не звенѣлъ въ спорахъ и не заливался веселыми пѣснями.

А Григорій Гавриловичъ съ каждымъ днемъ становился тревожнѣе. Онъ бросилъ книги читать, повадился ходить далеко за городъ на охоту.

Марѳа Петровна иногда о чемъ-то раздумывать стала въ одиночку, точно она чуяла, что недалеко смуты и огорченья; она какъ будто съ ними въ мысляхъ знакомилась.

Мелася, кажись, ничего не думала. А вотъ черноусый Василь говорилъ, что еслибы молодой Крашовка да женился на Малимоновской сироткѣ, такъ лучше бы этого ничего на бѣломъ свѣтѣ не было.

Григорій Гавриловичъ и Настя рѣдко и мало между собою говорили; казалось, что они собираются что-то сказать другъ другу и тогда ужъ до сыта наговориться. Наединѣ они бывали только вечерами, когда Григорій Гавриловичъ провожалъ Настю домой. Блаженное это было время имъ!

Ночи звѣдныя, теплыя, украинскія; городъ заснулъ—они идутъ рядомъ по тихимъ улицамъ; никакого шума, только соловьи поютъ, да сады шелестятъ. И когда послѣ они сами съ собою раздумываютъ, разгораются, память такого вечера думы ихъ развеселяла, ихъ тоску умирала.

— У нея богатые женихи будутъ, а я бѣденъ. Я ее люблю... Братъ ли мнѣ ее за себя на трудную, убогую жизнь? думалъ Григорій Гавриловичъ.

— Любитъ ли онъ меня много! Возьметъ ли за себя? Любитъ ли онъ меня, какъ я его? думала Настя. И смутно, и тяжело на сердцѣ; вспомнятся вечерніе проводы, теплая ночь, соловьиныя пѣсни, шелестящіе сады, два-три тихихъ слова и на сердцѣ легче, легче...

У Малимоновыхъ былъ вечеръ. Весь дворъ ихъ былъ уставленъ колясками, бричками, дрожками. У воротъ горѣли два фонаря. Домъ ихъ ярко свѣтился всѣми освѣщенными окнами среди темныхъ улицъ. Гостей съѣхалось много. Разряженные важныя пани важно сложили руки, важно сидѣли и важно разговаривали; разряженные и ловкія панночки ходили парочками, шептались и улыбались; пожилые люди сѣли за карточные столы; молодые люди стояли кучками у дверей, у оконъ, по угламъ, смотрѣли по сторонамъ, а иные смотрѣли только въ одну сторону. Павла Андреевна заметала за собой своимъ пышнымъ платьемъ, обмахивалась платкомъ и всѣмъ жаловалась на жаръ. Эрастъ Антиповичъ сидѣлъ между игроками. Настя ходила между панночками. Вечеръ шель своимъ порядкомъ—что дальше, то живѣй. Пани заговорили шумнѣй; за картами спорили громче; панночки смѣшались съ молодыми людьми, смѣялись, болтали, играли въ разныя игры. Среди этого шума, среди гостей, говору, смѣху и веселости Настя садилась гдѣнибудь и тихо сидѣла. Жутко и сладко ей было встрѣтиться глазами съ Григоріемъ Гавриловичемъ. Какъ ей стало все скучно и немило кругомъ, когда онъ ей сказалъ: вамъ, кажется, очень весело! И какъ все посвѣтлѣло и получшалось кругомъ, когда онъ ей сказалъ: вы что-то скучны? Какъ они послѣ этого поглядѣли другъ на друга—и оба поблѣднѣли, и оба были счастливы!

*

Григорій Гавриловичъ стоялъ и разговаривалъ съ своимъ давнимъ знакомымъ и школьнымъ товарищемъ, съ Иваномъ Савичемъ Лепехою.

— То ли дѣло дѣтскіе-то годы! говорилъ Иванъ Савичъ, то ли дѣло! Никакого горя и въ заводѣ тогда не было!

— А теперь у тебя есть горе? спросилъ Григорій Гавриловичъ.

— А ты думаешь нѣту? Есть горе, Гриша, есть!

— Какое? Откуда?

— Вѣстимо какое и вѣстимо откуда. Отъ кого все горе на свѣтѣ? Отъ дѣвушекъ! и мое горе отъ дѣвушки.

— А! сказалъ Григорій Гавриловичъ и обернулся, и поглядѣлъ пріятелю своему въ глаза и въ лицо пристально. Горе видно его не сушило: щеки у него были румяныя и круглыя такія, глаза у него не потускнѣли—живо глядѣли изъ подъ широкихъ, черныхъ бровей.

— Да, да! говорилъ Иванъ Савичъ, изъ ума не выходить у меня моя дѣвушка! Бѣсть и пить мнѣ мѣшаетъ, спокойно мнѣ спать не даетъ, Гриша. Бѣда, да и только мнѣ съ нею!

Въ это время Настя мимо ихъ проходила.

— Проходитъ ли она мимо, а мое сердце за ней слѣдомъ; мое сердце такъ и мретъ! говорилъ Иванъ Савичъ.

Проходя мимо, Настя взглянула на Григорія Гавриловича, а Ивана Савича она не видала.

— На всякаго другаго она взглянетъ, а на меня нѣтъ! говорилъ Иванъ Савичъ. Она меня не любитъ совсѣмъ, а пройди только она мимо—сердце мое за ней слѣдомъ, Гриша!

— Ты очень ее любишь? Безъ шутокъ? спросилъ Григорій Гавриловичъ. Кто же она такая? Очень любишь? Безъ шутокъ?

— Какія шутки! Это лихо, а не шутка!

— Покажи мнѣ ее. Гдѣ она здѣсь?

Иванъ Савичъ только вздохнулъ. Къ нимъ тогда подошли три панночки и спросили, о чемъ у нихъ рѣчь идетъ?

— Обо всемъ понемножку, отвѣтили панночкамъ Иванъ Савичъ.

— Скажите намъ о чемъ? повторяли панночки.

— Всего нельзя говорить—у насъ есть и тайны, говорилъ Иванъ Савичъ.

— Скажите! Скажите! приставали нанночки. Подошли еще другія. Поднялся шумъ, смѣхъ; пошли разные разговоры.

Когда разносили варенья и конфеты по комнатамъ, ланкомки припали къ подносамъ, а кому хотѣлось словцо перемолвить, уллучили тогда времечко и перемодвили словцо съ кѣмъ хотѣлось.

Тогда Григорій Гавриловичъ и Настя очутились вмѣстѣ у окна. Они стояли близко другъ подлѣ друга и тихо разговаривали. Вдругъ Настя взрогнула и отвернула лицо. Григорій Гавриловичъ оглянулся и увидалъ въ углу чье-то блѣдное лицо, словно мертвое, искаженное, — и нехорошіе глаза прямо глядѣли на нихъ.

— Кто это такъ смотритъ на носъ? спросилъ Григорій Гавриловичъ у Насти.

— Копыта, отвѣчала ему Настя.

Послѣ этаго, какъ они ни сойдутся вмѣстѣ — блѣдное, искаженное лицо съ злыми глазами глядитъ на нихъ и слѣдить за ними изъ какого нибудь угла.

Павла Андреевна, ходя и замѣтая своимъ пышнымъ платьемъ, вдругъ остановилась—увидала Копыту.

— А я васъ давно ищущу, давнымъ давно, Данило Самойловичъ, сказала она. Что это вы сидите въ уголку? Да что съ вами? вдругъ спросила она. Ахъ, Боже мой!

— Тише, тише! отвѣчалъ ей Данило Самойловичъ. Кто этотъ черноволосый, молодой—вонъ тамъ стоитъ, въ окно глядитъ... Это Крашовка?

— Да, Крашовка, Данило Самойловичъ, а вы его не знаете еще?

— Тише... Тише... Я завтра приду къ вамъ. Тише... Надо рѣшить скорѣе... Завтра я къ вамъ приду... Да, завтра... Тише.

Данило Самойловичъ ушелъ отъ нея; другіе гости подошли. Искала его послѣ Павла Андреевна, но его нигдѣ не было. Онъ вѣрно ушелъ домой.

Данило Самойловичъ не домой пошелъ. Онъ ходилъ около

Малимоновскаго дома и заглядывалъ въ окна. Глаза его зорко искали Настю и Григорія Гавриловича; онъ съ мученіемъ и съ тоской слѣдилъ, какъ они и разное были да видѣли другъ друга, какъ они радостно сходились вмѣстѣ и говорили. Онъ все видѣлъ, и улыбки—и взгляды ихъ, и счастье, и молодость ихъ, и красоту. Видѣть это было ему невыносимо; а когда онъ изъ виду ихъ терялъ, словно еще невыносимѣй; онъ бѣгалъ отъ окна къ окну, пока не находилъ ихъ опять, опять отбѣгалъ отъ оконъ въ темную улицу,—убѣгалъ, а страсть его туда же снова приводила, и онъ снова ихъ искалъ, снова находилъ, снова глядѣлъ на нихъ.

Была еще одна душа, что слѣдила украдкой за Настей и за Григорьемъ Гавриловичемъ: Иванъ Савичъ Лепеха слѣдилъ за ними и не разъ вздохнулъ, не разъ сердце у него сжалось, сжалось... Однако онъ разговаривалъ, смѣялся, и за смѣхомъ, за разговоромъ никто не замѣтилъ, что онъ немножко измѣнился въ лицѣ.

Данило Самойловичъ все лодь окнами. Гости начали разбѣжаться съ вечера, стучать колеса, выѣзжая со двора; въ комнатахъ быстро рѣдѣютъ люди. Крашовка тутъ еще. Вотъ уже въ одной, а вотъ въ двухъ комнатахъ погасли свѣчи. Павла Андреевна проходитъ, зѣваетъ; Эрастъ Антиповичъ рассчитывается съ двумя послѣдними гостями у зеленого столика—Крашовка все тутъ. Она ходитъ по комнатѣ, оглядывается—онъ ждетъ ее. Она вѣрно общала ему еще поговорить. Въ комнатѣ все темнѣетъ; свѣчи все гаснутъ. Вотъ она вошла. Какое у ней нѣжное лицо! И какъ она глядитъ на него! Какъ она его любитъ.

Не помня себя, Данило Самойловичъ бросился отъ окна, какъ ужаленный; потомъ опять бросился къ окну и ударилъ въ раму—стекла зазвенѣли. Онъ слышалъ, какъ Настя вскрикнула, видѣлъ какъ вбѣжали другіе и комната полутемнѣвшая освѣтилась огнями; какъ толпились у окна, высылали людей на улицу съ фонарями. Онъ притаился. Когда все утихло, онъ опять подкрался къ окну, они опять вмѣстѣ и опять говорятъ и глядятъ другъ на друга!

Наконецъ всё, всё ушли—ушелъ Крашовка. Домъ со-
всѣмъ потемнѣлъ и утихъ.

Данило Самойловичъ пришелъ домой и сталъ стучаться. Ему отворила двери худая старуха съ тонкой свѣчой въ рукѣ. Данило Самойловичъ оттолкнулъ ее со свѣчою, вошелъ въ свою комнату и сѣлъ у стола.

Ужъ разсвѣтать стало. Осенній холодный разсвѣтъ; солнце воходить, свѣтитъ, а не грѣеть, не живить; все кругомъ повяло, все тихо кругомъ.

Данило Самойловичъ сидѣлъ измученный; каждая морщина поглубжѣла у него на лицѣ; изъ злыхъ его глазъ слезы такъ вдругъ и полились, полились. Онъ склонился сѣдою головой на столъ—вырвались рыданія глухія да больныя. Онъ поднялъ голову. Солнце тускло поблескивало изъ за сѣрыхъ тучъ. Данило Самойловичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Это была большая комната, въ ней стояли комоды и шкапы съ тяжелыми, крѣпкими замками. На большомъ столѣ ничего не лежало; ничего не было ни на окнахъ, ни на двухъ столикахъ — все спрятано подъ замками.

Данило Самойловичъ ходилъ по комнатѣ. Мало-по-малу лицо его спокойнѣй стало. Онъ думалъ свои думы.

Онъ обошелъ весь домъ свой, поглядывая вокругъ себя. Домъ у него богатъ, огроменъ, но какъ мраченъ-то этотъ домъ! Какъ угрюмъ и не веселъ! Все въ немъ сбережено и сохранено отъ штофнаго полога до хрупкаго хрустальнаго стакана—все подъ замкомъ и въ порядкѣ. Берегли все и обо всемъ заботились въ этомъ домѣ изъ-подъ страху; хозяинъ былъ всегда человекъ одинокій и суровый; онъ накопилъ много денегъ, онъ любилъ свои деньги... Теперь онъ любилъ дѣвущку больше ихъ. Неужели правда это? Да, это правда!

Данило Самойловичъ опять пришелъ въ свою комнату, опять сѣлъ у стола. Посидѣлъ, потомъ онъ кликнулъ Ганку.

Вошла худая старуха, босая; старуха слабая, блѣдная и сумрачная. По самыя брови повязана чернымъ, ношеннымъ платкомъ; ея синяя кофта побѣлѣла отъ долгой носки; юбка у ней въ заплаткахъ. Она была единственная слуга въ домѣ и въ дворѣ у Данила Самойловича.

Данило Самойловичъ глянулъ на Ганку и отвернулся. Онъ приказалъ подать себѣ воды, и пока Ганка принесла воду—все глядѣлъ въ окно.

Данило Самойловичъ умылся, прибрался и пошелъ къ Малимоновымъ. У Малимоновыхъ всѣ ставни были еще закрыты; послѣ вечера спали дольше всегдашняго. Данило Самойловичъ сталъ бродить изъ улицы въ улицу. Люди шли на базаръ, поминутно ему встрѣчались. То два человека пожилыхъ стучали тяжелыми сапогами по промерзлой землѣ и разговаривали о хозяйствѣ; то бѣжали молоденькія стройныя дѣвочки съ *кошиками* и спорили между собой: вотъ не продамъ! — А вотъ продамъ! Не продамъ! Продамъ! То старушки тащились охая и кряхтя; то быстро проходили молодыя женщины и дѣвушки, слышались отрывочныя слова, смѣхъ, жалобы; на всѣхъ и на все Данило Самойловичъ съ враждой смотрѣлъ и съ тоской. Около дома Краповки ему попалась на встрѣчу Мелася; показалось ему, что ея лукавое лицо лукаво усмѣхнулось; гнѣвъ мгновенно его обуялъ, онъ готовъ былъ, кажется, задушить ее; бросился было за нею слѣдомъ, да опомнился и пошелъ своею дорогою. Опять былъ у Малимоновскаго дома—все еще ставни закрыты!

Павла Андреевна сидѣла за чаемъ и позѣвывала, когда Данило Самойловичъ къ ней вошелъ и сѣлъ противъ нея. Онъ, видно, собрался говорить спокойно, хотя лицо его мѣнялось и подергивалось.

— Ахъ, здравствуйте, Данило Самойловичъ! сказала Павла Андреевна, а я вотъ чай пью; не хотите ли чашечку чаю? Что съ вами было вчера такое? Вы меня испугали вчера. Что вы мнѣ обѣщали вчера сказать? Говорите, говорите. Никто не услышитъ. Эраста Антиповича дома нѣтъ, Настя еще спитъ. Зачѣмъ вы вчера такъ рано ушли? Чѣмъ вы были разстроены? А вчера у насъ очень весело было,— всѣ такъ довольны, поздно разѣхались... Что же вы мнѣ хотѣли сегодня сказать, Данило Самойловичъ?

— Отдадите ли вы за меня Настасью Михайловну? сказалъ Данило Самойловичъ.

— Что съ вами, Данило Самойловичъ, что съ вами?

— Отдадите ли вы ее за меня?

— Да я рада, я очень рада, но она не хочетъ, Данило Самойловичъ, она упрямится.

— Заставьте ее!

— Да какъ же заставить, когда она не хочетъ слушаться? Я заставляю, а она говоритъ: не хочу!

— Заставьте!

— Какъ Данило Самойловичъ? Какъ я могу? Силой ее отдать нельзя?

— Отчего нельзя?

— Какъ же силой? Связать ее, что-ли?

— Отчего жъ не связать?

— Ахъ, что вы это, Данило Самойловичъ! Лучше вы погодите. Не беспокойтесь, прошу васъ, погодите, — я ее такъ уговорю.

— Я не могу больше ждать! Я не могу ждать! Ее у меня отнимаютъ... отняли... Она Крашовку любить! Мнѣ каждый часъ дороже золота, перевѣнчайте ее со мной!

— Что это вы, Данило Самойловичъ! вскричала Павла Андреевна, какъ можно! Какъ можно! Любить Крашовку! Какъ же я ничего не замѣтила! Не можетъ этого быть!

— Перевѣнчайте ее со мной поскорѣе!

— Что же вы замѣтили? Что? Вы слышали какъ она съ Крашовкой говорила? Вчера слышали?

— Она любить его, проговорилъ Данило Самойловичъ, и такъ проговорилъ, что Павла Андреевна смутилась и струсила.

— Ну, хорошо, хорошо, вымолвила она, не сердитесь, Данило Самойловичъ. Я никогда этого отъ Насти не ожидала...

Оба помолчали. Потомъ Данило Самойловичъ сталъ тихо говорить, а Павла Андреевна слушала его, удивлялась, благодарила его и вздыхала.

— Я сегодня же, Данило Самойловичъ, сегодня же непременно уговаривать ее буду и скажу ей все... Упрашивать ее буду...

— Прикажите, велите!

— Прикажу, Данило Самойловичъ, и веди. Когда бы Богъ намъ помогъ!

— А я все устрою и все приготовлю.

— Хорошо, Данило Самойловичъ, хорошо.

Данило Самойловичъ было пошелъ, но воротился.

— За нее я вамъ отдамъ все, что имѣю — жизнь мою тогда берите! проговорилъ онъ.

— Покорно благодарю, Данило Самойловичъ... Я и такъ для васъ...

— А если вы меня обманете? Онъ поглядѣлъ прямо ей въ глаза своими нехорошими глазами, не хорошо поглядѣлъ.

— Какъ можно, Данило Самойловичъ, какъ можно! вѣрьте...

— Побожитесь мнѣ! сказалъ Данило Самойловичъ.

— Божусь Богомъ, Данило Самойловичъ, клянусь вамъ.

— Скорѣй, скорѣй только! вымолвилъ Данило Самойловичъ, скорѣй!—И ушелъ.

— Ахъ Боже ты мой! проговорила Павла Андреевна, вѣдь я его боюсь! Ей-Богу я боюсь его!

Она подумала, подумала, покачала головою и вздохнула тяжело.

Пришелъ Эрастъ Антиповичъ.

— А что жъ обѣдать-то? сказалъ онъ. Вѣдь ужъ почти вечеръ на дворѣ.

— Ахъ, полно, успеешь еще пообѣдать, отвѣтила ему Павла Андреевна.

— Что же такое, Павла Андреевна?

Павла Андреевна молчала, онъ опять повторилъ: что же такое? Чѣмъ ты тревожишься?

— За Настю сватаются, сказала Павла Андреевна.

— А! Кто же такой сватается? Она хочетъ идти?

— Сватается Данило Самойловичъ.

— Копыта! Быть не можетъ!

— Отчего же это быть не можетъ? Отчего, Эрастъ Антиповичъ?

— То есть я не ожидалъ отъ него сватанья. Настя его очень не любитъ — она за него не пойдетъ.

— Кто жъ будетъ слушать Настю? Кто ее будетъ слушать, желала бы я знать?

— А какъ же ты ее приневолишь?

— Ахъ, Боже мой! Я ей счастья хочу! Я ей хочу богатства, Эрастъ Антиповичъ; она послѣ сама меня благодарить будетъ. Вы знаете ли, что она влюбилась въ Крашовку? Что жъ ее по вашему за Крашовку отдать?—А?

— Небось, все выдумки!

— Нѣтъ, не выдумки! Вы живете, ничего не видите, что у васъ передъ глазами дѣлается, а другіе, слава Богу, не слѣпы еще!

— Ну, за Крашовку не слѣдъ идти ей! сказалъ Эрастъ Антиповичъ. Этотъ Крашовка очень мнѣ не нравится: гордецъ какой-то! А съ чего бы ему кажись гордиться? Не поклонится порядкомъ, не усмѣхнется, точно у него спина дубовая, а губы печатью припечатаны. Да ну его! Ты въ правду думаешь отдавать Настю?

— Да, да, и очень скоро.

— Дай Богъ ей счастья. Жалко ее отпустить изъ дому, Павла Андреевна.

— Она часто будетъ ходить къ намъ. Данило Самойловичъ обѣщалъ себѣ домъ купить противъ нашего, чтобы не разлучать насъ съ нею.

— Да, вѣрь ему!

— Конечно вѣрю. Домъ противъ насъ продается — онъ его купить, отлично отдѣлается.

— Это будетъ хорошо, коли будетъ.

Оба замолчали, потомъ Павла Андреевна опять начала:

— Настя будетъ у насъ первая богачка.

— Дай ей Богъ! отвѣтилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Знаешь, Данило Самойловичъ мнѣ говорилъ: вы, говорить, будете тогда мои родные; вамъ, говорить, я тогда отдамъ Бильчики. Я ему: на что! на что! Нѣтъ, говорить, Бильчики ваши. И отдалъ намъ Бильчики. Ужасно у него доброе сердце!

— А ты и повѣрила, что отдасть обѣщанное? Ахъ, Павла Андреевна!

— Конечно отдасть, Эрасть Антиповичъ. Это вѣрнѣе смерти!

— Ты бы только подумала, что въ Бильчикахъ—то, кажется, полтораста душъ, матушка!

— Да хоть бы миллионъ душъ, Эрасть Антиповичъ. Данило Самойловичъ общалъ.

— Общала панъ: кожухъ дамъ, да его и слово тепло. Павла Андреевна разсердилась.

— Съ тобой говорить нельзя! вскрикнула она.

Эрасть Антиповичъ попросилъ у ней прощенья.

— Ну, прости, виноватъ. Прости и говори.

— Видишь ли, сказала Павла Андреевна, видишь ли, надо вѣдь когда нибудь Настю замужъ отдать, надо вѣдь когда нибудь съ ней разтаться? Такъ лучше ее отдать за богатаго, за хорошаго человѣка, а?

— Слова нѣтъ, Павла Андреевна, слова нѣтъ!

— Вотъ видишь! А гдѣ мы найдемъ богаче Данила Самойловича и добрѣе его? Однимъ словомъ, я общала ему что Настя будетъ его женой и теперь нельзя отказаться. Онъ такъ Настю любитъ, что я даже боюсь его. Если, говоритъ мнѣ, не отдадите за меня Настю, если меня обманете—бѣда вамъ! И точно, я чувствую, что бѣда будетъ, если Настю за него не отдадимъ.

— А что жъ ты сдѣлаешь коли Настя за него идти не захочетъ, Павла Андреевна?

— Она пойдетъ.

— Наврядъ она пойдетъ. Заварила ты кашу, Павла Андреевна! Чего добраго—бѣду наживемъ себѣ!

— Ахъ, Боже мой! чѣмъ бы успокоить меня, ты еще пугаешь! Тебѣ всегда любо меня разстроить! А я знаю, что все кончится хорошо и благополучно!

— Ну, полно, Павла Андреевна, полно! Я самъ думаю, что конецъ благополучный будетъ, а пока что—нечего дѣлать, потерпѣть придется.

Оба опять замолчали.

— Боюсь я только одного, сказала Павла Андреевна, боюсь я, что Данило Самойловичъ ревнивъ очень будетъ.

— Пожалуй, что и будетъ. Старые люди всегда почти ревнивы.

— Да вѣдь Настя такая, что ее не обидишь, какъ иную смирененькую.

— Это правда, а все-таки и ей насолить можно, Павла Андреевна.

— Онъ ее очень любить; говорилъ: жизнь за нее отдамъ!

— Можетъ быть, можетъ быть. А если ревнивъ, такъ тѣмъ сильнѣе ревновать ее будетъ.

— Ахъ, многое меня беспокоитъ, сама я не знаю почему! Лучшаго жениха не найдти, а все жалко отдавать Настю! И заплакала Павла Андреевна, склонивши голову.

— Перестань, Павла Андреевна, перестань. Ну, не плачь. Ты подумай... Я тебѣ скажу еще вотъ что: Копыта ужъ старый человекъ, проживетъ онъ, надо полагать, не два вѣка... А послѣ него—Настя и богата и вольна, какъ птица.

— Ахъ, да! сказала Павла Андреевна и подняла голову, это правда, что онъ недолговѣченъ, худой такой... Настю онъ очень любить.

За обѣдомъ всѣ молчали. Павла Андреевна переглядывалась съ мужемъ; Настя смотрѣла на затопленную печку и тихо сидѣла. На дворѣ шелъ дождь и билъ въ стекла.

Послѣ обѣда сейчасъ всѣ разошлись. Настя въ свою комнату ушла, а Павла Андреевна съ Эрастомъ Антиповичемъ въ его кабинетѣ еще долго между собой о чемъ-то совѣтовались и разговаривали шепотомъ.

Въ домѣ еще ничего не знали ни о чемъ, но всѣ масторожили уши, всѣ чего-то ждали.

V.

Павла Андреевна пришла къ Настѣ; не входя въ комнату, она остановилась у двери и поглядѣла. Настя сидѣла у окна. Ея бѣлыя плечи сжались, подбородокъ лежалъ на ладонѣ; пальчиками она прижала себѣ губки, а локоткомъ

оперлась на подоконникъ; глаза ея смотрѣли задумчиво на вечернее, осеннее небо. Заря горѣла краснымъ свѣтомъ, и тучи были съ краснымъ отблескомъ, и дождевыя капли на повялой травѣ; на домахъ, на деревьяхъ, на заборахъ, всюду красный отблескъ.

— О чемъ это задумалась ты, Настя? спросила Павла Андреевна.

Настя вздрогнула и встала.

— Что же ты встаешь, Настя? Я вотъ къ тебѣ пришла, хочю поговорить съ тобою.

— О чемъ? быстро спросила Настя. Такъ спрашиваютъ люди, когда въ душѣ у нихъ живетъ что нибудь никому невѣдомое и имъ дорогое.

— О женихѣ, Настя.

Павла Андреевна улыбнулась, какъ могла веселѣй. Настя глядѣла на нее во все глаза.

— Сядь же Настя, сядь, сказала Павла Андреевна. Ну, сядь, я буду говорить.

Настя сѣла.

— Надо тебѣ непременно пристроиться, Настя, начала Павла Андреевна. Ты сама знаешь... Не капризничай, мой дружокъ. Ты умная дѣвушка. Данило Самойловичъ такой чудесный человекъ. Онъ говорилъ сегодня и я... я говорила тоже, мой другъ.

При имени Данила Самойловича Настя нахмурилась и отвѣтила отрывисто:

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, Настя? Подумай!

— Нѣтъ!

— Отчего же ты не хочешь? А, я знаю отчего ты не хочешь! Тебѣ нравится Крашовка.

Настя стала алѣй алаго цвѣтка, смѣшалась и словно оробѣла.

— Но за Крашовкой тебѣ не бывать, Настя! Я скорѣй умру, чѣмъ ты за нимъ будешь! говорила Павла Андреевна. Какой-то бѣднякъ, какой-то обманщикъ... какой-то...

— Не говорите такихъ словъ! вскрикнула Настя. Смущенно.

щенъе ея прошло и робости ужъ не было; слезы заблестѣли у ней на глазахъ, она встала и головку высоко подняла.

— Нѣтъ, я буду говорить! кто жъ мнѣ запретить? Крашовка...

— Не говорите! вымолвила Настя.

— Я для тебя же говорю, что Крашовка самый ужасный человѣкъ.

Настя ушла изъ комнаты.

— Павла Андреевна сидѣла и кликала ее: Настя! Настя! Настя не воротилась.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! какая дѣвушка! сказала Павла Андреевна, прокликаявши понапрасну съ полчаса и пошла по всѣмъ комнатамъ звать: Настя! Настя! Насти не было.

— Да гдѣ же Настя? спросила Павла Андреевна у Химы.

— Куда-то ушла отвѣчала Хима.

— Куда жъ она ушла?

— Не знаю.

— Каково это тебѣ покажется, Эрастъ Антиповичъ? жаловалась ему Павла Андреевна. Настя и слушать меня не стала, ушла! Каково это тебѣ покажется?

— Не хорошо, не хорошо, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ. Куда же она ушла?

— Каково это мнѣ переносить? Каково мнѣ переносить это, а?

— Однако куда же Настя ушла, Павла Андреевна? Куда? Чьи-то шаги слышались. Это былъ Данило Самойловичъ.

— Гдѣ она? Гдѣ Настасья Михайловна? было его первое слово. Глаза его перебѣгали быстро, тревожно и мрачно съ лица Павлы Андреевны на лицо Эраста Антиповича.

— Она сейчасъ будетъ здѣсь, Данило Самойловичъ, сейчасъ. Садитесь, пожалуйста, садитесь, сказала Павла Андреевна.

— Она у Крашовки? Она тамъ! Она тамъ! проговорилъ Данило Самойловичъ.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, право нѣтъ! успокоивала его Павла Андреевна.

— Посылайте за нею, посылайте за нею, она тамъ! сказала Копыта.

Эрастъ Антиповичъ, что было отошелъ къ сторонкѣ, тутъ придвинулся ближе и спросилъ: а почему вы, Данило Самойловичъ, думаете, что Настя у Крашовки?

— Я видѣлъ, я видѣлъ, какъ кто-то вбѣжалъ къ нимъ въ комнатку—это была она! Посылайте же за нею!

— Ахъ, Боже мой! вымолвила Павла Андреевна.

— А можетъ и не она вбѣжала въ комнатку, сказала Эрастъ Антиповичъ.

— Она, она! Посылайте за ней! она тамъ!

Онъ такъ громко и гнѣвно проговорилъ послѣднія слова, что Павла Андреевна струсила, выбѣжала изъ комнаты съ словами: сейчасъ, сейчасъ посылаю и послала Химу за Настей къ Крашовкѣ.

Данило Самойловичъ тѣмъ временемъ метался по комнатѣ, какъ иногда звѣри въ клеткахъ, а Эрастъ Антиповичъ на него украдкой поглядывалъ, помалчивалъ и что-то самъ про себя думалъ. Павла Андреевна воротилась къ нимъ и смиренхонько усѣлась въ уголку. Помолчавши, поглядѣвши, Павла Андреевна спросила.

— Что вы, Данило Самойловичъ, все устроить начали? Домъ отдѣлывается?

Данило Самойловичъ не отвѣчалъ ей, онъ бросался отъ окна къ окну, выглядывалъ то въ то, то въ другое. Лицо у него и темнѣло, и блѣднѣло. Павла Андреевна не дождалась отвѣта и взглянула на мужа—онъ ей подаль знакъ помолчать. Павла Андреевна была встревожена и послушалась мужа. Настало молчанье въ комнатѣ.

Настя шибко дошла до Крашовкинаго домика, постояла у дверей словно въ нерѣшимости—но рѣшилась и вошла.

Шибкая ходьба, смущенье, любовь такой блескъ придали ея глазамъ, такой румянецъ ея лицу!

Марѳа Петровна давно уже съ Настей обращалась бережно какъ съ птичкой раненой; она у ней не спросила, что съ нею, хотя видѣла, что съ нею что-то особенное, а стала ее разспрашивать о вечерѣ.

Григорій Гавриловичъ былъ тутъ. Настя встрѣтила

его глаза; глаза эти на нее глядѣли любя и, любя еѣ, спрашивали, что съ ней. Настѣ стало такъ на душѣ хорошо и тепло; она сидѣла улыбалась и отвѣчала Марѣ Петровнѣ о чемъ ее спрашивала.

Мелася знала сама кое-что о вечерѣ и о гостяхъ что были на вечерѣ и вмѣшивалась тоже въ разговоръ.

— Славно освѣтили домъ, говорила она. Ясно такъ было, что хоть иголки собирай. Купецъ Мироненко жаловался, что всѣ свѣчи изъ своей лавки туда пожертвовалъ; а пани одна тамъ была, такая толстая пани, что головы не можетъ она наклонить, длинный подбородокъ такой, что не допускаетъ—лихо да и только; такъ та пани только сидитъ да дышетъ, дышетъ... Паничи—были смотреть они словно молодые голуби изъ гнѣзда... Панночки умнѣй кажутся, наряженыя такія.

Послышалось стучанье въ окно.

— Кто бы это? сказала Марѣ Петровна. Мелася выбѣжала отворить.—Пришла Хима Настю домой звать. Павла Андреевна приказывала Настѣ сказать, чтобы она сейчасъ же шла.

Настя было вспыхнула, хотѣла заговорить, но утихла и взглянула на Григорія Гавриловича, что онъ скажетъ.—Онъ ничего не говорилъ, но въ лицѣ перемѣнился. Марѣ Петровнѣ спросила Химу, что такое случилось у нихъ?

— Ничего, слава Богу, отвѣчала Хима.

— У нихъ старій Коныта сидитъ! сказала Мелася. Правда, Хима?

— Правда, отвѣтила Хима.

— Я не пойду, сказала Настя, я не пойду домой. Скажи Павлу Андреевнѣ, Хима, что я еще посижу тутъ.

Настя говорила и при каждомъ словѣ взглядывала на Григорія Гавриловича, хорошо ли, такъ ли говорить она какъ надо.

Хима ушла. Послѣ ея ухода разговоръ не завязался; всѣ были озабочены и дримокли. Настя скоро простилась и пошла домой. Григорій Гавриловичъ провожать ее пошелъ.

До заброшеннаго Хорошаевскаго сада они молча дошли, а тутъ Григорій Гавриловичъ остановился и спросилъ Настю.

— Васъ замужъ идти неволять?

— Я не пойду за него, отвѣчала Настя.

— А за меня? спросилъ Григорій Гавриловичъ потише.

— Пойду, былъ ему отвѣтъ тихій и страстный.

— Любимая моя! не боишься бѣдности?..

— Ничего! Ничего!

Онъ спрашивалъ, давно ли она его полюбила, она спрашивала, давно ли онъ ее—оба съ перваго вечера, съ перваго свиданія; вспомнили свое первое свиданье, вспомнили и вечерніе проводы, и всѣ свои думы, и все свое горе, и всякую радость свою. А время уходило. Въ вечерней темнотѣ кругомъ все блестѣло отъ бѣлаго морозу при свѣтѣ мѣсяца, что выбрался изъ тучъ и сіялъ съ неба.

— А ручки—то совсѣмъ похолоднѣли, говорилъ Григорій Гавриловичъ и въ теплую свою шапку пряталъ холодныя ручки и цѣловалъ ихъ. Настя смѣялась. Ее охватило всю какое-то счастье, что освѣжало и укрѣпляло ее.

— Тебѣ будутъ жениха сватать, Настя, сказалъ Григорій Гавриловичъ.

— А у меня ужъ есть, я скажу, у меня есть женихъ.

— Прощай, мое сердце! Прощай, Настя! Любишь меня вѣрно?

— Люблю вѣрно, Гриша! Какъ я тебя люблю!

Не хотѣлось имъ разстаться, хотъ плачь! Обѣщались завтра свидѣться пораньше, пораньше.

Настя дома застала всѣхъ въ смятеньи. Ужъ за нею послана была опять Хима и Эрастъ Антиповичъ самъ собирався идти. Онъ былъ очень безпокоенъ; еще безпокойнѣй его была Павла Андреевна.

Настю въ дверяхъ встрѣтилъ Данило Самойловичъ и поглядѣлъ на нее страшно.

— Отчего вы такъ веселы? спросилъ онъ ее, сдерживая свой голосъ.

Настя вошла ясна и весела—она и на него посмотрѣла ясно и весело.

— Сядь, Настя, сказала Павла Андреевна.

Настя сѣла. Всѣ стояли вокругъ нея.

— Настя, сказала Павла Андреевна и взяла Данила Самойловича за руку—Настя, вотъ твой женихъ!

— Нѣтъ, отвѣчала Настя, у меня ужъ есть женихъ.

Она отвѣчала мягко, тихо; алая краска такъ и разливалась по ея нѣжному лицу.

Данило Самойловичъ весь задрожалъ; Павла Андреевна ахнула; Эрастъ Антиповичъ нахмурился.

— Кто жъ твой женихъ, Настя? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

Настя назвала по имени.

— Никогда! закричала Павла Андреевна, никогда этого не будетъ!

— Да постой, Павла Андреевна, сказалъ Эрастъ Антиповичъ, а ты Настя, не сердись, выслушай...

Но Настя не сердилась, а только сказала, что ни за кого не пойдетъ, кромѣ Григорія Гавриловича.

— Вотъ тебѣ женихъ! говорила Павла Андреевна и показывала на Данила Самойловича.

— Я ни за кого не пойду кромѣ Григорія Гавриловича, опять отвѣчала Настя.

— А если вы не будете за нимъ? Если вы его никогда больше не увидите? спросилъ Данило Самойловичъ какимъ-то дикимъ голосомъ.

Настя обратила на него глаза, какъ на страшилище.

— Я увижу его, проговорила она.

— Лучше его не раздражать, не сердить, шепталь Эрастъ Антиповичъ Павлѣ Андреевнѣ.

— Я ужъ не знаю, что и дѣлать! сказала Павла Андреевна въ горѣ.

— Вы его не увидите! говорилъ Настѣ Данило Самойловичъ.

— Да, Настя, лучше забудь его! заговорила Павла Андреевна. Ты его не увидишь, я не допущу!

— Какъ вы не допустите? спросила Настя.

— Я не допущу! прошепталь ей Данило Самойловичъ.

— Вы? Что это такое? Я не хочу здѣсь оставаться! я пойду отсюда.... я пойду къ нему... Настя встала и быстро подошла къ двери, но Данило Самойловичъ бросился впередъ

*

и загородилъ ей дверь; Павла Андреевна схватила ее за платье; Эрастъ Антиповичъ тоже подошелъ.

— Вы посмѣете? закричала Настя. Въ глазахъ у ней заблесталъ гнѣвъ, а губы бѣлѣли и дрожали отъ испуга.

— Да, я посмѣю! шепталъ Данило Самойловичъ. Я все посмѣю... я все...

— Пустите меня! Пустите меня! кричала Настя. Велите ему меня пустить, Павла Андреевна, велите ему!

— Ахъ, Настя! Ахъ, Настя! говорила Павла Андреевна.

— Полно, Настя, успокойся; сядь, мы поговоримъ—говорилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Я не хочу ни о чемъ говорить! Пустите меня! Я не хочу больше быть у васъ! Вы обижаете меня, о, грѣхъ, грѣхъ! Недобрые вы люди! Вы не смѣете меня запираить!

— Нѣтъ, смѣю! Нѣтъ, смѣю! лепетала растерянная Павла Андреевна.

— Позвольте—ка, Данило Самойловичъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ, позвольте, я поговорю съ Настей.

Но Данило Самойловичъ шагу отъ двери не отступилъ.

— Всѣ предатели! Всѣ измѣнники! вскрикнула Настя. Что вы хотите со мной дѣлать? Она закрыла лице руками и зарыдала.

— Не плачь, Настя, не плачь! стала просить Павла Андреевна и сама стала плакать.

— Утро вечера мудренѣе, сказалъ Эрастъ Антиповичъ, а теперь спать пора. Иди—ка спать, Настя.

— Да, да, Настя, иди спать, иди! со слезами говорила Павла Андреевна.

Эрастъ Антиповичъ взялъ Настю за руку и повелъ ее, а Павла Андреевна за другую руку вела Настю. За ними шелъ Данило Самойловичъ.

Данило Самойловичъ за ними вошелъ и въ Настину комнату, пошелъ къ окну и осмотрѣлъ окно—окно было съ двойной рамой.

Сядь, Настя, сядь, сказала Павла Андреевна.

— Ну, пойдете, она заснетъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Настя! сказала Павла Андреевна. Настя не отвѣтила ей.

— Настя! повторила Павла Андреевна.

Опять не было отвѣта. И сколько она ни кликала, отвѣта все не было. Настя сидѣла, словно каменная.

— Пойдемте, пойдите, сказала Эрасть Антиповичъ.

Данило Самойловичъ хотѣлъ что-то сказать Настѣ и подошелъ къ ней близко—Настя вскочила и отбѣжала отъ него какъ отъ змѣи.

Воѣ ушли отъ Насти и людямъ было строго-на-строго приказано запереть ворота, никого чужаго не впускать безъ спросу, а Настю не выпускать.

Данило Самойловичъ настаивалъ, чтобъ Настю перевѣчать съ нимъ силою. Эрасть Антиповичъ уговаривалъ, что лучше подождать, лучше поземногу ее приучить, склонить; Павла Андреевна то съ тѣмъ соглашалась, то съ другими, ехала и призывала помощь Божью. Данило Самойловичъ на все твердилъ одно: скорѣй отдайте ее мнѣ! Скорѣй мнѣ ее отдайте! Берите за нее что вы хотите у меня—скорѣй отдайте ее мнѣ!

Порѣшили на томъ, что Данило Самойловичъ повезетъ Павлу Андреевну съ Настей въ свою деревню и тамъ съ Настей обвѣчается. Черезъ три дня положили ѣхать—раньше нельзя было: въ городѣ онъ не держалъ и негдѣ было достать лошадей, ни экипажа—надо былъ послать за ними въ деревню, а до деревни отъ городу цѣлыхъ сто верстъ, да еще верстъ не мѣренныхъ.

На другой день Григорій Гавриловичъ очень обрадовался, что солнце наконецъ-то взошло, и сиѣшилъ на встрѣчу Настѣ.

— Ты идешь, Гриша? спросила его Марѣа Петровна.

— Да, мама, отвѣтилъ онъ и быстро пошелъ по улицѣ.

Марѣа Петровна смотрѣла на него изъ окошка пока ей видно было. Сколько жизни и радости, сколько нетерпѣнья и веселья у него на лицѣ играло! Дитя мое! проговорила она. Этимъ словомъ много, много добра просидось на его голову. А Григорій Гавриловичъ дошелъ до самаго Малииновскаго дома—Настя не встрѣчается. Онъ постоялъ въ переулкѣ, прошелъ его изъ конца въ конецъ и опять воротился—все нѣтъ еще Насти. Онъ прошелъ въ Хорошаевскій

садъ, гдѣ вчера онъ стоялъ и говорилъ съ нею — можетъ она тамъ ждеть его; садъ весь насквозь былъ виденъ, листья съ деревьевъ облетѣли; свѣтъ и солнце пронизывались всюду—нѣту Настя. Да пока онъ тутъ, можетъ она идетъ тамъ теперь, прямо къ нимъ; онъ поспѣшилъ туда и домой пришелъ—ее нѣту. Въ нетерпѣньи онъ было опять выходилъ изъ дому и встрѣтилъ въ дверяхъ Меласю.

— Слава Богу! сказала Мелася, а я васъ ищу. Ахъ бѣдная панночка, несчастная панночка!

— Она жива? спросилъ Григорій Гавриловичъ. У него въ глазахъ помутилось и сердце унало.

— Что такое случилось, Мелася? Что такое? спрашивала Марѳа Петровна.

— Жива она? вскрикнулъ Григорій Гавриловичъ, гдѣ она?

— Жива, жива, бѣдняжка, отвѣчала Мелася, да что это за жизнь, когда ее заперли подъ замокъ, стерегутъ какъ преступницу, хотятъ отдать силой замужъ за стараго Копыту!

— Что ты, что ты, Мелася! сказала Марѳа Петровна. Это не правда!

— Это не правда! сказалъ Григорій Гавриловичъ. Скорѣе говори!

— О, ей-Богу, ей-Богу, правда истинная! Хима вырвалась на минутку, бѣжала къ намъ дать знать; я ее встрѣтила и отъ нея все узнала: говорить, панночка словно поблеклый цвѣтокъ и на свѣтъ Божій не глядитъ, и никого къ ней не пускаютъ.

Потомъ Мелася все подробно рассказала, что было у Малимоновыхъ.

— Погоди, Гриша, погоди! вскрикнула Марѳа Петровна. Она удержала сына за руку и съ тоской на него поглядѣла: онъ въ ту минуту похожъ сталъ на своего покойнаго отца, какъ двѣ капли воды—тотъ же гнѣвъ и рѣшимость въ глазахъ, та же красота и безстрашіе.

— Погоди, Гриша, подумай... Будь потише, Гриша, а то все дѣло погубишь... а то Настя не поможетъ. . Копыта

богачъ, онъ деньгами закупить, Малимоновъ въ городѣ начальникъ и родня Настѣ — какъ намъ противъ нихъ идти силой? Будь потише, Гриша, а то бѣда придетъ... Можетъ, они сами будутъ тебя вызывать на осору; будь осторожень, Гриша, сдержи себя, одолѣй себя! Гриша, слышишь ли?

— Все слышу, отвѣчалъ Григорій Гавриловичъ.

Марѳа Петровна держала его за руку и чувствовала, какъ рука эта дрожала; видѣла, что лицо у него бѣлѣй полотна было.

— Что жъ, Гриша, что ты думаешь? правду ли я говорю?

— Правду.

— Будь какъ можно тише, Гриша; если стануть вызывать тебя, дразнить стануть—перетерпи, перенеси все. Вѣдь они могутъ и тебя запереть, а пока ты оправдаешься...

— Да, могутъ и меня запереть! А пока оправдаюсь...

— Самъ видишь, что силой нельзя...

— Какая сила у насъ? сказалъ Григорій Гавриловичъ въ гнѣвѣ и въ тоскѣ—гдѣ она, сила? Гдѣ правда?

— Куда жъ ты, Гриша?

— Иду къ Малимоновымъ.

— Гриша, для Насти... помни.

— Я все помню, все.

Онъ пришелъ къ Малимоновымъ, его не пустили и въ ворота. У воротъ стоялъ самъ квартальный и сказалъ, что Эраста Антиповича ни подъ какимъ видомъ нельзя беспокоить и Павлу Андреевну тоже.

Прошли два десятскихъ по улицѣ и поклонились, квартальный кивнулъ имъ головой, а на Григорія Гавриловича глядѣлъ, щурился и усмѣхался.

Григорій Гавриловичъ воротился домой.

— Мелася, потише, не шуми, сказала Марѳа Петровна Меласѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала ей Мелася шепотомъ, я смирно буду работать.

Настя сидѣла въ своей комнатѣ и плакала. Къ дверямъ

безпрестанно подходила Павла Андреевна и заглядывала въ задушную скважину.

— Что? спрашивала Данило Самойловичъ.

— Сидитъ одна одиноконька, отвѣчала Павла Андреевна печально.

— Сидитъ одна? Хорошо, хорошо, говорилъ Данило Самойловичъ.

— Плачетъ, бѣдняжка.

— Плачетъ? Хорошо, хорошо!

Эрастъ Антиповичъ былъ скучень, похаживалъ изъ угла въ уголь и отъ времени до времени жену утѣшалъ, что все перемелется—мука будетъ.

На дворѣ пошелъ сильный снѣгъ; въ нѣсколько часовъ улицы завалило мягкими бѣлыми сугробами. Въ сумерки Григорій Гавриловичъ едва пробирался по узенькому переулочку. Небо все заволкло тучами, снѣгъ все еще шелъ; не видать было низенькихъ, бѣленькихъ домиковъ, только огоньки ясными точками поблескивали по сторонамъ.

Григорій Гавриловичъ добрался до одного домика, до низенькаго крылечка и постучался. Въ этомъ домикѣ жилъ Иванъ Савичъ Лепеха съ товарищемъ Васильемъ Николаевичемъ Солодкимъ. Иванъ Савичъ самъ отворилъ дверь и очень обрадовался, и будто съ этимъ вмѣстѣ встревожился.

— Ахъ это, ты, Гриша, ахъ, дружище!

Онъ повелъ его въ комнату и кричалъ Солодкому, что Гриша пришелъ.

— Э, э! милости просимъ, сказалъ Солодкій. Всѣ ли здоровы, Григорій Гавриловичъ?

У этого Солодкаго глаза и волосы чернѣе были чернаго ворона; поднималъ онъ пуды какъ перушки; видъ у него былъ важнѣй, чѣмъ у наши турецкаго; голосъ громче, чѣмъ у соборнаго дьякона; а нраву онъ былъ тихаго, услужливъ; уживчивъ; любилъ синицъ, почиталъ стариковъ и старушекъ; товарищъ онъ былъ вѣрный и преданный.

Иванъ Савичъ какъ лучше взглянулъ на Григорія Гавриловича, такъ и вскрикнулъ:

— Ахъ, братикъ мой! Что съ тобою? На тебѣ лица живаго нѣту!

— Да, да, вы измѣнилишь, съ безпокойствомъ сказалъ Солодкій.

— Помогите мнѣ! промолвилъ Григорій Гавриловичъ.

— Что такое, другъ? Что, Гриша? Веди въ огонь и воду! отвѣтилъ Иванъ Савичъ.

— И я вамъ товарищъ, сказалъ Солодкій.

— Настасью Михайловну хотятъ силой замужъ отдать, помогите ее выручить!

У Ивана Савича поблѣло лицо, голосъ упалъ и онъ ужъ очень тихо спросилъ: почему ты знаешь? А этотъ вопросъ сейчасъ же покрылъ другимъ: это точно правда?

Солодкій спросилъ, за кого ее идти неволятъ?

Григорій Гавриловичъ все имъ разсказалъ.

Солодкій съ участием его слушалъ, съ участием слушалъ и Иванъ Савичъ. Иванъ Савичъ глядѣлъ на Григорія Гавриловича словно что-то новое въ немъ видѣлъ; ясныя его глаза затуманились; доброе и смѣлое лицо запечалилось.

— Если я пропаду, вы ей будьте защитой, просилъ Григорій Гавриловичъ. Не покиньте ее.

— Стали совѣтоваться, что дѣлать.

— Силой ничего не возмешь, а пока жаловаться будемъ, да суда искать—ее десять разъ перевѣнчаютъ. Нѣтъ, время терять нельзя, говорилъ Солодкій, на жалобы, а надо Настасью Михайловну украсть у нихъ.

— Я знаю Якова, ихъ садовника, и всѣ люди ихъ намъ помогать стануть—ее любить, сказалъ Иванъ Савичъ.

— Когда же? Когда же? спросилъ Григорій Гавриловичъ.

— Надо прежде всего вѣсточку Настасью Михайловну передать, а вамъ, Григорій Гавриловичъ, надо дома спрятаться, не показываться; мы слухъ распустимъ, что вы дрѣхали въ губернію; они безпечнѣй будутъ.

— Да, да, говорилъ Иванъ Савичъ, а Григорій Гавриловичъ говорилъ:

— Только скорѣй! Когда же? Скорѣй надо! Я лошадей достану...

— Нѣтъ, ужъ вы сидите смирно; станете вы лошадей доставать—дойдетъ, что вы въ городѣ, первое, а второе—ясно

имъ какъ день будетъ, зачѣмъ вы лошадей достаете. Нѣтъ, вы ужъ дома посидите, а мы съ Иваномъ все уладимъ. Да, Иванъ?

— Да, да, мы все уладимъ, отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

— А теперь пойдете, посмотримъ каково Настасью Михайловну берегутъ и стерегутъ; ночь непогожая, съумѣемъ отъ всякаго глаза укрыться.

Они пошли къ Малимоновскому дому. Съ улицы были ставни закрыты, а у Малимоновыхъ ставни плотно закрывались, ничего не видно было. Они зашли съ другой стороны, съ переулка, отъ сада; сквозь падающій снѣгъ, сквозь деревья мерцало освѣщенное скошко.

— Это ея окно свѣтится, сказалъ Григорій Гавриловичъ.

Иванъ Савичъ зналъ, что это окошко ея.

Осмотрѣли садовую ограду—не высока, легко можно перелѣзть.

Григорій Гавриловичъ перепрыгнулъ въ садъ, за нимъ товарищи и стали подбираться къ окошку.

Залаяли со двора собаки.

— Воротитесь, воротитесь, а то все пропадетъ, сказалъ Солодкій. Слышите, голоса! Насъ переловятъ.

Они воротились и вышли изъ саду.

— Григорій Гавриловичъ, сидите жъ вы дома, а мы будемъ все улаживать и васъ будемъ увѣдомлять, говорилъ Солодкій.

— Да, Гриша, сиди дома, а мы все уладимъ. Завтра я подговорю Якова, завтра лошадей достану, завтра передадимъ Настасьѣ Михайловнѣ вѣсть; ты будь спокоенъ — все сдѣлаю, все.

Иванъ Савичъ похожъ былъ на того казака молодого, что въ первый разъ противъ Татаръ вышелъ: сначала сердце сжалось, умъ помутился, а оглядѣлся молодой казакъ — сталъ удалѣе старыхъ.

Товарищи простились и разошлись.

Григорій Гавриловичъ въ эту ночь не ложился. Марѳа Петровна не напомнила ему, что спать пора, она сама не ложилась—работала. И мать, и сынъ сидѣли такъ терпѣливо, такъ тихо, что ихъ не слышно было совсѣмъ. Сынъ

смотрѣлъ въ землю; онъ на это время забылъ о матери, онъ мучился своимъ сердечнымъ горемъ, своими тревогами, думалъ о любимой дѣвушкѣ; мать часто на него смотрѣла, тревожилась и горевала за него.

VI.

На другой день Иванъ Савичъ Лепеха съ утренней зари прохаживался по переулочку, гдѣ стоялъ домикъ съ темной лавочкой; въ этой лавочкѣ продавался табакъ курительный, мушевыя шапки, красные пояса, бублики, нитки,—все это продавала женщина лѣтъ тридцати, такая свѣжая, здоровая и веселая; она дѣлала честь выбору своего мужа, что время отъ времени показывался около нея въ лавочкѣ и глядѣлъ на проходящихъ съ какою-то лукавою усмѣшкою—эта усмѣшка словно говоритъ: а кто умнѣе-то! вы или я? Лавочку содержала Якова кума и онъ всегда ходилъ сюда за табакомъ, затѣмъ чтобы ему старую шапку починили, затѣмъ чтобы поторговать другія шапки, затѣмъ чтобы спросить, скоро ли будетъ свѣжій табакъ, или просто Яковъ ни зачѣмъ придетъ и скажетъ, что совсѣмъ онъ и не собирался, а вотъ пришелъ, коть его знаетъ за какой радостью. И дня ни одного не проходило, чтобы Яковъ не побывалъ у кумы въ лавочкѣ.

Тутъ недалеко отъ лавочки Иванъ Савичъ и подождалъ Якова. У Ивана Савича хотя глаза немножко и запали, а глядѣли и блестѣли живо и бодро; можетъ тоже кое-какія мысли жгли его голову—онъ часто снималъ шапку и встряхивалъ волосами. День былъ холодный, ясный, солнечный, холодъ освѣжалъ его голову и облегчалъ.

Часа можетъ два ждалъ Иванъ Савичъ пока Яковъ показался издали. Яковъ шелъ тихо, съ трубкой въ зубахъ; на головѣ у него высокая сивая шапка, на плечахъ накинута черная свита, а руки запущены въ карманы широкихъ синихъ шароваръ. Еще издали ясно обозначились длин-

ные усы съдыдъ, большія черныя брови и между бровями глубокая, упрямая морщина.

Иванъ Савичъ пошелъ на встрѣчу ему.

— Здорово, Яковъ, сказалъ Иванъ Савичъ. Яковъ, другъ! мнѣ надо съ тобой словоцо перемолвить.

Яковъ шапку снялъ, остановился и слушалъ. Ни участья, ни любопытства не видно было на его лицѣ. Онъ должно быть только изъ учтивости смотрѣлъ на Ивана Савича своими мрачными глазами.

— Ты не выдашь меня, Яковъ?

Яковъ отвѣтилъ:—нѣтъ.

Иванъ Савичъ рассказалъ ему все дѣло и просилъ его помощи.

— Я тебѣ, Яковъ, самъ сослужу всякую службу!

— Спасибо вамъ за вашу доброту непокупную, сказалъ Яковъ важно и урюмо.

— Помоги же, Яковъ, помоги!

— Въ чемъ помогать?

— Не мѣшай доброму дѣлу, Яковъ!

— Какому дѣлу?

— Эхъ, Яковъ, не мучь, дружнице! Я вѣдь все тебѣ толкомъ рассказалъ, что жъ ты еще спрашиваешь? Ты лишнихъ людей удали, собакъ запри, дай знать мнѣ, въ какую пору лучше можно подобраться къ панночкину окошку; ты какъ думаешь, съ вечера или на разсвѣтъ, или ночью?

— О чемъ это вы спрашиваете? Когда красть сподручнѣй? Слыхалъ я, люди говорили, что лучше всего красть съ вечера, а я не знаю—ничего на вѣку не красть.

— Съ вечера? Такъ мы съ вечера проберемся черезъ садъ, подъ окошко...

— Какое окошко, спрашиваете? Известно, окошко крѣпкое, хорошее, съ двойной рамой.

— Ахъ, вотъ было изъ головы вонъ, что рамы—то двойныя! Спасибо, Яковъ, что надоумилъ.

— Панночка? Я не знаю, что панночка знаетъ и чего не знаетъ. Мнѣ известно только, что роѣ панночки насколько опрометчивы, настолько и трусливы.

— Да, да, надо увѣдомить панночку сегодня. Ты скажи Химѣ—Хима вѣдь хорошая дѣвушка?

— Дѣвушка, какъ дѣвушка, а хорошая ли, я почему знаю? Я на ней женатъ не былъ.

— Она не выдастъ панночку? Ты переговори съ ней, Яковъ...

— Съ кѣмъ мнѣ говорить?

— Да съ Химою.

— Объ чемъ мнѣ съ Химой говорить?

— Ахъ, Боже мой, Яковъ, сердце ты мое! Вышли Химу ко мнѣ—я ее буду ждать подъ ихъ садомъ.

Яковъ курить трубку и молчалъ.

Иванъ Савичъ опять повторилъ то же. Яковъ выслушалъ, какъ птичье пѣнье.

— Гдѣ же мнѣ увидѣть Химу, Яковъ?

— Я не знаю, гдѣ ее увидѣть. Кого надо видѣть, того подстерегаютъ.

— Хорошо, я подстерегу ее, а ты помоги. Яковъ, голубчикъ мой, помоги, пожалуйста! Собакъ—то запри!

Яковъ Ивану Савичу поклонился и пошелъ.

— Ну, прощай, Яковъ, дружище! Спасибо тебѣ, спасибо! оказала ему, волѣдъ Иванъ Савичъ.

Яковъ зашелъ къ кумѣ въ лавочку.

— О чемъ это вы толковали съ паничемъ Лепехою? спросила кума.

— А табакъ у васъ хорошій? спросилъ у ней Яковъ.

Кума больше не допытывалась и сказала, что табакъ у ней хорошій.

— Лошади будутъ и сани,—лошади чудесныя! Этими словами встрѣтилъ Солодкій Ивана Савича.

— Гдѣ ты досталъ? спросилъ Иванъ Савичъ.

— У Робоча на хуторѣ. Робочъ славный человекъ, товарищу и душу свою отдать готовъ. Сейчасъ справилъ сани и лошадей, и саней кучеромъ назывался. Ты, говорю ему, править не умѣешь,—я буду самъ за кучера. А у тебя дадутся, Иванъ?

— Понемножку, Василій, понемножку.

— Это толковали еще объ удачѣ, о погодѣ.

Иванъ Савичъ скоро смолкъ и задумался, а Солодкій все говорилъ, хвалилъ невѣстину красоту, загода смѣялся надъ Копытою, осуждалъ Малимоновыхъ.

— А знаешь, Иванъ, сказалъ онъ, завидна мнѣ такая невѣста, какъ Настасья Михайловна. Милая дѣвушка! Одно время я думалъ, что ты...

— Было—прошло—отвѣчалъ Иванъ Савичъ спокойно, хотя спокоенъ онъ былъ не совсѣмъ.

— Не будетъ Ганя, будетъ другая, это правда, сказалъ Солодкій. А нашимъ молодымъ дай Богъ долю и счастье; пусть живутъ долго здоровы и благополучны!

— Дай Богъ долгаго счастья и здоровья! отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

— А мы пока и одни поживемъ на свѣтѣ, Иванъ! сказалъ Солодкій.

— Поживемъ, Василь! отвѣчалъ Иванъ Савичъ и поглядѣлъ вокругъ. Маленькая, убогая комнатка, крошечное слѣпое окошечко на улицу; улица занесена снѣгомъ—чуть виденъ рядъ домиковъ; улица пуста, домики тихи. Сердце пуще заныло у него.

— А знаешь, Василь, нехорошъ нашъ городокъ! сказалъ Иванъ Савичъ.

— А чѣмъ же онъ хуже другихъ? спросилъ Солодкій.

— И жизнь наша нехороша, говорилъ свое Иванъ Савичъ и сталъ шагать по комнаткѣ изъ угла въ уголъ взадъ и впередъ. А чѣмъ жизнь скрасить? Какъ выбраться изъ этого городка?

Иванъ Савичъ остановился.

— Не дай Богъ никому бѣднякомъ быть! сказалъ онъ и опять сталъ ходить по комнаткѣ.

— При бѣдности если здоровье плохое да семья большая—такъ бѣда! сказалъ Солодкій.

— Въ прежніе времена войны частыя бывали, говорилъ Иванъ Савичъ. Шли люди на войну, бились, рубились, а теперь дѣться некуда; негдѣ, нечѣмъ горя размыкать!

— А на войну такъ и я бы пошелъ, сказалъ Солодкій.

— Весь вѣкъ—то изживи такъ: служи въ здѣшнемъ су-

дѣ, веселись въ здѣшнемъ городѣ, говорилъ Иванъ Савичъ. Экая комнатка тѣсная! Ей-Богу на гробъ похожа!

Иванъ Савичъ пересталъ ходить, сѣлъ около Солодкаго и голову на руки склонилъ.

— Что это ты, Иванъ, затужилъ такъ? спросилъ Солодкій.

— Да вѣдь все это правда, другъ сердечный, святая правда!

Иванъ Савичъ всталъ и взялъ шапку.

— Куда жъ ты, Иванъ? спросилъ его Солодкій.

— Пойду Химу подстергать. И ушелъ.

— Приходи скорѣе, Иванъ, крикнулъ ему вслѣдъ Солодкій.

— Скоро приду, отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

Солодкій вышелъ на крылечко и проводилъ товарища глазами пока онъ скрылся. Въ глазахъ у Солодкаго видна была забота и безпокойство.

Иванъ Савичъ побродилъ по городку пока смерклось, передумалъ много думъ, перетерпѣлъ много боли сердечной, а въ сумерки онъ ждалъ въ переулкѣ, пока Хима вышла изъ воротъ. Хима шибко шла.

— Хима! Хима! покликалъ потихоньку Иванъ Савичъ.

Хима услышала, остановилась.

— Хима, любишь ли ты панночку? спросилъ Иванъ Савичъ.

— Люблю, отвѣтила ему Хима и ждала, что дальше ей скажутъ.

Иванъ Савичъ ей все рассказалъ. Хима отвѣтила:

— Спасибо вамъ, спасибо, что за сироту заступились! Я ей вѣсточку передамъ... ужъ я ухитрюсь... къ ней теперь войдти трудно, а поговорить съ ней еще труднѣй—подглядываютъ, подслушиваютъ... Да я ужъ ухитрюсь!

— А что Настасья Михайловна здорова? спросилъ Иванъ Савичъ.

— Не жалуется.

— Очень скучаетъ?

— Очень, очень, очень!

Иванъ Савичъ вздохнулъ и было притихъ, но вдругъ словно какъ опомнился, встрепенулся и проговорилъ:

— Такъ ждите насъ, ждите! Сегодня вечеромъ ждите!

— Хорошо, хорошо, отвѣчала Хима. Прощайте, меня ужъ вѣрно хватились дома; нани послала за бѣлымъ хлѣбомъ теперь и твердила: скорѣй, скорѣй! Выручайте: панночку, выручайте, сказала Хима и убѣжала.

Иванъ Савичъ пришелъ къ домику Крашовки. Оглянувшись, нѣтъ ли кого на улицѣ—улица была пуста; онъ вошелъ въ калитку. Его встрѣтила Мелася.

— А, сказала она, такъ это васъ ждуть! Идите, идите скорѣе, милости вашей просимъ. Мы ужъ глаза проглядѣли васъ дожидаячи!

Григорій Гавриловичъ и Марѳа Петровна услышали и встрѣчали ужъ сами. Они глядѣли на него и ждали его слова. У Ивана Савича не нашлось сразу голоса и комната вкружилась у него въ глазахъ. Потомъ онъ сказалъ: все готово, Гриша. Сегодня.

— Ночью? проговорилъ Григорій Гавриловичъ.

— Нѣтъ, съ вечеру попозднѣе.

— Въ какомъ часу?

— Черезъ два часа будь у насъ.

Иванъ Савичъ воротился домой и утѣшилъ своего заботливаго товарища веселымъ лицомъ и шутками.

Солодкій былъ доволенъ; такъ доволенъ, что даже у него немножко обычной важности пропало.

— Мы казацкаго роду, говорилъ Солодкій.

— У насъ тоска не загостится, мы ее спровадимъ скоро, по казацки! По казацки, лихою объ землю!

— А знаешь, что я еще придумалъ? сказалъ Иванъ Савичъ. Онъ понизилъ голосъ и сказалъ, что придумалъ.

Солодкій засмѣялся.

— А что, хорошо будетъ? спросилъ Иванъ Савичъ.

— Хорошо, Иванъ, очень хорошо! только держи ухо востро!

У Малимоновыхъ все было печально. До Эраста Антиповича дошло, что Крашовка уѣхала въ губернію. Эрастъ Антиповичъ этимъ обезпокоился: у него въ губерніи былъ давній врагъ, и этотъ врагъ только ждалъ случая, даже не случая, а только повода прицѣниться.

Павла Андреевна ходила огорченная и смущенная; ей было тошно заглянуть къ Настѣ. Настя съ тоской у ней спрашивала:

— Что я вамъ сдѣлала? Или вы не знаете, какъ мнѣ тяжело? Или вамъ весело мучить дѣвушку? За что вы меня погубить хотите?

— Ахъ, какъ она горюетъ! какъ она, бѣдная, горюетъ! говорила Павла Андреевна Копытѣ.

Копыта ей ничего не отвѣчалъ, только все мрачнѣй да мрачнѣй на нее взглядывалъ, а когда она говорила Эрасту Антиповичу, Эрастъ Антиповичъ ей отвѣчалъ, что снявши голову по волосамъ не плачуть, что теперь поздно сокрушаться.

— Да жалко мнѣ ее! говорила Павла Андреевна.

— Что жъ дѣлать что жалко? Жалко не жалко, а за Копыту отдавай, коли не хочешь, чтобъ онъ насъ всѣхъ съ лица земли стеръ!

— Ахъ, Эрастъ Антиповичъ! ужъ онъ мнѣ разъ пригрозилъ!

— Мнѣ не грозилъ, да я его и безъ грозьбы насквозь вижу, что онъ за птица. Кто знаетъ, какъ примется Крашовкина жалоба. Придерутся къ тому, что сироту притѣсняю да и пойдутъ ни-вѣсть чего доискиваться... и если Копыта не заступится... Теперь дѣло въ томъ, чтобы онъ заступился.

— Онъ заступится! сказала Павла Андреевна. Я ручаюсь!

— Не ручайся и за себя, не только что за стараго скрягу!

— Онъ всегда обѣщаль...

— Ну, ну. Нечего дѣлать, будемъ уповать на доброе!

— Ахъ, я Настѣ счастья желала! Я желаю ей счастья!

— Чего жъ пицишь-то Павла Андреевна! Я вѣрю тебѣ! эхъ!

Тихонько отворилась дверь въ Настину комнатку и тихонько вошла Хима, и дала знакъ молчать; подошла къ Настѣ, обняла, крѣпко поцѣловала.

— Хима, бѣги туда... бѣги къ нему... скажи ему... заговорила Настя и гнала Химу изъ комнатки.

— Не тоскуйте, не плачьте, шептала Хима, погодите.

— Ахъ, Хима! я не видала его давно! Иди, скажи ему!

Отд. I.

1/25

Ты не знаешь, какая я несчастная... Иди, иди къ нему...

— Тише, тише! Онъ придетъ...

Ахъ, тише, тише! Услышутъ—все тогда пропало!

— Гдѣ онъ? гдѣ? Когда придетъ?

— Сядьте смирно, слушайте смирно, смирно! смирно!

— Настя молила: скажи, скажи!

— Сегодня вечеромъ придетъ онъ подь ваше окно; тише, тише! Онъ придетъ съ товарищами и васъ украдетъ, тише. Скажите, что голова болитъ, идите пораньше... помните, все надо тихо, тихо!

— Да, да, да, повторяла Настя.

Дрожала она вся какъ листокъ.

— Поспокойнѣй глядите, говорила Хима, чтобъ ни въ чемъ незаподозрили.

Послышались шаги Павлы Андреевны. Хима взяла въ руки стаканъ съ водой. Вошла Павла Андреевна.

— Ты, Настя, воду пьешь? спросила она какъ виноватая. Хочешь сырону?

— Я нездорова, проговорила Настя.

— Ахъ, Боже! что жъ у тебя болитъ?

— Голова болитъ.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой! Ты, Настя, лягъ; ты Настя усни!

— Да, да, идите, я лягу, отвѣчала Настя, идите, я лягу. Павла Андреевна и Хима ушли.

— Настя нездорова, сказала Павла Андреевна въ гостиной, тамъ былъ Копыта, и Эрастъ Антиповичъ, оба сидѣли молча. Копыта вскочилъ: больна, больна? проговорилъ онъ.

— Что такое съ нею? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Ахъ, у ней голова болитъ. Она спать легла.

— Выспится и пройдетъ—голова это не опасно, сказалъ Эрастъ Антиповичъ. Не беспокойтесь, Данило Самойловичъ.

Данило Самойловичъ посидѣлъ еще у нихъ недолго, не говоря ни слова, и ушелъ домой въ свою неприютную комнату. Онъ былъ очень угрюмъ, мраченъ и гнѣвенъ. Каждый день прожитый ложился на него, какъ гора; ему было все душнѣй, все тошнѣй. Его жгло безпокойство, нетерпѣнье; его ревность терзала.

Быль десятый часъ вечера на исходѣ. Павла Андреевна сидѣла съ Эрастомъ Антиповичемъ вдвоемъ.

Оба были скучны очень.

— Господи, какъ у меня тяжело что-то на сердцѣ! сказала Павла Андреевна.

На это Эрасть Антиповичъ ничего не отвѣчалъ.

— И тебѣ тяжело? спросила она его, а?

— Эхъ, Павла Андреевна! проговорилъ Эрасть Антиповичъ.

Постучались у дверей съ улицы.

— Кто-то стучится, слышишь? сказалъ Эрасть Антиповичъ.

— Кого это принесло!

— Кто бы это? Не Данило ли Самойловичъ? сказала Павла Андреевна.

Эрасть Антиповичъ взявъ свѣчу и пошелъ отворять. Павла Андреевна выглядывала изъ-за дверей.

Вошелъ полный, чернородый человѣкъ, высокаго росту, въ синемъ долгополомъ кафтанѣ, съ виду купецъ. Онъ снялъ съ головы бархатный картузь и низко Эрасту Антиповичу поклонился.

— Начальника ли города сподобилъ Богъ меня увидеть передъ собою, сказалъ этотъ человѣкъ. Онъ говорилъ словно не своимъ голосомъ, какъ-то глухо, изъ горла.

— Кто вы такой? спросилъ Эрасть Антиповичъ.

— Купецъ Решетовъ изъ П. Батюшка, сахаромъ тамъ торгую.

— Что вамъ угодно?

— Извините, что осмѣлился къ вамъ явиться поздно; опоздалъ, батюшка, опоздалъ. Потому опоздалъ, что лошадь у меня коренная захромала...

— Что же вамъ отъ меня надо?

— Да обидѣлъ меня вашъ купецъ Желтуха. Я приѣхалъ на него суда просить.

— У насъ купецъ Желтуха хорошій человѣкъ, сказалъ Эрасть Антиповичъ.

— Какъ вамъ угодно, батюшка, только онъ меня оби-

дѣлъ. Явите надъ нами правосудіе, я за правосудіе тысячи не пожалѣю!

— Да войдите въ комнату, въ гостиную, что жъ мы тутъ стоимъ?

Эрастъ Антиповичъ ввелъ купца въ гостиную, показалъ на Павлу Андреевну и сказалъ: жена моя—купецъ ей поклонился въ поясъ, а Павла Андреевна ему поклонилась ласково.

— Садитесь, прошу покорно, сказалъ Эрастъ Антиповичъ купцу, какъ ваше имя отчество?

— Еремѣй Еремѣичъ Решетовъ, батюшка.

— А! изъ великой Россіи?

— Точно такъ-съ.

— Я самъ изъ великой Россіи.

— А давно, батюшка?

— Какъ же не давно—то... лѣтъ ужъ тридцать живу здѣсь.

— И хорошо, батюшка, живете?

— Живется помаленьку.

— А супруга не изволитъ скучать?

— Ничего.

— Скучаю! проговорила Павла Андреевна. У насъ городокъ невеселый.

— Ярмарокъ видно не бываетъ, сударыня? спросилъ купецъ.

— Пустыя ярмарки, сказалъ Эрастъ Антиповичъ. Ну, рассказывайте свое дѣло. Поди, Павла Андреевна, не мѣшай намъ.

— Помилуйте, отъ вашей супруги какая жъ помѣха? Оставайтесь, сударыня, оставайтесь! говорилъ купецъ.

Павла Андреевна осталась.

— Ну, рассказывайте, настаивалъ Эрастъ Антиповичъ: купецъ сталъ рассказывать и рассказывалъ онъ медленно чрезвычайно, что называется зимовалъ на каждомъ словѣ, прилеталъ къ рассказу своихъ родныхъ и знакомыхъ, пожары прошлогодніе, дѣны настоящія, будущій конецъ свѣта...

Эраста Антиповича уже нетерпѣнье брало, какъ вдругъ купецъ всталъ, поклонился и сказалъ: я привезъ вамъ, ба-

тюшка, двадцать головокъ сахару, не побрезгайте моимъ усердіемъ.

— Покорно благодарю, Еремѣй Еремѣичъ, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ. Покорно благодарю!

— У меня тутъ подъ воротами паробокъ стоитъ—позвольте, я ему крикну.

— Хорошо, Еремѣй Еремѣичъ, хорошо, крикните.

Купецъ вышелъ проворно и крикнулъ громко; сейчасъ же показался паробокъ съ головами сахару на плечахъ.

— Экой азіатъ у васъ паробокъ—то! сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Да—съ именно азіатъ. Позвольте тутъ въ прихожей сахаръ сложить?

— Хорошо, хорошо, я вамъ посвѣчу.

Эрастъ Антиповичъ свѣтилъ, паробокъ носилъ и складывалъ сахарныя головы, а купецъ считалъ—насчиталъ двадцать и опять Эрасту Антиповичу поклонился, потомъ поклонился Павлѣ Андреевнѣ, что стояла тутъ—же, а на паробка махнулъ рукою, велѣлъ ему идти на постоянный дворъ. Паробокъ ушелъ.

Эрастъ Антиповичъ и Павла Андреевна оба поблагодарила купца.

— А дѣла—то все-таки не рассказали! Рассказывайте, говорилъ Эрастъ Антиповичъ.

Купецъ опять принялся свое дѣло рассказывать...

— Одѣвайтесь потеплѣй, на дворѣ морозъ такой, что звѣзды пляшутъ, шептала Хима Настѣ.

— Придутъ ли они, придутъ ли?

— Ждите, ждите, будьте готовы. Прощайте! Счастливаго пути, хорошаго, веселаго житья!

Дѣвушки обнялись и долго цѣловали другъ друга.

Хима ушла и затворила двери.

Настя стала прислушиваться и ждать. Какой шумъ, какой звукъ или отголосокъ ни донесется къ ней по холодному вечернему воздуху—отъ всего она вздрагиваетъ и ждетъ, ждетъ... Ей то жарко, то холодно. Вдругъ шаги... быстрые, быстрые шаги... Это онъ!

— Настя! Настя!

— Я жду, я жду! отвѣчаетъ Настя. Онъ подрѣзываетъ раму, Господи, какъ страшно! Рама вынута.

— Настя, отвори, отвори.

Настя дрожащими руками отворяетъ окно... отворила! Григорій Гавриловичъ схватываетъ ее на руки и она въ саду. Они бѣгутъ рука съ рукой по саду, къ оградѣ. За оградой сани тройкой. Григорій Гавриловичъ переноситъ Настю черезъ ограду; они садятся въ сани и сани летятъ стрѣлой; снѣгъ взвизгиваетъ подъ полозьями; звѣзды ярко мигаютъ на небѣ; сердце еще трепещетъ отъ недавнихъ страховъ и ужъ полно радостью.

А въ гостиной у Малимоновыхъ купецъ свое дѣло разсказалъ, по его разсказу купецъ Желтуха у него обманомъ сахаръ перекупилъ.

— Заступитесь, батюшка, за меня! просилъ купецъ.

— Гмъ! отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Я не пожалѣю и тысячи, только бы мнѣ своему обидчику отплатить.

— Не унывайте, Еремѣй Еремѣичъ, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ, положитесь на меня.

— На васъ вся моя надежда, батюшка, сказалъ купецъ.

— А знаете ли, что мнѣ ваше лицо ужасно знакомо—я гдѣ-то васъ должно быть встрѣчалъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Много чести, отвѣтилъ купецъ съ поклономъ.

— И мнѣ знакомо, сказала Павла Андреевна.

— Много чести, сударыня, отвѣтилъ ей купецъ тоже съ поклономъ.

— Только вотъ голосъ у васъ... голосъ какой-то незнакомый... сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Простуда можетъ? спросила Павла Андреевна.

— Да-съ, простуда, отвѣчалъ купецъ.

На улицѣ слышалась веселая пѣсня. Кто-то пѣлъ очень весело: «Ой бувъ та нема».

Купецъ сталъ откланиваться и прощаться.

— Приходите завтра, говорилъ ему Эрастъ Антиповичъ.

— Приходите, сказала Павла Андреевна.

— Не премину, отвѣчалъ купецъ, не премину-съ.

Купецъ ушелъ, а Павла Андреевна сказала: Такъ скучно теперь, что всякому я рада. Пока былъ купецъ, все лучше, а теперь опять тоска. И спать не хочется.

— Ужъ поздно, пора спать, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ. Смотри—ка, скоро полночь.

Ночь прошла, наступило утро.

— Ахъ, что это такое! вскрикнула Павла Андреевна.

— Гдѣ? что? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Ахъ, здѣсь... сахаръ... ахъ, Боже мой!

Въ прихожей вода текла ручьями. Яркое солнышко весело свѣтило въ окна; весело трещала затопленная печь, а отъ вчерашняго приношенія, отъ головъ сахару остались только мокрая синяя бумага, да куски обтаявшаго снѣга.

Эрастъ Антиповичъ глазамъ своимъ не вѣрилъ; онъ стоялъ какъ громомъ пораженный нѣсколько минутъ. Павла Андреевна покамѣстъ ахала, ахала, удивлялась, спрашивала и терялась въ догадкахъ.

— Что Настя? вдругъ спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Она вѣрно спитъ, я ее еще не видала сегодня.

— Поди къ ней... поди, погляди сейчасъ.

— Зачѣмъ?

— Поди, поди... И Эрастъ Антиповичъ самъ поспѣшно пошелъ за нею къ Настѣ.

Комната Насти пуста. Окно настезъ.

— Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! заахала Павла Андреевна.

— Ну, пришла бѣда, отвори ворота! сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

Созвали людей, никто ничего не знаетъ, не вѣдаетъ; никто ничего не слыхалъ, не видалъ.

Пришелъ Данило Самойловичъ.

— Ахъ, Данило Самойловичъ! проговорила Павла Андреевна. Ахъ, Данило Самойловичъ!

— Что такое? Что случилось? вскрикнулъ Данило Самойловичъ и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

— Насти нѣтъ! Настю украли!

У Данилы Самойловича все въ глазахъ померкло.

— Ахъ, Боже мой! онъ умираетъ, закричала Павла Андреевна.

Эрастъ Антиповичъ было бросился его поддержать, но Данило Самойловичъ оттолкнулъ его отъ себя и выбѣжалъ. Онъ прибѣжалъ домой и закричалъ: «лошадей, лошадей!»

— Лошади еще не пришли изъ деревни, отвѣчала ему Ганка.

Онъ сталъ какъ безумный, бросалъ деньги пригоршнями и кричалъ лошадей! Ганка испугалась и спряталась отъ него.

Онъ побѣжалъ опять къ Малимоновымъ съ тѣми же криками—лошадей! Тамъ со страху сейчасъ ему дали лошадь и санки—онъ бросился въ нихъ и немилосердно погналъ лошадь, помчался по первой дорогѣ, что попалась.

Къ утру бѣглецы пріѣхали въ село Гуньки, прямо къ попу на широкой дворъ. Наймитъ бросилъ дрова рубить, наймишка бросила коромысло; молодой попъ съ попадѣй выбѣжали на встрѣчу.

— Все у васъ готово? спросилъ Солодкій.

— Все готово, отвѣчалъ молодой попъ.

— Ну, такъ съ Богомъ! пойдете въ церковь.

И пошли въ церковь.

Въ маленькой, вѣтхонькой церквѣ и перевѣчались.

Настю послѣ бессонныхъ ночей и тревогъ клонилъ сильный сонъ; рѣзвыя ножки ея подкашивались; не то довелъ, не то донесъ ее молодой до саней и посадилъ усталую, иззябшую и счастливую. Она слышала, словно въ полудремотѣ, въ полуснѣ, какъ попъ пріятнымъ, тонкимъ голосомъ желаетъ многія лѣта, а за нимъ подхватываетъ дьяконъ и дьячокъ басами—она слышала, но сама ни слова не могла вымолвить. Глаза ея закрывались отъ блеска синяго неба, отъ яркаго бѣлаго снѣга, отъ сіяющаго солнца.

— Бѣдняжка, какъ измучилась, слышала Настя милый голосъ и хотѣла сказать: мнѣ хорошо,—уста ея не промолвили, хотѣла хотя взглянуть—глаза не открылись. Сладко и крѣпко она уснула.

Молодые были въ бѣгахъ двѣ недѣли. Они прятались на хуторѣ у Робоча, у пріятеля Солодкаго, въ тепломъ и свѣтломъ домикѣ.

Робочъ былъ радушный, добрый и веселый человѣкъ; къ тому же онъ любилъ всякія необыкновенныя происшествія

и тѣшился ими. Онъ былъ радъ гостямъ своимъ; ужасно хлопоталъ каждый день объ обѣдѣ, спорилъ по дому съ своей старушкой кухаркой и всякій разъ подъ конецъ спора сулилъ ей купить хорошій платокъ на голову или чоботы новые, или еще что нибудь. Кухарка не терпѣла, когда съ ней спорили, но у ней было пристрастіе къ новымъ платкамъ съ каймой, къ новымъ чоботамъ, ко всему новому, а самое главное она была женщина добрая, никому печали не хотѣла; молодость, любовь и красота очень трогали ея сердце тоже — поэтому всему обѣды были чудесные и гостей угощали то тѣмъ, то другимъ. Робочъ даже накупилъ пѣвчихъ птичекъ, чтобъ въ домѣ было веселѣй; накупилъ красныхъ скатертей и хрустальныхъ стакановъ, чтобы было праздничнѣй; онъ нашелъ какого-то стараго скрипача, чтобы игралъ разныя веселыя вещи и самъ иногда танцевалъ завернувши вверхъ длинные свои усы. Робочъ съ большой грустью простился съ молодыми, а молодые пріѣхали въ городъ, поселились у матери, и всѣ вмѣстѣ тихонько зажили. Черноусый Василь рассказывалъ, что тамъ въ домѣ счастливо съ утра и до вечера и говорилъ тоже черноусый Василь, что и ему давно пора жениться, и что онъ рѣшилъ — какъ выйдетъ ему годъ у хозяйина, такъ онъ и женится.

Хима украдкой прибѣгала къ молодымъ и оттуда возвращалась такая веселая, довольная; и кухарка побывала тамъ, и дѣвочка Ганка—а послѣ у нихъ о молодыхъ были разговоры шепотомъ долгіе и пріятные, даже Яковъ мимо домика прошелъ и когда кланялся молодымъ, такъ усмѣхнулся.

Павла Андреевна скоро перестала сердиться и пожелала видѣть Настю, но Эрастъ Антиповичъ этого не допустилъ: онъ говорилъ, что боится Копыты, что ждетъ его со дня на день, что Копыта будетъ мстить и ему, когда узнаетъ, что они въ дружбѣ съ молодыми. Павла Андреевна слушалась, плакала и жаловалась.

— Копыта пропалъ, чего жъ его бояться, говорила она.

Надо сказать, что Копыта, какъ поѣхалъ въ догонку за молодыми, такъ съ той поры словно въ воду канулъ. Не было слуху ни о лошади, ни о санкахъ Малимоновыхъ.

Кромѣ того, что боялся Эрастъ Антиповичъ Копыты,

онъ не могъ ни забыть, ни простить надъ собой насмѣшки, хотя на другое сердце у него было отходчивое.

— Не стыдно тебѣ сердиться такъ долго? спрашивала его Павла Андреевна.

— Я ихъ не трогаю, пусть же Бога за это благодарятъ; а вотъ Лепехъ и Солодкому я объ себѣ какъ нибудь да напомнимъ. За сахаръ хотя медомъ имъ отплатчу!

Да не удалось ничѣмъ отплатить.

Послѣ смѣху и шутокъ, и переодѣванья, на Лепеху опять тоска напала, да еще больше, еще несноснѣй: онъ раздумывалъ, совѣтовался съ Солодкимъ и наконецъ положилъ идти далѣе и счастья поискать гдѣ нибудь подальше. Собрался онъ идти въ Одессу. Солодкій не отсталъ отъ товарища и заказалъ себѣ съ нимъ одинаковые сапоги на дорогу.

— Что жъ вы думаете? спрашивали у нихъ молодые при прощаньи.

У нихъ было думъ много: можетъ поступать матросами, поѣхать по морю въ чужія страны; можетъ проберутся въ Крымъ; можетъ въ полкъ пойдутъ...

— Дай Богъ счастья во всемъ! говорили имъ провожаемые. Дай Богъ всего добраго! И долго повторялось имъ въ слѣдъ: счастья, счастья! добраго, всего добраго!

— Счастія намъ желаютъ, всего добраго намъ желаютъ, сказалъ Лепеха товарищу, когда они шли по дорогѣ подъ весеннимъ солнышкомъ—словно счастье и все доброе только стоитъ поднять на пути да въ карманъ положить!

— Конечно, не всякому дается, отвѣчалъ Солодкій ему, а за хорошее желанье спасибо имъ; видишь ли, они намъ пожелали, что самимъ имъ Богъ далъ — они счастливы и намъ того жъ пожелали.

Иванъ Савичъ вспомнилъ какъ они счастливы. Глядятъ такъ смѣло и ясно, говорятъ такъ тихо и нѣжно... Думалось ему: уйдетъ, такъ будетъ ему легче, а вотъ ушелъ стало будто тяжело и всего стало жалко: жалко молодыхъ, счастливыхъ ихъ лицъ не видать; жалко хозяйки—старушки спокойной, твердой и доброй; жалко веселыхъ тамошнихъ рѣ-

чей и лукавой Меласи жалко, и бѣлаго домика ихъ, и зеленого садика.

О Копытѣ стали слухи ходить, что его чортъ унесъ съ собою, что все его золото вспыхнуло и перегорѣло въ уголья, что у него въ домѣ воетъ кто-то по ночамъ; удивлялись, какъ старая Ганка въ такомъ домѣ живетъ и стали на нее посматривать не только съ жалостью, какъ бывало, а посматривали и со страхомъ.

А вправду-то въ домѣ было тихо словно въ могилѣ; одинокая старая Ганка чинила да перечинивала свою ветхую одежду, болѣла безъ помощи и одиноко ждала, когда ее Богъ приберетъ, когда ее земля возьметъ.

Вдругъ лѣтомъ, неожиданно пріѣхалъ Копыта; еще худѣй, еще угрюмѣй онъ былъ. Вошелъ въ домъ, отперъ замки, пересчиталъ деньги, пересмотрѣлъ всѣ пожитки; онъ пробылъ два дня дома—никого не видалъ, никуда не пошелъ.

Въ эти два дня Ганка старая слышала, какъ онъ стоналъ и у нея морозъ пробѣгалъ по кожѣ при этихъ столахъ—страшно было, жаль было. Черезъ два дня Копыта уѣхалъ въ дальній свой хуторъ. Онъ жилъ тамъ какъ колдунъ — одинъ всегда, всегда золъ и немилостивъ. Сперва домъ въ городѣ онъ продалъ, потомъ продалъ всѣ свои имѣнья, забралъ деньги; живетъ въ хуторкѣ, всѣхъ пугаетъ, самъ всего боится, считаетъ и охраняетъ свою золотую казну, подозрѣваетъ старую Ганку въ злыхъ умыслахъ, въ кражѣ, грозитъ ей и сулитъ страшное мщенье.

Ганка все еще служитъ ему; ее еще земля не взяла, еще Богъ не прибралъ.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

Эпиграфъ къ пѣснямъ.

Изъ Гейне.

Какъ лѣтомъ колосья на нивѣ,
Въ умѣ человѣческомъ зрѣютъ,
Ростутъ и волнуются мысли.
А завѣтныя мысли поэтовъ
Подобны цвѣткамъ, и лазурнымъ и алымъ,
Пестрѣющимъ между колосьевъ.

Цвѣтки пригожіе! васъ топчетъ жнецъ суровый
И вырываетъ съ плевелами вонъ;
Порой нещадно бьетъ васъ цѣпъ дубовый...
И даже праздный вѣтрогонъ,
Встрѣчающій васъ лаской и привѣтомъ,
Любующійся вашей красотой,
Подчасъ, сомнительно качая головой,
Зоветь васъ милымъ пустоцвѣтомъ.

За то красавица, плетущая вѣнки,
Не забываетъ васъ, гонимые цвѣтки:
Она сорветъ васъ ручкой благосклонной,
На молодой груди продлитъ вамъ лѣтній зной,
Украститъ вами локонъ золотой,
На пляски рѣзвыя спѣша на лугъ зеленый,
Гдѣ скрипка съ флейтою такъ сладостно звучать;
Или подъ тѣнь гостепріимныхъ липокъ,
Гдѣ голосъ милаго отраднѣе сто кратъ
И флейтъ и скрипокъ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

АРШУШКА.

V.

Прошелъ годъ. Петръ Петровичъ съ женой живётъ въ Петербургѣ; онъ занимаетъ великолѣпную квартиру, дѣлаетъ вечера, обѣды, въ домѣ его съ утра до ночи тѣлятся гости, одни лица смѣняются другими. Кто по дѣлу, кто отъ бездѣля, съ параднымъ визитомъ, съ низкимъ поклономъ, съ всенижайшей просьбой. Время идетъ быстро, незамѣтно, не то что въ деревнѣ; пройдетъ день и останется отъ него въ головѣ шумъ, тягость, хаосъ какой-то, даже отчета не можешь дать себѣ, чтó въ теченіи этого дня занимало, тревожило тебя, какими вопросами интересовался умъ, какимъ чувствомъ билось сердце—всего понемножку, всего отвѣдалъ, да ничѣмъ не насытился. Петръ Петровичъ сталъ еще величественнѣе, еще эффектнѣе; стоило взглянуть на него, когда онъ послѣ изящнаго обѣда, развалился въ большомъ мягкомъ креслѣ передъ пылающимъ каминомъ, чинно бесѣдовалъ съ окружающими его гостями. Съ какою увѣренностью въ собственной непогрѣшимости говорилъ онъ, какъ вытянувъ впередъ нижнюю губу курилъ сигару, щурилъ глаза и сплевывалъ на сторону, какъ выходилъ въ пріемную, какъ склонивъ голову, терпѣливо, съ думой на лицѣ, выслушивалъ

просителя, какъ звуками безъ словъ отвѣчалъ на его поклоны и слезы, какъ читалъ наставленія младшимъ, какъ трактовалъ съ родными, преданными ему старушками и прочее. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Петръ Петровичъ становился выше самого себя, выше всякаго описанія,—орелъ да и все тутъ. Лице его сіяло такимъ весельемъ, такимъ внутреннимъ самодовольствомъ, что простой, обыкновенный человѣкъ, взглянувши на него въ подобную минуту, чувствовалъ и страхъ, и благоговѣніе, и удивленіе, и что-то такое пріятное, замирающее въ крови, бѣгающее по тѣлу. Не всегда впрочемъ Петръ Петровичъ драпировался этимъ театральнымъ эффектомъ: иногда, замѣтно для самого себя, онъ спускался съ ходуль и становился простымъ, ворчливымъ, мелочнымъ старикомъ.

Въ послѣднее время въ характерѣ его начала выказываться какая-то незамѣтная прежде, старческая раздражительность, почти злоба, недовѣріе ко всему окружающему. Онъ безпрестанно на что нибудь сердился, безпрестанно придирался то къ тому, то къ другому и наказывалъ виновнаго иногда черезъ-чуръ жестоко. Увидить стулъ не на мѣстѣ—бѣда, трубку не скоро подадутъ—опять бѣда, за обѣдомъ поваръ кушанье пересолить, дрова въ печкѣ затрещать, у кучера лошадь захромаетъ, кто нибудь изъ прислуги взглянетъ не такъ,—все равно, бѣда всему дому, веѣмъ, кто на глаза попадется. Ему казалось, что всѣ обманываютъ, обворываютъ, даже разоряютъ его; и странное дѣло—Петръ Петровичъ иногда сорилъ деньгами, давалъ въ долгъ безъ отдачи, помогалъ даже постороннимъ лицамъ, какъ будто хотѣлъ прославить себя, удивить всѣхъ своимъ богатствомъ, своею щедростью и вдругъ придирался къ какому нибудь самому мелочному домашнему расходу, къ сальной свѣчкѣ, къ людскому черному хлѣбу и тому подобнымъ предметамъ; точно грошами, оторванными отъ необходимости, хотѣлъ замѣнить летѣвшія для тщеславія тысячи. Крѣпостной человѣкъ Колотырникова, исправлявшій должность лакея, за одно подозрѣніе въ кражѣ съ барскаго стола двугривеннаго, попалъ въ солдаты; старая женщина, лѣтъ двадцать пять прожившая въ домѣ, за излишнюю трату кофея, сослана въ

дальнюю деревню; комнатный мальчикъ, пойманный съ двумя кусками господскаго сахару, былъ больно высобченъ. Вся прислуга трепетала, ходила на цыпочкахъ, не знала какъ угождать барину, какъ глядѣть на него, какимъ средствомъ избавиться отъ незаслуженныхъ подозрѣній и все напрасно: всякій день новая напасть, новые жестокіе удары. Только иногда, временно, Петръ Петровичъ бросалъ эти домашнія дразги, онъ какъ будто забывалъ все въ домѣ, не сіялъ, не блестялъ даже, говорилъ иначе, хмурился, ежился, сказывался нездоровымъ, никого не принималъ къ себѣ и по дѣльнымъ дѣламъ или ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, или лежалъ на диванѣ; а приходило время и, не надолго заснувшій левъ, снова вступалъ въ права свои, принималъ свой прежній образъ, становился еще большей грозой—чѣмъ-то неимоვნю гордымъ, почти недосягаемымъ. На Аринушку Петръ Петровичъ, казалось, махнулъ рукой, совершенно забылъ про нее: ему было все равно—весела она или печальна, здорова или больна, существуетъ или нѣтъ. Въ первое время по приѣздѣ въ Петербургъ онъ вывозилъ жену, пышно, богато наряжалъ ее, представлялъ роднымъ и знакомымъ, заставлялъ играть нѣкоторую роль, училъ что и какъ говорить, какъ гдѣ держать себя, съ кѣмъ быть особенно обходительной; но этимъ наружнымъ показомъ, этою парадною, блестящею выставкою супруги кончились всѣ обязанности мужа; онъ даже не зналъ, какъ проводить время жена его, что дѣлаетъ, дома она или нѣтъ; иной день совершенно не видался съ ней, иногда видался мелькомъ или случайно, или въ установленный часъ обѣда, завтрака; говорилъ тогда, когда поневолѣ приходилось говорить, да и то или отдавалъ приказанія, или ворчалъ на что нибудь, или передавалъ какую нибудь самую пустую, обиденную новость.

— Завтра Змѣйкины звали; тебѣ нужно ѣхать, говорилъ онъ отрывисто, даже не глядя на Аринушку.

— Хорошо, отвѣчала послѣдняя.

— Морозъ сегодня, градусовъ двадцать есть, замѣчалъ Петръ Петровичъ. А?.. добавлялъ онъ вопросительно.

— Я ничего не говорю, попрежнему отвѣчала Арина Сергѣевна.

*

— Знаю, что ничего! проманился супругъ продолжительно зѣвая и вдругъ, какъ-бы почувствовавъ внезапное влеченіе къ брани, перемѣнялъ тонъ, хмурялъ лицо.

— А здѣсь что-то холодно. Я этого мерзавца, Андриюшку, топить выучу; онъ, свинья, барскіе дрова продаетъ, мошенничаетъ, на конюшнѣ давно не былъ... Холодно здѣсь, очень холодно! добавлялъ онъ, обращаясь къ женѣ, какъ будто что-то приказывалъ ей.

— Не знаю какъ вамъ, — мнѣ не холодно, замѣчала послѣдняя.

— Какъ не холодно, вздоръ!.. Мнѣ холодно, вздору терпѣть не могу. Не холодно, — забнетъ сама, замерзла совсѣмъ, вонь и руки красныя! Богъ знаетъ почему заключалъ Петръ Петровичъ.

Подобнаго содержанія разговоръ возобновлялся каждый разъ, когда только мужъ удостоивалъ разговоромъ жену свою.

Несмотря на это видимое отчужденіе, на сухость, даже жесткость обращенія, Петръ Петровичъ нисколько не былъ сердитъ на Аринушку; сердиться было не за что, она только стояла у него въ сторонѣ, тамъ гдѣ-то на послѣднемъ планѣ, въ тѣни, какъ вещь не новая, давно всѣмъ извѣстная. Ему даже и въ голову не приходило, что эта жена могла быть чѣмъ нибудь недовольна, что ей недостаетъ чего-то, что онъ обращается съ ней не совсѣмъ по-человѣчески. Напротивъ, еслибы случилось поспорить, Колотырниковъ увѣрилъ бы всѣхъ и cadaго, что онъ мужъ примѣрный, образцовый, ласковый, предупредительный; что всякая женщина, соединившая съ нимъ судьбу свою, должна быть непременно счастлива. Въ самомъ дѣлѣ, чего жъ больше? Законъ исполненъ, всѣ формы, всѣ приличія соблюдены, живеть въ теплѣ, сыта, одѣта, обута, ни заботъ, ни горя не знаетъ! Не жизнь, а блаженство!

Дѣйствительно, судя по наружности, Петръ Петровичъ и не ошибался; Арина Сергѣевна не охала, не вздыхала, не жаловалась, при постороннихъ людяхъ улыбалась, казалась довольно спокойною; жизнь ея походила на какой-то тяжелый, продолжительный сонъ. По цѣлымъ днямъ сидѣла она, запершись въ своей отдаленной, простенькой спальнѣ, нико-

го не видала, ни съ кѣмъ не говорила; да и съ кѣмъ было говорить ей? Роднымъ и знакомымъ мужа она не нравилась: они тотчасъ узнали всю подноготную ея дѣвчества, завидовали, важничали передъ ней, иногда украдкой кололи ей глаза, а нѣкоторые просто, чуть не отвернувшись отъ нея, соблюдали только установленныя правила вѣжливости, то есть кланялись, спрашивали о здоровьи, да не хотя звали къ себѣ въ гости. Аринушка, съ своей стороны, не старалась заискивать ихъ расположенія, не навязывалась на ихъ дружбу; она даже рада была ихъ отчужденію, потому что не видѣла между ними ни одного человѣка близкаго, равнаго себѣ, думающаго одинаково съ нею, не слышала ни одного живаго, искренняго слова; всѣ ихъ движенія, всѣ чувства вѣяли какимъ-то холодомъ, были непонятны для Арины Сергѣевны, даже непріятно, болѣзненно дѣйствовали на ея нервы.

Она бы рада была совершенно не ѣздить къ нимъ, избавиться отъ ихъ докучныхъ, чопорныхъ посѣщеній, но мужъ или тащилъ ее съ собою, или заставлялъ сдѣлать какой нибудь церемонный визитъ, и она волею или неволею исполняла приказаніе, повиновалась какъ автоматъ, одѣвалась, ѣхала; дома при гостяхъ играла роль ключницы, бѣгала, хлопотала; въ гостяхъ, при мужѣ, безъ мужа, оставалась на второмъ планѣ, странною, неловкою, всѣми забытою, и только возвратясь къ себѣ въ комнату легко, свободно вздыхала.

Не мудрено, что при такой жизни, при такой отдѣльности отъ всего окружающаго, Аринушка стала искать сочувствія въ обществѣ низшемъ себя, въ людяхъ угнетенныхъ, загнанныхъ. Въ этихъ людяхъ она какъ бы отыскивала свое отраженіе, свою судьбу злосчастную, видѣла въ нихъ что-то родное, близкое, подобное самой себѣ и дѣлилась съ ними всѣмъ тѣмъ, что камнемъ давило душу, чѣмъ ныло сердце. Часто она какъ-то дружески, фамиліарно, совѣмъ не по барски разговаривала то съ однимъ, то съ другимъ членомъ своей прислуги, вызывала его на откровенность, прислушивалась къ его боли, къ его страданіямъ. Единственнымъ, лучшимъ другомъ ея была горничная Татьяна, простая крѣпостная дѣвушка, съ рябымъ некрасивымъ лицемъ, вывезенная изъ сельца Петровокъ; съ ней она неразлучалась ни

днемъ, ни ночью, любила ее какъ сестру родную, плакала, раскрывала предъ ней свою душу и сердце.

— Садись, Таня, садись, голубушка, не стой передо мной, говорила она обыкновенно, когда горничная дичилась, а не хочу, чтобы ты стояла—не барыня я тебѣ; какая я барыня, не хочу, не умѣю барыней быть; люби ты меня, люби, Христа ради!.. Я для тебя все сдѣлаю, все... упрошу на волю отпустить... люби меня только! Татьяна не знала, что говорить, краснѣла, мѣшалась, боялась опуститься на стулъ, боялась стоять и съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, смотрѣла на свою барыню.

За то прислуга съ своей стороны боготворила Арину Сергѣевну, видѣла въ ней свою заступу, свое спасеніе, хотя заступы въ дѣйствительности совсѣмъ не было. Часто провинившійся лакей или кучеръ вырашивалъ у ней замолвить милостивое слово передъ Петромъ Петровичемъ. Въ такомъ случаѣ Аринушка совершенно терлась, не знала, что отвѣчать, что дѣлать; сердце ея ныло, душа болѣла, рвалась оказать помощь и знала, что оказать ее не въ состояніи.

— Что я могу сдѣлать тебѣ... Я скажу, все скажу, только онъ не послушаетъ меня, право не послушаетъ... Не такой человекъ онъ, говорила она какимъ-то одравдательнымъ тономъ, стараясь избѣгнуть умоляющихъ взглядовъ просителя; а разъ, дѣйствительно, попробовала смягчить Петра Петровича, но получила страшный выговоръ и, со стыдомъ, вся въ слезахъ удалилась въ спальню.

Да и не одна домашняя прислуга пользовалась особеннымъ, милостивымъ расположеніемъ Арины Сергѣевны; она часто приводила съ улицы, съ церковной паперти какуюнибудь искаженную горемъ старуху-бабу, помла, кормила, отогрѣвала ее, давала денегъ, плакала, слушая ее рассказы, а потомъ какъ будто радовалась, что нашла такую несчастную.

Иногда, по цѣлымъ днямъ, Аринушка оставалась одна одинешенька, всѣхъ гнала отъ себя, неисключая и Татьяны, забывала все и сосредоточивалась въ самой себѣ. Въ это время она даже не одѣвалась, не чесалась, ничего не пила,

не знала, ей все становилось противнымъ, несноснымъ, т ягостнымъ; по нѣскольку часовъ сряду она сидѣла безъ всякаго движенія, подперевъ обѣими руками голову, сердце ея сильно билось, лице горѣло, глаза блуждали, точно искали чего-то и не могли ни на чемъ остановиться; невыносимая, мучительная тоска давила грудь ея. Иногда, лежа на кровати, забившись въ подушки, она стонала почти рыдая, по томъ въ какомъ-то изнеможеніи, распростершись на полу передъ образомъ, замирающимъ шопотомъ призывала къ себѣ Бога на помощь, а иногда, напротивъ, молитва тяготила ее, не шла ей на умъ: она сидѣла оцѣнѣвши, холодная, блѣдная, дрожала, и своими черными глазами безучастно смотрѣла на висѣвшій въ углу образъ.

Въ эти минуты ей чего-то доставало; казалось, казалто внутренняя пустота мѣшала ей жить, требовала пищи, воздуха. Въ эти минуты Аринушка готова была куда нибудь броситься, совершить что нибудь страшное, необычайное, лишь бы заглушить свои страданія, чѣмъ нибудь разогнать ихъ, утолить свою нестерпимую жажду. Умъ ея перелѣзъ съ предмета на предметъ, припоминалъ все видѣнное, слышанное, уста шептали слова Романа Семеныча: «Сердце свободно; у сердца нѣтъ ни закона, ни приличія»; воображеніе рисовало какіе-то новые, незнакомые, чудные образы, и къ этимъ образамъ стремилась Аринушка, протягивала къ нимъ руки, мысленно отдавалась имъ, звала ихъ, вся переносилась въ нихъ, забывалась мечтою и мечтою была счастлива.

Однажды, за полночь, когда въ домѣ все спало, Арина Сергѣевна, опустивъ голову и обнявъ колѣни руками, сидѣла въ раздумьи на своей кровати. На полу, въ изголовьи ея, скорчившись подъ одѣяломъ, лежала горничная Татьяна. Въ комнатѣ было совершенно тихо. Тусклая лампада передъ образомъ слабо освѣщала ее.

— Таня? вдругъ прошептала Аринушка.

Горничная встрепенулась и высунула изъ-подъ одѣяла голову.

— Вы кликнули, сударыня? спросила она.

— Не называй меня сударыней... Неужели и этой мило-

сти нельзя сдѣлать; мнѣ противно это слово, меня давить оно—я хочу быть Аринушкой, хочу быть равной тебѣ.

Горничная ничего не отвѣчала.

— Помнишь, Таня, ты рассказывала—продолжала Арина Сергѣевна съ разстановкой—что какая-то замужняя женщина полюбила посторонняго мужчину, бѣжала отъ мужа, а потомъ удавилась со стыда, съ гори... отчего это, чего боялась, чего стыдилась она?

— Какъ чего?.. отъ мужа-то... грѣхъ!

— Вѣдь она же любила, ее замужъ силой выдали; сердце нельзя молчать заставить, нельзя передѣлать его—въ сердцѣ Богъ!.. она можетъ и не хотѣла бѣжать, да бѣжала, остановиться не могла, сердце приказало... Чего же стыдиться тутъ? добавила она вопросительно и, помолчавъ, продолжала: я бы не стыдилась, не боялась, нечего мнѣ стыдиться, я бы далеко бѣжала..; я тоже должна бѣжать, должна любить кого нибудь, не знаю почему, должна только, такъ Богъ велѣлъ, такъ Богъ создалъ меня... Что, что я замужемъ, я обману мужа, пусть люди ненавидятъ, презираютъ меня, пусть преступницей назовутъ—мнѣ все равно; сердце выше ихъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, если оно меня тянетъ, зоветъ, тащитъ куда-то; я удержаться не въ силахъ, да и зачѣмъ удерживаться, погубить оно меня—пусть губитъ, я безъ того погибла. Что мнѣ въ жизни этой, она смерти хуже... я хочу зла себѣ! залючила Аринушка, и на глазахъ ея блеснули слезы.

— Господи, страсти какія, Господи, Иисусе Христе! крестясь, шептала Татьяна и со страхомъ глядѣла на госпожу свою.

— Время пришло! продолжала послѣдняя какими-то восторженными, задыхающимися отъ внутренняго волненія голосомъ. Пора, пора сбросить съ себя эту волю чуждую, пора человѣкомъ быть, женщиной, пора любить!.. Кого?.. шепни ты мнѣ Таня, научи ты меня! Все мнѣ грезится кто-то такой добрый, свѣтлый, съ мудрыми черными, глаза его блестятъ, щеки горятъ, изъ устъ пламенемъ пышетъ; я слышу голосъ его: онъ зоветъ меня, онъ плачетъ вмѣстѣ со мною, гдѣ онъ?.. отыщи мнѣ его... онъ близко, близко, онъ здѣсь гдѣ-то; я люблю его, я пронаду вмѣстѣ съ нимъ, съ нимъ

стублю себя, съ нимъ на дно пойду; въ немъ радость, въ немъ бѣда моя!.. Она замолчала и тяжело дышала; глаза ея сверкали въ полумракѣ.

— Съ нами крестная сила?.. Молитву сотворите... Это все дьяволъ смущаетъ, грѣху учить! произнесла горничная.

— Дьяволъ такъ дьяволъ, все равно, я ему отдамъ! рѣшительно отвѣтила Аринушка.

Татьяна вздрогнула и вторично перекрестилась.

— Таня!—нѣсколько помолчавъ, спокойнѣе прежняго заговорила Арина Сергѣевна—помнишь ты была въ гостяхъ, на вечеръ на какомъ-то, не помню я, ты сказывала, что веселилась много?

— У писаря на имьянинахъ была, равнодушно отвѣтила горничная.

— Ты скоро опять въ такіе гости пойдешь, тебѣ хорошо, опять веселиться будешь?

— Пойду... чиновникъ тутъ живетъ, изъ простыхъ онъ, у нихъ балъ будетъ, звали наемни.

— Таня, возьми меня съ собой, вдругъ произнесла Аринушка.

Горничная съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Что это вы говорите, Арина Сергѣевна, нешто вамъ можно въ такіе гости идти.

— Я хочу идти, я сама такая; мнѣ душно, я веселиться хочу, хочу людей видѣть, хочу все забыть!

— Вы съ барининомъ поѣзжайте, тамъ лучше.

— Тамъ хуже, Таня... тамъ яротивно, гадко, несносно; тамъ всѣ притворяются, тамъ не веселятся, а только бранять, ненавидать другъ друга; я веселья хочу, хочу захлебнуться имъ, задохнуться, съ ума сойти! Возьми меня, Таня, возьми, голубушка, я одѣнусь просто, ситцевое платьѣ надѣну, никто не узнаетъ меня; я назовусь твоей сестрой, твоимъ другомъ, чѣмъ хочешь! Таня, Таня, возьми меня!

Она вдругъ спустилась съ кровати, схватила горничную за руки, и долго умоляющими глазами глядѣла на нее.

Татьяна не знала, что отвѣчать.

— Господь съ вами, только бѣду себѣ наживешь! Слыханое ли дѣло... сраму не оберешься!

— Бѣду... я рада бѣдѣ, я какую хочешь бѣду съезу, сама ее выдумаю, какъ-то радостно отвѣтила Аринушка. Нѣтъ, ты должна меня взять, я тебѣ приказываю, я хочу такъ; не возьмешь—я одна пойду, одна дорогу найду, хуже будетъ; я одна отвѣчаю за все, добавила она повелительно.

— Какъ знаете, страшно только... покорно прѣшептала горничная.

Аринушка быстро нагнулась и крѣпко поцѣловала ее.

Татьяна вадрогнула и отняла свою голову.

— У васъ губы каленыя, вы нездоровы? съ испугомъ замѣтила она.

— Жарко здѣсь, я вся горю, вся въ огнѣ словно! отвѣтила Арина Сергѣевна, отняла свои руки, встала и повалилась на кровать.

Татьяна еще нѣсколько минутъ просидѣла на тѣнѣякъ своемъ, потомъ перекрестилась, прошептала какую-то молитву, тихо зѣвнула и свернулась подъ одѣяломъ кренделемъ.

Арина Сергѣевна всю ночь бредила. Она не спала, а только дремала; внутренній жаръ мучилъ ее, она безпрестанно вадрагивала, вскакивала на постелѣ, тревожно осматривалась вокругъ себя, пугливо къ чему-то прислушивалась и снова ложилась. Всю ночь ей мерещились какія-то фантастическія лица, ей казалось, что чье-то горячее дыханіе жгло лицо ея, чья-то крѣпкая рука давила ея руку, чей-то голосъ шепталъ надъ ея ухомъ. Утромъ Аринушка встала такая блѣдная, изнеможенная, что даже Петръ Петровичъ, за часомъ, вздумалъ освѣδοчиться о ея здорovyи.

Нѣсколько дней спустя, въ тускло освѣщенной небольшой комнатѣ, наюлненной облаками табачнаго дыма; съ растрескавшимся ходячимъ поломъ, съ грязными закопѣлыми стѣнами, подъ звуки разбитаго фортепьяно, контрабаса, да пискливой скрипки, нѣсколько человекъ мужчинъ и женщинъ дружно, весело, непринужденно выдѣлывали одну изъ фигуръ французской кадрили. Раскрасившіяся, мокрыя ихъ лица доказывали, что они танцовали давно, до упаду. Какой-то франтъ въ венгеркѣ, съ длинными, сильно напомаженными волосами, схвативъ подъ руки двухъ краснощекихъ и красношейныхъ дамъ, выдѣлывалъ

такое чудное соло, что всё зрители обступившіе кадрили апплодировали и громко хохотали. Другой, по платью, военный человекъ, неистово стучалъ каблуками; третій, немного нагрузившійся господинъ, старался передѣлать кадрили во что-то національное. Нѣкоторые гости тѣснились около стола съ водками и закусками, другіе, большею частью дѣвицы, чинно улыбались, сидя на стульяхъ вдоль стѣнъ комнаты и, только угрожаемые новымъ неистовымъ соло, со страхомъ пятились назадъ и подбирали подъ себя ноги. Подгулявшіе кавалеры отчаянно шумѣли, точно хотѣли перекричать другъ друга; въ сосѣдней комнатѣ чей-то голосъ безцеремонно затягивалъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; старыя, дородныя тетушки, съ чепцами и платками на головахъ, весь вечеръ угощавшіяся какимъ-то сладенькимъ, отпускали такія остроты или высказывались съ такою откровенностью, что даже нѣкоторые, болѣе скромные и трезвые мужчины потупляли глаза и тихо подсмѣивались надъ бойкими старушками. Смѣхъ, говоръ, музыка, дергающая за нервы, стукъ и шарканье ногами, звонъ тарелокъ и рюмокъ не умолкали ни на секунду, сливаясь въ одинъ несвязный шумъ, похожій на настраиваніе инструментовъ въ оркестрѣ.

Арина Сергѣевна въ простомъ ситцевомъ платьѣ сидѣла въ углу; она изъ подлобья съ нѣкоторымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, глядѣла на все происходившее; щеки ея покраснѣлись, на губахъ мелькала какая-то принужденная улыбка. Рядомъ съ ней помѣщалась Таня.

— Какъ шумно здѣсь, душно, воздухъ такой, головѣ тяжело—тихо говорила первая, поводя своими черными глазами.

— Это съ непривычки вамъ. Можетъ домой пора, спросила вторая.

— Нѣтъ, все равно, заодно ужъ посмотримъ, что дальше будетъ... Нужно знать, какъ люди живутъ

Подскочившій, весь вспотѣвшій кавалеръ, въ свѣтло бронзовомъ фракѣ и гороховыхъ брюкахъ, нарушилъ разговоръ.

— Пермете, на пятую кадрили? нахально произнесъ онъ, подставляя кренделемъ свою руку и обращаясь къ Аринушкѣ.

Она невольно вздрогнула и не знала на что рѣшиться; боялась согласиться, боялась оскорбить кавалера отказомъ.

Таня украдкой толкнула ее.

— Извините, я не танцую, отвѣтила Арина Сергѣевна.

— Онѣ не танцуютъ—съ, скороговоркой подтвердила Таня.

Кавалеръ нагло усмѣхнулся.

— Жаль—съ... въ ученьи надо быть не были. Пермете?
добавляя онѣ, обращаясь къ горничной.

Таня встала и пошла.

Аринѣ Сергѣевнѣ вдругъ сдѣлалось почему—то досадно, грустно; она взглянула на всю грязь и соръ этого общества, на его грубый цинизмъ, на пошлый, одуряющій разгулъ, на эту мишуру человѣчества; она опустила глаза и боялась поднять ихъ; она стыдилась, совѣстилась своего увлеченія, своего поступка, удивлялась своей рѣшимости; душа ея перелетѣла въ свой домъ, даже въ сельцо Петровки, подъ тѣнь свѣжихъ, раскидистыхъ деревьевъ; ей представился сперва Романъ Семенычъ съ трубкой въ рукахъ, съ какою—то укоризною на лицѣ; казалось, онѣ отвертывался отъ нея, смѣялся надъ ней, потомъ отецъ—жалкій, плачущій, наконецъ и самъ Петръ Петровичъ такой грозный и страшный, какимъ она его отъ—роду не видала.

Аринушка испугалась, встала со стула, хотѣла уже домой идти, но Таня забыла про госпожу свою и безотчетновесело, поддерживая руками платье, прыгала во французской кадрили.

— Счастливица, счастливица! подумала Аринушка и снова опустилась на стулъ; здѣсь твоя жизнь, ты здѣсь своя, родная, здѣсь бьется твое сердце; ты теперь все забыла, а я все вспомнила... Гдѣ же мое родное, отыщу ли я его?!

Она задумалась и безучастными глазами смотрѣла на танцующихъ.

— Фу! ты, какъ жарко стало, замучилась просто... фу! вдругъ произнесла Таня и громко опустилась на стулъ.

Арина Сергѣевна очнулась.

— Домой пора!.. Пойдемъ! сказала она и крѣпко схватила горничную за руку, точно этой рукой хотѣла охранить себя.

Онѣ встали и вышли.

— Вамъ не понравилось тамъ... скучно было? довольно робко спросила Таня, сидя у кровати госпожи своей.

— Нѣтъ! что тамъ, тамъ никого я не знаю—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтила она.

— Тамъ весело... смѣшать такъ, кавалеры такіе, снова замѣтила горничная.

Аринушка ничего не отвѣчала.

На другой день, по обыкновенію, она затащила къ себѣ жакую-то нищую и принялась разговаривать съ нею.

— Ты не здѣшняя? спросила она.

— Не здѣшняя, матушка, издалече, отвѣчала нищая.

— Зачѣмъ же ты пришла сюда?

— Не пришла бы, матушка, видитъ Богъ, не пришла; зачѣмъ бы идти сюда—господскіе мы. Баринъ померъ, мужъ померъ, погорѣли, вся деревушка сгорѣла, корки хлѣба не осталось; люди сказывали—въ Питеръ на работу ступай. Я и поди—да вотъ захворала энто, все въ больницѣ валялась и до сей поры все хвораю; какая работа тутъ, только бы Господь привелъ тепла дожждаться, опять въ деревню побреду—такъ къ родному и тянеть.

— Тянеть!.. У васъ хорошо? спросила Аринушка.

— Какъ не хорошо! Хорошо было, матушка, скотинка была, все было; такъ вотъ словно земля тоскуетъ по тебѣ, словно птица бездомная, словно говоритъ кто, чего ты по чужому мѣсту шатаешься. Чужое здѣсь, матушка, точно чужое!

Арина Сергѣевна такъ смотрѣла на нищую, какъ будто хотѣла переселиться въ нее, какъ будто въ словахъ старухи было что-то новое, прекрасное, гармоническое, какъ будто эти слова подтверждали что-то до сихъ поръ смутное, сомнительное.

Она цѣлый день продержала у себя нищую и все спрашивала; во всемъ соглашалась съ ней, какъ-то радостно повторяла слова ея, какъ будто сама готовилась говорить то же самое, наконецъ щедро наградила и отпустила.

Всю ночь Арина Сергѣевна не ложилась спать, а все думала; то сидѣла у своего маленькаго рабочаго стола, то ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, то останавливалась и какъ будто къ чему-то прислушивалась. Сперва она, казалось, чего-то боялась, мучилась чѣмъ-то, потомъ мало по малу успокоилась; даже фізіономія ея засіяла, на губахъ мелькну-

ла улыбка, точно она сбросила съ себя все то, что прежде давило ее, жить не давало; нашла путь своего спасенія, видѣла въ немъ однѣ радости, одно счастье, была въ немъ твердо увѣрена.

Только подъ утро, какъ бы совершенно насытившись своей думой, съ сладкой надеждой на завтра, она легла на постель; но и тутъ заснуть не могла, а только задремала. Потомъ встала, одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго, волосы причесала и смѣло отправилась въ кабинетъ Петра Петровича.

Только подойдя къ двери кабинета, она остановилась, прислушалась, взялась за ручку, постояла съ минуту, наконецъ отворила дверь.

Къ счастью Петръ Петровичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; по крайней мѣрѣ въ другое время онъ бы жезадумался скорчить гримасу, замѣтить женѣ, что онъ занятъ, что она должна выбирать время для своихъ посѣщеній и тому подобное; теперь, услышавъ шаги, онъ только повернулъ голову и, не обращая никакого вниманія на вошедшую, углубился въ чтеніе какой-то газеты.

Аринушка вздохнула свободнѣе. Первый шагъ былъ сдѣланъ. Она приблизилась къ столу и сѣла противъ мужа. Последній изъ подлобья взглянулъ на нее и снова принялся читать. На лицѣ его мелькнула улыбка; разъ даже онъ засмѣялся самъ съ собою, потомъ сложилъ газету и бросилъ ее на столъ.

Арина Сергѣевна улыбнулась.

— Все вздоръ пишутъ! замѣтилъ онъ самъ про себя, зѣвая и лѣниво потягиваясь; все мода одна, праздныхъ людей развелось много... Ты что скажешь? дабавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Аринушка подняла голову.

— Что я скажу?.. Прежде всего—одно: позвольте мнѣ поговорить съ вами съ четверть часа, не больше. Я нарочно встала раньше, я долго думала, когда могу говорить съ вами; долго не рѣшалась, боялась помѣшать вамъ. Вы теперь свободны, не откажете мнѣ?

Она говорила такъ нѣжно, лице ея свѣтилось такою до-

бродю, такимъ искреннимъ, теплымъ чувствомъ, что Петръ Петровичъ невольно улыбнулся.

— Что за предисловіе! Говорить со мной всегда можно. Развѣ я запрещаю? Слава Богу, не чужіе люди... Вотъ вели чаю подать, тогда говорить будемъ, произнесъ онъ полушутливо, полусерьезно.

Арина Сергѣевна слегка вздохнула, вскочила и почти бѣгомъ вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась, неся на подносѣ стаканъ и чашку съ чаемъ; сама подала стаканъ мужу, чашку взяла себѣ и сѣла напротивъ Петра Петровича.

— Ну-съ, начинайте, что новенькаго? довольно рѣзко замѣтилъ послѣдній и громко высморкался.

— Я однимъ словомъ и начну, и кончу. Моя рѣчь коротка, продолжать ее—зависитъ отъ васъ, очень твердо произнесла Ариноушка. Я прошу у васъ сдѣлать для меня удовольствіе, милость, счастье, благодѣяніе—назовите какъ хотите, пожалуй хоть женской глупостью, вздоромъ, сумасшествіемъ, я прошу только, рѣшилась просить..... отпустите меня въ Петровки!

Колотырничокъ поднялъ голову и вытаращилъ глаза.

— Какъ въ Петровки?

— Да, въ Петровки, пожить, погостить тамъ, навѣстить свою родину, вспомнить свое прошедшее.

Петръ Петровичъ засмѣялся:

— Какъ она говоритъ красно, словно книгу читаетъ...

— Вадоръ, не зачѣмъ тебѣ ѣхать туда! хладнокровно замѣтилъ онъ.

Ариноушка съ минуту ничего не отвѣчала.

— Петръ Петровичъ! произнесла она, какъ бы обдумавъ что ей говорить, спуститесь поближе ко мнѣ, вникните въ меня, поставьте себя хоть на минуту на моемъ мѣстѣ... подумайте!... Васъ здѣсь все занимаетъ, радуется, тревожить; у васъ дѣла, заботы, множество родныхъ, знакомыхъ, вы живете, трудитесь... а я, что здѣсь дѣлаю? Зачѣмъ я здѣсь?.. Вѣдь я дикая овца, завезенная въ этотъ шумъ и говоръ. Я прошу не Богъ знаетъ чего, прошу только подышать свѣжимъ воздухомъ; вѣдь для васъ ничего не стоитъ

сдѣлать милость мнѣ—однимъ вашимъ словомъ доставить мнѣ счастье. Я лягушка, вытщенная изъ болота... какъ ей не засохнуть въ жару этомъ! добавила она чуть не со слезами.

— Лягушка, лягушка, хорошее сравненіе—смѣясь замѣтилъ Петръ Петровичъ и прихлебнулъ изъ стакана.

— Для васъ нѣтъ ничего невозможнаго, продолжала Арина Сергѣевна; вы что захотите, то и сдѣлаете. Отъ васъ все зависитъ—вы царь здѣсь... Я прошу, только прошу!

— А если я не пушу?

— Не пустите, ваша воля... я останусь! покорно отвѣтила Аринушка и помолчавъ прибавила: нѣтъ, вы слишкомъ добры, чтобъ отказать мнѣ; да и стоитъ ли отказывать въ бездѣлицѣ, въ пустой просьбѣ слабой женщины, лишать ея ребяческаго удовольствія.

Петръ Петровичъ задумался. Видно было, что слова жены пришили ему по сердцу, что онъ даже былъ радъ ея желанію ѣхать въ деревню и только для сохраненія собственнаго достоинства медлилъ согласіемъ.

— Что ты будешь дѣлать тамъ? строго спросилъ онъ.

— Что буду дѣлать?... Боже мой, я найду что дѣлать. Я буду бѣгать по саду, по полямъ; если нужно, буду смотрѣть за хозяйствомъ, отдыхать, наслаждаться, а когда прикажете, вернусь снова. Я знаю, деревня поправитъ меня; я здѣсь похудѣла, засохла, завяла вся, совсѣмъ въ тряпку обратилась! добавила она, со страхомъ и надеждой глядя на мужа.

Послѣдній медленно тянулъ изъ трубки и прихлебывалъ чай изъ стакана и, только спустя нѣсколько минутъ, поднялъ глаза и пристально взглянулъ на жену.

Въ самомъ дѣлѣ, въ бытность свою въ Петербургѣ, Арина Сергѣевна значительно измѣнилась. Лице ея еще болѣе пожелтѣло, щеки казались впалыми, глаза не блистали попрежнему; вся фізіономія потеряла свою подвижность; даже голосъ изъ звучнаго, чистаго сдѣлался какимъ-то глухимъ, сосредоточеннымъ.

— Да, ты похудѣла!—моціону мало имѣешь. Моціону нѣтъ, нужно бы съ докторомъ посоветоваться... отрывисто съ промежутками говорилъ Петръ Петровичъ. Что жъ, по-

ѣжай... Если просишь, почему жъ не поѣхать, не потѣшить себя! добавилъ онъ.

Аринушка съ радости чуть не захотела, глаза ея подернулись слезами, она бросилась было благодарить мужа, однако послѣдній удержалъ ее.

— Полно... ради Бога, полно, безъ изліяній, матушка, я ихъ терпѣть не могу! Чувствуешь себя нездоровой, ѣхать нужно—поѣжай съ Богомъ, нѣтъ—оставайся, твое дѣло; благодарить тутъ не за что, отказать я не могу. Денегъ на дорогу дамъ; можешь ѣхать, можешь когда угодно, хоть сегодня же! Поди, пришли мнѣ чаю еще; кажется, пришелъ кто-то? очень серьезно заключилъ онъ.

Арина Сергѣевна не смѣла ничего говорить. Она только молча, взглядомъ поблагодарила мужа и торопливо вышла изъ кабинета.

— Таня, голубушка, я свободна, свободна какъ птица Божія! говорила она, со слезами радости на глазахъ, обнимая свою горничную. Ахъ! Таня, какъ легко, какъ легко, какъ весело, точно большой праздникъ какой; я полечу далеко, далеко!... Туда, къ намъ, на притокъ солнечный, на траву, на сѣно!... Тамъ меня счастье ждетъ, тамъ воля, а лучше воли нѣтъ ничего на свѣтѣ!.. Воли, воли мнѣ нужно! добавила она энергически и, не отнимая рукъ отъ шеи Татьяны, пристально, жгуче взглянула ей въ лицо.

Горничная опустила глаза.

— Въ Петровки ѣдете? робко спросила она.

— Въ Петровки, въ Петровки! съ восторгомъ повторила Арина Сергѣевна и замотала головой. Мы вмѣстѣ ѣдемъ, я не разстанусь съ тобой!.. Что жъ ты молчишь? Говори, радуйся, хохочи, прыгай вмѣстѣ со мною!

Горничная молчала.

— Таня! произнесла Аринушка и снова, почти насильно, взглянула ей въ лицо. Что это значитъ, ты нехочешь ѣхать, тебѣ здѣсь лучше?

— Здѣсь лучше! тихо повторила Татьяна.

Аринушка отняла свои руки.

— Лучше! какъ-то неопредѣленно сказала она и, помолчавъ, прибавила: что жъ, я не возьму тебя—я хочу чтобъ и

ты свободна была, и у тебя есть воля, есть сердце; отъ чего жъ тебѣ лучше здѣсь?... Тамъ у тебя родные, отецъ, мать, сестры, тамъ все у тебя.

Горничная молчала.

— Говори, Таня, ты знаешь... ты мнѣ все говорить можешь, я знать хочу!

— У васъ мужъ здѣсь! еле слышно, робко замѣтила Татьяна.

Аринушка глубоко вздохнула и провела рукою по лбу.

— Да, правда!... Ты хочешь сказать, у васъ мужъ есть, вы ѣдете отъ него и спрашиваете у меня, почему я не хочу быть съ родными, твоя правда!... А у тебя кто здѣсь? Горничная слегка покраснѣла.

— Понимаю!... ты здѣсь любишь когонибудь; у тебя есть женихъ, ты думаешь выйдти замужь... Твое сердце велить тебѣ здѣсь остаться.

Татьяна неожиданно заплакала.

— О чемъ же ты плачешь? Ты радоваться должна!

— Чему радоваться, намъ радоваться нельзя. Наше дѣло господское, подначальное, какъ господа велятъ, отвѣтила горничная, всхлипывая.

Арина Сергѣевна пристально посмотрѣла на нее.

— Таня, ты отъ меня что-то скрываешь; стыдно тебѣ! Говори, все говори... не бойся, быть можетъ я помогу тебѣ!

Горничная подняла глаза и тотчасъ же ихъ опустила.

— Что говорить... дѣло такое, стыдливо отвѣтила она, перебирая складки на передникѣ.

— Какое дѣло?

— Грѣхъ попуталъ!... Позапрошлой зимой поваръ на мнѣ сватался, Андрей, можетъ знать изволите?

— Ну!

— Человѣкъ хорошій, даромъ что простой, а хорошій только.

— Ну!

— Къ Петру Петровичу пришли, думали, такая ихъ милость выйдетъ... отказали!

— Ну!.. ты что жъ сдѣлала?

— Ничего не сдѣлала. Что сдѣлать? супротивъ господска-

го рѣшенія не пойдешь; вышла отъ барина холоднешенька, такъ подъ сердце и подгибаетъ что-то, даже не помнишь гдѣ ты, словно дурная какая... она замолчала.

— А потомъ что? нетерпѣливо спросила Арина Сергѣевна. Горничная замялась.

— Что потомъ? извѣстно, чему тутъ доброму быть, грѣхъ одинъ... Теперь не отпустить онъ меня; не уѣхать мнѣ отъ него, видно и пропадать вмѣстѣ съ нимъ! какъ-то безнадежно добавила она.

Щеки Аринушки вдругъ вспыхнули, глаза засверкали. Казалось, этотъ рассказъ горничной произвелъ на нее какое-то потрясающее впечатлѣнiе. Въ первую минуту она даже не знала, что отвѣчать; потомъ судорожно схватила Татьяну за руку.

— Я ничего этого не знала. Ты должна здѣсь остаться. Богъ благословилъ тебя! произнесла она дрожащимъ голосомъ; береги свое счастье, ты нашла его... Тебя заставили найти... а меня только искать принудили! добавила она почти шопотомъ и въ изнеможеніи упала на стулъ и закрыла лицо руками.

VI.

Въ лѣтнюю, жаркую пору, въ полдень, въ такое время, когда раскалившійся воздухъ дрожить и переливается миллионами сверкающихъ золотистыхъ полосокъ, когда не поютъ птицы, не шелестятъ деревья, когда коровы въ полѣ, по брюхо забравшись въ трясину, стоятъ безъ всякаго движенія, понуривъ усталыя головы, когда все кажется уснувшимъ, онемѣвшимъ отъ жгучаго солнца, и развѣ только насѣкомые въ травѣ, своей неумолкающей вѣчной трескотней, напоминаютъ о жизни въ природѣ; въ такую пору, подъ тѣнью широкаго, раскидистаго дерева, на простой деревянной скамейкѣ, весь сгорбившись, уставивъ неподвижно глаза въ землю, съ думой на лицѣ, сидѣлъ Романъ Семенычъ съ своимъ неизмѣннымъ другомъ—трубкою въ зубахъ.

*

Бѣлый, просторный, сшитый изъ домашней холстины китель неуклюже болтался на его фигурѣ; галстукъ свалился съ шеи, воротъ рубашки разстегнулся, форменная фуражка еле держалась на затылкѣ, оставляя открытыми большой загорѣлый лобъ да коротко выстриженные, темнокаштановые волосы. Долго онъ сидѣлъ безъ всякаго движенія. Крупныя капли пота текли по щекамъ его, рука лѣниво дотрогивалась до чубука, трубка едва дымилась. Наконецъ, утомленный жаромъ, однимъ движеніемъ головы онъ сбросилъ на колѣни фуражку, вытеръ платкомъ мокрое, покраснѣвшееся лице свое и, отдуваясь и тяжело дыша, какъ-то безсознательно взглянулъ вдаль на освѣщенную солнцемъ извилину дороги. Господи, Боже мой! кто это въ такую жару тащется, невольно произнесъ онъ самъ съ собою; не мужикъ только—мужикъ такъ не поѣдетъ, экипажъ чей-то.

Дѣйствительно, на дорогѣ двигалась какая-то черная точка; но экипажъ ли это былъ или простая телѣга—разобрать могъ развѣ только очень опытный глазъ.

Романъ Семенычъ приставилъ въ видѣ зонтика ладонь ко лбу.

— Экипажъ и есть—карета и лошадей четверка. Что за оказія?.. Неужто въ гости кто? Кому ѣхать? Ко мнѣ и не ѣздить никто. Карета, точно карета, вонъ и колокольчикъ брякнулъ... такъ и есть колокольчикъ. Онъ сталъ прислушиваться, потомъ пожалъ плечами, медленно, тяжело поднялся со скамьи, снова отеръ потъ съ лица, надѣлъ фуражку и, опираясь на чубукъ, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ человѣкъ, котораго насильно идти заставили, лѣниво побрелъ по извилистой тропинкѣ на другой конецъ усадьбы, на выходившую туда дорогу. На половинѣ пути онъ остановился и снова взглянулъ вдаль.

Двигавшаяся точка уже значительно выросла, преобразилась въ карету съ лошадьми, повернула въ сторону, спустилась въ оврагъ, потомъ скрылась за молодымъ лѣскомъ.

— Что за чортъ! Карета здѣшняя, кажется, Петровская! ей Богу Петровская! тревожно заговорилъ Романъ Семенычъ и ускорилъ шаги. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на дорогу и остановился. Экипажа не было видно, онъ скрыл-

ся подъ горой; только звонъ колокольчика все сильнѣе и сильнѣе давалъ знать о своемъ приближеніи. Романъ Семеновичъ не вытерпѣлъ и пошелъ впередъ; онъ забылъ про жару, весь запыхался, потъ ручьями лилъ съ лица его. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ снова остановился какъ вкопанный; карета, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей, выросла надъ самымъ его носомъ и промчалась мимо.

Стадкинъ замахалъ руками.

— Стой! вдругъ крикнулъ онъ громкимъ, надорваннымъ голосомъ.

Ямщикъ на облучкѣ обернулся и потянулъ лошадей. Изъ окна кареты выглянула Арина Сергѣевна.

Черезъ минуту они оба стояли другъ передъ другомъ.

Романъ Семеновичъ совершенно оторопѣлъ, фуражка свалилась съ головы его; онъ такъ глядѣлъ на неожиданную гостью, какъ будто не довѣрялъ собственнымъ глазамъ своимъ, какъ будто видѣлъ передъ собою какое-то сверхъестественное чудо. За то Арина Сергѣевна вся дышала счастьемъ; ни сомнѣнія, ни удивленія, ни страха не было въ лицѣ ея; что-то отрадное, святое, радостное блѣстѣло въ глазахъ, отражалось въ улыбкѣ, проглядывало во всемъ существѣ ея. Казалось, все окружающее, съ его небомъ, воздухомъ, вдругъ захватило дыханіе женщины, наполнило ея душу какимъ-то тревожнымъ восторгомъ, точно она отъ земли отдѣлилась, точно любовалась во всемъ міромъ съ высоты недоступной человѣку.

— Арина Сергѣевна! Вы? вы это! Ей Богу вы! Что значить, что случилось?! произнесъ наконецъ Романъ Семеновичъ.

— Я!... Ничего не случилось, отвѣтила она такъ радостно, что Стадкинъ невольно улыбнулся.

— А мужъ?.. а Петръ Петровичъ?

— Онъ въ Петербургъ...

— Скоро будетъ сюда?

— Нѣтъ, онъ сюда не будетъ.

Романъ Семеновичъ снова оторопѣлъ.

— Боже мой! какъ вы меня странно встрѣчаете, точно боитесь чего-то; смотрите такъ дико, удивляетесь. Дайте хоть

отдохнуть; я такъ устала съ дороги, такъ душно, жарко! А у насъ холодно... Я съ сѣвера пріѣхала! шутя добавила она.

Романъ Семенычъ опомнился и предложилъ гостѣй зайти къ нему во флигель, покаместъ отворять и обчистять ея комнаты. Онъ побѣждалъ впередъ, она пошла вслѣдъ за нимъ; безпрестанно останавливалась, ворочала Стадкина, оглядывала каждый предметъ, каждый кустикъ, перебѣгала съ мѣста на мѣсто, дѣтски радовалась, привѣтливо всему улыбалась, точно здоровалась со всѣмъ. Движенія ея были легки, свободны, кажется, съ самаго дѣвчества она никогда такъ скоро не ходила, не дышала такъ вольно, не улыбалась такъ чисто, непринужденно.

— Боже мой! какъ хорошо у васъ! Что за рай, что за блаженство! Какой вы счастливецъ! говорила она оправляясь и усаживаясь на крыльцѣ флигеля, гдѣ жилъ Романъ Семенычъ.

— Да-съ, не были давно. Старое вспомнить пріятно... вотъ и хорошо кажется, разсѣянно отвѣтилъ послѣдній. Да вы куда же сѣли? Я стульчики велѣлъ вынести... Чѣмъ подчивать прикажете?.. Устали, я думаю?

— Ничѣмъ, развѣ стаканъ воды дайте.

Онъ побѣждалъ за водой и тотчасъ возвратился; она съ жадностью выпила весь стаканъ, потомъ потрянула головой, забросила за уши волосы, сбросила платокъ съ шеи, загнула рукава на платѣ.

— Хорошо такъ... легко, проговорила она и улыбнулась.

Романъ Семенычъ сѣлъ напротивъ ея на стулѣ. Казалось онъ не находилъ себѣ мѣста, не зналъ что дѣлать, что говорить, на что смотрѣть.

— А вѣдь я гостя неожиданная, какъ снѣгъ на голову... Вы удивляетесь? спросила она.

— Просто до сихъ поръ понять не могу, глазамъ своимъ не вѣрю, сномъ кажется, отвѣтилъ Стадкинъ и разставилъ руки.

Арина Сергѣевна слегка засмѣялась.

— Что же Петръ Петровичъ? спросилъ онъ.

— Петръ Петровичъ живъ, здоровъ, приказалъ вамъ кланяться.

— Онъ отпустилъ васъ?

— Разумѣется отпустилъ. Я поцѣловала его руку, онъ меня въ лобъ и перекрестилъ даже.

Романъ Семенычъ какъ-то вопросительно взглянулъ на нее.

— Что вы на меня смотрите? спросила она. Право, вы боитесь меня... Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что я совсѣмъ разсорилась съ мужемъ, что онъ выгналъ меня, что я убѣжала отъ него сама, потихоньку, а онъ ищетъ, преслѣдуетъ меня.

Стадкинъ ничего не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, продолжала Арина Сергѣевна, успокойтесь, мы разстались тихо, смѣрно, спокойно. Боже мой, какъ хорошо у васъ, какъ я счастлива теперь, такъ счастлива! Она потянула въ себя воздухъ.

— Вы на долго сюда пріѣхали? спросилъ Романъ Семенычъ.

— Не знаю... кто знаетъ... зачѣмъ думать о будущемъ— Богъ съ нимъ; проглянула въ жизни минута счастья, нужно ловить ее, пользоваться ею, упустишь—назадъ не вернешь; потомъ только жалѣть, плакать будешь! Она вздохнула.

Романъ Семенычъ снова взглянулъ на нее.

— Вамъ не понравилось въ Петербургѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... что тамъ! Тамъ я задохлась. Еще мѣсяць, два, я бы зачахла и умерла, ей Богу; а если нѣтъ—руки бы на себя наложила. Что вы смѣтаете? продолжала она, замѣтивъ недовѣрчивую улыбку Романа Семеныча. Я говорю правду, вы меня мало знаете; на что я рѣшилась, то и сдѣлаю—ничего не испугаюсь. Жизнь закалила меня! добавила она твердо.

— Что жъ Петръ Петровичъ, все тотъ же? нѣсколько спустя спросилъ онъ.

Арина Сергѣевна глубоко вздохнула.

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете. Вы его лучше знаете; помните, вы мнѣ рассказали его... отвѣтила она и задумалась, но тотчасъ-же очнулась. Нѣтъ, здѣсь не мѣсто... Здѣсь все живетъ, все радуется; я тоже жить и радоваться хочу, произнесла она съ сильною увѣренностью и какъ-то особенно весело посмотрѣла вокругъ себя.

— Его дѣла очень плохи, замѣтилъ Романъ Семенычъ; на заводѣ котель лопнулъ, фабрика тоже обанкрутилась;

управляющій мошенничаетъ, крестьяне ничего не дѣлаютъ... Нужно бы умѣрить себя. Пожалуй Петровку продавать придется, а на долги и ея не достанетъ—долговъ много.

— Я его дѣлъ не знаю, Богъ съ ними; онъ мнѣ не говоритъ о нихъ—мнѣ все равно.

— Я знаю... Я предупреждаю васъ, можетъ плохо придется.

— Какъ плохо?

— Разориться можете, обѣднѣть, по міру пойдти!

Арина Сергѣевна усмѣхнулась.

— Вотъ бѣда какая... я этого не боюсь!

— Нельзя не бояться. Что для васъ трудно теперь—принищеть сдѣлается въ десятеро труднѣе; къ горькому да примѣшать соленое, скверно выйдетъ. Да вотъ-съ, хоть бы меня взять: что я такое, лишняя трава въ полѣ; не весело жить, а все живешь, слава Богу; не думаешь чѣмъ пообѣдать завтра... А продадутъ Петровку, вѣдь въ ней и моя часть есть, тогда одна дорога или въ богадѣльню, или на паперть церковную, добавилъ онъ тихо, махнулъ рукою и опустилъ голову.

Глаза Арины Сергѣевны сдѣлались влажными. Она взглянула на Романа Семеныча, потомъ встала, подошла къ нему и положила руку на плечо его.

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Если вамъ придется на паперть идти, возьмите меня съ собой; вдвоемъ легче будетъ. Я товарищъ хорошій... по міру весело ходить, право весело! произнесла она какимъ-то пророческимъ тономъ, и вдругъ беззаботно прибавила: нѣтъ! Будемте лучше бѣгать, веселиться, дѣтьми сдѣлаемтесь; дѣтьямъ хорошо жить. Забудемъ, все забудемъ; я хочу быть насильно счастлива, я вырву свое счастье, завоюю его!

Она взглянула на небо и въ этомъ взглядѣ было столько увѣренности, столько величавой смѣлости, что въ эту минуту, въ самомъ дѣлѣ, казалось, будто для человѣка не существуетъ ничего невозможнаго.

Цѣлый день Арина Сергѣевна провела съ Романомъ Семенычемъ. Несмотря на жару, они много ходили; осмотрѣли садъ, прошлись почти по всѣмъ его дорожкамъ, заглянули

на огороды, на рѣку, на мельницы, на скотный дворъ, птичникъ; побывали на кладбищѣ, помолились на могилѣ Сергѣя Матвѣевича, постояли передъ домикомъ, гдѣ когда-то жилъ Крупкинъ съ дочерью, молча обошли огромный господскій домъ. Арина Сергѣевна привѣтливо здоровалась со всѣми встрѣчными крестьянами, привѣтливо спрашивала о ихъ житѣ-бытѣ, къ нѣкоторымъ въ избы заглянула, нѣкоторыхъ наградила чѣмъ могла. Казалось, она готова была разцѣловать всѣхъ и каждого, всѣмъ любовалась, все казалось ей новымъ, прекраснымъ, не смотря на то, что многое пришло въ вѣтхость, запущенность; многое совершенно развалилось, отъ многаго вѣяло какою-то могильною сыростью, чѣмъ-то непріятнымъ, гробовымъ, безжизненнымъ. Дорожки въ саду поросли травой, цвѣты не пестрѣли попрежнему ковромъ узорчатымъ, а только кое-гдѣ скудно выглядывали своими махровыми головками; деревья казались какими-то печальными, запыленными, брошенными на произволь судьбы; листья огромнаго дуба охватывала паутина; терраса въ домѣ усыялась птичьими гнѣздами; глухо заколоченныя ставни глядѣли угрюмо; прудъ на дворѣ покрылся зеленою плесенью. Нигдѣ не было видно прежней жизни и дѣятельности; въ пустыхъ кладовыхъ и амбарахъ гудѣлъ вѣтеръ; собаки такъ похудѣли, какъ будто Богъ знаетъ сколько времени не кормили ихъ; даже люди казались вялыми, сонными, точно они при приѣздѣ барыни только повскакали съ печей да съ полатей и все опомниться не могли; сновали, бѣгали, суетились, отворяли двери, окна, для чего, сами не зная. Только отъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ пахло свѣжею, здоровою жизнью. Они простодушно, дѣтски, радостно бѣгали, скакали передъ Ариной Сергѣевной, заглядывали ей въ лицо, смѣялись, толкали другъ друга, падали, кувыркались и снова пускались въ запуски до тѣхъ поръ, покаместъ барыня не скрылась изъ виду и какая-то осерчавшая баба не пустила въ нихъ полѣномъ, прокричавъ: вишь, бѣсенята проклятые, развозились, словно черти передъ заутреней.

Только въ сумерки Арина Сергѣевна отправилась въ отведенныя ей комнаты, тѣ самыя, въ которыхъ скончался Сергѣй Матвѣичъ. Лучшаго помѣщенія она не хотѣла; да

и что ей было дѣлать одной въ большихъ залахъ, въ парадныхъ гостиныхъ? Въ нихъ вѣяло пустотой, скукой: слово скажешь, а оно переливается, гудитъ какъ-то, отзывается воємъ да плачемъ. Страшно!

То ли дѣло внизу: бѣлыя, чистыя стѣны, простая мебель, окна прямо въ садъ; отворишь—густыя, зеленыя вѣтки врываются въ нихъ... прохладой вѣетъ, хорошо, уютно, все подъ руками.

Арина Сергѣевна скоро разобралась, да долго и разбирать было нечего, поговорила съ пріѣхавшей съ нею дѣвушкой, велѣла ей помѣститься возлѣ себя, въ сосѣдней комнатѣ, помолилась Богу, легла и заснула такъ тихо, спокойно, безмятежно, какъ давно не спала.

Напротивъ, Романъ Семенычъ долго не могъ успокоиться; далеко за полночь свѣтился огонь въ его спальнѣ, а самъ онъ, несмотря на усталость отъ долгой, непривычной ходьбы, все сидѣлъ на своей кровати, опустивъ ноги на полъ, понуривъ голову и какъ-то отчаянно выкуривалъ трубку за трубкой. Онъ все думалъ. Внезапный пріѣздъ Арины Сергѣевны, ея чистая, неподдѣльная веселость совершенно ошеломили его, сбили съ толку, перепутали всѣ его мысли, всѣ предположенія. Онъ очень хорошо зналъ положеніе Ариночки, ея отношенія къ мужу; видимо представлялъ ея жизнь въ Петербургѣ и внутренно, глубоко скорбѣлъ о ней. Онъ думалъ, что она или выдохнется окончательно и обратится въ вялое, безцвѣтное существо, въ ничтожную, преданную рабу, или зачахнетъ отъ борьбы и страданія, или открыто измѣнитъ мужу, протянетъ руку первому встрѣчному, бросится ему на шею за одинъ ласковый взглядъ, за одно доброе слово, быть можетъ даже, съ горя да съ усталости на все пойдетъ. Онъ зналъ, что Петръ Петровичъ разорется и думалъ: разорится, броситъ жену: куда она дѣнется бѣдная, во что обратится, гдѣ преклонитъ голову... Свихнуться не долго, а тамъ и поминай какъ звали! Онъ даже тяжело вздыхалъ при этомъ, качалъ головой и сильно затягивался. Онъ однако не предполагалъ когда либо увидѣть Арину Сергѣевну такою, какою видѣлъ ее теперь, не загнанную, не убитую, не обезображенную горемъ, а цвѣтущую и весе-

люю, въ полномъ избыткѣ нравственныхъ и физическихъ силъ, съ твердой увѣренностью въ самой себѣ, въ своемъ счастьи. Казалось, онъ даже не узнавалъ ее, не вѣрилъ возможности такого перерожденія. Положимъ, онъ отпустилъ ее—говорилъ онъ самъ съ собою—это понятно; видитъ свое паденіе, ему самого себя стыдно... Какъ же передъ женой сознаться? Создаться нельзя, потому и отпустилъ. Гордость все; какъ нибудь развязаться хочется, да она то чему радуется, чѣмъ восхищается? На волю выбралась, ну выбралась; да вѣдь и вода такая нерадостна, Богъ съ ней! Нѣтъ, она любитъ кого-то, живетъ кѣмъ-то; она о счастья говоритъ, ея глаза не одной волей горятъ. Зачѣмъ же она сюда поѣхала, что ей дѣлать здѣсь? Если любитъ, зачѣмъ же уѣзжать? Ну и сидѣла бы, нянчилась бы съ своимъ возлюбленнымъ. Здѣсь-то что забыла она? Развѣ ждетъ кого нибудь? Онъ остановился и махнулъ рукой. Чему тутъ хорошему быть.. Ее и винить нельзя; скрутили, сдавили, жить не дали, а она къ жизни рвется!

На другой день утромъ, какъ только проснулся Романъ Семенычъ, первая его мысль была объ Аринѣ Сергѣевнѣ; онъ не зналъ самому ли пойти къ ней или дожидаться ея прихода. Не ловко, твердилъ онъ самъ съ собою, пожадуѣ, не одѣта; мало ли что, помѣшаешь, она же съ дороги... Подождать лучше—не придетъ сама, такъ пришлетъ навѣрно, соскучится!

Дѣйствительно, едва успѣлъ Романъ Семенычъ одѣться и расположиться за чаемъ, какъ вбѣжавшій въ комнату казачекъ объявилъ ему, что его барыня спрашиваетъ.

Стадкинъ даже сконфузился, засуетился, швырнулъ чубукъ съ трубкой, схватилъ фуражку, бросился къ двери и на порогѣ встрѣтился съ Ариной Сергѣевной.

— Здравствуйте, говорила она весело, протягивая ему руку. Вотъ, кстати, теперь и я съ удовольствіемъ чаю напьюсь.

Романъ Семенычъ поцѣловалъ ея руку.

— Еще такъ рано... Я не ожидалъ, проговорилъ онъ.

— Чего не ожидали? Я давно встала, я всегда рано

встаю; много ходила... Вонъ всѣ башмаки въ росѣ, смотрите!

Она безцеремонно сѣла на стулъ и выставила свои ноги. Романъ Семенычъ покачалъ головой.

— Этакъ простудиться можно, замѣтилъ онъ.

Арина Сергѣевна засмѣялась.

— Я простуды не знаю; роса съ родни мнѣ, она меня выростила. Ахъ, какой вы право, давайте же чаю, добавила она какъ бы съ сердцемъ.

Стадкинъ засуетился, велѣлъ подать чашку, налилъ ее и подалъ гостѣ.

Она привстала и шутя, какъ ребенокъ, чинно поблагодарила его.

— Куда мы сегодня пойдемъ? спросила она.

— Куда прикажете, отвѣтилъ хозяинъ.

— Вы знаете, что я приказаній терпѣть не могу, они мнѣ пріѣлись. Я люблю просить, предлагать, а не приказывать... Пойдемте въ березовую рощу, за грибами, а потомъ... потомъ я насъ приглашаю обѣдать къ себѣ, на грибы, хорошо?

Романъ Семенычъ въ знакъ согласія поклонился.

Черезъ четверть часа они встали и начали собираться; хозяинъ долго возился, насыпалъ табаку въ кисетъ, перекинулъ его черезъ плечо, вычистилъ трубку, продулъ ее, и вооружился длиннымъ чубукомъ.

Арина Сергѣевна въ простой, бѣлой косынкѣ съ нетерпѣніемъ ждала его.

Наконецъ они вышли.

До рощи было версты полторы разстоянія. Романъ Семенычъ, какъ учтивый кавалеръ, предложилъ было своей дамѣ руку, но она объявила, что жарко и пошла одна.

Долго слѣдовали они совершенно молча. Арина Сергѣевна шла впереди, въ походкѣ ея было что-то живое, лихорадочное; она, какъ будто торопилась куда, часто оборачивалась, наклонялась, рвала попадавшіеся по дорогѣ полевые цвѣты, и потомъ снова бросала ихъ. Романъ Семенычъ плелся сзади, потушивъ голову, и безпрестанно вытиралъ платкомъ мокрый лобъ свой.

— Арина Сергѣевна, а Арина Сергѣевна! произнесъ онъ,

догоняя свою спутницу, — вы такъ скоро ходите, не поспѣешь за вами.

— Это съ радости, я давно не ходила... Полетѣть бы рада!

— А вѣдь наскучить, замѣтилъ онъ.

— Что наскучить?

— Да прогулки вотъ эти.

— Миѣ?.. Никогда!.. Не наскучить—же рыбѣ въ водѣ плавать, птицѣ летать по воздуху, такъ и миѣ!

Романъ Семенычъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать.

— Скажите пожалуйста, началъ онъ нѣсколько спустя, вамъ въ Петербургѣ должно быть очень скучно было?

— Очень, отвѣтила Аринушка.

— Неужели у васъ не было друзей, знакомыхъ, съ которыми вы бы могли поговорить, облегчить себя, которые бы наконецъ занимали васъ?

— Не было! отвѣтила она, и вдругъ остановилась и пристально взглянула на своего спутника.

— Вы думаете, что я влюблена была... ей Богу не была, клянусь вамъ. Кого любить тамъ? Еслибъ тамъ любила, куда бы не пріѣхала, равнодушно добавила она.

Романъ Семенычъ совершенно растерялся. Онъ началъ разговоръ съ тою цѣлью, чтобъ кое—какъ вывѣдать Аринушку, узнать причину ея отъѣзда изъ Петербурга и вдругъ она сама, безъ борьбы, безъ просьбы, по одному малѣйшему намеку предупредила его. Слова: «ей Богу не была, клянусь вамъ» такъ и звучали въ ушахъ его. Ему даже совѣстно сдѣлалось; онъ снова отсталъ отъ нея.

Они вошли въ рощу.

Аринушка очень усердно занялась отыскиваніемъ грибовъ; она безпрестанно перебѣгала изъ стороны въ сторону, скрывалась между кустами, деревьями, цѣплялась за сучья, путалась въ высокой травѣ, радостно вскрикивала, когда вдругъ подъ ногами находила добычу и сердилась на Стадкина, когда онъ зѣвалъ и казался разсѣяннымъ.

— Ну, не грѣшно ли вамъ, говорила она чуть не со слезами: посмотрите, какой грибокъ растоптали—прелесть этакую. Господи, ходить и не видить... срамъ просто, а еще въ деревнѣ живеть, стыдно!

— Не привыкъ, не занимаюсь никогда, отвѣтилъ онъ, какъ провинившійся школьникъ.

— А! не привыкли, такъ и хлопотать нечего; лучше сидите да трубку курите, хоть комаровъ меньше будетъ.

Романъ Семенычъ придрался къ случаю, выскѣкъ огня, присѣлъ на пенъ и въ самомъ дѣлѣ закурилъ трубку.

Аринушка скрылась, только звуки ея голоса серебрястою трелью раздавались по лѣсу. Прошло добрыхъ полъ часа; она показалась снова, лице ея разгорѣлось, чепчикъ на головѣ еле держался, изъ подъ него выбивались волосы, платье въ двухъ мѣстахъ разорвалось, она почти подкралась къ Стадкину и какъ-то торжественно развернула передъ нимъ салфетку, наполненную грибами. Что-съ, каково! говорила она радостно: каковъ обѣдъ будетъ? А вы то—ну: не грѣшно ли вамъ! Пойдемте, пойдемте, я сама изготовлю ихъ, все сама сдѣлаю!

Она быстро взяла салфетку и, не давъ времени собраться своему спутнику, потащила его за руку.

Подобныя прогулки повторялись почти каждый день. Арина Сергѣевна заходила за своимъ сосѣдомъ и, волею или неволею, непременно куда нибудь вела его.

Романъ Семенычъ, если и сопротивлялся, то какъ-то не хотя, какъ иногда ребенокъ отказывается отъ предложеннаго ему гостинца. Эти прогулки сдѣлались и для него какою-то душевною потребностью. Часто, возвратясь домой весь мокрый, измученный, усталый, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтнешняго дня, чтобы снова устать и измучиться. Онъ любовался, глядя на Арину Сергѣевну, радовался ея радостію; ему было почему-то тепло, пріятно видѣть ее счастливою, веселою. Онъ улыбался, когда она вся разгорѣвшись отъ жару въ простомъ, легкомъ платьѣ, безопасно бѣгала по полямъ, рѣзвилась, путалась въ высокой ржи, рвала цвѣты, ягоды или, совершенно измучившись, черпала ладонью воду, спрыскивала ею лице свое, а потомъ сидѣла на травѣ и тяжело, прерывисто дышала. Въ эти минуты и Романъ Семенычъ заражался вѣявшею вокругъ него жизнью, молодѣлъ, обращался въ ребенка, восхищался тѣмъ, чѣмъ прежде восхищались и въ голову ему не приходило. Разъ даже Аринуш-

ка до того расшевелила его, что бѣгать заставила, и долго хохотала надъ своей выдумкой, называя себя побѣдителемъ. Иногда, наскучивши прогулками или въ ненастный день, Романъ Семенычъ и Арина Сергѣевна оставались дома; онъ обыкновенно читалъ какую нибудь книгу, она слушала. Случалось, что это чтеніе производило сильное впечатлѣніе на слушательницу: иногда она плакала, иногда забывалась совершенно, переносилась на мѣсто героя или героини разсказа, страдала вмѣстѣ съ ними. Даже физіономія ея до такой степени измѣнялась, выражала такую внутреннюю боль, что Романъ Семенычъ пугался, захлопывалъ книгу и объявлялъ, что дальше читать не будетъ.

Однажды, какъ-то подъ вечеръ, въ саду, подъ густою тѣнью огромной липы, онъ читалъ «Асю» Тургенева. Арина Сергѣевна сидѣла на травѣ, поджавши подъ себя ноги, вытянувъ руки на колѣняхъ; лице ея было блѣдно, неподвижные глаза бессознательно смотрѣли по направленію длинной, выходящей на самый конецъ сада аллеи. Романъ Семенычъ дочиталъ до того мѣста, когда Ася пришла на назначенное ею свиданіе къ фрау Луизѣ.

— Подлецъ! вдругъ прошептала Арина Сергѣевна какимъ-то сдержаннымъ голосомъ и дрожація губы ея посинѣли. Черствая, низкая душа, проговорила она громко.

Стадкинъ на минуту остановился, взглянулъ на нее, высморгался и снова продолжалъ читать.

— Развѣ это человѣкъ? Какой это человѣкъ... вѣдь это значитъ не имѣть никакого чувства, никакой души. Дѣвушка пришла на свиданіе, отдалась ему, а онъ—что жъ онъ? разсуждаетъ какъ назвать это свиданіе, чернымъ или бѣлымъ. Неужели есть такіе люди? добавила она вопросительно.

— Какихъ людей нѣтъ! Свѣтъ великъ, отвѣтилъ Романъ Семенычъ и тотчасъ же прибавилъ: а впрочемъ по моему онъ поступилъ благоразумно, даже благородно; другой бы, конечно, воспользовался довѣренностью дѣвушки; честный человѣкъ загладилъ бы все женитьбой,—подлецъ бросилъ бы ее какъ игрушку. Онъ жениться не могъ и выбралъ средину!

— Онъ ничего не выбралъ, онъ трусъ безъ сердца, нерѣшившійся на злодѣйство изъ приличія потому только, что

за это злодѣйство пострадать можно; онъ хуже всякаго злодѣя, расчетливѣе его, онъ убиваетъ въ полномъ умѣ, въ разсудкѣ, взвѣшиваетъ выгоды и недостатки преступленія; такого человѣка я бы возненавидѣла! добавила она очень рѣзко и глаза ея засверкали.

Романъ Семенычъ пожалъ плечами.

— Видите, говорила Арина Сергѣевна, когда онъ кончилъ, чья правда. Счастье-то человѣку въ руки давалось, насильно лѣзло къ нему, да человѣкъ то былъ тряпкой, формы его испугался, растрепаться боялся, а потомъ бросился ловить его! На свѣтѣ и все такъ! много тряпокъ, много! добавила она и головой покачала.

Нѣсколько дней спустя, Романъ Семенычъ съ Ариной Сергѣевной очень много ходили. День былъ знойный, на небѣ ни облачка; оба они порядочно устали, до дому оставалось еще около версты ходьбы по солнечному припеку. Она предложила ему зайти посидѣть на кладбище.

Они сѣли другъ противъ друга: Арина Сергѣевна на плиту отцовской могилы, Романъ Семенычъ на какую-то свѣжую, недавно набросанную насыпь. Кругомъ была тишина совершенная, только въ карнизѣ церкви отрывисто чиркала какая-то птичка. Аринушка сидѣла неподвижно, задумчиво устремивъ глаза въ землю, казалось, она что-то сказать хотѣла да не рѣшалась, собиралась съ мыслями и обдумывала.

Стадкинъ молча тянулъ изъ трубки.

Прошло съ четверть часа.

— Романъ Семенычъ, любите вы меня? вдругъ, очень твердо произнесла Арина Сергѣевна и подняла свои глаза.

Стадкинъ разинулъ ротъ и поперхнулся дымомъ, до такой степени этотъ неожиданный вопросъ ошеломилъ его.

Она нисколько не стѣсняясь снова повторила его.

— Извините меня, бормоталъ Романъ Семенычъ, не смѣя взглянуть на свою спутницу, я такъ уважаю васъ, понимаю ваше положеніе, быть можетъ жалѣю васъ... нельзя иначе.

Аринушка горько усмѣхнулась.

— Все это вздоръ!.. Все можно! Я говорю просто, я сама говорю вамъ прямо, откровенно и требую откровенно-

сти отъ васъ; что мнѣ въ вашемъ сожалѣнн, на что мнѣ оно. Я васъ спрашиваю, любите ли вы меня?

Романъ Семенычъ даже поблѣднѣлъ; видно было, что этотъ вопросъ сильно волновалъ его.

— Какъ любите? тихо спросилъ онъ.

— Какъ женщину только, какъ женщину, понимаете, то есть влюблены—ли вы въ меня? пояснила Аринушка.

Стадкинъ еще болѣе растерялся.

— Какъ же спрашивать объ этомъ, помилуйте, я и отвѣчать что не знаю; что жъ я такое... вы замужняя женщина, пробормоталъ онъ.

— Такъ что, что замужняя; а это что, помните, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ? отвѣтила она, проворно вытаскала изъ—за пазухи какую—то сложенную бумагу и судорожно развернула ее. Видите?

— Вижу, еле слышно произнесъ онъ.

— Здѣсь что написано?... вѣдь это вы сказали, ваши слова; здѣсь вотъ что написано: «Сердце человѣческое всегда свободно; оно не знаетъ ни долга, ни закона; вы жена—у васъ есть долгъ, обязанность, но прежде жены вы человѣкъ, у васъ есть сердце!..» Я послушалась васъ, я берегла слова ваши, врѣзала ихъ въ память себѣ, жила ими, они были моею заповѣдью, моею молитвою; я ихъ выростила, теперь я знать хочу, отвѣчайте мнѣ—я затѣмъ прїѣхала сюда—любите вы меня? добавила она сильнѣе прежняго, и впиалась своими глазами въ лицо Романа Семеныча.

— Онъ опустилъ голову и какъ—то продолжительно вздохнулъ. Нѣтъ, я не люблю васъ! твердо отвѣтилъ онъ.

Аринушка вздрогнула.

Нѣсколько минутъ они оба молчали. Стадкинъ все сидѣлъ, опустивъ голову, и чертилъ трубкой на песокъ какіе—то узоры. Арина Сергѣевна пристально смотрѣла на него.

— А я васъ люблю! говорила она тихимъ, сосредоточеннымъ голосомъ. Я васъ буду любить... что дѣлать, я долго искала и нашла васъ. Къ чему скрываться, легче разомъ все кончить... да, я васъ очень люблю! добавила она глухо и залилась слезами.

Романъ Семенычъ въ первую минуту не зналъ, что

говорить, что дѣлать; все лице его какъ-то судорожно двигалось; наконецъ онъ всталъ, сѣлъ возлѣ Арины Сергѣевны, схватилъ ея дрожащія руки и бросился цѣловать ихъ.

Она припала головой къ его плечу и тихо плакала; ея горячее дыханіе жгло его шею, ея разсыпавшіеся волосы скользили по щекѣ его, ея горячія слезы капали на грудь его.

— Боже мой, Боже мой! въ полномъ отчаяніи, въ какомъ-то забытій шептала она, зачѣмъ я только на свѣтъ рождена, нѣтъ мнѣ нигдѣ мѣста. Я всѣмъ чужая, я лишняя, безродная... ты правду сказала, повтори еще, правду! Я знать хочу, мнѣ кажется, что ты любишь меня! вдругъ, громко произнесла она, крѣпко сжимая своими дрожащими руками его руки.

Онъ колебался. Что-то мучительное выражалось въ его физиономіи; казалось, какая-то борьба ума и сердца двигала, ворукала ее. Онъ боялся взглянуть на Аринушку, хотѣлъ говорить и не могъ, и вдругъ проворно выпрямился и почти отскочилъ въ сторону.

— Правду, правду! говорилъ онъ взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ; нельзя мнѣ любить васъ, нельзя, никакъ нельзя... меня нельзя любить, меня никто не любилъ. Я человѣкъ такой, родился такимъ; вамъ показалось только. Здѣсь другихъ людей нѣтъ, потому и показалось... воображеніе одно, пустяки, бредъ души, сердца, одна жажда любви, горячка просто... Зачѣмъ любить, сами посудите, зачѣмъ?!

Аринушка во всѣ глаза смотрѣла на него; что-то страдальческое, больное, почти умирающее, молящее, плачущее было въ лицѣ ея.

— Какъ зачѣмъ? Я не понимаю васъ?

Романъ Семенычъ оправился.

— Нѣтъ, Арина Сергѣевна, я все понимаю, вы грезите, сонъ видите, сномъ думаете облегчить себя. Вы меня понимать не хотите, вы на время ребенкомъ сдѣлались, отложили отъ себя все; васъ выпустили, какъ птицу изъ клѣтки—вы обрадовались, полетѣли, вздумали быть свободной, какъ этотъ воздухъ... Подумайте, для человѣка не существуетъ такой свободы; вспомните, у васъ есть мужъ, у меня есть совѣсть,

вотъ наши клѣтки, наши тенета, которыми мы себя спутали; трудно сбросить ихъ, трудно. Безъ нихъ намъ жить нельзя!

— Что мужъ мой, что? Я ненавижу его, онъ мнѣ ничего не далъ, онъ только сковалъ меня, съ жаромъ отвѣтила Аринушка.

— Не правда!.. Вы клеветеете на себя, вы не ненавидите его, нельзя вамъ ненавидѣть, за что? Какое вы имѣете право? Вы принимаете мечту за дѣйствительность; вашъ мужъ слишкомъ сухъ, слишкомъ сосредоточенъ въ самого себя, вы слишкомъ горячи, слишкомъ воспримчивы; вамъ только кажется, что вы не любите его, потому что до сихъ поръ, онъ не взволновалъ въ васъ чувство любви, не вызвалъ его наружу, не обратилъ на себя. Протяни этотъ мужъ руку вамъ, скажи ласковое, сердечное слово, вы броситесь къ нему на шею, вы отдадитесь ему всѣмъ существомъ вашимъ,—нельзя вамъ сдѣлать иначе. Вспомните, онъ благодѣтель вашъ, онъ спасъ вашего отца, онъ вытаскилъ васъ; кто знаетъ, еслибъ не онъ, чѣмъ бы вы были теперь; быть можетъ онъ удержалъ васъ отъ паденія, а вы — чѣмъ думаете отплатить ему?!

Аринушка сидѣла опустивъ голову. Она не смѣла пошевельнуться, не смѣла поднять глазъ; чувство какого-то неопредѣленнаго страха разомъ охватило ея душу.

— Да и что вы сдѣлали для вашего мужа, продолжалъ Романъ Семенычъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе; скажите, чѣмъ заслужили его любовь, чѣмъ завоевали ее?.. А вѣдь было время, когда онъ любилъ васъ, хотѣлъ, думалъ любить, когда въ его сердцѣ была искра любви къ вамъ; отчего жъ вы не раздули эту искру?.. Положимъ, трудъ былъ не подъ силу вамъ; вы не знали какъ взяться за него, вы рвались совершить его, да не знали какъ приступить къ нему, вы были такъ неопытны, такъ мало знакомы съ жизнью, такъ живо хватались за все, все разомъ обнять хотѣли; вы думали, что счастье къ людямъ на голову садится,—васъ винить нельзя. Но почему жъ теперь-то вы вините его одного, въ чемъ? Виноватъ ли онъ наконецъ, что не можетъ любить васъ такъ, какъ вы требуете; что жъ дѣлать, если при-

*

рода создала его такимъ, какъ онъ есть, а не такимъ, какъ вамъ бы хотѣлось!

Аринушка все сидѣла неподвижно. Спустившіеся съ головы волосы закрывали почти все лицо ея; казалось, она не дышала даже, по крайней мѣрѣ грудь ея не подымалась.

— Мнѣ слишкомъ жаль васъ, продолжалъ Романъ Семеновичъ; я самъ не уважаю Петра Петровича какъ человѣка, да что жъ дѣлать, нельзя же чтобъ всѣ люди были сдѣланы по нашей выкройкѣ; я знаю, что ваше положеніе тяжело, невыносимо; понимаю, какъ вы жили въ Петербургѣ, знаю какой гнетъ давилъ васъ; наконецъ васъ выпустили, сказали: ступай, отдохни, дѣлай что хочешь, на васъ рукой махнули. Куда вамъ было идти? Конечно сюда. Мѣсто знакомое, родное, вы и прилетѣли сюда съ жаждою, съ потребностью любить; вы теперь любите каждый цвѣтокъ, каждое дерево, каждую дворовую собаку; соръ здѣшній и тотъ любите, потому что ваша душа такъ настроена; вы все забыли, вы бредите любовью одной; а здѣсь свобода, чистый воздухъ, прозрачное небо, солнце, зелень, птицы поютъ, все подогрѣваетъ любовь, шевелитъ чувства и заснуваго человѣка; гдѣ же вамъ молчать—вамъ молчать нельзя... вы подумали, кого полюбить? Поискали, взглянули вокругъ себя и полюбили того, кого вы знали ближе, кого считали можетъ за добраго человѣка, принудили себя полюбить! добавилъ онъ глухо и, помолчавъ, продолжалъ: а я, что я? Я давно заснулъ; гдѣ мнѣ отвѣчать вамъ. Я можетъ и радъ бы проснуться, да не въ силахъ, меня жизнь укачала. Я завялъ; гдѣ же разцвѣсти мнѣ? Подумайте, могу ли я чѣмъ нибудь отплатить вамъ, стою ли я васъ? Что я такое? Такъ, вотъ только ноги волочу, образъ ношу человѣческой, живу, потому что не умираю до сихъ поръ; а здѣсь, что здѣсь у меня? Такъ только досада какаѣ-то, дасада на самого себя! Онъ указалъ на грудь. При послѣднихъ словахъ голосъ его звучалъ какъ то насильно, неестественно.

— Разсудите сами, разсудите хладнокровно, почеловѣчески: подожимъ, я бы увлекся, переродился, откликнулся бы на слова ваши. Что жъ выйдетъ изъ этого? Вы бросите мужа, то есть сдѣлаете самое черное, неблагодарное дѣло; мужъ

вашъ назоветъ меня подлецомъ, васъ—низкой женщиной; свѣтъ заклеймитъ насъ, да и куда мы дѣнемся? Здѣсь жить нельзя, у вашего мужа все мое состояніе, всѣ средства къ жизни; если я лишусь ихъ—я нищій; а у васъ что?—позоръ, общее презрѣніе. Какая же тутъ любовь, какое счастье? Наконецъ, положимъ, что всѣхъ этихъ препятствій не существуетъ, что мы забыли ихъ, пренебрегли ими; мы счастливы по горло, живемъ, блаженствуемъ, я въ васъ души не слышу... А увѣрены ли вы во мнѣ Арина Сергѣевна, что я навсегда останусь такимъ, какъ теперь; достаточно ли вы меня знаете. Изучили ли вы меня? Вѣдь любовь—чувство прихотливое; она затмѣваетъ и долгъ, и совѣсть. Что если я охолодѣю, если недостаточно привьюсь къ вамъ, тогда что останется, какая жизнь ожидаетъ насъ обоихъ?.. Я ручаться не могу за себя, я слишкомъ слабъ; положимъ, я въ бреду, въ упоеніи скажу, что люблю васъ, а будущее, кто заглянетъ въ него, кто поручится въ немъ? Страшно, страшно, Арина Сергѣевна!

Онъ замолчалъ и принялся съ жадностью курить изъ трубки. Лице его покрылось красными пятнами, руки дрожали.

Аринушка сидѣла попрежнему молча, неподвижно; только легкіе, еле слышные вздохи доказывали, что она плакала.

Прошло нѣсколько минутъ.

Романъ Семенычъ взялъ снова ее за руку; она подняла голову, отодвинула съ лица волосы, пристально взглянула на него, хотѣла что-то сказать, но не могла, зарыдала и упала головой на грудь его.

— Арина Сергѣевна! Арина Сергѣевна!.. говорилъ Стадкинъ цѣлуя ея руки, самъ въ свою очередь съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ.

— Что мнѣ дѣлать?.. Боже, спаси, вразуми меня! Простите, простите меня! шопотомъ повторила она.

VII.

Третій мѣсяцъ живетъ Арина Сергѣевна въ Петровкахъ. Послѣдній разговоръ съ Романомъ Семенычемъ не возобно-

вляясь болѣе, о любви не было и помину; и та, и другая сторона, казалось, забыли про нее, схоронили ее гдѣ-то на двѣ души. Они попережнему проводили вмѣстѣ цѣлые дни, попережнему гуляли; только, въ этихъ прогулкахъ было меньше жизни, меньше сердечнаго, безотчетнаго удовольствія, меньше взаимнаго интереса, теплой довѣренности; что-то насильное, принужденное проглядывало въ нихъ. Казалось, что эти прогулки были вызваны взаимною обязанностью, приличіемъ, составляли одно сухое, мертвое, форменное воспоминаіе прошедшаго. Часто случалось, что они проходили молча, потупивъ головы, значительныя разстоянія, не спрашивая куда идти, зачѣмъ идти? Сидѣли рядомъ по цѣлымъ часамъ, не выговоривъ ни одного слова или не хотя, отрывисто разговаривая о какихъ нибудь повседневныхъ мелочахъ, о такихъ предметахъ, которые никогда интересоваться не могли. Каждый изъ нихъ какъ будто затруднялся, долго отыскивалъ тему для разговора, взвѣшивалъ ее въ своемъ холодномъ умѣ и наконецъ выпускалъ на свѣтъ Божій. Они походили на людей совершенно незнакомыхъ, встрѣтившихся въ какой нибудь гостиниѣ и обязанныхъ занимать друга друга.

— Пожалуй, завтра дождикъ будетъ, замѣчала Романъ Семенычъ, глядя на красноватое зарево заходившаго солнца.

— Богъ знаетъ, можетъ и не будетъ, отвѣчала Аринушка.

— Я потѣму говорю, солнце такъ сѣло; нынче лѣто стоитъ хорошее, такого лѣта я давно не запомню, во всемъ урожаѣ хорошій, продолжалъ онъ.

— Мужики говорятъ, яблоковъ много, снова отозвалась она.

— И яблоковъ много, яблоковъ гибель, червь не тронуть, сухо; если кому заготовки дѣлать, такъ это сколько угодно.

Послѣдовало небольшое молчаніе, нарушаемое только храпомъ догорающей золы въ трубкѣ.

— Вотъ и комаровъ теперь поубавилось, а то бывало моченьки нѣтъ, кусаютъ проклятые, какъ-то со вздохомъ произнесъ Стадкинъ, окружая облакомъ табачнаго дыма летавшаго подъ самымъ носомъ комара.

— А вотъ въ газетахъ пишутъ, будто въ Турціи саранча появилась, большая саранча, тучи цѣлыя!

— Не знаю, не читала! разсѣянно отвѣтила Арина Сергѣевна.

— Нынѣче въ газетахъ много интереснаго сообщаютъ; полагать надо, война будетъ, наборы пойдутъ, заготовки разныя... Вы въ церковь завтра пойдете? совершенно неожиданно спросилъ онъ.

— А что?

— Ничего, праздникъ завтра.

— Пойду, отчего жъ не пойти; я въ церкви рада быть, въ церкви хорошо.

— Ничего-съ, у насъ въ церкви порядокъ!

— А вы пойдете? спросила Аринушка.

— Пожалуй, пойду, пойти можно. Жаль, поютъ здѣсь плохо. Какое я въ Москвѣ пѣніе слышалъ, такого неслыхать больше—просто на небеса уносишься... паришь! Замѣтилъ Романъ Семенычъ и вполголоса затянулъ что-то священное.

Въ такой вѣкусъ разговоръ повторялся чуть ли не каждый день. Начинаясь осень еще болѣе мертвила эту сонную жизнь, по крайней мѣрѣ не разгоняла, не расталкивала ее. Пасмурные дни, безпрестанные дожди, темные вечера, желтый падающій листъ, иногда порывистый, завывающій вѣтеръ, все какъ-то гармонировало съ настроеніемъ души обитателей сельца Петровокъ. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ эти обыкновенныя явленія природы быть можетъ прошли бы незамѣтными, но теперь они казались предвѣстникомъ чего-то недобраго, холодили кровь, удваивали уныніе.

Романъ Семенычъ, оставшись одинъ, задумывался болѣе и болѣе; онъ еще сильнѣе, съ какою-то лихорадочною жадностью, выкуривалъ трубку за трубкой, точно въ табачномъ дымѣ искалъ разрѣшенія своей думы, своего сомнѣнія. Долго, по цѣлымъ часамъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ, останавливался, оглядывался вокругъ и снова ходилъ. Долго сидѣлъ въ старомъ полиняломъ креслѣ и разсѣянно въ окно глядѣлъ, порой вздыхалъ, порой по его загорѣлой щекѣ скатывалась слеза. Казалось, онъ на что-то

досадовалъ, жалѣлъ, что такъ скоро день кончился, что прошелъ онъ глухо, незамѣченно, ничѣмъ не ознаменовавъ своего теченія. Иногда онъ что-то бормоталъ самъ съ собою, теръ себѣ лобъ, разводилъ руками; лицо его было совершенно мрачно; иногда, напротивъ, въ немъ проглядывало что-то отрадное, свѣтилась какая-то надежда, даже увѣренность. Не разъ онъ думалъ возобновить прежній замолкшувшій разговоръ съ Аринушкой, расшевелить ея насильно застывшее сердце, заранѣе слагалъ слова, фразы, но приходило время и рѣшимость его вдругъ пропадала, языкъ или не двигался, или болталъ что-то совершенно ненужное. Романъ Семенычъ возвращался домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, даже мысленно бранилъ самого себя, упрекалъ Арину Сергѣевну за ея молчаніе, за ея видимое внезапное къ нему охлажденіе, а потомъ, вдругъ перемѣняя мнѣніе, успокоивался, радовался, даже хвалилъ самого себя за скромность, за умѣнье владѣть своими, какъ онъ выражался, лишними, никуда не годными чувствами.

— Ничего тутъ быть не можетъ, глупость одна, малодушіе; это только мальчику развѣ идетъ. Отъ нечего дѣлать вздоръ въ голову дѣзетъ, сумасшествіе какое-то; нужно принудить, перевернуть себя, разомъ покончить. Хоть уѣхать отсюда... и уѣду—въ Сибирь, въ Камчатку уѣду! говорилъ онъ самъ съ собою.

Напротивъ, Арина Сергѣевна казалась совершенно спокойною, только дѣтская веселость ея пропала, она сдѣлалась какъ-то серьезнѣе, положительнѣе, точно сосредоточилась въ самую себя, точно созрѣла, выросла, женщиной стала. Казалось, ничто не тяготило ее, какъ будто не было у ней ни горя, ни радости, ни прошедшаго, ни будущаго; она смотрѣла равнодушно на все окружающее, какъ на что-то постороннее, чуждое и не касающееся. Этотъ переворотъ совершался въ ней безъ борьбы, безъ сознанія въ его необходимости, безъ внутренняго потрясенія. Она праснулась перерожденною. На лицѣ ея не было и слѣдовъ какойнибудь затаенной грусти; оно было величественно, спокойное; глаза свѣтились тихимъ огнемъ, что-то чистое, безупречное отражалось въ нихъ. Только молилась Аринушка дольше и

усерднѣе прежняго; казалось, молитва замѣняла ей все на свѣтѣ, сдѣлалась ея потребностью, ея лучшимъ, нравственнымъ наслажденіемъ, ея единственною, духовною пищемою.

По цѣлымъ часамъ стояла она на колѣняхъ передъ образомъ, не крестясь, не кланяясь безпрестанно въ землю; она какъ будто отдѣлялась отъ земли, бесѣдовала съ Богомъ, отдавалась, рассказывала, повѣряла ему тайны души своей, — на устахъ ея сіяла кроткая, безмятежная улыбка. Часто даже среди дня Аринушка вдругъ обращала свои взоры къ небу, точно чего-то искала въ немъ, точно отдыхала въ его безконечной воздушной глубинѣ.

О Петрѣ Петровичѣ не было ни слуху, ни духу. Онъ разъ только написалъ женѣ очень сухое, коротенькое письмо, въ которомъ почти приказывалъ ей не торопиться ѣхать въ Петербургъ, а остаться подольше въ деревнѣ.

Арина Сергѣевна, со своей стороны, также писала къ мужу довольно рѣдко, да и то всегда затруднялась какъ писать, о чемъ писать и прибѣгала къ совѣтамъ и помощи своего сосѣда.

Однажды, какъ-то подъ вечеръ, Романъ Семенычъ читалъ какую-то книгу, Арина Сергѣевна слушала. Вбѣжавшая въ попыхахъ горничная объявила, что пріѣхалъ изъ Петербурга дворецкій Петра Петровича и что завтра будутъ всѣ люди при немъ находившіеся.

Романъ Семенычъ вздрогнулъ, книга выпала изъ рукъ его. Арина Сергѣевна нѣсколько смутилась.

— Что это значитъ?.. Позови сюда! сказала она, и щеки ея вдругъ покраснѣли. Она взглянула на Стадкина, онъ сидѣлъ понуривъ голову.

Черезъ минуту явился дворецкій—старый, сѣдой человѣкъ. Онъ три раза перекрестился передъ висѣвшимъ въ углу образомъ и низко поклонился барынѣ.

— Что Петръ Петровичъ? онъ самъ сюда будетъ? спросила она, не давъ времени опомниться вошедшему.

— Никакъ нѣтъ-съ, сами не будутъ, ничего про это не извѣстно; дворню отпустили, медленно отвѣчалъ послѣдній, уставивъ глаза на концы собственныхъ сапоговъ своихъ.

— Зачѣмъ же отпустилъ?.. Онъ живъ, здоровъ?

— Ничего-съ, здоровы; значить такая воля ихняя—по своей волѣ и отпустили.

— И тебя отпустилъ?

— И меня отпустили... всѣхъ-съ,—кого по оброку назначили, кого въ деревню, только что Матрену, что въ ключникахъ числилась, при себѣ оставили.

— Стало быть что нибудь случилось? Можетъ несчастіе какое?

— Не могу знать-съ... Чему бы случиться кажется, и примѣтнаго ничего не было, жили какъ при вашей милости, въ порядкѣ, только что, извѣстно, строгость большая. Каждый часомъ бѣды себѣ жди,—а тутъ, ничего этого намъ не извѣстно, разстройство подошло, долги какіе-то.

— Долги?!

— Не могу знать-съ, люди такъ сказывали. Отчего бы ваяется долгамъ быть, слава-те Господи! Онъ подвѣлъ на минуту голову и посмотрѣлъ вокругъ себя.

Романъ Семенычъ молчалъ и изподлбья глядѣлъ на прѣзжаго.

— Къ вашей милости письмо написали да и отпустили всѣхъ: сегодня значить приказаніе отдали, а завтра чѣмъ свѣтъ ужъ и не было никого, такая послѣшность вышла, добавилъ дворецкій, сунулъ руку за пазуху, вытащилъ изъ него конвертъ и подалъ Аринушкѣ.

— Ничего больше? спросила она.

— Ничего-съ... кланяться приказали... Кланяйся, говорятъ.

Она взяла письмо, распечатала его, отпустила дворецкаго, облокотилась обѣими руками на столъ и принялась читать.

По мѣрѣ чтенія, фізіономія ея прояснялась болѣе и болѣе, на губахъ показалась улыбка, глаза сдѣлались влажными и жадно перебѣгали со строчки на строчку, грудь высоко подымалась; какое-то внутреннее чувство захватывало ея дыханіе; казалось, она хотѣла или зарыдать, или смѣхомъ разразиться; лице горѣло, сердце сильно билось.

Романъ Семенычъ все время пристально смотрѣлъ на нее.

Она кончила читать, хотѣла что-то сказать, но не могла; молча, дрожащею рукою передала Стадкину письмо, отвернулась и тихо заплакала.

— Арина Сергѣевна, что съ вами? спросилъ онъ, судорожно сжимая письмо.

— Не знаю!.. хорошо мнѣ! отвѣтила она и закрыла лице руками.

Романъ Семенычъ нетерпѣливо пожалъ плечами, сильно раза три затынулся, развернулъ письмо и принялся читать его.

Оно было слѣдующаго содержанія.

«Несравненный, добрый другъ мой, Аринушка! Прости меня, я много виноватъ передъ тобой, такъ много, что не имѣю даже силъ оправдываться. Судя по моему долговому молчанію, ты могла думать, что я забылъ, бросилъ тебя на произволь судьбы, обрадовался твоему отсутствію; нѣтъ, ты всегда оставалась въ моей памяти, въ моемъ сердцѣ; только проклятыя дѣла, не дававшія мнѣ покою, невольно, временно отстранили меня отъ тебя, но за то заставили истинно, вполне дорожить тобою, какъ моимъ ангеломъ хранителемъ, заступникомъ предъ всемогущимъ Богомъ. Женясь на тебѣ, мнѣ казалось, что я дѣлаю доброе, почти святое дѣло, что ты мнѣ счастье принесешь, навсегда упрочишь его; я не ошибся: я былъ счастливъ, я все возвышался, все удавалось мнѣ—только это самое, чрезмерное счастье и погубило, задушило меня. Я видѣлъ твое отчужденіе и молчалъ, замѣчалъ твою тоску, твою горе и не старался разсѣять ихъ; я забылъ, что всѣмъ обязанъ тебѣ, забылъ, что ты охраняешь меня, что безъ тебя—я ничто. Я былъ слишкомъ гордъ, мнѣ никогда не приходило въ голову, что благопріятствующая судьба рано или поздно можетъ оставить меня; постоянныя во всемъ удачи усыпили меня. Только теперь я сознаю какъ страшно, жестоко виноватъ передъ тобою, сознаю, что ты увезла съ собою все, даже самую жизнь мою; въ тебѣ была заключена вся сила моя, безъ тебя я существовать не могу. Я клянусь себя, называю безчувственнымъ, неблагодарнымъ. У тебя одной я прошу прощенія, прости!.. Спаси меня!.. вероти мнѣ мое прежнее, заступись за меня! Ты одна можешь если не воскресить, то по крайней мѣрѣ поддержать меня, очистить мою совѣсть, не дать мнѣ умереть на чужихъ, предательскихъ рукахъ, подъ чужой смѣхъ и говоръ.

Я старъ, здоровье мое видимо разстроилось; я звалъ тебя

когда-то жить, радоваться, наслаждаться вмѣстѣ со мною; теперь зову страдать, облегчить мою горькую участь, закрыть мнѣ глаза, пролить теплую слезу надъ моимъ гробомъ. Я не принуждаю тебя, не приказываю тебѣ: я не могу приказывать, я слишкомъ слабъ, слишкомъ ничтоженъ; я прошу только твоей милости, твоего заступничества—оно до сихъ поръ спасало меня, быть можетъ спасетъ и теперь. Доброе сердце твое укажетъ, что тебѣ нужно дѣлать; ты жена, ты другъ мой, сжался же надо мной—истинные друзья познаются въ несчастіи. Именемъ твоего отца умоляю тебя, не оставь меня; забудь все, протяни мнѣ твою благодѣтельную руку. Отслужи панихиду за упокой души его, молись, больше молись, молись покажѣсть силъ хватить!.. Скажи Гришкѣ старому, что я его на волю отпускаю; я нарочно не говорилъ ему, пусть онъ услышитъ это слово изъ устъ твоихъ! Сдѣлай какое нибудь доброе дѣло, помоги неимущимъ крестьянамъ, если нужно продай для этого мебель изъ гостиной и кабинета, чортъ съ ней, я никогда не буду въ Петровкахъ. Отдай что можно на церковь, ничего не жалѣй—все вздоръ, все не наше... Богу больше, какъ можно больше! Я съ часу на часъ буду ожидать тебя, какъ единственной своей отрады. Я воскресну, увидѣвъ тебя; докажи мнѣ, что я не ошибся тогда, когда заступился за твое честное имя, пренебрегъ людскими словами, не погнушался твоимъ рубищемъ, когда женился на тебѣ. Прилагаю при семь мой адресъ, я переѣхалъ съ прежней квартиры. Любящій тебя другъ и мужъ

Петръ Колотырниковъ».

Романъ Семенычъ долго читалъ письмо. Казалось, онъ съ трудомъ разбиралъ его, не вѣрилъ глазамъ своимъ тому, что въ немъ было написано. Онъ безпрестанно останавливался, безпрестанно взглядывалъ на Арину Сергѣевну, тревожно озирался вокругъ себя; руки его дрожали, лице было совершенно блѣдно, холодный потъ градомъ струился по лбу его. По временамъ внутреннее волненіе сильно давило его; онъ готовъ былъ зарыдать, но пересиливалъ себя и только глухо кашлялъ. Наконецъ онъ кончилъ, бросилъ письмо на столъ, всталъ, прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, набилъ трубку, закурилъ ее и сѣлъ на диванъ. Только по су-

дорожному движенію руки его, да через—чурь блѣдному лицу видно было, что онъ далеко не успокоился.

Аринушка все сидѣла, закрывъ лице руками.

Прошло нѣсколько минутъ. Она обернулась поспѣшно, глаза вытерла и взглянула на Романа Семеныча.

— Читали? спросила она.

— Читаль-съ, хорошо написано, очень хорошо! неопредѣленно отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, самъ съ собою прибавилъ: бестія человѣкъ, большая бестія!

— Что мнѣ дѣлать?.. Я сама себя не помню!

— Какъ что? За лошадыми посылать, тутъ и думать нечего, завтра чѣмъ свѣтъ ѣхать скорѣй, какъ можно скорѣй; вамъ нельзя не ѣхать, вы должны ѣхать; не поѣдете—онъ васъ силой вытребуесть!

— Какъ силой? онъ просить, умоляетъ, какая же сила тутъ; еслибъ онъ не хотѣлъ даже, я бы сама поѣхала.

— Все это вздоръ... силой!.. вы жена его! рѣзко отвѣтилъ Романъ Семенычъ. Во всемъ самъ виноватъ, самъ сгубилъ себя, а теперь какую-то Божью кару надъ головой своей видеть, въ васъ спасенія ищетъ. Совѣсть грызетъ! Воръ церковь ограбилъ, а потомъ свѣчу предъ образомъ ставить. Господи помилуй! Господи благодарю тебя! добавилъ онъ и горько усмѣхнулся.

Лицо Арины Сергѣевны вдругъ приняло строгое выраженіе.

— Романъ Семенычъ, вспомните, вы говорите о моемъ мужѣ, о человѣкѣ, которому я такъ много обязана; пощадите меня, пощадите его, онъ въ несчастіи! какимъ-то умоляющимъ, серьезнымъ тономъ произнесла она.

— Я все помню!.. все; вспомните и вы, когда вы говорили, что ненавидите мужа, я что сказалъ вамъ?.. Когда здѣсь, на могилѣ отца, вы объяснялись въ любви ко мнѣ, требовали этой любви, я что сказалъ?.. развѣ я бросился къ вамъ на шею, развѣ схватился за эту любовь, обрадовался ей; я все могъ сдѣлать, и ничего не сдѣлалъ, я отдалъ васъ вашему мужу, я все схоронилъ въ себѣ; трудно было, да дѣлать нечего—такая судьба моя, доля такая!.. Я былъ оди-

нокъ, одинокъ и останусь, я съ колыбели не зналъ женскихъ ласкъ, боялся ихъ и теперъ ихъ знать не хочу!.. На глазахъ его навернулись слезы. Поѣзжайте къ мужу, вашъ долгъ ѣхать, повиноваться; поѣзжайте утѣшать его, лечить отъ глупости и мерзости, страдать,—вы еще мало страдали, мало ползали! добавилъ онъ какъ-то глухо, и провелъ рукою по головѣ.

Аринушка стояла опустивъ голову и тяжело дышала.

— Чѣмъ же я виновата? Что мнѣ дѣлать? произнесла она нѣсколько спустя какъ-бы сама съ собою, не смѣя взглянуть на Романа Семеныча.

— Ъхать, ѣхать, ѣхать!.. Поѣзжайте съ Богомъ, меня оставьте въ покоѣ, отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ: я то за что страдаю, за что гибну? Я зачѣмъ приплелся тутъ, зачѣмъ въ омутъ лѣзу? Лишаюсь имѣнія, всѣхъ средствъ къ жизни, осмѣянъ, одураченъ... а почему?.. потому что совѣсти много. Къ чорту бы эту совѣсть дурацкую! Онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

Арина Сергѣевна подняла голову.

— Романъ Семенычъ, произнесла она твердымъ, спокойнымъ голосомъ, я тоже все помню, помню ту минуту, когда на мое чистосердечное признаніе, на мой смѣлый, безразсудный вызовъ, на говоръ моего разбитого сердца вы откликнулись вашимъ холоднымъ умомъ, оттолкнули меня. Я помню, тогда мнѣ страшно сдѣлалось, мнѣ бы легче было умереть, чѣмъ услышать отвѣтъ вашъ... Я вѣдь тоже все схоронила въ себѣ; вы сами открыли глаза мнѣ, сами научили, заставили меня сдѣлать то, что я дѣлаю теперь!.. За что жъ вы корите меня? Я только исполняю вашу волю, ваше желаніе, сознаю его пользу, его необходимость. Благодарю васъ, вы указали мнѣ мой долгъ, мою первую святую обязанность, представили весь позоръ моего заблужденія, научили меня дорожить этимъ долгомъ; вы были моимъ наставникомъ—я послушалась васъ, я насильно заглушила въ себѣ все то, чѣмъ билось мое сердце, вы спасли меня!.. Чего жъ вы теперъ хотите?.. Могутъ ли я возвратиться къ прежнему? когда, въ какую минуту? Подумайте, Романъ Семенычъ, докажите несправедливость словъ вашихъ, докажи-

те, что вы обманывали меня, смѣялись надо мною, какъ надъ малымъ ребенкомъ, тогда, быть можетъ, я одумаюсь, снова послушаюсь вашего совѣта, соглашусь съ вами, вернусь къ прошедшему. Я все еще люблю васъ, только теперь чувство благодарности къ мужу, состраданія къ нему— выше всякой любви; теперь любовь не заплатитъ долга!.. Прощайте, Романъ Семенычъ, я завтра ѣду! добавила она и протянула ему руку.

Стадкинъ не зналъ, что отвѣчать; онъ только взглянулъ на Арину Сергѣевну, схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ къ губамъ своимъ.

Она нагнулась и поцѣловала его въ голову.

На другой день, рано утромъ, у подъѣзда барскаго дома стояла запряженная шестеркою почтовыхъ лошадей, дорожная карета; около нея толпились мужики, бабы; деревенскіе ребяташки карабкались на запятки и козла; старикъ дворецкій стоялъ понуривъ голову, придерживаясь рукою за переднее колесо.

На крыльцо вышла Аринушка.

Всѣ присутствующіе разомъ обступили ее, точно говорить съ ней хотѣли; мальчишки умолкли; всѣ лица были пасмурны, на глазахъ нѣкоторыхъ блестѣли слезы; позади толпы вылъ чей-то старушечій голосъ.

— Прощайте братцы! произнесла Арина Сергѣевна; благодарю васъ, очень благодарю, спасибо вамъ!.. Богъ знаетъ, увидимся ли когда, съ трудомъ добавила она и горько заплакала.

Толпа застонала. Отдѣлившіеся отъ нея мужики и бабы цѣловали руки госпожи своей, помы ея платья, нѣкоторые валялись въ ногахъ ея.

— Кормилица! мать родная! заступись, на кого покидаешь насъ, золотая, желанная! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Арина Сергѣевна не знала, что дѣлать; она протягивала тѣснившимся крестьянамъ свои руки, цѣловала ихъ головы.

Прошло съ четверть часа, толпа успокоилась. Аринушка собралась съ новыми силами.

— Григорій Архипычъ, тебя баринъ на волю отпускаетъ,

за службу благодарить! Спасибо тебѣ, дай Богъ счастья, помолись за насъ... На волю! добавила она радостно.

Дворецкій заморгаль глазами, оглянулся на всѣ стороны, точно искалъ чего-то, точно недоувѣрялъ ушамъ своимъ, точно спрашивалъ подтвержденія у людей окружавшихъ его, потомъ повалился въ ноги барынѣ и захныкалъ, какъ дребезжащая надорванная струна на скрипкѣ.

— Пустите, пустите! раздался вдругъ чей-то голосъ. Тогда раздвинулась. Аринушка обернулась. Передъ ней стоялъ Романъ Семенычъ въ форменномъ сертукѣ, съ большимъ табачнымъ кисетомъ черезъ плечо, съ трубкой въ одной рукѣ, чемоданомъ и кожаной подушкой въ другой.

— Меня возьмете съ собой? спросилъ онъ весело, но совершенно равнодушно.

— Куда?

— Я тоже въ Петербургъ ѣду; сегодня ночью вздумалъ, здѣсь дѣлать нечего.

Аринушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Возмете? повторилъ онъ; не то, я слѣдомъ поѣду; и телѣжку смазать велѣлъ.

— Поѣдемте! отвѣтила она и улыбнулась.

Черезъ нѣсколько минутъ карета катилась по селу. Изъ всѣхъ оконъ выглядывали то мужскія, то женскія головы; всѣ встрѣчные въ поясъ кланялись ей, останавливались и долго провожали глазами, а старикъ дворецкій задыхаясь, весь въ поту, сопровождаемый ребятишками, бѣжалъ за ней до тѣхъ поръ, покамѣстъ не растянулся отъ изнеможенія и усталости.

На первой станціи Романъ Семенычъ и Арина Сергѣевна встрѣтились съ какимъ-то тучнымъ, высокимъ бариномъ, ѣхавшимъ принимать купленную имъ за безцѣнокъ Петровку.

— Сколько душъ числится? спросилъ его Стадкинъ, весь блѣдный отъ страха.

— По послѣдней ревизіи 532 души—отвѣтилъ баринъ.

У Романа Семеныча отлегло отъ сердца; имѣніе ему принадлежащее осталось нетронутымъ.

VIII.

А между тѣмъ, недѣли за двѣ до полученія письма Ариной Сергѣевной, въ богато убранной квартирѣ Петра Петровича происходилъ страшный беспорядокъ. Мебель была сдвинута и перевязана веревками, стулъ стоялъ на стулѣ, кресло на креслѣ, столы были завалены фарфоровой и стеклянкой посудой, столовымъ серебромъ; на одномъ диванѣ лежали также перевязанными веревками двѣ енотовыя шубы, пальто бобровое, на другомъ валялся огромный, на половину сложенный коверъ, занавѣсы съ оконъ; драпри съ дверей были разостланы на креслахъ и стульяхъ; на полу лежали снятыя со стѣнъ и сложенныя другъ на дружку картины, за ними выглядывали двѣ бронзовыя люстры, далѣе—кучерская одежда, армяки, шапки и даже лошадиная сбруя. Ко всѣмъ этимъ вѣщамъ были приложены красныя печати; около нихъ толпились: какой-то худенькій господинъ въ вицъ-мундирѣ, купецъ съ бородкой, съ хитрыми бѣгающими глазами, въ долгополомъ синемъ кафтанѣ; онъ безпрестанно дотрогивался то до одной, то до другой вещи, тыкалъ пальцемъ въ картины, гладилъ шубы, щупалъ матерію на мебели; въ сторонѣ разговаривалъ квартальный надзиратель съ другимъ чиновникомъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и книгой подъ мышкой. Въ другихъ комнатахъ было совершенно пусто; только гвозди на стѣнахъ, да разбросанные по полу клочки бумаги доказывали, что и здѣсь было когда-то хорошо, уютно, что быть можетъ недавно, нѣсколько часовъ тому назадъ, чья-то безжалостная рука вытащила отсюда всѣ нужныя и ненужныя украшенія, всѣ прихоти богатства и роскоши. По этимъ комнатамъ назадъ и впередъ, изъ угла въ уголь, повѣсивъ голову и заложивъ руки въ карманы брюкъ, ходилъ самъ Петръ Петровичъ. Костюмъ его былъ въ совершенномъ беспорядкѣ, полуразвязанный галстукъ еле держался на шеѣ, изъ-подъ сюртука выглядывала измятая рубашка. Лице его было блѣдно; густая, небритая, сѣдая борода покрывала весь подбородокъ; на осунувшихся щекахъ мѣстами проглядывали

багровыя пятна; глаза впали и какъ-то неприятно сверкали изъ-подъ нависшихъ бровей. Вообще онъ сильно перемѣнился, похудѣлъ, сгорбился, сдѣлался даже выше ростомъ; прежнее величіе въ движеніяхъ пропало, голосъ сталъ дребезжащимъ, точно не говорилъ онъ, а плакалъ, жаловался; какая-то ранняя, преждевременная дряхлость овладѣла всѣмъ существомъ его.

За дверью, въ другой комнатѣ, старая, семидесятилѣтняя старуха, оставленная Колотырниковымъ при себѣ, вѣмѣнъ всей прочей прислуги, отпущенной наканунѣ, протяжно всхлипывала.

Петръ Петровичъ долго ходилъ изъ угла въ уголь; казалось, онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; наконецъ нетерпѣливо тряхнулъ головой и подошелъ къ двери.

— Не реви! довольно сердито крикнулъ онъ; чего рюнишь, жалѣть вадумала; я тебѣ дамъ жалѣть, дурища старая, смѣй жалѣть! Вотъ тоже въ деревню отправлю... доставайся чорту какомунибудь. Молчи! громче прежняго крикнулъ онъ, услышавъ въ отвѣтъ какое-то оправданіе—если при себѣ оставилъ, такъ и молчи, пикни только!

Всхлипыванье прекратилось.

Петръ Петровичъ зашагалъ снова, но вдругъ остановился и схватилъ себя за голову; воображенію его разомъ представился весь ужасъ настоящаго положенія. Онъ разорился, онъ нищій, у него ничего нѣтъ, отъ него всѣ отступились; вся эта дрянь, мелюзга, которая за счастье считала пожать его руку, ползала, унижалась, толпилась въ его передней, кормилась его хлѣбомъ—теперь смѣется, издѣвается надъ нимъ. Что за судьба жестокая? Откуда разомъ посыпались всѣ удары, нахлынули эти долги проклятые; почему все пошло къ чорту, все кверху дномъ встало? Тамъ лопнулъ казенный подрядъ, тамъ въ частныхъ рукахъ пропали тысячи, тамъ фабрика обанкрутилась, тамъ одна неудавшаяся афера повлекла за собою другую, третью, опеломила окончательно, вырвала съ корнемъ послѣднія силы; тамъ наконецъ все его имущество, все доставшееся потомъ и кровью, сколоченное правдой и неправдой въ теченіи цѣлой жизни, клеймится полицейскою печатью, продается съ публичнаго

торга. Онъ, богачъ, гордый, неприступный, счастливецъ, ба-ловень, орелъ—онъ долженъ на старости лѣтъ съежиться, отказывать себѣ въ необходимомъ, быть можетъ, въ кускѣ хлѣба, просить, унижаться! Страшно, стыдно, невыносимо, невѣроятно, непостижимо для самого себя. Петръ Петровичъ заскрежеталъ зубами, стиснулъ руки, опустился на подоконницу. Лицо его какъ-то судорожно вытянулось; онъ тяжело, прерывисто дышалъ, какъ будто усталъ, изнемогъ, задохся отъ налетѣвшихъ разомъ несчастій.

— Боже мой, Боже мой, въ чемъ я согрѣшилъ тебѣ! глухо простоналъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней квартира его совершенно опустѣла. Онъ переѣхалъ куда то очень далеко, на край Петербурга, и поселился въ деревянномъ, одноэтажномъ домикѣ, въ двухъ небольшихъ, бѣдныхъ комнатахъ.

Мрачно, одиноко, неподвижно, уставивъ глаза въ стѣну, какъ будто боясь чего-то, просиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, никого не принималъ къ себѣ, никого видѣть не хотѣлъ, только безпрестанно ворчалъ на старуху Матрену, бывшую ключницу, да иногда, какъ бы наскучившись долгимъ молчаніемъ, метался какъ угорѣлый, стоналъ, рвалъ на себѣ волосы или, забивши въ подушки голову, плакалъ какъ ребенокъ. Страшно было въ такую минуту подступиться къ Петру Петровичу: онъ въ каждомъ видѣлъ своего врага, своего злодѣя, своего нравственнаго убійцу, на каждомъ хотѣлъ выместить накопившее горе; даже Матрена въ подобныя минуты не смѣла глядѣть на барина, крестилась, пряталась и дрожала отъ страха. Разъ какал-то родственница вздумала навѣстить Петра Петровича, принять въ немъ участіе, погоревать вмѣстѣ съ нимъ, но получила такой нагоняй, что почти стремглавъ вылетѣла на улицу.

Однажды, утромъ, когда Колотырниковъ находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, подъ окнами его комнаты остановилась знакомая ему карета, а изъ нея вылѣзла Арина Сергѣевна.

У Петра Петровича затряслись ноги и руки, онъ хотѣлъ было встать, бѣжать, броситься на встрѣчу пріѣзжей,

*

но ничего не могъ — только поблѣднѣлъ больше обыкновеннаго. Невозможно рассказать эту встрѣчу мужа съ женой; она не выражалась словами, ни одного вздоха не было слышно ни съ той, ни съ другой стороны, какая-то могильная тишина сопровождала ее. Петръ Петровичъ впился въ руки Аринушки, она обвила его шею и прильнула головой къ груди его. Нѣсколько минутъ они оставались неподвижными, дыханіе ихъ замерло, наконецъ Арина Сергѣевна подняла голову, тихо, протяжно вскрикнула. Петръ Петровичъ зашатался, опустился на стулъ и захныкалъ какимъ-то ребяческимъ болѣзненнымъ голосомъ. Арина схватила его за руки, повалилась передъ нимъ на колѣни и глухо зарыдала.

Прошло съ четверть часа. Они все молчали. Казалось, они каялись другъ передъ другомъ, взаимно просили другъ у друга прощенія, повѣряли другъ другу самыя сокровенныя тайны. Они какъ будто въ первый разъ въ жизни понимали, оцѣнили, разгадали другъ друга. Въ ихъ рыданіи было что-то радостное, что-то такое теплое, успокоивающее душу; они взаимно дорожили этимъ рыданіемъ, наслаждались имъ. Имъ хорошо было. Наконецъ они, какъ бы по знаку, вдругъ смолкли и взглянули другъ на друга.

Въ лицѣ Аринушки было столько любви, столько счастья, столько теплой довѣренности; влажные глаза ея смотрѣли такъ отрадно, такъ весело, что Петръ Петровичъ невольно улыбнулся, но тотчасъ же, какъ бы раскаявшись въ этой улыбкѣ, тяжело вздохнулъ.

— Видишь!.. произнесъ онъ повертывая голову и указывая на голыя стѣны комнаты.

— Все вижу, все знаю, спокойно отвѣтила Аринушка.

— Ничего нѣтъ, все къ чорту пошло, провалилось все! продолжалъ Петръ Петровичъ очень тихо, точно говорилъ самъ съ собою; все взято, все продано!.. Петровка продана; все пропало, честь пропала; я уничтоженъ, меня всѣ бросили. Ты теперь свободна, ты только прости меня, на смерть благослови; я боялся, что умру безъ тебя, я ждалъ тебя, меня здѣсь давило что-то, мучило, теперь легче стало!.. Онъ указалъ на сердце. И обманулъ тебя, ступай съ Богомъ,

ступай куда знаешь—одному легче страдать. Я нищій, мнѣ нечѣмъ кормить тебя, ступай, прости только! глухо добавилъ онъ и махнулъ рукой.

— Меня только мертвую вынесутъ отсюда!.. Ты звалъ меня спасти тебя, я и спасу, я и прокормлю тебя. Я счастлива теперь, я ждала этого страданія, мнѣ нужно оно; несчастіе оживило, спасло меня!.. Теперь во мнѣ силы есть, я рада несчастію! почти крикнула Аринушка, и глаза ея засверкали. Голосъ ея звучалъ такою увѣренностью, точно въ самомъ дѣлѣ отъ ея воли зависѣло спасти мужа, точно въ ея рукахъ была самая жизнь его. Она въ первый разъ сказала ему ты.

— Здѣсь лучше, говорила она нѣсколько спустя, оглядывая кругомъ комнату; тамъ, на той квартирѣ, мнѣ душно было, я больна была, недоставало чего-то... Здѣсь легче, свободнѣе, здѣсь весело; здѣсь я выздоровѣла... Здѣсь свѣтъ, тамъ могила—намъ немного нужно... Я сама буду стирать, сама бѣлье стирать, мнѣ хорошо теперь! Вотъ, еслибы папенька былъ живъ, я была бы совсѣмъ, совсѣмъ счастлива! Вѣдь и его кости тоже проданы! добавила она грустно.

Петръ Петровичъ вздрогнулъ.

Аринушка замѣтила смущеніе мужа, тотчасъ перемѣнила тонъ и весело прибавила: знаешь, Романъ Семенычъ со мной пріѣхалъ.

— Пріѣхалъ! повторилъ Колотырниковъ—да, ему не зачѣмъ тамъ оставаться; его имѣніе цѣло, онъ тоже продастъ его, съ него хватить; всѣ здѣсь, всѣ соединились, точно прежде бывало. Господи, Господи! замѣтилъ онъ и замоталъ головой.

Вечеромъ въ тотъ же день явился Романъ Семенычъ.

Увидѣвъ его, Петръ Петровичъ снова захныкалъ, однако скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что Стадкинъ ни о чемъ не спрашивалъ его, какъ будто и не замѣтилъ ничего. Только оставшись на минуту наединѣ съ Ариной Сергѣевной, онъ тихо спросилъ: все пропало, ничего не осталось?

— Ничего! Кажется и рубля нѣтъ, отвѣтила она.

Романъ Семенычъ пожалъ плечами.

— У меня есть кой какія деньги—первое время пере-

биться можно; что жъ дѣлать, тамъ имѣніе продамъ, неопредѣленно замѣтилъ онъ.

Аринушка на него взглянула. Въ комнату вошелъ Петръ Петровичъ.

Недѣли двѣ, три, прожила Арина Сергѣевна послѣ приѣзда изъ Петровокъ и какъ прожила, о такомъ счастіи она никогда и не мечтала, не сознавала его возможности. Все то, чего жаждала душа ея, чѣмъ билось сердце, отъ недостатка чего она терзалась, мучилась—все исполнилось въ полной силѣ, вдругъ, разомъ, все соединилось съ избыткомъ для полнаго, невозмутимаго счастья. Петръ Петровичъ переродился, сдѣлался другимъ человѣкомъ; онъ съ какимъ-то трепетнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на жену, видѣлъ въ ней своего лучшаго, единственнаго друга, свою радость, свое утѣшеніе, что-то святое, безпорочное; разговаривалъ съ нею такъ мягко, такъ нѣжно, повѣрялъ ей тайны души своей, дѣлился своимъ страданіемъ, спрашивалъ ея совѣтовъ, точно хотѣлъ учиться у нея, точно видѣлъ въ ней какое-то совершенство, что-то мудрое, безошибочное, точно искалъ въ ней своего спасенія. Онъ называлъ ее не иначе, какъ своимъ ангеломъ хранителемъ, гладилъ ея волосы, цѣловалъ ея руки. Казалось, теперь онъ бы не промѣнялъ жену ни на какія сокровища въ мірѣ; онъ отдался ей какъ дитя, лаская ее, забывалъ свое горе, свое прежнее и настоящее положеніе, забывалъ все на свѣтѣ.

Арина Сергѣевна, съ своей стороны, вся перенеслась въ мужа, заключилась, сосредоточилась въ немъ, какъ-то лихорадочно уцѣпилась за эту внутреннюю, совершившуюся въ немъ перемѣну, точно боялась потерять ее, точно не вѣрила въ ея прочность, точно хотѣла насладиться ею скорѣе, больше, испить чашу до дна, разомъ, точно думала настоящимъ, чрезмѣрнымъ счастіемъ запастись на будущее время, облегчить будущія страданія. Она поняла теперь, какой любви искало ея сердце, поняла свою прошедшую муку, бредъ души своей и даже внутренне благословляла ее, какъ средство доставившее ей путь въ настоящему блаженству. Теперь никакая сила не могла оторвать ее отъ Петра Петровича; она любила его, какъ любить мать своего ребенка, какъ человѣкъ

любить самого себя; она нераздѣльно соединилась съ нимъ. О прежнемъ богатствѣ между мужемъ и женой не было и помину, какъ будто они никогда не знали его и не были богаты до сихъ поръ. Правда, особенно вопіющею нужды ни Петръ Петровичъ, ни Арина Сергѣевна еще не испытали. До перваго ничто не доходило; онъ сидѣлъ въ теплой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ, ѣлъ готовый обѣдъ, не такой изысканный какъ прежде, но тѣмъ не менѣе довольно вкусный; его берегли, боялись огорчить, какъ ребенка; онъ не спрашивалъ, откуда взялись деньги на этотъ обѣдъ, заплачено ли хозяйкѣ за квартиру; онъ какъ будто или боялся спросить, или смотрѣлъ на настоящую свою жизнь, какъ на ничего не стоящую, какъ будто сама судьба была обязана заботиться о немъ, не смѣла допустить его жить еще хуже, съ большими лишеніями. Что касается до Арины Сергѣевны, то она волею и неволею, для спокойствія мужа, должна была принять помощь, предложенную Романомъ Семенычемъ. Сначала долго крѣпилась она; самолюбіе ея страдало, ей было стыдно, больно, она краснѣла, знала что Стадкинъ отдаетъ послѣднее, думала работать чтобъ возратить ему, наконецъ увидѣла, что работать не можетъ, что работой ничего не достанешь и, насильно, махнувъ рукой, придавила въ себѣ неумѣстную совѣсть.

— Что жъ дѣлать! я не могу отказаться—не смѣю; я не для себя беру, я для мужа все снесу, на все рѣшусь, лишь бы чѣмъ нибудь спасти, поддержать его—успокоивала она сама себя.

Романъ Семенычъ по приѣздѣ въ Петербургъ остановился гдѣ-то въ трактирѣ и безпрестанно посѣщалъ Колотырниковыхъ, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ. Онъ какъ будто наблюдалъ за ними, какъ будто досадовалъ на ихъ дружбу, видѣлъ въ ней что-то такое насильное, завидовалъ ей. Часто, оставшись на единѣ съ Ариной Сергѣевной, онъ казался теряться, не зналъ какъ смотрѣть на нее, что говорить и умолкалъ совершенно. Иногда, возвратясь къ себѣ домой, вглядывался на самого себя, жалѣлъ, зачѣмъ въ Петербургъ поѣхалъ, зачѣмъ такъ часто бываетъ у Колотырникова, даже зачѣмъ принимаетъ въ нихъ такое живое, теплое участіе,

жертвуетъ своимъ послѣднимъ достояніемъ; а на другой день опѣшилъ къ Аринѣ Сергѣевнѣ чуть не къ утреннему чаю, и былъ радъ радеконекъ, почти счастливъ, когда давалъ ей кой-какія деньги, когда она, въ знакъ благодарности, молча, краснѣя, со слезами на глазахъ, жала его холодную, дрожащую руку.

Прошелъ мѣсяцъ. Вдругъ Петръ Петровичъ какъ бы вспомнилъ о своемъ положеніи, какъ бы очнулся отъ временнаго спокойствія, точно надоѣло оно ему. Онъ снова захныкалъ, снова сдѣлался несноснымъ, раздражительнымъ. Онъ какъ будто притворялся, чего-то ждалъ до сихъ поръ, разыгрывалъ чужую роль и, недождавшись, потерявъ терпѣніе, снова облачился въ принадлежащую ему шкуру. Ласки жены перестали утѣшать его, даже ея присутствіе дѣлалось ему тягостнымъ; когда она садилась возлѣ него, когда думала облегчить его страданія, разогнать тоску его, онъ махалъ ей рукой, умолялъ оставить одного. Бѣдная Аринушка поневолѣ удалялась въ свою комнату и тамъ, прислонясь къ двери, ведущей въ кабинетъ мужа, подслушивала его вздохи и горько, горько плакала. Она поняла, что мимоходомъ задѣвшее ее счастье скрылось, исчезло на вѣки, оставивъ по себѣ одно воспоминаніе. Посѣщенія Романа Семеныча, Богъ знаетъ почему, рѣшительно опротивѣли Петру Петровичу; онъ ихъ боялся какъ-то, и часто, сказавшись больнымъ, лежалъ въ присутствіи гостя отвернувшись къ стѣнѣ и только вздыхалъ тяжело.

Однажды, немедленно по уходѣ Стадкина, выведенный изъ терпѣнія долгимъ его присутствіемъ, Петръ Петровичъ принялся открыто бранить его. Зачѣмъ онъ ходитъ сюда, говорилъ онъ неприятнымъ, болѣзненнымъ голосомъ; какого чорта ему нужно здѣсь; нечего дѣлать такъ и таскается, покою недаетъ, точно воръ какой; зачѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ, гнилъ бы тамъ у себя, получилъ свое и гнилъ бы въ бодотѣ своемъ. Видѣть его не могу. Мерзавцемъ былъ, мерзавцемъ и остался. Чего онъ тиранитъ меня, душу воротить... Что нужно ему?

Арина Сергѣевна не вытерпѣла.

— Петръ Петровичъ! довольно робко замѣтила она, грѣшно бранить человѣка; вспомни, Богъ и то наказалъ тебя!

Лицо Колотырникова вдругъ вытянулось, глаза его засверкали.

— Богъ наказалъ! говорилъ онъ прерывистымъ, задыхающимся голосомъ; и ты туда же, и ты упрекать вздумала, и ты съ злодѣями наравнѣ; сговорила съ ними, имъ продала себя, душить меня прѣехала; всё душить собрались... Души, души! теперь можно, теперь не прежнее время. Богъ наказалъ, наказалъ, наказалъ! Знаю, что наказалъ. Вздоръ, все вздоръ; ничему не вѣрю, все обманъ одинъ, подлость одна! докончилъ онъ глухо и вдругъ впалъ въ совершенное изнеможеніе: голова его опустилась на спинку кресла, лицо поблѣднѣло.

Аринушка бросилась было къ мужу, но онъ рукою отстранилъ ее.

— Да, продолжалъ онъ еле слышно; поскорѣй бы въ гробъ лечь, скрыться отъ всѣхъ; скорѣй бы ужъ придавили разомъ... къ чорту эту жизнь проклятую! Скажи ему, что я его видѣть не хочу, онъ не смѣетъ ходить сюда, душить, обворовывать меня; я его вонъ выгоню. Не могу я его видѣть! громко, ободрившись, добавилъ онъ.

— Этого нельзя, Петръ Петровичъ, еслибы не онъ, намъ бы ѣсть было нечего, спокойно замѣтила Арина Сергѣевна.

Колотырниковъ вытаращилъ глаза.

— Да, продолжала она, онъ помогаетъ намъ, онъ отдаетъ намъ последнее, онъ продалъ за безцѣнокъ свое имѣніе, и съ краю, все проживаетъ для насъ; онъ благодѣтель твой, а ты бранишь его, видѣть его не хочешь... Грѣшно, невыносимо!

Петръ Петровичъ выпрямился.

— Кто помогаетъ?! произнесъ онъ какъ-то недověрчиво, онъ помогаетъ? онъ, злодѣй!.. благодѣтель мой? Зачѣмъ же ты не швырнула ему въ лицо эту помощь, зачѣмъ брала ее, какъ ты смѣла брать? Какъ ѣсть нечего? Вздоръ, быть!

не можеть, гдѣ руки у тебя? мое братъ умѣла, умѣла разорять меня, обманывать, выходить замужъ, наряжаться, все умѣла, теиерь не умѣешь на эту дрянъ достать... барыней стала, забылась, избаловалась; ну, не корми меня, не корми, радуйся, съ голоду умру—на улицѣ брось, въ больницу отдай.. тамъ прокормить. Прочь, прочь, не подступайся ко мнѣ! грозно добавилъ онъ.

Ариинушка не могла ничего отвѣчать, только страшная, невыносимая боль выразилась на лицѣ ея; она выбѣжала въ другую комнату, повалилась на постель и глухо, уткнувши въ подушки голову, зарыдала, точно боялась, чтобы не услышали ее.

Съ этихъ самыхъ поръ жизнь Арины Сергѣевны сдѣлалась вполнѣ страдальческою; только она терпѣливо, съ какою-то непоколебимою твердостью, съ невозмутимымъ равнодушіемъ несла крестъ свой, точно въ страданіи видѣла замѣну своего счастья, его продолженіе; точно оно было непремѣнною принадлежностью ея жизни, ея лучшею, святою обязанностию. Она даже не хотѣла избавиться отъ этого страданія, не промѣняла бы его на свое прежнее, раззолоченное, видимое спокойствіе.

Петръ Петровичъ пришелъ въ какое-то полуребяческое, полусумасшедшее состояніе; онъ то совершенно раскисалъ, плакалъ, дѣлался необыкновенно кроткимъ, послушнымъ; то умирать собирался, просилъ у всѣхъ прощенія, звалъ священника, заботился какъ его схоронять; то казался совершенно безчувственнымъ—по цѣлымъ днямъ сидѣлъ неподвижно, не слушалъ, не понималъ даже что говорили ему; то приходилъ въ отчаяніе, стоналъ, охалъ, метался, не принималъ никакой пищи; то впадалъ въ мистицизмъ, молился, читалъ святаыя книги, говорилъ о душѣ, о будущей жизни, и мукахъ, ожидающихъ грѣшника въ аду; то просто капризничалъ, какъ больной ребенокъ: никто ничѣмъ не могъ угодить ему, онъ на все ворчалъ, на все сердился, бранился зачѣмъ чай не сладокъ, зачѣмъ въ комнатѣ или жарко или холодно, зачѣмъ кушанье не повкусу; то вдругъ дѣлался грознымъ, почти страшнымъ, всѣхъ называлъ своими зло-

дѣлами, ворами, грабителями и такъ уяревалъ жену, что бѣдная женщина иногда дрожала отъ отыда и ужаса.

— Куда ты деньги дѣвала? говорить онъ наприимѣръ, съ какою-то непримиримою злобою смотря на Арину Сергѣевну; спрятала, зарыла, я умру—заживешь тогда, запируешь, ихъ считать будешь, любоваться ими... Золото мое ненаглядное, золото воровское, скопленное! Зачѣмъ не берегла деньги?.. Ну, обманула бы меня, украла бы у меня, мнѣ бы на гробъ отложила. Куда все дѣлось, неправда, вздоръ, сонъ одинъ! Я такъ не могу жить, не могу!.. Пощади ты меня, что я сдѣлалъ тебѣ?.. ты виновата, ты прокляла, возненавидѣла меня, вотъ и пошло все прахомъ, сквозь землю все провалилось... Чего смотрѣла, зачѣмъ ѣхать въ Петербургъ допустила?.. неускала бы,—ты жена, ты должна была удержать мужа, остановить его, руки связать ему!.. Чего плачешь?.. вздоръ, поздно плакать, плакать не о чемъ: притворство, все притворство, обманъ подлый, прочь, прочь отъ меня! Въ другой разъ, въ совершенномъ изнеможеніи, опустивъ голову, тихимъ, болѣзненнымъ, надрывающимъ душу голосомъ, онъ говоритъ: сжался ты надо мной, прости меня, тяжело мнѣ, дай умереть, Христа ради... Яду дай, скорѣй, скорѣй умереть хочу!.. Мнѣ больше нельзя жить, мнѣ страшно жить, нужно душу спасти, мнѣ въ аду мѣста не будетъ... молись за меня, больше молись! Будешь молиться, будешь? вдругъ спрашивалъ онъ.

— Господи, да что съ тобой! Богъ милостивъ, чѣмъ ты нагрѣшилъ такъ, ты никому зла не сдѣлалъ, отвѣчала Аринушка, не зная какъ успокоить мужа.

— Чѣмъ?! тебѣ знать нужно?.. Какъ зла не сдѣлалъ, время, я всю жизнь одно зло дѣлалъ; откуда у меня деньги были, откуда, молчишь?.. молчи, лучше молчи! Богъ милостивъ... Богъ прогнѣвался, отступился отъ меня, пропалъ меня, я страшный грѣшникъ, страшный!.. Я тамъ въ огнѣ горѣть буду, тамъ ждуть меня, тамъ мнѣ мѣсто приготовлено! Господи, Господи, что я сдѣлалъ такое!.. Что, что?! добавлялъ онъ съ плачемъ, хватаясь руками за голову, и вдругъ умолкалъ на цѣлый день; только тяжелые, повременамъ выры-

вавшіеся изъ груди стоны нарушали тишину въ его комнатѣ. Романъ Семеновичъ пересталъ показываться на глаза Петру Петровичу; онъ только украдкой и то не каждый день навѣщалъ Арину Сергѣевну, снабжалъ ее попрежнему деньгами, да самъ чуть не плакалъ, глядя на ея страдапія.

Безотрадно, мучительно тянулось время.

Петръ Петровичъ становился все несноснѣе и несноснѣе; его капризы, его сумасбродства, его болѣзненные, надрывающіе душу вопли увеличивались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Аринушка все терпѣла. Въ послѣднее время она измѣнилась значительно, преждевременная старость показалась на лицѣ ея, на лбу появились морщины, глаза потухли, осунулись; какое-то отчаянное равнодушіе овладѣло ею,—казалось она сама себя не помнила. Романъ Семеновичъ коптѣлъ въ номерѣ въ гостинницѣ, скучалъ, не зная, куда приклонить голову, сердился на Петербургъ, на Колотырниковыхъ, на самого себя. Старуха ключница тараторила съ разными сосѣдками, безпрестанно въ церковь бѣгала и молилась: хотъ бы Богъ барину смерть послалъ. Такъ прошло мѣсяца три, четыре.

Вдругъ, въ одно утро, Петръ Петровичъ, противъ обыкновенія, проснулся въ очень въ хорошемъ расположеніи духа, онъ даже засмѣялся самъ съ собою, торопливо одѣлся, неопредѣленно посмотрѣлся въ зеркало, прошелся раза два по комнатѣ, сѣлъ у окна и позвалъ Арину Сергѣевну.

— Угадай, что я скажу тебѣ, угадай, пойми! говорилъ онъ, глядя на нее радостными, но вмѣстѣ съ тѣмъ блуждающими глазами... Я тебѣ радость скажу, такую радость, ты приготовься... отъ этой радости можно съ ума сойти, рехнуться можно!

Онъ какъ то неприятно, насильственно засмѣялся. Аринушка очень серьезно смотрѣла на него.

— Петровка наша! продолжалъ Петръ Петровичъ страннымъ, неестественнымъ голосомъ; домъ цѣлъ, садъ цѣлъ, все цѣло, въ саду цвѣты выросли. Завтра ѣдемъ, завтра!.. Все вернулось, мы снова богаты, все это сонъ былъ, управляющій виноватъ, онъ подлець... онъ сиряталъ Петровку,

украсть, зарылъ ее, землей забросалъ. Завтра на другую квартиру переѣдемъ, я въ этой гадости не хочу жить, я дворецъ найму... полъ, стѣны, все вызолочу, деньги спрячемъ, сундукъ такой сдѣлаемъ, все спрячемъ... ты не говори никому, твой отецъ сказалъ... Серга Матвѣичъ, онъ приходилъ сюда! добавилъ онъ шопотомъ.

Арина Сергѣевна вдругъ поблѣднѣла, руки ее задрожали, она какъ-то тяжело, пытливо глядѣла на мужа, точно не узнавала его, точно передъ ней выросло что-то страшное, необыкновенное, точно она сама себя о чемъ-то спрашивала и боялась отвѣтить на вопросъ свой, точно не вѣрила ужасной мысли, блеснувшей въ головѣ ея.

— Какъ богаты?! съ такимъ трудомъ выговорила она, какъ будто языкъ ея прилипъ къ гортани и не могъ дѣйствовать.

— Богаты! шопотомъ крикнулъ Петръ Петровичъ—въ Петровкахъ кладъ зарытъ, кладъ!.. Въ церкви... въ оградѣ, могила тамъ есть... Серга Матвѣичъ вынулъ его, сюда принесть, разсыпалъ... цѣловалъ меня, къ себѣ звалъ... тамъ горы золотыя. Я золотомъ теперь всѣхъ задавлю, теперь всѣ узнаютъ меня, на рукахъ понесутъ, въ ноги поклонятся, черти, злодѣи проклятые! на! на!.. Вонъ золото, вездѣ золото, все блеститъ, глаза рѣжетъ; видишь, видишь, улица усыпана золотомъ, вонъ звѣнитъ какъ... Наше!.. все наше!.. На тебѣ золото, гляди, гляди!.. вонъ, вонъ, изъ рукавовъ сыплется... звонъ, звонъ!.. говорилъ онъ, размахивая руками и вдругъ дико захохоталъ.

Арина Сергѣевна вскрикнула, схватилась за голову и стремглавъ выбѣжала изъ комнаты.

Петръ Петровичъ сошелъ съ ума.

IX.

Недѣли двѣ спустя, въ комнатѣ съ опущенными столами, на столѣ, покрытомъ бѣлою простынею, стоялъ малиновый бархатный гробъ, а въ немъ, съ сложенными на

груди на крестъ руками, лежалъ посинѣвшій и пожелтѣвшій Петръ Петровичъ. Лицо его совершенно исказилось, на мѣстѣ глазъ образовались черныя глубокія впадины, щеки ввалились, лобъ лоснился, носъ вытянулся, губы сжались. Видно было, что покойникъ испустилъ духъ въ страшныхъ судорожныхъ мученіяхъ, въ жестокой борьбѣ между жизнью и смертью.

Противъ гроба, съ совершенно блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ, въ черномъ, траурномъ платьѣ, устремивъ глаза въ лицо мертвеца и крѣпко, судорожно схватившись за спинку кресла, стояла Арина Сергѣевна.

Сзади ея, прислонясь къ стѣнѣ, опустивъ голову и только повременамъ исподлобья взглядывая на все окружающее, помѣщался Романъ Семенычъ. Въ углу комнаты, старуха ключница молилась на колѣняхъ, безпрестанно клала земные поклоны, бормотала какія-то несвязныя слова и громко всхлипывала. Священникъ съ дьякономъ въ черныхъ ризахъ равнодушно совершали отпѣваніе, имъ вторили нѣсколько человекъ пѣвчихъ. Дьяконъ провозгласилъ «вѣчную память», пѣвчіе протяжно, заунывно повторили ее. Арина Сергѣевна задрожала и еще крѣпче схватилась за спинку кресла; Романъ Семенычъ трижды перекрестился и низко поклонился, дотронувшись пальцемъ до полу; старуха ключница завывала громче прежняго.

Обрядъ кончился. Арина Сергѣевна посмотрѣла вокругъ себя, какъ бы спрашивая у присутствующихъ, все ли кончено, твердо подошла къ гробу, спокойно поцѣловала холодный лобъ покойника, поправила флеръ на головѣ его, пристально взглянула ему въ лицо и вдругъ, какъ бы очнувшись отъ забытья, упала головой на грудь мужа и такъ страшно, пронзительно зарыдала, какъ можетъ только рыдать человекъ разъ въ жизни, во время минутнаго, разомъ прихлынувшего къ душѣ страданія, въ то время, когда накипѣвшая, сдержанная внутри боль давить, ломить и наконецъ противъ воли, какимъ-то груднымъ, отчаяннымъ воплемъ, прорывается наружу. Въ этомъ прощальномъ рыданіи Аринушки высказалось все ея прошедшее, все насто-

ящее, все будущее; казалось, она разомъ все припомнила, все поняла, все прочувствовала, все оцѣнила. Она впиалась своими губами въ окостенѣлыя руки покойника, точно хотѣла своимъ горячимъ дыханіемъ согрѣть ихъ, точно думала слезами, да раздирающимъ воплемъ расшевелить его онѣмѣвшія чувства, заставить проснуться. Она судорожно вцѣпилась руками въ края гроба, точно надѣялась спрятать, удержать его. Она повисла на немъ всею своею тяжестью, точно просидалась лечь вмѣстѣ съ мертвецомъ, точно умоляла взять и ее съ собою.

Романъ Семенычъ, съ помощью гробовщика, съ трудомъ оттащилъ ее; она долго упиралась, долго съ полнымъ отчаяніемъ умоляла не трогать ее, увѣряла, что ей хорошо такъ; наконецъ, почти упала, силы ее оставили, рыданіе смолкло, блѣдное, мраморное лицо было покрыто красными пятнами, только простертые въ воздухъ руки казалось манили, обнимали покойника.

Гробъ заколотили крышкой, вынесли, поставили на дроги, Арину Сергѣвну посадили въ извозничью карету; она не сопротивлялась и какъ-то тупо, равнодушно смотрѣла на происходившее. Туда же влѣзла и старуха ключница для присмотра за барыней. Романъ Семенычъ ползлея пѣшкомъ сзади гроба.

Никто изъ прежнихъ знакомыхъ, изъ прежнихъ друзей, изъ людей взысканныхъ, облагодѣтельствованныхъ Петромъ Петровичемъ, изъ тѣхъ людей, которые считали когда-то за честь потолкаться въ его передней, кормились его хлѣбомъ, его подаваніемъ—никто не пришелъ отдать послѣдняго долга покойнику, да быть можетъ никто и не зналъ о смерти Колотырникова. Умеръ въ бѣдности, гроша не оставилъ, такъ что кому за дѣло; еслибъ не Романъ Семенычъ, такъ и похоронить—то было бы не на что. Отъ такого покойника подальше, царство ему небесное!

Похоронивъ мужа, Арина Сергѣвна поселилась уже не въ двухъ, а въ одной комнатѣ; она всячески стѣснила себя, продала все мало-мальски ненужное; отпустила старуху ключницу, осталась въ одномъ черномъ платьѣ, одна одинешень-

ка, никѣмъ не знаемая, безъ грозы и безъ милости. Только Романъ Семенычъ попрежнему посѣщалъ Аринушку, про-сиживалъ у ней по цѣлымъ днямъ. Молча, опустивъ головы въ землю, мѣняясь только отрывочными фразами, сидѣли они другъ противъ друга.

Да и о чемъ было говорить? Воспоминаніемъ прошедшаго Стадкинъ боялся растравить свѣжую рану, еще не успокоившейся, но только онѣмѣвшей отъ страданія женщины; постороннимъ разговоромъ боялся оскорбить ея святую грусть, взволновать, нарушить печальную величавость этой грусти. Онъ только изподлобья, украдкой, но пристально, долго глядѣлъ на Аринушку, точно слѣдилъ за малѣйшимъ ея вздохомъ, прислушивался къ нему, точно по выраженію фисіономіи хотѣлъ разгадать состояніе души ея, точно выжидалъ чего-то, точно самъ хотѣлъ заразиться ея горемъ.

Арина Сергѣевна, съ своей стороны, совѣстилась Романа Семеныча. Богъ знаетъ почему, ей было неловко при немъ, какъ будто она чувствовала себя предъ нимъ виноватою. Онъ уходилъ, она вздыхала свободнѣе, точно какая-то тяжесть сваливалась съ плечъ ея. Она перестала плакать, грусть ея сдѣлалась тихою, сосредоточенною, разумною; только улыбка никогда не показывалась на лицѣ ея: оно всегда было величаво, задумчиво. Казалось, она рѣшилась на что-то; мысленно устроила, обезпечила себя, и спокойно ждала только опредѣленнаго времени, чтобъ осуществить свое твердое, неизмѣнное рѣшеніе. Она къ чему-то важному приготавливала себя и молилась жарко, пламенно... такъ молилась, какъ когда-то въ деревнѣ.

Однажды Романъ Семенычъ, послѣ продолжительнаго молчанія, какъ бы собравшись съ силами, вздумалъ спросить Аринушку, «что она намѣрена дѣлать теперь, какъ думаетъ устроить себя?»

Она какъ будто сконфузилась, какъ будто испугалась чего-то, даже покраснѣла слегка.

— Какъ устроить? Я, право, не знаю, неопредѣленно отвѣтила она.

— Вотъ самое бы лучшее—уѣхать отсюда подальше, здо-

ровые свое поправить, разсѣяться; вы къ Петербургу не привыкли; вамъ въ деревню нужно. Что здѣсь, духота одна, вамъ здѣсь жить нельзя.

Аринушка подняла голову и взглянула на Стадкина.

— Я сама не знаю, Романъ Семенычъ, время было такое. Я все забыла, теперъ подумаю... нужно подумать; погодите немного, я вамъ скоро отвѣтъ скажу, произнесла она послѣшно, какимъ-то извинительнымъ тономъ и, помолчавъ, прибавила: вы можетъ думаете, что я не чувствую, какъ много вамъ обязана; я все чувствую, ей-Богу все чувствую, только говорить не могу, простите меня!

Роману Семенычу сдѣлалось совѣстно.

— Я, Арина Сергѣевна, не о томъ говорю, отвѣтилъ онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ; какая такая обязанность, ничѣмъ вы не обязаны, вы этимъ только обижаете меня; если когда денегъ займете, такъ объ этомъ и думать не стоитъ, потому вы не знаете, что за деньги у меня, можетъ Петръ Петровичъ ихъ подарилъ мнѣ; могу ли я отказать вамъ, сами посудите, отказать нельзя! Я только вамъ посовѣтовать хотѣлъ... для вашего же спокойствія вамъ отдохнуть нужно! Онъ сильно, нѣсколько разъ затянулся изъ трубки.

Арина Сергѣевна ничего не отвѣтила и только протянула ему руку. Онъ крѣпко поцѣловалъ ее.

— Въ деревнѣ сравнить нельзя, продолжалъ онъ весело, лѣсъ, воздухъ, природа, все это жить заставляеть, жизнь поддерживаеть; встанешь рано—гулять пойдешь, устанешь, уходишься; отдыхаешь гдѣ нибудь въ прохладѣ, на травѣ, на сѣнѣ; кругомъ тебя все цвѣтетъ, все радуется. Въ деревнѣ чувства расправляются, сердце иначе бьется, а здѣсь.. что здѣсь, человѣку прокиснуть недолго; да вамъ и говорить нечего, сами знаете, въ деревнѣ жили—сколько радостей было; хорошо, тепло какъ-то! добавилъ онъ съ чувствомъ и глубоко вздохнулъ.

Арина Сергѣевна отвернулась, на ея лицѣ выразилось что-то болѣзненное.

— Да-съ, много, много радостей, благодать! продолжалъ Романъ Семенычъ—я вотъ и самъ скоро хуторокъ куплю,

тамъ на югѣ, потеплѣе гдѣ, поирвольнѣе, въ Малороссіи гдѣ нибудь; мнѣ немного пужно, только бы вѣкъ скоротать, сирота я! добавилъ онъ, медленно выпуская дымъ изъ рта и въ то же время пристально глядя на Аринушку.

Она встрепенулась.

— Вы непременно отсюда уѣдете? живо переспросила она.

— Непременно уѣду, повторилъ Романъ Семенычъ.

Этимъ разговоръ и кончился.

На другой день Стадкинъ снова попытался возобновить его, снова завелъ рѣчь объ удовольствіяхъ деревенской жизни, о своемъ одиночествѣ, высказалъ даже свое намѣреніе кого нибудь пригласить жить съ собой; снова очень убѣдительно совѣтовалъ Аринѣ Сергѣевнѣ какъ можно скорѣе Петербургъ оставить; намекнулъ, что хорошо бы поселиться гдѣ нибудь вмѣстѣ, въ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Мы съ вами птицы вольныя, отъ самихъ себя все зависятъ, не твердымъ, взволнованнымъ голосомъ заключилъ онъ.

Арина Сергѣевна ничего не отвѣтила; она какъ будто не слушала его, и все время просидѣла отвернувшись лицомъ къ окну, а потомъ, во всѣ послѣдующіе дни казалась очень озабоченною, встревоженною, безпрестанно ѣздила на могилу къ мужу, жаловалась на головную боль, такъ что Романъ Семенычъ не рѣшался ничего говорить и уходилъ домой раньше обыкновеннаго.

Въ одинъ вечеръ, провожая своего обычнаго гостя, Арина Сергѣевна съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ простилась съ нимъ; она крѣпко, продолжительно пожала его руку, точно благодарила за что-то, точно сказать что-то хотѣла; на глазахъ ея навернулись слезы.

Романъ Семенычъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Что съ вами? спросилъ онъ, чувствуя дрожаніе руки ея.

— Нѣтъ, ничего, отвѣтила она, какъ бы очнувшись; такъ, очень грустно стало, нездоровится... Вы придете завтра? противъ обыкновенія спросила она.

— Приду; я каждый день хожу...

— Спасибо вамъ! Завтра! Что у насъ завтра? Рано не приходите.. я туда опять на могилу поѣду. Прощайте! Она снова протянула ему руку.

Романъ Семенычъ снова крѣпко поцѣловаль ее, снова пристально взглянулъ на Аринушку, покачалъ головой и вышелъ изъ комнаты.

Долго, далеко за полночь просидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ неподвижно на одномъ мѣстѣ и все думаль, соображалъ что-то, какими-то отрывочными, недоконченными фразами говорилъ самъ съ собою:

— Два мѣсяца прошло, больше, кончить пора! Что съ ней сегодня? Мужъ, опять мужъ... На прожитію хватить, ей не много нужно, ее устроить только... Въ Малороссіи хуторъ можно дешево купить... Завтра же и сказать, чего ждать... ждать нечего, бояться тоже нечего... Этакій жизнью она себя въ могилу сведеть, зачахнетъ... вояъ перемѣнилась какъ, смотрѣть страшно; какъ не согласиться ей, нельзя, не все горевать... Чего это она такъ прощалась сегодня? Тяжелое время, мука одна, сердце надрывается, щемить, отъ такой жизни и самъ съ ума сойдешь; пора вздохнуть свободнѣе, душу отвести, счастье узнать, на себя порадоваться, пора, давно пора!

На другой день утромъ, только что напившись чаю, не смотря на предостереженіе Арины Сергѣевны не приходитъ рано, Романъ Семенычъ тотчасъ побѣжалъ къ ней.

Всю дорогу его тревожили какія-то странныя мысли, точно онъ предчувствовалъ что-то недоброе, точно боялся чего-то. На дворѣ остановился, перевелъ духъ, вбѣжалъ на крыльцо. Дверь въ комнату Арины Сергѣевны была открыта; дюжая, растрепаная дѣвка, въ засаленомъ, тиковомъ сарафанѣ, выметала соръ изъ нея.

— Гдѣ барыня? сиросиль Романъ Семенычъ, какъ-то тревожно заглядывая въ глубину комнаты.

— Уѣхала, грубо отвѣтила дѣвка, даже не взглянувъ на вошедшаго.

— Скоро будутъ?

— Кто будетъ? Сказано, что уѣхали, кому быть тутъ!..

— Я тебя спрашиваю про Арину Сергѣевну, скоро ли она домой вернется, понимаешь? довольно сердито произнесъ Стадкинъ.

Дѣвка подняла голову.

— Уѣхала ваша Арина Сергѣевна, коньче чѣмъ свѣтъ въ дорогу уѣхала, кто ее знаетъ. Вонъ и фатеру сдаемъ, ну! грубо отвѣтила она.

Романъ Семенычъ остолбенѣлъ. Голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло; онъ судорожно схватился за какую-то торчавшую въ сѣняхъ полку и безсознательно смотрѣлъ то на дѣвку, то на опустѣвшую комнату.

— Ты врешь, ты правду говори!.. Я тебя въ полицію отправлю, куда уѣхала? Куда? вдругъ крикнулъ онъ и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Чаво, врешь, врешь!.. въ полицію... притокъ больно!.. Коли вру сами смотрите, на... смотри!.. крѣпостная что ли досталась! Она сердито распахнула дверь настежь и вошла въ комнату. Врешь!.. нешто не видно, вру либо нѣтъ... смотри!..

— Куда уѣхала, куда?! снова крикнулъ Романъ Семенычъ.

Дѣвка подала ему запечатанный конвертъ. Къ вамъ, что ли? спросила она.

Стадкинъ пошатнулся и схватилъ письмо. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ неподвижно, на одномъ мѣстѣ, уставивъ глаза на раскрытую дверь; грудь его высоко подымалась, онъ сильно, прерывисто дышалъ, точно ему воздуху было мало; потомъ оцупью, придерживаясь за стѣну, вышелъ на крыльцо, но не могъ идти дальше—сѣлъ на ступеньку, провелъ рукою по лбу, какъ будто хотѣлъ привести мысли въ порядокъ, взглянулъ на конвертъ, дрожащими руками распечаталъ его и вытащилъ кругомъ исписанный листъ почтовой бумаги.

«Добрый, милый Романъ Семенычъ!.. писала Арина Сер-

гѣвна—вчера я думала откровенно поговорить съ вами, хотѣла проститься—да не могла, силъ не хватило, языкъ не повернулся, страшно стало, потому и рѣшилась лучше писать; хотя пишу плохо, да все равно, вы не взыщете. Много, очень много благодарю васъ за ваши благодѣянiя, за ваши милости—видитъ Богъ, никогда я ихъ не забуду; еслибъ не вы, не знаю, что бы и дѣлала я, какъ бы даже мужа похоронила; вы поддержали, спасли меня, дали мнѣ возможность истинно, вполнѣ оцѣнить васъ. Когда вы получите это письмо—меня не будетъ въ Петербургѣ; я уѣзжаю далеко, навсегда, на вѣки. Простите меня, Романъ Семеновичъ, я очень виновата передъ вами, виновата невольно; сжальтесь надо мною, не корите, а пожалѣйте меня, отпустите меня съ чистою совѣстью, заочно благословите меня; я должна смыть съ себя все прошедшее, должна все забыть—только тогда душа моя успокоится, только тогда я сдѣлаюсь достойной того пути, къ которому предназначила себя. Вамъ извѣстна вся жизнь моя: вы знаете, какъ я выросла, какъ шла замужъ, знаете мою душу, знаете какъ я ребячески терзалась, какъ мучилась какимъ-то непонятнымъ, тяжелымъ сомнѣнiемъ, какъ вся внутренность моя ныла, искала чего-то, какъ я прiѣхала въ Петровки, какъ встрѣтилась съ вами; вы помните, тогда, въ эту минуту, клянусь Богомъ, я любила васъ, любила больше всего на свѣтѣ, всѣми силами души моей готова была отдаться вамъ... въ эту минуту я была вполнѣ счастлива; не умѣю рассказать, почему все это такъ вышло; можетъ быть я больна была—не знаю, помню только отвѣтъ вашъ, онъ холодомъ меня обдалъ, послѣ него мнѣ показалось, что жизнь моя кончена, что даже кровь застыла во мнѣ; мнѣ умереть хотѣлось, я искала смерти, ждала, просила ее, приготовлялась къ ней! Несчастiе случившееся съ мужемъ, его письмо, внезапная перемена характера, вдругъ, разомъ перевернула меня; точно какой-то небесный свѣтъ озарилъ меня, прежнiя мои мученiя смѣнились раскаянiемъ, мнѣ сдѣлалось почему-то страшно, стыдно, больно, и между тѣмъ я радовалась, мнѣ хорошо было! Никогда я не забуду ту минуту, когда встрѣтилась съ Петромъ Петровичемъ. При этой встрѣчѣ я уже любила его

такъ, какъ никого, никогда такъ не любила, я каялась передъ нимъ во всемъ прошедшемъ; сердце мое рвалось къ нему, мнѣ казалось, что у меня крылья выросли, что я сдѣлалась крѣпче, сильнѣе, мужественнѣе; отъ этой любви никакая сила не могла оторвать меня! Скажите, виновата ли я во всемъ этомъ, отчего все вышло такъ чудно, такъ неистожимо? Въ моей ли волѣ было отказаться отъ моего счастья, отъ того, чего такъ долго я искала, къ чему стремилась, для чего жила до сихъ поръ! Я нашла кладъ мнѣ принадлежащій и крѣпко уцѣпилась за него. Болѣзнь мужа, его упреки, ругательства не могли уменьшить любви моей, я страдала молча, тихо, безропотно, никому не жалуясь; я должна была страдать—это страданіе утѣпало меня, я дорожила имъ, я втихомолку обливалась слезами и радовалась, что исполняю долгъ мой; эти горячія, искреннія слезы облегчали душу, наполняли сердце какимъ-то невыразимымъ блаженствомъ.

Теперь, лишившись мужа, я живу памятью о немъ, я все-таки люблю его, я вижу тѣнь его, слышу его слова, его стоны, его проклятія—они милы, драгоценны для меня; ни на что на свѣтѣ не промѣняю я ихъ, да и промѣнять не могу, не въ силахъ!.. Я бы подло обманула и себя, и другаго, еслибы вздумала насильно, временно заглушить ихъ: рано или поздно они снова проснулись бы, и еще сильнѣе овладѣли бы всѣмъ существомъ моимъ. Что же мнѣ оставалось дѣлать?.. Я одна, ничто на свѣтѣ не можетъ занимать, радовать меня; моя радость въ могилѣ, тамъ все мое, умъ, сердце, совѣсть—все тамъ; я только насильно хожу по землѣ, нѣтъ на ней ничего мнѣ роднаго, близкаго, все чуждо, все холодно; средствъ къ жизни никакихъ не имѣю, вашей помощью существовать не могу; я пользовалась ею только изъ любви къ мужу, для его спасенія!.. Я рѣшилась, я иду въ монастырь—вотъ, лучшая, единственная для меня дорога, вотъ конецъ мой! Мнѣ слишкомъ тяжело здѣсь, тамъ мнѣ легче, свободнѣе будетъ! Куда, въ какой? не спрашивайте, не нарушайте моего покоя. Зачѣмъ знать вѣсть? Никто не можетъ удержать меня, моя мірская жизнь кончена; этимъ письмомъ я заключаю ее, исповѣдуюсь въ ней вамъ;

моему благодѣтелю, моему другу, моему ангелу хранителю, доставившему мнѣ возможность испытать счастье! Еще разъ благодарю васъ,—я пишу это письмо и вся дрожу: мнѣ страшно, я боюсь чего-то!.. Простите меня, я виновата передъ вами только въ томъ, въ чемъ виновата передъ собой!.. Забудьте меня!.. живите счастливо, васъ Богъ не оставитъ. Онъ за меня, за ваше добро оплатитъ вамъ, пошлетъ вамъ счастье истинное, прочное... а я?... я умерла для всего свѣта, умерла и для васъ! Прощайте! Я бы дорого дала, чтобы пожать въ послѣдній разъ вашу руку, но что жъ дѣлать, видно такъ нужно, такъ лучше!»

Романъ Семенычъ прочелъ письмо и смертная блѣдность покрыла лицо его: губы посинѣли, руки тряслись, онъ какъ будто окаменѣлъ, какъ будто потерялъ всякое сознание, умеръ, и только мутными, неподвижными глазами глядѣлъ на исписанную страницу. Долго онъ просидѣлъ въ такомъ положеніи, не слышалъ какъ иѣтухъ загорданилъ подъ самымъ его ухомъ, какъ дворовая собаченка чуть не надорвалась лаявши на него, какъ дѣвка вылила подъ самыя его ноги ушатъ съ помоями; наконецъ всталъ, шатаясь, вышелъ на улицу, шатаясь, домой побрѣлъ; его безпрестанно толкали прохожіе, нѣкоторые какъ-то подозрительно смотрѣли на него; наѣхавшій на перекресткѣ извозчикъ чуть не сбиль его съ ногъ; оборванный мальчишка бѣжалъ передъ нимъ, безпрестанно оборачивался и смѣялся въ лицо ему. Онъ ничего не замѣчалъ, онъ даже остановился въ какой-то улицѣ, какъ бы припоминая, въ какую сторону идти нужно; а придя къ себѣ домой бросился въ кресло, цѣлый день просидѣлъ на немъ, все письмо перечитывалъ, а на слѣдующее утро ушелъ изъ дому; цѣлую недѣлю пропадалъ гдѣ то, Богъ знаетъ гдѣ ходилъ онъ, что дѣлалъ во все это время, только когда домой вернулся, на немъ лица не было, чѣмъ-то недобрымъ вѣяло отъ него.

Нѣсколько дней спустя, въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, въ дневникѣ городскихъ приключеній, было напечатано слѣдующее: «такой-то части, такого-то квартала, въ домѣ купеческой жены Тыркиной, въ квартирѣ Амаліи Цейхъ за-

стрѣлился проживавшій у ней постоялецъ, отставной поручикъ Романъ Семенычъ Стадкинъ. По произведенному слѣдствію полагать надо, что причина самоубійства произошла отъ меланхолиі, въ последнее время овладѣвшей покойнымъ.

А. ВИТКОВСКІЙ.

ФІЗІОЛОГІЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

(по БЮНХЕРУ) (*).

I.

Знаніе природы дается людямъ съ величайшимъ трудомъ; каждое открытіе въ области естественныхъ наукъ дѣлается путемъ сложныхъ и хлопотливыхъ наблюденій; когда открытіе сдѣлано, оно обыкновенно встрѣчается всеобщимъ недовѣріемъ; чѣмъ важнѣе открытіе, тѣмъ сильнѣе бываетъ возбужденное имъ недовѣріе; для большей ясности возьму самый простой примѣръ: всѣ мы въ случаѣ болѣзни обращаемся къ доктору, и, пока лежимъ въ постелѣ, довольно точно и добросовѣстно исполняемъ его предписанія; но вотъ мы укрѣпились, ходимъ по комнатѣ, черезъ окно поглядываемъ на улицу, а между тѣмъ докторъ продолжаетъ угощать насъ лекарственными снадобьями, запрещаетъ ѣсть то, что намъ особенно нравится, и ни подѣ какимъ видомъ не велитъ подходить къ окну. Мы начинаемъ относиться скептически къ совѣтамъ доктора, мы съ досадою смотримъ на его предосторожности, мы въ тихомолку посмѣиваемся надъ его предписаніями и наконецъ подѣ часъ нарушаемъ тотъ образъ жизни, который, по мнѣнію свѣдущаго медика необходимъ для нашего окончательнаго поправленія. Въ этомъ случаѣ мы часто поступаемъ такимъ образомъ не только по естественному нетерпѣнью выздоравливающаго челоуѣка; мы оправдываемъ свои неосторожныя дѣйствія разными аргументами,

---

(*) Physiologische Bilder von dr. Louis Büchner. I-er Band, 1861.

которые, конечно, не выдерживают критики. Мы говоримъ: докторъ А. конечно, хорошій человѣкъ, но онъ странно смотритъ на вещи. Ну, можетъ ли такая пустая вещь повредить моему здоровью; онъ, какъ специалистъ, пускаетъ въ ходъ микроскопъ, когда надо смотрѣть на вещи простыми, человѣческими глазами. Тутъ, какъ вы видите, является систематическое недовѣріе къ наукѣ и къ тому самому ея представителю, который, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, оказалъ намъ самую существенную услугу и эту услугу доказалъ намъ состоятельность и практическую пригодность своихъ теоретическихъ знаній. Недовѣріе это въ однихъ людяхъ бываетъ сильнѣе, въ другихъ слабѣе, въ однихъ проявляется вспышками, въ другихъ преобладаетъ постоянно. Есть доморощенные скептики, поставившіе себѣ за правило считать всю медицину шарлатанствомъ и пробавляться, въ случаѣ надобности, собственными соображеніями и домашними средствами. Есть доморощенные физиологи, составляющіе себѣ самыя своеобразныя понятія объ устройствѣ собственнаго организма. Такого рода скептики и физиологи встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества и почти на всѣхъ степеняхъ умственнаго развитія: скептикъ-мужикъ нейдетъ въ больницу и отлеживается на печи или, въ случаѣ тяжкой немочи, отпавляетъ себя разными травками; скептикъ-баринъ гордо отвергаетъ помощь врача и, руководствуясь собственными соображеніями, представляетъ себѣ пилки и горчичники, пускаетъ кровь, принимаетъ слабительныя или глотаетъ крупинки какого нибудь гомеопатическаго лекарства. Собственные истинныя, собственные, смутныя ощущенія кажутся этимъ господамъ основательнѣе и важнѣе умозаключеній медика, основанныхъ на тщательномъ наблюденіи и на предварительномъ изученіи человѣческаго организма въ здоровомъ и въ больномъ состояніи. Этотъ самородный скептицизмъ, приводящій нерѣдко къ самымъ печальнымъ результатамъ, находитъ себѣ пищу въ недобросовѣстности и невѣжествѣ многихъ врачей и даже въ несовершенствѣ самой медицины. Иногда подобное недовѣріе оказывается справедливымъ, иногда медицинѣ или медику приходится сознаться въ своемъ безсиліи, приходится сказать: мы знаемъ далеко *не все*; но *не все* и *ничего* двѣ вещи разныя. Область медицинскихъ свѣдѣній очень обширна, она расширяется съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ увеличиваются и усиливаются тѣ средства, при помощи которыхъ изслѣдователи вносятъ свѣтъ въ темныя углы своей великой науки. Медицина, какъ извѣстно, есть практическое приложеніе свѣдѣній, добытыхъ въ

области различныхъ естественныхъ наукъ; физиологія и анатомія, химія и ботаника, зоологія и физика приносятъ ей свои результаты и она пользуется ими для того, чтобы, изучивъ нормальный процессъ различныхъ отравленій человеческого организма, понять уклоненія, происходяшія иногда въ этомъ процессѣ, угадать причины этихъ уклоненій и наконецъ найти средства предотвращать эти уклоненія, или поправлять зло, когда оно уже сдѣлано. Если медицина, необходимая во вседневной жизни, и составляющая только практическое приложеніе уже добытыхъ истинъ, встрѣчаетъ себя въ массахъ такъ много незаслуженнаго недовѣрія, то легко себя представить, съ какими страшными трудностями приходится бороться тѣмъ теоретическимъ наукамъ, которыя ложатся въ основаніе врачебнаго искусства. Мнѣ кажется, можно сказать безошибочно, что теоретическія истины проникаютъ въ сознаніе общества гораздо медленнѣе, чѣмъ практическія открытія и усовершенствованія. Всякій русскій человѣкъ, побывавшій въ Москвѣ, знаетъ о существованіи желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ; всякій мужикъ, грамотный или неграмотный, садится въ вагонъ, когда ему является необходимость изъ одной столпцы перѣѣхать въ другую; тотъ же самый мужикъ, который такимъ образомъ обращаетъ въ свою пользу изобрѣтеніе, сдѣланное въ XIX вѣкѣ, вполне увѣренъ въ томъ, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Ильи и что домовая, или, какъ онъ выражается, *хозляль* путаетъ по ночамъ гривы его лошадей. Такого рода суевѣріе не ограничивается неграмотнымъ сословіемъ деревенскаго и городскаго населенія: та самая милая, образованная дама, которая съ величайшимъ воодушевленіемъ толкуетъ о современной журналистикѣ, поддерживая или опровергая идеи повѣйшихъ эманципаторовъ, — блѣднѣетъ и чувствуетъ себя разстроенною при видѣ трехъ зажженныхъ свѣчей, поставленныхъ на одномъ столѣ; тотъ самый дѣльный хозяинъ, который выписываетъ для своего сахарнаго завода машины изъ Бельгіи или изъ Англіи, способенъ встать изъ за стола, если за этимъ столомъ сидитъ тринадцать человѣкъ гостей. Суевѣріе, живущее такимъ образомъ помимо успѣховъ науки, покрываетъ сплошною корою общество и, въ большей части случаевъ, отнимаетъ у него возможность пользоваться результатами добросовѣстныхъ изслѣдованій и располагать свою жизнь сообразно съ тѣми истинами, которыя передовые люди добываютъ дорогою цѣною трудовъ и усилій.

Можетъ быть ни одна наука не встрѣчала себя на пути своего

*

развитія столько препятствій, сколько встрѣчала физиологія. Мы готовы вѣрить тому, что натуралистъ рассказываетъ намъ о цвѣткѣ, объ улиткѣ и о слонѣ; мы сами не давали себѣ труда вглядываться въ эти предметы, мы видѣли ихъ мелькомъ, не составляли себѣ о нихъ никакого округленнаго и законченнаго понятія, и слѣдовательно, въ запасѣ наследованныхъ или благопріобрѣтенныхъ воззрѣній не имѣемъ ничего такого, чтобы помѣшало намъ согласиться съ мнѣніями естествоиспытателя; но когда тотъ же естествоиспытатель, расширивъ кругъ своихъ изслѣдованій, постепенно втягиваетъ въ этотъ кругъ организмъ человека, тогда мы начинаемъ прислушиваться внимательнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаемъ чувствовать разладъ между нашими понятіями и тѣми научными фактами, которые сообщаются намъ съ самою убѣдительною наглядностью.

Почувствовавъ такой неизбежный разладъ, слушатели или читатели ведутъ себя различно, смотря по темпераменту и по устройству своего мозга; одни зажимаютъ себѣ уши или бросаютъ съ негодованіемъ начатую книгу за то, что она не гладитъ по головкѣ ихъ закоренѣлыя заблужденія; другіе, напротивъ того, чувствуя въ книгѣ вѣяніе свѣжаго воздуха, съ удвоеннымъ вниманіемъ погружаются въ чтеніе.

Кто изъ нихъ поступаетъ благоразумнѣе—это такой вопросъ, котораго рѣшеніе надо представить на личное благоусмотрѣніе каждаго читателя. Я нахожу, впрочемъ, что уже давно пора выдти изъ области разсужденій и приступить къ фактамъ, которые гораздо реальнѣе могутъ представить высказанныя мною идеи о развитіи естественныхъ наукъ и о ихъ постоянной борьбѣ съ невѣжествомъ массъ, съ суевѣріемъ сантиментальной публики и съ недоброжелательствомъ различныхъ инвизиторовъ, мѣнявшихъ съ вѣками свои костюмы, названія и приемы преслѣдованія.

II.

Я намѣренъ прежде всего поговорить о крови, о такомъ предметѣ, который всякому извѣстенъ по наружному виду, и который, между тѣмъ, не вполне извѣстенъ самымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ

по своимъ внутреннимъ свойствамъ и по своему назначенію въ общей эконومی органической жизни.

«Кровь, говоритъ Меѳистофель Фаусту, есть сокъ совѣтъ особеннаго рода», и Фаустъ, повинувшійся требованію своего руководителя, подписываетъ собственною кровью пагубный контрактъ, отдающій его душу въ распоряженіе мрачнымъ силамъ ада; въ средніе вѣка такого рода контракты, заключавшіеся довольно часто, если вѣрить легендамъ, всегда подписывались кровью и вслѣдствіе этого получали свою таинственную силу; кровью подписывались священныя клятвы; заключая между собою союзъ военнаго братства, два витязя обыкновенно смѣшивали нѣсколько капель своей крови съ тѣмъ виномъ, которое они выпивали въ честь своего побратимства; кровь невинныхъ мальчиковъ употреблялась колдунами для узнаванія будущаго и алхимиками для приготовленія жизненнаго эликсира; побѣдивъ своего врага, дикарь пилъ его горячую кровь, чтобы присвоить себѣ силу и мужество убитаго воина; кровью жертвеннаго животнаго обливались съ головы до ногъ Римляне, желавшіе очиститься отъ совершеннаго преступленія; вампиръ или упырь, выходящій изъ могилы, сосетъ кровь живыхъ людей и вмѣстѣ съ кровью высасываетъ изъ нихъ силу и жизнь. Мы до сихъ поръ въ нашемъ разговорномъ языкѣ придаемъ крови чрезвычайно важное значеніе; о горячей, молодецкой крови поютъ наши народныя пѣсни; въ немъ кипитъ молодая кровь, говорятъ мы, желая обозначить пылкій характеръ живаго ювона.

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства,
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь...

говорить Некрасовъ о своемъ «тяжеломъ, неуклюжемъ стихѣ», и мы вполне понимаемъ это образное выраженіе, несмотря на его очевидную неточность.

«Въ его жилахъ текла благородная кровь великихъ предковъ», говоритъ какой нибудь велерѣчивый панегиристъ, и мы, къ сожалѣнію, понимаемъ это выраженіе, несмотря на всю его нескладную напыщенность. Кровь играетъ, такимъ образомъ, очень видную роль въ поэмахъ и сказкахъ, въ повѣяхъ и въ риторикѣ, словомъ, въ различныхъ созданіяхъ человѣческой фантазіи. Это обстоятельство доказываетъ намъ, что люди инстинктивно сознавали важное значеніе крови для различныхъ отправленій органической жизни; это инстинкти-

вное сознание выражалось и до сих поръ выражается въ тѣхъ медицинскихъ понятіяхъ, которыя находятся во вседневномъ обращеніи; одинъ пациентъ жалуется доктору на *полнокровіе*, другой на *малокровіе*; одинъ находитъ, что у него кровь слишкомъ густа, другой убѣжденъ въ томъ, что она чересчуръ жидка, третій острою кровью объявляетъ происхожденіе разныхъ наложныхъ сыпей или нарывовъ.

Новѣйшая рациональная физиологія соглашается въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ преданіями и народными вѣрованіями, съ поэтами, говорившими о крови и съ пациентами, жалующимися на различныя свойства своей крови; она соглашается съ этими господами въ томъ отношеніи, что признаетъ несомнѣнную важность крови для существованія и для развитія всякаго организма. Затѣмъ она желаетъ счастливаго пути воимъ фантазерамъ, приписывающимъ крови какія бы то ни было таинственныя свойства, поворачивается спиною къ паногристамъ, прославляющимъ благородную кровь чьихъ бы то ни было предковъ, и, вооружившись сильно увеличивающимъ микроскопомъ, кладетъ подъ его предметное стекло каплю красной жидкости, обращающейся въ нашихъ венахъ и артеріяхъ.

Въ этой каплѣ, положенной подъ микроскопъ, изслѣдователь можетъ видѣть милліоны крошечныхъ шариковъ, насыпанныхъ кучами другъ на друга и плавающихъ въ безцвѣтной жидкости. Если взять каплю неразбавленной крови, то при самомъ сильномъ увеличеніи микроскопа будетъ совершенно невозможно разглядѣть устройство отдельныхъ шариковъ; поэтому, для наблюденія надъ микроскопическимъ составомъ крови, лучше всего развести взятую каплю въ такой жидкости, которая бы не разлагала кровяныхъ шариковъ. Капля этой разсыропленной жидкости, положенная подъ микроскопъ, покажетъ, пожалуй, нѣсколько тысячъ плавающихъ шариковъ; но, такъ какъ число ихъ все-таки на томъ же пространствѣ окажется значительно меньше, чѣмъ оно было въ цѣльной крови, то наблюдателю будетъ гораздо легче рассмотреть ихъ устройство. Каждый шарикъ величиною своею равняется одной трохсотой части линіи, т. е. надо положить рядомъ 5000 такихъ шариковъ, чтобы составить длину вершка; каждый изъ нихъ состоитъ изъ чрезвычайно тонкаго эластическаго пузырька, наполненнаго жидкостью; и пузырьрекъ, и жидкость отдельнаго шарика подъ микроскопомъ оказываются безцвѣтными. Я предчувствую, что здѣсь проявится въ читателѣ самородный скептицизмъ.—Какъ же это такъ? спроситъ онъ съ улыбкою, безцвѣтные шарики плаваютъ въ

бесцвѣтной жидкости, а кровь, составленная изъ шариковъ и жидкости отличается темнокраснымъ цвѣтомъ. Это я знаю лучше всякаго физиолога.

— Совершенно справедливо, г. читатель, отвѣчу я. Потрудитесь только произвести слѣдующій, несложный опытъ. Положите другъ на друга листовъ 20 самаго лучшаго стекла и посмотрите тогда, покажется ли вамъ эта стеклянная гора прозрачною и бесцвѣтною. Можете повторить тотъ же опытъ надъ рѣкою: вы знаете, конечно, что Нева въ самую тихую погоду не покажется вамъ массою прозрачной жидкости; зачерпните стаканъ воды изъ этой синеватой рѣки и вы увидите, что эту воду можно будетъ назвать вполне бесцвѣтною.

Смотря на каплю крови, вы должны помнить, что въ ней лежатъ другъ на другѣ *тысячи* бесцвѣтныхъ шариковъ или пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ невообразимо маленькую капельку жидкости, окрашенной совершенно незаметнымъ оттѣнкомъ краснаго цвѣта. Чѣмъ больше шариковъ навалено другъ на друга, тѣмъ опредѣленнѣе и темнѣе становится красный цвѣтъ. Простая капля крови кажется намъ свѣтлорасною, а ведро крови покажется почти чернымъ.

Форма этихъ пузырьковъ не вполне шарообразна, такъ что названіе кровяныхъ шариковъ можно допустить съ грѣхомъ пополамъ; они скорѣе похожи на чечевичныя зерна; у человѣка и у большей части млекопитающихъ эти чечевицеобразныя пузырьки отличаются круглою формою; у птицъ, рыбъ и амфибій, кромѣ того, у верблюда, дромадера и ламы кровяныя пузырьки имѣютъ продолговатую форму. Величина этихъ пузырьковъ у различныхъ животныхъ бываетъ различная, но величина ихъ никакъ не зависитъ отъ величины самаго животного. Крошечная мышь въ этомъ отношеніи стоитъ на однихъ правахъ съ благородною лошадыю. Слонъ оказывается однако вполне послѣдовательнымъ, и размѣры его кровяныхъ шариковъ сообразуются съ размѣрами его колоссальнаго тѣла; по крайней мѣрѣ ни у кого изъ млекопитающихъ нѣтъ такихъ большихъ пузырьковъ, какъ у слона.

При крайней незначительности своего объема, при гладкости и эластичности своей кожи, кровяныя пузырьки свободно скользятъ вдоль стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, переходятъ въ самыя тонкіе волосныя сосудцы и такимъ образомъ въ короткое время пробѣгаютъ черезъ всѣ запутанныя развѣтвленія нашихъ артерій и венъ. Подвижность этихъ шариковъ или пузырьковъ подавала поводъ къ самымъ страннымъ гипотезамъ, которыя, несмотря на свою очевидную не-

лъность, находили себѣ горячихъ защитниковъ. Некоторые исследователи приняли эти пузырьки за микроскопическихъ животныхъ, принадлежащихъ къ классу инфузоріевъ, одаренныхъ самостоятельнымъ способностью движенія и завѣдывающихъ отравленіями нашей крови по собственному, свободному влеченію. Эти воображаемыя микотныя получили названіе первобытныхъ животныхъ (*Urthiere*) и исследователи, подарившіе такимъ образомъ нашей планетѣ неисчислимое количество живыхъ существъ, выразили то мнѣніе, что изъ этихъ существъ, какъ изъ первой основы всякаго органическаго бытія, образуются все тѣни и отдѣльныя части нашего тѣла. Овладевъ этою своеобразною идеею, философія природы, по свойственному ей стремленію искать конечныхъ выводовъ и дѣлать общія заключенія, настроила множество самыхъ удивительныхъ системъ, которыя, какъ карточные домики, валются отъ малѣйшаго прикосновенія непосредственнаго, невредубжденнаго наблюденія. Очень недавно одинъ англичанинъ Тоддъ написалъ цѣлую книгу о кровяныхъ животныхъ, которыя называются у него *bloodliving-animals* или болѣе ученымъ терминомъ—*haematozoa*. Онъ приписываетъ имъ разныя электрическія и химическія свойства; онъ даже думаетъ, что электрическія силы, заключающіяся въ этихъ животныхъ, могутъ объяснить собою то половое влеченіе, по которому мужчина и женщина стремятся сблизиться между собою.

Новѣйшая физиологія доказала самымъ нагляднымъ образомъ, что все эти попытки населить кровь легионами живыхъ существъ относятся къ области чистой фантазіи. Кровь движется въ артеріяхъ и въ венахъ точно также, какъ могла бы двигаться въ нихъ какая нибудь другая жидкость, повинующаяся давленію насоса. Что же касается до кровяныхъ шариковъ, то они не затрудняютъ ея движенія, потому что они, какъ я уже замѣтилъ, очень малы по объему, очень гладки и эластичны. Назначеніе кровяныхъ шариковъ состоитъ, по мнѣнію Бюхнера, въ томъ, чтобы, проходя чрезъ легкія, насыщаться кислородомъ и пронести этотъ кислородъ, необходимый для поддержанія органической жизни, въ различныя части и оконечности тѣла. Сами кровяные пузырьки, какъ и все составныя части организма, разрушаются и выдѣляются изъ живаго тѣла, замѣняясь новыми пузырьками, образующимися изъ принимаемой пищи.

Какимъ образомъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они разрушаются—до сихъ поръ рѣшительно неизвѣстно.

Кровь, выпущенная изъ живаго тѣла, свертывается или застываетъ

ся, т. е. разлагается на стѣблую, желтоватую жидкость и на болѣе твердую, студенистую, темнокрасную массу, состоящую изъ кровавыхъ шариковъ и изъ волоконныя, отдѣлившейся отъ той безцвѣтной жидкости, въ которой называли нузырьки.

Эта волоконна состоитъ изъ соединенія кислорода, водорода, углерода и азота и отличается своею способностью свертываться тотчасъ послѣ выхода крови изъ кровеносныхъ сосудовъ.

Разложеніе крови, вышедшей изъ живаго тѣла, давно уже обращало на себя вниманіе медиковъ и изслѣдователей. Самъ отецъ медицины Гиппократъ занимался этимъ вопросомъ, но не умѣлъ разрешить его. Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что изслѣдователи говорили: *кровь умираетъ*, т. е. живая жидкость, сохраняющая свои свойства, благодаря силамъ живаго организма, теряетъ свои отличительныя качества, покидая то тѣло, которому она принадлежала. Объясняя такимъ образомъ разложеніе крови, изслѣдователи не замѣчали того, что они только другими словами называли непонятый ими фактъ. У нихъ спрашивали: отчего свертывается кровь? А они на это отвѣчали: *кровь умираетъ*. Дѣло очевидно не подвигалось впередъ; мало того, предполагая какую-то таинственную, необъяснимую связь между кровью и тѣмъ организмомъ, въ которомъ она содержится, изслѣдователи ввели въ область своей науки несчастное понятіе жизненной силы, которое долгое время отводило глаза наблюдателямъ. То, что не могло быть объяснено физическими и химическими законами, сваливалось на жизненную силу и причислялось такимъ образомъ къ области необъяснимаго. Сердце билось вслѣдствіе жизненной силы, кровь обращалась вслѣдствіе жизненной силы, кровь свертывалась потому, что ее покидала жизненная сила. Такимъ образомъ всѣ физиологическіе вопросы рѣшались легко и свободно, но такъ какъ жизненная сила оставалась понятіемъ совершенно неопредѣленнымъ и расплывающимся въ пространствѣ, то такая метода рѣшенія раскидывала непроницаемое покрывало на всѣ отправленія, совершающіяся внутри организма. Темпереніе физиологи дѣйствуютъ гораздо проще; они подробно описываютъ то, что они видѣли и прямо говорятъ, что того или другаго имъ пока еще не удавалось изслѣдовать. Нерѣшеннаго много, но за то нѣтъ полурѣшеній, нѣтъ шарлатанства въ терминахъ и объясненіяхъ.

Бюхнеръ прямо говоритъ, что причины разложенія крови еще не найдены.

Дѣйствиємъ атмосфернаго воздуха нельзя объяснить этого явленія

потому, что кровь может свертываться даже внутри живого организма, въ тѣхъ кровеносныхъ сосудахъ въ которыхъ, правильное обращеніе оказывается нарушеннымъ. Отсутствіемъ движенія также не объясняется разложеніе крови, потому что вышущая кровь разлагается и въ томъ случаѣ, если мы станемъ болтать ее въ бутылкѣ. При взбалтываніи крови окажется только, что волокнина не успеетъ соединиться съ кровяными шариками и осядетъ отдѣльными хлопьями. Если же мы будемъ постоянно размѣшивать свѣжую кровь или бить ее глубокою палкою, то осѣдающая волокнина, приставаая къ палкѣ, будетъ выдѣляться изъ крови; такимъ образомъ можно будетъ выдѣлить изъ крови всю волокнину, и тогда оставшаяся масса крови, состоящая изъ водянистой жидкости и кровяныхъ шариковъ, вовсе не свернется; впрочемъ составъ ея будетъ, конечно, значительно измѣненъ; взбивая кровь палкою, мы не препятствуемъ ея разложенію, а только чисто-механическимъ путемъ удаляемъ изъ нея волокнину; взбитая кровь будетъ существенно отличаться отъ той свѣжей крови, которую мы выпустили изъ жилы животнаго; несмотря на то, эта взбитая кровь, остающаяся вслѣдствіе этой операціи въ жидкомъ состояніи, оказывается пригодною для технического медицинскаго употребленія.

Иногда, когда человекъ, потерявшій значительное количество крови, подвергается опасности умереть, ему разрѣзываютъ жилу и въ эту жилу впускаютъ битую кровь; такого рода операція возможна на томъ основаніи, что организмъ пациента собственными силами дополнить потребное количество недостающей волокнины и такимъ образомъ обойдется съ битой кровью также удобно, какъ будто бы она была свѣжая.

Волокнина, выдѣленная изъ крови, твердѣетъ въ видѣ студенистой массы и принимаетъ зеленовато-желтый цвѣтъ; иногда, свертываясь вмѣстѣ съ кровью, волокнина осѣдаетъ сверхъ темнокрасной массы и образуетъ надъ нею желтоватую кору. Медики придумали для этой коры особое названіе *crusta inflammatoria* (воспалительная кора) и даже дошли до того ошибочнаго убѣжденія, будто эта кора образуется надъ темнокрасною массою крови только въ томъ случаѣ, если кровь выпущена изъ жилы пациента, находящагося въ воспаленномъ состояніи. Это ошибочное убѣжденіе часто приводило къ печальнымъ практическимъ результатамъ. Убѣжденный въ томъ, что его пациентъ страдаетъ отъ воспаленія, докторъ продолжаетъ кровопусканія и такимъ образомъ постоянно отнимаетъ у больнаго тѣ силы, которыя мо-

гутъ быть необходимы для его выздоровленія. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, мы можемъ заключить, что графъ Какуръ умеръ именно вслѣдствіе того, что леченіе его медикъ, держась ошибочнаго мнѣнія о *crusta inflammatoria*, истощилъ его организмъ излишними и положительно вредными кровопусканіями.

Убѣжденіе медиковъ насчетъ того, что кора изъ волокины образуется надъ застывшею кровью только въ случаѣ воспаленія пациента, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что подобная кора можетъ образоваться даже въ свернувшейся крови субъекта, подверженнаго блѣдной немочи (*Bleichsucht*). Блѣдная немочъ состоитъ въ томъ, что въ общемъ составѣ крови убавляется количество кровяныхъ пузырьковъ. Кровь становится такимъ образомъ водянистѣе и свѣтлѣе по цвѣту. Пускать кровь больному, страдающему отъ блѣдной немочи очень опасно, потому что онъ и безъ того слабъ вслѣдствіе недостаточнаго количества кровяныхъ пузырьковъ. Медикъ, который захотѣлъ бы лечить такого больного, осмысливая по-своему образованіе *essentielle* *cora*, подвергается опасности зарѣзать пациента своимъ занкетомъ.

Вообще докторъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ распознаваніи болѣзненныхъ симптомовъ. Чѣмъ обширнѣе становится научная область физиологій, тѣмъ сильнѣе суживается область общихъ симптомовъ. Каждый болѣзненный случай имѣетъ свои причины, свою исторію, свое развитіе; каждое явленіе, совершающееся въ человѣческомъ организмѣ, обуславливается множествомъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть разсказаны заранее; эти обстоятельства надо прослѣдить и сообразить на мѣстѣ; здѣсь не выручитъ общее правило; здѣсь необходимы навыкъ, знаніе множества частныхъ случаевъ и величайшая внимательность въ разсмотрѣніи даннаго случая. Химическій составъ человѣческой крови отличается значительною сложностью; въ нашей крови есть поваренная соль, которая сообщаетъ ей довольно замѣтный вкусъ, и желѣзо, которое, въ соединеніи съ кислородомъ, является причиною краснаго цвѣта крови.

Желѣзо было открыто въ крови французомъ Мери, и это любопытное открытіе возбудило множество химерическихъ идей и надеждъ. Нашлись люди, которые стали думать, что желѣзо, заключающееся въ крови, можетъ имѣть важное значеніе для промышленности, что изъ этого желѣза можно выковывать мечи, кочерги и тому подобные общепольные инструменты. Другіе господа посмотрѣли на дѣло съ бо-

лге сантиментальной точки зрѣнія: послышалось желаніе, чтобы изъ крови великихъ людей выковывались послѣ ихъ смерти жетоны или медали. Всѣ эти предположенія оказались совершенно невыполнимыми.

Нашлось, что, если выпустить всю кровь изъ цѣлой сотни людей, то наберется около одного аптекарскаго фунта металлическаго желѣза. Желѣзные рудники, открывшіеся такимъ образомъ въ жилахъ людей и животныхъ, оказались на столько скудными, что никто не взялъ на себя труда разрабатывать ихъ, и никто не выпросилъ себѣ привилегіи на эту новую отрасль промышленности.

Узнавъ о томъ, что въ крови человѣка заключается желѣзо, одинъ парижскій студентъ медицины выдумалъ подарить своей любви желѣзное кольцо добытое изъ собственной крови. Предмету его любви было бы вѣроятно пріятнѣе получить въ подарокъ какую нибудь золотую вещь, а самому студенту было бы легче добыть деньги на покупку дорогой бeadълушки путемъ усиленнаго труда, вмѣсто того, чтобы постоянно ослаблять себя извлеченіемъ желѣза изъ собственного тѣла. Но онъ разсудилъ иначе: ему понравилась его странная идея, и онъ принялся безо всякой надобности пускать себѣ кровь черезъ извѣстные промежутки времени. Собираніе желѣза шло очень медленно; нетерпѣніе молодаго мечтателя было слишкомъ велико; онъ поторонился, выпустилъ за одинъ разъ слишкомъ много крови и умеръ, не успѣвши привести въ исполненіе своего оригинальнаго намѣренія. Если подобныя нежелѣпности предпринимались вслѣдствіе того обстоятельства, что въ крови заключаются ничтожныя частички самаго дешеваго металла, то можно себѣ представить, сколько преступленій совершалось бы въ томъ случаѣ, когда бы вмѣсто желѣза въ составъ крови входило бы, напримѣръ, золото. Убіиства вѣроятно, сдѣлались бы весьма обыкновенными происшествіями; охотниковъ пускать кровь себѣ и другимъ нашлось бы несмѣтное количество; эпитетъ кровопійца, который придается теперь слишкомъ жаднымъ ростовщикамъ, принимался бы тогда въ буквальный значеніи этого слова. Игроки могли бы ставить на карту часть своей крови, точно также, какъ теперь они ставятъ на карту необходимыя деньги и вещи. Словомъ, число нежелѣпостей и гадостей, совершающихся теперь, вѣроятно увеличилось бы въ десятеро.

Взглянувъ на ту бездну несчастій, въ которую погрузилось бы человѣчество, еслибы въ его жилахъ открылись золотыя рудники, я поневолѣ становлюсь оптимистомъ и, обращаясь къ нравственному чув-

стау читателя, предлагаю ему торжественный вопрос: осмѣлится ли онъ послѣ этого изъяснить малѣйшее сомнѣніе въ благодати Провидѣнія?

Кромѣ твердыхъ и жидкихъ веществъ, входящихъ въ составъ крови, надо упомянуть еще о веществахъ газообразныхъ, образующихъ разные химическія соединенія съ твердыми и жидкими составными частями крови. Въ крови нѣтъ газовъ, находящихся въ свободномъ состояніи; если нѣкоторое количество атмосфернаго воздуха попадетъ въ кровеносный сосудъ, то оно можетъ нарушить весь порядокъ кровообращенія и повести къ мгновенной смерти разсматриваемаго субъекта. Такого рода опыты производились надъ животными; имъ вбрызгивали воздухъ въ открытыя жилы посредствомъ воздушнаго насоса, и они издыхали среди сильныхъ конвульсій. Иногда случается, что воздухъ проникаетъ въ кровеносный сосудъ пациента при большихъ хирургическихъ операціяхъ; тогда больной мгновенно умираетъ. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что газы, находящіеся въ крови, должны непременно образоваться съ твердыми и жидкими веществами химическія соединенія.

Кислородъ, воспринимаемый организмомъ при вдыханіи атмосфернаго воздуха, соединяется съ кровью, протекающею черезъ легкія и, окисляя желѣзистое содержаніе кровяныхъ шариковъ, придаетъ всей крови тотъ ярко-красный цвѣтъ, которымъ она отличается при выходѣ своемъ изъ легкихъ. Углекислота накапливается въ крови во время ея прохожденія черезъ волосные сосуды, т. е. черезъ тончайшія развѣтвленія жилъ, находящіяся возлѣ поверхности тѣла; она образуется изъ соединенія кислорода, заключающагося въ крови, съ углеродомъ тѣхъ органическихъ тканей, черезъ которыя проходитъ кровь. Углекислота эта выдѣляется изъ легкихъ при выдыханіи; она придаетъ крови темный цвѣтъ, и потому кровь, пройдя черезъ легкія, получаетъ болѣе свѣтлый и яркій цвѣтъ.

Азотъ, проходящій въ кровь изъ пищи и изъ атмосфернаго воздуха, выдѣляется черезъ почки, въ формѣ мочи, въ соединеніи съ водою.

Въ крови совершается такимъ образомъ весь химическій процессъ превращенія воздуха и пищи въ органическія ткани нашего тѣла. Образованіе крови происходитъ отчасти отъ принятія пищи, отчасти отъ вдыханія атмосфернаго воздуха. Люди, страдающіе чахоткою, т. е. поврежденіемъ легкихъ, худѣютъ и сохнутъ, несмотря на предлагаемую имъ питательную пищу и несмотря на то, что они часто до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни сохраняютъ полный аппетитъ. Недо-

статокъ воздуха, который ослабѣвшія легкія уже не могутъ принимать въ необходимомъ количествѣ, отнимаетъ у крови притокъ кислорода и, такимъ образомъ, существенно измѣняя ея составъ, нарушаетъ нормальный процессъ питанія и жизни.

Количество всей крови, находящейся въ тѣлѣ взрослого чело-вѣка, заключаетъ въ себѣ по вѣсу около 13 фунтовъ. По мнѣнію однихъ изслѣдователей вся масса крови составляетъ одну восьмую часть вѣса всего человѣческаго тѣла; по мнѣнію другихъ — только одну тринадцатую.

Организмъ выдерживаетъ значительныя потери крови, если только эти потери совершаются не вдругъ, а слѣдуютъ другъ за другомъ черезъ извѣстные промежутки времени. Опыты, произведенные надъ животными, показали, что можно, не убивая самаго животного, въ вѣсколько приѣмовъ выпустить изъ его жилъ такое количество крови, которое превосходитъ вѣсъ его собственнаго тѣла. Но въ одинъ разъ достаточно, чтобы убить животное или чело-вѣка, выпустить изъ него количество крови, равняющееся одной двадцать пятой части его вѣса.

III.

Обращеніе крови, необходимое для процесса жизни, совершается отъ сердца къ оконечностямъ и къ поверхности тѣла, и отъ поверхности обратно къ сердцу. Механизмъ кровообращенія объясняется очень просто слѣдующимъ нагляднымъ примѣромъ.

Представьте себѣ полный гуттаперчевый шаръ, въ которомъ въ двухъ мѣстахъ прорѣзаны два круглыя отверстія. Къ этимъ двумъ отверстіямъ придѣланы двѣ длинныя, гибкія трубочки; отверстія шара закрываются клапанами, которые оба отворяются въ одну сторону, положимъ, вправо.

Весь снарядъ, т. е. шаръ и оба колѣна трубки наполнены водою; свободные концы трубочекъ, т. е. концы непрідѣланные къ шару, спаины между собою такъ плотно, что спайка не пропускаетъ воздуха. Если вы рукою сожмете шаръ, то вода, заключающаяся въ немъ, будетъ выдавлена и черезъ тотъ клапанъ, который отворяется наружу, потечетъ въ трубочку; но трубочка и безъ того полна водою, и по-

тому жидкость, уступая напору вновь притекшей воды, ударяетъ въ другой клапанъ и входитъ въ шаръ. Вы еще разъ сжимаете его рукою, и опять повторяется то же самое явленіе, т. е. часть воды опять выгнѣняется изъ шарика и опять замѣняется такимъ же количествомъ воды, прилившей съ другого конца, вслѣдствіе того же самаго давленія. Еслибы трубочки, по выходѣ своемъ изъ шара, раздѣлились на два канала, потомъ на четыре, потомъ на восемь, и т. д., еслибы всѣ эти развѣтвленія были спаены между собою и такимъ образомъ опять сходились бы въ одну общую трубку, сообщающуюся съ шаромъ, то отъ этого обстоятельства процессъ обращенія жидкости не измѣнился бы.

Роль гуттаперчевого шара играетъ въ тѣлѣ животныхъ и человѣка сердце, которое, сжимаясь и расширяясь, попеременно выгоняетъ изъ себя кровь въ артеріи и принимаетъ кровь, притекающую изъ вень.

Система артерій и вень, раскинувшихъ свои отроги и развѣтвленія во всѣ части тѣла, раздробившихся на безчисленное множество микроскопически-тонкихъ волосныхъ сосудовъ и охватившихъ почти сплошною сѣтью тѣло животного подъ самую его кожу,—замѣняетъ собою въ организмѣ тѣ гибкія трубочки, о которыхъ я говорилъ въ моемъ примѣрѣ. Въ артеріяхъ и въ венахъ существуетъ сложная система клапановъ, открывающихся только по одному направленію и потому непускающихъ обратно въ сердце ту часть крови, которая уже вышла въ артеріи вслѣдствіе его сжатія. Вслѣдствіе этого устройства клапановъ, кровь принуждена при каждомъ сжатіи сердца подвигаться впередъ по артеріямъ; подвигаясь такимъ образомъ дальше и дальше отъ сердца къ поверхности тѣла, она наконецъ входитъ въ волосныя сосуды; дальше идти впередъ некуда, а между тѣмъ новыя волны крови, напирющія изъ сердца, тѣснятъ попрежнему; волосныя сосуды отъ поверхности тѣла поворачиваютъ опять къ центру и кровь, конечно, течетъ туда, куда направлены эти каналы, потому что изъ нихъ нѣтъ никакого выхода. Съ той минуты, какъ сосуды поворачиваютъ назадъ къ центру, они начинаютъ называться венами; по мѣрѣ приближенія къ сердцу, тонкія вены соединяютъ между собою подобно тому, какъ ручьи сляніемъ своимъ образуютъ рѣки; наконецъ венозная кровь, насытившаяся углекислотою во время своего путешествія по тѣлу, черезъ толстыя вены вливается въ сердце, а сердце опять сжимается и кровь опять отправляется гулять по артеріямъ. Въ статьѣ

«Процессъ жизни», написанной по поводу физиологическихъ писемъ Карла Фохта и помѣщенной въ Сентябрьской книжкѣ Русскаго Слова за 1861 годъ, я говорилъ довольно подробно о маршрутѣ крови въ тѣлѣ человѣка. Теперь я поговорю о дѣятельности сердца и о различныхъ особенностяхъ этого важнаго и интереснаго органа.

Прежде всего надо замѣтить, что сердце, подобно желудку и легкимъ, относится къ тѣмъ органамъ, отъ которыхъ зависитъ исключительно растительная жизнь. Сердце своими движеніями производитъ кровообращеніе, но оно не воспринимаетъ никакихъ впечатлѣній, и не сообщаетъ нашимъ поступкамъ никакого импульса. Любовь, ненависть, желанія, надежды, волненія, страхъ, горе, радость—не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью сердца и не могутъ доставить сердцу ни пріятнаго, ни тяжелаго ощущенія. Малѣйшее нарушеніе въ дѣятельности сердца ведетъ за собою болѣзненное разстройство, которое часто оканчивается смертью, но такого рода нарушенія происходятъ не отъ горести, не отъ душевнаго страданія, а оттого, что расхлябался какой нибудь клапанъ, распухъ тотъ полый мускулъ который называется сердцемъ, или засорилось то или другое отверстіе, ведущее къ артеріи. Болѣзни сердца имѣютъ чисто физическія причины, и сердце наше само по себѣ также нечувствительно къ нашимъ радостямъ и страданіямъ, какъ нечувствителенъ желудокъ, постоянно занимающійся своею скромною поварскою должностью.

Впрочемъ, нельзя отрицать тотъ фактъ, что душевныя волненія могутъ нарушить до нѣкоторой степени нормальную дѣятельность сердца. Воспринимая впечатлѣнія нервами, мы въ этихъ самыхъ нервахъ чувствуемъ ощущенія радости, горя, страха и т. д. Напряженное или раздраженное состояніе нервовъ отзывается во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, потому что нервы проходятъ въ нихъ своими развѣтвленіями, и переплетаясь тонкими ниточками съ кровеносными сосудами, могутъ сжимать ихъ независимо отъ нашей воли. Мы часто краснѣемъ вовсе не въ попадѣ, тогда, когда не слѣдовало бы и не хотѣлось бы краснѣть; мы краснѣемъ совершенно произвольно, и это дѣлается единственно потому, что нервы, повинуясь внезапно воспріятому впечатлѣнію, мгновенно нарушаютъ нормальный ходъ кровообращенія и дольше, чѣмъ слѣдовало бы, задерживаютъ въ лицѣ ту кровь, которая должна возвращаться къ сердцу.

Если наши нервы поражены какимъ нибудь сильнымъ и прочнымъ впечатлѣніемъ, то они могутъ парушить весь процессъ кровообраще-

нія и вслѣдствіе этого измѣнить состояніе сердца, которе такимъ образомъ совершенно непрозвольно, пассивно и безсознательно испытаетъ на себѣ реакцію нашихъ психическихъ ощущеній. Точно также можетъ испытать эту реакцію и желудокъ; если вы огорчены, вы можете потерять аппетитъ не потому, что желудокъ сочувствуетъ вашему горю, а потому, что напряженіе вашей нервной системы отнимаетъ у васъ возможность внимать скромно заявляемымъ требованіямъ вашего пищеварительнаго органа.

Словомъ, всѣ ощущенія воспринимаются только нервами, а нервы, получивши извѣстное сотрясеніе, могутъ нарушить или измѣнить дѣятельность такихъ органовъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ ощущеній. Мы чувствуемъ боль только въ нервахъ; ни мускулы, ни кровеносные сосуды, ни желудокъ, ни сердце не могутъ страдать; страдаютъ только прилежающіе къ нимъ нервы. Все это такъ, скажетъ читатель, но если сердце все оплетено нервами, то оно, конечно, способно страдать, потому что оплетающія его нервы составляютъ одну изъ его частей.

— Конечно, отвѣчу я, это было бы совершенно справедливо, если бы сердце дѣйствительно было оплетено нервами, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Сердце совершенно лишено чувствительности, какъ на поверхности своей, такъ и въ своемъ центрѣ. Нервы, находящіеся въ сердцѣ, относятся къ тому разряду нервовъ, которые проводятъ движеніе, но не сообщаютъ ощущеніе. Есть люди, у которыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія грудныхъ костей, существуетъ отверстіе, позволяющее видѣть и даже ощупывать рукою сердце. Это ощупываніе не причиняетъ имъ не только ни малѣйшей боли, но даже ни малѣйшаго ощущенія. Рана, нанесенная человѣку въ сердце и ведущая за собою неизбежную смерть, заставитъ его страдать не потому, что она тронула сердце, а потому, что она по дорогѣ изломала грудныя кости и изорвала грудныя ткани.

Болезни сердца, нарушающія весь процессъ кровообращенія, приводятъ все тѣло въ состояніе ненормальной раздражительности и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ оказывать значительное вліяніе на душевное настроеніе пациента. Бываютъ впрочемъ и такія болезни сердца, которыя, несмотря на всю свою важность, не причиняютъ ни малѣйшей боли, позволяютъ пациенту веселиться и наслаждаться жизнью, и до послѣдней роковой минуты укрываются даже отъ его собственнаго вниманія. Итакъ сердце—ничто иное, какъ безсознательно дѣйствующій

насосъ, необходимый для того, чтобы приводить въ движеніе кровь животнаго, но совершенно нечувствительный къ впечатлѣніямъ физическаго и духовнаго міра.

Когда мы говоримъ: у такого—то человѣка доброе сердце, а у такого—то нѣтъ сердца, когда Французы говорятъ съ воодушевленіемъ: *c'est un coeur d'or, il a du coeur—cet homme*, когда Нѣмцы толкуютъ съ умиленіемъ объ *herzliche Liebe, herzlicher Kummer*, то всё мы, Русскіе, Французы и Нѣмцы, говоримъ такія вещи, для которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ соответствующихъ явленій. Не имѣя никакого понятія о физиологіи, мы замѣняемъ дѣйствительныя знанія созданіями нашей фантазіи и надѣляемъ сердце, которымъ мы почему-то особенно интересуемся, небывалыми, невозможными и неестественными свойствами, качествами, достоинствами и пороками.

Одно французское выраженіе, навсегда утвердившееся въ языкѣ, показываетъ чрезвычайно наглядно ложность тѣхъ физиологическихъ возрѣній, которыми пробавляется публика. *J'ai mal au coeur*, какъ извѣстно, значитъ по—французски: меня тошнить. Тошнота объясняется, такимъ образомъ, болью въ сердцѣ, между тѣмъ какъ она, очевидно, не имѣетъ съ сердцемъ ничего общаго. При тошнотѣ страдаетъ только желудокъ, и если страданія желудка переносятся такимъ образомъ въ сердце, то изъ этого можно вывести слѣдующія два заключенія: во—первыхъ, люди, соорудившіе это выраженіе, не имѣли понятія о мѣстоположеніи сердца; во—вторыхъ, они никогда не чувствовали боли въ сердцѣ, потому что перенесли на сердце ощущенія другаго органа, не имѣющаго съ нимъ никакихъ сношеній и ни малѣйшаго сходства.

Жизнь, или вѣрнѣе, бѣненіе сердца начинается до рожденія животнаго и продолжается до самой смерти, или вѣрнѣе, сердце продолжаетъ биться даже тогда, когда всё остальные признаки жизни покидаютъ тѣло. Когда куриное яйцо пролежало нѣсколько дней подъ насѣдкой, то въ немъ начинаетъ обозначаться сердце въ видѣ маленюкой, красной точки, находящейся въ постоянномъ движеніи.

Это движеніе сердца начинается тогда, когда еще не существуетъ ни крови, ни нервовъ; слѣдовательно, причину этого движенія, начавшагося такъ рано, надо искать въ раздражительности самыхъ мускулистыхъ частей сердца, а не въ вліяніи крови и даже не въ дѣйствіи нервовъ. Говоря такимъ образомъ, что причина движенія заключается не въ нервахъ, я не хочу сказать, чтобы нервы, проходящіе отъ мозга къ сердцу, не имѣли никакого вліянія на темпъ этого дви-

женія. Нервы эти, при извѣстномъ раздраженіи, могутъ замедлить или задержать біеніе сердца; потомъ, за этою мгновенною задержкою, послѣдуетъ ускоренная дѣятельность сердца, которое, однако, несмотря на свои подчиненныя отношенія къ нервамъ, бьется все-таки по собственному, внутреннему импульсу.

Сердце, вынутое изъ тѣла животнаго и слѣдовательно оторванное отъ всякой связи съ нервной системою, продолжаетъ биться нѣсколько времени. Вырѣзанныя лягушечьи сердца прыгаютъ на столѣ натуралиста въ продолженія нѣсколькихъ часовъ, сначала быстро и сильно; потомъ постепенно слабѣе и медленнѣе. Это самостоятельное движеніе вырѣзанныхъ сердецъ можетъ быть поддержано въ продолженіи нѣсколькихъ дней, если только не давать сердцамъ высохнуть и сохранять въ окружающемъ воздухѣ умѣренную теплоту. «Это, говоритъ Льюисъ, одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя наполняютъ духъ анатома какою-то невольною робостью. Онъ съ дѣтства привыкъ видѣть какое-то таинственное соотношеніе между біеніемъ сердца и жизнью организма, и вдругъ онъ видитъ это біеніе при такихъ обстоятельствахъ, которыя отгоняютъ всякую мысль о жизни и движеніи. Что же значитъ это біеніе? Въ немъ не видно равномѣрныхъ движеній жизни, не видно раздраженія испуга; его нельзя принять за дѣйствіе инстинкта. Убить и разрушенъ тогъ чудесный механизмъ, котораго центромъ было сердце, и вотъ рядомъ съ мертвымъ тѣломъ лежитъ этотъ органъ и продолжаетъ биться, будто самъ по себѣ хочетъ бороться со смертію.»

Сердце, переставшее биться послѣ смерти животнаго или человека, можетъ, посредствомъ электрическаго тока, еще разъ получить на нѣкоторое время способность сжиматься и расширяться. Подобные опыты производились нѣрѣдко надъ сердцами повѣшенныхъ или вообще казненныхъ преступниковъ.

Если даже смерть субъекта произошла не вдругъ и была слѣдствіемъ долговременной болѣзни, то случается, что біеніе сердца не прекращается вскорѣ послѣ смерти. Знаменитому анатому Везалію, жившему въ 16-мъ столѣтіи, пришлось дорого заплатить за открытіе этого факта. Этотъ замѣчательный человекъ, стоявшій по своему развитію гораздо выше уровня своей эпохи, рѣшался анатомировать человѣческіе трупы въ то время, когда это дѣйствіе считалось грѣховнымъ и преступнымъ. Одинъ молодой дворянинъ, котораго лечилъ Везалій, умеръ; несмотря на всѣ его попеченія, и любознательный медикъ, желая узнать причину смерти, выпросилъ себѣ позволе-

*

нѣ вскрыть его трущъ. Вскрытіе произошло въ присутствіи нѣсколькихъ зрителей, которые пришли въ неописанный ужасъ, когда увидѣли, что сердце покойника бьется полнымъ, правильнымъ темпомъ. Везаліа обвинилъ въ томъ, что онъ зарѣзалъ живаго человѣка; въ это дѣло вмѣшалась инквизиція, и Везаліа съ большимъ трудомъ избѣжалъ мучительной смерти. Его принудили отправиться въ Палестину и замолилъ свой грѣхъ, вызванный дерзкимъ желаніемъ узнать тайны созданій Божіихъ. Репутация Везаліа, какъ врача, погибла съ того времени, и ему не удалось до самой своей смерти избавиться отъ подозрѣнія въ томъ, что онъ зарѣзалъ своего паціента.

У здоровыхъ и крѣпкихъ людей сила, съ которою сжимается сердце, равняется вѣсу въ 60 фунтовъ. Если вы, сидя на стулѣ, положите одну ногу на колѣнку другой ноги, то вы увидите, что носокъ свободно висящей ноги постоянно, независимо отъ вашей воли движется взадъ и впередъ; если вы повѣсите на ступню этой ноги пудовую гиру (предполагая, что вы будете въ силахъ сдерживать ее), то и эта гири не помѣшаетъ колебаніямъ носка, которыя будутъ совершаться прежнимъ темпомъ и, попрежнему, независимо отъ вашей воли. Это колебаніе носка происходитъ отъ біенія сердца и отъ прилива крови въ артерію ноги. Если разрѣзать одну изъ большихъ артерій, то сила, съ которою брызнетъ изъ нея кровь, дастъ намъ понятіе о силѣ импульса, сообщеннаго этой крови сжатіемъ сердца. У собакъ и овецъ кровь брызжетъ даже изъ малыхъ артерій на шесть футовъ въ вышину. Скорость, съ которою волна крови идетъ отъ сердца по артеріямъ равняется 28 парижскимъ футамъ въ секунду.

Весь рядъ явленій, относящихся къ кровообращенію, очень недавно сдѣлался достояніемъ науки. Запутанность и ложность понятій, господствовавшихъ объ этомъ предметѣ въ древности, превосходятъ всякое вѣроятіе. Греки и Римляне были увѣрены въ томъ, что наши жилы наполнены воздухомъ. Римскій медикъ Галенъ, жившій въ половинѣ втораго вѣка послѣ Рождества Христова, первый доказалъ, что въ жилахъ заключается кровь, и что въ однихъ жилахъ эта кровь отличается темнокраснымъ цвѣтомъ, а въ другихъ яркокраснымъ. Во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія испанскій медикъ Михаэль Серветъ открылъ движеніе крови отъ сердца къ легкимъ и отъ легкихъ обратно къ сердцу. Религіозный фанатизмъ не пощадилъ этого замѣчательнаго человѣка, и Кальвинъ сжегъ его на кострѣ въ Женевѣ, доказывая такимъ образомъ потомству, что начало реформаци

далеко не совпадаетъ съ началомъ вѣротерпимости. Несмотря на преслѣдованія и казни, несмотря на презрѣніе и невнимательность легкомысленной массы, духъ живой любознательности и терпѣливаго изученія пробивалъ себѣ дорогу, опрокидывалъ нагроможденныя препятствія и дарилъ плоды своихъ трудовъ тому самому человѣчеству, которое не умѣло распознавать своихъ истинныхъ друзей и не понимало значенія ихъ дѣятельности. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія Англичанинъ Гарвей открылъ, что движеніе крови совершается во всемъ тѣлѣ, описалъ пути, по которымъ кровь выходитъ изъ сердца и возвращается къ сердцу, и этимъ мировымъ открытіемъ положилъ основаніе новой, истинно-научной физиологій, основанной на наблюденіи и не имѣющей ничего общаго съ прежними гаданіями и фразистыми разсужденіями.

Открытіе Гарвея встрѣтило себѣ рѣзкую оппозицію со стороны ученыхъ мечтателей того времени. Медицинскій факультетъ парижскаго университета возражалъ самыми оригинальными аргументами. « Жизнь, писалъ физиологъ Бурдахъ, потеряетъ свой идеальный блескъ, если мы рѣшимся простымъ механизмомъ объяснять теченіе крови, составляющее такую существенную часть ея проявленія. »

Закаленные натурфилософы, смотрѣвшіе на вещи умственными очами, не признали существованія кровеобращенія; они остались при томъ убѣжденіи, что « кажущееся движеніе крови есть необъяснимое чудо (*mirabile dictu*), колебаніе между бытіемъ и не бытіемъ. » Благодаря такому глубокомысленному и удопонятному воззрѣнію на тѣ факты, которые легко и свободно объяснялись непосредственнымъ наблюденіемъ, натурфилософія постепенно стала терять ореолъ своего величія, и въ XIX столѣтіи окончательно сошла съ того пьедестала, на которомъ она стояла вслѣдствіе невѣжества массъ и шарлатанства ученыхъ. Бюхнеръ говоритъ, что его учитель физиологій былъ отчаянный натурфилософъ, старавшійся кудреватыми фразами убѣдить своихъ слушателей въ вѣрности своихъ идей и постоянно бранившій тѣхъ ученыхъ, которые хотѣли тѣлесными глазами увидать вещи и процессы, доступные только умственному оку. А въ это время тѣлесные глаза разсмотрѣли волосные сосуды, соединяющіе тонкія артеріи съ тонкими венами, охватывающіе всѣ части тѣла частую, тонкою, подкожною сѣткою и такимъ образомъ замыкающіе собою тѣ пути, по которымъ кровь обтекаетъ все тѣло. При помощи микроскопа открылась для изслѣдователей возмож-

ность собственными глазами разсматривать теченіе крови въ волосныхъ сосудахъ живыхъ существъ.

«Трудно себѣ представить болѣе великолѣпную микроскопическую картину, говоритъ Бенеке въ своихъ фیزیологическихъ этюдахъ, чѣмъ ту, которую представляетъ подѣ микроскопомъ плавательная кожа живой лягушки. Постепенно сѣуживающіеся, извивающіеся каналы, образующіе собою петли, проходятъ въ видѣ сѣтки чрезъ эту кожу; въ нихъ движется свѣтложелтоватая кровяная жидкость и въ серединѣ этихъ рѣчекъ катится, подобно песчинкамъ на днѣ прозрачнаго ручья, красныя кровяныя пузырьки; въ большихъ сосудахъ ихъ очень много, въ меньшихъ они по одиночкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ. Слой жидкости, прилегающій къ стѣнкѣ сосуда, движется гораздо медленнѣе, чѣмъ средній потокъ, несущій въ себѣ кровяныя пузырьки; если внимательно наблюдать за движеніемъ крови въ волосныхъ сосудахъ, то можно замѣтить, что оно совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ большихъ сосудахъ; это обстоятельство, очевидно, указываетъ на то взаимное вліяніе, которое существуетъ между кровью и органическими тканями.»

Натуралистъ Левенгукъ первый увидѣлъ обращеніе крови въ волосныхъ сосудахъ въ хвостѣ живой ящерицы. «Тутъ говоритъ онъ, мнѣ представилось такое восхитительное зрѣлище, какого до тѣхъ поръ еще не видывали мои глаза. Я открылъ въ различныхъ мѣстахъ болѣе пятидесяти различныхъ циркуляцій крови. Я увидѣлъ какъ кровь чрезъ необыкновенно тонкіе сосуды идетъ отъ середины хвоста къ краямъ его, и какъ потомъ каждый сосудъ поворачиваетъ назадъ и приводитъ кровь обратно къ серединѣ хвоста, откуда она отправляется далѣе по дорогѣ къ сердцу.»

IV.

Вглядитесь въ общую жизнь природы, въ прозябаніе растенія, въ существованіе животнаго, и вы увидите, что необходимымъ условіемъ всякой органической жизни, всякаго движенія, измѣненія и развитія является теплота.

Теплота, или, какъ ее называютъ въ физикѣ, теплородъ не есть

матеріи; это—движеніе; присутствіе теплоты проявляется всегда въ движеніи того вещества, на которое она дѣйствуетъ; вездѣ, гдѣ есть движеніе, тамъ обнаруживается и теплота.

Представьте себѣ картину природы въ лѣтній день, когда теплота всего сильнѣе дѣйствуетъ на окружающіе предметы и сравните эту картину съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляетъ та же самая мѣстность зимою, при сильномъ морозѣ. Въ первомъ случаѣ вы увидите растительную жизнь во всемъ ея раскошномъ развитіи, во второмъ случаѣ вы не увидите ничего, кромѣ необозримой, утомительно однообразной снѣговой равнины. Положимъ, что 7-го іюня вы захотите взглянуть на дерево, которое вы внимательнѣе осматривали 1-го іюня; вы навѣрное найдете въ немъ замѣтную перемѣну; тамъ распустился новый цвѣтокъ, здѣсь осыпались отжившіе цвѣтки и завязались плоды, тутъ молодой побѣгъ увеличился въ длинѣ и въ объемѣ. Если же вы 7-го января посмотрите на снѣговую равнину, по которой вы гуляли 7-го декабря, то, вѣроятно, вы не замѣтите никакой перемѣны: вы увидите, можетъ быть, что количество снѣга увеличилось или уменьшилось, что сугробы его окрѣпли или сдѣлались рыхлѣе, что по дорогѣ образовались лужи или ледяные раскаты. Лѣтній пейзажъ измѣняется въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, развивается и живетъ подъ вліяніемъ теплоты въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ; зимній пейзажъ, благодаря уменьшенію теплоты, показываетъ намъ оцѣпенѣніе органической жизни, неподвижность и утомительное однообразіе застоя. Скучныя измѣненія, которыя иногда происходятъ въ этомъ зимнемъ пейзажѣ, и которыя не имѣютъ ничего общаго съ развитіемъ органической жизни, совершаются все-таки при содѣйствіи теплоты. Если мы вообразимъ себѣ такую мѣстность, на которой круглый годъ стоитъ тридцатиградусный морозъ, то эта мѣстность никогда не измѣнится; пройдутъ цѣлыя вѣка, и она по прежнему останется холодною, пустынною и безжизненною; тѣ же снѣжные сугробы, тѣ же ледяныя глыбы, ни на одинъ вершокъ не измѣнившія своей фигуры, будутъ по прежнему останавливать на себѣ глаза наблюдателя. Но пусть въ эту оцѣпенѣвшую, застывшую мѣстность заглянетъ солнце, пусть начнется сильная оттепель—и черезъ день вы ее не узнаете; ледяные утесы расплывутся, снѣговые сугробы осадутъ, зашумитъ вода, потекутъ мутныя ручьи; органическая жизнь, придавленная долговременнымъ холодомъ, не успѣетъ еще пробиться, но обнаружится движеніе, слышатся шумъ и плескъ воды, и мертвая тишина ледя-

наго застоя окажется нарушенной, благодаря сильному притоку животельной теплоты. Возьмите другой, мелкій приѣбрь изъ вседневной жизни. Если вы хотите сохранить кусокъ мяса въ неспорченномъ видѣ, вы кладете его въ холодное мѣсто. Холодъ останавливаетъ или по крайней мѣрѣ значительно замедляетъ процессъ гніенія.

Гніеніе—ничто иное, какъ одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни въ природѣ. Гниющій кусокъ мяса разлагается на свои составныя части, поступаетъ въ общую экономію природы, и, облекаясь въ новыя формы, образуя новыя тѣла, продолжаетъ принимать участіе въ общемъ круговоротѣ жизни. Жизнь—ничто иное, какъ движеніе, переходъ изъ формы въ форму, постоянное, неугомонное превращеніе, разрушеніе и созиданіе, слѣдующія другъ за другомъ и вытекающія другъ изъ друга. Задерживая гніеніе куска мяса, холодъ исполняетъ наши желанія; но здѣсь, какъ и вездѣ, онъ задерживаетъ теченіе жизни и сковываетъ его проявленія. Когда мы беремъ съ ледника сохранившійся кусокъ мяса, когда, приготовивъ его по своему вкусу, мы съѣдаемъ его за обѣдомъ или за завтракомъ, тогда задерживающее дѣйствіе холода прекращается, и мясо, подъ вліяніемъ желудочныхъ кислотъ и теплоты нашихъ пищеварительныхъ органовъ, разлагается, входитъ въ нашу кровь, служитъ къ образованію нашихъ органическихъ тканей и такимъ образомъ снова начинаетъ принимать участіе въ движеніи вещества и въ общемъ процессѣ жизни. Вы видите, такимъ образомъ, что и здѣсь движеніе началось вмѣстѣ съ притокомъ теплоты.

Всѣ мы знаемъ изъ физики и изъ вседневной жизни, что дѣйствіе теплоты измѣняетъ форму и свойства тѣлъ, подверженныхъ ея вліянію. Ледъ превращается въ воду, вода превращается въ паръ, металлы становятся мягкими и наконецъ переходятъ въ жидкое состояніе, и всѣ эти измѣненія происходятъ отъ дѣйствія теплоты. Норма этихъ измѣненій для всѣхъ тѣлъ одинакова; твердое тѣло, нагрѣваясь, становится жидкимъ и наконецъ улетучивается въ видѣ газа. Теплота расширяетъ тѣла, т. е. ослабляетъ связь между ихъ атомами; при усиленіи теплоты, связь эта становится такъ слаба, что твердое тѣло растекается; когда теплота становится еще сильнѣе, тогда, вмѣсто прежняго плотнаго сдѣленія между атомами, является полное разъединеніе, даже взаимное отталкиваніе, и прежняя твердая масса разлетается въ видѣ газа. Мы привыкли видѣть желѣзо въ твердомъ состояніи, ртуть и воду въ жидкомъ, воздухъ въ газообразномъ; мы считаемъ этотъ видъ названныхъ веществъ нормальнымъ и прочнымъ,

потому что эти вещества находятся именно въ такомъ видѣ при той температурѣ, при которой намъ удобно и возможно жить. На самомъ же дѣлѣ, то или другое вещество находится въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ состояніи, только благодаря количеству теплоты, разлитому въ нихъ и вокругъ нихъ. Еслибы мы могли искусственнымъ путемъ производить безконечно высокую и безконечно низкую температуру, то мы, конечно, могли бы получить газообразное желѣзо, жидкій кислородъ, твердый азотъ. Газообразное желѣзо получилось бы при страшномъ жарѣ, а жидкій кислородъ или твердый азотъ при чрезвычайно сильномъ холодѣ.

Расширяясь отъ дѣйствія теплоты, тѣла стремятся занять большее пространство и слѣдовательно оказываютъ давленіе на все, что ихъ окружаетъ. На этомъ общемъ свойствѣ тѣлъ основано устройство паровыхъ машинъ; по этому же самому свойству порохъ, вспыхивая отъ прикосновенія зажженного фитиля, съ огромною силою вырывается въ видѣ газа изъ дула артиллерійскаго орудія и выбрасываетъ ту чугунную массу, которая мѣшала его выходу. Вода подъ влияніемъ теплоты постепенно переходитъ изъ одного вида въ другой, постепенно расширяется и усиливаетъ свое давленіе; на этомъ основаніи вода, подверженная дѣйствію теплоты, можетъ, при извѣстныхъ предосторожностяхъ, быть употреблена, какъ двигательная сила; порохъ напротивъ того, не таетъ, а мгновенно изъ твердаго состоянія переходить въ газообразное; поэтому расширение его совершается такъ быстро и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что оно ломаетъ и коверкаетъ всѣ препятствія, словомъ, производитъ то, что мы называемъ взрывомъ, и что водяной паръ можетъ произвести только вслѣдствіе неопытности и оплошности машиниста. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, присутствуя при дѣйствіи паровой машины и при выстрѣлѣ изъ орудія, мы видимъ, что влияніе теплоты развиваетъ извѣстное количество механической силы.

Теоретическая физика въ новѣйшее время открыла одинъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ законовъ—законъ сохраненія или неразрушимости силы. Сохраненіе или неразрушимость силы заключается въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ никакая сила не уничтожается и не возникаетъ вновь. Передъ нашими глазами совершается постоянно переходъ силы изъ одной формы въ другую; какъ ни одна частица матеріи не пропадаетъ и не уничтожается, а только видоизмѣняется, такъ точно ни одна частица какой бы то ни было силы не утрачивается, а только

принимаетъ иногда такую форму, которая скрываетъ его отъ нашего наблюденія. «Механическая, химическая, электрическая, магнетическая сила, теплота, свѣтъ превращается другъ въ друга; величина или количество силы остается неизмѣненнымъ, несмотря на то, что самая сила проявляется въ той или въ другой формѣ.» Мы уже видѣли, говоря о паровыхъ машинахъ, какимъ образомъ теплота превращается въ механическую силу. Точно также и механическая сила способна превращаться въ теплоту. Дикари добываютъ огонь, разгорая два куска дерева посредствомъ сильнаго тренія.

Цила, которою работаетъ дюжій ремесленникъ, разогрѣвается вслѣдствіе тренія такъ сильно, что можетъ обжечь руку своимъ прикосновениемъ; въ Мюнхенѣ, на литейномъ заводѣ производились опыты, которые доказали, что, безъ внѣшняго нагрѣванія, однимъ трениемъ машины можно довести воду до точки кипѣнія. Температура воды повышается даже отъ взмѣшиванія и взбалтыванія. Силою падающей воды или дѣйствіемъ вѣтра можно натопить цѣлую комнату, если приложить эти силы къ вращенію большаго деревяннаго цилиндра въ металлическомъ полнѣ цилиндра, тѣсно прилегающемъ къ первому. Это отощленіе будетъ происходить такимъ образомъ: металлическій цилиндръ накалится отъ сильнаго тренія и, подобно желѣзной печи, будетъ выдѣлять въ окружающіе слои воздуха количество теплоты, соразмѣрное съ силою тренія, съ величиною обоихъ цилиндровъ и съ продолжительностью движенія всего снряда. Каждому извѣстно, что оси экипажныхъ колесъ дымятся и обугливаются вслѣдствіе скорой и продолжительной ѣзды, особенно въ томъ случаѣ, если между осью и втулкою нѣтъ вещества, ослабляющаго треніе, т. е. говоря простымъ языкомъ, если колеса не смазаны. Кузнецы умѣютъ ударами молотка довести гвоздь до раскаленнаго состоянія. Ледъ, сдавленный гидравлическимъ прессомъ, превращается въ воду, потому что сила давленія порождаетъ то количество теплоты, которое необходимо для того, чтобы растопить ледъ.

Всѣ эти примѣры сводятся къ одному общему положенію: каждой механической работѣ соответствуетъ извѣстное количество теплоты; когда теплота производитъ механическую работу, тогда исчезаетъ извѣстное количество теплоты, соответствующее произведенной работѣ; потративъ вновь эту же самую работу, можно произвести то же количество теплоты. Машинистъ разводитъ огонь подъ котломъ паровой машины; дрова горятъ яркимъ пламенемъ, слѣдовательно, то количе-

ство теплоты, которое въ нихъ заключается, истрачивается; вы думаете, что эта теплота пропала? Ошибаетесь. Вода превращается въ парь, слѣдовательно, теплота выражается въ формѣ движенія и видоизмѣненія вещества; паровая машина приходитъ въ движеніе, слѣдовательно, теплота превращается въ механическую работу; вследствие этой механической работы разогрѣваются тѣ части машины, въ которыхъ происходитъ треніе, слѣдовательно, работа опять превращается въ теплоту, которая въ свою очередь можетъ быть превращена въ работу и т. д. до безконечности.

Законъ неразрушимости силы имѣетъ свое несомнѣнное и огромное значеніе какъ теоретическое положеніе, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней рациональнаго міросозерцанія. Практическое примѣненіе этого закона не всегда возможно.

Ясно какъ день, что въ природѣ не пропадаетъ ни одинъ клочекъ матеріи, ни одна частичка силы, по той простой причинѣ, что имъ некуда пропасть, некуда вывалиться изъ этого безпредѣльнаго ящика. Но точно также ясно и то, что для насъ, для нашихъ цѣлей, интересовъ и потребностей ежедневно и ежеминутно пропадаетъ и матерія, и сила. Если вы прольете на полъ рюмку вина, которую вы несете къ губамъ, то она для васъ пропала, хотя природа, конечно, не потеряла отъ этого ни одного атома. Если у васъ горитъ лѣсъ, то для васъ пропадаетъ то количество теплоты, которое заключалось въ деревьяхъ, пропадаетъ, несмотря на то, что воздухъ, окружающій вашъ сгорѣвшій лѣсъ, оказывается нагрѣтымъ въ значительной степени; повышенная температура этого воздуха производитъ движеніе въ воздухѣ—вѣтеръ; слѣдовательно, въ природѣ неразрушимость силы остается существующимъ фактомъ. Лѣсъ вашъ сгорѣлъ, воздухъ нагрѣлся, поднялся вѣтеръ. Химическое измѣненіе дерева породило теплоту, теплота породила движеніе. Это васъ однако нисколько не утѣшаетъ и вы спрашиваете съ оттѣнкомъ досады: да для чего же все это? Кому это нужно? Кому отъ этого польза? Для чего? Съ такимъ вопросомъ смѣшно даже обращаться къ явленіямъ природы. Ставить ей какія бы то ни было требованія, значить сходиться въ міросозерцаніи съ Ксерксомъ, бичевавшимъ Дарданельскій проливъ за поднявшуюся на немъ бурю. Въ такомъ міросозерцаніи можетъ быть много поэзіи, но очень мало здраваго смысла. О сгорѣвшемъ лѣсѣ можно пожалѣть, какъ можно пожалѣть о проигранныхъ деньгахъ, но отождествлять свои интересы съ интересами природы нельзя; природа не сдѣлается бѣднѣе отъ ка-

кого нибудь пожара или наводненія, потому что всѣ частицы сгорѣвшаго лѣса или затопленной земли остаются попрежнему въ полномъ и безотчетномъ ея распоряженіи. Ваше личное положеніе, положеніе миллионъ людей можетъ сдѣлаться бѣдственнымъ и невыносимымъ, но природа до этого обстоятельства нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла. Вамъ хорошо жить—живите, не можете жить—умирайте, и она сейчасъ же распорядится съ составными элементами вашего тѣла.

Я позволялъ себѣ это отступленіе единственно для того, чтобы сдѣлать разграниченіе между жизнью природы и нашею человѣческою жизнью, изъ которой мы такъ часто, совершенно не въ попадѣ, выхватываемъ иѣрки, прилагаемыя нами къ оцѣнкѣ физическихъ явленій. Природу надо изучать, а мы, вмѣсто того, становимся къ ней въ разныя патетическія отношенія, тратимъ время на возгласы, отуманиваемъ свой мозгъ разными фантазмагоріями, въ которыхъ одни люди находятъ красоту, другіе отраду, третьи даже смыслъ и послѣдовательность. Пора однако возвратиться къ теплотѣ.

Ковечный источникъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ на землѣ, всякой дѣятельности, проявляющейся на нашей планетѣ, заключается въ лучахъ солнца; они льютъ на землю свѣтъ и теплоту, они производятъ движеніе воды въ океанахъ и озерахъ, въ рѣкахъ и бассейнахъ; они поднимаютъ въ воздухъ водяные пары, порождаютъ облака, служатъ причиною дождя, града, снѣга; они производятъ теченія атмосферы или вѣтры; они вызываютъ изъ земли растительную жизнь и поддерживаютъ эту жизнь вліаніемъ свѣта и теплоты; они орошаютъ луга, поля, лѣса потоками той воды, которая при ихъ содѣйствіи поднимается въ видѣ паровъ и носится въ воздухѣ подъ названіями тучъ, тумановъ и облаковъ.

Животныя и люди, существующіе по милости солнечныхъ лучей, обращаютъ въ свою пользу ихъ вліаніе на почву и растительность. Травоядныя питаются растеніями, не спрашивая о причинѣ ихъ происхожденія; плотоядныя пожираютъ травоядныхъ, не заботясь о ихъ разведеніи; человѣкъ оказывается смышленѣе тѣхъ и другихъ: онъ не довольствуется тѣмъ, что нечаянно перепадаетъ на его долю; онъ пользуется силами и движеніями, возникающими подъ живительнымъ вліаніемъ солнечныхъ лучей; онъ ловитъ тѣ формы, матеріи и силы, которыя кажутся ему удобными; онъ принимаетъ свои иѣры, для того чтобы эти удобныя формы сохранялись какъ можно долѣе или измѣнялись именно тогда, когда ему это необходимо. Онъ сохраняетъ

запасы дерева и сжигаетъ ихъ тогда, когда теплота солнечныхъ лучей оказывается недостаточною; онъ ловитъ вѣтеръ и по вѣтру распускаетъ паруса своего корабля или направляетъ крылья своей вѣтряной мельницы; онъ бросаетъ въ землю семена растений, рассчитывая время такъ, чтобы растеніе успѣло вызрѣть и принести плоды раньше наступленія холода. Не сознавая въ природѣ новыхъ силъ, человѣкъ пользуется существующимъ капиталомъ и пригнѣняется къ неизмѣняемымъ физическимъ законамъ. Во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности онъ постоянно, посредственно или непосредственно эксплуатируетъ вліяніе солнечныхъ лучей. «Сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою локомотивъ несется по рельсамъ, есть капля солнечной теплоты, заключенная въ растенія силами природы за милліоны лѣтъ тому назадъ и въ настоящую минуту превращенная въ механическую работу посредствомъ машины, приготовленной рукою человѣка».

Еслибы лучи солнца перестали согрѣвать и освѣщать землю, то наша планета въ самое короткое время превратилась бы въ ледяную глыбу; растительность исчезла бы немедленно; вмѣстѣ съ растительностью погибли бы тѣ животныя, которыя не защищены рукою человѣка и сами по себѣ неспособны согрѣваться искусственно произведенною теплотою. Человѣкъ нѣсколько времени боролся бы съ природою, запираясь въ своихъ домахъ, отапливая ихъ мерзлыми остатками растительнаго царства, защищая своихъ домашнихъ животныхъ отъ разрушительнаго дѣйствія холода, и питаясь набранными запасами. Но этихъ искусственныхъ средствъ хватило бы не надолго; холодъ и голодъ погубили бы человѣка вслѣдъ за другими животными, органическая жизнь остановилась бы окончательно и замерзшая земля превратилась бы въ страшную, громадную пустыню.

Отдавая себѣ такимъ образомъ ясный отчетъ въ томъ всеобъемлющемъ вліяніи, которое солнечная теплота оказываетъ на всѣ отправленія нашей жизни, мы будемъ въ состояніи понять, почему первобытные народы, не слышавшіе ученія объ истинномъ *Боге*, поклонялись солнцу и огню, который они считали земнымъ отраженіемъ небеснаго свѣтила. Первобытныя религіи основаны на обоготвореніи силъ природы и выражаютъ собою міросозерцаніе народа въ томъ періодѣ, въ которомъ философія и наука были неразлучны съ поэзіею, и въ которомъ идея представлялась уму не иначе, какъ въ яркомъ, фантастически разукрашенномъ образѣ. Правильный инстинктъ первобытнаго человѣка указалъ ему на ту важную роль, которую въ нашей жизни

играетъ солнце; человекъ угадалъ связь, существующую между появленіемъ солнца на небосклонѣ и процвѣтаніемъ органической жизни на землѣ; онъ понялъ свою зависимость отъ климатическихъ измѣненій, обуславливаемыхъ дѣйствіемъ солнца; впечатлительный какъ ребенокъ, онъ упалъ на колѣни передъ источникомъ жизни и наслажденія; онъ заговорилъ съ нимъ своимъ языкомъ, онъ думалъ умиловать его мольбами и жертвами, а солнце обливало его попрежнему своимъ безучастнымъ свѣтомъ и согрѣвало его также безсознательно и непроизвольно, какъ согрѣвало какую нибудь полевую мышъ или безчувственный камень.

V.

Когда мы прикасаемся рукою къ какому нибудь предмету, то мы чувствуемъ, что онъ теплъ или холоденъ; мы различаемъ эти два понятія въ разговорномъ языкѣ и даже считаемъ ихъ діаметрально противоположными; на самомъ же дѣлѣ этой противоположности не существуетъ; между горячимъ и холоднымъ предметомъ существуетъ только количественное различіе; въ горячемъ предметѣ находится больше теплоты, чѣмъ въ нашей рукѣ—въ холодномъ меньше; когда мы дотрогиваемся до горячаго предмета, то теплота изъ этого предмета протекаетъ въ нашу руку; если же мы кладемъ руку на холодный предметъ, то теплота изъ нашей руки переходитъ въ этотъ предметъ, и мы чувствуемъ потерю теплоты точно также, какъ въ первомъ случаѣ чувствуемъ прращеніе теплоты въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, судя о температурѣ окружающихъ предметовъ, называя каменное желѣзо горячимъ, а ледъ—холоднымъ, мы только выражаемъ отношеніе, въ которомъ находится теплота этихъ предметовъ къ теплотѣ нашего тѣла.

Общая теплота нашего тѣла колеблется между 28 и 30 градусами Реомюра; эта температура не можетъ быть ни возвышена, ни понижена, не подвергая опасности здоровья и даже жизни; на поверхности нашего тѣла, особенно въ оконечностяхъ и въ тѣхъ частяхъ, которыя не покрыты платьемъ, эта температура подвержена значительнымъ измѣненіямъ, не представляющимъ ни малѣйшей опасности. Ли-

цо, руки и ноги человека, пробывшаго около часу на открытомъ воздухѣ въ зимнее время, будутъ очень холодны, когда онъ возвратится въ комнату; потомъ, когда кровь опять прильетъ въ волосные сосуды, сжавшіеся отъ дѣйствія холода, лицо руки и ноги сдѣлаются теплѣе, чѣмъ они были до выхода на улицу; каждый изъ моихъ читателей вѣроятно испыталъ на себѣ, какъ горитъ лицо при переходѣ изъ холоднаго воздуха въ болѣе теплый; эти измѣненія температуры, быстро слѣдующія другъ за другомъ, нисколько не вредятъ нашему здоровью, если они проявляются только въ нашей кожѣ и въ оконечностяхъ тѣла. Что же касается до степени теплоты нашей крови и нашихъ внутреннихъ органовъ, то она не можетъ измѣняться, не подвергая насъ опаснымъ болѣзнямъ, или не являясь слѣдствіемъ подобныхъ болѣзней.

Положимъ, говоритъ Льюисъ въ своей физиологіи ежедневной жизни, что въ комнатѣ виситъ птичья клетка. Атмосфера комнаты измѣняетъ степень своей теплоты, смотря по времени года и по свойствамъ каждаго отдѣльнаго дня. Лучи лѣтняго солнца и холодный сѣверный вѣтеръ проникаютъ въ комнату и измѣняютъ температуру тѣхъ мѣдныхъ прутьевъ, изъ которыхъ составлена клетка. Но въ эта время птица, сидящая въ клеткѣ, не становится ни теплѣе, ни холоднѣе. Ни лучи августовскаго солнца, ни пронзительный декабрьскій вѣтеръ не увеличиваютъ ея нормальной теплоты, которая вообще можетъ измѣниться только на одинъ или на два градуса. Какимъ образомъ, спрашиваетъ Льюисъ, можетъ птица, подверженная вѣшнему вліянію измѣнчивой температуры, постоянно сохранять такую высокую степень собственной теплоты?

На этотъ вопросъ можно дать слѣдующій, прямой отвѣтъ: каждый живой организмъ заключаетъ въ себѣ источникъ самостоятельно развивающейся теплоты. Такого рода отвѣтъ обобщаетъ вопросъ, поставленный Льюисомъ, но, конечно, нисколько не рѣшаетъ предложенной задачи. Мы видимъ, что всѣ организмы развиваютъ въ себѣ извѣстную степень теплоты; надо теперь объяснить, какимъ образомъ совершается въ организмахъ этотъ замѣчательный процессъ.

Когда признавали существованіе особенной, необъяснимой жизненной силы, тогда на ея широкія плечи сваливались всѣ тѣ явленія, которыя изслѣдователи не могли объяснить себѣ вслѣдствіе незнанія фактовъ или лѣности мысли. Вѣстѣ съ другими процессами былъ отправленъ въ обширную область жизненной силы процессъ развитія органической теплоты. Нѣкоторые физиологи, совѣтшіеся прикрывать свое незна-

нѣ избытокъ вывѣскою жизненной силы, пытались доказать, что животная теплота есть слѣдствіе таинственной дѣятельности нервовъ.

И тѣ, и другіе витали въ области гипотезъ и не могли привести въ подтвержденіе своихъ догадокъ ни одного факта, выдерживающаго серьезную, научную критику.

Въ концѣ XVIII столѣтія атмосферный воздухъ былъ разложенъ на свои составныя части и ученые того времени узнали замѣчательныя свойства кислорода.

Открытіе кислорода повело къ пониманію процесса горѣнія. Исслѣдователи убѣдились въ томъ, что всякое горѣніе есть ничто иное какъ окисленіе какого нибудь тѣла или соединеніе его съ кислородомъ; когда какое нибудь тѣло соединяется съ кислородомъ, то оно сгараетъ и развиваетъ извѣстную степень теплоты; какъ бы ни совершалось это соединеніе, медленно или быстро, съ пламенемъ или безъ пламени, оно все-таки сопровождается извѣстною степенью теплоты, хотя иногда эта теплота развивается такъ медленно, что мы не можемъ убѣдиться въ ея существованіи ни непосредственнымъ чувствомъ, ни термометромъ.

Узнавши о существованіи кислорода, ученые прошлаго столѣтія узнали также, что кислородъ необходимъ для поддержанія животной жизни, и что процессъ дыханія заключается именно въ поглощеніи кислорода, проникающаго въ легкія и соединяющагося съ кровью. Кислородъ соединяется съ кровью, и всякое соединеніе съ кислородомъ есть горѣніе медленное или быстрое, неразлучное съ развитіемъ большей или меньшей степени теплоты. Такого рода мысль еще въ концѣ XVIII вѣка пришла въ голову французскимъ ученымъ Лавуазье и Лапласу. Съ ними сошлись на этой идеѣ Англичане Блекъ и Крофордъ, и животная теплота была объяснена этими изслѣдователями, какъ слѣдствіе горѣнія, совершающагося внутри организма. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія Французы Дюлонъ и Дебрець дали этой идеѣ вполне научную обработку; кромѣ того, знаменитый нѣмецкій химикъ Либихъ посвятилъ вопросу о животной теплотѣ самыя тщательныя изслѣдованія и дошелъ до того заключенія, что большая часть теплоты, развивающейся въ тѣлѣ животнаго происходитъ отъ сожженія углерода и водорода въ углекислоту и въ воду. Углеродъ и водородъ заключаются въ самомъ организмѣ, а кислородъ притекаетъ изъ атмосфернаго воздуха и, соединяясь съ этими элементами, образуетъ, какъ результаты горѣнія, углекислоту и воду.

Кислородъ черезъ легкія входитъ въ наше тѣло; въ легкихъ онъ соединяется съ кровью; кровь, насыщенная кислородомъ, идетъ во всѣ части нашего тѣла и несетъ съ собою то количество кислорода, которое, соединяясь съ органическими тканями и пережигая ихъ, развиваетъ во всѣхъ частяхъ тѣла животнаго теплоту и потомъ выдѣляется вмѣстѣ съ пережженными веществами въ видѣ углекислоты, аммоніака и воды. Поэтому животная теплота порождается не въ однихъ легкихъ, но во всякомъ мѣстѣ, въ которомъ кислородъ соприкасается съ другими веществами, способными окисляться. Притокъ кислорода въ легкія можно сравнить съ тою тягою воздуха, которая необходима для того, чтобы поддерживать горѣніе дровъ въ печи. Тяга эта необходима для развитія теплоты въ печкѣ, но теплота развивается не въ томъ мѣстѣ, въ которомъ воздухъ вливается въ печку, а въ томъ, въ которомъ кислородъ этого воздуха соединяется съ углеродомъ горящаго дерева. Такъ точно и животная теплота развивается не въ самыхъ легкихъ, которыя представляютъ только дверь для прохода атмосфернаго воздуха, а во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, вездѣ, гдѣ совершается горѣніе, вездѣ, гдѣ кислородъ, заключенный въ крови, соединяется съ углеродомъ и водородомъ прилегающихъ тканей.

Постоянный обмѣтъ веществъ, составляющихъ ткани нашего тѣла, постоянное созиданіе и разрушеніе этихъ тканей при содѣйствіи атмосфернаго кислорода, являются такимъ образомъ главными и даже единственными причинами животной теплоты. Чѣмъ быстрѣе совершается этотъ обмѣтъ веществъ, тѣмъ сильнѣе развивается теплота; чѣмъ медленнѣе онъ происходитъ, тѣмъ слабѣе вырабатывается теплота. Надъ кроликами производился слѣдующій любопытный опытъ. Кролика обрили и намазали лакомъ не пропускающимъ воздуха; повидимому слѣдовало бы ожидать, что кролику будетъ очень тепло, потому что воздухъ не будетъ касаться его тонкой, обнаженной кожи. Вышло однако совершенно наоборотъ; теплота кролика быстро понизилась на 14, потомъ даже на 18 градусовъ и вслѣдъ за тѣмъ, похолодѣвши заживо, кроликъ околѣлъ. Почему же такъ случилось? А потому, что лакъ закрылъ поры кожи и потому черезъ эти поры не могли выдѣляться ни газообразныя, ни жидкія испаренія. Пережженные вещества, выдѣляющіяся черезъ кожу, должны были оставаться въ тѣлѣ кролика и своимъ накопленіемъ замедлили общій обмѣтъ веществъ, служащій источникомъ всякой животной теплоты. Смерть намазаннаго кролика можетъ быть замедлена только притокомъ тепло-

ты изъ окружающаго воздуха; въ холодной комнатѣ кроликъ умираетъ скорѣе, чѣмъ въ теплой. Животныя, умирающія отъ голода, также живутъ дольше въ искусственно нагрѣтомъ воздухѣ.

Чтобы поддерживать въ нашемъ тѣлѣ то горѣніе, которое производитъ животную теплоту, мы должны постоянно принимать въ себя постороннія вещества, которыя пережигаются въ нашей крови или послѣ своего предварительнаго превращенія въ органическія ткани. Эти постороннія вещества, называющіяся общимъ именемъ пищи—различными процессами, совершающимися въ нашемъ тѣлѣ, перерабатываются въ плоть и кровь и развиваютъ силу теплоты, электричество, необходимое для нервовъ, механическую силу, проявляющуюся въ мускулахъ, и ту особенную, неизслѣдованную силу, которой отправленія происходятъ въ мозгу. Пища и кислородъ, постоянно создающій и постоянно разрушающій, составляютъ, по мнѣнію Молемота, единственные источники тѣхъ силъ, которыя обнаруживаются въ нашемъ тѣлѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято какъ осязательная и неопровержимая научная аксіома.

Теплота нашего тѣла измѣняется періодически, смотря по возрасту человѣка, смотря по занятіямъ и по времени дня. У ребенка обменъ веществъ совершается быстрѣе, чѣмъ у взрослога, и потому тѣло его обыкновенно на одинъ градусъ теплѣе. У старика обменъ веществъ производится медленнѣе, чѣмъ у мушины среднихъ лѣтъ, и соразмѣрно съ этимъ тѣло его на одинъ градусъ холоднѣе.

Движеніе, гимнастическія упражненія, работа, бѣганіе ускоряютъ обменъ веществъ и вѣстѣ съ тѣмъ возвышаютъ температуру. Ускоряя горѣніе органическихъ тканей, механическая работа увеличиваетъ потребность въ пищѣ, усиливаетъ аппетитъ. Чѣмъ больше расходъ, тѣмъ больше долженъ быть и приходъ, иначе нельзя будетъ свести концы съ концами, и организмъ рано или поздно обанкрутитъ. Въ жизни это явленіе очень обыкновенное. Тѣ сословія, которыя всего болѣе напрягаютъ свои физическія силы, питаются самою дешевою и, вслѣдствіе этого, самою не питательною пищею. Пролетарій, работающій съ утра до вечера, выбивающійся изъ силъ, изнемогающій подъ тяжестью труда, нуждается въ хорошемъ кускѣ мяса, въ питательномъ бульонѣ, въ долговременномъ отдохновеніи, а на повѣрку оказывается, что этому человѣку, растрочивающему свои силы съ вынужденною расточительностью, приходится набивать желудокъ хлѣбомъ, капустой и картофелемъ, приходится спать кое-какъ, въ про-

межутки между работами, без хорошей постели, без теплаго одяла. Последствія такого образа жизни предсказать не трудно. Преждевременная дряхлость и частыя болѣзни, безотрадная жизнь и ранняя смерть—вотъ что достается на долю голоднаго бѣдняка, работающаго черезъ силу. «Голодъ и холодъ, говоритъ Бюхнеръ, величайшіе враги человечества, непрерывно работающіе надъ гибелью отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, и всегда достигающіе своей цѣли тамъ, гдѣ имъ изнутри или снаружи не можетъ быть противопоставлено достаточное сопротивленіе.»

На этой мысли великій физиологъ сходится съ замѣчательнымъ поэтомъ:

Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно,

отвѣчаютъ прохожему въ «Коробейникахъ» Некрасова луга и зѣбри, и мужики, у которыхъ этотъ прохожій спрашиваетъ причину ихъ бѣдствій и горестей. Этотъ страшный по своей простотѣ отвѣтъ сменяется другимъ отвѣтомъ не менѣе выразительнымъ:

Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно.

И въ этихъ двухъ отвѣтахъ сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голодъ и холодъ! Этими двумя простыми причинами объясняются всѣ дѣйствительныя страданія человечества, всѣ тревоги его исторической жизни, всѣ преступленія отдѣльныхъ лицъ, вся безнравственность общественныхъ отношеній. Вглядитесь въ дѣло внимательно и безъ предубѣжденія, и вы увидите, что въ этой мысли нѣтъ ничего преувеличеннаго.

Я сказалъ выше, что температура нашего тѣла измѣняется периодически въ теченія сутокъ. Утромъ, когда мы просыпаемся, она повышается и достигаетъ высшей степени послѣ обѣда, во время пищеваренія. Къ вечеру она понижается и доходитъ до низшей степени во время сна, послѣ полуночи. Когда мы спимъ, процессъ дыханія, кровообращенія и обмѣна веществъ вообще совершаются гораздо медленнѣе, чѣмъ тогда, когда мы бодрствуемъ. Вслѣдствіе этого темпера-

*

тура нашего тѣла понижается и мы на этомъ основаніи принужденны ночью покрываться теплѣе, чѣмъ мы покрываемся днемъ. Ночью всего легче простудиться и поэтому слѣдуетъ особенно беречься ночью сквознаго вѣтра, прикосновенія къ холоднымъ предметамъ, вліянія сырости и т. п. Кто ляжетъ спать на тюфякъ, принесенномъ съ морозу, тотъ навѣрное можетъ рассчитывать на сильную простуду и на опасную болѣзнь. Люди не умѣютъ противиться тому желанію заснуть, которое проявляется почти всегда подъ вліяніемъ сильнаго холода, обыкновенно замерзаютъ, потому что во время сна тѣло не вырабатываетъ достаточнаго количества собственной теплоты и слѣдовательно не можетъ бороться съ тѣмъ морозомъ, котораго дѣйствіе оно переносило во время бодрствованія.

Для того чтобы организмъ взрослага человѣка находился въ нормальномъ положеніи, чтобы тѣло не увеличивалось и не уменьшалось въ вѣсѣ, не заплывало жиромъ и не доходило до худобы, необходимо соблюдать равновѣсіе между количествомъ принимаемой пищи и быстротою горѣнія органическихъ тканей. Мы видѣли выше, что пролетаріи сжигаютъ больше, чѣмъ сколько они принимаютъ извнѣ, и потому постепенно разрушаютъ свое собственное тѣло. Богатый человѣкъ, проводящій время въ бездѣйствіи, поступаетъ совершенно наоборотъ; онъ прирѣкаетъ въ себя больше, чѣмъ сколько можетъ сжечь и накопляетъ такимъ образомъ бесполезные и обременительные запасы жира. Такой образъ жизни не можетъ быть названъ правильнымъ и неизбежно ведетъ за собою разныя неудобства, непріятности и болѣзни, напр. уменьшеніе аппетита, ослабленіе желудка, расположеніе къ апоплексическому удару. Нормальный образъ жизни ведетъ тотъ человѣкъ, который, наѣдаясь до сыта, работаетъ по мѣрѣ силъ; въ этомъ отношеніи умственная работа также полезна, какъ и механическая; дѣятельность мозга, подобно физическому движенію, возвышаетъ температуру тѣла и ускоряетъ процессъ горѣнія. Ученый, просидѣвшій нѣсколько часовъ за такою работою, которая требуетъ напряженія его мыслительной дѣятельности, чувствуетъ сильный аппетитъ, подобный аппетиту попеньщика, колодезнаго дрова или носившаго воду.

Зимомъ и лѣтомъ, въ холодный и въ теплый день температура здороваго человѣка остается неизмѣнною. Между тѣмъ лѣтомъ человѣкъ не тратитъ такъ много теплоты, какъ зимомъ; холодный воздухъ быстро уноситъ теплоту человѣческаго тѣла и потому необходи-

но, чтобы этой теплоты вырабатывалось больше. Дѣйствительно, процесс горѣнія и развитія животной теплоты усиливается въ холодное время. Человѣкъ и животное начинают дышать глубже и чаще; это ускореніе совершается, вѣроятно, вслѣдствіе дѣйствія нервовъ на кровеносные сосуды; оно происходитъ помимо воли самого недѣлнимаго, такъ что путешественники, побывавшіе около полюсовъ и испытывшіе дѣйствіе сильнѣйшаго холода, говорятъ, что у нихъ утомлялись легкія и какъ будто разрывалась грудь отъ усиленнаго дыханія. У людей и животныхъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ, грудной ящикъ бываетъ особенно развитъ и легкія отличаются значительною величиною. Но, если ускоренное дыханіе ведетъ за собою ускоренное горѣніе, то необходимо, чтобы это горѣніе постоянно находило себѣ достаточно горючаго матеріала. Необходимо, слѣдовательно, чтобы во время холода человѣкъ или животное съѣдали больше пищи, чѣмъ во время жара. Такъ и бываетъ. Аппетитъ усиливается зимою. Въ теплыхъ климатахъ достаточно 24 лота питательной пищи въ день, чтобы поддержать существованіе человѣка, а въ болѣе холодныхъ земляхъ для этого необходимо крайней мѣрѣ 40 лотовъ питательной пищи. Неаполитанскій лаццарони питается макаронами и плодами и съѣдаетъ такое незначительное количество пищи, каковымъ никакъ не могъ бы прокормиться нашъ простолудинъ. Эскимосы съѣдаютъ ежедневно по 10 фунтовъ мяса и по 5 фунтовъ сала или китоваго жира. Жители Исландіи, Ланландыи и Самоѣды изумляютъ путешественниковъ своимъ пристрастіемъ къ салу и къ жиру, который они пожираютъ въ огромномъ количествѣ, не обращая вниманія ни на вкусъ, ни на запахъ, ни на степень свѣжести. Это пристрастіе имѣетъ свои физиологическія причины. Жиръ, какъ вещество, заключающее въ себѣ очень мало кислорода и очень много углерода и водорода, отлично поддерживаетъ органическій процессъ горѣнія точно также, какъ онъ отлично поддерживаетъ горѣніе лампы. Жиръ горитъ долго и своимъ горѣніемъ производитъ сильную теплоту; поэтому жиръ болѣе чѣмъ какое либо другое вещество приноситъ пользу жителямъ полярныхъ земель; онъ даетъ имъ возможность развѣвать то значительное количество животной теплоты, которое необходимо имъ, чтобы уравновѣсить охлаждающее дѣйствіе спящихъ и продолжительныхъ морозовъ.

Въ холодномъ климатѣ желудокъ усиливаетъ свою дѣятельность и одолеваетъ такое количество пищи, которое могло бы разстроить его отравленія въ теплой странѣ. Путешественники, отправившіеся отъ-

скивать остатки франклиновой экспедиціи, изумлялись тому невообразимому количеству мяса и сала, съ которыми справлялись ихъ желудки подъ вліяніемъ полярнаго холода. Лѣтомъ или вообще въ тепломъ климатѣ выдѣленіе углекислоты уменьшается, весь обіѣнъ веществъ становится медленнѣе, аппетитъ уменьшается и пищевареніе становится менѣе энергичнымъ. Бедуинъ отправляется въ дальнюю дорогу съ избыткомъ финиковъ подъ сѣдельною лукою. Отантанъ круглый годъ питается плодами своего хлѣбнаго дерева. Французы находятъ, что можно позавтракать, ограничиваясь салатомъ, орѣхами или каштанами. Подобная воздержность для насъ, жителей сѣвера, также непонятна, какъ прожорливость Гренландцевъ или Самоѣдовъ.

Не всѣ животныя обладаютъ, подобно человѣку, способностью усиливать или уменьшать выработку животной теплоты, смотря по свойствамъ окружающей температуры. Этой способности, заключающейся, вѣроятно, въ особенномъ устройствѣ нервовъ, нѣтъ у такъ называемыхъ *хладнокровныхъ* животныхъ, у змѣй, у лягушекъ, у рыбъ и т. п. Теплота этихъ животныхъ упадаетъ и повышается вмѣстѣ съ окружающею температурою; это не нарушаетъ ихъ здоровья. При извѣстномъ охлажденіи они впадаютъ въ оцѣпененіе, которое проходитъ отъ дѣйствія теплоты. Говорятъ даже, что гусеницы, жабы и даже нѣкоторыя породы рыбъ, совершенно окоченѣвшія и затвердѣвшія отъ холода, оживаютъ, когда ихъ положить въ теплое мѣсто. Напротивъ того, всѣ млекопитающія и птицы умираютъ при извѣстной степени охлажденія и до послѣдней возможности борются противъ охлаждающаго дѣйствія вѣншей температуры. Даже тѣ животныя, которыя зимою засыпаютъ и которыя во время своего сна теряютъ значительную часть своей теплоты, не выносятъ охлажденія до нуля, т. е. до точки замерзанія воды. Способность привыкаться къ окружающей температурѣ развивается постепенно вмѣстѣ съ другими силами животнаго. «Молодые воробьи, говоритъ Льюисъ, вынутые изъ гнѣзда, въ которомъ ихъ согрѣвала мать, при умѣренной температурѣ потеряли очень быстро около 11 градусоѡ по Цельсію своей теплоты, такъ что ихъ тѣло оказалось только на полтора градуса теплѣе окружающаго воздуха.» Вообще, чѣмъ моложе животное, тѣмъ менѣе оно способно сопротивляться холоду быстрымъ усиленіемъ внутренней теплоты. За то для молодаго животнаго перемены внутренней температуры не такъ опасны, какъ для взрослога.

Кромѣ того, способность сопротивляться переменіямъ вѣншей

температуры даже у взрослых животных измѣняется вмѣстѣ съ временами года. Первый жаркій весенній день дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ знойные дни іюля или августа. Точно также утренній морозъ, являющійся лѣтомъ или раннею осенью, кажется намъ гораздо холоднѣе такого же зимняго мороза. Опыты и наблюденія надъ животными показали, что они лѣтомъ при одинаковомъ градусѣ холода теряютъ больше внутренней теплоты, чѣмъ зимою. Организмъ привыкаетъ въ извѣстное время доставлять извѣстное количество теплоты. Потому, когда окружающая температура постепенно сдѣлается теплѣе (при переходѣ отъ зимы къ веснѣ) или холоднѣе (отъ осени къ зимѣ), то и организмъ постепенно перемѣняетъ свою дѣятельность. Если же онъ вдругъ почувствуетъ сильное измѣненіе, онъ не успѣетъ приготовиться, и вы испытаете то непріятное ощущеніе, которое причиняетъ даже здоровому человѣку внезапная пережѣна погоды. Кто живетъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, чего стоятъ эти пережѣны, и какое громадное количество кашлей, насморковъ, ревматизмовъ и разнообразныхъ простудъ носится въ воздухѣ при быстрыхъ переходахъ отъ оттепели къ морозу и отъ мороза къ оттепели.

Изъ всего, что было говорено выше о животной теплотѣ, видно, что количество этой теплоты, постоянно выделяющееся изъ тѣла, очень значительно. По вычисленіямъ нѣмецкаго физиолога Бишсфа оказывается, что взрослый человѣкъ въ теченіи 24-хъ часовъ выделяетъ такое количество теплоты, которое можетъ довести до кипѣнія 80 фунтовъ воды холодной какъ ледъ. Рождается вопросъ, на что же затрачивается это значительное количество теплоты?

Во-первыхъ она употребляется на то, чтобы сообщать пищѣ и питью, входящимъ въ наше тѣло, ту температуру, въ которой находятся наши внутренности. Всѣ холодные предметы, употребляемые въ пищу, согрѣваются въ желудкѣ и въ кишкахъ и такимъ образомъ непосредственно отнимаютъ у насъ нѣкоторую часть нашей теплоты. Испраженія наши, при выходѣ изъ тѣла, представляютъ температуру отъ 37—38 градусовъ по Цельсію, и уносятъ съ собою отъ 2—3 процентовъ всего количества тратящейся теплоты.

Воздухъ, проникающій въ наши легкія при вдыханіи, обыкновенно бываетъ гораздо холоднѣе нашего тѣла; возвращаясь изъ легкихъ, онъ оказывается нагрѣтымъ въ значительной степени. Это нагрѣваніе вдыхаемаго воздуха отнимаетъ у нашего тѣла отъ 5—6 процентовъ всей суточной потери теплоты.

Превращеніе твердыхъ веществъ въ жидкія, и жидкія въ газообразныя поглощаетъ извѣстное, довольно значительное количество теплоты, которая дѣлается *скрытою* и потому при обратномъ процессѣ, т. е. при превращеніи газообразнаго тѣла въ жидкое или жидкаго въ твердое, снова освобождается. Таяніе льда, превращеніе воды въ паръ уноситъ изъ окружающаго воздуха нѣкоторое количество теплоты и производитъ такимъ образомъ охлажденіе. На поверхности всего нашего тѣла и на внутренней поверхности легкихъ происходитъ постоянно выдѣленіе воды въ газообразномъ состояніи; это испареніе воды поглощаетъ значительное количество теплоты и уноситъ изъ нашего тѣла отъ 14—15 процентовъ всей суточной потери. Охлажденіе кожи становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше количество выдѣляемой воды; это охлажденіе доходитъ до высшей степени, когда на поверхности кожи выступаютъ водяныя капли, которыя называются потомъ или испариною. Съ появленіемъ пота неразлучно сильное охлажденіе всего тѣла, такъ что выступающая испарина облегчаетъ горячее состояніе и въ глазахъ врача является однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ выздоровленія. Люди, сильно потѣющіе лѣтомъ, меньше страдаютъ отъ жара, чѣмъ люди, лишенные этой способности или обладающіе ею въ меньшей степени. Франклинъ рассказываетъ, что жнецы въ Пенсильваніи почти вовсе не страдаютъ отъ самаго сильнаго зноя; они пьютъ воду въ огромномъ количествѣ и вслѣдствіе этого потѣютъ такъ сильно, что совокупность воды, выдѣляемой ими въ одніи сутки, равняется по вѣсу одной пятой или шестой части всего ихъ тѣла; охлажденіе, вызываемое испареніемъ этой воды, составляетъ противовѣсъ солнечному жару и даетъ жнецамъ возможность работать, не выбиваясь изъ силъ, въ самое знойное время дня. Замѣчено также, что работники, занимающіеся на стекляныхъ, фарфоровыхъ или литейныхъ заводахъ, выпиваютъ очень много воды и, увеличивая такимъ образомъ количество выдѣляемаго пота, легче переносятъ тотъ страшный жаръ, въ которомъ они должны находиться во время работы.

Въ жаркій лѣтній день мы всегда чувствуемъ сильную жажду, которую всего пріятнѣе утолять холодными напитками. Эти напитки прохлаждаютъ тѣло отчасти непосредственно, отчасти тѣмъ, что возбуждаютъ усиленное выдѣленіе пота; повредить организму они не могутъ; для того чтобы значительное количество холодной воды не обременяло собою желудка, достаточно прибавлять къ ней немного вина.

На количество испаряющейся изъ нашего тѣла воды имѣютъ

значительное вліяніе свойства окружающаго насъ воздуха; чѣмъ суше воздухъ, тѣмъ больше онъ способенъ принимать въ себя водяные пары и тѣмъ сильнѣе онъ поглощаетъ газообразную воду, выделяющуюся изъ нашего тѣла. Сухой воздухъ прохлаждаетъ наше тѣло сильнѣе сыраго воздуха. Вычислено, что сухой воздухъ при 20 градусахъ тепла доставляетъ намъ столько же прохлады, сколько сырой воздухъ при 14 градусахъ. На высокихъ горахъ мы чувствуемъ сильный холодъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, рѣдкій воздухъ содѣйствуетъ испаренію воды изъ нашего тѣла; во-вторыхъ, этотъ рѣдкій воздухъ слабѣе нагревается лучами солнца и даетъ нашимъ легкимъ меньше кислорода, слѣдовательно ослабляетъ процессъ органическаго горѣнія; въ-третьихъ, въ этихъ мѣстахъ постоянно дуетъ вѣтеръ, и это обстоятельство значительно усиливаетъ холодъ. На сколько холодъ становится чувствительнѣе нашему организму при сухости воздуха, на столько же усиливается ощущение жара при сырости атмосферы. Совершенно сырой воздухъ при сильномъ зноѣ дѣйствуетъ на тѣло расслабляющимъ образомъ. Тѣлу некуда тратить своей теплоты; окружающій воздухъ очень тепелъ и слѣдовательно уноситъ очень мало теплоты своимъ непосредственнымъ прикосновеніемъ; сверхъ того, этотъ воздухъ насыщенъ водяными парами и слѣдовательно не принимаетъ испареній нашего тѣла; обмѣнъ веществъ, совершающійся на поверхности нашего тѣла, оказывается нарушеннымъ, и во всемъ организмѣ являеся тяжелое ощущеніе. Сырой и жаркій климатъ разрушительно дѣйствуетъ на здоровье; съ такимъ климатомъ неразлучны разныя болѣзни, мѣстные лихорадки и горячки, которыя особенно губительно дѣйствуютъ на иностранцевъ. Если посадить животное въ комнату, наполненную совершенно сырмъ воздухомъ, котораго теплота превышаетъ температуру тѣла, то животное скоро умретъ.

Мы видѣли такимъ образомъ, что теплота нашего тѣла тратится на согрѣваніе веществъ, входящихъ въ желудокъ, на согрѣваніе воздуха, проникающаго въ легкія, и на превращеніе воды изъ жидкаго состоянія въ газообразное. Этими тремя способами пестрачивается около 24 процентовъ суточной потери. Все остальное количество вырабатываемой теплоты уходитъ путемъ непосредственнаго охлажденія, т. е. нагреваетъ собою тѣ слои воздуха, которые прикасаются къ нашему тѣлу. Обружающій насъ воздухъ постоянно гораздо холоднѣе нашего тѣла и потому, какъ только онъ дотрогивается до него, такъ извѣстное количество нашей теплоты уходитъ въ воздухъ, и мы испытываемъ

ощущеніе прохлады или холода, смотря потому, какъ велико различіе температуры между воздухомъ и нашимъ тѣломъ. Что воздухъ дѣйствительно нагревается отъ прикосновенія къ нашему тѣлу, это доказывается тѣмъ, что намъ становится жарко зимою въ нетопленной церкви, если она наполнена людьми. Такъ какъ большая часть вырабатываемой нами теплоты, именно 76 процентовъ или болѣе двухъ третей, уходитъ въ окружающій насъ воздухъ, то испытываемыя нами ощущенія жара или холода зависятъ почти исключительно отъ температуры этого воздуха и отъ того обстоятельства, насколько мы подвержены его прикосновенію. Желая выдти на улицу, мы смотримъ на термометръ и, сообразаясь съ его показаніями, надѣваемъ то или другое платье. Выдя на улицу, мы инстинктивно принимаемъ тѣ или другія мѣры для усиленія или для ослабленія вырабатываемого нами количества теплоты; мы ускоряемъ походку, если чувствуемъ холодъ, и, придавая нашимъ движеніямъ большую быстроту, усиливаемъ процессъ органическаго горѣнія. Если намъ жарко, мы, напротивъ того, идемъ медленнѣе, движенія наши становятся лѣннѣе, органическое горѣніе ослабляется и мы пассивно защищаемся противъ жара, уходящій въ тѣнь, ищемъ вѣтерка, радуемся тучкѣ, набѣжавшей на солнце.

Въ умѣренномъ климатѣ, въ самое знойное лѣто, температура воздуха не достигаетъ той степени теплоты, на которой постоянно находятся наша кровь и внутреннія части нашего тѣла. Когда воздухъ нагревается до 30 градусовъ Реомюра, мы уже не знаемъ, куда дѣваться отъ жара; мы надѣваемъ самое легкое платье, уходимъ въ тѣнистыя мѣста, купаемся по нѣсколько разъ въ день и все-таки воздухъ отнимаетъ у нашего тѣла такое незначительное количество вырабатываемой нами теплоты, что мы чувствуемъ какое-то расслабленіе, вялость, неспособность къ работѣ. Насъ тяготитъ то количество теплоты, котораго намъ некуда выдѣлять. Температура воздуха, равняющаяся теплотѣ нашего тѣла, была бы для насъ *à la longue* невыносима. Животныя раздѣляютъ съ нами эти ощущенія. Всякій имѣлъ случай наблюдать, какъ лѣтомъ, около полудня, все въ природѣ затихаетъ и въ своей неподвижности ищетъ того уменьшенія внутренней теплоты, котораго нельзя найти въ прикосновеніи окружающей атмосферы. Чтобы человекъ, снявшій съ себя все платье, могъ чувствовать себя вполне хорошо—необходимо, чтобы температура окружающаго воздуха заключала въ себѣ отъ 22 — 25 градусовъ, т. е. чтобы она была градусомъ на 12 ниже температуры нашего тѣла.

Когда же прикосновение между нашихъ тѣломъ и воздухомъ ослабеваетъ, т. е. когда мы одѣты, то такая температура слѣдственно высока и дѣлается уже неприятною; тогда достаточно, смотря по возрасту и общей комплекции челоуѣка, отъ 15 до 20 градусоуъ.

Одежда предохраняетъ насъ отъ дѣйствія холода тѣмъ, что она устраняетъ непосредственное прикосновение воздуха. Все тѣла, извѣстныя намъ въ практической жизни, могутъ быть раздѣлены на хорошия и худыя проводники теплоты. Всякій знаетъ, что если желѣзная палка съ одного конца накалена до красна, то и другой конецъ ея, не лежавшій въ огнѣ, непременно обожжетъ прикасающуюся къ нему руку. Всякому точно также извѣстно, что деревянную палку, зажженную съ одного конца, можно держать въ рукахъ, не боясь обжога. Все металлы принадлежатъ къ числу хорошихъ проводниковъ теплоты, т. е. все они очень быстро принимаютъ и передаютъ температуру окружающаго воздуха. Желѣзная крыша накаляется лѣтомъ и дѣлается невыносимо холодною во время зимы. Желѣзными досками бы вслѣдствіе этого обстоятельства въ высшей степени неудобно, холодно зимой и невыносимо тепло лѣтомъ. Одежда, сшитая изъ тонкихъ металлическихъ нитокъ, имѣла бы все эти неудобства; она лѣтомъ не предохраняла бы отъ жара, а зимою не защищала бы отъ холода. Для построения нашихъ жилищъ, и для приготовления одежды мы выбираемъ, по возможности, самыя худыя проводники теплоты. Шерсть, изъ которой дѣлаются наши сукна, хлопчатая бумага, изъ которой готовится огромное количество разнообразныхъ матерій, и которая толстыми слоями кладется между покрывкою и подкладкою тонкихъ одеждъ, нѣха, служащая для приготовления шубъ, и нухъ, загибающій вату или хлопчатую бумагу, принадлежатъ къ числу самыхъ худыхъ проводниковъ теплоты. Это объясняется тѣмъ, что между тонкими волокнами этихъ веществъ находится нѣсколько изолированныхъ слоеуъ воздуха, а воздухъ принадлежитъ къ самымъ худымъ проводникамъ. Чѣмъ пушистѣе какая нибудь матерія, т. е. чѣмъ больше слоеуъ воздуха находится между ея волокнами, тѣмъ хуже она проводитъ теплоту, и слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе она защищаетъ наше тѣло отъ дѣйствія вѣшняго воздуха. Одежда помогаетъ намъ переносить такія низкія температуры, которыя привели бы насъ въ раную смерть, если бы мы подвергли ихъ дѣйствію свое непокрытое тѣло. Въ хорошей шубѣ мы можемъ переносить морозъ отъ 15 до 20 градусоуъ, не чувствуя особеннаго страданія; та же самая температура заморозила бы

весь въ короткое время, еслибы им не были защищены отъ ея дѣйствія шлохми проводниками.

Движеніе воздуха значительно увеличиваетъ охлажденіе нашего тѣла, потому что при вѣтрѣ новые слои воздуха быстро сдвигаются одинъ за другимъ, дотрогиваются до непокрытыхъ частей нашего тѣла, напр. до лица и мгновенно уносятъ выработываемую нами теплоту. Такая степень холода, которая при отсутствіи вѣтра, почти вовсе не доставляетъ намъ неприятныхъ ощущеній, становится невыносимой при сильномъ движеніи воздуха. Мореплаватели, бывавшіе въ полярныхъ странахъ, говорятъ, что холодъ въ 40° по Цельсию при совершенной тишинѣ сносиме холода въ 17° при сильномъ вѣтрѣ. Капитанъ Харри рассказываетъ, что при холодѣ въ 48° по Цельсию, безъ вѣтра, можно было въ продолженіи четверти часа оставлять руки незакрытыми. Когда же поднимался вѣтеръ, то это дѣлалось невозможнымъ даже при 17° холода.

Во время жара движеніе воздуха доставляетъ пріятную прохладу, если только температура воздуха не превышаетъ теплоты нашего тѣла. Въ тропическихъ земляхъ, богатые люди проводятъ зимнее время дня въ домахъ и воздухъ въ ихъ комнатахъ постоянно приводится въ движеніе посредствомъ большихъ вѣтровъ или опахалъ. Сверхъ того окна закрываются большими соломенными матами, которые разъ десять въ часъ обдуваются водою. Потокъ разогрѣтаго воздуха, проходя черезъ мокрую занавѣску превращаетъ воду въ пары, охлаждается въ слѣдствіе этого, и, доходя до обитателей комнаты, приноситъ имъ пріятное и живительное ощущеніе прохлады. Только при подобномъ искусственномъ охлажденіи атмосферы европейцу удастся свыкнуться съ такимъ климатомъ, въ которомъ температура воздуха нрѣдко становится на 10 или на 12 градусовъ выше теплоты тѣла.

Замѣчательно, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ человекъ можетъ вынести температуру, далеко превышающую теплоту тѣла. Банкеъ, говоритъ Бюхнеръ, пребылъ семь минутъ въ сухой комнатѣ, нагрѣтой до 99° Цельсія. Тиле рассказываетъ, что одна блондинка провела 10 минутъ въ топленной печкѣ, въ которой жаръ доходилъ до 112° . Льюисъ говоритъ, что знаменитый «царь огня» Шаберъ возбуждалъ въ зрителяхъ величайшее удивленіе, войдя въ печь, нагрѣтую выше 200° Цельсія, или 160° Реомюра. Мы получаемъ такимъ образомъ заключеніе, что есть люди, способные перенести въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ температуру, далеко превышающую теплоту тѣла.

воды. Если верить рассказу о подвигъ Шабера, то окажется, что крайній предѣлъ жара, который можетъ вынести человекъ вдвое сильнѣе того жара, который заставляетъ кипѣть воду, вчетверо сильнѣе теплоты нашей крови и слишкомъ вшестеро сильнѣе того лѣтняго зноя, который приводитъ насъ въ разслабленное состояніе.

Изумительна также та степень холода, которую нѣрѣдко приходилось выдерживать путешественникамъ, пускавшимся въ полярныя экспедиціи. Холодъ доходилъ до 40, до 50, по словамъ Льюиса, даже до 75° Цельсія. Эта борьба съ холодомъ, стоящимъ слишкомъ на 80° ниже комнатной температуры и слишкомъ на 110° ниже температуры тѣла, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнѣе подвиговъ Шабера. Шаберь входилъ въ пещку, изъ которой онъ могъ тотчасъ выйти, а несчастные путешественники имѣли дѣло съ неутомимыми и неострашимыми врагами. Для нихъ отступленіе было невозможно; имъ надо было выдержать борьбу или умереть, какъ умеръ Франклинъ съ своими спутниками, какъ умирали многіе сибѣльчане, участвовавшіе въ неудачныхъ полярныхъ экспедиціяхъ. Испытаніе Шабера продолжалось двѣ, три минуты, а борьба полярныхъ путешественниковъ съ мертвоющимъ холодомъ тянулась цѣлыми мѣсяцами. Хорошее отопленіе корабля; обильная, питательная пища, теплая, мѣховая одежда, усиленіе мочиона и непроизвольное усиленіе дыханія являлись главными вспомогательными средствами въ этой страшной борьбѣ человека съ колоссальными силами природы; и въ большей части случаевъ человекъ одолевалъ, т. е. успѣвалъ сохранить жизнь и даже здоровье, несмотря на разрушительное дѣйствіе низкой температуры.

Мы видимъ такимъ образомъ, что человекъ способенъ выдержать температуру, стоящую на 110° Цельсія ниже и на 110° Цельсія выше температуры его тѣла. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что всѣ климаты земнаго шара доступны человеку, и что гибкій организмъ его, при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей, можетъ привыкаться и къ сорокаградусному жару тропиковъ и къ сорокаградусному холоду Шпицбергена и Гренландіи.

Но, чтобы господствовать надъ окружающими насъ физическими условіями, надо знать тѣ законы, которымъ они повинуются. Всякая попытка нарушить физическій законъ ведетъ за собою самыя неприятельныя послѣдствія. Обладая способностью переносить при извѣстныхъ условіяхъ почти всѣ естественныя температуры, существующія на поверхности нашей планеты, человекъ можетъ по неосторожности или по

необходимо разрушить свое здоровье очень умеренною степенью жара или холода. Простуда является въ большей части случаевъ главною причиною нашихъ болѣзней, и простужаемся мы большею частью не оттого, что холодъ особенно сильнѣе, не оттого, что намъ не отку- да взять теплое платье, а оттого, что мы не имѣемъ понятія о потре- бностяхъ нашего организма и потому опускаемъ необходимыя предо- сторожности или совершенно не въ попадъ начинаемъ дѣйствовать по какой нибудь невѣрно понятой гигиенической системѣ.

Простуда является всего легче и бываетъ всего опаснѣе въ томъ случаѣ, когда сильный холодъ дѣйствуетъ внезапно на очень теплую кожу. Особенно вреденъ бываетъ сквозной вѣтеръ или обливаніе хо- лодною водою послѣ разгоряченія и сильнаго выдѣленія пота. Также вреденъ быстрый переходъ отъ зимняго платья къ лѣтнему. Просту- да можетъ также совершиться постепенно и совершенно незамѣтно для самаго пациента; если мы носимъ слишкомъ легкое платье, не довольно тепло покрываемся ночью во время сна, живемъ въ холодной и сырой квартирѣ или въ такомъ суровомъ климатѣ, который не по силамъ нашему тѣлосложенію, то мы простужаемся постепенно и мало по малу подкапываемъ наше здоровье.

Попытки приучить себя къ холоду, стремленіе укрѣпить здоровье своихъ дѣтей такъ называемымъ спартанскимъ воспитаніемъ возбужда- ютъ справедливую оппозицію со стороны всякаго рационально образова- ннаго медика. Можно до нѣкоторой степени притупить тѣ нервы, ко- торыя проводятъ въ мозгъ ощущеніе боли, но нѣтъ никакой возможно- сти уничтожить вредное дѣйствіе холода на организмъ. Приучить тѣло къ холоду все равно, что приучить желудокъ къ голоду, спину къ резанью, легкія къ отсутствію кислорода, глаза къ полной тем- нотѣ. Вы никакъ не приучите воду къ тому, чтобы она не замерзала при 0° и не кипѣла при 80° Реомюра. Вспомните, что ваше тѣло въ своихъ составныхъ частяхъ повинуется тѣмъ же законамъ, которымъ покоряется вода; вспомните, что кровь ваша обращается, и сердце бьется, и желудокъ варитъ пищу помимо вашей воли, вспомните, что въ васъ дѣйствуютъ тѣ же физическія и химическія силы, которыя сталкиваются и переплетаются между собою въ окружающемъ мірѣ и вы убѣдитесь въ томъ, что бороться съ своими непосредственными ощущеніями значить бороться съ силами природы и противопостав- лять этимъ силамъ не такія же дѣйствительныя физическія силы, а одну отвлеченную, неуловимую и неосвѣтительную силу своей воли.

Если вы почувствовали холодъ, сѣло надѣвайте теплое платье; если существуетъ ощущеніе, то существуетъ и причина, вызвавшая это ощущеніе; не бойтесь изнѣжить себя; когда теплое платье сдѣлается излишнимъ, вамъ доложить объ этомъ то же самое ощущеніе, которое заставило васъ вынуть это платье изъ шкапа. Мы изнѣживаемъ себя не тѣмъ, что повинемся нашимъ ощущеніямъ, а тѣмъ, что съ дѣтства, по милости родителей и воспитателей, привыкаемъ къ искусственнымъ наслажденіямъ и создаемъ себѣ искусственныя потребности.

Если вы считаете необходимымъ имѣть за обѣдомъ подложныя замысловатыхъ соусовъ, въ которыхъ естественный вкусъ пищи заглушенъ пряностями и приправами, то эту потребность сѣло можно назвать искусственною; но если вы, какъ здоровый человекъ, часто чувствуете сильный аппетитъ и сѣдаете за вашими обѣдомъ не нѣсколько кусковъ хорошей говядины, то вамъ остается только радоваться правильнымъ отправленіямъ вашего желудка и немедленно удовлетворять всѣмъ его требованіямъ. Каждому педагогу, заведывающему матеріальною частью воспитанія, слѣдуетъ внушить строго на-строго, что онъ воленъ не баловать своихъ воспитанниковъ рагу и фрикасе, но что онъ положительно обязанъ кормить ихъ до отвала здоровою, свѣжею пищею. Держаться въ отношеніи къ продовольствію воспитанниковъ или воспитанницъ спартанской системы—въ высшей степени безчеловѣчно; если это дѣлается ради укрѣпленія здоровья дѣтей, то это обличаетъ тупоуміе и полнѣйшее невѣжество педагога; если же это дѣлается изъ личнаго, экономическаго расчета, тогда это подлѣе всякаго взяточничества. Это значитъ лишать воспитанниковъ тѣхъ силъ, которыя только что начинаютъ развиваться, и которыя необходимы имъ въ будущемъ для того, чтобы наслаждаться жизнью и не имѣть силъ дѣйствовать на пользу своихъ согражданъ.

То, что я сказалъ о пищѣ, вполне прилагается и къ теплотѣ. Теплота, по выраженію Гюфеланда, другъ жизненной силы, и для здоровья челоѣка ея присутствіе въ умѣренной степени также необходимо, какъ для прозябанія травы, для распусканія цвѣтка и для созрѣванія плода. Если вашъ воспитанникъ забьетъ—укройте его, вытопите комнату, переимѣните квартиру; къ холоду и къ сырости челоѣческій организмъ не приучается и экономизировать на теплотѣ также безсовѣстно, какъ экономизировать на пищѣ.

Теплота всего необходимѣе для челоѣка въ началѣ и въ концѣ

его жизни. Новорожденный ребенок выходит из такой среды, которая гораздо теплее комнатного воздуха; его надо приучать постепенно даже к теплой, комнатной температурѣ; съ нимъ надо обращаться бережно и нѣжно, чтобы не задавить слабо мерцающую искру жизни. Обычай Спартанцевъ и древнихъ Германцевъ купать новорожденныхъ дѣтей въ холодной водѣ изумляетъ насъ своею нелѣпостью; ни одна собака не поступитъ такимъ образомъ съ своимъ щенкомъ, ни одна птица не выгонитъ изъ теплаго гнѣзда своихъ неоперившихся птенцовъ; Спартавцы и отчасти Германцы, какъ народъ, жившій войною и грабежемъ, могли обращаться такъ неосторожно съ своими новорожденными дѣтьми собственно съ тою цѣлью, чтобы забавить себя отъ труда воспитывать слабыхъ и болѣзненныхъ младенцевъ; Спартанцамъ законы Ликюра приказывали даже положительно убивать уродливыхъ или педунныхъ дѣтей. Надо впрочемъ замѣтить, что даже эта цѣль не достигается купаніемъ дѣтей въ холодной водѣ; во-первыхъ, совершенно здоровый и очень хорошо сложенный ребенокъ можетъ умереть отъ подобныхъ предѣлокъ; во-вторыхъ, очень болѣзненные дѣти часто превращаются, выростая, въ очень сильныхъ и здоровыхъ людей.

Первые годы жизни бываютъ для дѣтей самымъ тяжелымъ и опаснымъ временемъ; справьтесь съ статистическими таблицами и вы увидите, что почти половина дѣтей, родившихся въ такомъ-то году, умираетъ, не достигши пятилѣтняго возраста. Организмъ молодаго существа, не успѣвшій укрѣпиться и развернуть свои силы, не успѣвшій привыкнуть къ той борьбѣ съ вѣншею природою, которая называется жизнью, погибаетъ и разрушается частью отъ невѣжества окружающихъ людей, частью отъ ихъ безпечности, частью отъ излишней внимательности и неумѣстной заботливости. Когда первые годы дѣтства пройдутъ благополучно, тогда можно постепенно укрѣплять силы ребенка тѣлесными упражненіями, можно мало-по-малу приучать его къ холоду, но при этомъ надо соблюдать известную послѣдовательность и твердо помнить то обстоятельство, что есть естественныя границы, которыхъ не слѣдуетъ переступать ни въ какомъ случаѣ. Въ холодномъ климатѣ надѣвать на дѣтей шотландскій костюмъ, водить ихъ осенью или весною по улицѣ съ голыми играми значить во всякомъ случаѣ подвергать ихъ здоровью самой серьезной опасности.

Старику, начинающему уже чувствовать упадокъ силъ, теплота также полезна и необходима, какъ и ребенку.

Въ теплое время года старики чувствуютъ себя лучше обыкновеннаго; зимою они любятъ искусственную теплоту топящей комнаты; въ нашемъ простанородѣ старики проводятъ большую часть года на печкѣ или, какъ ее называютъ въ деревняхъ средней Россіи, на лежанкѣ. Теплыя ванны, усиливающія дѣятельность кожи и уменьшающія ея сухость и жесткость, особенно полезны для стариковъ.

Люди, ведущіе большею частью сидячую жизнь, нуждаются въ большемъ притокѣ теплоты, чѣмъ люди, часто прогуливающіеся или работающіе на открытомъ воздухѣ.

Люди холоднаго, флегматическаго или меланхолическаго темперамента больше страдаютъ отъ холода, чѣмъ люди горячіе, энергическіе, холерики или сангвиники. Во время зимняго холода 1812 года мерзли преимущественно Голландцы и Нѣмцы, несмотря на то, что Французы, Испанцы и Итальянцы, находившіеся въ арміи Наполеона, меньше ихъ были приучены къ холоду.

Вообще люди слабаго сложенія, не отличающіеся значительною энергіею жизненныхъ отправленій, т. е. сильнымъ аппетитомъ, крѣпкими легкими, хорошимъ пищевареніемъ, развитою дѣятельностью половой системы, любятъ теплую температуру и не выносятъ холода; напротивъ того, люди крѣпкіе и полнокровные предпочитаютъ прохладную атмосферу и въ ней чувствуютъ себя вполне хорошо. Умѣренная степень холода, дѣйствующая на наше тѣло въ короткій промежутокъ времени, оживляетъ жизненныя отправленія, привлекаетъ кровь къ кожѣ и вообще къ поверхности тѣла, ускоряетъ обмѣнъ веществъ, усиливаетъ выработку внутренней теплоты и дѣятельность легкихъ, возбуждаетъ нервную систему, словомъ, вызываетъ во всемъ организмѣ усиленное движеніе жизни. Но продолжительное дѣйствіе холода всегда ведетъ за собою вредныя послѣдствія уже потому, что напрягаетъ въ извѣстномъ направленіи силы организма и, требуя отъ него усиленной дѣятельности, истощаетъ его этими непомѣрными требованіями.

Для здоровья человѣка всего полезнѣе умѣренный климатъ, въ которомъ нѣтъ ни слишкомъ холодныхъ зимъ, ни изнурительныхъ лѣтнихъ жаровъ, ни рѣзкихъ переходовъ отъ одной температуры къ другой. Конечно, такой идеально-здоровый климатъ мудрено найти на земномъ шарѣ, но вообще можно замѣтить, что приморскія земли, въ которыхъ вліяніе морскихъ испареній смягчаетъ и лѣтній зной и зим-

ній холодъ, пользуются самымъ умѣреннымъ и благотвореннымъ климатомъ. Это положеніе допускаетъ впрочемъ множество исключеній; конечно, сѣверные берега Сибири не отличаются пріятнымъ климатомъ, несмотря на то, что она прилегаютъ къ морю; точно также острова Борнео, Суматра, Ява не могутъ похвалиться здоровымъ климатомъ; находясь въ жаркомъ поясѣ, эти острова отличаются, какъ извѣстно, очень знойнымъ и сырýmъ воздухомъ; растительность достигаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, животная жизнь кипитъ красотою и силой, но человекъ, подавленный жаромъ, который, какъ я говорилъ выше, становится еще невыносимѣе вслѣдствіе того, что воздухъ насыщенъ водяными парами, человекъ, повторяю я, въ такомъ климатѣ не можетъ жить умственной жизнью и равномерно развивать всѣ стороны своего существа.

Что же касается до приморскихъ земель, лежащихъ въ умѣренномъ поясѣ, то ихъ климатъ по своей мягкости значительно превосходитъ климатъ континентальныхъ земель. Счастливымъ климатомъ пользуется Англія, несмотря на свои густые туманы. Въ сѣверовосточной Ирландіи, подъ однимъ градусомъ широты съ Кенигсбергомъ, вода рѣдко замерзаетъ зимою и миртъ растетъ на открытомъ воздухѣ точно также какъ въ Португаліи. «Необыкновенная сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою англійскій умъ развился и продолжаетъ развиваться по всѣмъ направленіямъ жизни и науки, представляетъ, быть можетъ, отчасти слѣдствіе этихъ благопріятныхъ климатическихъ условій».

Въ рукахъ опытнаго врача теплота является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ леченія. Когда выработываніе животной теплоты ослабѣваетъ вслѣдствіе болѣзненного разстройства, тогда всего лучше согрѣвать пациента искусственными средствами. Припарки, потогонное питье, теплыя ванны, отправленіе больныхъ въ теплый климатъ,—все это такіе медицинскіе приемы, которые знакомы по наслышкѣ или по собственному опыту каждому изъ нашихъ читателей.

Повышеніе или пониженіе общей температуры тѣла даетъ медику возможность судить объ общей силѣ жизненныхъ отправленій у пациента.

Жаръ или ознобъ сопровождаютъ собою болѣею частью каждое болѣзненное состояніе и указываютъ на ненормальное усиленіе или ослабленіе органическаго горѣнія, на неравномѣрное распредѣленіе теп-

лоты въ различныхъ частяхъ тѣла, на болѣзненное нарушеніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ процессовъ: въ кровообращеніи, дыханіи или пищевареніи. Все это принимается въ соображеніе свѣдущимъ медикомъ и потому небольшой термометръ, служащій для изслѣдованія теплоты больныхъ, почти всегда находится при медикѣ, изучающемъ добросовѣстно состояніе своихъ пациентовъ.

Д. ПИСАРЕВЪ.

* * *

На сердцѣ злоба накупѣла
Отъ заученыхъ этихъ фразъ!
Слова! Слова! А чуть до дѣла,
Ни силъ, ни воли нѣту въ насъ!

* * *

Какъ мы сочувствуемъ народу —
Какъ объ его скорбимъ нуждахъ!..
За правду мы въ огонь и въ воду
Идти готовы—на словахъ.

* * *

Развить логически и здраво
Умѣемъ мы, что гибнетъ мѣръ;
Что богачей и нищихъ право
Одно—на свѣтлый жизни пиръ.

* * *

И поучаемъ мы охотно,
Что лѣнь постыдна и вредна;
Что не затѣмъ, чтобъ кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

* * *

А между тѣмъ, борьбы упорной
Или суроваго труда,
Бѣжимъ мы съ трусостью позорной
И не краснѣемъ отъ стыда!

* * *

И кто неправдою гонимый —
Себѣ нашелъ защиту въ насъ?
Безстрастно мы проходимъ мимо
Людскаго горя каждый часъ.

* * *

И фразы намъ всего дороже!
Насъ убаюкали онѣ...
Когдажъ сознаемъ мы, о Боже! —
Что нѣтъ спасенья въ болтовнѣ?

А. ПЛЕЩЕВЪ.

ЛЮДВИГЪ СПИТTLERЪ.

(Этюдъ Д. Штраусса.)

23-го апрѣля 1777 года Лессингъ писалъ изъ Вольфенбюттеля своему брату, Карлу Готтгельфу, въ Берлинъ: «Предъявитель этого письма—магистеръ Спиттлеръ, пробывшій въ Вольфенбюттелѣ нѣсколь-ко недѣль, съ тѣмъ чтобы воспользоваться здѣшнею библіотекою. Я узналъ его какъ человѣка ученаго и скромнаго, и такъ какъ онъ ѣдетъ въ Берлинъ, то считаю долгомъ рекомендовать его твоему вниманію». Мѣсяцъ спустя, Лессингъ спрашиваетъ брата, былъ ли у него этотъ магистеръ? и проситъ передать ему письмо, если Спиттлеръ еще не уѣхалъ изъ Берлина.

Спиттлеръ былъ молодой ученый, только что выступившій на поприще науки. Онъ успѣлъ понравиться Лессингу, который имѣлъ случай испытать его познанія. Но Лессингъ тогда, конечно, не предполагалъ, что на этомъ магистрѣ, болѣе чѣмъ на какомъ либо другомъ изъ молодыхъ его современниковъ, отразится особенность его духа. Правда, когда онъ года четыре спустя умеръ, Спиттлеру достался только клочекъ его мантии (вся она, впрочемъ, едва ли бы кому пришлась по росту); только одной наукѣ Спиттлеръ вдохнулъ духъ, сродный Лессингу и притомъ возбужденный этимъ великимъ писателемъ: но эта наука та самая, въ которой Лессингу всего пріятнѣе было продлить свое нравственное существованіе,—исторія.

Ученый и скромный молодой магистеръ былъ родомъ изъ Швабін. Онъ былъ виртембергскій теологъ, получившій образованіе, по обыкновенію, въ необходимомъ тюбингенскомъ духовномъ заведеніи. Родился

онъ въ ноябрѣ 1752 года, ровно семью годами раньше своего соотечественника, Шиллера. Отецъ его былъ священникъ и въ это же званіе готовилъ сына. Но такъ какъ онъ жилъ въ Стутгартѣ, то отдалъ сына не въ одну изъ монастырскихъ школъ, а въ столичную гимназію. Это обстоятельство было чрезвычайно важно для Спиттлера, до того важно, что оно опредѣлило всю карьеру молодого человека. Если онъ впоследствии сдѣлался историкомъ и притомъ извѣстнымъ историкомъ, то этимъ онъ, независимо отъ своихъ способностей, обязанъ былъ своему пребыванію въ Стутгартѣ.

Въ то время въ Виртембергѣ господствовала сильная любовь къ изученію исторіи вообще и отечественной въ частности. Ректоръ стутгартской гимназіи Фольцъ, считался самымъ ученымъ историкомъ въ этой странѣ и пользовался, особенно въ столицѣ, такимъ почетомъ, который долженъ былъ возбудить соревнованіе въ честолюбивомъ ученикѣ. Быть уважаемымъ подобно Фольцу и уважаемымъ имъ самимъ, вскорѣ сдѣлалось пламеннымъ желаніемъ Спиттлера, цѣлью, для достиженія которой онъ не щадилъ никакихъ трудовъ. И для этого действительно нужны были большія усилія, потому что Фольцу не легко было угодить. Онъ требовалъ отъ историка изученія источниковъ, ученаго, критическаго собранія фактовъ, и при этомъ почти упускалъ изъ виду искусство изложенія. Онъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на возникавшую беллетристическую дѣятельность молодого поколѣнія, къ которой и Спиттлеръ чувствовалъ естественное влеченіе. Но талантливый гимназистъ подавилъ въ себѣ этотъ порывъ: онъ не писалъ стиховъ, но дѣлалъ извлеченія изъ фоліантовъ. Его часы отдохновенія посвящены были изученію сочиненій, которыя для другихъ юношей казались бы слишкомъ скучными и сухими, даже для занятія въ рабочіе часы. Если впоследствии мы находимъ Спиттлера коротко знакомымъ съ произведеніями Райнальди, Паги, Мабильона, Монфокона и др., то этому знакомству нѣмецкій нашъ ученый положилъ начало еще въ гимназіи, гдѣ по-настоящему онъ долженъ былъ изучать, и действительно изучалъ ревностно греческихъ и латинскихъ классиковъ.

Но еще важнѣе другое обстоятельство, имѣвшее уже въ Стутгартѣ вліяніе на историческую дѣятельность Спиттлера. Онъ родился въ концѣ виртембергскаго *quinquennium Neronis*, т. е. первыхъ беззаботныхъ годовъ правленія герцога Карла, едва вышедшаго тогда изъ-подъ опеки, того самаго герцога Карла, которому многие изъ соотечественниковъ, прославившихся въ литературѣ, доставили весь-

ма незавидную извѣстность. Борьба между правительственнымъ произволомъ и правами народа, появленіе и паденіе временщиковъ, примѣры трусости со стороны лицъ, имѣвшихъ обязанностью защищать свободу, и неустрашимости со стороны другихъ, болѣе добросовѣстныхъ сыновъ отечества,—все это, служившее предметомъ разговора во всѣхъ столичныхъ обществахъ, совершалось на глазахъ Спиттлера во время его отрочества и юношества. Семи лѣтъ онъ уже въ состояніи былъ почувствовать впечатлѣнію, произведенному на публику незаслуженнымъ заключеніемъ въ тюрьму почтеннаго Іоанна Якоба Мозера, совѣтника собранія земскихъ чиновъ; двѣнадцати же лѣтъ онъ раздѣлялъ негодованіе, вспыхнувшее во всѣхъ патріотахъ, когда превосходный Губеръ за свою преданность конституціи долженъ былъ также пострадать въ темницѣ. Около того же времени распушеніе сейма произвело въ странѣ всеобщее волненіе. Земскіе чины подали въ Вѣну жалобу на герцога и нашли себѣ заступника въ лицѣ Фридриха II прусскаго. Герцогъ и его агенты защищались всѣми орудіями политики; но правда, поддерживаемая могуществомъ Фридриха, на этотъ разъ восторжествовала. Герцогъ Карлъ долженъ былъ заключить съ собраніемъ земскихъ чиновъ договоръ, который навсегда положилъ преграду его произволу. Спиттлеру было тогда восемнадцать лѣтъ и онъ оканчивалъ курсъ въ гимназій, когда одержана была эта побѣда. Впечатлѣніе, произведенное на него этою борьбою, послужило драгоценнымъ матеріаломъ для его историческаго развитія. Въ душѣ Спиттлера глубоко врѣзалась картина земскаго устройства его родины, одного изъ лучшихъ образцовъ древней народной свободы, сохранившихся тогда въ Германіи. Молодой человекъ замѣтилъ себѣ всѣ стороны этого устройства и слабыя, и сильныя, и былъ проникнутъ любовью къ конституционному порядку, и благу общественному. Въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, Спиттлеръ обращался къ виртембергской конституціи, какъ къ образцу, на недостаткахъ и совершенствахъ котораго онъ одинаково могъ повѣрять политическіе взгляды.

По окончаніи курса въ гимназій, Спиттлеръ съ 1774 по 1775 годъ прожилъ въ духовномъ заведеніи въ Тюбингенѣ, и здѣсь сначала занимался философійю, а потомъ теологіей. Бывшіе его товарищи, а также самый духъ его сочиненій свидѣтельствуютъ, что онъ особенно глубоко изучалъ первую изъ этихъ наукъ. Проницательный умъ, любовь къ высшимъ взглядамъ, умѣнье освѣщать всѣ частности пред-

*

ставлявшася вопроса и рѣдкая діалектическая способность могли повести Спиттлера на философское поприще, еслибъ онъ съ раннихъ лѣтъ не былъ направленъ къ изученію исторіи и въ особенности политическаго быта народовъ. Рѣшившись еще въ гимназій сдѣлаться историкомъ, онъ теперь, усвоивъ себѣ философское образованіе, хотѣлъ воспользоваться этими знаніями для своей исторической дѣятельности.

На теологію онъ могъ отчасти смотрѣть какъ на отрасль исторіи. Безъ знанія исторіи церкви нельзя понимать исторіи государствъ, въ особенности среднихъ вѣковъ. Притомъ источники для той и другой отчасти одни и тѣ же. Такимъ образомъ, Спиттлеръ, кромѣ своихъ прежнихъ историческихъ писателей, изучалъ теперь отцовъ церкви и даже знакомился съ схоластиками. Послѣдствія доказали, что при этомъ обратили на себя его полное вниманіе изслѣдованія Землера о канонѣ и развитіи церковнаго догмата, а также первыя теологическія сочиненія Лессинга. Первыя небольшія богословскія произведенія Спиттлера отражали въ себѣ духъ Землера и Лессинга, въ формѣ болѣе сродной послѣднему.

Въ одномъ изъ этихъ сочиненій, помѣщенномъ въ журналѣ, издававшемся подъ редакцію Меузея, Спиттлеръ отозвался о средневѣковомъ духовенствѣ болѣе снисходительно, чѣмъ принято было въ его время. По этому случаю, онъ 25 декабря 1776 года (въ это время онъ уже путешествовалъ съ ученою цѣлью) писалъ изъ Геттингена въ оправданіе къ редактору журнала: «Я въ своемъ сочиненіи вовсе не намѣренъ былъ доказывать, что духовенство среднихъ вѣковъ отличалось только одними хорошими качествами. Я очень хорошо знаю этихъ людей! Но вопросъ въ томъ, принесли ли они какую нибудь пользу и если принесли, то въ чемъ она состояла? При этомъ не можетъ быть рѣчи о томъ, должно ли желать возвращенія средневѣковаго духовенства единственно потому, что оно было въ свое время полезно. На этомъ основаніи слѣдовало бы для себя желать возвращенія учителя азбуки, если онъ училъ хорошо. Въ нападкахъ на духовенство наше время нерѣдко смѣшивается съ временами прошедшими. Относительно настоящаго времени негодованіе противъ католическаго духовенства совершенно справедливо. Средніе вѣка были временемъ дѣтства и плутовства, а потому человечество тогда должно было получать соотвѣтственное тому образованіе».

Конечно, авторъ, писавшій эти строки, былъ достаточно пригото-

лень для того, чтобы нѣсколько мѣсяцевъ спустя, явиться къ Лессингу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ поправился великому писателю, и само собою разумѣется, что такое общество было чрезвычайно полезно для молодого человѣка. Лессингъ въ то время былъ сильно взволнованъ по случаю издававшихся имъ «*Wolfenbüttelsche Fragmente eines Unbekanten*», которые вовлекли его въ богословскую полемику (*). Съ другой стороны, онъ былъ въ самомъ пріятномъ, общительномъ расположеніи духа, такъ какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ женился на женщинѣ, давно имъ любимой. Въ одномъ письмѣ къ Меузелю Спиттлеръ описываетъ гуманность Лессинга и прелестный женственный характеръ его жены съ такимъ чувствомъ, которое дѣлаетъ честь ему, какъ человѣку (**).

По возвращеніи изъ путешествія, Спиттлеръ въ 1777 году вступилъ репетиторомъ въ тюрингенское духовное заведеніе и на этомъ мѣстѣ написалъ, кромѣ разныхъ мелкихъ сочиненій, исторію каноническаго права до временъ мнимаго Исидора. Это сочиненіе доказываетъ его обширную ученость, критическій взглядъ, свѣтлый образъ мыслей и ненависть къ обману священниковъ уже своими прежними трудами, а также во время своего недавняго пребыванія въ Геттингенѣ, Спиттлеръ обратилъ здѣсь на себя всеобщее вниманіе ученаго міра и въ 1779 году былъ приглашенъ въ этотъ городъ въ качествѣ профессора. Онъ поступилъ преподавателемъ въ философскій факультетъ, но былъ назначенъ впоследствии занять катедру въ богословскомъ и сначала читалъ только теологическія лекціи, какъ то: исторіи церкви, церковныхъ догматовъ и канона.

Тѣ, которые имѣли случай слушать его лекціи впоследствии, между прочимъ, Шлоссеръ и Савинья, единодушно хвалятъ его чтеніе, которое признаютъ образцомъ профессорскаго преподаванія. Но сначала Спиттлеръ далеко не отличался краснорѣчіемъ. Какъ уроженецъ швабскій, онъ весьма затруднялся изложеніемъ. Онъ вступалъ на кафедру робко, попеременно то диктовалъ, то объяснялъ свой предметъ и притомъ не умѣлъ еще принаравляться къ понятіямъ своихъ слушателей, число которыхъ поэтому сначала было незначительно.

(*) Авторъ этихъ «*Fragments*», какъ оказалось впоследствии, былъ Reimarus (род. въ 1694 и ум. въ 1765 г. въ Гамбургѣ). Лессингъ, издавая это сочиненіе, говорилъ, что онъ нашелъ его въ вольфенбюттельской библіотекѣ.

(**) См. у Guhrauer'a, Lessing, II, 2, стр. 301.

Въ это время Спиттлеръ готовилъ свое первое значительное произведеніе—исторію церкви. Оно появилось въ годъ его женитьбы, 1782-й. Это сочиненіе было необыкновеннымъ явленіемъ во многихъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи объема. Со словомъ церковная исторія обыкновенно соединялось понятіе большаго, многотомнаго изданія; книга Спиттлера состояла изъ одного маленькаго тома, форматомъ въ восьмую долю листа. Прежнія сочиненія этого рода (не говоря о томъ, что большею частью они писались на латинскомъ языкѣ) отливались въ тяжелую ученую форму; если же и являлось произведеніе, подобное произведенію Мозгейма, обнаруживавшее со стороны автора претензію на изящное изложеніе, то всегда это дѣлалось въ ущербъ основательности содержанія; сочиненіе же Спиттлера, несмотря на свою тщательную внѣшнюю отдѣлку и на совершенное отсутствіе ученыхъ цитатъ, показывало въ писателѣ глубокое знаніе источниковъ и въ видѣ очерка представляло болѣе историческихъ данныхъ, чѣмъ многія изъ подробныхъ исторій церкви. Способъ изложенія въ немъ прагматическій и событія представлены въ связи съ внутренними качествами и внѣшней обстановкой дѣйствующихъ лицъ; при этомъ, однакожъ, Спиттлеръ не забываетъ вліянія духа времени и не упускаетъ изъ виду потребности человѣческой природы. Точка зрѣнія протестантская, но не та, какая принята въ основаніе этого исповѣданія; авторъ озаряетъ исторію христіанской церкви свѣтомъ восемнадцатаго столѣтія, но не тѣмъ, который былъ достояніемъ толпы, а тѣмъ, который отражается въ теологическихъ сочиненіяхъ Лессинга. Въ произведеніи Спиттлера этотъ свѣтъ обнаруживаетъ свою силу, проникая во всѣ закоулки обширной области исторіи, представляющей лабиринтъ.

Церковная исторія Спиттлера оканчивается благоприятными видами, какіе на время представлялись для католической церкви вслѣдствіе паденія ордена іезуитовъ и вслѣдствіе реформъ, произведенныхъ Іосифомъ II австрійскимъ. Эти виды заключались въ надеждѣ, что католическая церковь, наконецъ, перестанетъ быть римскою, что она съ государствомъ соединится въ одно органическое цѣлое, и что народу возвращены будутъ права, отнятыя у него духовенствомъ, которое, съ своей стороны, оставитъ свой корпоративный духъ и не будетъ препятствовать мирнымъ сношеніямъ католиковъ съ протестантами. Нельзя ставить въ укоръ автору, что онъ каждый листъ этого сочиненія, выходящій изъ типографіи, съ торжествомъ показывалъ своимъ друзьямъ

ягь. Книга, по выходѣ въ свѣтъ, быстро распространилась по всей Германіи и переводилась на иностранные языки; изъ послѣдующихъ сочиненій Спиттлера развѣ одно только приобрѣло такую же славу.

Но такой успѣхъ нисколько не поощрилъ автора къ дальнѣйшимъ подвигамъ на теологическомъ поприщѣ; напротивъ, послѣ изданія церковной исторіи, Спиттлеръ распростился съ теологіею. Только иногда онъ писалъ по этому предмету небольшія статьи, преимущественно по церковному праву, и въ особенности не упускалъ изъ виду Рима и его честолюбивыхъ притязаній, орденъ іезуитовъ и другіе тому подобныя вопросы. Разставшись съ теологіею, Спиттлеръ возвратился къ своему первоначальному призванію. Онъ отказался отъ перехода въ теологическій факультетъ и рѣшился посвятить себя исключительно политической исторіи. На этомъ поприщѣ ему, въ качествѣ преподавателя, предстояло бороться въ Геттингенѣ съ тремя знаменитостями—Гаттереромъ, Пюттеромъ, и Шлецеромъ. Спиттлеръ вступилъ въ эту борьбу и остался побѣдителемъ. Дѣло въ томъ, что онъ между тѣмъ успѣлъ овладѣть краснорѣчіемъ, необходимымъ для успѣшнаго преподаванія. Онъ теперь могъ читать свободно, прибѣгая только по-временамъ къ маленькому листу бумаги, съ нѣсколькими именами и числами. Владѣя въ совершенствѣ своимъ предметомъ, онъ то излагалъ его въ видѣ живаго разказа, то развивалъ философски. Его лекціи, по своему тону, занимали середину между дружественной бесѣдой и торжественною рѣчью. При этомъ Спиттлеръ всегда въ состояніи былъ водворить въ аудиторіи глубокую тишину и растрогать своихъ слушателей. Много въ этомъ отношеніи ему помогала его пріятная наружность: онъ отличался высокими, стройнымъ ростомъ, свѣтлыми, пронизательными голубыми глазами, опредѣленными, но нѣжными чертами, открытымъ лбомъ и благородствомъ движеній.

Онъ открылъ свои историческія лекціи, въ 1782 году, исторіею Грековъ и Римлянъ; потомъ перешелъ къ новой исторіи германской имперіи, отдѣльных нѣмецкихъ владѣній и европейскихъ государствъ, съ тѣмъ чтобы на этой почвѣ, какъ на всего болѣе ему знакомой, стать твердой ногой въ качествѣ преподавателя и литератора. Въ 1783 году онъ издалъ исторію Виртемберга, въ 1796 исторію Ганновера, въ 1793 и 1794 очеркъ исторіи европейскихъ государствъ, въ 1786—исторію датской революціи 1660 года. Въ то же время онъ печаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ историческомъ магазинѣ, издававшемся имъ и Мейнерсомъ, одну за другою, цѣлый

рядъ статей, одно заглавіе которыхъ показываетъ, какъ обширенъ былъ кругъ его историческихъ изысканій, причемъ онъ не считалъ недостойными изслѣдованія самыя, повидимому, мелочныя вопросы. Оттого-то его статьи представляютъ самое разнообразное содержаніе. Онъ излагалъ и новѣйшія перемѣны въ кастильской податной системѣ и исторію налоговъ въ герцогствѣ Бременскомъ и Верденскомъ; исторію поголовной подати въ княжествѣ Каленбергскомъ и современное состояніе британскихъ государственныхъ доходовъ; устройство англійской остъ-индской компаніи и учрежденіе ордена іезуитовъ; исторію развитія собранія земскихъ чиновъ въ Виртембергѣ и происхожденіе англійскаго парламента; состояніе и перемѣны датской канцеляріи въ Копенгагенѣ и право древняго германскаго дворянства на мѣста канониковъ; жизнь испанскаго короля Филиппа V и неравные браки нѣмецкихъ князей; бѣлградскій миръ и возстаніе австрійскихъ Нидерландовъ противъ Іосифа II. Кроме того, онъ писалъ многочисленныя рецензіи на разныя сочиненія по исторіи и церковному праву.

Въ обыкновенныхъ историческихъ книгахъ, особенно о германскихъ государствахъ, Спиттлеръ, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ своей ганноверской исторіи, не нашелъ того, чего искалъ: ни исторіи государственнаго устройства, ни описанія характера и образа жизни предковъ. Въ предисловіи къ своему очерку исторіи европейскихъ государствъ, упоминая о вспыхнувшей между тѣмъ французской революціи, онъ говоритъ, что теперь въ подобныхъ сочиненіяхъ прежде всего представляется вопросъ: когда и какъ возникло третье сословіе? Какъ образовались взаимныя отношенія сословій и отношенія ихъ къ правителю? Какимъ образомъ произошло судебное устройство? Въ какомъ состояніи находились подати и финансы государства? Эту сторону государственной жизни Спиттлеръ всегда имѣлъ въ виду въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и описаніяхъ. Ему ставили въ укоръ такой исключительно политическій взглядъ, который не составляетъ еще полной задачи историка. Подробныя историческія сочиненія Спиттлера, исторіи Виртемберга и Ганновера не заслуживаютъ такого упрека; хотя въ нихъ главное вниманіе обращено на политическое устройство этихъ земель, но не забыта также исторія развитія народа, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова. Также этотъ упрекъ не можетъ касаться спиттлерова очерка исторіи европейскихъ государствъ, потому что здѣсь исключительность политическаго взгляда соответствуетъ самому плану сочиненія.

Итакъ, точка воззрѣнія Спиттлера на политическую судьбу народовъ и духъ, какимъ онъ разсматриваетъ происхожденіе и перемены государственнаго устройства и управленія—тѣ самыя, какіе онъ усвоилъ себѣ въ юности при видѣ борьбы за конституціонныя права своей родины. Этотъ духъ заключается въ любви къ правильно—опредѣленному отношенію между правами народа и властью правительства, въ любви къ постепенному органическому развитію существующихъ учреждений. Онъ представляетъ, какъ опасно, хотя, быть можетъ, искренно, заблуждаются тѣ, которые считаютъ обязанностью всякаго патріота стремиться къ уменьшенію власти правителя и къ увеличенію правъ государственныхъ чиновъ. Но это говоритъ онъ не въ смыслѣ застоя, не въ видахъ сохраненія стараго порядка вещей. «Мы все должны дѣйствовать неутомимо—воскликаетъ Спиттлеръ въ концѣ предисловія ко второй части своей ганноверской исторіи—не должны предпочитать частнаго блага общественному ни предаваться безпечности, какъ будто отцы наши совершили все, что могло быть совершено». «Времена, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не всегда являются сами собою; ихъ иногда надо создавать. Правда, самыя вкусныя плоды созрѣваютъ медленно; благотѣльные послѣдствія трудовъ людей честныхъ и неутомимыхъ обыкновенно обнаруживаются лишь черезъ нѣсколько поколѣній. Но истина, высказанная открыто и благородно, заключаетъ въ себѣ важную силу.

Поэтому, какъ ни интересовало Спиттлера историческое изслѣдованіе великихъ правительственныхъ переворотовъ, каковы англійскій и французскій, но онъ съ особенною любовью останавливался на тѣхъ мѣстахъ исторіи, гдѣ замѣчалъ мирный посѣвъ и спокойное развитіе, предпринятыя при содѣйствіи людей умныхъ и честныхъ. «Это великолѣпное явленіе, говоритъ онъ относительно происхожденія виртембергской конституціи, но оно совершенно въ нѣмецкомъ духѣ. Въ немъ мало тонкой политикѣ, но за то много здраваго смысла, ведущаго прямо къ цѣли. Нѣтъ безпокойнаго духа, легко возбуждаемаго къ подозрѣнію коварствомъ людей честолюбивыхъ, но за то ясное сознаніе того, къ чему должно стремиться, сознаніе, которое не можетъ быть поколеблено никакими происками со стороны эгоистовъ. Много уваженія къ закону и его истиннымъ блюстителямъ, но за то совершенное отсутствіе всякаго раболѣзства. Нѣтъ необузданнаго стремленія къ внезапнымъ переворотамъ, но за то твердый духъ и увѣренность, что то, чего нельзя было совершить сегодня, будетъ совершено завтра».

И съ какииъ воодушевленіемъ Спиттлеръ иногда говоритъ въ подобныхъ случаяхъ! Представивъ происхожденіе и устройство земскаго собранія въ Виртембергъ — этого важнаго учрежденія, онъ съ чувствомъ восклицаетъ: «Да предохранить небо, благословляющее честныхъ и безкорыстныхъ людей, это собраніе отъ всякой порчи! Въ злыя времена деспотизма счастье и несчастье всей страны зависѣли отъ этихъ восьми мужей и одинъ неудачный выборъ земскихъ чиновъ на цѣлое полъ—столѣтіе подвергалъ опасности благоденствіе». Потомъ, изобразивъ различныя слабыя стороны новаго учрежденія, отъ которыхъ оно со временемъ могло придти въ упадокъ, Спиттлеръ старается освободиться отъ этихъ грустныхъ предположеній и снова обращается къ исторіи. «Впрочемъ, говоритъ онъ, новыя учрежденія имѣютъ сходство съ юношами, подающими надежду и которые посылаются въ армію или въ университетъ. Къ чему напрасно тревожить себя мрачными мыслями насчетъ будущности и какъ заранѣе исчислить всѣ mogućія произойти случайности? Надо полагаться и на силу нравственнаго возрожденія, которая въ цѣломъ обществѣ проявляется также, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ и съ удивительнымъ успѣхомъ дѣйствуетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда зло, повидимому, несправимо».

При такой глубоко-вкоренившейся любви къ законному развитію, Спиттлеръ не могъ быть другомъ революцій. Онъ ихъ одинаково ненавидѣлъ, происходили ли онѣ сверху или снизу. О насильственныхъ преобразованіяхъ Іосифа австрійскаго въ Нидерландахъ онъ отзывался съ такою рѣзкостью, которую не могли ослабить ни предположеніе добрыхъ намѣреній этого государя, ни дурныя начала, срывавшіяся въ нидерландскомъ народномъ движеніи. Онъ допускалъ, что въ этомъ движеніи участвовали эскъ—іезуиты и агенты римскаго двора, но полагалъ, что вопросъ о правдѣ и справедливости независимъ отъ всякой личности. По его мнѣнію, здѣсь Іосифъ долженъ былъ бы доказать на дѣлѣ, что онъ желаетъ обращаться съ Нидерландцами, какъ съ вольными людьми. Пусть придворные исторіографы удивляются, отчего нидерландскій народъ изъ одной любви къ свободѣ упорно противится преобразованіямъ, которыхъ не можетъ не признать благотѣльными, — противится единственно потому, что они дѣлаются насильственно». Именно такому благодѣтельному правителю, каковъ Іосифъ, по замѣчанію Спиттлера, слѣдовало бы открыто сказать, что съ уничтоженіемъ всѣхъ преградъ для осуществленія добрыхъ

намѣреній государя, уничтожаются также препятствія для самаго произвола. Самая благодѣтельная мѣра правителя, говоритъ авторъ, если только она противна основаціямъ конституціи, не стоитъ той благодарности, какую заслуживаетъ сохраненіе конституціонныхъ началъ, освященныхъ присягой, обычаями и законами. При самой ограниченной власти можно сдѣлать много добра, исправить множество недостатковъ и даже самыя препятствія, представляемые формою правленія, обратить въ орудіе къ осуществленію благихъ цѣлей. Нѣтъ надобности уничтожать все до основанія». Только крайняя необходимость, какъ наприимѣръ въ Швеціи при Густавѣ III, можетъ оправдать, или, лучше сказать, извинить такую насильственную мѣру. Но подобной необходимости, по мнѣнію Спиттлера, не существовало въ австрійскихъ Нидерландахъ. Едва ли при какомъ нибудь другомъ образѣ правленія, можно было такъ легко устранить всѣ злоупотребленія, не нарушая самой конституціи, если только съ умѣніемъ воспользоваться ея слабыми сторонами.

Замѣчательно, какъ велъ себя Спиттлеръ, когда веныхнула и стала распространяться революція во Франціи. Ходъ, какой приняло впечатлѣніе, произведенное ею въ Германіи вообще, извѣстенъ. Первоначальный восторгъ вскорѣ обратился въ ненависть и проклятіе. Спиттлеръ, напротивъ, сперва изъявлялъ неудовольствіе по поводу энтузіазма своихъ соотечественниковъ, лишеннаго критики, и представлялъ дурныя стороны революціи, а потомъ показывалъ какъ должно понимать это явленіе. Онъ сначала съ негодованіемъ смотрѣлъ на радостные возгласы нѣмецкихъ газетъ, по случаю такого событія, и на неразумный восторгъ, выражавшійся въ парижскихъ письмахъ Кампе, гдѣ мятежные гвардейцы, относительно благородства души, сравнивались съ Сократомъ. Спиттлеръ желалъ успѣха дѣлу французской націи, но полагалъ, что для этого нѣтъ надобности хвалить дурныя средства, употребленныя для достиженія такой цѣли съ самаго начала, ни представлять съ хорошей стороны злодѣйства, совершенныя народомъ, и поощреніе къ этимъ злодѣйствамъ со стороны коварныхъ охлократовъ. Въ особенности онъ не могъ простить графу Мирабо его участіе въ сценахъ 5 и 6-го октября; даже Дюмурье, впоследствии, былъ ему пріятнѣе этого народнаго витія, который при своихъ необыкновенныхъ силахъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ такимъ подлымъ средствамъ. Но независимо отъ этихъ злодѣйствъ, Спиттлеръ находилъ главный недостатокъ революціи въ томъ, что національное собраніе хотѣло создать

совершенно новое правленіе. Постепенно отклоняться отъ старой, слишкомъ изъѣженной колѣи и издавать нѣкоторые новые постановленія и законы, соответствующіе насущнымъ потребностямъ народа, и которыми нестолько совершается внезапный переворотъ, сколько дается новый, болѣе правильный ходъ дѣламъ, — вотъ что, по замѣчанію Спиттлера, совѣтуетъ исторія и знаніе человѣческаго сердца.

Но когда, въ слѣдующіе затѣмъ годы, ужасъ, порожденный французской революціей, произвелъ реакцію въ нѣмецкихъ правительствахъ и когда публицисты, подобные Гиртаннеру, старались представить одну дурную сторону событій, совершавшихся во Франціи, тогда Спиттлеръ рѣшительно перешелъ на другую сторону. Онъ напомнилъ этимъ публицистамъ, что всякій народъ въ критическій моментъ своего возрожденія показываетъ безчисленное множество слабостей и недостатковъ и что изображеніе отдѣльныхъ чертъ въ подобные періоды не можетъ служить къ ясному уразумѣнію сущности дѣла. Во всякой націи, въ минуты такого всеобщаго броженія, выплываетъ наружу столько грязныхъ осадковъ, что тѣ лица, которыя составляютъ главное ядро народа, не могутъ выступить на арену». Такимъ образомъ Спиттлеръ находилъ и воспоминанія много уважаемаго имъ Эрнста Брандеса относительно французской революціи справедливыми на столько, на сколько за двѣсти семьдесятъ лѣтъ справедливо было то, что люди, подобные Эрасму, писали о нѣмецкой реформаціи. «Между тѣмъ у этого послѣдняго явленія заросли родимые знаки и то же самое произойдетъ и съ переворотомъ, совершившимся въ Франціи, Спиттлеръ усердно упрасивалъ Гиртаннера, въ продолженія издававшагося этимъ писателемъ сочиненія (о французской революціи) показать, какъ бесполезно, для предупрежденія народныхъ волненій и переворотовъ, прибѣгать къ уничтоженію просвѣщенія.

Въ направленіи, совершенно противоположномъ взглядамъ этихъ публицистовъ, Спиттлеръ въ то же время написалъ свой очеркъ исторіи европейскихъ государствъ. Здѣсь онъ показываетъ, вслѣдствіе какихъ причинъ во Франціи сдѣлался неизбѣжнымъ разрывъ между народомъ и правительствомъ; какія государственныя учрежденія предохраняютъ Англію отъ подобной же судьбы; при какомъ образѣ правленія Венеція возвышалась и потомъ пала; какія вѣшнія и внутреннія обстоятельства привели къ упадку Польшу и доставили Россіи такое грозное величіе. Изъ этихъ данныхъ выводы выходятъ совершенно другіе, нежели тѣ, какіе представляютъ крайніе поклонники реакціи. Широ-

чемъ, на Англичанъ Спиттлеръ всего менѣе сердился за ихъ отвращеніе къ французской революціи, хотя это отвращеніе имѣло характеръ почти реакціонный. Онъ полагалъ, что въ странѣ подобной Англій, гдѣ самая конституція представляетъ вѣрное средство къ устраненію недостатковъ, реформы могутъ производиться спокойно и хладнокровно.

Замѣчательно, что Спиттлеръ, когда прошли первыя волненія французской революціи, углубился въ разсматриваніе государственнаго переворота, представлявшаго съ нею совершенную противоположность, переворота, совершившагося въ Даніи въ 1660 году. Причины того и другаго явленія были одинаковы: невыносимая неравномѣрность въ распредѣленіи государственныхъ выгодъ и тяжести налоговъ, и недо-ступность аристократіи ко всякому требованію справедливости. Но въ Даніи духовенство перешло на сторону народа, и такъ какъ король имѣлъ причины желать уменьшенія власти дворянъ, то здѣсь революція приняла совершенно другой характеръ: представители средняго сословія и духовенства вскорѣ вошли въ мирное соглашеніе съ королемъ и противъ такого союза не въ силахъ было бороться дворянство. Оттого здѣсь результатъ полученъ былъ не тотъ, котораго съ самаго начала достигли во Франціи: диктатура перешла не въ руки народа и партій, но къ королю. Это была рѣдкая кабинетная продѣлка, какъ выражается Спиттлеръ, которому пріятно было «посмотрѣть и на такую революцію, гдѣ дѣло рѣшалось не силою, а разсудкомъ» и притомъ не только въ началѣ, но и въ продолженіи всего дѣйствія. При всемъ томъ и этотъ мирный переворотъ имѣлъ общій недостатокъ всѣхъ революцій, имевно тотъ, что судьба цѣлага государства предавалась слѣпому случаю. «Самые умные люди не могутъ угадать, чѣмъ кончится начатое дѣло»; какъ во французской революціи едва ли кто изъ дѣйствующихъ лицъ предполагалъ, какой она приметъ оборотъ, такъ въ датской главные виновники, по мнѣнію Спиттлера, вѣроятно удивлены были результатомъ, какого достигли избраннымъ ими путемъ. Маленькое сочиненіе о государственномъ переворотѣ въ Даніи, по своему прагматическому, живому и изящному изложенію, одно изъ лучшихъ, какое когда либо писалъ Спиттлеръ; мы бы сравнили его съ книгою Саллюстія о возмущеніи Катилины, на сколько можетъ быть сравниваемо съ такимъ античнымъ произведеніемъ сочиненіе, написанное совершенно въ духѣ настоящаго времени.

Но отъ оцѣнки отдѣльныхъ историческихъ произведеній Спиттлера насъ отвлекло развитіе его политическихъ взглядовъ, которое мы ста-

рались вывести изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ сочиненій. Поспѣшимъ дополнить упущенное и скажемъ прежде всего одно слово о виртембергской исторіи этого писателя. То обстоятельство, что Виртембергъ былъ любимой родиной автора, родиной, которая срослась съ его душой, придавало этому сочиненію особыя преимущества. Чтобы убѣдиться, стоитъ только сравнить эту исторію съ исторіею Ганновера, вышедшаго изъ-подъ того же пера. Правда, для этого послѣдняго сочиненія Спиттлера менѣе доступны были источники, и онъ менѣе приготовленъ былъ къ такому труду: но не въ этомъ одномъ заключалась причина той работы, которая, по собственному сознанію автора, не дозволяла ему сильными штрихами подробно очерчивать лица и обстоятельства. Съ старинными виртембергскими графами и герцогами, ихъ канцлерами, совѣтниками, придворными проповѣдниками, Спиттлеръ былъ съ юности знакомъ по преданію, а съ страной, ея жителями, ихъ нравами и съ государственными учрежденіями Виртемберга—по самому происхожденію и воспитанію. Такого знакомства онъ, конечно, не могъ имѣть относительно исторіи Ганновера, не смотря на свое продолжительное пребываніе въ этой странѣ и прілежное изученіе ея историческихъ источниковъ. Оттого-то главнымъ образомъ и происходитъ меньшая живость въ изложеніи этого впрочемъ превосходнаго сочиненія, которое въ особенности относительно изображенія переимѣнъ государственнаго устройства и управленія нѣсколько не уступаетъ виртембергской исторіи.

Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ проявляется замѣчательная особенность Спиттлера: въ одномъ изъ нихъ событія прерываются пятьюдесятью, а въ другомъ восемьюдесятью съ небольшимъ, годами ранѣе того времени, когда ихъ излагалъ авторъ. Въ исторіи своей родины осторожный историкъ, хотя и писалъ ее въ качествѣ ганноверскаго профессора, не касается правленія не только жившаго тогда еще герцога Карла, но и отца его Карла Александра; о предшественникѣ этого послѣдняго, Эбергардѣ Людвигѣ, которымъ прекращается одна отрасль вертембергскаго дома, можно было уже говорить свободнѣе въ самомъ Виртембергѣ. Въ предисловіи къ этому сочиненію, авторъ, правда, говоритъ такимъ образомъ, будто намѣренъ изложить слѣдующія затѣмъ событія въ другой части, но эта другая часть никогда не появлялась въ свѣтъ и вѣроятно никогда не предполагалась къ появленію. Ганноверская исторія оканчивается правленіемъ курфюрста Эрнста Августа и въ ней не упоминается о ганноверско-англійскихъ

Георгахъ, изъ которыхъ третій въ то время сидѣлъ на престолѣ. Видно, Спиттлеръ не хотѣлъ ни лгать, ни оскорбить кого бы то ни было грубою правдою. Въ какой степени онъ избѣгалъ послѣдняго обстоятельства, доказываетъ отдаленность описанныхъ имъ событій отъ живой современности. Спиттлеръ былъ остороженъ не только какъ человѣкъ, но и какъ историкъ, и заранѣе взвѣшивалъ послѣдствія, какія могли произойти отъ его поступковъ. Его часто упрекали за то, что онъ свои историческіе рассказы прерываетъ изъ политическихъ расчетовъ. Въ общественной жизни такая расчетливость легко ведетъ къ боязливости. Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми Спиттлеръ былъ до того остороженъ, что въ одной статьѣ съ намѣреніемъ вставилъ букву, измѣнявшую смыслъ, такъ какъ сынъ того человѣка, котораго мнѣніе онъ оспаривалъ былъ его товарищемъ.

Спиттлеръ не могъ довольствоваться тѣснымъ кругомъ исторіи отдѣльныхъ незначительныхъ государствъ, къ которому относятся послѣдніе описанныя нами сочиненія. Его любимой мечтой, которую онъ нерѣдко высказывалъ самъ, было—представить исторію мировыхъ событій трехъ послѣднихъ вѣковъ въ большомъ сочиненіи, содержащемъ до шести томовъ. Лекціи Спиттлера по этому предмету признаются самыми лучшими, какія онъ когда либо читалъ. Но самое сочиненіе никогда не было написано. Только въ видѣ очерка для своихъ лекцій, Спиттлеръ, какъ мы уже замѣтили выше, изложилъ исторію европейскихъ государствъ отъ ихъ происхожденія до новѣйшаго времени (за исключеніемъ Германіи, исторію которой онъ читалъ особо). Чтобы оцѣнить достоинство этого сочиненія, мы уступимъ перо другому судѣ. Каждая страница Спиттлерова сочиненія, говоритъ Шлоссеръ, доказываетъ вѣрный взглядъ автора и быстрое пониманіе главнаго пункта, на который особенно должно обратить вниманіе въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ. Въ этомъ отношеніи грѣшатъ многіе самыя ученые историки. Въ книгѣ Спиттлера съ удивленіемъ видишь, какъ великій человѣкъ, съ врожденнымъ тактомъ, перелистывая источники, опытнымъ взглядомъ въ одну минуту находитъ то, чего другой тщетно ищетъ въ продолженіе многихъ лѣтъ».

Впрочемъ, не меньшее достоинство и не меньшую занимательность представляютъ и болѣе мелкія историческія сочиненія Спиттлера. Даже они отчасти, по своему свободному изложенію, болѣе для насъ привлекательны. Около одной трети изъ нихъ (если исключить сочиненія теологическія) касаются исторіи Виртемберга; первое мѣсто между

ними занимаютъ исторія собранія земскихъ чиновъ и исторія коллегіи тайнаго совѣта: послѣднее сочиненіе относится уже къ позднѣйшему періоду жизни автора, но написано совершенно въ духъ перваго. Оба они показываютъ рѣдкое искусство Спиттлера рельефно и въ связи изображать происхожденіе и дальнѣйшее развитіе государственнаго учрежденія, его судьбу въ различные періоды, его успѣхи и препятствія, противопоставляемыя имъ различными личностями, его упадокъ и возрожденіе. Авторъ представляетъ намъ это явленіе такъ превосходно, что оно на нашихъ глазахъ, подобно растенію, какъ будто восходитъ, развивается, даетъ цвѣты, подвергается дурному и хорошему вліянію окружающей его атмосферы и наконецъ разрушается. Изображеніе характеровъ нѣкоторыхъ правителей и министровъ, описанныхъ Спиттлеромъ въ нѣсколькихъ ловкихъ чертахъ, но чрезвычайно живо, показываетъ, что онъ не только былъ тонкій политикъ, но и отличный психологъ. Множество психологическихъ замѣчаній, глубокихъ и мѣткихъ, разсыяно въ сочиненіяхъ этого автора. Какое обширное примѣненіе, напримѣръ, предоставляетъ слово, сказанное въ означенной нами исторіи собранія земскихъ чиновъ: «Герцогъ Карлъ, безспорно, былъ умный и мудрый государь, но его поступки не всегда служили тому доказательствомъ». Сколько смысла и сколько юмора заключается въ выраженіи объ одномъ знаменитомъ вюртембергскомъ прелатѣ: «Онъ, безъ сомнѣнія, былъ, вообще, честный человѣкъ; но частности, изъ которыхъ состоитъ честность подобныхъ людей, представляютъ столько несообразныхъ чертъ, что надо удивляться, какъ изъ нихъ составляется такое цѣлое». Но верховъ совершенства, въ отношеніи психологическаго развитія, и истинной жемчужиной между сочиненіями Спиттлера служитъ его разсужденіе о религіозной перемѣнѣ Христофа Безольда. «Ни одинъ человѣкъ не дѣлается вдругъ тѣмъ, что онъ есть», такова тема этого сочиненія, которое представляетъ намъ загадочное, коварное отступничество одного ученаго, скромнаго и долгое время безукоризненнаго человѣка отъ вѣры его предковъ и отъ религіозной партіи его соотечественниковъ. Авторъ такъ хорошо объясняетъ это явленіе самымъ характеромъ этого лица, смѣсью его добрыхъ качествъ и недостатковъ, его связями и отношеніями къ окружающему міру, что для насъ исчезаетъ загадка и мы передъ собою видимъ человѣка, котораго должны осуждать, но о которомъ не можемъ не сожалѣть. Другою жемчужиною между этими мелкими произведеніями служитъ сочиненіе о курфирствѣ пфальцскомъ,

Фридрихъ Побѣдоносномъ и о Кларѣ Деттинъ, аугсбургской. Это сочиненіе, написанное въ видѣ демонстраціи протѣвъ притязаній дома Левенштейнъ на курфиршество Пфальцское, представляетъ прелестную идиллію любви государя древнихъ временъ. Оно отличается пріятною игрою цвѣтовъ, подобно блестящей матеріи, безпрестанно мѣняющей складки, и легкою пронією, которою оно проникнуто съ начала до конца. Мы, не задумываясь, можемъ сказать, что сочиненіями, подобными послѣднимъ двумъ, Спиттлеръ и въ отношеніи формы становится въ первые ряды нѣмецкихъ авторовъ.

Удивительно, что послѣ смерти Спиттлера, его друзья, въ статьяхъ, посвященныхъ его памяти, почти снисходительно отзываются о его слогѣ. Гееренъ изъявляетъ сожалѣніе, что Спиттлеръ не написалъ болѣе обширнаго историческаго сочиненія, но въ то же время выражаетъ сомнѣніе, чтобъ этотъ историкъ въ состояніи былъ овладѣть хорошимъ историческимъ изложеніемъ и стать на ряду нѣмецкихъ классиковъ. Также и Планкъ полагаетъ, что въ произведеніяхъ Спиттлера довольно встрѣчается достоинствъ, составляющихъ сущность хорошаго слога, хотя въ нихъ замѣчается иногда недоконченность въ округленіи періодовъ и въ изображеніи картинъ. Странно, но очевидно: слогу Іоанна Миллера въ то время сбивалъ съ толку относительно этого предмета даже такихъ писателей, которые, подобно Планку и Геерену, не могли ему сочувствовать. То несомнѣнно, что слогу этихъ двухъ заслуженныхъ историковъ, выразившихъ такое мнѣніе, далеко уступаетъ слогу Спиттлера. Слогу Геерена въ особенности, быть можетъ, глаже и правильнѣе спиттлерова, но за то отличается меньшею живостью. Но Гееренъ, находя въ Спиттлерѣ недостатокъ настоящаго историческаго слога, вѣроятно, разумѣетъ тоже, чего не одобрялъ и Вольгманъ, что Спиттлеръ часто отъ историческаго изложенія переходитъ въ дидактическое и прерываетъ рассказъ разсужденіями и наставленіями, и что самая любимая его форма изложенія составляетъ смѣсь повѣствованія съ представленіемъ политическихъ взглядовъ. Это, быть можетъ, ошибка противъ строгихъ законовъ историческаго писанія; но Спиттлеръ былъ не только историкъ, но и политикъ, и эта двойственность природы ясно выражается въ его способѣ изложенія. Многіе упрекали его также за обыкновеніе говорить объ историческихъ событіяхъ намеками, — недостатокъ, особенно непріятный для тѣхъ, кто не знакомъ съ историческими фактами. Въ обоихъ сочиненіяхъ, гдѣ особенно замѣчается этотъ не-

достатокъ, въ очеркѣ церковной исторіи и въ очеркѣ исторіи европейскихъ государствъ, онъ объясняется и оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что обѣ эти книги назначались для лекцій и что по этому недосказанное въ печати предполагалось дополнить изустно. Правда, такая манера писать весьма недалеко отъ той, которая показываетъ пренебреженіе къ читающей публикѣ, но въ этомъ послѣднемъ недостатокѣ нельзя упрекать Спиттлера. Независимо отъ особенной исторической точки воззрѣнія и только въ отношеніи вѣтшей формы постройки періодовъ, слогъ этого автора не всегда совершенно округленъ и совершенно плавенъ; но онъ представляетъ тѣсное сродство съ слогомъ Лессинга: всегда живъ и увлекателенъ, иногда поразителенъ и, смотря по надобности, то рѣзокъ и юмористиченъ, то нѣженъ и мягокъ. Мѣстами онъ можетъ казаться манернымъ, но то, что такъ вѣрно выражаетъ характеръ и образъ мыслей человѣка, не можетъ назваться манерностью, а развѣ только особенностью; мы готовы сравнить слогъ Спиттлера съ лицомъ, которое, не отличаясь правильными, изящными чертами, неотразимо привлекаетъ насъ оригинальностью выраженія.

Занимаясь такими трудами, отличаясь на своей профессорской кафедрѣ и пользуясь возрастающею литературною славой, домашнимъ счастьемъ, уваженіемъ своихъ товарищей и любовью нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, близкихъ друзей, Спиттлеръ все-таки не думалъ навсегда оставаться въ этомъ положеніи. Еще гораздо прежде, чѣмъ онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, его друзья уже знали, что онъ вовсе не хочетъ умереть профессоромъ. Онъ выразилъ опасеніе пережить самого себя въ качествѣ доцента и быть вытѣсненнымъ на задній планъ какимъ нибудь новымъ молодымъ талантомъ, какъ это случилось, черезъ него же самого, съ Гаттереромъ и Шлецеромъ. Такое опасеніе вовсе не чуждо его осторожнаго характера, но оно не было настоящею причиною намѣренія, принятаго Спиттлеромъ. Мы уже замѣтили, что онъ былъ не только историкъ, но и политикъ, и это политическое стремленіе не находило удовлетворенія въ академической карьерѣ. Лѣтомъ 1796 года Спиттлеръ съ большимъ успѣхомъ читалъ лекціи о политикѣ и находилъ теперь, какъ самъ онъ писалъ о томъ Вольтману, болѣе пріятнымъ развивать свой предметъ философски, нежели излагать его исторически. Но его влекло къ политической дѣятельности на практикѣ, и это стремленіе не было суетнымъ желаніемъ. Спиттлеръ болѣе многихъ другихъ

имѣлъ права домогаться политической роли. Кромѣ знанія политики онъ обладалъ наружностью, внушающею уваженіе, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, испытаннымъ не только на кафедрѣ, ловкимъ обращеніемъ, пониманіемъ людей и умѣніемъ пользоваться ихъ слабостями, причемъ не чуждъ былъ нѣкоторой склонности къ пнтригѣ. При всемъ томъ, онъ въ своей виртембергской исторіи сдѣлалъ замѣчаніе, что переходъ отъ кафедры въ кабинетъ рѣдко бываетъ удаченъ. Вѣроятно, онъ считалъ себя исключеніемъ изъ этого правила, такъ какъ, не смотря на то, домогался такого перехода. Такъ онъ еще въ восьми-десятихъ годахъ воспользовался дружбою съ Коппе, возвышавшимся въ то время на поприщѣ жизни и пріобрѣтавшимъ вліяніе въ политическомъ обществѣ и старался быть представленнымъ не только въ орденъ франкмасоновъ, но и въ правительственные круги столицы. Но предпріимчивый придворный священникъ умеръ для него слишкомъ рано. Мы не знаемъ, имѣло ли путешествіе, которое Спиттлеръ предпринялъ въ 1788 году въ Мюнхенъ, Вѣну и въ Швейцарію, какую нибудь связь съ его планами относительно перемѣны карьеры; но во всякомъ случаѣ, оно доставило ему, также какъ и путешествіе на коронацію Леопольда II, въ свитѣ ганноверскаго посольства, кромѣ новыхъ предметовъ для наблюденія, знакомство съ разными лицами, которыя могли быть ему полезными для достиженія его цѣли. Намѣреніе, о которомъ иногда говорилъ Спиттлеръ, основать въ какомъ нибудь болѣе свободномъ пунктѣ Германіи политическую газету, соотвѣтствовало способностямъ, но не характеру этого человѣка. Наконецъ, онъ остановилъ свое вниманіе и относительно своихъ плановъ на будущность на виртембергской родинѣ, отъ которой никогда, впрочемъ, не отклонилась его привязанность.

Пока тамъ царствовалъ герцогъ Карлъ, для человѣка, подобнаго Спиттлеру, не могло въ этомъ отношеніи существовать никакой надежды. По смерти этого правителя, осенью 1793 года, талантливые люди приняли участіе въ дѣлахъ правленія. Послѣ Карла, одинъ за другимъ царствовали два его брата, и въ это время, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ вмѣстѣ съ французскими войсками революціонныхъ идей, все въ Виртембергѣ пришло въ броженіе. Младшій изъ этихъ двухъ братьевъ, Фридрихъ Эженъ, побуждаемый необходимостью удовлетворить требованіемъ Морю, долженъ былъ созвать сеймъ для совѣщанія относительно сбора военной контрибуціи. Это былъ первый сеймъ послѣ двадцати пяти лѣтъ. Тогда всякій поспѣшлялъ

подать свой голосъ и появилось болѣе полутора ста сочиненій, съ проектами относительно улучшенія государственныхъ дѣлъ и относительно приведенія въ ходъ правительственной машины, согласно требованіямъ времени. Спиттлеръ съ участіемъ слѣдилъ въ Геттингенѣ за движеніями своей родины и даже вмѣшался въ ряды анонимныхъ писателей проектовъ. Подъ заглавіемъ дополнительной инструкціи, данной городскимъ собраніемъ въ N. депутату, отправляемому на виртембергскій сеймъ, онъ въ 1796 году изложилъ свое мнѣніе о современныхъ вопросахъ. Здѣсь онъ предлагалъ свои совѣты въ народномъ тонѣ, согласно требованіямъ принятой имъ роли, ясно и мѣстами съ теплымъ чувствомъ патріота. Въ этихъ совѣтахъ проглядываетъ превосходное знаніе отечественныхъ учрежденій и исторіи, любовь къ прогрессу, а также и ненависть ко всякому насильственному перевороту. Всякій гражданинъ, по замѣчанію автора, долженъ содѣйствовать, «къ приведенію отечества, посредствомъ благовременныхъ полезныхъ перемѣнъ, въ такое состояніе, чтобъ никогда не могла встрѣтиться необходимость въ совершенномъ преобразованіи». Власть земскихъ чиновъ, которая въ прежнія времена стиралась неодолюемо, Спиттлеръ желалъ возстановить въ томъ видѣ, въ какомъ она первоначально опредѣлена была предками. Онъ началъ противодействовать злоупотребленіямъ поддержаніемъ и уславленіемъ коллегіальнаго правленія; запрещеніемъ отставлять совѣтниковъ отъ должностей безъ судебного приговора; уничтоженіемъ преимущества дворянъ относительно исключительнаго занятія высшихъ должностей и созываніемъ сеймовъ въ опредѣленные сроки. Пришедшему въ упадокъ учрежденію земскихъ чиновъ, Спиттлеръ хотѣлъ помочь распространеніемъ условій, дающихъ право быть избраннымъ въ представители и преимущественно реформою, употреблявшейся при этомъ, избирательной системы. Но даже и этого мѣста древней виртембергской конституціи, этого собранія, которое, подобно чужающему растенію, мало по малу высосало всякое значеніе у государства и даже у самаго сейма, нашъ профессоръ касается весьма осторожно. Онъ на первый разъ не рѣшаетъ вопроса, должно ли у собранія отнять опасное право самому дополнять недостающее число своихъ членовъ. Чтобы предупредить вступленіе въ это число людей неспособныхъ и недостойныхъ, онъ полагаетъ нужнымъ подвергать всякаго вновь избраннаго кандидата предварительному испытанію. Но истинный государственный человѣкъ высказывается въ Спиттлерѣ, когда

онъ настаиваетъ на строгомъ контролѣ, на подробной отчетности и гласности въ дѣлахъ земскаго правленія, когда онъ совѣтуетъ не приниматься разомъ за все и когда онъ представляетъ, что первое необходимое условіе для приведенія государства въ цвѣтущее состояніе заключается въ учрежденіи лучшихъ воспитательныхъ заведеній и въ развитіи народнаго образованія. При этомъ онъ имѣетъ въ виду также распространеніе условій, доставляющихъ право быть избраннымъ въ члены собранія земскихъ чиновъ. «Мы должны теперь всѣми силами стараться, замѣчаетъ Спиттлеръ, приобрести какъ можно болѣе свѣдущихъ и опытныхъ людей, а ничто такъ не содѣйствуетъ образованію, если только есть желаніе трудиться и способности, какъ занятіе важными дѣлами и участіе въ великихъ интересахъ». Онъ поднялъ также вопросъ о гражданскихъ школахъ и о семинаріяхъ для образованія учителей, — вопросъ, осуществленіе котораго относится къ позднѣйшему времени.

Естественно, что такое сочиненіе, котораго авторъ не долго оставался неизвѣстнымъ, должно было въ Виртембергѣ обратить всеобщее вниманіе на соотечественника, прославившагося за—границей. Казалось полезнымъ воспользоваться его содѣйствіемъ въ предполагаемыхъ реформахъ. Говорятъ, что его думали назначить совѣтникомъ собранія земскихъ чиновъ на то самое мѣсто, которое нѣкогда съ такимъ достоинствомъ занималъ Іоганнъ Якобъ Мозеръ. Правительство также не прочь было имѣть сотрудникомъ человека, который въ своемъ сочиненіи такъ усердно хлопоталъ о сохраненіи равновѣсія между правами государя и правами земскихъ чиновъ. Спиттлеръ самъ могъ одинаково склоняться на ту и на другую сторону. Независимо отъ болѣе блестящаго положенія, онъ могъ надѣяться, на мѣстѣ совѣтника зрѣлаго и благонамѣреннаго государя, найти болѣе обширное поприще дѣйствія и встрѣтить менѣе препятствій къ осуществленію своихъ благихъ намѣреній, нежели на службѣ такой старой, закурузлой олигархіи, какую представляло земское собраніе. Поэтому нельзя еще упрекать Спиттлера за то, что онъ, рѣшившись однажды промѣнять академическую карьеру на государственную дѣятельность, принялъ предложеніе вступить на службу герцога Фридриха Эжена въ качествѣ тайнаго совѣтника. Притомъ его влекло на родину, куда, какъ онъ могъ полагать, его призывали для развитія старинныхъ политическихъ учреждений. Это было въ мартѣ 1797 года, въ то самое время, когда въ Виртембергѣ собрался сеймъ, о которомъ такъ много говорили.

Но, конечно, Спиттлеръ при этомъ долженъ былъ имѣть въ виду

одно весьма важное обстоятельство. Герцогъ, призывавшій его на службу, былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, котораго здоровье было разстроено семилѣтнею войною. Что его сынъ, принцъ Фридрихъ, будущій преемникъ престола, своими наклонностями походилъ на герцога Карла, это ни для кого не было тайной. Но Спиттлеръ могъ надѣяться, что старый господинъ, несмотря на свои слабыя силы, проживетъ еще нѣсколько лѣтъ и что въ это время удастся сдѣлать много полезнаго для отвращенія будущихъ бурь. Но девять мѣсяцевъ спустя послѣ занятія Спиттлеромъ новой должности, герцогъ Фридрихъ Эженъ внезапно скончался въ концѣ 1797 года.

Первое время правленія его сына и преемника, по обыкновенію, было довольно мирно. Но уже по прошествіи полугода возникли несогласія между герцогомъ и земскими чинами по поводу чрезмѣрныхъ расходовъ на войско. Эти несогласія продолжались цѣлыхъ восемь лѣтъ, причѣмъ постоянно возрастало упорство съ одной стороны и насиліе съ другой. Спиттлеръ могъ не одобрять земскаго собранія за то, что оно иногда безъ надобности отказывало требованіямъ герцога и дозволяло себѣ переступать за предѣлы своихъ правъ; но еще менѣе ему могло нравиться стремленіе къ совершенному произволу, обнаруживавшееся въ правителѣ. Передъ нами находятся два мнѣнія, юданныя Спиттлеромъ въ тайномъ совѣтѣ еще въ первые, довольно сносные годы правленія герцога Фридриха. Первое изъ этихъ двухъ мнѣній, относящееся къ 1798 году, особенно показываетъ, какъ виртембергскій тайный совѣтникъ умѣлъ выпутываться изъ затруднительнаго положенія, въ которое ставили его воля правителя и желаніе дѣйствовать согласно своей собственной совѣсти. Спиттлеръ здѣсь отговариваетъ герцога представить споръ съ земскими чинами на судъ императора и при этомъ самую убѣдительною причиною выставляетъ, что такой шагъ болѣе послужитъ къ выгодѣ, чѣмъ къ невыгодѣ собранія. Онъ совѣтуетъ продолжительными переговорами стараться склонить чины къ уступкѣ, но при этомъ остерегаться вооружить противъ себя общественное мнѣніе и въ особенности не предпринимать никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ такъ называемаго революціоннаго образа мыслей. Едва ли Спиттлеру всегда удавалось, въ качествѣ тайнаго совѣтника Фридриха, такъ ловко выпутываться изъ своего затруднительнаго положенія и согласовать волю правителя съ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ.

Осенью, 1805 года, герцогъ присоединился къ Наполеону, а потомъ, принявъ королевскій титулъ, уничтожилъ земское собраніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что такая мѣра, не смотря на нравственный упадокъ этого собранія, должна была Спиттлеру казаться неудачною. Если онъ уже Иосифу II, не смотря на его добрыя намѣренія, не извинялъ нарушенія нидерландской конституціи, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ негодовать на поступокъ Фридриха. Но, быть можетъ, его утѣшало то обстоятельство, что еще сохранилась коллегіальная система въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ. Исторія Виртемберга представляла примѣры, что коллегіи противились злоупотребленіямъ тогда какъ земское собраніе хранило молчаніе. Спиттлеръ зная, что «въ нѣкоторыхъ странахъ хорошее коллегіальное правленіе служить лучшею защитою общественнаго блага, нежели земская конституція». Главная сила не въ томъ, чтобы собраніе состояло изъ выборныхъ людей, но въ томъ, чтобы большинство членовъ отличались умомъ и честностью, собирались часто и въ опредѣленное время, дѣйствовали единодушно и не скрывали своихъ совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Таково было убѣжденіе Спиттлера еще до вступленія на виртембергскую службу; Спиттлеръ не дожидъ до формальнаго уничтоженія коллегіальной системы и до замѣны ея бюрократическимъ устройствомъ правленія.

Еще въ годъ смерти конституціи, Спиттлеръ возведенъ былъ въ званіе барона, сдѣланъ государственнымъ министромъ и украшенъ въноя учрежденнымъ гражданскимъ почетнымъ орденомъ. Были ли эти отличія въ числѣ причинъ, удерживавшихъ его на службѣ государя? Другъ Спиттлера, Гуго, находитъ это вѣроятнымъ; также и Шлоссеръ полагаетъ, что этотъ тонкій дипломатъ еще въ Геттингенѣ имѣлъ въ виду сдѣлаться современемъ министромъ. Какъ бы то ни было, но навѣрно Спиттлеръ никогда не желалъ сдѣлаться министромъ такого государя, какимъ былъ король Фридрихъ. Хотя онъ не покидалъ его службы, но ужъ никакъ не согласился бы поступить въ нее, еслибъ ему еще только предстоялъ выборъ. Анекдотъ, заимствованный изъ вѣрнаго источника, показываетъ отношенія Спиттлера къ этому правителю и вообще состояніе виртембергскаго двора. Когда, послѣ жаркаго пренія объ одномъ политическомъ вопросѣ, Спиттлеръ выходилъ изъ аудіенціи, король побѣждалъ вслѣдъ за нимъ, схвативъ съ камня раскаленную щипцы. Министръ, замѣтивъ это, обернулся и пристально взглянулъ на государя, который, опомнившись, спокойно опустилъ свое орудіе. Спиттлеръ, навѣрно, никогда не работцествовалъ но въ то же время не покидалъ своей службы.

Онъ теперь въ одно и то же время былъ сдѣланъ главнымъ по-

печителем тубингенскаго университета и президентом дирекціи народнаго образованія. При этомъ нельзя не вспомнить Іоганна Миллера, который нѣсколько позже занялъ такое же положеніе во вновь учрежденномъ Вестфальскомъ королевствѣ. Подобно Миллеру, Спиттлеръ, быть можетъ, главнымъ образомъ утѣшался тѣмъ, что въ этомъ новомъ положеніи могъ сдѣлать добро дѣлу народнаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи воспрепятствовать злу. Онъ не могъ воспрепятствовать, чтобы и виртембергскій университетъ не лишился своей самостоятельности и прежнихъ правъ; за то онъ былъ этому заведенію весьма полезенъ, основавъ въ немъ клинику и ботаническій садъ. При этомъ Спиттлеръ оставался членомъ государственнаго министерства; но такъ какъ онъ не вошелъ въ кругъ довѣренныхъ людей короля и имѣлъ обязанностью завѣдывать народнымъ образованіемъ, то по настоящему былъ удаленъ отъ дѣлъ правленія. Такимъ образомъ, его желаніе политической дѣятельности, для котораго онъ покинулъ академическую карьеру, не осуществилось. Впрочемъ, Спиттлеръ могъ утѣшаться тѣмъ, что это обстоятельство отклоняло отъ него отвѣтственность за правительственныя дѣйствія короля Фридриха.

Какой-то древній мудрецъ сказалъ, что и при дурномъ правителѣ великіе люди могутъ быть полезными. Конечно, это было бы несчастіемъ для Виртемберга, еслибъ всѣ честные люди, недовольные Фридрихомъ, захотѣли оставить государственную службу. Но то, что можетъ служить извиненіемъ для обыкновеннаго чиновника, не должно быть оправданіемъ для Спиттлера. Онъ прежде дѣйствовалъ на обширѣйшемъ поприщѣ, въ качествѣ преподавателя и литератора, и глаза многихъ были устремлены на него, какъ на значительный авторитетъ. Поэтому онъ и на службѣ обязанъ былъ поддерживать политическіе принципы, которые проповѣдывалъ на кафедрѣ и въ своихъ сочиненіяхъ; въ качествѣ государственнаго челоуѣка онъ не долженъ былъ уронить историка. Кому могло быть извѣстно, много ли или мало онъ принималъ участія въ томъ, что происходило въ Виртембергѣ? Полагали, что еслибъ ему не нравилось это мѣсто, то онъ бы не продолжалъ служить. Носятя анекдотъ, что какой-то подчиненный, сдѣлавшій неблагопріятное замѣчаніе, на вопросъ, гдѣ онъ набрался такихъ мнѣній, отвѣчалъ Спиттлеру: у васъ, ваше превосходительство. Этотъ анекдотъ похожъ на вымыселъ, но уже и то обстоятельство, что на Спиттлера можно было сочинять подобныя исторіи, служить ему укоромъ.

Другой вопросъ, куда было дѣваться Спиттлеру въ случаѣ отставки? Въ то время не только Виртембергъ, но и свѣтъ былъ въ ненормальномъ положеніи. Въ Германіи и даже вообще на континентѣ господствовали неволя, нужда и насиліе. Спиттлеръ дѣйствительно въ тѣ годы имѣлъ въ виду, если дѣла пойдутъ черезчуръ дурно, искать убѣжища и политической дѣятельности въ Англіи. Этотъ планъ онъ вѣроятно и привелъ бы въ исполненіе, еслибъ его преждевременно не постигла смерть. Такимъ образомъ Спиттлеръ своимъ положеніемъ въ обществѣ представляетъ сплетеніе судьбы и собственной вины, слабости и несчастія, сплетеніе, въ которомъ едва можно отличить отдѣльныя нити. Онъ, конечно, могъ остаться профессоромъ въ Геттингенѣ, но его нельзя бранить за то, что онъ покинулъ это мѣсто, если не ставить подобному человѣку въ вину недостаточное вниманіе къ зловѣщимъ признакамъ грядущихъ бѣдственныхъ временъ. Мѣсто въ Стуттгартѣ съ каждымъ годомъ становилось ему все болѣе несноснымъ, но въ то же время съ каждымъ годомъ дѣлалось все болѣе затруднительнымъ рѣшеніе вопроса: куда дѣваться?

Во всякомъ случаѣ, Спиттлеръ былъ жестоко наказанъ, если только вообще заслуживалъ наказанія. На государственномъ поприщѣ онъ не могъ принести никакой значительной пользы, а литературная его дѣятельность была прервана среди успѣховъ, не столько по случаю служебныхъ занятій, сколько потому, что нельзя было сказать свободнаго политическаго слова. Поэтому Спиттлеръ въ 1805 году могъ еще самъ приготовить новое изданіе своей церковной исторіи; но когда понадобилось подобное же изданіе его очерка исторіи европейскихъ государствъ и когда оказалось желательнымъ дополнить этотъ очеркъ позднѣйшими событіями, то авторъ представилъ этотъ опасный трудъ постороннему человѣку. За то онъ занялся другими, болѣе мелкими историческими работами, которыя онъ назначалъ къ изданію на будущее время. Такимъ образомъ онъ писалъ: исторію виртембергской коллегіи тайнаго совѣта, исторію договора о наслѣдствѣ, заключеннаго при герцогѣ Карлѣ, и исторію отношенія герцога Эбергарда Людвигъ къ знаменитой Гревеницъ. Всѣ эти сочиненія найдены послѣ смерти автора, въ его бумагахъ, къ несчастію неоконченными. Они написаны съ тою же свѣжестью духа и съ тою же ловкостью относительно формы, какими отличались и прежнія сочиненія Спиттлера, и въ то же время доказываютъ, что

авторъ въ душѣ оставался вѣренъ своимъ политическимъ взглядамъ. Поэтому-то онъ иногда и находилъ нужнымъ отправить эти и другія бумаги къ своимъ друзьямъ и родственникамъ, такъ какъ не считалъ себя безопаснымъ.

При такомъ затруднительномъ положеніи, Спиттлеръ все болѣе и болѣе становился мрачнымъ; его прежняя веселость исчезла и уступила мѣсто дурному расположенію духа, которое сильно повредило его здоровью. Когда осенью 1808 года въ Стуттгартъ пріѣхалъ его геттингенскій другъ Гуго, то уже нашелъ Спиттлера съ несомнѣнными признаками водяной болѣзни. Больной не могъ скрыть своего неприятнаго положенія, но по крайней мѣрѣ не показывалъ никакого сожалѣнія на счетъ выбора карьеры. Но другъ, по своей медицинской опытности, зналъ, что водяная болѣзнь часто происходитъ отъ печали и огорченія, и это замѣчаніе тяжелымъ бременемъ легло ему на сердце. Прощаніе ихъ было грустно, такъ какъ оба чувствовали, что они, какъ выразился въ послѣдствіи Спиттлеръ въ письмѣ къ Гуго, «не увидятся болѣе по сую сторону луны». «Но, прибавляетъ затѣмъ нашъ историкъ, благодаря Провидѣнію, мы провели вмѣстѣ на этомъ свѣтѣ много счастливыхъ дней». Полтора года спустя, 14 марта 1810 года, Спиттлеръ скончался, не достигнувъ пятидесяти восьми лѣтъ.

При этомъ случаѣ, Гуго намъ сообщаетъ одно обстоятельство, незначительное само по себѣ, но трагическое и довольно поучительное въ своемъ родѣ. Какъ вѣрный супругъ, Спиттлеръ всегда желалъ обезпечить судьбу своей жены. Еще въ Геттингенѣ, онъ сильно хлопоталъ, чтобы вдовьей кассѣ, учрежденной профессорами, дано было такое устройство, по которому, при болѣе значительномъ взносѣ, мужъ могъ надѣяться, что, послѣ его смерти, вдова его будетъ получать и болѣе значительную пенсію. Едва ли бы Спиттлеръ, на сколько зналъ его Гуго, согласился принять мѣсто въ Виртембергѣ, еслибъ коренной законъ виртембергской конституціи не обезпечивалъ за вдовою тайнаго совѣтника еще лучшаго содержанія. Но между тѣмъ король Фридрихъ уничтожилъ конституцію и когда скончался Спиттлеръ, его величество не признало за благо назначить вдовѣ его пенсію. И такъ, можно сказать, Спиттлеръ вдвойнѣ ошибся — и въ своей жизни и въ своей смерти.

Фрина.

I.

У Фрины пиръ. Давно Афины
Въ тиши уснули мирнымъ сномъ,
Лишь у одной развратной Фрины
Огнями блещетъ шумный домъ.
Вокругъ стола, наливъ потёры
Виномъ душистымъ, всё въ цвѣтахъ,
Едва прикрытыя гетеры
Лежать на пурпурныхъ коврахъ;
И между нихъ, какъ перлы пира, —
Аѳинскихъ гражданъ лучшій цвѣтъ:
Съ улыбкой пьянаго сатира
Вожди, философы, поэтъ,
И демагоги, и ваятель —
Всѣ бодро пьютъ, и сна имъ нѣтъ!
И лишь застольный предсѣдатель
Заснулъ архонтъ, румянь и сѣдъ, —
И кто-то вдругъ, для смѣха, шляпу
Его надѣлъ на плешь Приапу.

Забыто все: народа боль,
Дѣла, политика и драмы —
И жжетъ ихъ только эпиграммы
Одна аттическая соль.
Тамъ все покорно сладострастью
Передъ всемогущей, пылкой властью

Богини-Фрины,—не забыть
 При ней одинъ лишь аппетитъ.
 На блюдахъ третью перемяну
 Рабы азійскіе несутъ,
 И гости шумные на сцену
 Плясать танцовщицу зовутъ.
 И вотъ харита Лезбіанка
 Выходитъ къ нимъ изъ-за колоннъ:
 Ея глаза, ея осанка
 И гибкій станъ—со всѣхъ сторонъ
 Срываютъ крики удивленья.
 Но вотъ аккордъ, но вотъ поклонъ,
 Вотъ стройно-легкія движенья...—

Она танцуетъ и сжигаетъ
 Огнемъ любви мужей и дѣвъ,
 То вдругъ летитъ, то замираетъ
 Подъ іоническій напѣвъ.
 И гордой Фрины страсть и ласку
 Ея любовникъ Гиперидъ
 Забылъ въ тотъ мигъ—и только пляску
 Очами страстными слѣдитъ.
 А Фрина видитъ по обиду
 Ей въ скрытой рѣвности—не снести.
 И за измѣну Гипериду
 Она въ душѣ готовитъ месть.
 Всѣ гости пляскѣ рукоплещутъ,
 Гитеръ вниманьемъ не дая,—
 И взоры Фрины пылко блещутъ,
 Лезбосской страстию горя.
 И подзывая Лезбіанку
 Она ей лечь съ собой велитъ
 И всѣхъ на новую приманку
 Коварно дразнить и манить;
 И приказавъ налить потери,
 Съ застольной статуи Клееры
 Вѣнокъ священный сорвала,
 И увѣнчавъ чело хариты,
 Во славу новой Афродиты
 Заздравный кубокъ подняла.

Смущались гости: богохулень
 Казался всѣмъ ея порывъ.
 Какъ знать? Доносъ теперь не мнѣ:
 Имъ каждый шагъ подкараулень,
 А въ этотъ разъ онъ и неживъ!
 И пиръ ужъ не былъ такъ разгулень...
 Но Фринѣ—смѣхъ! Ей все равно!
 Пусть на нее шпионъ доноситъ!
 Что ей доносъ, коль сердце просить
 Отмщенья—и отместить должно!
 И вся отдавшись поцѣлюю,
 На всю бесѣду круговую
 Она презрительно глядитъ,
 И Лезбіянку молодую
 Держа въ объятяхъ, говорить:

«Вы жѣлки всѣ!.. Вы испугались!..
 Чего жъ? Правдивой похвалы?!
 Зачѣмъ же ею вы плѣнялись,
 Когда вы духомъ такъ малы?
 Кто жъ былъ межъ вами Эллинь истый,
 Титаны словъ, пигмеи дѣлъ,
 Коль даже Гиперидъ рѣчистый
 Благоразумно присмирѣлъ?!
 Вы жалки миѣ! И я отнынѣ
 Не протяну руки мужинѣ!
 Кипридѣ съ вами—не служу!
 И все презрѣнье къ вамъ, безгласнымъ,
 Къ вамъ, каплунамъ трусливо-страстнымъ,
 На вашемъ богѣ докажу!»!

И вдругъ, на страхъ и диво пиру,
 Она къ Пріапу подошла
 И плюнула въ лицо кумиру.
 И свергла на полъ со стола.
 И разошлись, краснѣя, гости,
 Кто отъ стыда, а кто отъ злости,
 И всякъ изъ нихъ съ собой унесъ
 Боязнь за будущій доносъ.
 Лишь Гиперидъ остался съ Фриной,
 Но какъ ни льстилъ у милыхъ ногъ, —

Въ разгадку выпытать не могъ
 Отъ ней онъ мысли ни единой,
 И въ эту ночь изъ милыхъ глазъ,
 Встрѣчалъ насмѣшку и отказъ!..

II.

Враговъ у Фримъ есть не мало,
 А Эвтій—первый: драглъ архонтъ, —
 Но переплыть бы Геллеспонтъ,
 Кажись, готовъ, во что бъ ни стало,
 Лишь только бъ Фрину погубить
 За то, что та не отвѣчала
 Ему, когда ханжа сначала
 Хотѣлъ любовь ея купить.

* * *

И вотъ, на утро, всѣ Аѳины
 Ужъ возмущилъ поступокъ Фримы,
 И къмъ-то сдѣланный доносъ
 Въ совѣтъ мужей Ареопага
 На разсмотрѣнье Эвтій внесъ,
 А съ нимъ предстала на допросъ
 И жесвидѣтелей ватага.

Предъ царскимъ портикемъ народъ,
 Повсюду говоръ, нареканья:
 «О, горе! намъ зевесъ пошлетъ
 Теперь за Фрину воздаянье!» —
 Кричатъ вездѣ и наказанья
 Преступницѣ не медля ждуть,
 Чтобъ предъ лицомъ Ареопага,
 Пока въ нихъ къ мести есть отвага,
 Начать въ ночи народный судъ.

III.

Темница... Слабый свѣтъ лампы
 Неровно брезжетъ по стѣнамъ...
 Глухія своды и аркады
 Уходятъ въ мракъ... То здѣсь, то тамъ

Вдругъ нетопырь, на свѣтъ наткнувшись,
 Въ гранитъ ударится крыломъ
 И въ тѣмъ исчезнетъ. И очнувшись,
 Вся вздрогнетъ узница... Кругомъ
 Все такъ мертво, а за оградой
 Слышны народа голоса,
 Но не участье, не пощады
 Тебѣ звучать они, Элладой
 Обожествленная краса!..

И въ этомъ мракѣ, у колоны,
 Подъ отдаленный гулъ толпы,
 Сдавая въ груди и страхъ, и стоны,
 Объ васъ, республики столпы,
 Теперь мечтаетъ грустно Фрина:
 Ужели вы, кому въ сто кратъ
 Милѣй общественныхъ наградъ
 Была одна ея лишь мина,
 Кому капризъ иль даже взглядъ
 Одинъ ея закономъ были,
 Кто какъ блаженству былъ бы радъ
 Ея единой ласкѣ,—вы ли
 Надъ ней свершите приговоръ?!..
 И не содрогнетесь, и взоръ
 Не помутится отъ боязни,
 Когда въ минуту лютой казни,
 На камни острые къ волнамъ
 Ее палачъ съ утеса сбросить?!
 Народъ ей жизни не испросить!
 А вы пойдете послѣ въ храмъ
 Съ благодареніемъ богамъ...
 Не можетъ быть!..

Но вотъ затворы

Гремятъ,—и двери отперлись:
 Въ послѣдній разъ сюда сошлись
 Рабыни Фрины; только взоры
 Ихъ не надеждой, но тоской
 И погребальною слезой
 Горѣли;—значить, нѣтъ пощады!..
 Пора на судъ. Въ послѣдній разъ

Рабыни лучшіе наряды
 Ей подають въ предсмертный часъ —
 И безъ слезы, и безъ надежды
 Она въ роскошныя одежды,
 Какъ жрица страсти облеклась,
 И волны косъ откинувъ смѣло,
 Вдоль по плечамъ ихъ развила
 И благовонія на тѣло
 Какъ передъ пиромъ пролила.

IV.

Взошла на небо ночь Эллады,
 Дыханьемъ розъ напоена:
 Молчить Эгейская волна,
 За то въ садахъ звучать цикады;
 И дремлютъ, строги и горды,
 Осеребренные порталы,
 И стройныхъ тополей ряды,
 И тамъ, вдали, поля и скалы...
 Полны волшебной красоты
 Колонны, храмы и чертоги,
 И луннымъ блескомъ съ высоты
 Залиты мраморные боги.
 И что жъ!.. казалось бы, въ сердца
 Такая ночь влила бы счастье,
 И все прощенье и участие
 Зажгла бы въ людяхъ безъ конца,
 А между тѣмъ—сошлись Аѳины
 Предъ царскимъ портикомъ и ждуть
 Чѣмъ кончатъ гелиасты судъ
 И жаждутъ казни—казни Фрины.

Въ защиту Фрины говорить
 Ораторъ славный Гиперидъ —
 Ея любовникъ. Но подъ сводомъ,
 Склонясь къ колоннѣ на гранитъ,
 И предъ судомъ, и предъ народомъ
 Она безмолвная стоитъ.
 И тщетно все: не умолимы
 Ни гелиасты, ни народъ

И только злобою палимы,
 Сулят ей смерть. И не спасетъ
 Ее горячій голосъ друга!..
 На жалость ихъ не преклоняетъ
 Ни скорбь предсмертнаго испуга,
 Ни бѣдной жертвы робкій взглядъ —
 Ея раскаянье и горе,
 Ни эта ночь, ни это море
 Въ далекомъ золотѣ лучей,
 Ни лунный свѣтъ на формахъ статуй
 И на колоннахъ Пропилей!
 «Ничто не властно—и не ратуй
 За Фрину живо, Гиперидъ»!
 Реветь народъ—и судъ рѣшенье:
 «Казнить преступницу» гласить.

Но вдругъ съ виновной въ то жъ мгновенье
 Покровы сорваны долой —
 И предъ толпою пораженной,
 Предстала Фрина обнаженной,
 Какъ мраморъ залита луной,

—«Казнить богиню!.. О, ужели
 И вы бѣ могли, и вы бѣ посмѣли
 Такое тѣло измозжить?!
 Скорѣй, народъ, во прахъ предъ нею,
 Твое безумство замолить!»
 И предъ Кипридою своею
 Ораторъ, гордый торжествомъ,
 Поникъ увѣнчаннымъ челомъ, —
 И съ нимъ народъ въ священномъ страхѣ
 За преступленіе свое,
 Склонясь предъ Фриною во прахѣ,
 Взиралъ съ восторгомъ на нее.
 И Фрина, гордая, подъ сводомъ
 Склонясь къ колоннѣ на гранитъ,
 И предъ судомъ, и предъ народомъ
 Вся лучезарная стоять, —
 А формы, полныя красотою
 И нѣгой жизни молодой,

Блестящая гордой наготою,
Благоухали предъ толпой...

* * *

И красотѣ народъ-художникъ
Прощенье полное изрекъ
И даже въ честь ея обрекъ
Во храмъ жертвенный треножникъ,—
И тамъ вознесъ на пьедесталъ
Съ богами статую Гетеры,
Гдѣ Пракситель въ чертахъ Клееры
Нагую Фрину изваялъ;
И въ воздаянье за свободу
Присуждено ей: въ мѣсяцъ разъ
Въ окнѣ являться на показъ
Разоблаченною—народу.

1862.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ФИЛИППА

ВЪ ЕГО СТРАНСТВОВАНІЯХЪ ПО СВѢТУ.

РОМАНЪ ТЭККЕРЯ.

ГЛАВА I.

Докторъ Фелль.

— Не ухаживать за роднымъ сыномъ, когда онъ болѣнъ! сказала моя мать. — Она не заслуживаетъ имѣть сына!

И произнося это исполненное негодованія восклицаніе, мистрисъ Пенденнисъ взглянула на своего собственнаго и единственнаго любимаго. Когда она взглянула на меня, я зналъ, что происходило въ ея душѣ. Она нянчила меня, одѣвала въ длинныя платья и въ маленькіе чепчики, въ первую курточку и въ панталончики. Она не отходила отъ моей постели во время моихъ дѣтскихъ и юношескихъ болѣзней. Она берегла меня всю жизнь, она прижимала меня къ сердцу съ безконечными молитвами и благословеніями. Ее уже нѣтъ съ нами чтобы благословлять насъ и молиться; но и оттуда, куда она переселилась, я знаю, что ея любовь слѣдитъ за мною и часто, часто думаю, что она и теперь здѣсь — только невидимо.

— Мистрисъ Фэрминъ была бы совершенно бесполезна, заворчалъ докторъ Гуденовъ. — Съ ней сдѣлалась бы истерика, и сидѣлкѣ пришлось бы ухаживать за двумя больными вмѣсто одного.

Отд. I.

1

— Уж не говорите этого *миль!* вскричала моя мать, вспыхнув.— Неужели вы думаете, что еслибы этот ребенокъ (разумеется она говорила о своемъ ненаглядномъ) былъ боленъ, я не пошла бы къ нему?...

— Милая моя, еслибы этотъ ребенокъ былъ голоденъ, вы изрубили бы вашу голову, чтобы сдѣлать ему бульонъ, сказалъ докторъ, прихлебывая чай.

— Potage à la bonne femme, сказалъ мистеръ Пенденнисъ.— Матушка у насъ бываетъ онъ въ клубѣ. Васъ сварили бы съ молокомъ, яйцами и овощами. Васъ поставили бы кипѣть на нѣсколько часовъ въ глиняномъ горшкѣ и...

— Не говорите такихъ ужасовъ, Артуръ! вскричала одна молодая дѣвица, бывшая собесѣдницей моей матери въ тѣ счастливые дни.

— И людямъ, которые васъ знали, вы очень показали бы вкусны.

Дядя мой поглядѣлъ такъ, какъ будто не понялъ этой аллегоріи.

— О чемъ вы говорите? potage à la— какъ это называется? сказалъ онъ.— Я думалъ, что мы говоримъ о мистриссъ Ферминъ, что живетъ въ Старой Паррской улицѣ. Мистриссъ Ферминъ чертовски деликатная женщина, какъ всѣ женщины этой фамиліи. Мать ея умерла рано. Сестра, мистриссъ Тунсенъ, очень деликатна. Она можетъ быть столько же полезна въ комнатѣ больного, сколько можетъ быть полезна быкъ въ фарфоровой лавкѣ—ей-Богу! да еще она, пожалуй, заразится.

— Да вѣдь и вы, пожалуй, заразитесь, маіоръ! закричалъ докторъ. Вѣдь вы говорите со мною, а я только-что отъ больного мальчика? Держитесь подалеже, а то я васъ укушу.

Старый джентльменъ немножко отодвинулъ свой стулъ.

— Ей-Богу, этимъ нечего шутить, сказалъ онъ— я зналъ людей заразившихся горячкой въ лѣта постарше моихъ. Покрайней мѣрѣ этотъ мальчикъ не сынъ мнѣ, ей-Богу! Я обѣдаю у Фермина, который взялъ жену изъ хорошей фамиліи, хотя онъ только докторъ и...

— А позвольте спросить, кто былъ мой мужъ? вскричала мистриссъ Пенденнисъ.

— Только докторъ, подхватилъ Гуденовъ.— Мнѣ очень хочется сію же минуту заразить маіора скарлатиной!

— Отецъ мой былъ докторъ и аптекаръ, такъ я слышалъ, сказалъ сынъ вдовы.

— Ну, такъ что жъ изъ этого? Хотѣлось бы мнѣ знать... развѣ человекъ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій въ королевствѣ не имѣетъ

права занимать ученую, полезную, благородную профессію. Братъ мой Джонъ былъ...

— Докторъ! сказалъ я со вздохомъ.

Дядя мой поправилъ свои волосы, поднесъ носовой платокъ къ зубамъ и сказалъ:

— Вадоръ, пустяки—терѣнія потеряешь съ этими личностями, ей-Богу! Фэрминъ, конечно, докторъ—также какъ и вы—также какъ и другіе; но Фэрминъ воспитанникъ университета и джентльмэнъ. Фэрминъ путешествовалъ, Фэрминъ друженъ съ лучшими людьми въ Англии, вѣлъ жену изъ первѣйшей фамилии. Ей-Богу, сэръ, неужели и вы предполагаете, что женщина, воспитанная въ роскоши, въ Рингудскомъ отели, въ Вальпольской улицѣ, гдѣ она была самовластной госпожей, ей-Богу — неужели вы предполагаете, что такая женщина годится въ сидѣлки къ больному? Она никогда не годилась для этого и ни для чего, кромѣ... (тутъ маіоръ увидалъ улыбки на физиономіяхъ нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей) кромѣ, я говорю, того, чтобы занимать первое мѣсто въ Рингудскомъ отели, и украшать общество и тому подобное. И если такая женщина вздумала убѣжать съ докторомъ своего дяди и выдти за человѣка ниже ея званіемъ — ну, я не вижу, чтобы это было смѣшно, будь я повѣшенъ, если вижу!

— Итакъ она остается себѣ на островѣ Уайтѣ, между тѣмъ какъ бѣдный мальчикъ въ школѣ, сказала со вздохомъ моя мать.

— Фэрминъ долженъ тамъ оставаться. Онъ лечитъ великаго герцога. Тотъ не можетъ быть спокоенъ безъ Фэрмина; онъ далъ ему орденъ Лебеда. Они ворочаютъ всѣмъ въ высшемъ свѣтѣ, и я готовъ держать съ вами пари, Гуденовъ, что мальчикъ, котораго вы лечите, будетъ баронетомъ—если вы не уморите его вашими проклятыми микстурами и пилюлями, ей-Богу!

Докторъ Гуденовъ только нахмурилъ свои большія брови.

Дядя мой продолжалъ:

— Я знаю, что вы хотите сказать. Фэрминъ настоящій джентльмэнъ по наружности—красавецъ. Я помню его отца, Бранда Фэрмина, въ Валенсеннѣ съ герцогомъ іоркскимъ. Брандъ былъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ. Его прозвали головней, онъ былъ рыжій, страшный дуэлистъ, застрѣлил одного ирландца, остепенился потомъ, и все-таки поссорился съ своимъ сыномъ, который чертовски кутилъ въ молодости. У Фэрмина, конечно, наружность джентльменовская: черные волосы... Отецъ былъ рыжій. Тѣмъ лучше для доктора; но, но мы понимаемъ другъ друга, я думаю, Гуденовъ! Намъ съ вами приходилось видѣть разныя разности въ нашей жизни.

Старикъ подмигнулъ и понюхалъ табаку.

*

— Когда вы возили меня къ Фермину въ Паррскую уншу, сказалъ мистеръ Пенденнисъ своему дядѣ, я нашелъ, что домъ не очень веселъ, а хозяйка не очень умна, но всё они были чрезвычайно добры и мальчика я очень люблю.

— Его любить и дядя его матери, лордъ Рингудъ, вскричалъ майоръ Пенденнисъ. Этотъ мальчикъ примирилъ свою мать съ ея дадеёй, послѣ ея замужства. Вы вѣрно знаете, что она убѣждала съ Ферминомъ, моя милая?

Матушка сказала, «она слышала что-то объ этой исторіи». И майоръ опять увѣрилъ, что докторъ Ферминъ былъ сумасбродный молодой человѣкъ, двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время, о которомъ я пишу, онъ былъ врачомъ въ плеторическомъ госпиталѣ, докторомъ гранингенскаго великаго герцога и имѣлъ орденъ Чернаго Лебеда, былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, мужемъ богатой жевы и довольно значительной особой.

Что же касается до его сына, такъ какъ имя его красуется во главѣ этихъ страницъ, то вы можете догадаться, что онъ не умеръ отъ болѣзни, о которой мы сейчасъ говорили. За нимъ ухаживала хорошая сидѣлка, хотя мать его была въ деревнѣ. Хотя отецъ его былъ въ отсутствіи, но пригласили очень искуснаго доктора лечить юнаго больнаго и сохранить его жизнь для пользы его фамиліи и для этого разсказа.

Мы продолжали нашъ разговоръ о Филиппѣ Ферминѣ, его отцѣ, его дядѣ, графѣ, котораго майоръ Пенденнисъ зналъ коротко, пока не доложили, что подана карета доктора Гуденофа, и нашъ добрый докторъ оставилъ насъ и воротился въ Лондонъ. Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто разговаривалъ въ этотъ лѣтній вечеръ, уже нѣтъ на свѣтѣ, чтобы разговаривать или слушать. Тѣ, которые были молоды тогда, добрались до вершины горы и спускаются уже къ долині тѣней.

— Ахъ!—сказалъ старый майоръ Пенденнисъ, тряхнувъ своими темнорусыми кудрями, когда докторъ уѣхалъ—вы видѣли, моя добрая душа, когда я заговорилъ объ его сонгѣге, какъ угрюмъ вдругъ сдѣлался Гуденофъ? Они не любятъ другъ друга, моя милая. Двое людей одной профессіи никогда не сходятся между собою, и кромѣ того я не сомнѣваюсь, что и другіе товарищи врачи завидуютъ Фермину, потому что онъ живетъ въ лучшемъ обществѣ. Это человѣкъ хорошей фамиліи, моя милая. Уже было большое гарроchement, и если лордъ Рингудъ совершенно съ нимъ примирится, нельзя знать, какое счастье предстоить сыну Фермина.

Хотя, можетъ быть, докторъ Гуденофъ думалъ довольно презрительно о своемъ братѣ, но большая часть публики высоко его уважала;

особенно въ маленькомъ обществѣ грей-фрайярскомъ (*), о которомъ навѣрное читатель слышалъ изъ прежнихъ сочиненій настоящаго біографа, докторъ Брандъ Фарминъ былъ очень большимъ фаворитомъ; его принимали тамъ съ большимъ уваженіемъ и почетомъ. Когда воспитанники въ этой школѣ бывали болѣны обыкновенными дѣтскими недугами, ихъ лечилъ школьный аптекарь мистеръ Спратъ; и простыми, хотя противными для вкуса лекарствами, бывшими въ употребленіи въ то время, почти всегда успѣвалъ возвращать здоровье своимъ юнымъ націентамъ. Но если молодой лордъ Эгамъ (сынъ маркиза Эскота, какъ, вѣроятно, извѣстно моему почтенному читателю) дѣлался нездоровъ, а это часто случалось по милости большаго изобилія карманныхъ денегъ и неблагоуразумнаго пристрастія къ кандитерскимъ произведеніямъ, или если въ школѣ случалась какая нибудь опасная болѣзнь, тогда тотчасъ посылали за знаменитымъ докторомъ Фарминомъ—и ужь вѣрно болѣзнь была опасна, если онъ не могъ вылечить ее. Докторъ Фарминъ былъ школьнымъ товарищемъ и остался искреннимъ другомъ директора этой школы. Когда у молодаго лорда Эгана, уже упомяутаго (онъ былъ у насъ единственнымъ лордомъ и поэтому мы нѣсколько гордились нашимъ возлюбленнымъ юношей и берегли его) сдѣлалась рожа, отъ которой голова его раздулась какъ тыква, докторъ вылечилъ его отъ этой болѣзни, и первый воспитанникъ сказалъ ему привѣтствіе въ своей латинской рѣчи на публичномъ актѣ въ школѣ о его необыкновенныхъ познаніяхъ и о его божественномъ удовольствіи *salutem hominibus dando* (возвращать людямъ здоровье). Директоръ обернулся къ доктору Фармину и поклонился; учителя и важные господа начали перешептываться и глядѣли на него, воспитанники тоже глядѣли на него—докторъ склонилъ свою красивую голову къ своей маншкѣ. Его скромные глаза не поднимались съ бѣлой, какъ снѣгъ подкладки шляпы, лежавшей на его колѣняхъ. Шопоть одобренія пробѣжалъ по старинной залѣ, зашумѣли новые мундиры учителей, началось сморканье, когда ораторъ перешелъ къ другой тѣмѣ.

Среди всеобщаго энтузіазма, только одинъ членъ въ аудиторіи выказалъ презрѣніе и несогласіе. Этотъ джентльмэнъ прошепталъ своему товарищу въ началѣ фразы, относившейся къ доктору: «пустяки!» и прибавилъ, грустно смотря на предметъ всѣхъ этихъ похвалъ:

— Онъ не понимаетъ этой латинской фразы. Впрочемъ это все вздоръ!

— Шшъ, Филь! сказалъ его другъ, и лицо Филиппа вспыхнуло, когда докторъ Фарминъ, поднявъ глаза, поглядѣлъ на него съ минуту;

(*) Школа, гдѣ прежде былъ монастырь картезіанцевъ. *Пр. Перев.*

потому что предметъ всёхъ этихъ похвалъ былъ никто иной, какъ отецъ Фила.

Болезнь, о которой мы говорили, давно прошла. Филиппъ уже не былъ школьникомъ, но находился второй годъ въ университетѣ и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми, бывшими воспитанниками этой школы, явился на ежегодный, торжественный обѣдъ. Почести обѣда въ этомъ году принадлежали доктору Фармину, даже болѣе, чѣмъ лорду Эскоту съ его звѣздой и лентой, который вошелъ въ училищную церковь рука-объ-руку съ докторомъ. Его сѣятельство растрогался, когда въ послѣобѣденномъ спичѣ намекнулъ на неопытныя услуги и искусство его испытаннаго стараго друга, который былъ его товарищемъ въ этихъ стѣнахъ (громкія восклицанія)—чья дружба была усладою его жизни—и онъ молился, чтобы эта дружба перешла въ наслѣдство къ ихъ дѣтямъ. (Громкія восклицанія, послѣ которыхъ заговорилъ докторъ Фарминъ).

Спичъ доктора былъ, можетъ статься, довольно обыкновененъ; латинскія цитаты его были не совсѣмъ новы; но Филу не слѣдовало такъ сердиться или такъ дурно вести себя. Онъ прихлебывалъ хересь, глядѣлъ на своего отца и бормоталъ замѣчанія, вовсе не лестныя для его родителя.

—Посмотрите, говорилъ онъ:—теперь онъ растрогается. Онъ поднесетъ носовой платокъ къ губамъ и покажетъ свой брилльянтовый перстень. Я вамъ говорилъ! Ужъ это черезъ-чуръ. Я не могу проглотить этого... этого хереса. Уйдемте-ка отсюда покурить куда нибудь.

Филъ всталъ и вышелъ изъ столовой, именно въ ту минуту, когда отецъ его увѣрялъ, съ какой радостью, съ какой гордостью, съ какимъ восторгомъ думалъ онъ, что дружба, которою его благородный другъ удостаивалъ его, должна была перейти къ ихъ дѣтямъ, и что когда онъ оставитъ этотъ міръ (крики «нѣтъ, нѣтъ! Дай Богъ вамъ жить тысячу лѣтъ!») ему будетъ радостно думать, что сыночекъ его всегда найдетъ друга и покровителя въ благородномъ графскомъ домѣ Эскотъ.

Мы нашли экипажи, ожидавшіе насъ у воротъ школы, и Филиппъ Фарминъ, толкнувъ меня въ карету отца, приказалъ лакею ѣхать домой, говоря, что докторъ воротится въ каретѣ лорда Эскота. Мы отправились въ Старую Паррскую улицу, гдѣ много разъ ласково принимали меня, когда я былъ мальчикомъ. И мы удалились въ собственный пріютъ Фила на задней сторонѣ огромнаго дома, курили сигары и разговаривали объ училищной годовщинѣ и о произнесенныхъ рѣчахъ, и о бывшихъ воспитанникахъ нашего выпуска, и о томъ, какъ Томпсонъ женился, а Джонсонъ поступилъ въ армію, а Джэксонъ (не рыжій Джэксонъ съ глазами какъ у свиньи, а другой) былъ первымъ

на экзаменѣ и такъ далѣе; мы весело занимались этой болтовней, когда отецъ Филъ растворилъ высокую дверь кабинета.

— Вотъ и отецъ! заворчалъ Филъ—что ему нужно? прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

«Отецъ» когда я взглянулъ на него, былъ не весьма пріятнымъ предметомъ для зрѣніща. У доктора Фармина были очень бѣлые фальшивые зубы, которые, можетъ статься, были нѣсколько велики для его рта, и зубы эти какъ-то свирѣпо оскалились при газовомъ свѣтѣ. На щекахъ его были черныя бакенбарды, и надъ сверкающими глазами свирѣпыя черныя брови, и плѣшивая голова лоснилась, какъ бильярдный шаръ. Вы едва узнали бы въ немъ оригинала того угрюмо-философическаго портрета, которымъ всѣ пациенты восхищались въ пріемной доктора.

— Я узналъ, Филиппъ, что ты взялъ мою карету, сказалъ отецъ:— и мы съ лордомъ Эскотомъ должны были идти пѣшкомъ до извозника,

— Развѣ у него не было кареты? Я думалъ, что, разумѣется, у него будетъ свой экипажъ въ такой праздничный день, и что вы пріѣдете домой съ лордомъ, сказалъ Филиппъ.

— Я общалъ завезти *его* домой, сэръ! сказалъ отецъ.

— Если такъ, сэръ, мнѣ очень жаль, коротко отвѣчалъ сынъ.

— Жаль! закричалъ отецъ.

— Я не могу сказать ничего болѣе, сэръ, и мнѣ очень жаль, отвѣчалъ Филъ и стряхнулъ въ каминъ пепель съ своей сигары.

Посторонній въ домѣ не зналъ, какъ глядѣть на хозяина и его сына. Между ними очевидно происходила какая нибудь ужасная ссора. Старикъ глядѣлъ сверкающими глазами на юношу, который спокойно смотрѣлъ въ лицо отцу. Злая ярость и ненависть сверкали изъ глазъ доктора, потомъ онъ бросилъ на гостя взглядъ дикой жалобной мольбы, который было очень трудно вынести. Среди какой иррациональной тайны находился я? Что значилъ исполненный ужаса гнѣвъ отца и презрѣніе сына?

— Я, я обращаюсь къ вамъ, Пенденнисъ, сказалъ докторъ, задыхаясь и блѣдный какъ смерть.

— Начать намъ *ad ovo*, сэръ? сказалъ Филъ.

Опять выраженіе ужаса пробѣжало по лицу отца.

— Я, я общаю завезти домой одного изъ первѣйшихъ вельможъ въ Англіи, задыхаясь, проговорилъ докторъ—съ публичнаго обѣда въ моей каретѣ, а мой сынъ беретъ ее и заставляетъ меня и лорда Эскота идти пѣшкомъ! Хорошо это, Пенденнисъ? Такъ-ли долженъ поступать джентльменъ съ джентльменомъ; сынъ съ отцомъ?

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ я серьезно:—это непростительно.

— Я действительно был оскорблен ожесточеніемъ и неповаченіемъ молодого человека.

— Я сказалъ вамъ, что это была ошибка! закричалъ Филь, покраснѣвъ — я слышалъ, какъ лордъ Эскотъ приказывалъ подать свою карету; я не сомнѣвался, что онъ отвезетъ отца моего домой. Ѣхать въ каретѣ съ лакеемъ на запяткахъ вовсе для меня не весело, я гораздо болѣе предпочитаю извозчика и сигару. Это была ошибка, я жалѣю объ этомъ—вотъ! Проживи я сто лѣтъ, я не могу сказать ничего больше.

— Если тебѣ жаль, Филиппъ, застоналъ отецъ:— этого довольно. Помните, Пенденнистъ, когда, когда мой сынъ и я не были на такой, на такой ногѣ...

Онъ взглянулъ на портретъ, висѣвшій надъ головою Филь—портретъ матери Филь, той самой лэди, о которой моя мать говорила въ тотъ вечеръ, когда мы разговаривали о болѣзни мальчика. Обѣихъ дамъ уже не было теперь на свѣтѣ, и образъ ихъ остался только нарисованной тѣнью на стѣнѣ.

Отецъ принялъ извиненіе, хотя сынъ вовсе не извинялся. Я взглянулъ на лицо стараго Фермина, на характеръ, нарисанный на немъ. Я вспомнилъ такія подробности его исторіи, какія были рассказаны мнѣ и очень хорошо припоминалъ то чувство недовѣрія и отвращенія, которое пробѣжало въ душѣ моей, когда я въ первый разъ увидалъ красивое лицо доктора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда дада мой въ первый разъ отвезъ меня къ доктору въ Старую Паррскую улицу—маленькій Филь былъ тогда бѣлокуримъ, хорошенькимъ ребенкомъ, который только что надѣлъ первыя панталончики, а я былъ въ нятомъ классѣ въ школѣ.

Отецъ мой и докторъ Ферминъ были членами медицинской профессіи. Они воспитывались въ той самой школѣ, куда родители посылали своихъ сыновей изъ поколѣнія въ поколѣніе и задолго до того какъ узнали наконецъ, что это мѣсто нездорово. Кажется, во время чумы тамъ много было похоронено людей. Но еслибы эта школа находилась и въ самомъ живописномъ англійскомъ болотѣ, общее здоровье мальчиковъ не могло бы быть лучше. Мы мальчики только слышали всегда объ эпидеміяхъ, случавшихся въ другихъ школахъ, и почти жалѣли, зачѣмъ онѣ не переходятъ къ намъ, чтобы мы могли запереться и подольше погулять. Даже болѣзни, которая впоследствии случилась съ Филемъ Ферминомъ, не перешла ни къ кому другому—всѣ мальчики по счастью уѣхали домой на праздники въ тотъ самый день, когда занемогъ бѣдный Филь; но объ этой болѣзни мы скажемъ болѣе впоследствии. Когда рѣшили, что маленький Филь Ферминъ бу-

летъ отдавъ въ эту школу, отецъ Фила вспомнилъ, что у маіора Пендениса, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ и въ обществѣ, былъ тамъ племянникъ, который могъ защищать мальчика и маіоръ отвезъ своего племянника къ доктору и мистриссъ Ферминъ въ одно воскресенье послѣ обѣдни, и мы завтракали въ Старой Паррской улицѣ, а потомъ маленькій Филъ былъ представленъ мнѣ, и я обѣщалъ взять его подъ свое покровительство. Это былъ простой, безыскусственный ребенокъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о достоинствѣ воспитанника пятаго класса. Онъ безъ всякаго страха говорилъ со мною и съ другими и остался такимъ на всегда. Онъ спросилъ моего дядю, отчего у него такіе странные волосы. Онъ свободно бралъ лакомства за столомъ. Я помню, что разъ или два онъ ударилъ меня своимъ кулачкомъ, и эта вольность сначала поразила меня изумленіемъ, а потомъ мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ смѣшно, что я громко расхохотался. Видите, это было все равно, какъ еслибы какой нибудь иностранецъ толкнулъ Папу въ бокъ и назвалъ его «старикашкой, или еслибы Джэкъ (*) дернулъ за носъ великана, или еслибы прапорщикъ пригласилъ герцога Веллингтона выпить съ нимъ вина. Даже въ тѣ ранніе годы я живо чувствовалъ юморъ и меня чрезвычайно позабавила эта штука.

— Филиппъ! закричала мамѣ:—ты ушибешь мистера Пендениса.

— Я съ ногъ его свалю! вскрикнулъ Филъ.

Представьте! онъ собьетъ съ ногъ *меня* — *меня*, воспитанника пятаго класса.

— Этотъ ребенокъ настоящій Геркулесъ, замѣтила мать.

— Онъ задушилъ двѣ змѣи въ колыбели, замѣтилъ докторъ, глядя на меня.

Тогда-то, какъ я помню, онъ представился мнѣ докторомъ Феллемъ (**).

(*) Герой дѣтской повѣсти подъ названіемъ: *Джэкъ убійца великановъ*.
Пр. перев.

(**) У англичанъ есть эниграмма:

I do not like you doctor Fell,
The reason why I cannot tell,
But this alone I know full well,
I do not like you doctor Fell.

(Я не люблю тебя, докторъ Фелль, не могу сказать по какой причинѣ, но только это я знаю очень хорошо, что я не люблю тебя, докторъ Фелль). Это подражаніе латинской эниграммѣ Марціала:

«Non amo te, Sabidi non possum dicere quare,
Noc tantum repets: non amote, Sabidi».

Прим. перев.

— Полно, докторъ Ферминъ! закричала мать—я терять не могу зпѣй. Я помню, я видѣла зпѣю въ Римѣ, когда мы гуляли однажды большую, огромную зпѣю; какая она была противная—я закричала и чуть не упала въ обморокъ; я читала, что ихъ заговариваютъ въ Индiи, навѣрно и вы читали, мистеръ Пенденнисъ; мнѣ говорили, что вы очень свѣдущи, а я такъ вовсе нѣтъ, а мнѣ бы очень хотѣлось... но за то мужъ мой очень свѣдущъ, и Филь будетъ со временемъ. Ты будешь очень свѣдущий мальчикъ, дружокъ? Онъ былъ названъ въ честь моего милаго пацѣ, который былъ убитъ при Бусако, когда я была совсѣмъ, совсѣмъ маленькая и мы носили трауръ, а потомъ мать взяла къ себѣ дядюшка Рингудъ; но у Марин и у меня было свое собственное состоянiе, и я ужъ никакъ не думала, что выйду за доктора, мнѣ точно также могло бы придти въ голову выдти замужъ за грума дядюшки Рингуда! Но знаете, мужъ мой одинъ изъ талантливейшихъ людей *на сѣтѣ*. Ужъ не говори — это такъ, дружокъ, ты самъ это знаешь; а когда человекъ талантливъ, я ни во что ставлю его званiе, я всегда говорила дядюшкѣ Рингуду: «Я выду за талантливаго человека, потому что я обожаю талантливыхъ людей;» и вышла за тебя, докторъ Ферминъ, ты это знаешь—а этотъ ребенокъ твой портретъ. Вы будете добры къ нему въ школѣ, сказала бѣдная лѣди, обернувшись ко мнѣ со слезами на глазахъ—талантливые люди всегда добры, кромѣ дядюшки Рингуда, онъ былъ очень...

— Не хотите ли еще вина, мистеръ Пенденнисъ? спросилъ докторъ—все-таки докторъ Фель, хотя онъ былъ очень ласковъ ко мнѣ. — Я отдаю этого мальчугана на ваше попеченiе, я знаю, что вы побережете его. Я надѣюсь, что вы сдѣлаете намъ удовольствiе придти въ Паррскую улицу, когда будете свободны. При жизни моего отца, мы обыкновенно приходили домой изъ школы по субботамъ и отправлялись въ театръ.

И докторъ дружески пожалъ мнѣ руку. Я долженъ сказать, что во все время моего знакомства съ нимъ, онъ постоянно былъ ко мнѣ добръ. Когда мы ушли, мой дядя Пенденнисъ—разсказалъ мнѣ множество исторiй о графѣ и фамилiи Рингудъ, и какъ докторъ Ферминъ женился—женился по любви на этой лѣди, дочери Филиппа Рингуда, который былъ убитъ при Бусако; и какая она была красавица, и *grande dame* всегда, и если не самая умная, то конечно самая добрая и любезная женщина на свѣтѣ.

Въ то время я привыкъ принимать мнѣнiе моего дяди съ такимъ уваженiемъ, что и эти свѣдѣнiя принялъ за подлинныя. Портретъ мистриссъ Ферминъ дѣйствительно былъ прекрасенъ; его рисовалъ мистеръ Гарло въ тотъ годъ, какъ онъ былъ въ Римѣ и когда въ восемнад-

пять дней кончилъ конію съ Преображеніи, къ восторгу всей академіи; но я съ своей стороны, только помню слабую, худощавую, увядшую ляду, которая выходила изъ своей уборной всегда чрезвычайно поздно, и устарѣлыя улыбки и гримасы которой всегда подстрекали мой юношескій юморъ. Она обыкновенно цѣловала Фила въ лобъ, и держа руку мальчика въ своей худощавой рукѣ, говорила:

— Кто бы подумалъ, что такой большой мальчикъ мой сынъ?

— Будьте добры къ нему, когда меня не станетъ, сказала она мнѣ со вздохомъ въ одинъ воскресный вечеръ, когда я прощался съ нею, и глаза ея наполнились слезами, и она въ послѣдній разъ протинула мнѣ свою исхудалую руку.

Докторъ, читавшій у каминна, обернулся и нахмурился на нее изъ подъ своего высокаго лоснящагося лба.

— У тебя нервы разстроены, Луиза, ты лучше ступай въ свою спальню, я ужъ говорилъ тебѣ, сказалъ онъ рѣзко.—Юные джентльмены, вамъ пора отправляться въ Грей-Фрайярсъ. Извозчикъ у дверей, Брайсъ?

И онъ вынулъ свои часы, большіе блестящіе часы, по которымъ онъ шутилъ пульсъ столькихъ знаменитыхъ особъ, которыхъ его удивительное искусство спасло отъ смерти. При разставаніи Филь обнялъ свою бѣдную мать и поцаловалъ ее подъ глянцевыми локонами, локонами накладными; и рѣшительно взглянулъ въ лицо отцу (взглядъ котораго обыкновенно опускался передъ взглядомъ мальчика), и угрюмо простился съ нимъ, прежде чѣмъ мы отправились въ Грей-Фрайярсъ.

ГЛАВА II.

Въ школѣ и дома.

Я обѣдалъ вчера съ тремя джентльменами, возрастъ которыхъ можно было угадать по ихъ разговору, состоявшему по большей части изъ воспоминаній объ Итонѣ и насмѣшекъ надъ докторомъ Китомъ (*). Каждый, описывая, какъ его сѣкли, подражалъ всѣми силами манерѣ и способу операціи знаменитаго доктора. Его маленькія замѣчанія во время этой церемоніи припоминались съ чрезвычайною шутливостью, даже свистъ розогъ пародировался съ удивительной вѣрностью; и послѣ довольно продолжительнаго разговора, началось описаніе той ужас-

(*) Бывшій директоръ Итонской школы. *Пр. перев.*

ной ночи, когда докторъ вызвалъ цѣлую толпу мальчиковъ съ постелей и съелъ цѣлую ночь, и перестѣкъ Богъ знаетъ сколько нитержниковъ. Всѣ эти взрослые люди сѣлись, болтали, радовались и опять панолодѣли, рассказывая эти исторіи; каждый изъ нихъ искренно и убѣдительно просилъ посторонняго понять, что Китъ былъ настоящий джентльмэнъ. Поговоривъ о докторѣ Китѣ, покрайней мѣрѣ съ частъ, они извинились передо мной, что распространились о предметѣ интересномъ только для нихъ, но, право, разговоръ ихъ чрезвычайно занималъ и забавлялъ меня, и я готовъ выслушать опять всѣ ихъ веселыя исторійки.

Не сердись, мой снисходительный читатель, если я разболтался о Грей-Фрайерсѣ, и опять изъ этой старинной школы беру героевъ нашего разсказа. Мы бываемъ молоды только разъ въ жизни. Когда мы вспоминаемъ молодость, мы еще молоды. Тотъ, надъ чьей головой пронеслись восемь или девять люстръ, если желаетъ писать о мальчикахъ, долженъ вспоминать то время, когда онъ самъ былъ мальчикомъ. Привычки ихъ мѣняются; галия ихъ становится или длиннѣе, или короче, воротнички ихъ торчатъ больше или меньше, но мальчикъ все-таки мальчикъ и въ царствованіе короля Георга, и въ царствованіе его августѣйшей пшеницы, когда-то нашей дѣвственной королевы, а теперь заботливой матери многихъ сыновей. И мальчики честны, веселы, лѣнны, шаловливы, робки, храбры, прилежны, эгоистичны, великодушны, малодушны, лживы, правдивы, добры, злы и теперь какъ прежде; тотъ съ кѣмъ мы больше всего будемъ имѣть дѣла, уже джентльмэнъ зрѣлыхъ лѣтъ, прогуливающейся по улицѣ съ своими собственными мальчиками. Онъ не погибнетъ въ послѣдней главѣ этихъ мемуаровъ, не умретъ отъ чахотки; его возлюбленная не будетъ плакать возлѣ его постели, онъ не застрѣлится съ отчаянія, потому что она убѣжитъ съ его соперникомъ, не убьется, вылетѣтъ изъ гига, не будетъ никакимъ другимъ образомъ убитъ въ послѣдней главѣ. Нѣтъ, нѣтъ, у насъ не будетъ печальнаго конца: Филиппъ Фарминъ здоровъ и веселъ до этой минуты, не долженъ никому ни шиллинга и можетъ совершенно спокойно попить свой портвейнъ. Итакъ, любезная миссъ, если вы желаете чахоточнаго романа — этотъ для васъ негодится. Итакъ, юный джентльмэнъ, если вы любите меланхолю, отчаяніе и сардоническую сатиру, сдѣлайте одолженіе возьмите какую нибудь другую книгу. Что у Филиппа будутъ свои непріятности—это разумѣется само собой; дай Богъ, чтобы они были интересны, хотя не будутъ имѣть печальнаго конца! Что онъ будетъ падать и спотыкаться на своемъ пути иногда — это ужъ непремѣнно. Да и съ кѣмъ этого не случает-

ся на нашомъ жизненномъ пути! Не вызываетъ ли наше несчастье со-страдающимъ нашимъ ближнимъ и такимъ образомъ не выводитъ ли добра изъ зла? Когда путешественникъ (о которомъ говорилъ Іисусъ) попалъ въ руки разбойниковъ, его несчастье тронуло много сердець—кро-мѣ его собственнаго—разбойниковъ, избранившихъ его, левита и си-щенника, которые прошли мимо него, когда онъ лежалъ, обливаясь кровью, смиреннаго самарянина, чья рука облила масломъ его раны.

И такъ Филиппа Фермина отвезла въ школу его мать въ своей каретѣ; она умоляла ключницу имѣть особенное попеченіе объ этомъ ангельчикѣ, а только-что бѣдная леди повернулась къ ней спиной—ми-стриссъ Бѣнсъ опорожнила чемоданъ мальчика въ одинъ изъ шестиде-сати или семидесяти маленькихъ шкапиковъ, гдѣ лежали одежда и раз-ныя мелочи другихъ воспитанниковъ; потомъ мистриссъ Ферминъ по-желала увидаться съ мистеромъ К., въ домѣ котораго Ферминъ дол-женъ былъ имѣть квартиру со столомъ, и просила его, и объяснила ему многое-множество, какъ напримѣръ, чрезвычайную деликатность сло-женія ребенка и впроч. и проч.; мистеръ К., который былъ очень добре-душень, ласково погладилъ мальчика по головѣ, и пошелъ за другимъ Филиппомъ, Филиппомъ Рингудомъ, кузеномъ Филя, который пріѣхалъ въ Грей-Фрайерсъ часа за два передъ тѣмъ, и мистеръ К. велѣлъ Рингуду позаботиться о мальчикѣ; а мистриссъ Ферминъ, всхлипывая и закрываясь носовымъ платкомъ, пролепетала благословеніе ухмыляю-щемуся юношѣ и хотѣла было дать мистеру Рингуду советень, но оста-новилась, подумавъ, что онъ уже слишкомъ большой мальчикъ, и что ей не годится позволять себѣ такую смѣлость и тотчасъ ушла; а маленькаго Филя Фермина повели въ длинную комнату къ его то-варищамъ въ домѣ мистера К.; у него было много денегъ и, нату-рально, на другой день послѣ классовъ онъ пробрался въ кондитерскую, но кузенъ Рингудъ встрѣтилъ его и укралъ у него половину куплен-ныхъ пирожковъ. Черезъ двѣ недѣли гостепріимный докторъ и его же-на пригласили своего юнаго родственника въ Старую Паррскую ули-цу, и оба мальчика отправились туда; но Филь не упомянулъ своимъ родителямъ объ отнятыхъ пирожкахъ, можетъ быть его удержали страш-ныя угрозы кузена, который обѣщалъ отзудить его, когда они воро-тятся въ школу, если мальчикъ расскажетъ объ этомъ. Впослѣдствіи мистера Рингуда приглашали въ Старую Паррскую улицу раза два въ годъ; но ни мистриссъ Ферминъ, ни докторъ, ни мистеръ Ферминъ не любили сына баронета, а мистриссъ Ферминъ называла его запальчи-вымъ, грубымъ мальчикомъ.

Я, съ своей стороны, внезапно и рано оставилъ школу и моего маленькаго protégé. Его бѣдная мать, обещавшая сама пріѣзжать за

нить каждую субботу, не сдержала своего обѣщанія. Смитфильдъ дѣлаетъ отъ Пиккадилли; а разъ сердитая корова разпарала рогами дверцу ея кареты, заставивъ лакея спрыгнуть съ завязокъ, прямо въ свинной хлѣбъ, и сама леди почувствовала такое потрясеніе, что не удивительно, если боялась послѣ ѣздить въ Сити. Это приключеніе она часто рассказывала намъ. Анекдоты ея были немногочисленны, но она рассказывала ихъ безпрестанно. Иногда въ воображеніи я могу слышать ея безпрерывную простую болтовню, видѣть ея слабые глаза, когда она лепетала бессознательно, и наблюдать за мрачными взглядами ея красиваго, молчаливаго мужа, хмурившаго свои брови и улыбаващагося сивозъ зубы. Мнѣ кажется, онъ скрежеталъ этими зубами иногда съ сдержанной яростью. Признаться, слышать ея безконечное болтанье ему надо было имѣть большое терпѣніе. Можетъ быть онъ дурило обращался съ нею, но она раздражала его. Она, съ своей стороны, можетъ быть была не очень умная женщина, но она была добра ко мнѣ. Не дѣлала ли ея ключница для меня самые лучшіе торты, не откладывала ли лакомствъ съ большихъ обѣдовъ для молодыхъ джентльменовъ, когда они пріѣзжали изъ школы домой? Не давалъ ли мнѣ денегъ ея мужъ? Послѣ того какъ я видѣлъ доктора Фелла въскользко разъ, первое непріятное впечатлѣніе, произведенное его мрачной физиономіей и злобѣющей красотой, исчезло. Онъ былъ джентльманъ. Онъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, о которомъ рассказывалъ анекдоты, восхитительныя для мальчиковъ, и передавалъ мнѣ бутылку, какъ будто я былъ взрослый мужчина.

Я думаю и надѣюсь, что я помнилъ приказаніе бѣдной мистриссъ Фэрминъ быть добрымъ къ ея мальчику. Пока мы оставались вмѣстѣ въ Грей-Фрайарсъ я былъ защитникомъ Филиппа, когда ему было нужно мое покровительство, хотя, разумѣется, я не могъ всегда находиться при немъ, чтобы избавлять маленькаго шалуна отъ всѣхъ ударовъ, которые направлялись на его юное личико бойцами его роста. Между нами было семь или восемь лѣтъ разницы (онъ говоритъ десять—это вздоръ, я это опровергаю); но я всегда отличался моею любезностью, и несмотря на разницу въ нашихъ лѣтахъ, часто любезно принималъ приглашеніе его отца, который сказалъ мнѣ разъ навсегда, чтобы я бывалъ у него по субботамъ или воскресеньямъ, когда только мнѣ хотѣлось проводить Филиппа домой.

Такое приглашеніе пріятно всякому школьнику. Уйти изъ Смитфильда, и показать свое лучшее платье въ Бондской улицѣ всегда было весело. Чванно расхаживать по парку въ воскресенье и кивать головою товарищамъ, которые тоже тамъ расхаживали, было лучше чѣмъ

оставаться въ школѣ «учиться по-гречески», какъ была поговорка, или ѣсть за обѣдомъ вѣчный ростбѣнъ и слушать двѣ проповѣди въ церкви. Въ Лондонѣ, можетъ быть, были болѣе веселыя улицы, чѣмъ Старая Паррская, но пріятнѣе было находиться тамъ нежели смотрѣть на какой-то закоулокъ черезъ стѣны Грей-Фрайерса; и такъ настоящій біографъ и покорнѣйшій слуга читателя находилъ домъ доктора Фэрмина пріятнымъ убѣжищемъ. Мама часто прихварывала, а когда была здорова, выѣзжала въ свѣтъ съ своимъ мужемъ, но для насъ мальчиковъ всегда былъ хорошій обѣдъ съ любимыми блюдами Филля; а послѣ обѣда мы отправлялись въ театръ, вовсе не считая унижительнымъ сидѣть въ партерѣ съ мистеромъ Брэйсомъ, довѣреннымъ слугою доктора. По воскресеньямъ мы отправлялись въ церковь, а вечеромъ въ школу; докторъ почти всегда давалъ намъ денегъ. Если онъ не обѣдалъ дома (а признаюсь, его отсутствіе не слишкомъ портитъ наше удовольствіе), Брэйсъ клалъ конвертики съ деньгами на сюртуки молодыхъ джентльменовъ, а мы перекладывали это въ карманы. Кажется школьники пренебрегаютъ такими подарками въ настоящія безкорыстныя времена.

Все въ домѣ доктора Фэрмина было такъ прекрасно, какъ только могло быть, однако какъ-то тамъ не было весело. На полиняломъ, турецкомъ коврѣ шаговъ не было слышно; комнаты были большія и всѣ кромѣ столовой въ какомъ-то тускломъ полусвѣтѣ. Портретъ мистриссъ Фэрминъ глядѣлъ на насъ со стѣны и слѣдовалъ за нами дикими глазами фіалковаго цвѣта. У Филиппа были такіе же странныя свѣтлые фіалковые глаза и такіе же каштановые волосы; въ портретѣ они падали длинными беспорядочными прядями на плечи лѣди, облокотившейся голыми руками на арфу. Надъ буфетомъ висѣлъ портретъ доктора въ черномъ бархатномъ сюртукѣ съ мѣховымъ воротникомъ; рука его лежала на черепѣ, какъ Гамлета. Черепы быковъ съ рогами, перевитыми гирляндами (*), составляли веселое украшеніе карниза, на боковомъ столѣ красовалась пара вазъ, подаренныхъ признательными пациентами; эти вазы казались скорѣе годными для похороннаго пепла, чѣмъ для цвѣтовъ или вина. Брэйсъ, буфетчикъ, важнымъ видомъ и костюмомъ походилъ на похороннаго подрядчика. Лакей тихо двигался туда и сюда, принося намъ обѣдъ; мы всегда говорили вполголоса за обѣдомъ.

— Эта комната не веселѣе утромъ, когда здѣсь сидятъ больные, увѣряю тебя, говаривалъ Филль.

(*) Обыкновенный архитектурный орнаментъ. *Прим. перев.*

Дѣйствительно, мы могли легко вообразить, какъ она казалась печальна. Гостиная была обита обоями цвѣта ревеня (изъ привязанности отца къ своему ремеслу, говорилъ мистеръ Филь), тамъ стоялъ рояль, арфа въ углу, въ кожаномъ футлярѣ, къ которой томная хозяйка не прикасалась никогда; и лица всѣхъ казались блѣдными и испуганными въ большихъ зеркалахъ, которыя отражали васъ безпрестанно; такъ что вы исчезали далеко, далеко.

Старая Паррская улица была нѣсколько поколѣній мѣстомъ жительства докторовъ и хирурговъ. Мнѣ кажется, дворяне, для которыхъ эта улица назначалась въ царствованіе перваго Георга, бѣжали оттуда, находя соседство слишкомъ печальнымъ, а джентльмены въ черныхъ сюртукахъ овладѣли позолоченными мрачными комнатами, которыхъ бросило модное общество. Эти измѣненія моды были всегда для меня предметомъ глубокаго соображенія. Почему никто не прочтетъ нравоченій про Лондонъ, какъ про Римъ, Баальбекъ или Трою. Я люблю гулять между Евреями въ Уардоурской улицѣ, и воображать это мѣсто такимъ, какимъ оно было прежде, наполняномъ портшезами и позолоченными колесницами, съ факелами, сверкавшими въ рукахъ бѣгущихъ слугъ. Я нахожу угрюмое удовольствіе при мысли, что Гольдвингскій скверъ былъ когда-то пріютомъ аристократіи, а Монмоутскую улицу любилъ модный свѣтъ. Что можетъ помѣшать намъ, лондонскимъ жителямъ, задумываться надъ упадкомъ и паденіемъ мірскихъ величій и читать нашу скудную мораль? Покойный мистеръ Гиббонъ размышлялъ о своей исторіи, облокотясь о колонну Капитолія: почему и мнѣ не задуматься о моей исторіи, прислонясь къ аркадѣ Пантеона? Не римскаго Пантеона, близъ площади Навона, гдѣ поклонялись безсмертнымъ богамъ—безсмертнымъ богамъ, которые однако умерли,—но Пантеона въ Оксфордской улицѣ, милостивыя государыни, гдѣ вы покупаете ноты, помаду, стекло и дѣтское бѣлье, и который также имѣетъ свою исторію. Развѣ не отличались тамъ Сельвинъ, Вальполь, Марчъ и Карлейль? Развѣ принцъ Флоризель не красовался въ этой залѣ въ своемъ домино, не танцевалъ тамъ въ напудреномъ великолѣпнѣи? А когда придверники не пустили туда хорошенькую Софи Бэддл, развѣ молодые люди, ея обожатели, не вынули своихъ рапиръ и не поклялись убить придверника, и, скрестивъ сверкающее оружіе надъ головою очаровательницы, не сдѣлали для нея торжественно арку, подъ которой она прошла, улыбающаяся, раздущенная и нарумяненная? Жизнь улицъ похожа на жизнь людей, и почему бы уличному проповѣднику не взять текстомъ своей проповѣди камни въ канавкѣ? Ты была когда-то пріютомъ моды, о Монмоутская улица! Не сдѣлать ли мнѣ изъ этой сладкой мысли текстъ для правоучительной рѣчи, и вызвать изъ этой раз-

важны полезныя заключенія. Не вспомнить ли мнѣ блестящее общество, этой нѣкогда аристократической улицы и яркія ея иллюминаціи; какъ мы угощали здѣсь благородную юную компанію рыцарскихъ надеждъ и высокаго честолюбія, стыдливыхъ мыслей въ бѣлоснѣжной одеждѣ, безукоризненной и дѣвственной. Взгляните въ амбразуры окна, гдѣ вы сидѣли и смотрѣли на звѣзды, пріотившись возлѣ вашей первой возлюбленной, виситъ старое платье въ лавкѣ мистера Моза — оно продается очень дешево; изношенные, старые сапоги, запачканные Богъ знаетъ въ какой грязи — тоже очень дешево. Посмотрите на улицы, можетъ быть, когда-то усыпанной цвѣтами — нищіе дерутся за гнилыя яблоки или валяется пьяная торговка. О, Боже! О мои возлюбленные слушатели! Я говорю вамъ эту обветшалую проповѣдь уже много лѣтъ. О, мои веселые собесѣдники, я выпилъ много чарокъ съ вами, и всегда находилъ *vanitas vanitatum* на днѣ бокала!

Я люблю читать нравоученія, когда прохожу мимо этого мѣста. Садъ теперь заглохъ, аллеи заросли вхомя, статуи стоятъ съ разбитыми носами, розы завяли, а соловьи перестали любиться. Старая Паррская улица, улица погребальная; экипажи проѣзжающіе здѣсь должны бы украшаться перьями, а лакеи, отворяющіе двери этихъ домовъ, должны бы носить плерезы — такъ это мѣсто поражаетъ васъ теперь, когда вы проходите по обширной, пустой мостовой. Вы желчны, мой добрый другъ. Ступайте-ка да заплатите гинею любому изъ докторовъ, которые живутъ въ этихъ домахъ; здѣсь есть еще доктора. Онъ пропишетъ вамъ лекарство. Господи помилуй! въ мое время для насъ, воспитанниковъ пятаго класса, это мѣсто было весьма сносно. Желтый лондонскій туманъ не нагонялъ сырость на наши души и не мѣшалъ намъ ходить въ театръ: смотрѣть на рыцарскаго Чарльза Кембля, на тебя, моя Мирабель, мой Меркуріо, мой Фалконбриджъ, на его восхитительную дочь (о мое сумашедшее сердце!), на классическаго Юнга, на знаменитаго Тома Коффина, на неземнаго Вандердеке-на. О, еслибы услышать опять эту пѣсню о «Пилигримѣ любви»! Разъ, во — тсъ! это секретъ — у насъ была ложа, пріатели доктора часто присылали намъ билеты, опера показалась намъ немножко скучной и мы отправились въ концертъ въ одинъ переулокъ, близъ Ковентгардена, и слышали самыя восхитительныя круговыя пѣсни, сидя заужиномъ изъ сосисекъ и рубленаго картофеля, такія круговыя пѣсни, какихъ свѣтъ никогда не слышалъ послѣ. Мы не дѣлали ничего дурнаго; но мнѣ вѣжется, это было очень дурно само по себѣ. Брэйсу буфетчику не слѣдовало брать насъ туда, мы страшали его и заставляли насильно везти насъ, куда мы хотѣли. Въ комнатѣ ключницы мы пили ромъ съ апельсиновымъ сокомъ и сахаромъ, мы ходили туда наслаждаться об-

ществомъ буфетчиковъ изъ сосѣднихъ домовъ. Можетъ быть нехорошо, что насъ оставляли въ обществѣ слугъ. Докторъ Фэрминъ уѣзжалъ на большіе вечера, а мистриссъ Фэрминъ ложилась спать. «Поправилось вамъ вчерашнее представленіе?» спрашивалъ насъ хозяинъ за завтракомъ. «О, да, намъ понравилось представленіе!» Но моя бѣдная мистриссъ Фэрминъ воображала, что намъ понравилась *Семирамида* или *Donna del Lago*; между тѣмъ какъ мы сидѣли въ партерѣ въ Адельфи (на собственные деньги), смотрѣли шутника Джона Рива, и хохотали, хохотали до слезъ—и оставались до тѣхъ поръ, пока занавѣсъ не опускался. А потомъ мы возвращались домой и, какъ прежде было сказано, проводили восхитительный часъ за ужиномъ и слушали анекдоты друзей мистера Брэйса, другихъ буфетчиковъ. Ахъ, вотъ право было времечко! Никогда не бывало никакихъ напитковъ такихъ вкусныхъ, какъ ромъ съ апельсиннымъ сокомъ и сахаромъ—никогда; какъ мы притихали, когда докторъ Фэрминъ, возвращаясь изъ гостей, звонилъ у парадной двери! Безъ башмаковъ пробирались мы въ наши спальни. А къ утреннему чаю приходили мы съ самыми невинными лицами—и за завтракомъ слушали болтовню объ оперѣ мистриссъ Фэрминъ, а за нами стоялъ Брэйсъ и лакей съ совершенно серьезнымъ видомъ—гнусные лицемеры!

Потомъ, сэръ, была дорожка изъ окна кабинета, или черезъ кухню по крышѣ, къ одному мрачному зданію, въ которомъ я провелъ восхитительные часы, въ самомъ гнусномъ и преступномъ наслажденіи самыхъ чудныхъ маленькихъ гаванскихъ сигаръ, по одному шиллингу за десять штукъ. Въ этомъ зданіи бывали когда-то конюшни и сарай, безъ сомнѣнія занимаемые большими фламандскими лошадьми и позолоченными каретами временъ Вальпола, но одинъ знаменитый врачъ, поселившись въ этомъ домѣ, сдѣлалъ аудиторію изъ этого зданія.

— И эта дверь, сказалъ Филь, указывая на дверь, которая вела въ задній переулочекъ: была очень удобна, для того чтобы вносить и выносить *тѣла*.

Пріятное воспоминаніе. Но теперь въ комнатѣ было очень мало подобнаго убранства, кромѣ ветхаго скелета въ углу, нѣсколькихъ гипсовыхъ моделей череповъ, стклянокъ на старомъ бюро и заржавленной сбри на стѣнѣ. Эта комната сдѣлалась курительною комнатою мистера Филья; когда онъ выросъ, ему казалось унизительнымъ для своего достоинства сидѣть въ кухнѣ: честный буфетчикъ и ключница сами указали своему молодому барину, что тамъ лучше сидѣть, нежели съ лакеями. Итакъ тайно и съ наслажденіемъ выкурили мы много отвратительныхъ сигаръ въ этой печальной комнатѣ, огромныя стѣны и темный потолокъ которой вовсе не были печальны для насъ, находившихъ запрещенныя удовольствія самыми сладостными, по негѣ-

тому обыкновенію мальчиговъ. Докторъ Фарминъ былъ врагъ куренія и даже привыкъ говорить объ этой привычкѣ съ краснорѣчивымъ неодобраніемъ.

— Эта привычка низкая, привычка извошниковъ, посѣтителей кабаковъ и ирландскихъ торговокъ, говаривалъ докторъ, когда Филь и его другъ нереглядывались съ тайной радостью.

Отецъ Филь былъ всегда надушенъ и опрятенъ—образецъ свѣтской чопорности. Можетъ быть, онъ яснѣе понималъ хорошія манеры, чѣмъ нравственность; можетъ быть, его разговоръ былъ наполненъ пошlostями (говорилъ онъ по большой части о модныхъ людяхъ) и непоучителенъ, обращеніе его съ молодымъ лордомъ Эгамомъ довольно приторно и раболѣпно. Можетъ быть, я говорю, въ голову молодого мистера Пенденниса приходила мысль, что его гостепріимный хозяинъ и другъ, докторъ Фарминъ, былъ попросту сказать старый враль; но скромные молодые люди не скоро приходятъ къ такимъ неприятымъ заключеніямъ относительно старшихъ. Манеры доктора Фармина были такъ хороши, лобъ его былъ такъ высокъ, жабо такъ чисто, руки такъ бѣлы и тонки, что довольно долгое время мы простодушно восхищались имъ, и не безъ огорченія начали смотрѣть на него въ такомъ видѣ, какимъ онъ дѣйствительно былъ—нѣтъ, не такимъ каковъ онъ дѣйствительно былъ—ни одинъ человекъ, получившій доброе воспитаніе съ раннихъ лѣтъ не можетъ судить совершенно безпристрастно о человекѣ, который былъ добръ къ нему въ дѣтствѣ.

Я неожиданно оставилъ школу, разставшись съ моимъ маленькимъ Фильемъ, славнымъ, красивымъ мальчикомъ, нравившимся и старымъ, и молодымъ своей миловидностью, веселостью, своимъ мужествомъ и своей джентльменовской осанкой. Изрѣдка отъ него приходило письмо, исполненное той безыскусственной привязанности и нѣжности, которыя наполняютъ сердца мальчиговъ и такъ трогательны въ ихъ письмахъ. На эти письма давались отвѣты съ приличнымъ достоинствомъ и снискожденіемъ со стороны старшаго мальчика. Нашъ скромный деревенскій домикъ поддерживалъ дружескія сношенія съ большимъ лондонскимъ отелемъ доктора Фармина, откуда въ своихъ визитахъ къ намъ дядя мой, майоръ Пенденнисъ, всегда привозилъ новости. Между дамами велась корреспонденція. Мы снабжали мистриссъ Фарминъ маленькими деревенскими подарками—знаками доброжелательства и признательности моей матери къ друзьямъ, которые ласкали ея сына. Я отправился своею дорогою въ университетъ, иногда выдаясь съ Фильемъ въ школь. Потомъ я нанялъ квартиру въ Темплѣ, которую онъ посѣщалъ съ большимъ восторгомъ; онъ любилъ нашъ простой обѣдъ отъ Дика (*), и постель на диванѣ, болѣе чѣмъ великолѣпныя угощенія въ

(*) Кофейная.

Старой Паррской улицѣ и свою огромную мрачную комнату въ домѣ отца. Онъ въ это время переросъ своего старшаго пріятеля, хотя до сихъ поръ все продолжаетъ глядѣть на меня съ уваженіемъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ моя бѣдная мать произнесла приговоръ надъ мистриссъ Ферминъ, она имѣла причину пожалѣть о немъ и отбѣнить его. Мать Филя, которая боялась, а можетъ статься, ей было запрещено ухаживать за сыномъ въ его болѣзни въ школѣ, сама занемогла.

Филь воротился въ Грей-Фрайарсъ въ глубокомъ траурѣ; кучеръ и слуга тоже были въ траурѣ, а нѣкій тамошній тиранъ, начавшій было смѣяться и подшучивать, что у Фермина глаза были полны слезъ, при какомъ-то грубомъ замѣчаніи, получилъ строгій выговоръ отъ Сэмпсона, старшаго воспитанника, самаго сильнаго мальчика въ классѣ, и съ вопросомъ: «развѣ ты не видишь, грубіанъ, что бѣдняжка въ траурѣ?» получилъ порядочнаго пинка.

Когда Филиппъ Ферминъ и я встрѣтились опять, у насъ обоихъ на шляпахъ былъ крепъ. Я не думалъ, чтобы ктонибудь изъ насъ могъ очень хорошо разсмотрѣть лицо другаго. Я ѣздилъ къ нему въ Паррскую улицу, въ пустой печальный домъ, гдѣ портретъ бѣдной матери все еще висѣлъ въ пустой гостиной.

— Она всегда любила васъ, Пенденнисъ, сказалъ Филь:—Богъ да благословитъ васъ за то, что вы были добры къ ней. Вы знаете, что значить терять—терять тѣхъ, кто любитъ насъ болѣе всего на свѣтѣ. Я не зналъ какъ—какъ я любилъ ее до тѣхъ поръ, пока не лишился ее.

Рыданія прерывали его слова, когда онъ говорилъ. Портретъ ея былъ вынесенъ въ маленькій кабинетъ Филя—въ ту комнату, гдѣ онъ выказалъ презрѣніе къ своему отцу. Чтò было между ними? Молодой человѣкъ очень измѣнился. Откровенный видъ прежнихъ дней исчезъ, и лицо Филиппа было дико и смѣло. Докторъ не позволилъ мнѣ поговорить съ его сыномъ, когда нашелъ насъ вмѣстѣ, но съ умоляющимъ взглядомъ проводилъ меня до двери и заперъ ее за мною. Я чувствовала, что она закрылась за двумя несчастными людьми.

ГЛАВА III.

Консультация.

Хотя старшій Ферминъ проводилъ меня до дверей и пересталъ слѣдить за мной глазами, только когда я завернулъ за уголъ улицы, но я

былъ увѣрять, что Филь скоро откроетъ мнѣ свою душу, или дастъ какой нибудь ключъ къ этой тайнѣ. Я услышу отъ него, почему его румяныя щеки впали, зачѣмъ его свѣжій голосъ, который я помню такимъ откровеннымъ и веселымъ, былъ теперь суровъ и саркастиченъ и тоны его неприятно звучали въ ушахъ слушателя, а смѣхъ его было больно слышать. Я тревожился о самомъ Филиппѣ. Молодой человѣкъ получилъ въ наслѣдство отъ матери значительное состояніе — восемь или девять сотъ фунтовъ годового дохода. Онъ жилъ роскошно, чтобы не сказать расточительно. Я думалъ, что юношескія угрызения Филиппа были его скелетомъ и огорчался при мысли, что онъ попалъ въ бѣду. Мальчикъ былъ расточителенъ и упрямъ, а отецъ взыскателенъ и суровъ.

Я встрѣтилъ моего стараго пріятеля доктора Гуденофа въ клубѣ въ одинъ вечеръ; итакъ какъ мы обѣдали вмѣстѣ, я разговорился съ нимъ о его бывшемъ пациентѣ и напомнилъ ему тотъ день, много лѣтъ назадъ, когда мальчикъ лежалъ больной въ школѣ, и когда моя бѣдная мать и Филиппова были еще живы.

Гуденовъ принялъ очень серьезный видъ.

— Да, сказалъ онъ, мальчикъ былъ очень болѣнъ; онъ былъ при смерти въ то время—въ то время, когда его мать жила на островѣ Уайтѣ, а отецъ ухаживалъ за герцогомъ. Мы думали одно время, что ему уже пришло къ концу, но...

— Но искусный докторъ сталъ между нимъ и *pallida mors*.

— Искусный докторъ нѣтъ, а хорошая сидѣлка! Съ мальчикомъ былъ бредъ и ему вздумалось было выпрыгнуть изъ окна, онъ сдѣлалъ бы это, еслибы не моя сидѣлка. Вы ее знаете.

— Какъ, Сестрица?

— Да, Сестрица.

— Такъ это она ухаживала за Филемъ въ болѣзни и спасла его жизнь? Пью за ея здоровье. Добрая душа!

— Добрая! сказалъ докторъ грубымъ голосомъ и нахмурилъ брови. (Онъ бывало чѣмъ болѣе растрогается, тѣмъ свирѣпѣе становится). Добрая! Хотите еще кусочекъ утки? Возьмите. Вы ужъ довольно ее покушали, а она очень нездорова. Добрая, сэръ? Еслибы не женщины, огнь небесный давно сжегъ бы этотъ міръ. Ваша милая мать одна изъ добрыхъ женщинъ. Я лечилъ васъ, когда вы были больны, въ этой ужасной вашей квартирѣ въ Темплѣ, въ то самое время, когда молодой Фарминъ былъ боленъ въ Грей-Фрайярсѣ. Это по моей милости на свѣтѣ живутъ два лишнихъ шалуна.

— Отчего докторъ Фарминъ не поѣхалъ къ сыну?

— Гиз! нервы слишком деликатны. Впрочем, онъ приѣзжалъ. Легко на поминѣ!

Въ эту минуту, тотъ, о комъ мы говорили, то есть отецъ Фила, также бывший членомъ нашего клуба, вошелъ въ столовую; высокій, величественный и блѣдный, съ своею стереотипной улыбкой и съ граціознымъ жестомъ своей красивой руки. Улыбка Фермина какъ-то странно подергивала его красивыя черты. Когда вы подходили къ нему, онъ вытягивалъ губы, сморщивая челюсти, (чтобы образовались вѣроятно ямочки), съ каждой стороны. Между тѣмъ глаза его выкатывались съ какимъ-то меланхолическимъ выраженіемъ и совершенно отдѣльно отъ той продѣлки, которая происходила съ его ртомъ. Губы говорили: я джентльманъ съ прекрасными манерами и съ очаровательной ловкостью, и предположите, что я радъ васъ видѣть, но въ то же время уныло глядѣли черные глаза. Я знаю одно или два, но только одно или два мужскихъ лица, которыя, несмотря на свою озабоченность, могутъ все-таки улыбаться такъ, чтобы улыбка разливалась по всему лицу.

Гуденовъ угрюмо кивнулъ головою на улыбку другаго доктора, который кротко взглянулъ на нашъ столъ, поддерживая подбородокъ своей красивою рукою.

— Какъ поживаете? заворчалъ Гуденовъ.—А юноша здоровъ?

— Юноша сидитъ и куритъ сигары съ самаго утра съ своими прітелями, сказалъ Ферминъ съ грустною улыбкой, направленной въ этотъ разъ на меня.— Мальчики всегда будутъ чальчиками.

И онъ задумчиво отошелъ отъ насъ, дружески кивнулъ мнѣ головою, взглянулъ на карту обѣда, съ меланхолической граціей указалъ рукою въ блестящихъ перстняхъ на выбранныя имъ блюда, и пошелъ улыбаться другому знакомому къ отдаленному столу.

— Я думалъ, что онъ сядетъ за этотъ столъ, сказалъ циническій *compère* Фермина.

— На сквозномъ вѣтру? Развѣ вы не видите какъ пылаютъ свѣчи? Это самое дурное мѣсто во всей комнатѣ!

— Да развѣ вы не видите, кто сидитъ за сосѣднимъ столомъ?

За сосѣднимъ столомъ сидѣлъ очень богатый лордъ. Онъ ворчалъ на дурные бараньи котлеты и хересь, которыхъ онъ велѣлъ подать себѣ на обѣдъ; но такъ какъ его сіятельство не будетъ итѣть никакого дѣла съ нашей послѣдующей исторіей, то, разумѣется, мы не будемъ такъ нескромны, чтобы назвать его по имени. Мы могли видѣть, какъ Ферминъ улыбался своему сосѣду съ самой кроткой меланхоліей, какъ слуги принесли блюда, которыя спросилъ докторъ для своего обѣда. Онъ не любилъ бараньихъ котлетъ и грубаго хереса, а это зналъ, я, уча-

ствовавшій во многихъ пирахъ за его столомъ. Я могъ видѣть, какъ брильянты сверкали на его красивой рукѣ, когда онъ деликатно наливалъ пѣнищее вино изъ вазы со льдомъ, стоявшей возлѣ него—щедрой рукѣ дарившей мнѣ много совереновъ, когда я былъ мальчишкой.

— Я не могу не любить его, сказала я моему собесѣднику, презрительный взглядъ котораго время отъ времени устремлялся на его собрата.

— Этотъ портвейнъ очень сладокъ. Теперь почти всякій портвейнъ сладокъ, замѣтилъ докторъ.

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, когда я былъ въ школѣ, и Филиппъ былъ такой славный мальчикъ.

— Красивый мальчикъ. Сохранилъ онъ свою красоту? Отецъ былъ красивый мужчина—очень. Убійца дамъ, то есть не въ практикѣ, прибавилъ угрюмый докторъ—а мальчикъ что дѣлаеть?

— Онъ въ университетѣ. У него есть состояніе его матери. Онъ сумасброденъ, кутитъ, и я боюсь, что онъ немножко портится.

— Неужели? Впрочемъ не удивительно! заворчалъ Гуденовъ.

Мы говорили очень откровенно и пріятно до появленія другаго доктора, но съ приходомъ Фэрмина Гуденовъ пересталъ разговаривать. Онъ вышелъ изъ столовой въ гостиную и сѣлъ читать романъ до тѣхъ поръ, пока не настала пора ѣхать къ больнымъ или домой.

Для меня было ясно, что доктора не любили другъ друга, что между Фэрминомъ и его отцомъ были несогласія, но причину этихъ несогласій мнѣ оставалось еще узнать. Эта исторія доходила до меня отрывками, здѣсь изъ признаній, тамъ изъ рассказовъ, и изъ моихъ собственныхъ выводовъ. Я, разумѣется, не могъ присутствовать при многихъ сценахъ, которыя мнѣ придется рассказывать, какъ будто я былъ ихъ свидѣтелемъ, и поза, разговоръ, мысли Фэрмина и его друзей, такъ какъ они здѣсь рассказываются—безъ сомнѣнія, фантазія рассказчика во многихъ случаяхъ; но исторія эта также подлинна, какъ многія другія исторіи и читателю слѣдуетъ только придать ей такую степень вѣры, какую она заслуживаетъ по его мнѣнію, по своему правдоподобию.

Намъ надо не только обратиться къ той болѣзни, которая сдѣлалась съ Филиппомъ Фэрминомъ въ Грей-Фрайярсѣ, но вернуться еще далѣе къ періоду, который я не могу въ точности опредѣлить.

Воспитанники старой Гендишской приготовительной академіи живописи, можетъ быть, помнятъ смѣшнаго, маленькаго человѣчка съ большимъ, страннымъ талантомъ, относительно котораго мнѣнія друзей его были разногласны. Геній, или гаеръ Эндрю,—это было всегда спорнымъ пунктомъ между посѣтителями бильярдной въ Греческой улицѣ и благородными

учениками академіи художествъ. Онъ могъ быть сумасшедшимъ и нелѣпымъ, но онъ могъ имѣть талантъ; такіе характеры встрѣчаются и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Онъ коверкалъ англійскій языкъ, онъ былъ изумительно несвѣдущъ, онъ наряжалъ свою маленькую фигурку въ самый фантастическій костюмъ, въ самые странные и дешевые наряды, онъ носилъ бороду. Господи помилуй! двадцать лѣтъ тому назадъ бороды въ Великобританіи были весьма обыкновенны. Онъ былъ самое жеманное существо, и если вы глядѣли на него, онъ принималъ позы до того смѣшныя и грязныя, что если у васъ въ передней ждалъ кредиторъ или вашу картину не приняли въ академію—словомъ, если вы страдали отъ какогонибудь подобнаго бѣдствія, вы не могли удержаться отъ смѣха. Онъ былъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ, но у него было самое любящее, кроткое, вѣрное, благородное сердце, когда либо бывшее въ маленькой груди. Онъ теперь покоится вѣчнымъ сномъ; его палитра и мольбертъ брошены въ печку, его геній, имѣвшій нѣсколько вспышекъ, никогда не сіялъ ярко и угасъ. Въ одномъ старомъ альбомѣ, которому уже болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ, я иногда гляжу на странные, дикіе эскизы бѣднаго Эндрю. Онъ, можетъ быть, сдѣлалъ бы что нибудь, еслибы оставался бѣднымъ; но одна богатая вдова, которую онъ встрѣтилъ въ Римѣ, влюбилась въ страннаго, странствующаго живописца, пустилась за нимъ въ погоню въ Англію и заставила его почти насильно жениться на ней. Геній его притупился подъ раболѣпствомъ; онъ прожилъ только нѣсколько лѣтъ и умеръ отъ чахотки, отъ которой искусство доктора Гуденофа не могло вылечить его.

Въ одинъ день, когда онъ ѣхалъ съ женою въ ея великолѣпной коляскѣ по Геймаркету, онъ вдругъ велѣлъ кучеру остановиться, выпрыгнувъ изъ коляски прежде чѣмъ были опущены ступеньки, и его изумленная жена увидала, что онъ пожимаетъ руку бѣдно-одѣтой женщины, которая проходила мимо, пожимаетъ обѣ ея руки и плачетъ, и размахиваетъ руками, и дергаетъ бороду и усы—его привычка, когда онъ былъ взволнованъ. Мистриссъ Монфишэ (она была богатая мистриссъ Керрикфергусъ, прежде чѣмъ вышла за живописца), жена молодого мужа, выпрыгнувшаго изъ коляски, чуть не разстрѣлалась отъ этой демонстраціи; но она была женщина очень добрая, и когда Монфишэ, сѣвъ опять въ фамильный экипажъ, рассказалъ своей женѣ исторію женщины, съ которой онъ только что простился, она заплакала вдоволь. Она велѣла кучеру ѣхать прямо домой: побѣжала въ свои комнаты и вынесла оттуда огромный мѣшокъ съ разною одеждою, а буфетчикъ, запыхавшись, тащилъ за нею корзину съ виномъ и пирогами; она поѣхала съ своимъ довольнымъ Эндрю въ переулокъ Сен-

Мартенскій, гдѣ жила бѣдная женщина, съ которой онъ только-что разговаривалъ.

Богу было угодно среди ея ужаснаго злополучія послать ей друзей и помощь. Она страдала отъ несчастья и бѣдности: ее малодушно бросили. Человѣкъ, называвшій себя Брандономъ, когда онъ нанялъ квартиру въ домѣ ея отца, женился на ней, привезъ ее въ Лондонъ и оставилъ, когда она ему надоѣла. Она имѣла причину думать, что онъ назвался фальшивымъ именемъ, когда нанималъ квартиру у ея отца: онъ бѣжалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и она никогда не узнала его настоящаго имени. Когда онъ бросилъ ее, она воротилась къ своему отцу, человѣку слабому, который былъ женатъ на самовластной женщинѣ, притворившейся будто она не вѣритъ ея браку и выгнавшей ее изъ дома. Въ отчаяніи и почти помѣшавшись, она воротилась въ Лондонъ, гдѣ у ней оставались еще кое-какія вещи послѣ бѣжавшаго мужа. Онъ общалъ, оставляя ее, присылать ей денегъ; но или онъ не прислалъ, или она не приняла и въ своемъ безумствѣ и отчаяніи потеряла то ужасное письмо, въ которомъ онъ объявлялъ о своемъ побѣгѣ, и о томъ, что онъ былъ женатъ прежде, что преслѣдовать значительно погубить его, а онъ зналъ, что она никогда *этого* не сдѣлаетъ—вѣтъ, какъ бы жестоко не оскорбилъ онъ ее.

Она осталась безъ копѣйки, брошенная всѣми, разставшись съ послѣдней вещицей, напоминавшей ея кратковременную любовь; продавъ послѣдніе остатки своего бѣднаго гардероба, она поселилась одна въ огромной Лондонской пустынѣ, когда Богу было угодно послать ей помощь въ особѣ стараго друга, который зналъ ее и даже любилъ въ болѣе счастливые дни. Когда благодѣтели явились къ этой бѣдной женщинѣ, они нашли ее больной и дрожавшей отъ лихорадки. Они привезли къ ней своего доктора, который никогда ни къ кому не спѣшилъ такъ, какъ къ бѣднымъ. Стоя у постели, которую окружали добрые друзья, пріѣхавшіе помочь ей, онъ услышалъ ея печальную исторію, узнавъ, какъ она довѣрилась и какъ была брошена.

Отецъ ея былъ человѣкъ изъ низкаго класса, но видѣвшій лучшіе дни; а въ обращеніи бѣдной мистриссъ Брандонъ было столько кротости и простоты, что добрый докторъ до крайности растрогался. Она не имѣла большаго образованія, кромѣ того, которое даютъ иногда безмолвіе, продолжительное страданіе и уединеніе. Когда она выздоровѣла, ей предстояло встрѣтить и преодолѣть бѣдность. Какъ будетъ она жить? Докторъ привязался къ ней какъ къ родной дочери. Она была опрятна, бережлива и иногда отличалась такой наивной веселостью. Цвѣтокъ зацвѣлъ, когда солнечный лучъ коснулся его. Вся ея жизнь до сихъ поръ леденѣла отъ небреженія, тиранства и мрака.

Мистеръ Монфишэ такъ часто началъ прѣзжать къ маленькой отшельницѣ, которой онъ помогъ, что я долженъ сказать, что мистриссъ Монфишэ сдѣлалась истерически ревнива и караулила его на лѣстницѣ, когда онъ сходилъ, завернувшись въ свой испанскій плащъ, кидалась на него и называла его чудовищемъ. Гуденофъ также, кажется, подозрѣвалъ Монфишэ, а Монфишэ Гуденофа. Но докторъ клялся, что онъ никогда не имѣлъ другихъ чувствъ, кромѣ чувствъ отца къ своей бѣдной *protégée*, и никакой отецъ не могъ быть нѣжибѣ. Онъ не старался вывести ее изъ ея положенія въ жизни. Онъ нашелъ, или она сама нашла, работу, которой она могла заниматься.

— Папа всегда говорилъ, что никто не ухаживалъ за нимъ такъ хорошо какъ я, сказала она,—я думаю, что я могу дѣлать это лучше всего другаго, кромѣ шитья, но я болѣе люблю быть полезной бѣднымъ больнымъ. Тогда я не думаю о себѣ самой, сэръ.

И къ этому занятію добрый мистеръ Гуденофъ пріучилъ ее.

Вдова, на которой отецъ мистриссъ Брандонъ женился, умерла и ея дочери не хотѣли держать его, отзываясь очень непочтительно о старомъ мистерѣ Ганнѣ, который дѣйствительно былъ слабоумный старикъ. И тогда Каролина посвѣшила на помощь къ своему старому отцу. Эта маленькая Каролина была преспособная. Она скопила нѣсколько денегъ. Гуденофъ снабдилъ мистриссъ Брандонъ мебелью изъ своей дачи, которая была ему не нужна. Она вздумала пускать къ себѣ жильцовъ. Монфишэ снялъ съ нея портретъ. Въ ней былъ свой родъ красоты, которымъ восхищались художники. Когда съ академикомъ Ридли сдѣлалась оспа, она ходила за нимъ и заразилась. Она не заботилась объ этомъ.

— Красоту мою это не испортить, говорила она.

И дѣйствительно, красота ея не испортилась. Болѣзнь очень милостиво обошлась съ ея скромнымъ личикомъ. Не знаю, кто ей далъ ея прозваніе, но у ней былъ славный просторный домъ въ Торнгофской улицѣ; въ первомъ и во второмъ этажѣ жилъ художникъ;—и противъ «Сестрицы» никто никогда не сказалъ дурнаго слова, потому что въ комнатѣ нижняго этажа вѣчно сидѣлъ ея отецъ, прихлебывая грогъ. Ее мы прозвали «сестрицей» а отца ея «капитаномъ»—это былъ ленивый, хвастливый, добрый старикъ—капитанъ не слишкомъ почтенный и очень веселый, хотя поведеніе дѣтей, говорилъ онъ, разбило его сердце.

Не знаю сколько лѣтъ Сестрица исполняла эту должность, когда Филиппъ Ферминъ занемогъ скарлатиной. Она сдѣлалась съ нимъ передъ самыми вакаціями, когда всѣ мальчики разъѣхались домой. Такъ какъ отецъ Фила былъ въ отсутствіи, послали за докторомъ Гудено-

нофомъ, а тотъ прислалъ свою сидѣлку. Больному сдѣлалось хуже, до такой степени даже, что доктора Фармина вызвали съ острова Уайта и онъ пріѣхалъ въ одинъ вечеръ въ Грей-Фрайярсъ, столь безмолвный нынѣ, столь шумный въ другое время отъ криковъ и толпы учениковъ въ саду.

Карета доктора Гуденофа стояла у дверей, когда подъѣхала карета доктора Фармина.

— Каковъ мальчикъ?

— Ему было очень худо. Онъ бредилъ цѣлый день, болталъ и сбѣгался какъ сумасшедшій, сказалъ слуга.

Отецъ побѣжалъ на верхъ.

Филь лежалъ въ большой комнатѣ, въ которой было много пустыхъ кроватей воспитанниковъ, разѣхавшихся домой. Окна отворились на грей-фрайярскій сквэръ. Гуденовъ услышалъ, какъ подъѣхала карета его собрата, и вѣрно угадалъ, что пріѣхалъ отецъ Филь. Онъ вышелъ и встрѣтилъ Фармина въ передней.

— Голова немножко разстроилась. Теперь лучше, онъ спокоенъ.

И докторъ прошепталъ другому доктору, какъ онъ лечилъ больного.

Фарминъ тихо вошелъ къ больному, возлѣ котораго стояла Сестрица.

— Это кто? спросилъ Филь.

— Это я, милый, твой отецъ, сказалъ докторъ съ истинной нѣжностью въ голосѣ.

Сестрица вдругъ обернулась и грохнулась какъ камень возлѣ постели.

— Гнусный злодѣй! сказалъ Гуденовъ съ ругательствомъ и дѣлая шагъ впередъ—это былъ ты!

— Шшъ! Помните о больномъ, докторъ Гуденовъ, сказалъ другой врачъ.

ГЛАВА IV.

Знатная семья.

Составили вы себѣ мнѣніе о вопросѣ казаться и быть? Я говорю о томъ, что, положимъ, вы бѣдны, справедливо ли съ вашей стороны *казаться* богатымъ? Имѣютъ ли люди честное право принимать лож-

ный видъ? Можно ли васъ оправдать, когда вы голодаете за обѣдомъ, для того чтобы держать экинажъ; когда вы ведете такое роскошное хозяйство, что не можете помочь бѣдному родственнику, одѣваете вашихъ дочерей въ дорогіе наряды, потому что онѣ знакомы съ дѣвушками, родители которыхъ вдвое богаче васъ? Иногда трудно сказать, гдѣ кончается честная гордость и начинается лицемеріе. Выставлять на показъ вашу бѣдность низко и раболобно, также гнушно, какъ нищему выпрашивать состраданіе, показывая свои язвы. Но выдавать себя за богатаго — роскошничать и мотать три раза въ годъ, когда вы приглашаете вашихъ знакомыхъ, а остальное время глотать черствый хлѣбъ и сидѣть при одной свѣчѣ—чего достойны люди, употребляющіе такой обманъ,—похвалъ или розогъ? Иногда это благородная гордость, а иногда—низкое плутовство. Когда я вижу Евгению съ ея милыми дѣтьми, опрятную, веселую, не показывающую ни малѣйшей тѣни бѣдности, не приносящую ни малѣйшей жалобы; увѣряющую, что Скандерфильдъ, ея мужъ, обращается съ ней хорошо и добръ сердцемъ, и опровергающую, что онъ оставляетъ ее и ея малютокъ въ нуждѣ—я восхищаюсь этой благородной ложью, уважаю чудное постоянство и терпѣливость, которая пренебрегаетъ состраданіемъ. Когда я сижу за столомъ бѣдной Лезевиль, которая угощаетъ меня съ своей притворной добротой и съ своимъ жалкимъ великолѣпіемъ, я только сержусь на ея гостепримство; и этотъ обѣдъ, гость и хозяинъ—все виѣстъ фальшиво.

Обѣденный столъ Тальбота Тунсдена великъ, а гости самые почетные. Тутъ всегда два, три важныхъ барина и почтенная вдова, обѣдающая въ знатныхъ домахъ. Буфетчикъ предлагаетъ вамъ вина; передъ мистриссъ Тунсденъ лежитъ *menu du diner*, и читая его, вы, пожалуй, вообразите, будто вы на хорошемъ обѣдѣ. А кушанья похожи вкусомъ на рубленую солому. О, какъ уныло искрится это слабое шампанское, хересь изъ трактира, бордосское кисло, портвейнъ вяжетъ ротъ! Я пробовалъ это все, говорю я вамъ! Это подложное вино, подложный обѣдъ, подложный приемъ, подложная веселость между собравшимися гостями. Я чувствую, что эта женщина считаетъ котлетки, когда ихъ уносятъ со стола; можетъ быть, она жадно смотритъ на ту, которую вы съ трудомъ стараетесь проглотить. Она пересчитала каждую свѣчку, при которой поваръ стряпалъ обѣдъ. Объ остаткахъ вина въ этихъ жалкихъ бутылкахъ буфетчикъ долженъ завтра дать отчетъ. Если вы не принадлежите къ большому свѣту, Тунсденъ съ женою считаютъ себя лучше васъ и серьезно покровительствуютъ вамъ. Они думаютъ, что дѣлаютъ вамъ честь, приглашая на эти отвратительные обѣды, на которые они съ важностью приглашаютъ са-

ныхъ важныхъ людей. Я, право, встрѣчалъ тамъ Уинтона — знаменитаго Уинтона—дававшего лучшіе обѣды на свѣтѣ (ахъ, какое занятіе для мужчинъ!) Я наблюдалъ за нимъ и примѣтилъ, какое удивленіе овладѣло имъ, когда онъ отвѣдывалъ и отдавалъ лакею блюдо за блюдомъ, рюмку за рюмкой.

— Попробуйте, это шато-марго, Уинтонъ! кричитъ хозяинъ.—Это тотъ самый, который мы вывезли съ Ботльби.

Вывезли! Я вижу лицо Уинтона, когда онъ пробуетъ вино и ставить рюмку на столъ. Онъ не любитъ говорить объ этомъ обѣдѣ. Онъ потерялъ день. Тунсенъ продолжаетъ приглашать его каждый годъ; онъ продолжаетъ надѣяться, что и его пригласятъ съ мистриссъ Тунсенъ и съ дочерью и громко выражаетъ свое удивленіе въ клубѣ, говоря:

— Чортъ побери этого Уинтона! Онъ не прислалъ мнѣ дичи нынѣшній годъ!

Когда пріѣзжаютъ заграничные герцоги и принцы, Тунсенъ прямо подходитъ къ нимъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ. Иногда они поѣдутъ къ нему разъ—а потомъ спрашиваютъ: «*Qui donc est ce monsieur Tuisden, qui est si drôle?*» Онъ протолкается къ нимъ на вечерахъ у министровъ и прямо подаетъ имъ руку. А тихая мистрисъ Тунсенъ вертится, толкается, пожалуй, наступаетъ на ноги, вмѣстѣ съ дочерью, пока не сунется на глаза великому человѣку и не улыбнется и не поклонится ему. Тунсенъ дружески жметъ руку счастливицамъ. Онъ говоритъ успѣху «браво!» Напротивъ, я никогда не видалъ человѣка, у котораго доставало бы столько духа пренебрегать несчастными или у котораго хватало бы столько смѣлости забывать о тѣхъ, о комъ онъ не хочетъ вспомнить. Еслибы этотъ левитъ встрѣтилъ путешественника, ограбленнаго разбойниками, вы думаете, онъ остановился бы помочь павшему человѣку? Онъ не далъ бы ни вина, ни денегъ. Онъ прошелъ бы мимо, совершенно довольный своими собственными добродѣтелями, а того оставилъ бы добратся, какъ онъ можетъ, въ Иерихонъ.

Это чтó такое? Развѣ я сержусь на то, что Тунсенъ пересталъ приглашать меня на свой укусъ и свое рубленое сѣно? Нѣтъ, не думаю. Развѣ я обижаюсь на то, что мистриссъ Тунсенъ иногда покровительствуетъ моей женѣ, а иногда не хочетъ ее знать? Можетъ быть. Только однѣ женщины знаютъ вполне дерзость женщинъ другъ къ другу въ свѣтѣ. Это очень обветшалое замѣчаніе. Онѣ принимаютъ и переносятъ раны, вѣжливо улыбаясь. Томъ Свйерсъ (*) не могъ веселѣе

(*) Известный боксеръ.

ихъ принимать удары. Еслибы было видно *нодь* кошкой, вы нашли бы ихъ маленькія сердечки проткнутыми насквозь маленькими рывками. Я угадываю, что я видѣлъ, какъ моя собственная жена выносила дерзость этой женщины съ такимъ же спокойнымъ и безстрастнымъ лицомъ, какъ выносить она разговоръ старика Тумседена и его длинныя исторіи, которыя, право, могутъ свести съ ума. О, вѣтъ, я вовсе не сержусь! Я вижу это потому, какъ я пишу объ этихъ людяхъ. Кстати, между тѣмъ какъ я налагаю это чистосердечное мнѣніе о Тумседенахъ, останавливаюсь ли я иногда сообразить, что они думаютъ обо мнѣ? Какое мнѣ дѣло? Пусть думаютъ, что хотятъ. А пока—мы кланяемся другъ другу въ гостяхъ. Мы болѣзненно улыбаемся другъ другу. А что касается до обѣдовъ въ Бонашской улицѣ, я надѣюсь, что они явятся тѣмъ, кого приглашаютъ на нихъ.

Тумседенъ имѣлъ чиновникъ въ придворной конторѣ мудры и помады, а сынъ его тамъ же писаремъ. Когда дочери начали выѣзжать, онѣ были прехорошенькія—даже моя жена сознается въ этомъ. Одна изъ нихъ каждый день ѣздила верхомъ въ паркѣ съ отцомъ или братомъ; и зная какое онъ получалъ жалованье и какое состояніе было у его жены, и сколько онъ платилъ за квартиру въ Бонашской улицѣ, всѣ удивлялись, какъ Тумседены могли сводить концы съ концами. У нихъ были лошади, экипажъ и большое хозяйство, на содержаніе котораго шло покрайней мѣрѣ пять тысячъ въ годъ, а они и въ половину не имѣли того, какъ всѣмъ было извѣстно; полагали, что старикъ Рингудъ помогалъ своей племянницѣ. Конечно, она тяжело трудилась для этого. Я только-что говорилъ о ранахъ, у нихъ и бѣдныя бока, и грудь бывають проткнуты насквозь. Факиры не бичуютъ себя усердиѣмъ въкоторыхъ свѣтскихъ изувѣрокъ; а такъ какъ наказаніе служить поученіемъ, будемъ надѣяться, что свѣтъ шибко хлещеть по спииямъ и плечамъ и славно дѣйствуетъ кнутомъ.

Когда старикъ Рингудъ въ концѣ своей жизни, пріѣзжалъ навѣщать свою милую племянницу и ея мужа, и дѣтей, онъ всегда привозилъ въ карманѣ плеть и хлесталъ ею всѣхъ въ домѣ. Онъ насмѣхался надъ бѣдностью, надъ притязаніями, надъ низостью этихъ людей, когда они становились передъ нимъ на колѣни и воздавали ему почести. Отецъ и мать, дрожа, приводили дочерей получать наказаніе и жалобно улыбаясь, сами принимали оплеухи въ присутствіи своихъ дѣтей.

— А! говаривала гувернантка, французенка, сирежеса своими бѣлыми зубами — я люблю, когда пріѣзжаетъ милордъ. Вы каждый день хлещете меня, а милордъ хлещеть васъ, а вы становитесь на колѣни и дѣлуете прутья.

Они точно становились на колѣни и принимали бичеваніе съ прижѣрной твердостью. Иногда бичъ падалъ на спину папѣ; иногда на спину мамѣ, а иногда хлесталъ Агнесу, а иногда хорошенькія плечики Бланшъ. Но мнѣ кажется, что милордъ [болѣе всего любилъ раздѣлываться съ наслѣдникомъ дома, молодымъ Рингудомъ Тунсденомъ. Тщеславіе Рингуда было очень тонкокожее, эгоизмъ его легко было ранить, а кривлянья его при наказаніи забавляли стараго мучителя.

Когда подъѣзжалъ экипажъ милорда—скромный маленькій каричневый брумъ съ чудной лошадейю, съ кучеромъ похожимъ на лорда канцлера и великолѣпнѣйшимъ лакеемъ—дамы, знавшія топотъ колесъ его экипажа, и ссорившіяся въ гостиной, заключали перемиріе. Мамѣ пишеть за столомъ прекраснымъ, четкимъ почеркомъ, которымъ восхищаемся мы всѣ; Бланшъ сидитъ за книгой; Агнеса совершенно естественно встаетъ изъ-за фортепіано. Ссора между этими кроткими, улыбающимися, деликатными созданиями—невозможна! Отъ самаго обыкновеннаго женскаго лицезрѣнія мужчины краснѣли бы и конфузились, а какъ легко, какъ граціозно, съ какимъ совершенствомъ женщины дѣлають это!

— Ну, заворчите милордъ:—вы всѣ приняли такія милыя позы, что навѣрно вы грызлись. Я подозреваю, Марія, что мужчинамъ должно быть извѣстно, какой чертовски дурной характеръ у вашихъ дѣвочекъ. Кто можетъ видѣть, какъ вы деретесь здѣсь? Вы вѣдь умѣете притихнуть при другихъ, маленькія обезьяночки. Я скажу вамъ вотъ что: вѣрно горничныя рассказываютъ лакеямъ въ комнатѣ ключницы, а лакеи своимъ господамъ. Честное слово, въ прошломъ году въ Уингемъ Гринудъ испугался. Отличная была партія, прекрасный домъ въ городѣ и въ деревнѣ. Матери у него нѣтъ. Агнеса могла дѣлать что хотѣла, еслибы не...

— Не всѣ ангелы въ нашемъ семействѣ, дядюшка! вскричала, покраснѣвъ, миссъ Агнеса.

— И мать ваша слишкомъ бойка на языкъ. Мужчины боятся тебя, Марія. Я слышалъ это отъ многихъ молодыхъ людей; въ Уайтѣ (*) объ этомъ говорятъ совершенно свободно. Жаль дѣвушекъ, очень жаль. Мнѣ приходится и говорить Джэкъ, Галь и другіе бывающіе вездѣ.

— Право мнѣ все равно, что говорить обо мнѣ капитанъ Галь—противный негодяй! кричитъ Бланшъ.

— Вотъ вы и всбѣсились! Галь никогда не имѣетъ своего собственнаго мнѣнія. Онъ только подхватываетъ и разноситъ, что говорятъ

(*) Модный клубъ въ Лондонѣ.

другіе. И онъ разсказывалъ, будто всѣ мужчины говорятъ, что они боятся вашей матери. Что вы, полноте! Галль не имѣетъ своего мнѣнія. Кто нибудь вздумаетъ совершить убійство, а Галль будетъ ждать у дверей. Самый скромный человѣкъ. Но я поручилъ ему распросить о васъ. И вотъ что я слышу. И онъ говоритъ, что Агнеса строитъ глаза докторскому сыну.

— Какъ ему не стыдно! кричитъ Агнеса, проливая слезы подъ своею пыткой.

— Она старше его; но это не препятствіе. Красивый мальчикъ, вы вѣрно не будете противиться? У него есть деньги и материнскія и отцовскія—онъ долженъ быть богатъ. Пошлый, но талантливый и рѣшительный человѣкъ этотъ докторъ, и человѣкъ способный, какъ я подозреваю, на все. Не буду удивляться, если онъ женится на какой нибудь богатой вдовушкѣ. Эти доктора имѣютъ огромное вліяніе на женщинъ, и если я не ошибаюсь, Марія, твоя бѣдная сестра подѣлила...

— Дядюшка! вскрикиваетъ мистриссъ Тунсенъ, указывая на дочерей:—при нихъ....

— При этихъ невинныхъ овечкахъ! Гмъ! Ну, я думаю, что Ферминъ изъ породы волковъ, и старый вельможа смѣется и выставляетъ свои свирѣпые клыки.

— Съ огорченіемъ долженъ сказать, милордъ, что я согласенъ съ вами, замѣчаетъ мистеръ Тунсенъ.—Я не думаю, чтобы Ферминъ былъ человѣкъ съ высокими правилами. Талантливый человѣкъ? Да; человѣкъ образованный? Да; хорошій докторъ? Да; человѣкъ, которому дается въ жизни? Да; но что такое человѣкъ безъ правилъ?

— Вамъ слѣдовало бы быть пасторомъ, Тунсенъ.

— И другіе то же говорили, милордъ. Моя бѣдная матушка часто сожалѣла, что я не выбралъ духовное званіе. Когда я былъ въ камбриджскомъ университетѣ, я постоянно говорилъ въ нашемъ политическомъ клубѣ. Я практиковался въ искусствѣ говорить рѣчи. Я не скрываю отъ васъ, что моею цѣлью была публичная жизнь. Признаюсь откровенно, что нижняя палатка была бы моею сферой; а еслибы мнѣ позволили мои средства, я непременно выдвинулся бы впередъ.

Лордъ Рингудъ улыбнулся и подмигнулъ племянницѣ.

— Онъ хочетъ сказать, моя милая, что ему хотѣлось бы ораторствовать на мой счетъ, и что мнѣ слѣдовало бы предложить его депутатомъ отъ Уингэма.

— Я думаю, найдутся члены парламента и похуже, замѣтилъ мистеръ Тунсенъ.

— Еслибы всѣ были похожи на васъ, парламентъ походилъ бы на

звѣринецъ, заревѣлъ милордъ.—Ей-Богу, мнѣ это надоѣло. Мнѣ хотѣлось бы видѣть у насъ короля—молодца, который попросту заперъ бы обѣ палаты и заставилъ молчать всѣхъ этихъ болтуновъ.

— Я партизанъ порядка, но любитель свободы, продолжалъ Тунсенъ.—Я утверждаю, что наша конституція...

Я думаю, милордъ позволилъ бы себѣ кое-какія изъ тѣхъ ругательствавъ, какими изобильно украшался его старомодный разговоръ; но слуга доложилъ въ эту минуту о мистерѣ Филиппѣ Ферминѣ и на щекахъ Агнесы, которая чувствовала, что глаза стараго лорда устремлены на нее, вспыхнулъ слабый румянецъ.

— Я видѣлъ васъ въ оперѣ вчера, говоритъ лордъ Рингудъ.

— И я васъ видѣлъ тоже, отвѣчаетъ прямодушный Филь.

На лицахъ женщинъ выразился ужасъ, и Тунсенъ испугался. Тунсенъ иногда бывали въ ложѣ лорда Рингуда. Но старикъ саживалъ иногда въ другихъ ложахъ, гдѣ они никогда *не могли* видѣть его.

— Зачѣмъ вы смотрите на меня, а не на сцену, сэръ, когда бываете въ оперѣ? Когда вы въ церкви, вы должны глядѣть на пастора, должны вы или нѣтъ?—заворчалъ старикъ.—На меня точно также пріятно смотрѣть, какъ и на перваго танцора въ балетѣ—я почти также старъ. Но еслибы я былъ на вашемъ мѣстѣ, мнѣ было бы пріятнѣе смотрѣть на Эльслеръ.

Теперь вы можете представить себѣ о какихъ старыхъ, старыхъ временахъ пишемъ мы—временахъ, въ которыя еще существовали эти отвратительные дрихлые танцовщики, противныя существа, въ короткихъ рукавахъ, въ гирляндахъ или въ шляпахъ съ перьями на ихъ нелѣпныхъ старыхъ парикахъ, прыгавшіе въ первомъ ряду балета. Будемъ радоваться, что эти старыя обязанности почти исчезли со сцены и предоставили ее во владѣніе красивыхъ танцорокъ другаго пола. Ахъ, мои милые юные друзья, *придетъ* время когда и онѣ тоже перестанутъ являться сверхъестественно прелестными! Филиппу въ его дѣта онѣ казались очаровательны, какъ гуріи. Въ то время простодушный молодой человекъ, смотрѣвшій на балетъ съ своего кресла въ оперѣ, принималъ карминъ за румянецъ, жемчужную пуару за природную бѣлизну, а хлопчатую бумагу за натуральную симметрію, и навѣрно когда вступилъ въ свѣтъ, былъ не дальновиднѣе относительно его разрумяненной невинности, приторныхъ претензій и набѣленного чистосердечія. Старый лордъ Рингудъ находилъ юмористическое удовольствіе ласкать и дѣлать Филиппа Фермина при рождественникахъ Филиппа въ Бонашской улицѣ. Даже дѣвушки нѣсколько завидовали предпочтенію, которое дядюшка Рингудъ оказывалъ Филью; а старшіе Тунсенъ и Рингудъ Тунсенъ, сынъ ихъ, корчили отъ досады при

видѣ предпочтенія, которое старикъ показывалъ иногда сыну доктора. Филь былъ гораздо выше, гораздо красивѣе, гораздо сильнѣе, гораздо богаче молодого Тунсдена. Онъ былъ единственнымъ наследникомъ состоянія отца и имѣлъ уже тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ послѣ матери. Даже когда ему сказали, что отецъ его женится опять, Филь засмѣялся и повидимому не заботился объ этомъ. «Желаю ему счастья съ его новой женою», вотъ все чего можно было отъ него добиться; когда онъ женится, я думаю, что я переѣду на квартиру. Старая Паррская улица совсѣмъ не такъ весела, какъ Чалль — Молль». Я не сержусь на мистриссъ Тунсденъ за то, что она немножко завидовала своему племяннику. Ея сынъ и дочери были плодомъ почти тельнаго брака; а Филь былъ сыномъ непослушной дочери. Ея дѣти всегда вели себя почтительно съ своимъ дѣдомъ; а Филь заботился о немъ не болѣе какъ и о всякомъ другомъ, а онъ болѣе любилъ Филья. Ея сынъ былъ подобострастенъ и старался угождать, какъ самый омеренный изъ льстецовъ его сіятельства; а лордъ Рингудъ отрызгался на него, поступалъ съ нимъ съ презрѣніемъ, топталъ ногами нѣжныя чувства бѣдняжки и обращался съ нимъ едва ли лучше чѣмъ съ лакеемъ. Бѣдному же мистору Тунсдену милордъ не только зввалъ прямо въ лицо — отъ этого удержаться было нельзя — но насмѣкался надъ нимъ, перебивалъ его, говорилъ ему престо, чтобы онъ молчалъ. Въ тотъ день, когда вся семья сидѣла вѣстѣ, въ самое пріятное время передъ обѣдомъ, лордъ Рингудъ сказалъ Филью:

— Вы обѣдаете у меня сегодня, сэръ?

«Зачѣмъ онъ не приглашаетъ меня, при моей способности къ разговору?» думалъ про себя старикъ Тунсденъ.

— Чортъ его возьми, онъ вѣчно приглашаетъ этого нищаго, досадовалъ молодой Тунсденъ въ своемъ углу.

— Очень жалю сэръ, не могу. Я пригласилъ кое-кого изъ моихъ товарищей обѣдать со мною въ тавернѣ, сказалъ Филь.

— Зачѣмъ вы имъ не откажете? закричалъ старый лордъ. — Вы отказали бы имъ, Тунсденъ, вы отказали бы?

— О, сэръ! И сердце у отца и сына забилось.

— Вы знаете, что вы отказали бы, и вы поссоритесь съ этимъ молодчикомъ за то, что онъ не отказываетъ своимъ друзьямъ. Прощайте же, Фэрминъ, если вы не будете.

Съ этими словами милордъ ушелъ.

Оба хозяина угрюмо глядѣли изъ окна, какъ брумъ милорда быстро уѣхалъ по дождю.

— Я не знаю, когда вы обѣдаете въ этихъ отвратительныхъ тавернахъ, шепнула Филиппу молодая дѣвушка.

— Это гораздо веселѣе, чѣмъ обѣдать дома, замѣтилъ Филиппъ.

— Вы слишкомъ много курите и пьете, поздно возвращаетесь домой и не живете въ приличномъ обществѣ, сэръ, продолжала молодая дѣвушка.

— Что же вы хотите, чтобы я дѣлалъ?

— О, ничего! Вы должны обѣдать съ этими ужасными людьми, говоритъ Аггеса:— а то вы могли бы быть сегодня у леди Пендлтонъ.

— Я легко могу отказать этимъ людямъ, если вы желаете, отвѣчала молодой человекъ.

— Я? Я ничего подобнаго не желаю. Вѣдь вы уже отказали дядюшкѣ Рингуду.

— Вы не лордъ Рингудъ, говоритъ Филъ съ трепетомъ въ голосѣ. Не знаю, могу ли я отказать вамъ въ чемъ нибудь.

— Глупенькій! Развѣ я прошу васъ когда нибудь о томъ, въ чемъ вы должны отказать мнѣ? Я хочу, чтобы вы жили въ свѣтѣ, а не съ вашими ужасными, сумасбродными оксфордскими и темпльскими холостяками. Я не хочу, чтобы вы курили. Я хочу, чтобы вы бывали въ свѣтѣ, куда вы имѣете спѣе—а вы отказываете дядѣ изъ-за того, что у васъ какой-то тамъ претивный обѣдъ въ тавернѣ!

— Остаются мнѣ у васъ? тетюшка, дадите вы мнѣ обѣдать здѣсь? спрашиваетъ молодой человекъ.

— Мы обѣдали, а мой мужъ и сынъ обѣдаютъ въ гостяхъ, сказала кроткая мистриссъ Тунсенъ.

Для дамъ была холодная баранина и чай; и мистриссъ Тунсенъ не хотѣлось, чтобы племянникъ ея, привыкшій къ хорошему столу и къ роскошной жизни, сѣлъ за ея скудный обѣдъ.

— Видите, я долженъ утѣшиться въ тавернѣ, сказалъ Филиппъ. У насъ будетъ тамъ пріятная компанія.

— А позвольте спросить, кто тамъ будетъ? спросила молодая дѣвушка.

— Ридли живописецъ.

— Милый Филиппъ, вы знаете, отецъ его былъ просто...

— Слугою лорда Тодмордена? Онъ часто говоритъ намъ это. Престранный этотъ старикъ.

— Мистеръ Ридли, конечно, гениальный человекъ. Картины его восхитительны, онъ бываетъ вездѣ; но, но вы сердите меня, Филиппъ, вашей безпечностью—право такъ. Зачѣмъ вамъ обѣдать съ сыновьями лаксеевъ, когда вамъ могутъ быть открыты первые дома въ Англіи? Вы меня огорчаете, сумасбродный мальчикъ...

*

— Тѣмъ, что я обѣдаю въ обществѣ гениальнаго человѣка? полно-те Агнеса!

И лобъ молодаго человѣка нахмурился.

— Притомъ, прибавилъ онъ тономъ сарказма въ голосъ, который вовсе не понравился миссъ Агнесъ—притомъ, моя шила, вы знаете, что онъ обѣдаетъ у лорда Пендльтона.

— Что вы говорите о леди Пендльтонъ, дѣти? спросила бдительная мама изъ своего угла.

— Ридли обѣдаетъ тамъ. Онъ будетъ обѣдать со мною въ гавернѣ сегодня. И лордъ Гальденъ будетъ, и мистеръ Уинтонъ будетъ—они слышали о знаменитомъ бифстексѣ.

Уинтонъ, лордъ Гальденъ, бифстексъ! Гдѣ, ей-Богу! и я тоже пойду! Гдѣ вы обѣдаете? au cabaret? Чортъ меня возьми, и я буду! вскрикнулъ маленькій Тунсенъ къ ужасу Филиппа, который зналъ ужасную способность дяди къ разговорамъ. Но Тунсенъ опомнился во время къ великому облегченію молодаго Фермина.

— Чортъ меня возьми. Я забылъ! Твоя тетка и я обѣдаемъ у Блэдизовъ. Глупый старичишка адмиралъ и вино прескверное—это не простительно; но мы должны ѣхать—on n'a que sa parole? Скажи Уинтону, что я думалъ было пріѣхать туда и что у меня есть еще то Шато-марго, которое онъ любилъ. Отца Гальдена я знаю хорошо. Скажи ему это. Привези его сюда. Марія, пошли лорду Гальдену пригласительный билетъ на четвергъ! Ты долженъ привезти его сюда обѣдать, Филиппъ. Это самый лучший способъ знакомиться, мой милый!

И маленькій человѣкъ чванно замахалъ подсвѣчникомъ, какъ будто хотѣлъ выпить стаканъ горячаго стеарина.

Имена такихъ знатныхъ особъ, какъ лордъ Гальденъ и мистеръ Уинтонъ, заставили умолкнуть упреки задумчивой Агнесы.

— Вамъ не понравится нашъ спокойный домъ послѣ знакомства съ такими знатными людьми, Филиппъ! сказала она со вздохомъ.

Уже не было болѣе разговора о томъ, что онъ бросается въ дурную компанію.

Филиппъ не обѣдалъ у своихъ родственниковъ. Тальботъ Тунсенъ позаботился дать знать лорду Рингуду, какъ молодой Ферминъ назывался обѣдать у тетки въ тотъ самый день, какъ онъ отказалъ его сѣятельству. И все къ невыгодѣ Филя, и всякій сумасбродный поступокъ, всякую шалость молодаго человѣка, дядя Филя и кузень Филя, Рингудъ Тунсенъ передавалъ старому лорду. Еслибы лордъ Рингудъ слышалъ это не отъ нихъ—онъ разсердился бы, потому что требовалъ повинненія и раболѣпства отъ всѣхъ окружающихъ; но пріятнѣе бы-

до бѣсить Тунсденовъ, чѣмъ бранить Филиппа, поэтому его сѣятельство хохоталъ и забавлялся неповиновеніемъ Фила. Онъ видѣлъ также другія вещи, которыхъ не говорилъ. Это былъ старикъ хитрый, онъ могъ оставаться слѣпымъ при случаѣ.

Какъ вы судите о томъ, что Филиппъ былъ готовъ дать или нарушить слово по наущеніямъ молодой дѣвушки? Когда вамъ было двадцать лѣтъ, развѣ молодыя дѣвушки не имѣли вліянія надъ *вами*? Не были ли онѣ почти всегда старѣе васъ? Довела ли васъ до чего нибудь ваша юношеская страсть и сожалѣете-ли вы теперь, что нѣтъ? Положимъ ваше желаніе исполнилось и вы женились бы на ней—какихъ лѣтъ была бы она теперь? А теперь, когда вы бываете въ свѣтѣ и видите ее, скажите по чистой совѣсти: очень сожалѣете вы, что это маленькое приключеніе пришло къ концу? Та ли это (худощавая или полная, или низенькая, или высокая) женщина со всѣми этими дѣтьми, по которой когда-то терзалось ваше сердце и все ли еще вы завидуете ея мужу? Филиппъ былъ влюбленъ въ свою кузину, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но въ университетѣ развѣ онъ не былъ прежде влюбленъ въ дочь профессора миссъ Буддъ, и не писалъ ли онъ уже стихи миссъ Флоуеръ, дочери его сосѣда въ Старой Паррской улицѣ? И развѣ не всегда молодые люди влюбляются сначала въ женщинъ старѣе себя? Агнеса была старше Филиппа, какъ ея сестра постоянно заботилась напоминать ему.

А Агнеса могла бы рассказать кой-какія сказочки о Бланшъ, еслибы хотѣла—какъ вы можете обо мнѣ, а я о васъ. Сказочки, не совсѣмъ справедливыя, но съ достаточной примѣсью лжи, для того чтобы сдѣлать ихъ ходячею монетою, такія сказочки, какія мы ежедневно слышимъ въ свѣтѣ, такія сказочки, какія мы читаемъ въ самыхъ ученыхъ и добросовѣстно составленныхъ историческихъ книгахъ, которыя рассказываются самыми почтенными людьми и считаются совершенно подлинными, пока ихъ не опровергнуть. Только *нашихъ* исторій нельзя опровергнуть (если только романисты сами себя неопровергнуть, какъ иногда бываетъ съ ними). То что *мы* говоримъ о добродѣтеляхъ, недостаткахъ, характерахъ другихъ людей, все это справедливо, вы можете быть увѣрены въ томъ. Пусть-ка кто-нибудь попробуетъ утверждать, что мое мнѣніе о семействѣ Тунсденовъ коварно или жестоко, или вовсе неосновательно въ нѣкоторемъ отношеніи. Агнеса писала стихи и перекладывала на музыку свои собственныя и чужія поэмы. Бланшъ была дѣвушка ученая, и очень прилежно посѣщала публичныя лекціи въ Альбермальской улицѣ. Обѣ онѣ были женщины образованныя, какъ водится, хорошо воспитанныя, свѣдущія, съ прекраснымъ обращеніемъ, когда онѣ хотѣли нравиться. Если вы

были холостякъ съ хорошими состояніемъ или вдовецъ, нуждавшійся въ утѣшеніи, или дама, дававшая очень хорошіе вечера и принадлежавшая къ большому свѣту, вы нашли бы ихъ пріятными особами. Если вы были чиновникомъ въ казначействѣ или молодымъ адвокатомъ безъ практики, или дамою старою или молодою, но не принадлежавшею къ высшему свѣту, ваше мнѣніе о нихъ было бы не такъ благопріятно. Я видѣлъ, какъ онѣ презирали, избѣгали, ласкали, становились на колѣни, и поклонялись одному и тому же лицу. Когда мистриссъ Ловелль начала давать вечера, развѣ я не помню, какое негодованіе изображалось на лицахъ Тунсендовой семьи? Былъ ли кто холоднѣе васъ, милыя дѣвушки? Теперь онѣ ее любятъ, ласкаютъ ее пасыновъ, хвалятъ ее и въ глаза и за глаза, въ публикѣ берутъ ее за руку, называютъ ее по имени, приходятъ въ восторгъ отъ ея нарядовъ и готовы, кажется, принести уголья для камня въ ея уборной, еслибы она велѣла имъ. Она не измѣнилась. Она та же самая леди, которая когда-то была гувернанткой—и не холоднѣе, и не любезнѣе съ тѣхъ поръ. Но вы видите, что счастье вызвало наружу ея добродѣтели, которыхъ люди не примѣчали, когда она была бѣдна. Могли ли люди видѣть красоту Сандрилоны, когда она сидѣла въ рубищѣ у огня, до тѣхъ поръ, пока она вся въ брилліантахъ не вышла изъ своей волшебной колесницы. Какъ вы узнаете брилліантъ въ сорной ямѣ? Это могутъ увидать только очень зоркіе глаза. Между тѣмъ какъ дама, въ волшебной колесницѣ въ восемь лошадей, естественно, производитъ впечатлѣніе и заставляетъ принцевъ просить ее сдѣлать имъ честь танцовать съ ними.

Въ качествѣ непогрѣшимого историка, я объявляю, что если жистъ Тунсенъ въ двадцать три года чувствуетъ большую или маленькую привязанность къ своему еще несовершеннолѣтнему кузену, то нѣтъ никакой причины сердиться на нее. Славный, красивый, прямодушный, широкоплечій, веселый молодой человекъ, съ свѣжимъ румянцемъ на лицѣ, съ весьма хорошими дарованіями (хотя онъ былъ страшно лѣнивъ и удаленъ на время изъ университета), обладатель и наследникъ порядочнаго состоянія, могъ естественно сдѣлать нѣкоторое впечатлѣніе на сердце дѣвушки, съ которою родство и обстоятельства сводили его ежедневно. Когда такіе задушевные звуки, какъ смѣхъ Филы слышались въ Бонашской улицѣ? Его шутливая откровенность трогала его тетку, женщину умную. Она улыбалась и говорила:

— Милый Филиппъ, не только то, что ты говоришь, но и то, что ты собираешься сказать, держитъ меня въ такомъ постоянномъ трепетѣ.

Можетъ статься, было время, когда и она была чистосердечна и задушевна; давно, когда она и сестра ся были двумя румяными дѣвуш-

ками, любившими другъ друга и дружными между собою, и только что вступившими въ свѣтъ. Но если вамъ удастся содержать великолѣпный домъ съ маленькимъ доходомъ, показывать веселое лицо свѣту, хотя васъ тяготятъ заботы; сносить съ почтительнымъ уваженіемъ нестерпимо скучнаго мужа (а я увѣряю, что именно этимъ послѣднимъ качествомъ я наиболѣе восхищаюсь въ мистриссъ Тунсендъ); покоряться поражениямъ съ терпѣніемъ, униженіямъ съ улыбками — вамъ, можетъ быть, удастся все это, но вы не должны надѣяться быть искренной и задушевной. Бракъ сестры съ докторомъ сильно напугалъ Марію Рингуудъ, потому что лордъ Рингуудъ былъ взбѣшенъ, когда пришло это извѣстіе; тогда, можетъ быть, она пожертвовала своей собственной, маленькой, тайной страстью; сначала она кокетничала съ однимъ знатнымъ молодымъ сосѣдомъ, который обманулъ ее, потомъ, за недостаткомъ лучшаго, она вышла за Тальбота Тунсдена, эсквайра, и была для него вѣрною женою, а дѣтиамъ его заботливою матерью. Что же касается до откровенности и задушевности, мой добрый другъ, принимайте отъ женщины то, что она можетъ дать вамъ—хорошее обращеніе, пріятный разговоръ, приличное вниманіе. Если вы завтракаете у нея, не спрашивайте яйцо кондора, но кушайте это порядочно свѣжее куриное яйцо, которое Джонъ приносить вамъ. Когда мистриссъ Тунсендъ ѣдетъ въ коляскѣ по парку, какъ она кажется счастлива, хороша и весела, какъ дѣвушки улыбаются и какъ кажутся молоды (то есть, знаете, соображая все); лошади такія жирныя, кучеръ и лакей такіе видные; дамы размѣниваются поклонами съ сидящими въ другихъ экипажахъ — извѣстными аристократками. Джонъ и Броунъ, облокотившись о перила и видя какъ тунсендскій экипажъ проѣзжаетъ мимо, не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ немъ сидятъ люди богатые и свѣтскіе.

— Джонъ, мой милый, у какой знатной фамиліи этотъ девизъ: Well done Twys done (*) и какія это дѣвушки сидятъ въ этой коляскѣ! Броунъ замѣчаетъ Джонсу:

— А Какой красивый франтъ ѣдетъ на гнѣдой лошади и разговариваетъ съ бѣлокурою дѣвушкой!

И покрайней мѣрѣ для одного изъ этихъ джентльменовъ очевидно, что онъ глядитъ на людей перваго сорта.

А Филь Ферминъ на своей гнѣдой лошади съ гераниумомъ въ петлицѣ, безъ всякаго сомнѣнія кажется такъ красивъ, такъ богатъ, такъ молодцоватъ, какъ любой лордъ. И мнѣ кажется, Джонъ долженъ былъ почувствовать маленькую зависть, когда его другъ сказалъ ему:

(*) Непереводимый каламбуръ; *хорошо сдѣлано, сдѣлано два раза*. Twice done и Twysden. Пр. перев.

— Лордъ, что вы! Этотъ франтъ сынъ доктора.

Но пока Джонсъ и Броунъ воображаютъ, что все это маленькое общество очень счастливо, они не слышатъ, какъ Филь шепчетъ своей кузинѣ:

— Надѣюсь, что вамъ понравилса вашъ вчерашній кавалеръ?

И они не видятъ какъ растревожена мистриссъ Тунсенъ подъ своими улыбками, какъ она примѣчаетъ подъѣзжающій кабриолетъ полковника Шафто (кавалеръ, о которомъ идетъ рѣчь) и какъ ей хотѣлось бы, чтобы Филь былъ гдѣ ему угодно, только не съ этой стороны ея коляски; какъ леди Брагландсъ проѣхала мимо, не обративъ на нихъ вниманiя— леди Брагландсъ, которая даетъ балъ, и рѣшилась не приглашать этой женщины съ ея дочерьми; какъ хотя леди Брагландсъ не хочетъ видѣть мистриссъ Тунсенъ въ ея бросающемся въ глаза экипажѣ, и три лица улыбающiяся ей, она немедленно примѣчаетъ леди Ловелль, которая проѣзжаетъ въ своемъ маленькомъ брумѣ и посылаетъ ей двадцать поцѣлуевъ рукой. Какъ же бѣднымъ Джонсу и Броуну, которые не принадлежатъ, *vous comprenez*, къ большому свѣту, понать эти таинственности?

— Этотъ красивый молодой человекъ Ферминъ? говорить Броунъ Джонсу.

— Докторъ женился на племянницѣ графа Рингуда, бѣжалъ съ ней, вы знаете.

— Хорошая практика?

— Отличная. Первоклассная. Все важные люди. Докторъ знатныхъ дамъ; онѣ не могутъ обойтись безъ него. Богатѣеть, кромѣ того что получилъ за женой.

— Мы видѣли его имя—старика, на очень странной бумажкѣ, говорить Броунъ, подмигнувъ Джонсу.

Поэтому я заключаю, что это джентльмены изъ сити. И они пристально смотрятъ на нашего прiятеля Филиппа, когда онъ подъѣзжаетъ поговорить и подать руку нѣкоторымъ пѣшеходамъ, которые смотрятъ черезъ перила на шумную и прiятную сцену въ паркѣ.

ГЛАВА V.

Благородный родственникъ.

Имѣвъ случай упомянуть разъ или два о благородномъ графѣ, я увѣренъ, что ни одинъ вѣжливый читатель не согласится, чтобы его

сіятельство толкался въ этой исторіи въ толпѣ обыкновенныхъ лицъ безъ особеннаго описанія, относящагося собственно къ нему. Если вы хоть сколько нибудь знакомы съ Бёрке или Дебреттомъ (*), вы знаете, что древняя фамилія Рингудовъ была давно знаменита своими огромными владѣніями и своимъ вѣрнопопданствомъ британскому престолу.

Въ смутахъ, по несчастію волновавшихъ это королевство послѣ ниспроверженія послѣдняго царствующаго дома, Рингуды были замѣшаны съ многими другими фамиліями, но при вступленіи на престолъ его величества Георга III, эти несогласія кончились счастливо, и монархъ не имѣлъ болѣе вѣрнаго и преданнаго подданнаго, какъ сэръ Джонъ Рингудъ, баронетъ, владѣлецъ Уингѣтскаго и Уингѣмскаго помѣстьевъ. Вліяніе сэра Джона отравило трехъ членовъ въ парламентъ; а во время опаснаго и непріятнаго періода американской войны, это вліяніе такъ искренно и постоянно употреблялось на пользу порядка и престола, что его величество заблагоразсудилъ возвести сэра Джона въ званіе барона Рингуда. Братъ сэра Джона, сэръ Фрэнсисъ Рингудъ, изъ Эппльшо, занимавшій юридическую профессію, также сдѣланъ былъ барономъ и чиновникомъ въ казначействѣ его величества. Первый баронъ, умершій въ 1786, былъ замѣненъ старшимъ сыномъ изъ двухъ его сыновей, Джономъ, вторымъ барономъ и первымъ графомъ Рингудомъ. Братъ его сіятельства высокородный полковникъ Филиппъ Рингудъ, умеръ достославнымъ образомъ во главѣ своего полка и защищая свою родину въ сраженіи при Бусако, въ 1810, оставивъ двухъ дочерей Луизу и Марію, которыя потомъ жили у графа, своего дяди.

Графъ Рингудъ имѣлъ только одного сына Чарльза виконта Сивкбарза, который къ несчастію умеръ отъ чахотки на двадцать второмъ году. И такимъ образомъ потомки сэра Фрэнсиса Рингуда сдѣлались наследниками огромныхъ помѣстьевъ графа въ Уингѣтѣ и Уингѣмѣ, хотя не пэрства, которое было укрѣплено за графомъ и его отцомъ.

У лорда Рингуда жили двѣ племянницы, дочери его покойнаго брата, полковника Филиппа Рингуда, убитаго въ испанской войнѣ. Изъ нихъ, младшая Луиза, была любимица его сіятельства; и хотя обѣ дѣвушки имѣли свое собственное значительное состояніе, но полагали, что дядя наградитъ ихъ, въ особенности потому, что онъ находился не въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ кузеномъ, сэромъ Джономъ Шо, который принялъ сторону виговъ въ политикѣ, между тѣмъ какъ его сіятельство былъ главою торіевъ.

Изъ этихъ двухъ племянницъ, старшая Марія, никогда не бывшая фавориткой дяди, вышла замужъ въ 1824, за Тальбота Тунсдена,

(*) Авторы двухъ словарей аристократическихъ англійскихъ фамилій. *Пр. перес.*

эсвайра; но младшая Луиза заслужила сильный гнѣвъ милорда, убѣжавъ съ Джорджемъ Брандомъ Фарминномъ эсвайромъ, докторомъ медицины, молодымъ джентльменомъ, воспитанникомъ кембриджскаго университета, который былъ при лордѣ Сникбарзѣ, снѣвъ графа Рингуда, когда онъ умеръ въ Неаполѣ и привезъ домой его тѣло въ Уингетскій замокъ.

Ссора съ младшей племянницей и равнодушіе его къ старшей (которую его сіятельство имѣлъ привычку называть старой шутковкой) сначала нѣсколько сблизил лорда Рингуда съ его наслѣдникомъ, сэромъ Джономъ Эпплшо; но оба джентльмена были очень твердаго, чтобы не сказать упрямаго характера. Они поссорились за раздѣлъ какого-то маленькаго наслѣдства, и оба разстались съ большой враждой и съ ругательствами со стороны его сіятельства, который никогда не стѣснялся въ выраженіяхъ и всякую вещь называлъ ея настоящимъ именемъ, какъ говорится.

Послѣ этой ссоры, полагали, что графъ Рингудъ женится на зло своему наслѣднику. Ему было не многимъ болѣе семидесяти лѣтъ и прежде онъ пользовался очень крѣпкимъ здоровьемъ. И хотя его характеръ былъ запальчивъ, а наружность не весьма пріятна (потому что даже въ портретѣ сэра Томаса Лауренса физиономія его весьма некрасива), нечего и сомнѣваться, что онъ могъ бы найти жену между молодыми красавицами въ его родномъ графствѣ или между самыми прелестными обитательницами Мэй-Фэра.

Но онъ былъ циникъ и, можетъ быть, болѣзненно сознавалъ свою непривлекательную наружность.

— Разуѣтса, я могу купить жену, говаривалъ его сіятельство. Неужели вы думаете, что отцы не продадутъ своихъ дочерей человеку моего званія и съ моимъ состояніемъ? Поглядите-ка на меня, мой добрый сэръ, и скажите, можетъ ли хоть какая нибудь женщина влюбиться въ меня? Я былъ женатъ—и одного раза слишкомъ довольно. Я терпѣть не могу безобразныхъ женщинъ, а ваши добродѣтельныя женщины, которыя дрожатъ и плачутъ потихоньку и читаютъ нравоученія мужичинамъ, нагоняютъ на меня тоску. Сэръ Джонъ Рингудъ Эпплшо оселъ и я его ненавижу, но не настолько же, однако, чтобы сдѣлать его несчастнымъ на всю жизнь, только для того, чтобы насолить ему. Умру, такъ умру. Вы думаете, много я забочусь о томъ, что будетъ послѣ меня?

И съ сардоническимъ юморомъ этотъ старшій лордъ проводилъ добрыхъ матушекъ, подставлявшихъ ему своихъ дочерей, онъ посылалъ жемчугъ Эмили, брильянты Фанни, билетъ въ оперу веселой Кэтъ, религиозныя книги благочестивой Селиндѣ, а въ концѣ сезона, отправ-

лялся въ свой огромный и удивленный замокъ на западѣ. «Онѣ всё одинаковы»—таково было мнѣніе его сятельства. Я боюсь, что это былъ злой и развратный старшій джентльменъ, мой милый. Но ахъ, не согласится ли женщина на кое-какія жертвы, чтобы исправить этого несчастнаго человѣка, навести это щедро одаренное природой, но погибшее существо, на путь правды; обратить къ вѣрѣ въ чистоту женскимъ эту заблудившуюся душу? Онѣ прельщали его пеленами на олтари для его уингетской церкви; онѣ искушали его религіозными трактатами; онѣ танцовали передъ нимъ; онѣ переарыгивали верхоиъ на лошадей черезъ барьеры; онѣ причесывались гладко или завивали локоны, соображаясь съ его вкусомъ; онѣ всегда были дома, когда онъ прѣѣзжалъ, а намъ съ вами, бѣдняжкамъ, грубо говорили, что ихъ дома нѣтъ; онѣ проливали слезы признательности надъ его букетами; онѣ нѣли для него; а матери ихъ, сдерживая свои рыданія, шептали:

— Какой ангелъ, моя Цецилія!

Разный чудный кормъ бросали онѣ этой старой птицѣ. Но она все-таки не давала себя поймать и въ концѣ сезона улетала въ свои западныя горы. А еслибы вы осмѣлялись сказать, что мистриссъ Нетли старалась поймать его, или леди Трапбойсъ разставляла ему сѣти, вы сами знаете, что вы были бы злымъ, грубымъ поносителемъ и сдѣлались бы извѣстны повсюду вашей глупой и пошлой клеветой на женщинъ.

Въ 1830 г. съ этимъ вельможей сдѣлался припадокъ подагры, который чуть было не передалъ его помѣстья родственнику его, баронету Эппльшо. Въ сосѣднемъ государствѣ происходила революція. Знаменитый царствующій домъ былъ изгнанъ изъ этой страны, а проекты реформъ (которыя грозили кончиться революціей) созрѣвали у насъ. Событія во Франціи, и тѣ, которыя готовились у насъ дома, такъ волновали лорда Рингуда, что съ нимъ сдѣлался одинъ изъ сильнѣйшихъ припадокъ подагры, отъ которыхъ когда либо онъ страдалъ. Крики его, когда его вынесли съ яхты въ домъ нанятый для него въ Райдѣ, были ужасны; слова его ко всемъ окружавшимъ были страшно выразительны, какъ леди Камли и дочь ея, которыя катались съ нимъ на яхтѣ нѣсколько разъ, могутъ засвидѣтельствовать. Дурно же расплатился грубый старикъ за всю ихъ доброту и вниманіе къ нему. Онѣ танцовали на его яхтѣ; онѣ обѣдали на его яхтѣ; онѣ весело переносили всё неудобства морскихъ поѣздокъ въ его обществѣ. А когда онѣ подбѣжали къ его креслу—чего не сдѣлали бы онѣ, чтобы успокоить старика въ его болѣзни и страданіяхъ?—когда онѣ подбѣжали къ его креслу, въ то время, какъ его катили на колесахъ по пристани, онъ называлъ мать и дочь самыми пошлыми и

ругательскими именами, и кричалъ имъ, чтобы онѣ отирались въ такое мѣсто, которое конечно я ужъ не назову.

Случилось въ это самое время доктору и мистриссъ Фарминтъ быть въ Райдѣ, съ своимъ маленькимъ сыномъ, которому было тогда три года. Докторъ уже находился въ числѣ самыхъ модныхъ лондонскихъ докторовъ и начиналъ приобретать знаменитость своимъ леченіемъ этой болѣзни (сочиненіе Фармина о *подагрѣ* и *ревматизмѣ* было, какъ вы помните, посвящено его величеству Георгу IV). Камердинеръ лорда Рингуда посовѣтовалъ ему пригласить этого доктора, упомянуть, что онъ теперь въ этомъ городѣ. Лордъ Рингудъ всегда умѣлъ подчинить свой гнѣвъ своимъ удобствамъ. Онъ немедленно велѣлъ прѣгласить мистера Фармина и покорился его леченію. Наружность Фармина была такъ величественна, что онъ казался гораздо знатнѣе многихъ знатныхъ вельможъ. Шесть футовъ роста, благородныя манеры, гладкій лобъ, блестящіе глаза, бѣлая какъ снѣгъ манишка, красивая рука изъ подъ бархатнаго обшлага—всѣ эти преимущества имѣлъ онъ и пользовался ими. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на прошлое, но обращался съ своимъ пациентомъ съ чрезвычайной вѣжливостью и съ непроницаемымъ самообладаніемъ.

Эта угрюмая и холодная вѣжливость не всегда не нравилась старику. Онъ такъ привыкъ къ раболѣпной угодливости и къ торопливому повиновенію всѣхъ окружавшихъ его, что ему иногда надоѣдало ихъ раболѣпство и нравилась маленькая независимость. Изъ расчета или изъ благородства Фарминтъ рѣшился поддерживать независимыя отношенія съ его сіятельствомъ? Съ перваго дня ихъ встрѣчи онъ никогда отъ нихъ не отступалъ и имѣлъ удовольствіе видѣть только вѣжливое обращеніе со стороны своего благороднаго родственника и пациента, который славился своей грубостью почти со всѣми, кто попадался ему на глаза.

По намекамъ его сіятельства въ разговорѣ, онъ показалъ доктору, что ему были извѣстны нѣкоторыя подробности ранней карьеры Фармина. Она была сумасбродная и бурная. Фарминтъ надѣлалъ долговъ, поссорился съ своимъ отцомъ, вышелъ изъ университета и уѣхалъ за границу; жилъ въ обществѣ кутиль, которые каждую ночь играли въ карты, а по утрамъ иногда брались за пистолеты; онъ самъ убилъ на дуэли одного знаменитаго итальянскаго авантюриста, который палъ отъ руки его въ Неаполѣ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, пистолетныя выстрѣлы можно было слышать иногда въ лондонскихъ предмѣстьяхъ очень рано по утрамъ, а кости употреблялись во всѣхъ игорныхъ домахъ. Кавалеры ордена четырехъ королей путешествовали изъ столицы въ столицу, боролись между собою или обманывали простаковъ.

Теперь времена переѣнились. Только *sous-officiers*, поссорившись въ провинціальныхъ кофейныхъ за домино, выходятъ на дуэли. «Ахъ, Боже мой, говорилъ мнѣ намеренно со вздохомъ въ Бэйскомъ клубѣ (*) одинъ ветеранъ-понтеръ, не грустно ли думать, что еслибы мнѣ хотѣлось промотать для своего удовольствія пятидесяти фунтовый билетъ, я не знаю въ Лондонѣ ни одного мѣста, гдѣ я бы могъ проиграть его?» И онъ съ любовью припоминалъ имена двадцати мѣстъ, гдѣ могъ весело проиграть деньги въ своей молодости.

Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія за-границей, мистеръ Фэрминъ воротился на родину, получилъ позволеніе опять вступить въ университетъ и вышелъ съ степенью бакалавра медицины. Мы рассказывали, какъ онъ бѣжалъ съ племянницей лорда Рингуда и подвергнулся гнѣву этого вельможи. Кромѣ гнѣва и ругательствъ его сіятельство не могъ сдѣлать ничего. Молодая дѣвушка была свободна выдти за кого хотѣла, а ея дядя—отвергнуть или принять его. Мы видѣли, что его сіятельство не прощало ее до тѣхъ поръ, пока не нашелъ удобнымъ простить. Каковы были намѣренія лорда Рингуда относительно его имѣнія, сколько онъ скопилъ, кто будетъ его наследникомъ—никто не зналъ. Разумѣется, многіе сильно этимъ интересовались. Мистриссъ Туисденъ съ мужемъ и дѣтьми были голодны и бѣдны. Еслибы дядюшка Рингудъ оставилъ деньги, онѣ очень пригодились бы этимъ тремъ бѣдняжечкамъ, отецъ которыхъ не имѣлъ такого большаго дохода, какъ докторъ Фэрминъ. Филиппъ былъ милый, добрый, откровенный, любезный, сумасбродный малый—они всѣ его любили. Но у него были свои недостатки, которыхъ нельзя было скрыть—и вотъ недостатки бѣднаго Фила постоянно разбирались при дядюшкѣ Рингудѣ, милыми родственниками, которые знали ихъ слишкомъ хорошо. Милые родственники, какъ они добры! Я не думаю, чтобы тетка Филиппа бранила его передъ милордомъ. Эта смиренная женщина спокойно и кротко выставляла права своихъ любимцевъ и съ любовью распространялась о настоящемъ достаточномъ состояніи молодаго чело-вѣка и его великолѣпныхъ будущихъ надеждахъ. Теперь проценты съ тридцати тысячъ фунтовъ, а потомъ наследство послѣ отца, который такъ много накопилъ! Чего еще нужно молодому человѣку? Можетъ быть, и этого уже слишкомъ много для него. Можетъ быть, онъ слишкомъ богатъ для того чтобы трудиться. Хитрый старый пэръ соглашался съ своей племянницей и понималъ какъ нельзя лучше, на что она мѣтила.

(*) Очень модный клубъ, гдѣ прежде была страшная игра.

— Тысяча фунтовъ годового дохода! Что такое тысяча, ворчалъ старый лордъ.—Этого мало, для того чтобы играть роль джентльмена и слиткомъ довольно для того, чтобы заставить лѣниться молодого человека.

— Ахъ, право ужъ какъ этого мало! вздыхала мистрисъ Тунсендъ.—Съ такимъ большимъ домою, съ жалованьемъ мистера Тунсена—просто вѣчѣмъ жить.

— Нечѣмъ жить! Можно умереть съ голода, ворчалъ милордъ съ своею обычною откровенностью.—Развѣ я не знаю, чего стоитъ хозяйство, и не вижу, какъ вы экономничаете. Буетчики и лакен, экипажи и лошади, обѣды—хотя твои обѣды Марія не знамениты.

— Они очень дурыя, я знаю, что они дурыя, говоритъ леди съ сокрушеніемъ:—но мы не въ состояніи давать обѣдовъ лучше.

— Лучше, разумѣется, вы не можете. Вы глиняные горшки и плаваете съ мѣдными горшками. Я видѣлъ наемни—Тунсендъ гуляетъ по Сент-Джемской улицѣ съ Родсомъ—этимъ долговизымъ. (Тутъ милордъ засмѣялся и выказалъ множество клыковъ, которые придавали особенно свирѣпый видъ его сѣятельству, когда онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа). Если Тунсендъ гуляетъ съ высокимъ человекомъ, онъ всегда старается не отставать отъ него. Ты это знаешь.

Натурально, бѣдная Марія знала странности своего мужа; но она не сказала, что ей не нужна напоминать о нихъ.

— Онъ такъ замыхался, что едва могъ говорить, продолжалъ дядюшка Рингудъ—но онъ растягивалъ свои маленькія ножки и старался не отставать. Онъ низенькій, *le cher petit*, но у него много отваги. Эти низенькіе люди часто бываютъ таковы. Я видѣлъ, какъ онъ до смерти уставалъ на охотѣ, а пробирался по вспаханнымъ полямъ за людьми, у которыхъ были ноги вдвое длиннѣе чѣмъ у него. Вмѣсто большаго дома и кучи лѣтяевъ слугъ, зачѣмъ вы не наймете одну горничную и не ѣдите баранину за обѣдомъ, Марія? Вы съ ума сходите, стараясь свести копы съ копытами. Ты сама это знаешь. Ты не спиши по ночамъ отъ этого, я знаю это очень хорошо. Вы занимаете домъ, который годится для людей въ четверо васъ богаче. Я даю вамъ моего повара, но я не могу обѣдать у васъ, если не пришло моего вина. Зачѣмъ вы не возьмете бутылку портера, кусокъ баранины и коровьи рубцы—это чудо какъ вкусно. Бѣдствія, навлекаемыя на самихъ себя людьми, которые стараются жить выше своихъ средствъ, ужасно смѣшны, ей-Богу! Взгляните-ка на этого молодца, который отворилъ мнѣ дверь—онъ такъ высокъ, какъ мои собственные лакен. Переѣзжайте-ка въ тихую улицу въ Бельгрэвию гдѣ нибудь, и наймите опрятную горничную. Никто не станетъ думать о васъ на

велось хуже—и вы будете жить такъ хорошо, какъ есаибы жили здѣсь съ прибавочной еще тысячи фунтовъ въ годъ. Совѣтъ, который я вамъ подаю, стоитъ этихъ денегъ.

— Совѣтъ очень хорошій, но я думаю сэръ, что я предпочла бы тысячу фунтовъ, сказала мистриссъ Тунсендъ.

— Разумѣется. Вотъ это слѣдствіе вашего фальшиваго положенія. Въ докторѣ хорошо то, что онъ гордъ какъ Луццферъ и сынъ его также. Они не жадны къ деньгамъ. Они поддерживаютъ свою независимость. Когда я въ первый разъ пригласилъ его, я думалъ, что онъ какъ родственникъ, будетъ лечить меня даромъ; но онъ не хотѣлъ. Онъ потребовалъ платы, ей-Богу, не хотѣлъ пріѣзжать безъ этого! Чертовски независимый человекъ этотъ Ферминъ. И молодой такой же.

Но когда Тунсендъ и его сынъ (можетъ быть по наущеніямъ мистриссъ Тунсендъ) старались разъ или два выказать независимость въ присутствіи этого льва, онъ разревѣлся, накинулся на нихъ, такъ что они убѣжали отъ его воя. Это напоминаетъ мнѣ одну старую исторію, которую я слышалъ, совсѣмъ старую, старую исторію, которую добрые старички въ клубѣ любятъ вспоминать— о милордѣ, когда онъ былъ еще лордомъ Синкбарзомъ, онъ оскорбилъ отставнаго лейтенанта, который отхлесталъ его сіятельство самымъ секретнымъ и свирѣпымъ образомъ. Говорили, что лордъ Синкбарзъ наткнулся на браконьеровъ; но на самомъ-то дѣлѣ—это милордъ стрѣлялъ чужую дичь, а лейтенантъ защищалъ свою собственность. Я не говорю, что это былъ вельможа образцовый; но когда собственныя страсти или интересы не сбивали его съ толку, это былъ вельможа весьма проникательный, съ юморомъ и съ здравымъ смысломъ и могъ при случаѣ подать хорошій совѣтъ. Если люди хотѣли становиться на колѣни и цѣловать его сапоги, прекрасно. Но тотъ, кто не хотѣлъ, былъ свободенъ не производить этой операціи. Самъ папа не требуетъ этой церемоніи отъ протестантовъ, и если они не хотятъ цаловать его туфли, никто и не думаетъ совать имъ насильно его въ ротъ. Филь и его отецъ вѣроятно не хотѣли трепетать передъ старикомъ, не потому, что они знали, что онъ былъ забіяка, котораго можно было свалить съ ногъ, но потому, что это были люди умные, которымъ было все равно, кто былъ забіяка, и кто нѣтъ.

Я сказалъ вамъ, что я люблю Филиппа Фермина, хотя надо признаться, что у этого молодаго человека было много недостатковъ, и что его карьера, особенно въ ранней юности, была вовсе не безукоризненною. Извинялъ ли я когда его поведеніе съ отцомъ, сказалъ ли слово въ извиненіе его краткой и незначительной университетской карьеры? Я сознаюсь въ его промахахъ съ тѣмъ чистосердечіемъ, съ которымъ

мои друзья говорить о монахах. Кто не видит слабости своего друга, кто так слѣпъ, что не примѣчаетъ огромнаго бревна въ глазу своего брата? Развѣ женщины двѣ, три, да и то весьма рѣдко, но и тѣ разочаруются когда нибудь. Какъ человекъ свѣтскій, я пишу о монахахъ друзей какъ о свѣтскихъ братьяхъ. Неужели вы думаете, что здѣсь много ангеловъ? Я опять скажу, можетъ быть женщины двѣ, три. Что же касается до васъ и до меня, мой добрый сэръ, есть ли на *нашихъ* плечахъ какіе нибудь знаки крылышекъ? Молчите, прекратите ваши ворчливныя циническія замѣчанія, а продолжайте вашъ рассказъ.

Когда вы идете по жизненному пути, спотыкаясь, скользя и опять вскакивая на ноги, плачевно сознавая свою несчастную слабость и молясь съ сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы не впасть въ искушенье, не смотрѣли ли вы часто на другихъ грѣшниковъ, не соображали ли съ ужаснымъ участіемъ о ихъ карьерѣ? Есть нѣкоторые, на кого съ самаго ихъ дѣтства мрачный Ариманъ наложилъ свою ужасную печать: дѣтьми они были уже развращены, злы на языкъ, въ нѣжномъ возрастѣ уже жестоки; имъ слѣдовало бы еще быть правдивыми и великодушными (они вчера лежали у материнской груди), а они фальшивы и холодны, и жадны преждевременно. Они почти еще младенцы, а уже эгоистичны какъ старики; подъ ихъ чистосердечными личиками виднѣется хитрость и злость, и отвратительное преждевременное лукавство. Я могу припомнить такихъ дѣтей, и въ незабытомъ дѣтствѣ, въ глубокой дали вижу эту печальную процессію *enfants perdus*. Да спасетъ ихъ небо! Потому есть тотъ сомнительный классъ людей, которые еще не искушены, которые падаютъ и опять встаютъ, которые часто остаются побѣдителями въ битвѣ жизни, которые побиты, ранены, взяты въ плѣнъ, но спасаются и иногда побѣждаютъ. Потому есть счастливый классъ людей, въ которыхъ не бываетъ никакого сомнѣнія: они безукоризненны и въ одеждѣ бѣлоснѣжной; для нихъ добродѣтель легка, въ ихъ чистой груди приютилась вѣра, а холодное сомнѣніе не имѣетъ доступа туда; они были дѣтьми добры, молодыми людьми добры, сдѣлались мужьями и отцами, и все-таки остались добры. Почему первый воспитаникъ въ нашей школѣ, могъ писать греческіе ямбы безъ усилій и безъ ошибки? Другіе изъ насъ покрывали страницы бесполезными слезами и помарками и несмотря на всѣ свои труды все-таки оставались послѣдними въ классѣ. Нашъ пріятель Филиппъ принадлежитъ къ среднему классу, въ которомъ, вѣроятно, находимся мы съ вами, любезный сэръ; не навсегда, я надѣюсь, включены мы въ этотъ ужасный, третій классъ, о которомъ было упомянуто.

Филиппъ поступилъ изъ школы въ университетъ и тамъ отличил-

ся, но немногіе родители захотѣли бы, чтобы сыновья ихъ отличались такимъ образомъ. Что онъ охотился, давалъ обѣды, былъ лучшимъ гребцомъ на одной изъ лучшихъ лодокъ на рѣкѣ, что онъ говорилъ рѣчи въ политическомъ клубѣ—все это было очень хорошо. Но зачѣмъ онъ выражалъ такія ужасно радикальныя мнѣнія, онъ, съ благородной кровью въ своихъ жилахъ, и сынъ человѣка, выгоды котораго требовали, чтобы онъ поддерживалъ хорошія сношенія съ знатными людьми.

— Ну, Пенденнисъ, сказалъ мнѣ докторъ Ферминъ со слезами на глазахъ, и искренняя горестъ изобразилась на его красивомъ, блѣдномъ лицѣ,—почему Филиппъ Ферминъ, дѣды котораго съ обѣихъ сторонъ благородно дрались за своего короля, забываетъ правила своей фамиліи и... не нахожу словъ сказать вамъ какъ глубоко онъ разочаровываетъ меня. Я слышалъ, что онъ въ этомъ ужасномъ ихъ клубѣ защищалъ смерть Карла II! Я самъ былъ довольно сумасброденъ въ университетѣ, но я былъ джентльмэнъ.

— Мальчики, сэръ, всегда мальчики, убѣждалъ я. Они будутъ защищать все, аргументовъ ради; и Филиппъ также охотно взялъ бы и другую сторону.

— Лордъ Эксминстеръ и лордъ Сен-Денисъ рассказали мнѣ объ этомъ въ клубѣ. Увѣряю васъ, на меня это сдѣлало самое тягостное впечатлѣніе, вскричалъ отецъ; что сынъ мой будетъ радикаломъ и республиканцемъ—жестокая мысль для отца; а я надѣялся, что онъ будетъ представителемъ мѣстечка лорда Рингуда,—я надѣялся,—я надѣялся гораздо лучшаго для него и отъ него. Онъ не утѣшаетъ меня. Вы видите, какъ онъ обращался со мною въ одинъ вечеръ? Отецъ можетъ жить, я думаю, въ другихъ отношеніяхъ съ своимъ единственнымъ сыномъ.

И съ прерывающимся голосомъ, съ блѣдными щеками и съ истинной скорбью въ сердцѣ несчастный докторъ ушелъ.

Какъ воспиталъ докторъ своего сына, что молодой человѣкъ былъ такъ непокоренъ? Самъ ли мальчикъ былъ виноватъ въ этомъ непослушаніи или отецъ его? Докторъ Ферминъ ужасался, кажется, оттого, что ужасались его добрые друзья, радикальныхъ доктринъ Фила. Въ это время моей жизни, когда я былъ молодъ, я чувствовалъ коварное удовольствіе бѣсить старика и заставлять его говорить, что я «опасный человѣкъ». Теперь я готовъ сказать, что Неронъ былъ монархъ съ весьма изящными дарованіями и съ прелюбезнымъ характеромъ. Я хвалю успѣхъ и восхищаюсь имъ, гдѣ бы я его не встрѣтилъ. Я извиняю недостатки и недальновидность особенно въ тѣхъ, кто выше меня, и чувствую что еслибы мы знали все, мы судили бы о нихъ совер-

шенно различными образомъ. Можетъ быть нѣтъ уже не вѣрять такъ, какъ вѣрили прежде. Но я не оскорблю никого, я надѣюсь, что не оскорблю. Развѣ я сказалъ что нибудь несприятное? Чортъ побери, опять ошибся! Я беру это выраженіе назадъ. Я сожалею о немъ. Я прямо его опровергаю.

Такъ какъ я готовъ извинять всѣхъ, пусть и бѣдный Филиппъ воспользуется этой кроткой амнистіей; и если онъ раздражалъ своего отца, какъ это дѣйствительно и было, будемъ надѣяться, будемъ увѣрены, что онъ вовсе былъ не такъ черенъ, какъ старый джентльманъ описывалъ его. Если я описалъ стараго джентльмена нѣскольکو черными красками, почему знать, можетъ быть это ошибка не цвѣта его лица, а моего зрѣнія? Филь былъ невокоренъ, потому что онъ былъ смѣль, сумасброденъ и молодъ. Отецъ его оскорбляется весьма естественно, оскорбляется расточительностью и шалостями мальчика. Они опять сойдутся какъ слѣдуетъ отцу и сыну. Эти маленькія несогласія сгладятся впоследствии. Мальчикъ велъ сумасбродную жизнь, онъ принужденъ былъ выдти изъ университета. Онъ внушалъ своему отцу часы безпокойства и бессонныя ночи. Но постойте, отецъ, а вы-то что? Показали ли вы сыну примѣръ довѣрія, любви и уваженія? Приучали вы его къ добродѣтели, учили ли правдѣ дитя на вашихъ коленяхъ? «Чти отца твоего и матеръ». Аминь. Долголѣтенъ будетъ на землѣ тотъ, кто исполнитъ эту заповѣдь; но въ заповѣдяхъ развѣ не подразумѣвается, хотя это не написано на скрижаляхъ: «Чти сына твоего и дочь твою» Дай Богъ, чтобы мы, которымъ уже немного осталось жить на свѣтѣ, могли исполнить и это повелѣніе.

Что сдѣлало Филиппа сумасброднымъ, расточительнымъ и непокорнымъ? Вылечившись отъ той болѣзни, въ которой мы видѣли его, онъ изъ школы отправился своею дорогою въ университетъ и тамъ началъ вести жизнь, какую ведутъ сумасбродные молодые люди. Послѣ болѣзни его обращеніе къ отцу измѣнилось, а старшій Фарминъ какъ будто боялся спрашивать сына объ этой переизмѣнѣ. Онъ жилъ какъ въ своемъ собственномъ домѣ, приходилъ и отлучался когда хотѣлъ, распоряжался слугами, которые его баловали, тратилъ доходъ, который былъ укрѣпленъ за его матерью и ея дѣтьми, и щедро раздавалъ его бѣднымъ знакомымъ. На увѣщанія старыхъ друзей онъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ право распоряжаться своею собственностью; что тотъ, кто бѣденъ, можетъ трудиться, а у него есть чѣмъ жить, не имѣя нужды корпѣть надъ классиками и математикой. Онъ былъ замѣченъ въ разныхъ шалостяхъ, профессора его не видали, но онъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ университетскою полиціей. Еслибы я написалъ исторію о пребываніи въ университетѣ мистера Филиппа Фармина, это

была бы исторія Лѣниваго Подмастерья (*), которому пасторъ и учителя справедливо предсказывали дурное. Его видѣли въ Лондонѣ, когда отецъ и профессора полагали его больнымъ въ его университетской квартирѣ. Онъ познакомился съ веселыми товарищами, короткость съ которыми огорчала его отца. Онъ прямо сказалъ изумленному дядѣ Туисдену на Лондонской улицѣ, что онъ навѣрно ошибается — онъ французъ, онъ не говоритъ по-англійски. Онъ дерзко глядѣлъ въ лицо ректору своей коллегіи, онъ ускокалъ въ университетъ съ быстрого Тѣрпина (**), чтобы находиться на своей квартирѣ, когда будетъ производиться слѣдствіе. Я боюсь, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что Филъ забилъ гвоздями дверь профессора, чтобы тотъ не могъ выдти изъ своей квартиры на другой день. Мистеръ Оксъ засталъ его на мѣстѣ преступленія. Шалуяъ долженъ былъ оставить университетъ. Желалъ бы я сказать, что онъ раскаялся; но онъ безопасно явился передъ отцемъ, сказавъ, что въ университетѣ онъ не дѣлаетъ ничего хорошаго, что ему гораздо лучше оставить университетъ и отправился за-границу, во Францію и въ Италію, куда не наше дѣло слѣдовать за нимъ. Что-то отравило благородную кровь. Когда-то добрый и честный юноша сдѣлался сумасброденъ и безпеченъ. Денегъ у него было вдоволь, онъ имѣлъ своихъ лошадей, свой экипажъ и даровую квартиру въ домѣ отца. Но отецъ и сынъ рѣдко встрѣчались и почти никогда не обѣдали вмѣстѣ.

— Я знаю, гдѣ онъ бываетъ, но не знаю его друзей, Пенденисъ, говорилъ старшій Фарминъ. Я не думаю, чтобы они были порочны, но эта компанія самая низкая. Я не обвиняю его въ порокахъ, замѣтле, но въ лѣности, въ пагубномъ пристрастіи къ низкому обществу и въ сумасбродной, самоубійственной рѣшимости пренебрегать возможностью на успѣхъ въ жизни. Ахъ, подумайте, гдѣ бы онъ могъ быть теперь и гдѣ онъ!

Гдѣ онъ? Не пугайтесь. Филиппъ только лѣнился. Филиппъ могъ заниматься гораздо прилежнѣе, гораздо полезнѣе, но и гораздо хуже. Я самъ такъ недавно занимался тѣмъ же чѣмъ Филиппъ, что не могъ раздѣлять негодованіе доктора Фармина на дурное поведеніе и дурныхъ товарищей его сына. Когда Фарминъ самъ кутялъ, онъ дрался, интриговалъ и картежничалъ въ хорошемъ обществѣ. Филъ выбиралъ своихъ друзей между бандитами, о которыхъ никто не слыхивалъ въ модномъ свѣтѣ. Можетъ быть ему хотѣлось играть роль принца между

(*) Намекъ на одинъ изъ рождественскихъ разсказовъ Диккенса. *Прим. перев.*

(**) Знаменитый разбойникъ въ XVII столѣтіи, который въ одинъ день дотѣхалъ изъ Лондона въ Іоркъ. *Прим. перев.*

этими сообщниками, может быть онъ былъ не прочь отъ лести, которую доставлялъ ему полный кошелекъ между людьми по большей части съ тощими карманами. Въ школѣ и въ своей краткой университетской карьерѣ онъ подружился съ людьми, которые жили въ свѣтѣ и съ которыми онъ былъ и послѣ коротко знакомъ.

— Эти приходять и стучать въ парадную дверь, говаривалъ онъ съ своимъ прежнимъ смѣхомъ:—а бандиты ходять черезъ анатомическую комнату. Я знаю изъ нихъ очень честныхъ; не одни бѣдные разбойники заслуживаютъ висѣлицу иногда.

Подобно многимъ молодымъ джентльменамъ, не имѣющимъ намѣренія серьезно заниматься юриспруденціей, Филиппъ записался студентомъ въ одну изъ коллегій правовѣденія и посѣщалъ лекціи, хотя увѣрялъ, что его совѣсть не позволяетъ ему практиковать (я не защищаю мнѣній этого щекотливаго моралиста, а только излагаю ихъ). Онъ и тутъ познакомился съ темпльскими бандитами. У него была квартира въ пергаментномъ ряду, на двери которой вы могли прочесть: «минстеръ Кассиди, мистеръ Ф*** Фэрминъ, мистеръ Ванжонъ»; но могли ли эти джентльмены подвинуть Филиппа въ жизни? Кассиди былъ газетный стенографъ, а молодой Ванжонъ держалъ пари и вѣчно бывалъ на скачкахъ. Докторъ Фэрминъ терпѣть не могъ журналистовъ и газетчиковъ и считалъ ихъ принадлежащими къ опасному классу, и обращался съ ними съ осторожной любезностью.

— Взгляни-ка на отца, Пенъ, говаривалъ Филиппъ настоящему дѣтописцу.—Онъ всегда смотритъ на васъ съ тайнымъ подозрѣніемъ и никакъ не можетъ опомниться отъ удивленія, что вы джентльменъ. Я люблю, когда онъ играетъ съ вами роль лорда Чатама, снисходительно обращается съ вами и даетъ вамъ цѣловать свою руку. Онъ считаетъ себя лучше васъ, развѣ вы не видите? Это образецъ *rége noble*! Мнѣ слѣдовало бы быть саромъ Чарльзомъ Грандисономъ.

И молодой шалунъ передразнитъ улыбку отца, представитъ, какъ докторъ прикладываетъ руку къ груди и выставляетъ свою красивую правую ногу; и признаюсь, что всѣ эти движенія и позы были нѣсколько напыщенны и жеманны.

Каковы бы ни были отцовскіе недостатки, вы скажете, что Филиппу не слѣдовало критиковать ихъ; въ этомъ я не стану защищать его. У жены моей жила дѣвочка, которую она нашла на улицѣ. Она была какую-то пѣсенку. Дѣвочка не могла еще говорить—она только лепетала свою пѣсенку; она ушла изъ дому не зная, какой опасности она подвергалась. Мы держали ее нѣсколько времени, пока полиція не нашла ея родителей. Наши слуги выкупали ее, одѣли и отослали домой въ такомъ опрятномъ платьицѣ, какого бѣдняжка не видала никогда,

пока судьба не свела ее съ добрыми людьми. Она часто у насъ бываетъ. Отъ насъ она всегда уходитъ чистенькая и опрятненькая; а къ намъ возвращается въ лохмотьяхъ и грязи. Негодная дѣвочка! Позвольте спросить, чья обязанность держать ее въ чистотѣ? И родители въ этомъ не забыли ли чтить свою дочь? Положимъ, какая нибудь причина мѣшаетъ Филиппу чтить его отца; докторъ не позаботился очистить отъ грязи сердце мальчика и съ небрежностью и съ равнодушіемъ отпустилъ его блуждать по свѣту. Если такъ, горе этому доктору! Если я беру моего маленькаго сына въ таверну обѣдать, не долженъ ли я заплатить за него? Если я позволяю ему въ нѣжной юности сбиться съ пути и если съ нимъ сдѣлается вредъ, кто въ этомъ виноватъ?

Можетъ быть тѣ самыя оскорбленія, на которыя жаловался отецъ Фила, были въ нѣкоторой степени возбуждены недостатками отца. Онъ былъ такъ разболѣнъ передъ знатыми людьми, что сынъ въ бѣшенствѣ гордо обращался съ ними и избѣгалъ ихъ. Онъ былъ такъ важенъ, такъ вѣжливъ, такъ льстивъ, такъ искусственъ, что Филъ, возмущаясь этимъ лицемерствомъ, захотѣлъ быть откровеннымъ и фамилярнымъ циникомъ. Знатные старики, которыхъ докторъ любилъ собирать у себя въ домѣ, торжественные люди старинной школы, которые обѣдали торжественно другъ у друга въ торжественныхъ домахъ, такіе люди какъ старый лордъ Ботли, баронъ Бемпшеръ, Крикледъ (который издалъ *Путешествіе по Малой Азии* въ 1804), епископъ Сен-Бизъ и тому подобныя грустно качали головою когда разговаривали въ клубѣ о негодномъ сынѣ Фермина. Изъ него не выйдетъ ничего путнаго; онъ очень огорчаетъ своего бѣднаго отца; онъ участвовалъ въ разныхъ сходкахъ въ университетѣ; ректоръ коллегіи св. Бонифація отзывался весьма неблагопріятно о немъ. А на торжественныхъ обѣдахъ въ Старой Паррской улицѣ, чудныхъ, дорогихъ, безмолвныхъ обѣдахъ—онъ обращался съ этими старыми джентльмэнами съ фамилярностью, заставлявшею ихъ старыя головы трястись отъ удивленія и негодованія. Лордъ Ботли и баронъ Бемпшеръ представили сына Фермина въ Левиаановскій клубъ. Блѣдные старики съ испугомъ отступили, когда онъ явился тамъ. Онъ принесъ съ собою запахъ табаку. Онъ былъ способенъ курить даже въ гостиной. Они дрожали передъ Филиппомъ, который съ своей стороны наслаждался ихъ старческимъ гнѣвомъ и любилъ побѣсить ихъ.

Нигдѣ не видали Филиппа и не слыхали о немъ такъ невыгодно какъ въ домѣ его отца.

— Я самъ чувствую себя притворщикомъ между этими старыми притворщиками, говаривалъ онъ мнѣ.—Мнѣ тошно отъ ихъ старыхъ

шуточекъ, старыхъ комплиментовъ и добродѣтельныхъ разговоровъ. Всѣ ли старики притворщики, желалъ бы я знать?

Непріятно слышать мизантропію изъ юныхъ устъ и видѣть какъ эти двадцатилѣтніе глаза уже смотреть на свѣтъ съ недобвѣріемъ.

Въ чужихъ домахъ, и обязавъ сказать, Филиппъ былъ гораздо любезнѣе, и онъ приносилъ съ собою такую блестящую веселость, что она вносила солнечный свѣтъ и радость въ тѣ комнаты, какія онъ посѣщалъ. Я сказалъ, что многіе изъ его товарищей были художники и журналисты, и клубы ихъ, и приюты посѣщалъ и онъ. Ридли академикъ жилъ у мистриссъ Брандонъ въ Торгофской улицѣ, и Филиппъ часто бывалъ въ его мастерской или въ маленькой комнаткѣ вдовы. Онъ питалъ къ ней большую нѣжность и признательность; ея присутствіе какъ будто очищало его; въ ея обществѣ беззаботный, шумный молодой человекъ былъ неизмѣнно кротокъ и почителевъ. Глаза ея всегда наполнялись слезами, когда она говорила объ немъ; а когда онъ былъ тутъ, слѣдовали и наблюдали за нимъ съ нѣжной материнской преданностью. Пріятно было видѣть его у ея простаго камелька, слышать его шуточки и болтовню съ однимъ глупымъ старикомъ, который былъ въ числѣ жильцовъ мистриссъ Брандонъ. Филиппъ игралъ въ криббэдждъ по цѣлымъ часамъ съ этимъ старикомъ, отпускалъ насчетъ его сотни безъобидныхъ шуточекъ и шель возлѣ его инвалиднаго кресла, когда старый капитанъ отправлялся погрѣться на солнышкѣ на улицу. Филиппъ былъ лѣнтай, это правда. Онъ любилъ не дѣлать ничего, и проводилъ половину дня въ полномъ удовольствіи за своей трубкой, смотря на Ридли за мольбертомъ. Онъ нарисовалъ эту очаровательную голову Филиппа, которая виситъ въ комнатѣ мистриссъ Брандонъ, съ бѣлокурыми волосами, съ темными бородой и усами и съ смѣлыми голубыми глазами.

Филиппъ пѣлъ послѣ ужина пѣсни «Garryowen на gloria» которую пріятно было слушать, и которую, когда онъ пѣлъ во весь голосъ, можно было слышать за цѣлую милю кругомъ. Въ одинъ вечеръ я обѣдалъ на Рессельскомъ скверѣ, и меня привезъ домой въ своей каретѣ докторъ Фармингъ, который былъ въ числѣ гостей, когда мы проѣзжали черезъ Сога (*), окна одной комнаты въ клубѣ были открыты, и мы могли слышать пѣсню Филиппа, особенно одинъ дикій ирландскій припѣвъ, среди всеобщихъ рукоплексавій и восторженнаго брянчанія рюмокъ.

Бѣдный отецъ опустился на подушки кареты, какъ будто его поразили ударъ.

(*) Бѣдная часть Лондона, въ которой живутъ художники. *Прим. перев.*

— Вы слышите его голосъ? застоналъ онъ—вотъ онъ гдѣ бываетъ. Сынъ мой, который могъ бы бывать вездѣ, предпочитаетъ отличиться въ кабацѣ и орать пѣсни въ портерныхъ!

Я старался извинить Филиппа. Я зналъ, что въ этомъ мѣстѣ не происходило ничего дурнаго, что его посѣщали талантливые люди и даже знаменитости. Но оскорбленный отецъ не хотѣлъ утѣшаться такими общими мѣстами и глубокая естественная печаль тяготила его по милости недостатковъ сына.

То, что случилось потомъ, не удивило меня. Между пациентками доктора Фэрмина была незамужняя дама приличныхъ лѣтъ и съ большимъ состояніемъ, которая смотрѣла на талантливаго доктора благопріятными глазами. Что онъ желалъ имѣть подругу, которая развлекала бы его въ одиночествѣ, было довольно естественно, и всѣ его друзья думали, что онъ долженъ жениться. Всѣ знали это маленькое волокитство, кромѣ сына доктора, между которымъ и его отцомъ было слишкомъ много тайнъ.

Кто-то въ клубѣ спросилъ Филиппа: соблазновать онъ долженъ съ нимъ или поздравлять его съ приближающейся женитьбою отца?

— Съ чѣмъ?

Младшій Фэрминъ выказалъ величайшее удивленіе и волненіе, услышавъ объ этомъ бракѣ. Онъ побѣжалъ домой, онъ ждалъ возвращенія отца. Когда докторъ Фэрминъ воротился домой и вошелъ въ свой кабинетъ, Филиппъ встрѣтилъ его тамъ.

— Должно быть я слышалъ сегодня ложь, свирѣпо сказалъ молодой человѣкъ.

— Ложь? какую ложь, Филиппъ? спросилъ отецъ.

Они оба были очень рѣшительные и мужественные люди.

— Что вы женитесь на миссъ Бенсонъ.

— Развѣ ты дѣлаешь домъ мой такимъ веселымъ, что мнѣ не нужно другаго собесѣдника? спросилъ отецъ.

— Не въ этомъ вопросъ, горячо сказалъ Филиппъ:—вы не можете и не должны жениться на этой дамѣ, сэръ.

— Почему?

— Потому что передъ глазами Бога вы уже женаты, сэръ. И я клянусь, что завтра же расскажу эту исторію миссъ Бенсонъ, если вы будете настаивать на вашемъ намѣреніи.

— Такъ ты знаешь эту исторію? застоналъ отецъ.

— Да. Богъ да проститъ вамъ, сказалъ сынъ.

— Это проступокъ моей юности, въ которомъ я горько раскаялся.

— Проступокъ!—Преступленіе! сказалъ Филиппъ.

— Довольно, сэръ! Каковъ бы ни былъ мой проступокъ, не вамъ обвинять меня.

— Если вы не храните вашу честь, я долженъ хранить ее. Я сейчасъ же ѣду къ миссъ Бенсонъ.

— Если вы выдете изъ этого дома, вы навѣрно не намѣрены возвращаться?

— Пусть такъ. Кончимъ наши счеты и разстанемся, сэръ.

— Филиппъ, Филиппъ, ты раздраешь мнѣ сердце! закричалъ отецъ.

— А вы развѣ думаете, что у меня на сердце легко, сэръ, сказать сынъ.

Миссъ Бенсонъ не сдѣлалась мачихой Филиппа. Но отецъ и сынъ не болѣе любили другъ друга послѣ этой ссоры.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Финансовыя эликвирации Фульда. — Репутація его вмѣстѣ съ Дюмоларомъ въ парижскихъ общественныхъ кружкахъ. — Лечение биржевой игрой финансоваго недуга. — Тронныя рѣчи императора Французовъ и королевы англійской. — Процессъ Анны Гамильтонъ. — Курьезный процессъ лорда Уильдгема. — Лордъ Пальмерстонъ и его билль о передачѣ собственности. — Быстрая перемѣна англійской политики относительно Америки. — Побѣды федеральной партіи и планы конгресса относительно завоеваній. — Внутренняя связь между мексиканской экспедиціей и отпаденіемъ южныхъ штатовъ. — Походъ въ Мексику и храброе сопротивленіе Мексиканцевъ. — Вопросъ о будущемъ мексиканскомъ королѣ. — Отсутствіе новостей изъ Италіи. — Ложная система дѣйствій Рикасоли и недоувѣріе итальянской націи къ піемонтскому парламенту. — Наводненіе въ Венгріи и засуха въ австрійской политикѣ. — Двойственное поведеніе Пруссіи относительно Германіи. — Значеніе демократической партіи въ Берлинѣ и неумѣнье ея обращаться съ современными вопросами.

Въ послѣднее время Фульду приходится въ теченіи нѣсколькихъ недѣль наравнѣ съ Дюмоларомъ быть предметомъ исключительнаго вниманія французской публики. Куда ни пойдете—во всякой гостиниой только и будете слышать: Фульдъ, Дюмоляръ, Дюмоляръ, Фульдъ. Эти два имени повторяются повсюду, у каждаго забора, на всякомъ перекресткѣ. Случается и такъ, что предметы разговора сѣшиваются... Одному полуглухому господину говорятъ о плохомъ состояніи нашихъ финансовъ, а онъ отвѣчаетъ: «А, да, да, это было въ монтвернскомъ лѣсу».

Однако «à tout seigneur—tout honneur». Начнемъ съ его превосходительства Ахиллеса Фульда, нашего искуснаго министра финансовъ. Послѣ того какъ несчастный г. Миресь предсказалъ, что онъ увлечетъ государство къ гибели и что послѣ кассы желѣзныхъ дорогъ прекратитъ свои платежи наше важнѣйшее финансовое учрежденіе— «Trésor public», дѣлается понятнымъ, отчего насъ такъ занимаетъ вопросъ о бюджетѣ, въ особенности съ той минуты, какъ г. Фульдъ раскрылъ всю глубину нашей финансовой язвы, превзошедшей ожиданія самыхъ ярыхъ пессимистовъ. Остановимся нѣсколько минутъ на нѣкоторыхъ финансовыхъ наблюденіяхъ. Въ настоящую минуту весь политическій міръ занятъ неутѣшительными выкладками. Соединенные Штаты почувствовали вдругъ всю необходимость для себя кредитныхъ знаковъ и усиленнаго курса, а потому очень сожалѣютъ о пѣломъ потоцѣ долларовъ, которые, благодаря требованіямъ войскъ, они принуждены были бросить въ «*Gulf-Stream*». Англичане, съ своей стороны, чтобы сражаться противъ Американцевъ, сдѣлали хищническій набѣгъ на ссудную казну; теперь ее нужно пополнить прибавочнымъ налогомъ въ $1\frac{1}{2}\%$ съ дохода. Пруссія очень бы хотѣла избѣгнуть новаго военнаго бюджета. Ганноверъ въ долгу. Испанія ужъ и не платитъ своихъ долговъ. Италія въ большомъ затрудненіи. Положеніе Австріи относительно финансовъ вошло въ пословицу. Турція, слѣдуя примѣру Франціи, обнародовала роспись своихъ доходовъ и расходовъ. Весь міръ занятъ финансовыми дѣлами, и волей-неволей мы должны слѣдовать за всеобщимъ движеніемъ. Приходится волей-неволей ограничиться одной прозаической стороною политики: вся поззія современной исторіи кончилась съ той минуты, какъ Гарибальди снялъ съ себя красную рубашку диктатора и облекся въ синюю блузу капперскаго фермера.

Государственный долгъ Франціи раздѣляется на двѣ различныя отрасли, изъ которыхъ первая носитъ названіе *dette flottante* а вторая—*dette consolidée*. Последняя, названная такъ не совсѣмъ точно, опредѣляетъ собою долгъ постоянный, а первая означаетъ долгъ, погашаемый въ разные сроки, въ четыре мѣсяца, въ полгода, въ годъ. Дѣйствительно, этотъ долгъ погашается выдачами денегъ вкладчикамъ, но дѣло въ томъ, что на сто желающихъ получить свои суммы всегда будетъ сто одинъ желающій снова вложить ихъ. Такимъ образомъ послѣдніе помогаютъ государству уплатить ихъ предшественникамъ, а сто первый вкладчикъ даетъ возможность правительству

употребить его деньги для покрытия дефицита, производимаго ежегодно нашею администраціею въ общественномъ достоиніи. Но при всякомъ кризисѣ, послѣ уплаты первымъ ста вкладчикамъ, взаимъ ихъ могутъ явиться только девяносто девять. Тутъ ужъ грозитъ опасность банкротства. Тогда часть временнаго долга (*dette flottante*) обращается въ постоянный (*dette consolidée*), т. е. билетъ казначейства на возвращаемый капиталъ замѣняется билетомъ на невозвращаемый, съ правомъ полученія постоянныхъ процентовъ. Въмѣсто того, чтобы платить подать, положимъ, въ 40 милліоновъ, для уплаты процентовъ за государственные билеты, податное сословіе будетъ платить тѣ же 40 милліоновъ, чтобы удовлетворить требованія процентовъ съ новаго, постоянного долга. Вслѣдствіе такого упроченія государственнаго дохода, податное сословіе является вынужденнымъ платить впредь по 40 милліоновъ, какъ и прежде, но съ тою разницею, что эта сумма обращается уже въ постоянный налогъ вмѣсто временнаго. Съ своей стороны государство, освободившись разъ отъ тягости своего временнаго долга, вольно возобновить такую же операцію, вся тягость которой падаетъ на бѣднѣйшіе классы народа.

Непостоянный долгъ простирается во Франціи приблизительно до одного милліарда капитала. Вѣрной цифры, конечно, никто не знаетъ. Простодушные поселяне выплачиваютъ аккуратно подати тѣмъ съ большею охотою, что по ихъ искреннему убѣжденію государственное казначейство совсѣмъ не нуждается въ ихъ деньгахъ.

Постоянный же долгъ простирается круглымъ счетомъ до десяти милліардовъ капитала. Эта сумма раздѣляется на двѣ почти равныя части, изъ которыхъ одна приносить $3\frac{1}{2}\%$ доходу, а другая $4\frac{1}{2}\%$. Десять лѣтъ тому назадъ вторая часть капитала приносила 5% , но въ одну благоприятную минуту, когда доходъ превышалъ цифру расхода, вкладчикамъ было предложено или получить обратно ихъ капиталы, или согласиться получать за нихъ меньшій процентъ, а именно $4\frac{1}{2}\%$ вмѣсто 5% . Разумѣется, они были принуждены согласиться на послѣднее. Причиной такой перемены было выставлено слѣдующее обстоятельство: французское правительство объявило, что состоитъ должнымъ дому гг. Ротшильдовъ и К^о извѣстное число стофранковыхъ кредитныхъ билетовъ. Въ дѣйствительности же правительство получило только по 80 или даже по 64 франка (какъ было въ 1817 году) за каждый билетъ во 100 франковъ, приносявшій 5% доходу.

Между тѣмъ вслѣдствіе улучшенія кредита, государственные кредит-

ные знаки поднялись даже выше номинальной цѣны и дошли до 111 фр. 11 сантимовъ вмѣсто 100. Ротшильды воспользовались благоприятнымъ положеніемъ дѣлъ, чтобы сбыть свои билеты. Стофранковыя ассигнаціи были проданы ими по 111 фр. 11 сантим. и дали такимъ образомъ барыша по 41 фр. 11 сантим. на каждые 80 фр.

При такомъ положеніи дѣлъ правительство, желая съ своей стороны воспользоваться удобной минутой, предлагаетъ своимъ вкладчикамъ слѣдующаго рода сдѣлку:

«Вы приобрѣли право получать по 5⁰/₀ на каждые 111 фр. 11 сантим.; если не ошибаюсь, вы получаете за свои вклады по 4¹/₂⁰/₀, слѣдовательно, вы пожертвовали ¹/₂⁰/₀ для того, чтобы только сдѣлаться моимъ кредиторомъ. Я хочу васъ вознаграждать, немедленно лишивъ васъ 11 фр. 11 сантим., выплаченныхъ вами сверхъ 100 фр., которые я собою вамъ должнымъ. Эти 100 фр. я вамъ возвращаю или, если хотите, я приму ихъ какъ новый вкладъ по 4¹/₂⁰/₀, и вы будете получать доходъ, недавно еще казавшійся вамъ совершенно удовлетворительнымъ. Если вы понимаете преимущество моего положенія, то берегитесь возвышенія цѣнъ на свои билеты, потому что я при каждомъ случаѣ могу извлечь свою выгоду, уменьшая сумму доходовъ до 4, 3¹/₂, 3⁰/₀ и т. д. Словомъ, всякій разъ, какъ только я буду находить деньги на общественномъ рынкѣ дешевле той цѣны, за которую вы мнѣ ихъ предлагаете, я буду дѣлать соответствующее уменьшеніе вашего дохода». Такимъ образомъ правительство пользуется временнымъ возвышеніемъ фонда, для постепеннаго уменьшенія процентовъ съ своего долга. Вся тонкость подобнаго изобрѣтенія заключается въ угрозѣ возвратить деньги. Эта иѣра напоминаетъ движеніе зубчатыхъ колесъ, свободно двигающихся сверху внизъ, но не поддающихся ни на какое усиліе для движенія снизу вверхъ.

Теоретически государственный внутренній долгъ можетъ быть уменьшенъ и при пониженіи, и при повышеніи цѣнъ билетовъ посредствомъ сокращенія либо процентовъ, либо капитала. Что касается номинальной цѣны билетовъ, то онъ доказываетъ только, что самое положеніе дѣлъ находится въ упадкѣ.

Это предварительное объясненіе было необходимо, чтобы приступить къ плану г. Фульда. Пресловутый министръ, оставившій свое дерзновенное уединеніе для того, чтобы заняться преобразованіемъ бюджета, нежелавшій прибѣгать къ рутиннымъ приемамъ въ экономіи, долженъ былъ изобрѣсти что нибудь позамысловатѣе системы г. Виллеля. Насъ

ожидаетъ новый финансовый переворотъ; но переворотъ перевороту рознь.

Мы говорили уже, что французскій государственный долг раздѣляется на двѣ почти равныя части: одна съ доходомъ въ 3%, другая въ 4½%. Очевидная разниа между ними состоитъ въ томъ, что одна изъ нихъ обходится дороже другой, и г. Фульдъ вдумалъ уничтожить это различіе влѣдствіе слѣдующихъ соображеній. Чтобы приобрести право на получение дохода въ 45 франковъ по 4½% при номинальной цѣнѣ билетовъ нужно затратить 1,000 фр., чтобы получать тѣ же 45 фр. по 3%, при курсѣ въ 72 фр. (самая желанная цифра для г. Фульда), нужно затратить 1,080 фр. Итакъ 3% на 72 дороже 4½% на 100 и дороже потому, что эта сумма служить болѣе другихъ при акціотажной игрѣ и спекуляціяхъ на биржѣ, а биржевые спекуляторы предпочитаютъ ее потому, что при болѣе мелкомъ счетѣ биржевой единицы, они вѣрнѣе могутъ рассчитывать на покупщиковъ между мелкими капиталистами. Соціальной экономіей давно и всюду признанъ тотъ фактъ, что все на свѣтѣ продается дороже людямъ бѣднымъ. Маленькое поле обойдется относительно дороже большаго помѣстья, наемъ лачуги работнику, по его средствамъ, стоитъ больше, чѣмъ наемъ цѣлаго дома для банкира. Но возвратимся къ изобрѣтательному г. Фульду. Онъ обращается къ владѣтелямъ 4½% и убѣждаетъ ихъ приблизительно такими доводами:

«Друзья мои, благодаря моимъ способностямъ и искусству, я въ состояніи возвысить цѣну вашихъ билетовъ, независимо отъ васъ самихъ, въ три мѣсяца и поднять ихъ до 112 фр. Не думайте, чтобы это дѣлалось для вашего обогащенія, напротивъ того! Капиталъ во 112 фр., приносящій 45 фр. 50 сантим., равносильнъ капиталу въ 100 фр., приносящему ровно 4 фр. процентовъ. Я воспользуюсь первымъ случаемъ, чтобы возвратитъ вамъ, хотя бы противъ вашей воли, только 100 фр. или заставить васъ ограничить свой доходъ 4-мя процентами. Такая перспектива, я знаю, вамъ мало улыбается. Но представляя вамъ ее, я имѣю въ виду только устранишь васъ и заставить согласиться на другаго рода сдѣлку. Единственно ради желанія сдѣлать вамъ пріятное, я предлагаю никогда не уменьшать вашего дохода. Я даже увеличу вашъ капиталъ. Такъ, напр. вы получаете теперь 45 фр. и вы будете ихъ получать до безконечности. Я только попрошу у васъ позволенія перемѣнить ярлычекъ на мѣшкѣ, въ которомъ я вручу вамъ ваши деньги. Вмѣсто надписи: «45

франковъ, проценты съ 1,000 фр., по $4\frac{1}{2}$ со ста», а напишу: «45 франковъ, проценты съ 1,500 фр. по 3 со ста». Поймите все великодушiе моего поступка: вы не только не теряете ни копѣйки изъ своего дохода, но я еще увеличиваю вашъ капиталъ на половину. Сообразивъ этотъ первый пунктъ, вы поймете все значенiе другаго благодѣанiя, которое я вамъ предлагаю. Для упрощенiя разныхъ надписей на билетахъ въ $4\frac{1}{2}\%$, 4% и 3% , я хочу замѣнить ихъ одною цифрою, 3% . Еслибы вы сами захотѣли это сдѣлать, вамъ пришлось бы значительно потратиться на маклерскiе расходы. Я избавляю васъ отъ этой платы и берусь переимѣнить вамъ билеты—даромъ. Даромъ, слышите-ли? Ваши $4\frac{1}{2}$ -процентныя билеты, которые продаются теперь на биржѣ за 1,000 фр., я замѣню, безъ всякаго вознагражденiя трехпроцентными, идущими на биржѣ за 1,080 фр. Такимъ образомъ вы остаетесь мнѣ должны 80 фр., составляющие вашъ остатокъ. Еслибъ я смѣлъ, я заставилъ бы васъ уплатить всѣ эти деньги, но какъ я не смѣю этого сдѣлать, то и ограничиваюсь полученiемъ 54 фр. Поймите же мою доброту: я увеличиваю вашъ капиталъ на 50% и еще дарю вамъ 26 фр. на каждые 80».

О, какъ благодаразумно поступалъ человекъ, говорившiй: «*timeo Danaos et dona ferentes!*» (*). Операциа г. Фульда не первая и не послѣдняя въ своемъ родѣ.

Посмотрите однако, какъ перетолковываются иногда самыя лучшия намѣренiя и какъ мало цѣнится самое трудное искусство. Г. Фульдъ сдѣлался предметомъ горькихъ упрековъ со стороны прежнихъ владѣльцевъ дохода въ $4\frac{1}{2}\%$ съ капитала, утверждающихъ, будто министръ пожертвовалъ ими ради сохраненiя выгодъ правительства; другiе прибавляютъ даже, будто бы онъ жертвуетъ интересами государства своимъ собственнымъ выгодамъ. И вотъ, что отвѣчалъ г. Фульду одинъ владѣлецъ $4\frac{1}{2}\%$ -ныхъ билетовъ:

«Я человекъ бѣдный. У меня только 450 фр. дохода, у моей жены столько же. Въ итогъ мы имѣемъ 900 фр. Съ такого дохода трудно сберечь остатокъ въ миллионъ франковъ, чтобы доставить вамъ удовольствiе переимѣнить ярлыки на вашихъ мѣшкахъ. А если вы берете изъ моего капитала 1,000 фр., вы уменьшаете его ровно на столько же, а вмѣстѣ съ тѣмъ убавяете и мой доходъ, хотя вы и утверждаете противное. Вы увѣряете, что вся переимѣна состоитъ въ

(*) Боюсь Данайцевъ, даже когда они дары приносятъ.

цифрах ярлыка; нѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и сумма. Отбѣрая по 1,000 фр. у меня, у моей жены и у другихъ вы достигаете довольно круглой цѣфы 180,000,000, да еще по своему расчету думаете лишить насъ на 300. Я не пользуюсь льготой, данной вами для тѣхъ, которые не захотятъ воспользоваться выгодами, которыя вы имъ предлагаете, но я сожалѣю тѣхъ, кто подобно мнѣ не можетъ отказаться отъ вашихъ милостей. Я бѣденъ, господинъ министръ, но есть бѣднѣе меня. Это—госпитали и другіе благотворительныя учрежденія; ихъ вы заставили продать недвижимую собственность, чтобы обратить ее въ капиталъ и получать съ него 4½%. Теперь они получаютъ 36,000,000 доходу почти со всего прежняго своего имѣнія. Какое зло сдѣлали вамъ эти больницы, что вы заставляете ихъ платить военную контрибуцію въ 40,000,000? Если въ этомъ году у нихъ будетъ что ѣсть, то за это, конечно, не васъ будутъ они благодарить, потому что вы отняли у нихъ насущный хлѣбъ!»

Съ своей стороны люди, подвергшіеся контрибуціи г. Фульда кричать ему: «какъ, вы однимъ почеркомъ пера отказываетесь навсегда отъ права, сохраненнаго государствомъ—уменьшать постепенно цифру процентовъ, которые оно выплачиваетъ своимъ кредиторамъ. Какъ, вы отказываетесь отъ экономіи, которая могла возвыситься до пятидесяти милліоновъ въ годъ, для того чтобы поживиться сразу 180 или 200 милліонами? Развѣ вы не знаете, что отказаться отъ права уменьшать проценты—значитъ увеличить долгъ и на процентахъ и на капиталѣ? Правда, взамѣнъ 200 милліоновъ вы вознаграждаете вкладчиковъ, опять-таки однимъ почеркомъ пера, двумя милліардами номинальнаго капитала, да и то болѣе на бумагѣ, потому что если генеральная ликвидація дѣйствительно только химера, за то частное уменьшеніе капитала вслѣдствіе выдачъ—есть фактъ, далеко не мало-важный, если принять въ соображеніе сумму отъ 10 до 12 милліардовъ!»

Какъ бы то ни было, но депутаты національнаго собранія большинствомъ 226 голосовъ противъ 19 приняли проектъ его превосходительства, безъ малѣйшаго измѣненія. Что же касается сената, то его усердіе такъ велико, что онъ готовъ принять какой угодно законъ, даже не прослушавъ его предварительно. Правительство однако въ большомъ затрудненіи: ежедневно въ теченіи цѣлаго мѣсяца затрачиваетъ оно на биржѣ болѣе чѣмъ по милліону, чтобы поддержать курсъ, покупаятъ трехъ и четырехъ—процентныя билеты на баснослов-

ныя суммы, такъ что неизвѣстно, куда оно сбудетъ ихъ. Съ удивленіемъ услышали мы новость о томъ, что французское правительство занимаетъ 100 милліоновъ въ Лондонѣ за 6% черезъ посредство различныхъ банкировъ, и несмотря на комическое отрипаніе этого извѣстія въ Монитерѣ, оно произвело непріятное впечатлѣніе на общество. Наши финансовыя дѣла думаютъ поправить не экономіей, а биржевой игрой. Не считаютъ нужнымъ помнить правило Вобана: «самый доходный для государства капиталъ есть тотъ, который оно оставляетъ въ карманѣ своихъ подданныхъ».

Въ своей тронной рѣчи императоръ подробно коснулся финансоваго вопроса и обѣщавъ утвердить кредитъ государства на незыблемыхъ основаніяхъ, Финансы будутъ возставлены декретомъ. Это напоминаетъ намъ письмо его величества, обѣщавшаго то же самое вскорѣ послѣ итальянской войны и приказывавшаго своему вѣрному другу, министру финансовъ, заняться немедленно уничтоженіемъ дефицита и возобновленіемъ кредита. Императоръ Наполеонъ принялъ однако предосторожность, повелѣлъ напечатать проектъ г. Фульда прежде своей собственной рѣчи, такъ чтобы возможную неудачу предполагаемаго плана не могли отнести къ императорскому манифесту. Это оказалось не лишнимъ, потому что операція новаго министра, прослышная геніальною, понизила биржевой курсъ.

Въ императорской рѣчи нѣсколько словъ о Соединенныхъ Штатахъ отличаются рѣзкостью выраженій и какою-то изученною сухостью. Эта блѣдная и темная рѣчь кажется сколкомъ съ рѣчи королевы англійской. Оба манифеста говорятъ о благоденствіи націи и выражаютъ увѣренность въ невозможность европейской войны. Императоръ Наполеонъ въ частности, кажется, удивляется продолжительности образа правленія, ославленнаго въ декабрѣ 1852 года. «Вотъ уже десять лѣтъ, говорить онъ, какъ это продолжается! Десять лѣтъ свободы, порядка и благоденствія! Мы провели эти десять лѣтъ среди спокойствія, довольнаго народонаселенія и среди согласія великихъ сословій государства».

Что касается до благоденствія, то въ нашихъ мануфактурныхъ городахъ все та же бѣдность вслѣдствіе войны съ Соединенными Штатами. Для вспоможенія бѣднякамъ составляются подписки, но они служатъ только къ тому, чтобы показать все безсиліе частной благотворительности при общественныхъ бѣдствіяхъ. Богатые люди дѣлаютъ все, что они могутъ; они веселятся въ пользу бѣдныхъ, устраиваютъ балы съ благотворительною цѣлью, при дворѣ назначаются

большіе приемы, блестящіе маскарады для поддержанія торговли и поощренія трудолюбія. Чудеса рассказываютъ о вечерахъ въ «Hôtel de Ville», о балахъ у нашихъ министровъ. По словамъ «Sport» журнала «Jockey-Club» а для ея величества императрицы приготовили самый волшебный головной уборъ, состоящій изъ золотой діадемы, на которой, среди бриліантовъ, блещутъ искры электрическаго свѣта, придающія лицу ослѣпительную лучезарность. Нѣкоторое затрудненіе представляло помѣщеніе батарей, но потомъ догадались помѣстить ее въ юбкѣ особеннаго устройства. Въ Ліонѣ и въ С.-Етьеннѣ работники охотно идутъ въ солдаты, берутся обрабатывать землю, толпами выселяются изъ отечества. Это сильный подрывъ нашимъ фабрикамъ шелковыхъ матерій. Бумажныя фабрики также потерпѣли. Съ другой стороны цѣны на хлѣбъ понизились, и зло еще не такъ велико, если предположить, что оно временное. Бѣдствіе до сихъ поръ имѣетъ характеръ случайности, мѣстности, но оно можетъ сдѣлаться всеобщимъ. Въ Англіи, несмотря на нѣкоторое оживленіе по случаю выставки, плохое положеніе дѣлъ несравненно ощутительнѣе, особенно въ Ирландіи. Тяжело читать извѣстія о страшномъ множествѣ людей, умирающихъ съ голоду. Офиціальныя свѣдѣнія объ этомъ, особенно при нагнѣрномъ молчаніи «Times'a» и другихъ журналовъ, очень скудны. Но вотъ что говорится въ одномъ частномъ письмѣ изъ Лондона: «здѣсь нищета доходитъ до ужасающей степени, цѣлыя сотни мужчинъ и женщинъ бродятъ по улицамъ почти голые, безъ рубашекъ, въ одномъ нижнемъ платѣ или въ изорванныхъ юбкахъ». А вотъ что рассказываетъ извѣстный писатель Лун-Бланъ: «нѣсколько времени тому назадъ одна женщина, по имени Анна Гамильтонъ, является къ полицейскому чиновнику и говоритъ ему: у меня былъ ребенокъ одиннадцати мѣсяцевъ. Не имѣя возможности его кормить и не будучи въ состояніи видѣть его умирающимъ съ голоду, я его убила.» Ничто не принуждало эту женщину къ подобному сознанію, но ей стало слишкомъ трудно жить и она рѣшилась умереть. «Черезъ нѣсколько дней ее судили. Изъ допросовъ видно, что эта женщина съ своимъ мужемъ занимала какую-то отвратительную лачужку въ самомъ грязномъ кварталѣ Лондона; у нихъ было двое дѣтей: одного мать убила, а другое—была дѣвочка, разбитая параличемъ. Мужъ былъ честный ремесленникъ, котораго продолжительной недостатокъ работы довелъ до ужасной нищеты вмѣстѣ съ семействомъ; мать съ отчаянія бѣгала по ночамъ по городу въ какомъ-то мрачномъ изступленіи и какъ бы желая спастись куда нибудь отъ самой себя».

«Выслушавъ эти показанія, судья, адвокатъ и всѣ присяжные объявили, что случай этотъ не подлежитъ строгости уголовныхъ законовъ, такъ какъ причиною его было поврежденіе разсудка. Но изъ всѣхъ этихъ лицъ, было ли хоть одно, искренно убѣжденное въ сумасшествіи убійцы? Нѣтъ, но необходима была ложь, чтобы спасти эту несчастную мать. Исполняя букву закона, судья упомянулъ о статьѣ уголовного свода, которою дѣтубійство не оправдывается невозможностью поддерживать существованіе, но самъ судья, произнеся такіа слова, боялся, чтобы присяжные не прицѣпились къ нимъ и въ заключеніе рѣчи своей обратился къ ихъ сострадательности».

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ англійскимъ дѣламъ, скажемъ нѣсколько словъ о странномъ Дюмолярѣ, котораго процессъ сдѣлался національнымъ событіемъ и обезсмертилъ это имя въ лѣтописяхъ преступленій. Дюмоляръ—убійца, но убійца, специально изучившій свое дѣло, взявшій на себя, по закону раздѣленія труда, одну только отрасль злодѣяній. Дюмоляръ «занимался» только служанками. Онъ отправлялся въ Ліонъ, объявлялъ себя лакеемъ какого нибудь богатаго барина и отыскивалъ няню для своихъ господъ. Благодаря выгоднымъ условіямъ, онъ убѣждалъ какую нибудь несчастную ѣхать съ собой, бралъ ее на желѣзную дорогу, съ наступленіемъ ночи высаживался на какой нибудь станціи, клалъ ее чемоданъ къ себѣ на плечи и велъ свою жертву къ какому—нибудь лѣсу или другому уединенному мѣсту; тамъ внезапно бросался на нее и, изнасиловавъ, удавливалъ ее веревкой или заколачивалъ до смерти молоткомъ, потомъ зарывалъ тѣло и уносилъ съ собою награбленное добро, которымъ торговала его жена. И у такого человѣка была жена! Цѣлые десять лѣтъ занималось это чудовище своимъ промысломъ; дѣвушка исчезала за дѣвушкой. Дюмоляръ могъ уложить цѣлое кладбище своими жертвами. Когда правосудіе проникло наконецъ въ его берлогу, тамъ оказалось безчисленное множество нарядовъ, юбокъ, бѣлья, головныхъ уборовъ, чемодановъ, шатулокъ, остатковъ кружевъ, серегъ и всякаго рода принадлежностей женскаго туалета. Среди этого скарба всякихъ лохмотьевъ, во большей части окровавленныхъ, нашли множество подвязокъ, всякаго рода и всевозможныхъ цвѣтовъ, принадлежавшихъ Богъ знаетъ сколькомъ ограбленнымъ лицамъ. Съ ужасомъ открыли множество дѣтскихъ платьевъ. Еще не знаютъ и никогда, конечно, не узнаютъ точнаго числа жертвъ, которымъ все это принадлежало.

Можно ли повѣрить, что подобное злодѣйство продолжалось въ теченіи десяти лѣтъ, не обративъ на себя ни малѣйшаго вниманія такой

искусной, или, по крайней мѣрѣ, такой усердной полиціи, какова французская? Какимъ образомъ могли погибнуть столько женщинъ совершенно безслѣдно и какъ правительство не обратило до сихъ поръ вниманія на распространившіеся слухи объ ихъ исчезновеніи. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ, несмотря на присутствіе мера, назначеннаго самимъ императоромъ, несмотря на цѣлый полкъ жандармовъ, по три, по четыре раза въ годъ совершается убійство однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, одѣтымъ постоянно одинаково, въ синей блузѣ, высокой шляпѣ, въ особаго рода плащѣ «*peau de diable*», съ выдающимися прищѣтами, какъ напр. сутуловатостью, рубцомъ на губѣ и опухолью на одной изъ щекъ! И этотъ человѣкъ, возбуждавшій давно всеобщее подозрѣніе, попадаетъ въ руки правосудія, только благодаря случаю. Одна изъ жертвъ его дикихъ страстей вырвалась какъ-то изъ рукъ своего мучителя и въ изорванномъ платьѣ, съ растрепанными волосами и съ ранами на всемъ тѣлѣ спаслась въ домъ полицейскаго управленія, жалуясь на то, что ее ограбилъ и избилъ неизвѣстный человѣкъ. Что же дѣлаютъ представители мѣстной власти? Они ограничиваются на первое время требованіемъ отъ дѣвушки ея бумагъ, а когда она отвѣчаетъ, что разбойникъ укралъ ихъ, эти люди заключаютъ ее въ тюрьму, какъ женщину дурнаго поведенія! Можно ли повѣрять, чтобы подобныя сцены совершались съво Франціи, въ имперіи мира и народнаго благоденствія?

Пока у насъ тянулось скорбное дѣло о преступленіяхъ Дюмоара, Англичане заняты были процессомъ Уиндгема, который всегда будетъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ по множеству подробностей, частью смѣшныхъ, частью скандальныхъ, доставившихъ самую богатую добычу общественному любопытству. Процессъ имѣлъ своимъ предметомъ вопросъ: «въ своемъ ли умѣ молодой господинъ Уиндгеми? Не сумасшедшій ли онъ, какъ утверждалъ его дядя генералъ Уиндгеми, одинъ изъ знаменитыхъ участниковъ въ крымской экспедиціи. Получивъ, по наступленіи совершеннолѣтія, значительное состояніе, молодой человѣкъ предался разгульной жизни, такъ что его дядя и ближайшій наслѣдникъ обратился въ судъ съ просьбою признать его племянника лишенымъ разсудка и неспособнымъ къ управленію имѣніемъ. Законною причиною служила страсть молодаго лорда переодѣваться полициею и даже лакеемъ. Въ дѣтствѣ своемъ онъ получилъ въ подарокъ отъ отца почетную ливрею, въ которой и служивалъ гостямъ, наравнѣ съ остальною прислугой. Въ воксалахъ желѣзной дороги онъ бракъ за перевозку багажа въ костюмѣ служителей и при отъѣздѣ поѣзда кричалъ во все горло: «по мѣстамъ, господа!» Но однимъ изъ самыхъ люби-

нхъ развлеченій его было попасть на самый локомотивъ въ качествѣ кочегара; онъ подкупалъ кондукторовъ, чтобъ они позволили ему стать на свое мѣсто. Разъ онъ вырвалъ свистокъ у зрителя станціи и далъ сигналъ: поѣздъ двинулся и только чудо спасло пассажировъ отъ гибели при роковой встрѣчѣ. Познакомившись гдѣ-то съ одной изъ лоретокъ, которыхъ Англичане по своей страсти къ лошадицѣ называютъ «hotze-breakers», лордъ предложилъ ей свою руку и огромную сумму денегъ. Миссъ Уилгбой или иначе Агнеса Роджерсъ отказалась отъ руки, но деньги приняла. Между аристократомъ, его любовницею и ея любовниками возникло вскорѣ много самыхъ странныхъ и постыдныхъ сдѣлокъ, вслѣдствіе чего дядя и подалъ жалобу.

Всякій согласится, что молодой Уиндгеиъ не отличается особеннымъ умомъ, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ былъ положительно пошвантъ. Богатый деньгами, развѣ онъ не имѣлъ права быть бѣднымъ разсудкомъ. Впродолженіе девяти дней адвокаты говорили по этому поводу все, что имъ было угодно, и столько времени, сколько имъ хотѣлось; наконецъ, различными допросами и перепросами, показаніями и опроверженіями довели дѣло до того, что уже сами ничего изъ него не могли понять. Въ этомъ громадномъ процессѣ было опрошено сто сорокъ свидѣтелей, призванныхъ изъ всѣхъ частей Англїи, изъ Шотландїи, изъ Ирландїи. Восемьдесятъ изъ нихъ были признаны, а шестьдесятъ—отвергнуты. По англійскому обыкновенію присяжные были заперты болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, для того чтобы обезопасить ихъ отъ подкупа. Имъ давалось вознагражденіе по 7½ франковъ ежедневно. Наконецъ, насмотрѣвшись на столько физиономій, истощивъ столько краснорѣчія, прослушавъ столько противорѣчивыхъ показаній, предсѣдатель, управлявшій пренїями по этому дѣлу, отдалъ его на рѣшеніе присяжныхъ, которые потребовали личнаго свиданія съ обвиняемымъ. Когда оно было имъ доставлено, они проговорили съ лордомъ Уиндгеиомъ цѣлыхъ четыре часа и въ заключеніе рѣшили, что онъ находится въ полномъ умѣ и совершенномъ разсудкѣ, почему и можетъ быть предоставленъ самому себѣ относительно управленія всѣми своими домами, землями, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

Публика, а въ томъ числѣ и лица, ровню ничего не имѣющія, была въ восхищеніи отъ того обстоятельства, что Уиндгеиъ — *junior* оказывается достойнымъ обладателемъ своего громаднаго состоянія и довольно разсудительнымъ человѣкомъ для Англичанина. Восторгъ былъ

такъ силенъ, что съ трудомъ удержали толпу отъ торжественнаго выноса счастливаго лорда съ его блѣдурую любовницей.

По закрытіи засѣданій, оставалось свести итогъ всѣмъ издержкамъ по такому небывалому процессу. Оказалось, что за три мѣсяца веденія этого дѣла на бумагѣ и за 34 дня словесныхъ прений на доставку свидѣтелей, на различныя вознагражденія и гонорары, употреблено всего 1,500,000 франковъ т. е. около 440,000 р. с. И все это только для того, чтобы дознаться, въ своемъ ли умѣ какойнибудь чужацъ? Одинъ охотникъ до вычисленій разсчиталъ, что каждая минута въ теченіи этихъ 34 дней стоитъ по 20 франковъ. Ненавѣстно сколько осталось у бѣднаго подсудимаго отъ его огромнаго состоянія, но что сказать о законодательствѣ, которое допускаетъ подобное безобразіе. Диккенсъ въ своемъ романѣ «Холодный домъ», направленномъ противъ канцелярскаго способа веденія дѣлъ, приводитъ много случаевъ, отличающихся подобною нечѣстностью. Процессы передаются отъ отцевъ дѣтямъ въ видѣ наслѣдства или идутъ въ приданое дочерямъ; кто не можетъ заплатить издержекъ по дѣлу, заключаются въ тюрьму на всю жизнь или покрайней мѣрѣ на долгое время. Одинъ молодой человекъ и одна молодая дѣвушка, составивъ послѣднюю отрасль двухъ судившихся между собою семействъ, желали для прекращенія всѣхъ затѣянныхъ ихъ предками процессовъ — соединиться законнымъ бракомъ и тѣмъ положить конецъ всякимъ тяжбамъ. Но послѣднее желаніе вполне законное не было исполнено: ихъ заставили продолжать процессъ противъ ихъ собственной воли.

Въ Англіи всякій процессъ обходится необыкновенно дорого и, само собою разумѣется, богатый всегда имѣетъ преимущество передъ бѣднымъ. Потребность удешевленія дѣлопроизводства становится съ каждымъ днемъ ощутительнѣе. «Chear Justice!» (дешевое правосудіе!) — вотъ девизъ современныхъ требованій англійскаго общества. Кое-что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Десять лѣтъ тому назадъ нужно было употребить никакъ не менѣе 250,000 франковъ, чтобы добиться легальнаго развода; теперь можно развестись за сумму въ тысячу разъ меньшую, такъ что въ «разводномъ судѣ» постоянно толпится множество представителей неудачнаго супружества, требующихъ для себя освобожденія. Теперь измѣняютъ положеніе о долговыхъ тюрьмахъ, пересматриваютъ процессы заключенныхъ лицъ, выпускаютъ на свободу тѣхъ, кто находится уже очень давно и т. п. На ряду съ печальными случаями заточенія въ продолженіи двадцати и болѣе лѣтъ за долги, нисколько не относящіяся къ заключеннымъ,

рассказывают анекдоты о некоторых любителях тюремъ, нарочно туда попадавшихъ и между прочимъ объ одномъ миллионерѣ, котораго должны были насильно вытолкать изъ тюремнаго замка — такъ ему понравилось заключеніе. Сельскіе судьи получили уполномочіе рѣшать окончательно небольшія дѣла, а въ Лондонѣ трибуналъ лорда-мера облеченъ диктаторскою властью относительно множества мелочныхъ обстоятельствъ. Ему принадлежитъ право заключать въ тюрьму и выпускать изъ нея людей низшаго класса, посаженныхъ за незначительные проступки. Билль о передачѣ собственности, внесенный лордомъ Пальмерстономъ, во всякой другой странѣ покзался бы мѣрою либеральною и даже демократическою. Онъ имѣетъ цѣлью избавить аристократію, владеющую девятью десятими поземельной собственности отъ большихъ издержекъ, требуемыхъ закономъ, а также и остановить возрастающее число юристовъ-міроѣдовъ, которымъ даютъ значеніе огромныя состоянія, приобретаемыя очень скоро въ дѣлахъ, подобныхъ процессу Уиндгема.

До сихъ поръ засѣданія парламента отличаются такою же безцвѣтностью, какъ и тронная рѣчь королевы. Виги и Тори одинаково согласны въ рѣшеніи пустить въ ходъ билль объ обвиненіи лорда Пальмерстона за его поведеніе въ американскомъ дѣлѣ и за утайку дружественныхъ депешъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Впрочемъ Пальмерстону не привыкать стать; когда онъ былъ помоложе, ему приходилось утаивать не только дипломатическія депеши, но что гораздо поважнѣе — скрывать подъ сукномъ самыя грязныя продѣлки индійской компаніи, представляя ее въ глазахъ Англіи образцемъ добродѣтели.

Воинственный энтузіазмъ, поднятый трентскимъ дѣломъ въ Великой Британіи, наконецъ угомонился. Не болѣе какъ за пятнадцать дней всѣ только и говорили о войнѣ, и друзья мира, каковы Брайтъ и Кобденъ, считались чуть ли не предателями отечества. Теперь, напротивъ, всѣ перешли къ самому миролюбивому настроенію.

Дерби, Россель и другіе поютъ сладенькимъ голосомъ за дружельбныя отношенія къ Америкѣ; «Times» является органомъ благосклонности; Д'Израели въ восторгѣ отъ великой американской націи и ея свободы; большинство парламентскихъ дѣятелей рукоплещетъ успѣхамъ федеральныхъ войскъ. Пережѣна изумительная!

Но что же было причиной ея? Обыкновенное обстоятельство. Прежде Англичане были подъ впечатлѣніемъ постыднаго пораженія при Буль-Рѣнѣ, теперь они подъ ударомъ блистательнаго успѣха

Соммерсетской битвы 17 января, въ которой федеральныя войска поразили сепаратистовъ. Да и какъ поразили! Одинъ изъ полководцевъ убитъ, другой обращенъ въ бѣгство, армія разбросана по всѣмъ направленіямъ, пушки, багажъ, знамена, провизія,—все въ рукахъ федератовъ; самая столица Тенессе въ опасности, федеральныя войска могутъ соединиться съ жителями этой провинціи, овладѣть Аллеганскою цѣпью, захватить единственную желѣзную дорогу, которая соединяетъ Луизиану съ Виргиніей. Что намъ пользы въ такой интересной добычѣ, какъ гг. Мезонъ и Слайделъ? Что намъ за дѣло до предложеній Джефферсона Дэвиса, когда блокада южныхъ портовъ оказывается въ такой степени дѣйствительною, когда невольничьи штаты распадутся не сегодня, такъ завтра на двѣ части! Двѣ нѣдѣли тому назадъ сѣверу угрожала опасность—мы его ненавидѣли тогда смертельно; теперь сѣверъ торжествуетъ, мы его любимъ и ищемъ случая оказать ему услугу. Мы люди практическіе, и даже очень практическіе!

Успѣхъ федеральной партіи имѣлъ еще другое слѣдствіе и на этотъ разъ не совсѣмъ пріятное. Правительство Авраама Линкольна провозгласило свою побѣду только для покоренія невольничьихъ штатовъ; ему не къ чему было прибѣгать къ принципамъ аболіціониста. Страна приведена такимъ образомъ къ колебанію между двумя политиками, противорѣчащими одна другой. Населеніе сѣвера по характеру принадлежитъ къ партіи рабовладѣльцевъ, а по силѣ обстоятельствъ къ партіи аболіціонистовъ. Такимъ образомъ, всякое матеріальное приобрѣтеніе получаетъ тотчасъ же нравственный отпоръ, и всякое пораженіе на полѣ битвы вознаграждается движеніемъ впередъ общественнаго мнѣнія. До тѣхъ поръ, пока правительство Соединенныхъ Штатовъ не приметъ открыто такую политическую систему, которою бы оно стремилось къ дарованію всѣмъ равной свободы и къ водворенію братства между различными расами, — намъ трудно будетъ рѣшить, служатъ ли побѣды къ истинному торжеству освобожденія или ему больше и вѣрнѣе служатъ пораженія. Вѣрно только то, что и тѣ, и другія необходимы.

Сѣверъ предпринялъ три большія экспедиціи противъ юга. Онъ надѣется окончить ихъ къ веснѣ. На конгрессѣ уже разсуждаютъ объ устройствѣ штатовъ, которые предполагается завоевать. Ихъ думаютъ низвести на степень простыхъ *областей* и возвратить имъ прежнее достоинство только тогда, когда они выплатятъ контрибуцію и да-

дуть объѣзаніе хорошо себя вести на будущее время. Это придумано хорошо, но что сдѣлаютъ съ невольничествомъ?

Всегда подозрѣвалъ внутреннюю связь между возстаніемъ южныхъ штатовъ противъ сѣверныхъ и мексиканской экспедиціей трехъ великихъ державъ Англій, Франціи и Испаніи. Относительно Англій уже указывали, какъ на славную цѣль ея похода — на городъ Мотаморось, лежащій на границѣ съ Техасомъ, откуда былобы очень легко вести контрабандную торговлю съ югомъ подъ защитою англійскихъ пушекъ. Это мнѣніе было подтверждено статьею одного оффиціального журнала, которая представляетъ это дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ.

«Мы говорили, выражается этотъ журналъ, о предположеніи сѣверныхъ державъ занять береговую часть мексиканской провинціи, пограничной съ невольничьимъ штатомъ Техасомъ. Когда въ октябрѣ прошлаго года президентъ Дэвисъ узналъ о готовившейся экспедиціи, онъ занялся устройствомъ транзитнаго пути черезъ южные штаты до самой границы Мексики. Эта работа теперь въ полномъ ходу и новый путь будетъ связанъ съ желѣзными дорогами и каналами, прорывающими южные штаты. Такимъ образомъ Европа могла бы запастись хлопкомъ въ гаваняхъ Мексиканскаго залива и европейскимъ державамъ не къ чему было бы беспокоиться вопросами о блокадѣ южныхъ портовъ, потому что транзитное сообщеніе, о которомъ идетъ рѣчь, замѣнило бы относительно вывоза хлопка — свободный доступъ въ южные порты. Нужно ли прибавлять, что нагрузка каравелъ въ Мексиканскомъ заливѣ не противорѣчитъ ни въ чемъ принципамъ между-народнаго права».

Наконецъ успѣхи федеральной партіи отражаются и на мексиканской экспедиціи. Англій смотрятъ теперь на нее съ большимъ предубѣжденіемъ. За исключеніемъ Пальмерстонова «Times'a», всѣ журналы противъ этого предпріятія и надѣются подѣйствовать на налаты для отпора министерству. «Что намъ дѣлать въ Мексикѣ? спрашиваетъ одна изъ газетъ, какую выгоду можемъ мы извлечь изъ подобной экспедиціи, кромѣ новыхъ обидъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ? Мы только запутаемъ свои дѣла въ странѣ отдаленной и совсѣмъ неизвѣстной, потеряемъ время, а можетъ быть и свою славу, и деньги! Графъ Россель, чтобы отклонить отъ себя ответственность, уже вошелъ въ объясненіе съ г. Тувенелемъ и представилъ свою ноту мадридскому кабинету. Россель умываетъ руки въ этомъ замыслѣ и въ то же время посылаетъ своихъ солдатъ для приведенія его въ испол-

неше. О гениальная голова! Вера-Круцъ, признанный неспособнымъ къ оборонѣ, былъ преданъ въ руки Испанцевъ, которые не нашли въ немъ ни гарнизона, ни жителей; только одинъ сельскій священникъ, да два аббата вышли къ нимъ на встрѣчу. Генераль Угуга отрѣзываетъ подвозъ припасовъ и своею арміею прерываетъ сообщеніе между Вера-Круцомъ и Мексикой. Президентъ Бенито-Хуарецъ объявилъ отечество въ опасности, граждане призваны къ оружію, населеніе большей части провинцій съ восторгомъ отвѣчало на этотъ призывъ, предводители мятежныхъ войскъ объявили себя за конституціонное устройство государства и требовали, чтобъ ихъ отправили противъ непріятеля. Внѣшняя опасность заставила забыть внутреннія распри. Ненависть къ давнишнимъ притѣснителямъ Испанцамъ соединяетъ между собою всѣ партіи, кромѣ развѣ духовенства; недавніе враги вспоминаютъ, что они дѣти одной и той же родины.

Вообще до сихъ поръ маленькая Мексика храбро держится противъ трехъ могущественныхъ враговъ. При всемъ томъ не имѣемъ духа предсказать ей хорошей исходъ въ такомъ неравномъ бою. Успѣхамъ союзниковъ, можетъ быть, будетъ помогать духовенство и измѣна нѣкоторыхъ Мексиканцевъ. Загнавъ три милліона у англійскаго посольства, Миранонъ явился въ Парижъ проживать ихъ и условливаться съ тремя правительствами касательно завоеванія своего отечества; наставивъ, сколько нужно было, тьюлерійскій кабинетъ, онъ уѣхалъ, чтобы обратиться съ совѣтами къ маршалу О'Доннелю и помочь своими внушеніями вдохновенію сестры Патронинію. Какъ бы то ни было, но пройти отъ Вера-Круца до Мексикки совѣтъ не трудно: по хорошей дорогѣ непріятельскія войска могутъ въ 5 или 6 дней, при помощи паръзныхъ пушекъ, очутиться у самой столицы, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Занявъ ее, они, конечно, позаботятся устроить какое нибудь правительство и возвратятся покрытые славой, купленною всего за 300 милліоновъ франковъ, что составитъ для каждаго изъ союзниковъ только 100 милліоновъ. Изъ всего этого выйдетъ то, что генераль Лоренсетцъ, представитель французской цивилизаціи, сожжетъ одно изъ предмѣстій Мексикки и пріѣдетъ домой съ титуломъ графа, пожизненною пенсіей въ 60,000 франковъ и званіемъ сенатора. Тогда онъ будетъ имѣть полное право быть на «ты» съ толстымъ героемъ Малаховской битвы.

По послѣднимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, завоеваніе Мексикки будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ, потому что оно сопряжено

Отд. II.

1/2

съ уничтоженіемъ шестнадцати испано-американскихъ республикъ и раздѣленіемъ ихъ на отдѣльные королевства, въ пользу оставшихъ государей, бывшихъ владѣтелей Обѣихъ Сицилій, великаго герцога тосканскаго, Роберта пармскаго и другихъ, а также и въ пользу младшихъ членовъ владѣтельныхъ домовъ, Максимилиана, испанскаго инфанта, Себастьяна, графа фландрскаго, который женился бы въ такомъ случаѣ на одной изъ дочерей герцога Монпансье. Всѣхъ этихъ оставшихъ королей монархическая Европа отпирать въ заморскія колонніи. Изъ всей южной Америки оставить въ покоѣ только Бразилію, которая по характеру правленія одна заслужила расположеніе европейскихъ правительствъ.

Новый проектъ нашей дипломатіи можетъ показаться невыполнимымъ; тѣмъ не менѣе онъ служитъ пугаломъ для обитателей южной Америки. Новая Гренада, между прочимъ, спѣшитъ закупкою оружія, Перу хлопочетъ о томъ, какъ бы доставить денегъ и солдатъ Мексику, не знаетъ только, какъ переправить туда послѣднихъ. Маленькія республики хорошо знаютъ, что противъ слабаго всякій предлогъ хорошъ. Такъ противъ нихъ могутъ воспользоваться такою же уловкою, какъ и противъ Мексики, поставивъ имъ въ вину отказъ въ уплатѣ по векселямъ.

Кое-какія дипломатическія столкновенія уже начинаются. Французское правительство отказывается въ теченіи восьми мѣсяцевъ принять г. Мурильо, уполномоченнаго отъ Новой Гренады. Сперва предполагали причиною этого отказа то, что зтотъ господинъ—жульакъ; предложили замѣнить его бѣлымъ, но безо всякаго успѣха. Сентъ-Джемскій кабинетъ поступилъ гораздо лучше въ дѣлѣ Канштадта. Это имя принадлежитъ одному нѣмцу, сдѣлавшемуся въ нѣкоторой степени американцемъ, который, вооружившись англійскимъ паспортомъ, почелъ своею обязанностью—убить Лопеца, президента Парагуя. Послѣ неудачнаго покушенія онъ былъ схваченъ, преданъ суду и приговоренъ къ смертной казни. Во всякомъ другомъ мѣстѣ приговоръ былъ бы исполненъ, но тамъ сочли за лучшее его помиловать и выслать за границу. А Англія еще протестовала, утверждая, что арестованіемъ преступника нанесено оскорбленіе англійскому паспорту. Почти въ то же время Итальянецъ Орсини, также съ фальшивымъ англійскимъ паспортомъ покушался убить императора Наполеона, однако англичане ничего не нашли сказать противъ исполненія надъ нимъ смертнаго приговора на Рокетской площади. Правда, тѣ же самые англичане не такъ давно затѣяли войну съ Китаемъ за то, что китайское правительство аресто-

вало одного китайскаго же контрабандиста, занимавшагося своимъ промысломъ подъ китайскимъ флагомъ, но имѣвшаго у себя въ трюмѣ англійскій флагъ, недавно имъ купленный! Лопецъ отправилъ посла въ Англію, чтобы объясниться по поводу мнимаго оскорбленія британскаго паспорта. Благородный Джонъ Россель отказался принять объясненія. Посланникъ просилъ совѣта у Филлимора, знаменитаго королевскаго юриста, который осмѣлился дать ему благопріятный отвѣтъ. Одобренный такимъ оборотомъ дѣла, онъ снова является къ благородному Джону, который еще разъ отказался его принять. Тогда посоль обратился къ Дройенъ-де-Люису, бывшему уполномоченному французскому министру при англійскомъ дворѣ, пользующемуся въ высшемъ кругу репутаціей знатока международнаго права. Получивъ рекомендательное письмо отъ Дройенъ-де-Люиса, посоль отправился въ третій разъ къ лорду Росселю и въ третій разъ благородный лордъ отказывается его принять. «Times» и французскіе официальные журналы уклонились отъ обнародованія этого случая. Одна иностранная газета, которую мы не хотимъ здѣсь назвать, согласилась на это не прежде, какъ получивъ 1000 франковъ. Это было въ сентябрѣ, а недавно сынъ президента Лопеца готовился выѣхать изъ Буэносъ-Айреса въ Европу, но одно англійское судно, узнавъ объ этомъ намѣреніи, сдѣлало залпъ по пароходу, готовившемуся къ отплытію. Сынъ Лопеца вышелъ на берегъ; тѣмъ дѣло и кончилось. Въ настоящее время французскія и англійскія военныя суда стоятъ противъ Буэносъ-Айреса и народонаселеніе нисколько не сомнѣвается въ ихъ враждебныхъ намѣреніяхъ.

Такими поступками Англія ничего не прибавляетъ къ своей репутаціи, но странно, что самая французская политика дѣйствуетъ противно національнымъ принципамъ. Не говоря уже о 15,000 Французовъ, живущихъ въ Мексикѣ и единодушно протестующихъ противъ донесеній своего посланника Дюбуа-де-Салины, — на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы Франція встрѣчала болѣе сочувствія, какъ въ испано-американскихъ республикахъ. «До сихъ поръ мы васъ любили, мы даже благоговѣли передъ вами, говорилъ по этому случаю одинъ честный Гренадецъ, но теперь своими поступками вы только заставите насъ ненавидѣть и презирать себя, вотъ и все»!

Это тѣмъ болѣе справедливо, что вся тяжесть предпріятія упадетъ на Францію; Англичане займутъ порты, но они уже объявили, что съ наступленіемъ времени желтой лихорадки, они уступятъ свое мѣсто Испанцамъ. А что будетъ, когда дѣйствительно братъ его величества императора австрійскаго сядетъ на престолъ Монтезумы? До

этого момента дѣло вести не такъ трудно, а потому? Неужели европейскія войска на другой же день отправятся назадъ и предоставятъ новаго короля пріятному «tête à tête» съ его подданными и заботамъ объ утвержденіи своего престола на ихъ преданности и любви. Такая попытка отзывается бы чѣмъ-то въ родѣ романа Сервантеса; но въ нашъ же лѣзвый вѣкъ извѣстное количество штыковъ не мѣшаетъ самому прочному правительству и отказаться отъ нихъ значило бы сдѣлать большую ошибку. Итакъ королю Мексики необходимо иностранное войско; но кто будетъ содержать его? Испанія въ высшей степени непопулярна въ Мексикѣ, Англія отговорится исключительно морскимъ характеромъ своего могущества. Всего бы естественнѣе Австріи взять на себя эту обязанность, но у Австріи не хватаетъ и въ Европѣ довольно войска. Состояніе ея финансовъ не позволяетъ ей никакой безполезной издержки; наконецъ, флота ея слишкомъ недостаточно для поддержания почтительныхъ отношеній колоніи къ метрополіи. Всѣ подобныя соображенія заставляютъ насъ предполагать, чтобы роль тѣлохранителя новаго государства не досталась на долю Франціи. У Франціи есть солдаты, есть суда для ихъ перевозки, есть г. Фульдъ и его финансы для ихъ прокормленія,—все это до такой степени справедливо, что по достовѣрнымъ слухамъ утверждаютъ, будто вѣнскій кабинетъ заключилъ условіе съ французскимъ правительствомъ, по которому оно обязуется содержать въ продолженіи десяти лѣтъ охранительное войско въ столицѣ Мексики.

Настоящія затрудненія возникнутъ по всей вѣроятности тогда, когда союзники вступятъ въ Мексику. Ихъ взаимныя притязанія, вызывающіяся уже теперь во многихъ случаяхъ, проявятся, конечно, во всей своей силѣ при самомъ дѣлѣ добычи. Они не рѣшатся проникать во внутренность страны, занятой разбѣяннымъ населеніемъ, которое поведетъ съ ними партизанскую войну. Къ международной распрѣ они присоединятъ еще чуждое вторженіе, противъ котораго соединятся мало-по-малу раздѣленные силы страны. Едва ли не ошибется вѣнскій кабинетъ въ своемъ расчетѣ, думая сдѣлать изъ Мексики австрійскую Канаду, колонію почти независимую отъ метрополіи, но все-таки связанную вассальною покорностью апостолической коронѣ! Медленность хода нашей дипломатіи не пріучила насъ къ такому быстрому соображенію, чтобы рѣшить, что изъ этого выйдетъ.

Сдѣлать такой подарокъ Австріи задумалъ совсѣмъ не г. Тувенель, а другая особа, несравненно интереснѣе и красивѣе его, а именно—княгиня Меттернихъ. Она сохранила этотъ проектъ подъ своей лич-

вой шляпой и вывела его на свѣтъ божій среди лентъ, перьевъ, кружевъ и цвѣтовъ. Съ своей стороны императрица Евгения приняла его. А императоръ Францъ-Иосифъ, который дѣлается крѣпокъ на ухо, какъ только съ нимъ заговорять о Венеціи, ждетъ, что вотъ, вотъ, Людовикъ Наполеонъ подаритъ ему новое государство и вознаградитъ потерю Ломбардіи уступкой Ниццы, Савойи и уплатою ста милліоновъ. Мексикку предлагаютъ взять у Мексиканцевъ, Герцеговину отнять у Турокъ, а императоръ все-таки не догадывается почему это? И его приближенные ѣдутъ въ Верону на военныя демонстраціи, заставшія Европу среди миролюбивыхъ заявленій, сдѣланныхъ во всѣхъ возможныхъ парламентахъ различными авторитетами.

Изъ Италіи нѣтъ никакихъ новостей. Упорство папы попрежнему вытѣкаетъ терпѣніе Итальянцевъ. Попрежнему допускается всюду римское вѣшательство, хотя римскій дворъ объявлялъ себя за принципъ невѣшательства. Та же невозможность устроить конституціонную монархію прежде окончанія организаціи политической. Итальянское *единство* сдѣлалось революціонной программой для народа, девизомъ монархическихъ стремленій для Пиемонта. Рикасоли понимаетъ соединеніе, какъ средство, раждающее единство, и отказывается допустить распространеніе недовольной партіи, для того чтобы королевскому правительству не пришлось потомъ пожинать плоды ея вліянія. Въ Римѣ, Неаполѣ и Миланѣ были шумныя манифестаціи совершенно невиннаго характера, и Рикасоли употребилъ самыя суровыя мѣры для прекращенія ихъ, возбуждалъ противъ себя негодованіе съ одной стороны за то, что хотѣлъ, а съ другой за то, что не могъ успокоить волненія. Положеніе министра дѣйствительно тяжелое, но оно дѣлается рѣшительно невозможнымъ, когда министръ становится между увлеченіемъ націи и политическою необходимостью, между народомъ, который находитъ его дѣйствія не довольно твердыми и между парламентомъ, который обвиняетъ его въ насиліи. Парламентъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свое довѣріе, потому что поддерживаетъ министерство, не чувствуя къ нему ни малѣйшей симпатіи. Самъ король, какъ извѣстно, сохраняетъ къ нему только одно уваженіе, а женщины рѣшительно все противъ несчастнаго Рикасоли. Пускай же онъ оставитъ свой постъ, такъ какъ онъ всѣхъ стѣсняетъ, — но развѣ, переимѣнивъ министра, переимѣнятъ политику? Отчего же и не переимѣнить?

Вѣнскій кабинетъ хотѣлъ воспользоваться своими минимыми успѣхами, чтобы снова затѣять дѣло съ венгерскими магнатами, но вре-

мя было дурно выбрано: страшное наводнение опустошило эту страну и всю восточную Германию. Многія большія рѣки соединились въ обширной равнинѣ Венгріи; часть ея находится подъ водой. Политической дѣятельности представилось физическое препятствіе.

Съ тѣхъ поръ какъ принцъ Уэльскій, путешествуя по Германіи, встрѣтилъ случайно принцессу Августу, старшую дочь Христіана, наследнаго прища датскаго — и дѣло о бракосочетаніи ихъ высочества было рѣшено. Пруссія оставила въ сторонѣ шлезвигъ-голлштинскій вопросъ, чтобы заняться исключительно австрійскими дѣлами.

Первый парламентскій дебютъ Пруссіи не былъ удаченъ и первый шагъ прогрессивной партіи сдѣланъ былъ назадъ. На королевскую рѣчь либеральное большинство отвѣчало молчаніемъ и не осмѣлилось формулировать программы. Послѣ десятилѣтняго осужденія на нѣмоту келейнаго управленія, демократы не могли сразу отвыкнуть молчать, даже когда имъ возвращено было право говорить. Имъ казалось это болѣе приличнымъ. «Довольно словъ, повторяли они, давайте намъ дѣло!» Это такъ, но въ конституціонной монархіи слово, произнесенное съ трибуны, равносильно дѣйствию. Депутаты либеральной партіи повидимому забываютъ, что парламентская палата управляетъ не столько правомъ подавать голоса, сколько вліяніемъ на общество, котораго она служитъ представительницею. Нѣмецкая нація требуетъ программы дѣствий парламента и нужно дать ей эту программу. Если либеральная палата въ Берлинѣ хочетъ оправдать надежды, возбужденныя учрежденіемъ парламента, она должна измѣниться въ конгрегацию депутатовъ всей Германіи, а не одной Пруссіи. Тутъ дѣло идетъ не только о будущемъ развитіи либеральныхъ идей въ Пруссіи, но и о прусскомъ преобладаніи въ Германіи. Пруссакъ далеко еще не такъ популяренъ между своими соотечественниками, чтобы могъ дозволить себѣ дѣлать все, что ему угодно. Напротивъ того, онъ обладаетъ удивительною способностью заставить себя ненавдѣть, какъ только переступить границу своей родины. Жители Берлина народъ умный, но слишкомъ чванятся своимъ книжнымъ умомъ, а черезъ то на всѣхъ морскихъ купаньяхъ и на рейнскихъ пароходахъ умѣютъ надоедать всѣмъ и каждому. Въ мастерскихъ южной Германіи работникъ-пруссакъ служитъ вгрушкою и поситищемъ для своихъ товарищей. Въ политическомъ отношеніи Пруссаковъ обвиняютъ, наравнѣ съ Баварцами, въ мелочности, заносчивости и самодовольствѣ. Огромное большинство прусскаго населенія не понимаетъ своего долга въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Прусскій народъ

душаетъ совмѣстить въ себѣ всю Германію, не считывая, что Пруссія легче можетъ быть поглощена Германіею; а если онъ соглашается признать другіе германскіе народы какъ братьевъ, то съ тѣмъ условіемъ, чтобы они чтили его какъ старшаго брата, повинувались ему какъ младшіе и не оспаривали его старшинства. Въ недавнее еще время, когда подписка въ пользу устройства нѣмецкаго флота преобразовалась въ сборъ на постройку флота для Пруссіи, Нѣмцы средней и южной Германіи, черезъ своихъ депутатовъ и членовъ національнаго собранія, въ числѣ 1500 человекъ собравшихся во Франкфуртѣ, изложили мнѣніе противъ дѣйствій прусскаго правительства, не касаясь прусскаго народа. Нѣмцы охотно соглашались доставить Пруссіи законное право видѣть центральную власть въ рукахъ гогенцоллернскаго дома, но съ тѣмъ, чтобы она приготовила устройство нѣмецкаго парламента. Пруссіи надо остерегаться; хотя нѣмецкое терпѣніе и вошло въ пословицу, но и у него есть границы. На югѣ, гдѣ парламентское устройство существуетъ уже сорокъ лѣтъ, гдѣ кровь оборачивается быстрее въ жилахъ, а политическій смыслъ болѣе развитъ, чѣмъ на берегахъ Шпре, можно было бы утомиться этимъ вѣчнымъ движеніемъ то впередъ, то назадъ, этими знаками взаимнаго уваженія—государственнаго совѣта къ государю и оппозиціи къ министертву.

Даже «Times» и «Daily News» поддерживаютъ то же мнѣніе. «Пруссія, говоритъ послѣдняя газета, должна забыть, что она Пруссія и раздаться во всю Германію. Если она не сдѣлаетъ этого, то пусть лучше замолчитъ и прекратитъ свое существованіе».

Приведенныя нами слова — отголосокъ тысячи голосовъ, раздающихся въ либеральной Германіи и даже внѣ ея. Отсюда совѣтуютъ Пруссіи одно и то же: «брось свою узкую, національную систему, откажись отъ своего эгоизма, и ты сдѣлаешь много великихъ дѣлъ!».

Вѣрные своему обѣщанію, прусскіе депутаты, составили, послѣ продолжительнаго препія, актъ о вѣтѣхательствѣ Пруссіи въ дѣла герцогства Гессенъ-Кассельскаго. Только шестьдесятъ голосовъ, принадлежавшихъ феодальной партіи, были противъ общаго рѣшенія да еще голосовъ двадцать польской партіи выразили свое несогласіе касательно нѣмецкой политики. Независимо отъ признанія итальянскаго королевства, затрудненія относительно гессенскаго княжества могутъ сдѣлаться камнемъ преткновения для предначертаній Пруссіи. Електоръ гессенскій вошелъ въ ближайшія сношенія съ Австріею въ

то самое время, какъ Пруссія объявила себя за конституціонныя стремленія гессенскаго населенія, изъ-за которыхъ она совершила свою несчастную кампанію 1850 года. Волей-неволей, а Пруссіи придется еще разъ побывать на поляхъ Ольмюца, гдѣ она была такъ безславно разбита Австрійцами — дипломатическимъ образомъ, разумеется.

Между двумя соперниками готовится страшная борьба. Послѣ заключенія военнаго договора между королемъ Вильгельмомъ и герцогомъ Эрнестомъ, въ Вюрцбургѣ была заключена лига между представителями Франца-Иосифа, четырехъ королевствъ: Ганновера, Виртемберга, Саксоніи, Баваріи, тюрингенскихъ княжествъ, Ольденбурга, Гессена, Нассау и Брауншвейга. Всѣ эти государства вручили г. Бернсторфу ноту, которую объявляли, что, опасаясь возрастающаго могущества Пруссіи, они сочли необходимымъ заключить между собою оборонительный союзъ. Не требуя закрытія настоящаго сейма, они рѣшились составить особый федеральный парламентъ изъ депутатовъ отъ разныхъ палатъ упомянутыхъ государствъ, для того чтобы наказать Пруссію за намѣреніе образовать союзъ изъ членовъ конфедераціи, что значило бы конфедерацію въ конфедераціи.

Нѣмецкая пресса придаетъ большое значеніе такому антагонизму двухъ державъ, развивающемуся на глазахъ у цѣлой Европы. Мы надѣемся, что это столкновеніе окончится миролюбиво, но довольно серьезно и во всякомъ случаѣ въ пользу Германіи. Взаимные удары, наносимые другъ другу обими соперниками, конечно, повредятъ и тому, и другому, но послужатъ къ утвержденію національнаго единства Германіи, которая выиграетъ все, что потеряютъ соперники въ своей борьбѣ. Правительство баденское рѣшилось предложить свое посредничество, но это робкое вмѣшательство не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. «National Zeitung» говорить, что Вильгельму остается въ виду опасности, угрожающей его государству, идти впередъ въ дѣлѣ реформъ и сообщать Германіи болѣе единства и дать ей болѣе свободы, нежели ей давали Австрія, Ганноверъ, Саксонія и Баварія, — а это совсѣмъ не трудно». Такого рода совѣты очень полезны для короля Вильгельма, но мы знаемъ, что не онъ одинъ нуждается въ хорошихъ совѣтахъ, а и его парламентъ и вообще вся нѣмецкая нація.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

(Критическій отдѣлъ Русскаго Вѣстника за 1861 годъ).

VI.

Относясь мягко и почти любовно ко всему, что не имѣетъ связи съ задорною журналистикою, и въ тоже время не рѣшаясь слишкомъ громко расхваливать то, что не представляетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, Русскій Вѣстникъ держится дипломатической осторожности, хвалитъ такъ, что его похвалы можно принять за выраженія свѣтской вѣжливости или условнаго почтенія. Похвалы эти голословны, какъ то официальны; въ нихъ не видно дѣйствительнаго сочувствія; но, не смотря на эту дипломатическую осторожность, у Русскаго Вѣстника прорываются порою довольно странныя признанія и сужденія. Съ этой точки зрѣнія стоить привести въ примѣръ статью г. Н. о солдатской бесѣдѣ г. Погоссака. Г. Погосскій, какъ авторъ дѣдушки Назарыча, господина Колодника и разныхъ другихъ рассказовъ, взятыхъ изъ солдатскаго быта и переданныхъ солдатскимъ языкомъ, извѣстенъ своею замашкою идеализировать изображаемую среду, и въ особенности тѣ личности, которыя являются въ его рассказахъ на первомъ планѣ. Какъ человекъ умный и не лишенный современнаго

литературнаго образованія, г. Погосскій идеализируетъ довольно искусно и почти правдоподобно. Онъ не представляетъ своихъ героевъ сказочными богатырями, не заставляетъ ихъ стучать себя въ грудь и плакать на взрыдъ при словѣ матушка русь православная, не наваливаетъ имъ на плечи невѣроятныхъ подвиговъ героизма и самоотверженія, и вообще не выходитъ, при построеніи своихъ характеровъ и положеній, изъ масштабовъ сѣренькой дѣйствительности. «Его Назарычи, Савельичи, Кулики да Калинины, говоритъ г. Н., народъ все больше невзрачный, тихій, нехвастливый; это все люди, которые тутъ же, обокъ насъ живутъ.» Все это почти вѣрно, а между тѣмъ это не мѣшаетъ существованію страшной идеализаціи. Всѣ эти солдаты—люди маленькіе, но въ высшей степени добродѣтельные. «А придетъ случай—глядишь, говоритъ самъ г. Погосскій, онъ (т. е. солдатъ) и встанетъ передъ тобою въ такой красотѣ душевной, такую добродѣтель окажетъ, ни передъ какимъ зломъ непреклонную, что подивись ты невзрачному человѣку этому и за большее счастье почитешь называть его ровней, товарищемъ своимъ». Вотъ и возникаетъ вопросъ: откуда же это добылъ себѣ этотъ солдатъ такую отиѣвную добродѣтель? Изъ деревни ли онъ ее принесъ или въ казармахъ выработалъ? Если изъ деревни принесъ, то эта добродѣтель принадлежитъ ли отдѣльному лицу, или цѣлому народу, но никакъ не спеціальному сословію солдатъ. Если же онъ ее выработалъ въ сферѣ своей служебной жизни, тогда г. Погосскому очень не мѣшало бы объяснить читателямъ, какія именно стороны этой жизни выработываютъ въ солдатѣ непреклонную добродѣтель и душевную красоту. Но г. Погосскій, какъ художникъ, можетъ быть увлеченъ своимъ предметомъ, и вслѣдствіе этого, можетъ, въ отношеніи къ этому предмету, утратить до нѣкоторой степени ту силу анализа, съ которою человѣкъ хладнокровно размышляющій приступаетъ къ обсужденію каждаго дѣла или вопроса. Можетъ быть г. Погосскій видѣлъ, дѣйствительно, такъ много примѣровъ непреклонной добродѣтели и красоты душевной, что для него понятіе солдата совершенно неразлучно съ понятіемъ человѣка, обладающаго именно такую добродѣтелью и красотой. Кроме того г. Погосскій преслѣдуетъ, можетъ быть, нравственно-педагогическую цѣль и жалеетъ представить своимъ читателямъ-солдатамъ какъ можно больше хорошихъ образцовъ, для того, чтобы эти читатели, умиляясь сердцемъ, стремились подражать этимъ доблестнымъ примѣрамъ и неуклонно подвигались впередъ на пути своего духовнаго

и нравственного совершенствования. Если г. Погоский увлекается как художникъ, если онъ, чувствуя своими младшими братьями, видеть нѣкъ участіе въ розовомъ свѣтѣ,—это дѣлаетъ величайшую часть нашему сердцу и впечатлительнымъ нервамъ издохла «Солдатской Бесѣды», хотя въ сущности не увеличиваетъ правдоподобія характеровъ, подобныхъ Назарату и даже не объясняетъ происхожденія этихъ характеровъ изъ малыхъ элементовъ нашей дѣятельности. Если г. Погоский хочетъ приносить пользу нашимъ низкимъ чинамъ представляемыми образцами, если его добродѣтельные герои—ничто иное, какъ прошекъ, съ которыхъ солдату должно списывать свои поступки в свою жизнь, то опять—такъ нельзя не отнестись съ величайшею признательностью къ добродѣтельнымъ тенденціямъ г. Погоскаго, нельзя не принять его за истиннаго филантропа и нельзя не пожалѣть о томъ, что позальная филантропія эта идетъ въ разрѣзъ съ жизненною правдою. Тѣ аргументы, которые я привелъ для того, чтобы оправдать и объяснить увлеченіе г. Погоскаго своимъ предметомъ и выходящую изъ этого увлеченія идеализацію, къ сожалѣнію, никакъ не могутъ быть приведены въ пользу г. Н.—критика Русскаго Вѣстника. Дѣло критика состоитъ именно въ томъ, чтобы рассмотреть и разобрать отклоненія художника къ изображаемому предмету; критикъ долженъ рассмотреть этотъ предметъ очень внимательно, обдумать и разрѣшить по своему тѣ вопросы, на которые наводитъ этотъ предметъ, вопросы, которые едва затронуть и можетъ быть даже едва замѣтитъ самъ художникъ. Художнику представляется единичный случай, яркій образъ; критику должна представляться связь между этимъ единичнымъ случаемъ и общими свойствами и чертами жизни; критикъ долженъ понять смыслъ этого случая, объяснить его причины, узаконить его существованіе, показать его *raison d'être*. Г. Погоский рисуетъ намъ добродѣтельныхъ солдатъ. Критикъ его произведеній можетъ соглашаться или не соглашаться съ авторомъ, признавать или отвергать дѣятельность выводимыхъ имъ явленій; въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ выставить на видъ тѣ соображенія, которыми онъ руководствуется, и при помощи которыхъ онъ приходитъ къ тому или другому результату. Если онъ считаетъ Куликѣвъ и Назаратей дѣятельно живыми типами, то онъ долженъ объяснить намъ, какія именно условія русской жизни вообще или солдатскаго житья-бытья въ особенности содѣйствуютъ формированію такихъ типовъ. Если онъ

*

считаетъ Кудиковъ и Назарычей головными выдумками автора, построенными съ поучительно нравственною цѣлью, то онъ опять — тамъ обязанъ, подвергнувъ анализу тѣ же условія русской жизни, доказать, что при этихъ бытовыхъ условіяхъ личности подобныя добродѣтельныя герои г. Погосскаго существовать не могутъ. Словомъ, чтобы критическая статья не была переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, надо, чтобы въ ней высказывался взглядъ критика на явленія жизни, отражающіяся въ литературномъ произведеніи, надо, чтобы въ ней, съ точки зрѣнія критика, обсуживался и рѣшался какой нибудь вопросъ, поставленный самою жизнью и натолкнувшій художника на созданіе разбираемаго произведенія. Этого — то именно мы не найдемъ въ статьѣ г. N.; одобрительно-ласкательные отзывы о Солдатской Бесѣдѣ г. Погосскаго, выписки изъ упоминаемыхъ повѣстей, рассказъ содержанія этихъ повѣстей — вотъ все, что вы встрѣтите въ этой soi-disant критической статьѣ. Мы изъ этой статьи ниѣмъ право вывести одно заключеніе, что авторъ ея раздѣляетъ сладкія воззрѣнія г. Погосскаго и вмѣстѣ съ нимъ готовъ восхищаться тою сферою, въ которой живутъ и дѣйствуютъ наши крестьяне и солдаты. Я не намѣренъ спорить ни съ г. Погосскимъ, ни съ г. N. тѣмъ болѣе, что послѣдній не высказываетъ рѣшительно своихъ мнѣній, а только принимаетъ съ полною вѣрою всѣ слова и рассказы Солдатской Бесѣды. Я спорить не намѣренъ, потому что нахожу это въ высшей степени неудобнымъ и безнужнымъ; я ограничиваюсь только тѣмъ, что указываю на крайніе выводы, къ которымъ приводитъ сладкій оптимизмъ Русскаго Вѣстника. Затѣмъ иду дальше, къ критическимъ диковинкамъ слѣдующихъ книжекъ.

VII.

Въ раздумьѣ останавливаюсь я передъ апрѣльскою книжкою; въ ней критическій отдѣлъ начинается выпискою изъ сочиненія г. Юрлевича (изъ науки о человѣческомъ духѣ). Возникаетъ вопросъ: говорить или не говорить объ этой статьѣ. Есть много аргументовъ за и противъ, но мнѣ кажется будетъ основательнѣе пройти эту статью молчаніемъ, напомнивъ предварительно читателямъ, что она направ-

лена противъ статьи г. Чернышевскаго объ антропологическомъ принципѣ и заимствована Русскимъ Вѣстникомъ, какъ политическое сарказіе изъ трудовъ кievской духовной академіи. Рѣшаюсь я не говорить объ этой статьѣ собственно потому, что не вижу ни малѣйшей точки соприкосновенія между мыслями г. Юркевича и моими собственными идеями. Процессъ мысли, исходныя точки, результаты, способъ изложенія, все это до такой степени различно, какъ будто бы мы жили въ разные времена и говорили на двухъ разныхъ языкахъ. Очень можетъ быть, что это признаніе сдѣлаю мною къ моему собственному стыду, очень можетъ быть, что жить не въ томъ мѣрѣ, въ какомъ живетъ г. Юркевичъ, значить прозябать, вести жизнь скотоподобную, не имѣть понятія о дѣятельности мысли; все это очень возможно, а между тѣмъ и все-таки съ полною откровенностью скажу, что не понимаю, изъ чего хлопочетъ г. Юркевичъ, что и зачѣмъ онъ доказываетъ, какая польза и какая надобность въ тѣхъ невыносимо-случивыхъ диалектическихъ тонкостяхъ, которыми наполнена его обширная статья. Согласитесь, господа читатели, что, если я не понимаю ни цѣли, ни сущности, ни пользы статьи г. Юркевича, то я никакъ не могу стать къ ней въ какія бы то ни было критическія отношенія. Для меня статья г. Юркевича написана на неизвѣстномъ языкѣ и притомъ на такомъ языкѣ, которому я не хочу учиться, потому что очень хорошо знаю, что этотъ языкъ, сухой и безплодный, ничѣмъ не вознаградитъ меня за тѣ усилія, которыя я употреблю на его усвоеніе. Если г. Юркевичъ не умѣетъ говорить ясно и просто о простыхъ и ясныхъ предметахъ, если надо пройти цѣлый предварительный курсъ кабалястики для того, чтобы слышать его ученіе о природѣ, о человѣкѣ, о духѣ и разумѣ; то я полагаю, что большинство людей предпочтутъ остаться профанами. Вокругъ насъ кипитъ живая жизнь; что ни шагъ, то предметъ для размышленія, и притомъ такой предметъ, который непременно надо обсудить, чтобы имѣть возможность идти дальше; тутъ сама жизнь задаетъ вопросы и шевелитъ мысль; усидѣвай только обдумывать и рѣшать; усидѣвай только пробиваться и разрушать дѣйствительныя препятствія; а тутъ намъ предлагать углубиться въ самихъ себя, заняться диалектическими выкладками, воскресить покойный Гегелизмъ и зарыться по уши въ какую нибудь отвлеченную систему, которая не успѣла даже выработать себѣ яснаго языка. Мы съ удовольствіемъ готовы пользоваться философскою диалек-

тимою, какъ оружіемъ борьбы, какъ средствомъ разрушать предрассудки, но, когда философскимъ диалектикамъ увидятъ въ области словъ, когда она, терпя все виду действительности, заблудивъ вѣломъ мѣста и времени, начинаетъ расплываться въ общія разсужденія, не приводящая и не могущая привести ни къ какому положительному-практическому, конкретному результату, тогда они отвертываются отъ этой диалектики и находятъ, что занимается ею скучно, а спорить съ тѣмъ, кто ею занимается, бесполезно. Какъ бы смыслословны ни были тѣ эссеи, которыми г. Юркевичъ занимаетъ в. Чернышевскаго въ неопредѣлительности, въ неясности, въ неуловимости высказать, въ противорѣчьи съ самимъ собою, какъ бы остроумны и глубокомысленны ни были тѣ доводы, которыми киевскій замоскателъ промѣня петербургскаго журналиста, все-таки статьи киевскаго писателя прочтется очень немногими любителями и даже ни одной любитель не произведетъ большого впечатлѣнія, потому что она спорить не-за словъ и останавливается на мелочахъ. Что же касается до статьи петербургскаго журналиста, то ее прочла большинство читающей публики; иди отъ нее вызванъ дѣятельность мысли, критика ума усилена и напряжена этимъ притокомъ новаго матеріала, следовательно дѣло едвалино, а тамъ пускай кроютъ ливнями труженники, но увидѣшь-опануть одержать взглядомъ нѣкое направленіе мысли, возражаютъ противъ отдѣльныхъ подробностей, спорятъ противъ частныхъ недосмотровъ и превращаютъ живую массу въ диалектическое толченіе воды; этимъ они несколько не останавливаютъ дѣйствительнаго развитія идей въ обществѣ; этимъ они возмужаютъ только свое собственное безсміе, противъ котораго, конечно, людямъ дѣла и живой мысли не стоить предпринимать крестовый походъ; достаточно указать на это безсміе, какъ на существующій фактъ и пройти мимо къ другимъ предметамъ, также заслуживающимъ наблюденія.

Почаго значимѣе заслуживаетъ статья г. Лонгинова о книгѣ П. А. Ваземскаго. Эта статья вызвана отъѣздомъ разныхъ петербургскихъ журналовъ и газетъ о юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности князя Ваземскаго, праздновавшемся 2 марта 1861 года. Въ свое время было много говорено объ этомъ юбилей, гораздо больше, чѣмъ стоило говорить объ этомъ предметѣ, и потому я, конечно, въ этой статьѣ не буду поднимать этихъ устарѣвшихъ толковъ. Вообще я совершенно воздержусь отъ сужденій о литературныхъ заслугахъ г. Ваземскаго и буду жить дѣло только съ г. Лонгиновымъ, который,

увлекался жаром антикварии и палеонтолога, высказывает много любезничных идей и эстетических взглядовъ. Некогда почва у г. Лонгинова та же, что и у г. Грога; она сурово упрямится нашихъ литераторовъ или, какъ онъ говоритъ съ отбѣнкомъ укоризны, нашихъ семейственниковъ въ томъ, что они не знаютъ истории нашей словесности и потому не чувствуютъ къ своимъ предшественникамъ на литературномъ поприщѣ того уваженія и той пренятельности, которую слѣдуетъ воздавать имъ по заслугамъ. Онъ указываетъ этимъ семействикамъ на гражданскія и человѣческія добродѣтели нашихъ предшественниковъ прошлаго времени и указываетъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ на образцы, достойные подражанія. «Наранинъ, говоритъ онъ, на поваряго сибирѣ ишадитъ физыя бородавцы за то, что онъ не думалъ и не писалъ въ нихъ духъ, Наранинъ былъ одаренъ гражданскимъ честностью и гражданскимъ мужествомъ, какихъ дай Богъ побольше на Руси. Онъ отказывался отъ должности министра, перомъ Талана писалъ приговоръ Ивану, не утѣждалъ ни одному временщику, поднималъ государю замѣчки о разныхъ государственныхъ дѣлахъ первой важности, не вѣривъ на то, что мысли его противорѣчили взглядамъ Александра. Благородство Жуковскаго вошло въ пословину. Шишковъ отличался, но былъ честнѣйшій изъ людей, твердый въ правдѣхъ и несомнѣнный сошнута на порекъ къмъ, ни порекъ чѣмъ, слышавъ, — достойный другъ Мордвинова. Справедливъ, какая память жалеть въ министерствѣ юстиціи о Дмитріевѣ и теперь, черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ его отставки?» Увлекался аналогическимъ жаромъ, г. Лонгиновъ не замѣчаетъ того, какъ странно онъ защищаетъ своихъ писателей. Наранинъ не былъ жестокомъ, Жуковскій не былъ необщителнымъ челоукомъ, Шишковъ не былъ безчестнымъ челоукомъ, Дмитріевъ не былъ суровымъ чиновникомъ; слушая воодушевленнымъ рѣчи г. Лонгинова на эту тему, можно себя вообразить, будто наша чуждая литература зависела отъ благоніи и обвиненіи, направленныхъ противъ прежнихъ дѣателей съ цѣлью очернить навсегда чье нѣкогда и смѣшать съ грязью ихъ память. Еслибы большинство читателей было такъ изобрѣтеномъ разныхъ клеветъ противъ Наранина, Жуковскаго, Шихова и Дмитріева, то тогда только можно было бы объяснить себѣ происхожденіе аналогіи г. Лонгинова. Но теперь къ чему она? Кто клеветаетъ на этихъ покойныхъ литераторовъ? Кто говоритъ объ нихъ? Имъ объ нихъ и думать забыли, у насъ врываеас всякая связь съ этими людьми; у нихъ были

свои интересы, свои воззрѣнія; они отжили; теперь мы живемъ, и у насъ свои интересы, свои воззрѣнія, не выходящія ничего общаго съ предшешими; когда намъ случается заглянуть въ томъ или сочиненнй, мы остаемся холоды къ тому, что или интересовало и подъ часъ, шевельво, добродушно улыбаемся или восторженными тирадами. Даже приговоръ Иоанну, написанный перомъ русскаго Тацита, Карамзина, не вызываетъ въ насъ особеннаго сочувствя, между тѣмъ какъ строки настоящаго, римскаго Тацита, написанныя сльникомъ за полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ шевелятъ наши нервы. Что же дѣлать? Надо съ этимъ согласиться: Карамзинъ, Жуковский, Дмитриевъ и др. отжили для насъ и отжили такъ полно, такъ беззаветно, какъ, вѣроятно, никогда не отживутъ люди съ действительными, сильными талантомъ, люди, подобные Шекспиру, Байрону, Сервантесу, Пушкину. Шекспира мы до сихъ поръ читаемъ съ наслажденiemъ, а Жуковскаго врядъ ли кто нибудь возьметъ въ руки иначе, какъ съ ученою или библиографическою цѣлью. А на это г. Лавиновъ горячо возражаетъ, что Жуковский, Карамзинъ и Шинниковъ — честнѣйшие люди. Ну что жъ изъ этого, отвѣтимъ мы. Мы или не браваемъ безчестными, а думаемъ только, что честность въ писателѣ — достоинство отрицательное. За отсутствie этого достоинства — клеймятъ презрѣниемъ, а за присутствie его еще не вѣчаютъ лавровыми вѣнцами. Что Карамзинъ, Жуковский и Шинниковъ были честными людьми — это при нихъ и остается. Изъ этого никакъ нельзя вывести заключеня, чтобы слѣдовало превратить текущую литературу въ номинальные списки. Мало ли въ Россii со времени Рюрика или Гостомысла было честнѣйшихъ людей. Неужели же изъ всѣхъ литература должна помнить и беречь только за то, что они были честнѣйшие. Если у нашей эпохи нѣтъ такихъ интересовъ, которые разделяли бы съ нами Карамзинъ и Жуковский, то въ чемъ же мы можемъ имъ сочувствовать, зачѣмъ мы будемъ къ нимъ обращаться? Отчего мы не можемъ и не должны говорить, что прошедшее нашей литературы для насъ не существуетъ, что мы отдѣлены отъ него цѣлою пропастью, чрезъ которую нельзя и не слѣдуетъ перешагнуть? Почему, на какомъ основанii мы будемъ помнить и уважать прошедшее нашей литературы? Потому ли, что оно прошедшее, и что глубокомысленная латинская поговорка велитъ говорить *de mortuis aut bene, aut nihil*, или потому, что оно наше, родное, русское? На знаю, право, который изъ доводовъ лучше и сильнѣе. Что касается до

г. Лонгинова, то онъ, кажется, охотнѣе приметъ первый аргументъ, потому что уваженіе къ прошедшему, не его мнѣнію, должно быть принадлежностью образованнаго литератора и развитаго чловѣка. «Расинъ не Миссе, Шиллеръ не Гейне, говоритъ г. Лонгиновъ, а попробуйте умному Французу или Нѣмцу поговорить съ презрѣніемъ о Расинѣ или Шиллерѣ, онъ вѣроятно даже не почтетъ за нужное продолжать съ вами разговоръ». Умный Французъ или Нѣмецъ, не дающій въ обиду своимъ стариннымъ приведенъ здѣсь собственно для того, чтобы показать нашимъ «борзонанамъ и сельстокистамъ» всю позорную опрометчивость ихъ поведенія; желая дать этимъ господамъ хорошій, полновѣсный урокъ, г. Лонгиновъ говоритъ множество несообразностей; онъ ставитъ на одну доску Шиллера и Расина и находитъ, что умный Французъ, защищающій Расина и умный Нѣмецъ, защищающій Шиллера, будутъ одинаково правы въ своимъ сужденіяхъ.

Въ глазахъ г. Лонгинова оба правы потому, что оба защищаютъ прошедшее; тутъ можно только скромно замѣтить, что вѣдь прошедшее прошедшему рознь. Отстаивать Шиллера, какъ художника и чловѣка, какъ вдохновеннаго защитника лучшихъ правъ и лучшихъ инстинктовъ чловѣческой природы, отстаивать Шиллера, какъ честнаго бойца своего времени, какъ гениальнаго мыслителя и поэта—позволятельно каждому порядочному чловѣку, будь онъ Нѣмецъ или Французъ, Русскій или Татаринъ. Но отстаивать Расина, въ сочиненіяхъ котораго мы не встрѣчаемъ ничего, кромѣ лжи и ходульности, отстаивать вмѣстѣ съ нимъ все направленіе литературы въ вѣкъ Людовика XIV, это такой подвигъ, на который можетъ рѣшиться развѣ только французскій академикъ, и за который похвалитъ можетъ только критикъ Русскаго Вѣстника. Сочувствіе г. Лонгинова къ прошедшему *quand même* доходитъ до того, что онъ съ неприязненнымъ уваженіемъ отзывается о французской академіи, какъ о хранителяхъ спасительныхъ преданій. То, что говоритъ г. Лонгиновъ объ академіи, такъ неподражаемо хорошо, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько его подлинныхъ строкъ. «Она, говоритъ онъ, исчисляя заслуги академіи, напечатала нѣсколько изданій словаря, сообразуясь съ успѣхами языка, была постоянно органомъ здравой критики, а главное, трудами и засѣданіями своимъ распространяла въ публикѣ тотъ эстетическій вкусъ, развивала въ ней то уваженіе къ достоинствамъ бессмертныхъ твореній великихъ писателей, благодаря чему во Франціи не можетъ первый встрѣ-

ний заставить взять публику восту, что придется ему въ голову говорить объ этих писателях» (стр. 121). Не знаю, на какии это законовъ и несбывающихся читателей разсчитывает г. Ломоносовъ; кто же все ему подбръать, что французская публика становится развитымъ эстетическимъ вкусомъ и что она обязана академіи своимъ эстетическимъ понятиемъ. Чтотъ это, академія, что ли рекомендовала ей романы Фюжара, Дюма, Февала, графини Дювъ, Ксавье де Монтелье и другихъ неистощимыхъ рассказчиковъ? И что же это пристрастіе къ подобнымъ романамъ—принимать романъ за вкусъ? Или, можетъ быть, г. Ломоносовъ не признаетъ даже публикою тѣхъ людей, которые заковъ читаютъ Февала и Дюма? Отъ чего это становится, потому что онъ, кажется, дѣлаетъ различіе между обществомъ и толпою. Общество онъ уважаетъ, но толпу, profanum vulgus, необразованную массу онъ поражаетъ самымъ убійственнымъ презрѣніемъ, причисливъ къ этой безобразной толпѣ и преступныхъ фальсификаторовъ, и тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые читаютъ эти фальсификаты, и краснѣя отъ стыда и не бѣдѣя отъ добродѣтельного негодованія. «Общество французское, продолжаетъ г. Ломоносовъ, на сколько образцово, что считаетъ существованіе такого учрежденія не только совѣстнымъ съ движеніемъ литературы и своимъ собственнымъ, но совершенно необходимымъ, какъ убѣжище для истиннаго вкуса, для независимаго голоса людей знающихъ и нечуждыхъ, для охраненія вѣчныхъ законовъ прекраснаго отъ посягательствъ легкомыслія и невѣжества. Поэтому академія руководствуется при выборѣ своихъ членовъ не только степенью таланта, а еще менѣе популярностью того или другаго автора, но считаетъ условіемъ для того качественное образованіе писателя, свойство его ученыхъ вѣрностей, мастерство его владѣть языкомъ, его вкусъ и критическій даръ. Она принимаетъ въ члены скромнаго, малознаемаго толкѣ поэта Лансиада, а едва ли скоро допустить въ свою среду напр. блестящаго, «популярнаго», бойкаго Теофила Готье».

Знаете ли что, господа читатели,—вглядываясь въ чужую добродѣтель, мы всего глубже и живѣе можемъ почувствовать свои собственные несовершенства, мы всего скорѣе можемъ дойти до смертельнаго раскаянія и до горячаго желанія исправиться. Со вниманіемъ всматриваясь въ идеи г. Ломоносова, я замѣчалъ, что его отличительнѣе отличается глубокою, непочатую искренностью, и съ истиннымъ огорченіемъ обличая самого себя въ нравномъ и недостойномъ недоверіи

по всему истинному и прекрасному. Посмотрите, как тепло верить Г. Лонгиносу и въ образованность французскаго общества, и въ необходимость французской академии, и въ независимость голоса тѣхъ знающихъ и почтенныхъ людей, которые удостоивались изблаться ея членами, и въ вѣрность тѣхъ законовъ прекраснаго, которые, несмотря на свою вѣтхость, должны быть охранены отъ посягательствъ легкомыслия и зависти. Г. Лонгиновъ такъ твердо верить въ существованіе добра и во всеобщее его происловіе, что имъ отъ души сочувствуетъ всѣмъ академическимъ выборамъ, которые, конечно, представляють ему независимый голосомъ людей знающихъ и почтенныхъ. Ему неслыханно радуется то обстоятельство, что академия не обращаетъ вниманія на оскверненныя, и, браку «шюльар-ляго» (замѣтныя кельяны) Тессоля Готье, принимаясь въ члены сиротскаго дома Лапрада, вѣрнито за пріимчивое благоправіе и за новалыную сиротность.

Да, вотъ какъ добронравочные люди смотрятъ на вещи; мнѣ ставится сплани за себя и за свои идеи, но я продолжаю эту естественный стыдъ и публицикамъ поминіемъ стараюсь до нѣкоторой степени смыть отъ себя пятно мнѣхъ погрѣшительныхъ воззрѣній. Какое передъ читателями, вотъ въ казнихъ страшныхъ образахъ представлялись мнѣ тѣ факты, которые обаялъ Г. Лонгиновъ такимъ яркимъ потокомъ свѣта розоваго свѣта. Я думаю, что французская академия, основанная по напрузу всемогущаго министра, маркиза Ришелье, никогда не была живою потребностью для французскаго общества, а жила собою по силѣ инерціи, какъ правительственное учрежденіе, созданное заклятомъ и не отиженное никакимъ другимъ, послѣдующимъ распоряженіемъ. Я думалъ, что существованіе французской академии не имѣетъ ничего общаго съ движеніемъ литературы, и что французское общество не потеряло бы ровно ничего, еслибы словаря академии вовсе не существовало; я думалъ, что истинный вкусъ не нуждается въ убѣжденіи, и что голосъ каждаго человѣка знающаго или не знающаго, почтеннаго или непочтеннаго, можетъ быть гораздо чище и самостоятельнѣе, когда этотъ человекъ говоритъ только отъ своего собственнаго лица, чѣмъ тогда, когда онъ ораторствуетъ на академическомъ креслѣ, какъ членъ и представитель почтенной и ученой корпораціи. Мнѣ казалось, что французская академия не охраняетъ вѣчныхъ законовъ прекраснаго по ней престои причинѣ, что такихъ мудрыхъ законовъ не существуетъ, и что,

думая хранить вѣчные законы, почтенное собраніе бережотъ заглавившія академическія преданія, околѣтвенія отъ времени - и превратившіяся въ сухую, мертвую рутину; при выборѣ своихъ членовъ академія руководствуется не степенью таланта автора, не индивидуальностью его, а классическимъ образованіемъ писателя, свойствами его ученыхъ приемовъ, мастерствомъ его владѣть языкомъ, его вкусомъ и критическимъ даромъ. Я бы отъ души желалъ повѣрить на слово г. Лонгинову и принять сообщаемыя имъ свидѣнія за святую истину, но рѣшительно не могу сдѣлать этого, потому что въ самихъ словахъ г. критика заключается поразительное противорѣчіе: академія, изволите видѣть, не обращаетъ вниманія на степень таланта и мощь тѣмъ требуетъ мастерства владѣть языкомъ, вкуса и критическаго дара. Что же такое критическій даръ, если онъ не признается талантомъ и даже противопоставляется таланту? И мастерство владѣть языкомъ, и вкусъ—это тоже не талантъ. Да что же такое талантъ? Писемволѣ приходится обращаться къ переборкѣ словъ, когда люди начинаютъ употреблять слова, не отдавая себѣ отчета въ ихъ значенія. Чтобы понять г. Лонгинова, надо обратиться къ тѣмъ примѣрамъ, которыми онъ попеняетъ своею замысловатую идею, весьма похожую на нугую фразу. «Викторъ Гюго, говоритъ онъ, въ апогеѣ своей славы не могъ сдѣлаться академикомъ до самаго 1841 года, потому что, несмотря на свое блестящее дарованіе, грѣшилъ часто противъ чистоты языка и здраваго вкуса, которые такъ уважаемы въ учрежденіи, гдѣ заседали тонкіе судьи ихъ, этому качеству преимущественно обязаные общинѣ почетомъ, ихъ окружившимъ: Андриѣ, Фелецъ, Подье, Сальванди, и пр.» А, да, теперь дѣло начинатьъ разъясняться. Академія требуетъ правильности (Cortectheit), и въ этомъ отношеніи выдать дань общей слабости всѣмъ академіямъ. Одна академія требуетъ правильности рисунка, другая правильности музыкальнаго выполненія, третья правильности поэтическаго вымысла. Ставъ подобными требованія, каждая академія стѣсняетъ свободный полетъ мысли и втискиваетъ въ свои условныя, узкія рамки творческую дѣятельность художника. По академическимъ понятіямъ, трудолюбивая посредственность, умѣющая усвоить себѣ преданія школы, и не чувствующая въ себѣ ни малѣйшей потребности выдти изъ рубрикъ официальной предписанной программы, всегда будетъ поставлена выше независимаго таланта, разбивающаго всякія условныя ограниченія и не повинующагося въ своемъ творствѣ никому и ничему,

кроме собственнаго, внутреннего побужденія. Поэтому академія почти всегда расходится въ своихъ приговорахъ съ неравнитою толпою; неравнитою толпою правится самородная сила, оригинальная смѣлость, творческая самообытность, а академія требуетъ выдержанности, дредсировки, пригнѣненія къ извѣстному, условному образцу; толпа волнуетъ и любитъ своихъ поэтовъ, не обращая вниманія на академическіе приговоры, а почтенныя собранія, живя своею замкнутою, тѣмнитою жизнью, знать не хотятъ о томъ, что дѣлается за стѣнами ихъ залъ и кабинетовъ, и улыбно презрѣнія встрѣчаютъ все проявленія мысли и чувства, прорывающіяся помимо ихъ приговоромъ и находящія себѣ сочувствіе въ неравнитою толпою. Г. Лонгиновъ много академикъ по своимъ воззрѣніямъ; онъ отъ души желаетъ, чтобы толпа безпрекословно слушалась приговоромъ людей знающихъ и почтенныхъ, и чтобы все ея сужденія были схожими съ протоколами академическихъ засѣданій; рутину школы онъ называетъ вѣчными законами прекраснаго; приговоры, произносимые съ точки зрѣнія этой рутины, называются независимымъ голосомъ, и все остальное обозначается именами, заимствованными изъ того же круга идей и понятій. Въ эстетическомъ вліяніи г. Лонгиновъ представляетъ своимъ читателямъ тѣ благодѣтельныя слѣдствія, которыя могло бы имѣть для нашего просвѣщенія существованіе ученаго собранія, подобнаго французской академіи. «При безпрерывномъ намѣненіи вкуса и переворотахъ въ языкѣ, говоритъ г. Лонгиновъ, у насъ была бы полета, чѣмъ гдѣ либо, корпорація независимая, съ авторитетомъ въ дѣлѣ словесности. Она несколько не стѣнная бы доброй воли всякаго, писать какъ ему угодно (неправда ли, какъ это милостиво и великодушно!). Но она была бы хранилищемъ, гдѣ всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія дѣльныя; центромъ, гдѣ публика знакомилась бы съ научными и литературными приѣмами, узнавала бы серьезно исторію языка и словесности (очевидно, академія такого фасона была бы, по мечтамъ г. Лонгинова, чѣмъ-то среднимъ между присутственнымъ мѣстомъ, адреснымъ столомъ и учебнымъ заведомемъ). Наконецъ, она была бы мѣстомъ соединенія, гдѣ сходилось бы писатели разныхъ партій, которые теперь сидятъ по большей части безвыходно въ своихъ кружкахъ, въ ущербъ публикѣ, литературѣ и самимъ себѣ, потому что они ничего не видятъ, кроме своихъ же дѣйствій, ничего не слышатъ, кроме своихъ же рѣчей, повторяемыхъ близкими ихъ, да разныхъ литературныхъ сметенъ (Благодушно отворяя двери этой

желанной академіи для писателей разных партій, г. Лонгиновъ очевидно не предвидитъ того обстоятельства, что могутъ найтись и такіе писатели, которые и заглянуть не пожелаютъ въ такое счастливое учрежденіе. Впрочемъ, такихъ господъ г. Лонгиновъ не признаетъ писателями, почти также какъ читателей ихъ онъ не признаетъ публикою; это, по его мнѣнію, фельетонисты, банибузукы, зелье и язва нашей литературы, отравляющіе здравый вкусъ публики и мѣшающіе развитію солидныхъ и серьезныхъ понятій. Всюминивъ объ этихъ несчастивыхъ фельетонистахъ, г. Лонгиновъ, какъ молочница въ баснѣ Ласоптона, видитъ, что надежды и радужныя мечты его разлетаются въ прахъ). Но, говорить онъ съ умилительною грустью, можно ли думать о томъ, когда фельетонисты завладѣваютъ вниманіемъ читателей, уничтожаютъ все, что было до нихъ и провозглашаютъ, что они знаютъ не хотѣя общества, т. е. соединенія болѣе или менѣе образованныхъ людей, а ищутъ популярности между своею братіей и въ массахъ». Грусть и негодованіе г. Лонгинова мнѣ понятны, хотя, конечно, я, какъ фельетонистъ, не могу имъ сочувствовать. Кабинетная начитанность всегда претендуетъ на авторитетъ, всегда считаетъ себя головою выше толпы и всегда приходитъ въ самое нѣжное негодованіе, когда эта толпа идетъ собою своею дорогою, не обращая никакого вниманія на советы, предостереженія и приговоры ученаго собранія или отдѣльнаго ученаго лица. Въ этомъ отношеніи люди кабинетовъ, архивовъ и бібліотекъ очень похожи на тѣхъ деревенскихъ книжниковъ, которымъ, при невѣроятныхъ трудахъ и усиліяхъ, удалось одолѣть дюжины полторы старыхъ книгъ. Питая полное уваженіе къ трудолюбію и къ любознательности этихъ деревенскихъ начетчиковъ, нельзя не замѣтить, что напряженіе мозга надъ отдѣльными словами книгъ и часто безъ успѣшныхъ стараній связать между собою въ головѣ эти отдѣльныя слова изнуряютъ мыслительныя силы этихъ книжниковъ; они зачитываются до такой степени, что теряютъ способность практическаго пониманія, начинаютъ вставлять въ обыденный, житейскій разговоръ отдѣльныя выраженія и цитаты изъ прочитанныхъ книгъ, начинаютъ говорить высокимъ слогомъ и въ то же самое время, уважая себя за свои безплодные труды и усилія, возвышаются въ своемъ собственномъ мнѣніи, становятся невъяснимо самонадѣянными, и начинаютъ смотрѣть съ высока на «необразованныхъ мужиковъ», которые съ своей стороны смотрятъ на этихъ завирающихся книжниковъ съ лукавою усмѣшкою полупрезрительнаго состраданія.

Роль, которую играют эти книжники въ деревняхъ, можетъ быть, отчасти объяснить то положеніе, въ которомъ нѣкоторая часть нашихъ цѣловыхъ ученыхъ находится въ отношеніи къ массѣ грамотнаго общества. Эти ученые работаютъ много и между тѣмъ мы не видимъ никакихъ занятій; они читаютъ и перочтываютъ рукописи и старыя книги; они выбиваются изъ силъ, наводя какую нибудь мелкую хронологическую справку, или отыскивая потерянное значеніе какого нибудь устарѣлаго слова, встречающагося раза два въ лѣтописи или въ старомъ переводѣ; сухость этой работы, утомительность подобныхъ розысканій подаютъ самому труженнику поводъ думать, что онъ совершаетъ великій подвигъ самоотверженія, за который ему должны быть благодарны и современники и потомки. Самому труженнику очень скучно возиться съ старою рухлядью всякаго рода, не оттого, что онъ скучаетъ и выбивается изъ силъ, никто не чувствуетъ для себя осязательной пользы или осмысливаемаго удовольствія, и потому никто не говоритъ спасибо. А между тѣмъ труженникъ роется въ архивахъ и бібліотекахъ, поглощаетъ огромные фолианты, отыскиваетъ бібліографическія рѣдкости и дневники, уходитъ въ тотъ мірокъ промедшаго, котораго блѣдныя отрывки сохранились на лоскуткахъ бумаги и пергамента и теряетъ способность понимать тѣ побудительныя причины, которыя заставляютъ живыхъ людей говорить и спорить, горячиться и приходить въ негодованіе, страдать и радоваться, надѣяться и тревожиться. Бѣдному труженнику, постепенно убивающему въ себѣ человѣческія инстинкты, стремленія и порывы свѣжаго, здраваго организма, начинаетъ казаться, что жизнь состоитъ именно въ томъ, чтобы преслѣдовать слова и буквы изъ фолианта въ фолиантъ, что міръ истинный, широкій, великій лежитъ именно на полкахъ его бібліотеки. Онъ съ досадою слышитъ за стѣнами этой бібліотеки шумъ экипажей на улицѣ, крики разнощиковъ, провозглашающихъ о своихъ товарахъ, пѣсни мастеровыхъ, мурлыкающихъ за работою, словомъ, всѣ тѣ звуки, въ которыхъ сказывается присутствіе жизни. Все это кажется ему суетою, бессмыслицею, проявленіемъ людской неразвитости, и только тотъ крошечный предметъ, къ которому присосались въ эту минуту силы его ума, кажется ему дѣйствительно важнымъ, одареннымъ самобытною, сильною, разумною жизнью. Относясь враждебно къ звукамъ дѣйствительной жизни, цеховой ученый такъ же враждебно относится къ отраженію этихъ звуковъ и интересовъ въ литературѣ. Оживленный споръ

о живомъ лицѣ, о предметѣ всаднейшей жизни, объ идеѣ, къ которой въ интересахъ дѣйствительной жизни надо непременно отнестись такъ или иначе, кажутся заучившемуся труженнику невозволительнымъ скандаломъ, пустою тратой словъ и времени, проявленіемъ мальчишескаго задора, слѣдствіемъ смѣшнаго желанія заявить свои идеи передъ лицомъ читающей публики.

Съ тѣхъ поръ, какъ журналистика сколько нибудь оживилась, цеховые ученые стали къ ней въ враждебныя отношенія; они не принимаютъ побужденій тѣхъ людей, которые, не щадя силъ, не боясь трудностей, выражаютъ въ журналахъ свои убѣжденія и проводятъ свои тенденціи; потерявши способность жить въ атмосферѣ дѣйствительной жизни, они вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли возможность судить объ явленіяхъ этой жизни; тѣ мнѣнія, которыя имъ случается высказывать при нечаянномъ столкновеніи съ вопросами, стоящими на очереди, отличаются такою античностью, о которой, не слыхавши подобныхъ сужденій, невозможно составить себѣ даже приблизительное понятіе.

Винить записныхъ ученыхъ въ этой античности идей и мнѣній, конечно, невозможно. Если работникъ, приводящій въ движеніе какую нибудь ручную машину, постоянно работаетъ одною правою рукою, то съ теченіемъ времени мускулы этой руки разовьются въ ущербъ мускуламъ всего остальнаго тѣла; работникъ окажется изуродованнымъ и его уродство явится какъ естественное и неизбежное слѣдствіе его работы. Занятія труженника—спеціалиста точно также односторонни, какъ работа ремесленника, пускающаго въ ходъ одну правую руку; у труженника—спеціалиста та или другая умственная способность, напр. память или наблюдательность, изоощряются до послѣднихъ предѣловъ, между тѣмъ какъ остальные мыслительныя способности глохнутъ и тупѣютъ. И ремесленникъ, работающій одною правою рукою, и труженникъ—спеціалистъ, работающій именно только извѣстными частицами мозга, могутъ быть очень полезны и даже совершенно необходимы для общества, но только надобно, чтобы каждый изъ нихъ оставался на своемъ мѣстѣ. Изъ хорошаго ремесленника можетъ выдти очень плохой музыкантъ, и труженникъ—спеціалистъ, очень полезный для составленія словаря, хронологической таблицы или бібліографическаго указателя, можетъ до упаду насмѣшить читающую публику, если примется толковать объ общественныхъ интересахъ или пустится въ эстетическую критику. Трудъ—дѣло почтенное; ветеранъ какого бы то ни

было труда, предпринятаго и веденнаго добросовѣстно, имѣть право требовать себѣ подѣ старость теплаго угла отъ того общества, которому онъ посвятилъ свои силы и досуги; но если этотъ ветеранъ искалеченъ своею трудовою жизнью, и, несмотря на свою благопріобрѣтенную убогость, упорно лѣзетъ къ такой работѣ, которую онъ не можетъ выполнить какъ слѣдуетъ, тогда, при всемъ уваженіи къ труду и къ ветерану, каждый членъ общества будетъ имѣть полное, разумное право дать ему дружескій совѣтъ: «отойдите въ сторону; это дѣло вамъ не подѣ силу. Сядите себѣ на покоѣ, не мѣшайте другимъ, и если вамъ скучно, занимайтесь для развлеченія легкими штучками изъ вашей прежней работы, съ которою вы успѣли свыкнуться въ теченіи вашей жизни».

То, что я сказалъ о мнѣніяхъ записныхъ ученыхъ вообще, то можетъ быть въ полномъ объемѣ примѣнено почти ко всемъ статьямъ критическаго отдѣла Русскаго Вѣстника. Яркимъ представителемъ этого серьезнаго направленія критической мысли является г. Лонгиновъ. Этотъ трудолюбивый библіографъ, изумляющій публику обиліемъ и точностью своихъ фактическихъ свѣдѣній, касающихся исторіи нашей литературы въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, оказывается крайне неопытнымъ и неискуснымъ на поприщѣ журналистики. Какъ критикъ—онъ безличенъ; какъ мыслитель—онъ отличается только крайне развитою способностью благоговѣть передъ прошедшимъ и строить себѣ безчисленное множество кумировъ и авторитетовъ. Кто желаетъ составить себѣ понятіе объ эстетическомъ вкусѣ г. Лонгинова, того я попрошу, въ статьѣ этого писателя о князѣ Вяземскомъ, прочитатъ тѣ стихотворенія, которыя г. критикъ находитъ очень замѣчательными. Въ этой статьѣ приведено девять большихъ пьесъ, одна другой скучнѣе; голый дидактизмъ, не прикрытый даже яркостью поэтическаго образа, утомляетъ вниманіе читателя и тяжелымъ, несваримымъ комомъ ложится въ его голову, не шевеля нервовъ, и не возбуждая никакого другаго чувства, кромѣ непробудной, безотрадной, гнетущей скуки. Вотъ для примѣра самая коротенькая изъ этихъ пьесъ, которая, по мнѣнію г. Лонгинова, упрочиваютъ за г. Вяземскимъ почетное мѣсто въ исторіи русской поэзіи. Выписываю ее собственно потому, что она очень коротка и потому не слишкомъ утомитъ моихъ читателей.

Любить. Молиться. Пѣть. Святое назначенье
 Души, тоскующей въ изгнаніи своемъ,
 Святаго таинства земное выраженье,
 Предчувствіе и скорбь о чемъ-то неземномъ,
 Преданье темное о томъ, что было яснымъ
 И упованіе того, что будетъ вновь,
 Души, настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,
 Три вѣчныя струны: молитва, пѣснь, любовь!
 Счастливъ кому дано познать отраду вашу,
 Кто чашу радости и горькой скорби чашу
 Благословлялъ всегда съ любовью и мольбой,
 И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

Мнѣ кажется, сама г-жа Юлія Жадовская не могла бы написать стихотворенія болѣе слезливаго, сентиментальнаго, фразистаго и ничтожнаго по содержанію; мнѣ кажется даже, что у г-жи Жадовской стихотвореніе на эту тему вышло бы повнѣтъ и изящнѣе по внѣшней формѣ. Что же касается до выписанной пьесы, принадлежащей перу князя Вяземскаго, то можно сказать безъ преувеличенія, что приходится дѣлать синтаксическую конструкцію, чтобы добраться до смысла, какой существуетъ въ этомъ наборѣ плаксивыхъ словъ. Замѣчу мимоходомъ, что стихотвореніе это написано въ 1840 году, послѣ смерти Пушкина, тогда, когда русскій стихъ былъ уже почти окончательно выработанъ. Если г. Лонгиновъ восхищается подобными виршами, то это, очевидно, происходитъ оттого, что онъ къ произведеніямъ современныхъ поэтовъ приступаетъ съ тѣми же требованіями, съ какими онъ относится къ какому нибудь Сумарокову или Хераскову. Все дѣло сводится опять-таки на то, что антикварій не критикъ, и библіографъ не журналистъ.

VIII.

Критическій отдѣлъ майской книжки открывается язвительною полемическою статьею, стремящеюся доказать, что все петербургскіе журналисты, пишущіе легко, быстро и ясно, похожи на г. Аскочевскаго и достойны быть сотрудниками его Домашней Бесѣды. Объ

убійственномъ, неразборчивомъ въ средствахъ и выраженіяхъ полемизмъ Русскаго Вѣстника я уже говорилъ не разъ и потому общая мысль и направленіе этой статьи: «одного поля ягоды» не можетъ ни удивить меня, ни вызвать съ моей стороны негодованія. Я не стану защищать петербургскихъ литераторовъ, не стану спорить съ Русскимъ Вѣстникомъ о степени сходства Времени или Современника съ Домашнею Бесѣдою, а просто вмѣстѣ съ моими читателями прогуляюсь по этой критической статьѣ и осмотрую то, что въ ней заслуживаетъ вниманія.

Поговоривъ объ исторіи, о движеніи мысли, о великихъ началахъ, управляющихъ человѣческою жизнью, авторъ статьи вдругъ изъ области высокой отвлеченности спускается на почву дѣйствительной, да еще въ добавокъ русской жизни и начинаетъ радоваться тому обстоятельству, что «у насъ съ недавнихъ поръ появилось много духовныхъ изданій съ разнообразными достоинствами» и что, слѣдовательно, въ нашемъ обществѣ существуетъ «потребность этого рода чтенія». Заявивъ свое удовольствіе передъ этимъ, безъ сомнѣнія, *отраднымъ* фактомъ, г. критикъ переходитъ къ частностямъ и начинаетъ разбирать вопросъ, нуждается ли божественная сила христіанскаго слова въ какихъ бы то ни было пособіяхъ. «Не слѣдуетъ ли, спрашиваетъ авторъ, довольствоваться однимъ размноженіемъ священныхъ текстовъ въ печати и ограничить ими одними всю духовную литературу?» Этотъ вопросъ рѣшается отрицательно и критикъ «Русскаго Вѣстника» приходитъ къ тому убѣжденію, что должно, не ограничиваясь однимъ приведеніемъ текста, «изяснять, истолковывать его, учить и убѣждать людей и стало быть содѣйствовать образованію въ нихъ такихъ нравственныхъ и умственныхъ настроеній, какихъ требуетъ христіанская истина». Это мнѣніе подкрѣпляется слѣдующимъ историческимъ доводомъ: «Если Христосъ избралъ нѣкоторыхъ учениковъ своихъ изъ среды людей простыхъ и неученыхъ, если эти рыбаки съ одного слова, съ одного взгляда Его, покинувъ мрежи, пошли за Нимъ, то кто рѣшится примѣнять къ себѣ этотъ примѣръ, вздумаетъ, что одного взгляда, одного слова его будетъ достаточно подѣйствовать на души?» Потомъ, г. авторъ обращаетъ вниманіе публики на то обстоятельство, что духовныя лица и духовныя корпораціи издають журналы, въ которыхъ нѣтъ духа фанатизма, «нетерпимости или недоброжелательства къ историческому ходу». «Напротивъ, продолжаетъ онъ, если въ нашей литературѣ оказывается нѣчто въ этомъ духѣ, то все такое вы-

*

ходить не изъ среды духовенства, не имѣть никакого отношенія къ церкви и есть плодъ досуга людей столько же чуждыхъ ей по своему положенію, сколько и по духу». Къ числу людей, чуждыхъ церкви по своему положенію и по духу, причисляется г. Аскоченскій, которому, конечно, подобный упрекъ покажется болѣе чувствительнымъ, чѣмъ всѣ нападенія прогрессивистовъ. Критикъ Русскаго Вѣстника доказываетъ съ большимъ жаромъ и съ немалою силою краснорѣчія, что нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей солидарности «между изданіями, какъ Маякъ или Домашняя Бесѣда и православною церковью или русскимъ духовенствомъ». *Совершенно справедливо* отрицая всякое соотношеніе между Домашнею Бесѣдою и русскимъ духовенствомъ, г. критикъ съ замѣчательною изобрѣтательностью и гибкостью ума сближаетъ между собою воззрѣнія г. Аскоченскаго съ политическими и философскими статьями нашихъ прогрессивистовъ». «То же циническое глумленіе надъ человѣческою свободою, восклицаетъ критикъ, то же презрѣніе къ истинѣ, то же наѣздническое обращеніе съ дѣйствительностью, та же узарская заносчивость въ сужденіяхъ о фактахъ и лицахъ, тотъ же духъ и тотъ же смыслъ, и изъ тѣхъ же причинъ тѣ же результаты... Они совершенно сходятся въ своихъ отрицаніяхъ, а если и расходятся въ нѣкоторыхъ изъ своихъ положеній, то эти разности отрывочныя, безсильныя и темныя, ничѣмъ не отзовутся въ результатахъ и сами собою исчезаютъ въ дружномъ содѣйствіи родственныхъ и однозвучныхъ отрицаній. Духъ тьмы и слѣпой случай—кто будетъ взвѣшивать разницу этихъ понятій? А сходство ихъ результатовъ несомнѣнно. Возможно ли, чтобы христіанская мысль могла придти къ такому воззрѣнію на міръ? Возможно ли, чтобы мысль, искренно ищущая истины, могла успокоиться на такомъ воззрѣніи? И религіозному чувству, и мыслящему уму, и зрѣлому опыту жизни извѣстно, что міръ, въ которомъ мы живемъ не есть міръ божественный; что во всемъ человѣческомъ есть неизбѣжное семя зла, что самыя высшія степени человѣческаго превосходства не изъяты отъ злоупотребленій, и что никакая высота не спасетъ человѣка отъ паденія. Но міръ этотъ существуетъ, и христіанскій смыслъ говоритъ намъ, что если міръ существуетъ, то Богъ его терпитъ, что Онъ въ какой либо мѣрѣ положилъ въ немъ свое благоволеніе, и что самое зло обращается въ орудіе къ раскрытію истины, къ осуществленію блага». Краснорѣчіе въ родѣ приведеннаго отрывка, продолжается на четырехъ страницахъ; постепенно разгорая самого себя

потокомъ своего краснорѣчія, оглушая себя каскадомъ словъ и періодовъ, г. критикъ доходитъ до пагоса, и какъ скандинавскій берсеркеръ, съ глазами, налившимися кровью и желчью, кидается на вѣчныхъ своихъ враговъ, на петербургскихъ фельетонистовъ, которыхъ онъ ненавидитъ безпредѣльною ненавистью соперника-журналиста. На нашу бѣдную литературу сыпятся такія ругательства, какихъ можетъ быть не съумѣлъ бы подобрать даже разсердившійся Иванъ Никифоровичъ, такія ругательства, какія, можетъ быть, полѣнился бы произнести даже ирачный Михайло Ивановичъ Собакевичъ. Журналистика равняется, по приговору Русскаго Вѣстника, океану «пустословія, пошлостей, фальши, фразъ безъ смысла, затопляющихъ нашу литературу, литературу безъ науки, безъ всякихъ нормъ, безъ значительныхъ серьезныхъ преданій». Рѣшительно приходится согласиться съ тѣмъ, что мы живемъ въ минуту всемірнаго потопа и можемъ покуда дышать только, благодаря уродливому устройству нашихъ легкихъ; ковчегъ, въ который, конечно, не пустятъ насъ, нечестивыхъ фельетонистовъ, плаваетъ по водамъ и покуда не садился на мель ни на какомъ Араратѣ; изъ этого ковчега вылетаетъ, какъ невинный голубь, Русскій Вѣстникъ и безцѣльно, безнадежно кружится надъ мутными волнами, не представляющими его тоскливо-ищущему взору ничего отраднаго; ему покуда опуститься, не на чемъ отдохнуть, негдѣ найти масляниую вѣточку; бѣдный голубокъ! Ему придется, покружившись въ пространствѣ, воротиться подъ спасительную крышу объемистаго ковчега и навсегда отказаться отъ дѣятельной роли въ грандіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ хаотической драмѣ потопа. Впрочемъ, критикъ Русскаго Вѣстника начинаетъ замѣчать, что онъ кружится въ пространствѣ и тоскуетъ безпредметною тоскою; чтобы разомъ прекратить это безплодное и утомительное занятіе, онъ внезапно опускается къ океану пошлостей, пустословія и фальши, наудачу черпаетъ изъ него полную пригоршню разной дряни и подноситъ ее своимъ читателямъ, говоря имъ торжествующимъ тономъ человѣка, имѣющаго возможность доказать непреложную истину своихъ словъ: «видите, видите, что это за гадость; видите, сколько пустословія, пошлости и фальши». Пригоршня, зачерпнутая г. критикомъ изъ мутнаго океана, затопляющаго нашу литературу, оказалась однимъ изъ фельетоновъ г. Кускова, который, конечно, настолько же можетъ воплотить въ себѣ типъ русскаго журналиста, насколько онъ можетъ воплотить въ себѣ типъ русскаго поэта. Было бы довольно

дино, еслибы какой нибудь иностранец вздумалъ глумиться надъ пустою русской поэзіи и въ подтвержденіе своихъ словъ сталъ бы приводить многочисленныя цитаты изъ поэтическихъ произведеній г. Кускова; такому господину можно было бы, я думаю, замѣтить, что поглумиться въ русской поэзіи есть надъ чѣмъ, но что для этого надо брать болѣе крупныхъ представителей поэзіи, такихъ людей, въ стихотвореніяхъ которыхъ дѣйствительно выражаются рельефныя, дурныя или хорошія особенности нашей поэзіи. Со стороны рускаго журналиста, подвергающаго критическому анализу явленія русской же журналистики, мы имѣемъ полное право требовать основательнаго знакомства съ дѣломъ; его приговоры должны быть провозносимы надъ всею совокупностью литературныхъ явленій и потому бросить петербургской журналистикѣ упрекъ въ хлестаковствѣ и привести въ подтвержденіе своихъ словъ цитаты изъ фельетона г. Кускова — это, воля ваша, приѣмъ въ высшей степени недобросовѣстный; тутъ, очевидно, авторъ рассчитываетъ на легкомысліе нашей публики и на то обстоятельство, что эта публика покуда остается довольно равнодушною къ литературнымъ преніямъ и къ печатному слову вообще. Дѣйствительно, при теперешней, еще не вполне нарушенной апатіи нашего общества, печатныя обвиненія всякаго рода не вызываютъ въ читающихъ людяхъ ни особеннаго сочувствія, ни энергическаго протеста; теперь можно, не опасаясь общественнаго мнѣнія, клеветать и на литературу, и на литераторовъ; голословная клевета не упадетъ на самаго клеветника и не замараешь его имени только потому, что публика, не заинтересованная движеніемъ идей и столкновеніемъ мнѣній, завтра забываетъ то, что читаетъ сегодня, и часто не даетъ себѣ труда справиться ни объ имени автора или редактора, ни о степени достовѣрности печатнаго нападенія; дѣлаясь такимъ образомъ безопасно для самаго клеветника, печатная клевета въ то же время становится безвредною и для того, противъ кого она направлена. Гг. Бугаринъ и Ксенофонтъ Полевой клеветали на Пушкина, г. Аскоченскій клеветаетъ на все, что не участвуетъ въ Домашней Бесѣдѣ, Русскій Вѣстникъ клеветаетъ на всю петербургскую журналистику, Искра оклеветала недавно г. Писемскаго; несмотря на всѣ эти клеветы, слѣдующія другъ за другомъ какъ частыя изверженія мелкихъ грязныхъ вулкановъ, публика продолжаетъ относиться къ оклеветаннымъ субъектамъ также кротко и ласково, какъ она относилась къ нимъ до выхода въ свѣтъ клеветующихъ статей и статейекъ. Пушкинъ остал-

ся великимъ русскимъ поэтомъ, несмотря на сильные крики болгаринской партіи; лица, не участвующіе въ Домашней Бесѣдѣ не считаются воплощеніями антихриста, хотя г. Аскоченскій твердитъ это на всѣ лады; петербургская журналистика пользуется вниманіемъ публики, несмотря на то, что Русскій Вѣстникъ уподобилъ ее океану пустословія, пошлости и фальши; Писемскій попрежнему останется первымъ русскимъ художникомъ реалистомъ и попрежнему будетъ пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ всѣхъ мыслящихъ людей Россіи, несмотря на всѣ восклицанія хроникера Искры, напоминающаго собою москву въ извѣстной баснѣ Крылова. Печатное слово не начинало еще быть въ нашемъ обществѣ опаснымъ орудіемъ, и потому старые дѣти, подобные редакторамъ Русскаго Вѣстника шалятъ имъ, какъ тупымъ ножомъ, не боясь обрѣзаться. Шалости ихъ иногда бываютъ чрезвычайно оригинальны. Авторъ статьи: «одного поля ягоды» дошелся до того, что закончилъ свою статью слѣдующею загадочною выходкою, направленною опять—таки противъ Хлестаковыхъ, господствующихъ въ періодической литературѣ. «Такихъ молодцовъ, восклицаетъ онъ, дѣйствительно нельзя не побаиваться. Зарѣзать они не зарѣжутъ, но не кладите вашего четвертака плохо». Тревожное настроеніе, подъ влияніемъ котораго критикъ Русскаго Вѣстника дошелъ до забвенія всякихъ литературныхъ и житейскихъ приличій, произошло вслѣдствіе чтенія фельетоновъ г. Кускова. Надо подивиться тому обстоятельству, что г. Кусковъ, писатель кроткій и безвредный до послѣдней степени, могъ возбудить противъ себя такую страшную бурю негодованія. Г. Кусковъ, который въ безвѣстной тиши могъ бы впродолженіи цѣлыхъ десятилѣтій писать гладкимъ языкомъ фельетоны и плачевныя стихотворенія, г. Кусковъ, который при концѣ своей жизни могъ бы самого себя причислить къ «явленіямъ, пропущеннымъ нашею критикою» вдругъ осыпается изъ Москвы градомъ незаслуженныхъ ругательствъ, обвиняется въ нравственной изломанности, опозоривается именемъ Трипичкина и сравнивается наконецъ съ новою Мессалиною, «о которой рассказываютъ, что, не довольствуясь Европой, она ѣздилъ въ Алжирію, къ Кабиламъ». Вся эта буря въ стаканѣ воды подвдлась противъ г. Кускова за то, что онъ осмѣлился въ своемъ фельетонѣ провести слѣдующую мысль: иногда можно уголовного преступника уважать больше, чѣмъ того беззукоризненнаго передъ закономъ гражданина, который произноситъ надъ нимъ приговоръ. Заслышавъ эту еретическую мысль, Русскій Вѣстникъ воз—

стаетъ противъ нея во всемъ величїи добродѣтельнаго негодованїя и доходить до такого пагоса, до котораго, какъ мнѣ казалось, можетъ доходить только очень набожная старуха. «Возмутительный душегубъ, за которымъ отказывается слѣдить всякое человѣческое чувство, всякій человѣческій смыслъ, этотъ звѣрь, который бросается на свою жертву съ тѣмъ, чтобы удовлетворить минутную прихоть, даже хуже, чѣмъ звѣрь, потому что у звѣря по крайней мѣрѣ нѣтъ прихотей— это чудовище является, въ глазахъ Трипичкина, могучимъ человѣческимъ образомъ, обаятельнымъ и чарующимъ, подавляющимъ мелкія душонки, которыя прячутся *подъ грудою правилъ, пестряцкихъ прописи и азбуки*». Увлекаясь негодованїемъ, критикъ Русскаго Вѣстника не замѣчаетъ того, что вопросъ о преступникѣ становится очень просто; тутъ является слѣдующая дилемма: или онъ одаренъ кровожадными инстинктами, или онъ развращенъ воспитанїемъ, вліяніемъ, совѣтами и примѣромъ окружающаго общества или круга людей. Въ первомъ случаѣ онъ — большой котораго надо только сдѣлать безвреднымъ, во второмъ случаѣ онъ самъ несчастная жертва, о которой можно пожалѣть, онъ самъ герой страшной трагедїи, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ. Наполеонъ I, желая потѣшить одну барыню, за которою онъ ухаживалъ, приказалъ сдѣлать на непріятельскій лагерь бесполезное нападеніе, которое стоило жизни нѣсколькимъ солдатамъ; мы читаемъ этотъ фактъ въ его исторїи и замѣчаемъ очень кротко, что Наполеонъ въ молодости былъ непрочъ подурачиться и пошалить; въ то же самое время мы читаемъ въ газетахъ, что, какой нибудь мужиченка съ голоду зарѣзалъ кушца и очистилъ его кошелекъ и мы возмущаемся, и мы находимъ, что наказаніе плеть ми и ссылка въ рудники едва покрываютъ его вину. Воршекъ бьютъ за тѣ самые поступки, которые сходятъ съ рукъ ворами.

IX.

Скучно и утомительно слѣдить за критическимъ отдѣломъ Русскаго Вѣстника; не на чемъ остановиться; нѣтъ свѣжей идеи, которой можно было бы выразить свое сочувствїе; нѣтъ живаго слова, которое могло бы хоть сколько нибудь шевельнуть мозговые нервы.

Пять книжекъ (отъ января до мая) просмотрѣно; почти пятьдесятъ страницъ написано по поводу ихъ; стало быть, можно считать дѣло порѣшеннымъ. Если продолжать подробный разборъ отдѣльныхъ критическихъ статей, то это будетъ только накопленіе мелкихъ фактовъ, способныхъ наконецъ утомить вниманіе самаго терпѣливаго и благосклоннаго читателя. Если выводить общее заключеніе изъ всего, что было сказано мною о критическомъ отдѣлѣ Русскаго Вѣстника, то это будетъ сокращенное, сухое, бесполезное повтореніе всего того, что уже успѣли просмотрѣть читатели. Поэтому, приведу еще два, три критическія перла и кончю на томъ мою неумѣренно разросшуюся статью.

Перль № 1-й. Г. Лонгиновъ въ статьѣ: «Бѣлинскій и его лжеученики» призналъ вліяніе Бѣлинскаго вреднымъ на томъ основаніи, что Бѣлинскій плохо зналъ исторію нашей литературы. Въ подтвержденіе этого обвиненія, направленнаго противъ перваго русскаго критика, приводится слѣдующее обстоятельство:

«Въ обзорѣ русской литературы до Пушкина, Бѣлинскій приводитъ, (пишетъ г. Лонгиновъ) отрывокъ изъ предисловія Хераскова къ повѣсти его «Полидоръ,» вышедшей въ 1794 году. Въ этомъ предисловіи авторъ обращается къ извѣстнымъ русскимъ писателямъ. У Хераскова имена ихъ обозначены первыми буквами ихъ фамилій. Бѣлинскій выставляетъ полныя имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Нелединскаго, Дмитріева, Богдановича и Петрова. Но тутъ же вышло и затрудненіе. Послѣ обращенія къ Л. (Ломоносову) Херасковъ говоритъ: *можетъ ли кто не плѣниться нѣжными и пріятными звуками С?* Очевидно, что Херасковъ разумѣлъ тутъ А. П. Сумарокова, съ которымъ много лѣтъ шелъ по одному пути, какъ лирикъ и драматургъ, и сочиненіями котораго продолжалъ плѣняться до своей смерти, подобно многимъ современникамъ. Но Бѣлинскій дѣлаетъ при буквѣ С. слѣдующую выноску: *«Должно быть дѣло идетъ о Евстафіи Станевичъ, весьма плохою пѣнью того времени.»*

Затѣмъ г. Лонгиновъ очень убѣдительно доказываетъ, что Станевича не могъ хвалить Херасковъ, и что Бѣлинскій сдѣлалъ грубую ошибку, что онъ поддавался увлеченію «собственныхъ страстей и пристрастій», и что его литературныя приговоры писаны «иногда въ ослѣпленіи пристрастія».

Все дѣло кончается тѣмъ, что г. Лонгиновъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ одного неизданнаго стихотворенія:

Затѣмъ на скопищѣ клеветовъ
Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,
Что, такъ какъ нѣтъ авторитетовъ,
Бѣлинскій будь авторитетъ.

Вредъ, принесенный Бѣлинскимъ, состоитъ, по подлиннымъ словамъ г. Лонгинова, «въ распложеніи самодовольныхъ и пустозвонныхъ горлановъ, думающихъ заставить человечество забыть все то, что было до появленія ихъ на журнальное поприще».

Перль № 2-й. Статья г. Густава де-Молилари о книгѣ Прудона «La guerre et la paix» занимающая слишкомъ два листа и доказывающая непобѣдимыми доводами, что у Прудона нѣтъ ни свѣдѣній, ни способности логически мыслить, а есть только ученые эффекты, которые уже устарѣли и надоѣли публикѣ.

Перль № 3-й. Стихотвореніе князя Вяземскаго «Замѣтка», выражающее въ самыхъ оригинальныхъ образахъ самыя неожиданныя идеи и оканчивающееся двумя классическими куплетами:

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
Кто свѣтелъ и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не уязвитъ нахальной черни свистъ.
Нелѣпнымъ равенствомъ онъ высшихъ не унижитъ,
Но, въ предназначенной отъ Промысла борьбѣ,
Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ сблизитъ
И скажетъ старшему: «я младшій братъ тебѣ».

Хотя замѣтка князя Вяземскаго помѣщена не въ критическомъ отдѣлѣ, и хотя вообще не принято писать критическія или полемическія статьи въ стихахъ, однако всякій согласится съ тѣмъ, что отнести эту вещь къ области поэзіи нѣтъ никакой возможности. Въ ней нѣтъ ни одного образа, и вся разница между этою замѣткою и элегическою замѣткою, помѣщенною въ той же августовской книжкѣ, въ самомъ концѣ критическаго отдѣла, заключается въ томъ, что первая написана шестистопнымъ ямбомъ, а вторая — презрѣнною прозою. Смыслъ и направленіе ихъ — тождественны, выраженія одинаковы или по крайней мѣрѣ сходны; голословность выходовъ и заманка направлять свои удары въ пустое пространство замѣчаются какъ въ произведеніи князя Вяземскаго, такъ и въ элегическомъ воздыханіи редакціи Рус-

скаго Вѣстника. Поэтому, помѣщая въ число критическихъ перловъ стихотвореніе престарѣлаго поэта, я вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю вниманіе читателей на всѣ критическія статьи Русскаго Вѣстника, въ которыхъ вѣетъ духъ раздраженной солидности, въ которыхъ выражается никѣмъ непризнанное притязаніе учить общество, становится во главѣ его и вести его за собою по пути разумнаго, умѣреннаго прогресса.

Перлъ № 4-й. Статья: «кое-что о прогрессѣ», въ которой свистуны сравниваются съ гнилью, и въ которой въ первый разъ Русскій Вѣстникъ дѣлаетъ мнѣ честь упомянуть объ одной моей статьѣ. Онъ не называетъ ни меня, ни заглавія моей статьи, ни даже того журнала, въ которомъ я пишу, но онъ беретъ изъ «Схоластики XIX вѣка» одну цитату, которая осталась мнѣ памятна по многимъ обстоятельствамъ. Я благодарю Русскій Вѣстникъ за его враждебный отзывъ о моей статьѣ и объ этой цитатѣ; мнѣ пріятно видѣть, что мои идеи не нравятся московскимъ мыслителямъ, и я увѣренъ, что многіе пишущіе люди желаютъ наравнѣ со мною, чтобы Русскій Вѣстникъ относился какъ можно суровѣе къ нимъ и къ ихъ литературной дѣятельности.

Пора, давно пора кончить. Надѣюсь, что намъ не придется больше встрѣчаться съ Русскимъ Вѣстникомъ на поприщѣ журнальной полемики; мы расходимся такъ сильно въ мнѣніяхъ и наклонностяхъ, что мы можемъ прожить цѣлый вѣкъ, не встрѣчаясь между собою, не пробуя до чегонибудь договориться, и не чувствуя ни малѣйшаго желанья сблизиться между собою на какомъ бы то ни было вопросѣ.

Д. ПИСАРЕВЪ.

ПОЭТЪ-ФИЛОСОФЪ ВЕНЕВИТИНОВЪ И БИОГРАФЪ-КРИТИКЪ Г. ПЯТКОВСКІЙ.

(По поводу издания полного собрания сочинений Веневитинова под редакцію А. П. Пятковского).

« . . . для пользы общества бесполезенъ поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мѣрѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и слѣдовательно уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія».

Веневитиновъ-философъ.

Кольераты зрѣли мы, какъ Этны горнъ кремнистый
Расплавлены скалы вращалъ рѣкой огнистой
И пламя клубами на поле изрыгалъ.

Веневитиновъ-поэтъ.

Нельзя не позавидовать твердости характера и присутствію духа тѣхъ любителей отечественной литературы, которые, служа исключительно ея исторіи, посвящаютъ свой трудъ на изданія забытыхъ произведеній какого нибудь писателя, давнымъ давно сошедшаго съ поприща литературы и жизни, и не оставившаго по себѣ никакого слѣда, кромѣ смутнаго воспоминанія въ памяти пережившихъ его сверстниковъ. Нужно имѣть много рѣшимости и горячей любви къ благородному дѣлу библиографіи, чтобы, для пополненія ея пробѣловъ, приняться за переборку старыхъ рукописей, собраніе различныхъ біографическихъ свѣдѣній, группировку ихъ и наконецъ составленіе жизнеописанія съ обрисовкою характера, рода развитія, съ оцѣнкою дѣятельности и произведеній писателя. Одному изъ такихъ «собрателей русской литературы», именно г. Пятковскому пришла какая-то благая мысль издать сочиненія Д. В. Веневитинова, приложивъ къ нимъ портретъ автора, факсимиле и свою статью о его жизни и сочиненіяхъ. Портретъ нашелся у родственниковъ покойнаго, факсимиле—также, сочиненія были уже изданы два раза, оставалось только дополнить ихъ, и написать біографію. Три года употребилъ г. Пятковскій на этотъ послѣдній трудъ, на четвертый окончилъ его, на пятый—издалъ, въ видѣ очерка, на трехъ печатныхъ листахъ.

Такъ какъ біографія Веневитинова является впервые изъ-подъ пера г. Пятковского, заслуживающаго вполне титулъ литературнаго

Фабія-Кунктатора, то мы обратимъ прежде всего наше вниманіе на это *сочиненіе*. Оно раздѣлено авторомъ на двѣ главы. Первая содержитъ въ себѣ описаніе жизни Дмитрія Владиміровича въ связи съ его занятіями, вторая — разборъ его произведеній, преимущественно прозаическихъ, съ «бѣглымъ взглядомъ» на журналистику, занимающимъ, впрочемъ, половину разбора. Отдѣлу стихотвореній, наполняющихъ большую часть книги, посвящено только четыре странички. За что же въ такомъ случаѣ г. Пятковскій называетъ Веневитинова поэтомъ?

Но обратимся къ біографіи.

Изъ первой части ея мы узнаемъ, что Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14 сентября 1805 года. «Онъ принадлежалъ—говоритъ авторъ—къ одной изъ *старинныхъ* дворянскихъ фамилій, по всей вѣроятности, вышедшей изъ Запорожья». Последнее предположеніе основывается г. Пятковскимъ на томъ, что въ родословной Веневитинова упоминаются *есаулы*. Еще въ дѣтствѣ Веневитиновъ лишился отца и остался на рукахъ матери, женщины религіозной, но доброй и кроткой. Восьми лѣтъ онъ поступилъ въ вѣдѣніе французскаго гувернера г. Дорера, капитана наполеоновской арміи и, по странной игрѣ случая, въ то же время знатока римской литературы. Г. Пятковскій говоритъ, что *классическое* образованіе мальчика началось съ латинской грамматики. Онъ замѣчаетъ, впрочемъ, что «лѣтнія поѣздки въ Кусково и Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь мальчика, и—прибавляетъ добросовѣстный біографъ—тамъ на волѣ и просторѣ рѣзвился онъ со всей неутомимостью своего возраста». Подробность поучительная. Преподавателемъ греческаго языка былъ Грекъ Бейля. Древній міръ нравился Веневитинову. По его словамъ у древнихъ «мысли и чувства соединились въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, гдѣ философія и всѣ искусства, тѣсно связанные между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». Въ этомъ отношеніи Веневитиновъ напоминаетъ намъ по мнѣнію г. Пятковскаго; Андреа Шенье, а произведеніе послѣдняго «*La jeune captive*» въ свою очередь «много напоминаетъ нѣжно задумчивую музу нашего поэта». (Стр. 3).

Рядомъ съ классическою литературой шли занятія и другими предметами; сдѣлано было знакомство и съ русскими писателями въ лицѣ Карамзина съ его Исторією Государства Россійскаго. Въ то же время

старались развивать въ мальчикѣ его способности къ музыкѣ и живописи. Что касается до первой, то Веневитиновъ, по словамъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, былъ отличный музыкантъ, а по части живописи онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что самъ А. П. Пятковскій удивился его эскизу головы Медузы, въ которомъ глаза были «поразительно живо схвачены». (Стр. 4).

Съ 14 лѣтъ Веневитиновъ сталъ переводить Горация; переводы эти не сохранились, не уцѣлѣлъ отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ. Образчикъ его читатели могутъ видѣть во второмъ эпиграфѣ нашей статьи. Спустя два года было написано и первое оригинальное стихотвореніе «Къ друзьямъ». Этими друзьями были: художникъ драгунъ Скарятинъ, умершій въ Италіи, и Ѳ. С. Хомяковъ, братъ извѣстнаго славянофила. Тогда же былъ сдѣланъ переводъ «Вѣточки» Грелѣ, единственное заимствованное изъ французской литературы. Поступивъ въ московскій университетъ, какъ вольнослушатель, Веневитиновъ засталъ тамъ профессорами: Мерзлякова, И. И. Давыдова и М. Г. Павлова. Первые двое ратовали между собою за литературныя теоріи, а послѣдній проводилъ въ преподаваніе естественныхъ наукъ—ученіе Шеллинга. Лекціи и бесѣды Павлова обратили Веневитинова къ философіи и онъ, вѣроятно для упражненія въ философской стилистикѣ, писалъ къ княгинѣ А. И. Трубецкой письма о философіи. Съ Мерзляковымъ онъ вступилъ впоследствии въ споръ по поводу статьи этого профессора «О началѣ и духѣ древней трагедіи», и выказалъ всю негѣпость мерзляковскаго положенія объ основаніи драматическаго творчества на раздражительности природы. Къ университетскому періоду относится попытка Веневитинова написать историческую поэму въ народномъ духѣ. Предметомъ ея были избрана трагическая судьба жены Зарайскаго князя, Евпраксін, бросившейся, по смерти своего мужа на полѣ битвы, съ городской стѣны, чтобы спастись отъ наглаго преслѣдованія сладострастнаго Батые. Недостаточное знакомство съ народностью помѣшало окончить эту пьесу и изъ нея сохранились только два небольшихъ отрывка. Къ этой эпохѣ относится начало собственно стихотворной дѣятельности Веневитинова. Мы поговоримъ о ней послѣ, а теперь закончимъ его біографію. Въ два года прослушалъ онъ университетскій курсъ и, выдержавъ установленный экзаменъ, поступилъ на службу въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Отсюда онъ надѣялся перейти въ самую коллегію и отправиться за границу. По выходѣ изъ университета Веневитиновъ сдѣлался центромъ

дѣлаго литературно-философскаго кружка, членами котораго были, между прочимъ, И. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ, П. С. Мальцовъ, князь Вл. Ѡ. Одоевскій, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Ѡ. С. Хомяковъ и М. П. Погодинъ. Въ собраніи этихъ снисходительныхъ судей Веневитиновъ читалъ свои прозаическіе отрывки и между прочимъ статью «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», дѣйствительно отличающуюся вѣрностью взгляда на поверхностность нашего образованія и недостаточность нашихъ положительныхъ познаній. «Началомъ и причиною медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, говоритъ авторъ, была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы, безъ всякаго основанія, безъ напряженія внутренней силы». Даже онъ упоминаетъ о множествѣ стихотвореній своего времени, лишенныхъ всякаго поэтическаго дарованія: «у насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ, и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. У насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія». Единственное спасеніе въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Веневитинова, представляетъ журналъ, въ которомъ «одна часть должна представлять теоретическія изслѣдованія самаго ума о свойствахъ его, а другая — примѣненіе сихъ изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ». Такая программа не отличается особенною глубиною взгляда, но, если принять въ соображеніе молодость ея составителя и его юношеское увлеченіе философіей, то сдѣлается понятнымъ отчето его мысль выразилась такъ неполно и неясно.

Въ 1825 году для Веневитинова наступила счастливая пора любви. По поводу этого событія біографъ его глубокомысленно замѣчаетъ «справедливо говорятъ, что въ любви познается и раскрывается вся нравственная натура человѣка: деспотъ въ душѣ, какъ наприм. пушкинскій Алеко, проявитъ весь свой грубый деспотизмъ, лѣнивый Обломовъ взглянетъ на свою страсть съ высоты своего дивана, дѣловой Штольцъ признаетъ въ любви одинъ изъ движущихъ жизненныхъ элементовъ, нѣжное и личное сердце потонетъ въ глубинѣ своихъ ощущеній».

Къ которой изъ этихъ категорій относитъ г. Пятковскій любовь Веневитинова — неизвѣстно, вѣроятно къ послѣдней. Имени предмета

этой страсти огня, не смотря на все свое желаніе, не считаетъ себя вправѣ объявлять. Намъ кажется нѣсколько преувеличенной такая скромность, особенно если вспомнить, что особа о которой идетъ рѣчь была гораздо старше своего обожателя, имѣвшего около 20 лѣтъ въ 1825 году; слѣдовательно по меньшей мѣрѣ, ей теперь 57—58 лѣтъ, а въ такомъ возрастѣ если не упоминають объ юношескихъ увлеченьяхъ, то единственно потому, что уже забываютъ о нихъ. Да не подумаютъ однако читатели, чтобы мы добивались сами узнать имя таинственной незнакомки — нисколько! Мы заговорили о немъ только вслѣдствіе заявленнаго г. Пятковскимъ сожалѣнія по поводу невозможности соблюсти точность номенклатуры лицъ, входящихъ въ сочиненную имъ біографію.

Ко времени полнаго разгара страсти Веневетинова къ «Сѣверной Кориннѣ» относятся два стихотворенія! «Элегія» и «Италія». Въ первомъ изъ нихъ поэтъ обращается къ своей возлюбленной, какъ къ волшебницѣ, которая сладко пѣла:

Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!

Читатель догадывается, что дѣло идетъ объ Италіи. Очаровательная Коринна вывезла оттуда не одни воспоминаванья:

Ты упилась симъ воздухомъ чудеснымъ
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтъ небесъ иль долго наглядѣлась
И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.
Душа твоя такъ ясно *разгорьлась*
И новый огонь въ груди моей зажгла.

Изъ этихъ строкъ можно вывести заключеніе только о цвѣтѣ глазъ красавицы, какъ и сдѣлалъ г. Пятковскій, замѣтивъ, что они были «цвѣта южнаго неба», но какъ понять состояніе души, когда она «ясно *разгорается*» — не знаемъ. Можетъ быть оно и понятно на языкѣ страсти и въ минуты увлеченія, но при нормальномъ состояніи духа, такое выраженіе слишкомъ *поэтично*. Впрочемъ насъ могутъ упрекнуть въ мелочности, если мы станемъ останавливаться на подобныхъ неточностяхъ языка, тѣмъ болѣе когда произведеніе, разбираемое нами, написано почти за сорокъ лѣтъ до настоящаго вре-

номъ. Тамъ не только намъ придется еще разъ обратиться къ стихотворному языку Веневитинова, когда будемъ говорить о немъ какъ о поэтѣ.

Въ прїѣздѣ Пушкина въ Москву въ 1826 году Веневитиновъ незнакомился и скоро сошелся съ нимъ. Поводомъ къ ихъ знакомству была статья о жервой писемъ Олѣгина, написанная Веневитиновымъ и направившаяся Пушкину. Ихъ взаимное сближеніе было такъ прочно, что, по словамъ г. Анненкова, отразилось на самой дѣятельности нашего великаго поэта. Въ отвѣтъ на «Посланіе Пушкину» написанное Веневитиновымъ была написана «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ».

«Вскорѣ однако, говоритъ г. Пятковскій, приблизилось для Веневитинова время разлуки съ Москвой и милой особой, жившей тамъ». Причина такой разлуки была самая прозаическая: «въ канцеляріи петербургской коллегіи иностранныхъ дѣлъ *открылась вакансія*». Итакъ, по случаю открывшейся вакансіи, поэтъ-философъ бросаетъ любовь, философскій кружокъ съ его московскими друзьями и перебирается въ чиновный Петербургъ. Авторъ біографіи упоминаетъ о попутчикахъ его и не упускаетъ случая прибавить, что дорога была дальняя, «потому что тогда еще не было желѣзной дороги, такъ ускоряющей сообщеніе между двумя столицами». Къ дальности путешествія присоединилась еще другая несприятность: съ Веневитиновымъ ѣхалъ французъ Воше, вернувшійся изъ Сибири, куда везжалъ жену ссыльнаго князя Трубецкаго. По поводу близости съ такимъ опаснымъ человекомъ, Веневитинова задержали гдѣ-то и онъ просидѣлъ цѣлую недѣлю подъ арестомъ. Но поэтъ не упалъ духомъ отъ такого пустого обстоятельства и, прїѣхавъ въ Новгородъ, сталъ воспѣвать его древнюю *свободу* въ стихахъ, гдѣ грустныя размышленія о минувшей судьбѣ исторической мѣстности прерываются бестдой съ ямщикомъ, который указываетъ поэту новгородскія древности отъ Софійскаго собора до столбовъ на Вѣчевой площади. Въ этомъ стихотвореніи стремленіе Веневитинова поддѣлаться подъ складъ народной рѣчи оказалось безуспѣшнымъ. Его ямщикъ говоритъ такимъ же восторженнымъ языкомъ, какъ и самъ поэтъ. Новгородъ, для соблюденія размѣра вездѣ, называлъ *Новгородомъ*,

Выдержки изъ писемъ, представленные г. Пятковскимъ за оставшее время жизни Веневитинова, замѣчательны сколько по выбору, столько же и по заключеніямъ, выводимымъ изъ нихъ почтеннымъ

биографомъ. Такъ наприм. изъ фразы: «я люблю церковь готическую и довольно величественную», по его мнѣнію вытѣмаетъ прямое свидѣтельство, «что поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набожности», а на основаніи обращенія къ брату съ просьбою не показывать стихотворенія «Домовой» «въ дамскомъ обществѣ», основывается выводъ «о дѣтской стыдливости» Веневитинова. Приводимъ названную пьесу вполнѣ, чтобы показать *дѣтская* ли стыдливость, на этотъ разъ, была причиною авторской скромности.

Домовой.

Что ты, Параша, такъ блѣдна?
—«Родная! домовой проклятый
Меня звалъ нынче у окна.
Весь въ черномъ, какъ мѣдвѣдь лохматый,
Съ усами, да какой большой!
Вѣкъ не видать тебѣ такого».
—Перекрестися, ангелъ мой!
Тебѣ ли видѣть домового?

* * *

Ты не спала, Параша, ночь?
—«Родная! страшно; не отходить
Проклятый бѣсъ отъ двери прочь;
Стучить задвижкой, слышишь, бродить,
Въ сѣняхъ мнѣ шепчетъ отошри!»
—Ну что же ты?—«Да я ни слова».
—Э, полно, ангелъ мой, не ври;
Тебѣ-ли слышать домового?

* * *

Параша! ты не вессла;
Опять всю ночь ты прострадала.
—«Нѣтъ, ничего; я ночь спала...
—Какъ ночь спала? ты тосковала,
Ходила, отпирала дверь;
То вѣрно испугалась снова?
—Нѣтъ, нѣтъ, родимая, повѣрь!
Я не видала домового».

Разумѣется въ двадцатыхъ годахъ считалось неумѣреннымъ прочесть такую пьесу въ дамскомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ дѣтскомъ

кругу, гдѣ впрочемъ вообще читать русскіе стихи въ то время казались не совсѣмъ благопристойнымъ дѣломъ.

Въ Петербургѣ Веневитиновъ сблизился съ Дельвигомъ и Козловымъ. Первый сдѣлался его близкій пріятель и часто проводилъ съ нимъ время въ стихотворныхъ импровизаціяхъ. Въ Петербургѣ же написана большая и лучшая часть стихотвореній, хотя дипломатическія занятія и отнимали у поэта много времени. По приглашенію своего начальника, графа Лавала, Веневитиновъ написалъ свой разборъ одной сцены изъ Бориса Годунова на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M-r Pouchkin».

За мѣсяць до смерти Веневитинова посѣтило раздумье: «долженъ ли онъ слѣдовать влеченію къ поэзіи или побороть въ себѣ эту страсть»? Что привело поэта къ такой дилеммѣ—неизвѣстно. Въ то же время онъ работалъ надъ окончаніемъ романа, начатаго еще въ Москвѣ. Отрывокъ изъ него сохранился и напечатанъ въ полномъ собраніи его сочиненій подъ названіемъ: «Три эпохи любви». Среди такихъ занятій внезапная болѣзнь посѣтила двадцати—двадцѣтилетнего юношу и послѣ нѣсколькихъ дней страданія онъ умеръ 15 марта 1827 года на рукахъ немногихъ близкихъ людей. Такая несвоевременная смерть должна была сильно поразить всѣхъ друзей поэта, а на всѣхъ знавшихъ его не могла не произвести тяжелаго впечатлѣнія. Старшій изъ русскихъ писателей того времени И. И. Дмитріевъ написалъ ему извѣстную эпитафію:

Здѣсь юноша лежитъ подѣ хладною доской, —
 Надѣ нею роза дышетъ,
 А старость дряхлою рукою
 Ему надгробье пишетъ.

Г. Пятковскому показалось почему-то очень знаменательны слова, сказанныя Пушкинымъ друзьямъ Веневитинова: «comment donc vous l'avez laissé mourir»? Если они чѣмъ нибудь и замѣчательны, то развѣ только тѣмъ, что сказаны по французски.

Мы увольняемъ себя отъ обязанности похвалить трудъ г. Пятковского, потому что онъ самъ любитъ хвалить себя при всякомъ удобномъ случаѣ, что гораздо вѣрнѣе и расчетливѣе, чѣмъ ожиданіе чужихъ похвалъ и вниманія...

*

Обращаясь къ обзорѣннѣ произведеній Веневитинова, мы должны прежде всего отдѣлять въ нихъ прозу отъ стиховъ. Прозическому отдѣлу мы не придаемъ особеннаго значенія: въ немъ нѣтъ ни одной статьи, многаѣ законченной, на которой бы въ наше время можно бы было остановиться съ интересомъ. Нѣкоторые изъ нихъ своими заглавіями напоминаютъ темы на сочиненія, задававшіяся прежними учителями словесности, напримѣръ: «Утро, полночь, вечеръ и ночь», «Скульптура, живопись и музыка» и т. п. Полевика съ Полевикъ, занимающая около 30 страницъ, представляетъ скучное и утомительное чтеніе. Поводомъ къ ней послужила статья Полеваго въ Телеграфѣ 1825 года о Евгеніи Овѣгинѣ. Веневитиновъ вступился за Байрона, увѣряя что авторъ статьи ставитъ съ нимъ наряду—Пушкина. Полевой отвѣчалъ, что его слова перетолкованы и прибавлялъ возраженія противъ другихъ обвиненій своего критика. Но послѣдній, несмотря на бѣольшую строгость въ сужденіяхъ о новой поэмѣ, нигдѣ на своей сторонѣ мнѣніе Пушкина, который говорилъ, что изъ всѣхъ отзывовъ ему болѣе всего понравился отзывъ Веневитинова, остальное же—или брань, или переслащенная дичь». «Письмо о философіи»—неокончено и издатель совершенно вѣрно замѣтилъ, что «въ немъ далеко не исчерпана вся сущность философіи». Итакъ на прозѣ мы не будемъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что статьи этого отдѣла представляютъ только отрывки не лишенные кое-какихъ свѣтлыхъ идей, имѣвшихъ значеніе для своего времени, но группировка которыхъ была бы мало занимательна для нашихъ читателей.

Въ отдѣлѣ стихотвореній мы найдемъ гораздо болѣе интереснаго, хотя и здѣсь мы должны замѣтить, что въ нихъ болѣе достоинствъ, дѣлающихъ честь раннему развитію ихъ автора, нежели силъ его дарованія. Вотъ, напримѣръ, стихи, написанныя 16-лѣтнимъ Веневитиновымъ:

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Пусть искатель гордой славы
 Жертвуетъ покоемъ ей,
 Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
 За теплой богатырей!
 Не надменными вѣнцами
 Не прельщенъ пѣвецъ лѣсовъ:

Я сражаюсь в башнѣ мѣщанинъ,
 Съ лирой, съ вѣрными друзьями.
 Пусть боратства страсть терзаетъ
 Алчущихъ рабовъ своихъ!
 Пусть ихъ златомъ осыпаетъ,
 Пусть они изъ стравъ чужихъ
 Съ нагруженными судами
 Воли яры дробятъ:
 Я безъ золота богатъ
 Съ лирой, съ вѣрными друзьями.
 Пусть веселый рой шумящій
 За собой толпы влечетъ!
 Пусть на ихъ ягтарь блестящій
 Каждый жертву понесетъ!
 Не стремлюсь за нихъ толпами
 Я безъ шумныхъ ихъ страстей
 Весель участію своей
 Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Вспомнимъ, что стихи самого Пушкина, писанные въ томъ же возрастѣ были едва ли лучше:

Знакомый съ суетою,
 Приятной для меня
 Увлеченъ въ дадь судьбою
 Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
 Какъ Леты на брегахъ,
 Явился заключеннымъ,
 На вѣки погребеннымъ —
 И скрикнули врата,
 Сомкнувшись за мною;
 И міра красота
 Покрылась черной мглою.

Но на этомъ сходство и оканчивается. Несправедливо было бы вести сравненіе далѣе. Мы не нашли бы у Веневитинова даже задатковъ того разнообразія, которое отличаетъ Пушкина, не говоря уже о сравнительной безцвѣтности стиха и неопредѣленности выраженій. Мы бы и не заговорили о Пушкинѣ, еслибъ не знали, что въ нашей литературѣ было мнѣніе, существовавшее и до сихъ поръ, будто Веневити-

тиновъ обѣщала сдѣлаться великимъ поэтомъ. Однако, при появленіи въ печати полного собранія его сочиненій, всего легче рѣшить вопросъ, справедливо ли такое мнѣніе. Перечитавъ нѣсколько разъ всѣ стихотворенія Веневитинова, мы вывели изъ этого чтенія такого рода заключеніе объ ихъ авторѣ: это была натура въ высшей степени впечатлительная, — равно склонная и къ мечтательности и къ умозрѣнію, одаренная притомъ поэтическимъ чувствомъ, но безъ поэтическаго творчества. Такого рода свойства въ соединеніи съ нервическою страстностью могли побудить Веневитинова къ литературной дѣятельности. Ясность пониманія и сила чувства заступили для него способность къ творчеству и вотъ почему, читая его стихи, встрѣчаешь столько туманныхъ образовъ, неясныхъ картинъ, невыясненныхъ ощущеній. Вездѣ видно стремленіе выразить что-то похожее на поэтическую мысль, но ей нигдѣ не соответствуетъ оболочка, данная ей въ словѣ и читателю остается самому выяснить все ея значеніе. Восторженный языкъ при элегическомъ настроеніи мѣшалъ Веневитинову сообщить стиху искренность и задумчивость, которыя бы непосредственно дѣйствовали на наше чувство. Въ минуты павоса для самого поэта, можетъ быть и были ясны такіе намеки на тревожное состояніе души или на страстное волненіе сердца, но для насъ въ подобныхъ высреннихъ указаніяхъ на необъяснимыя чувства часто слышны только слова, слова и слова. Пристрастіе къ громкимъ фразамъ объясняется отчасти молодостью поэта, но скудность поэческаго элемента въ нихъ обнаруживаетъ крайнюю слабость самаго дарованія. Стихамъ Веневитинова всего чаще недостаетъ того качества, которое онъ самъ призналъ необходимою принадлежностію истиннаго таланта въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ», сказавъ:

«Его богиня—простота».

Свое мечтательное настроеніе Веневитиновъ вноситъ даже въ тѣ стихотворенія, для которыхъ беретъ предметъ изъ действительнаго міра. Таковъ характеръ его неоконченнаго пролога «Смерть Байрона», гдѣ вождь Грековъ, говоритъ поэту:

«Сынъ Сѣвера! готовься къ бою!»

А Байронъ ему отвѣчаетъ:

«Я умереть всегда готовъ.»

Тогда же действительно онъ умираетъ, то хоръ сзываетъ «племена Элады» —

«Сражаться съ пламенной душою
За счастье Греціи, за мечь —
И въ жертву падшему герою
Душу поблекшую принести!»

Дѣятельности своего воображенія Веневитановъ придавалъ нисколько идиллическій характеръ:

Воображеніе безъ оковъ,
Оно какъ бабочка игриво:
То любить надъ блестящей нивой
Порхать въ кругу земныхъ цвѣтовъ,
То по радугѣ, по цвѣтамъ небеснымъ мчится.

Странно, что въ томъ же самомъ стихотвореніи онъ называетъ себя «смѣлымъ ученикомъ Байрона».

Мы говорили уже, по поводу пьесы «Новгородъ» какъ мало удавалось Веневитанову стремленіе ввести въ свой рассказъ право-народную рѣчь. Онъ былъ не болѣе счастливъ и въ задуманной имъ поэмѣ историческаго содержанія. Сохранившіеся два отрывка показываютъ, какъ въ эпическій рассказъ вторгались у него безпрестанно лирическія обращенія къ явленіямъ природы, мало живописныя, но всегда изобилующія громкими словами и яркими эпитетами.

Шуми Оагрь! твой брегъ украшенъ
Дѣлами славной старины;
Ты роешь камни мшистыхъ башенъ
И древней, твердой стѣны,
Обросшей давнею травою.
Но кто надъ древнею рѣкою
Разбросилъ груды кирпичей,
Остатки древнихъ укрѣпленій,
Развалины минувшихъ дней?

Въ чисто-лирическихъ произведеніяхъ у Веневитанова чаще встрѣчаются удачныя стихи, дышанціе порою искренностью, пробивающаея

наряду высканчивъ выраженій и общахъ мѣтахъ. Точны, выразитель, слѣдующія строки изъ «Посланія къ Рожанну»:

О еслибы могли моленыя
 Достигнуть до небесъ скупыхъ,
 Не новой части наслажденья.
 Я бѣ прежнихъ дней просилъ у нихъ.
 Отдайте мнѣ друзей моихъ;
 Отдайте пламень ихъ объятій,
 Ихъ тихій, но горячій взоръ
 Языкъ безмолвныхъ рукожатій
 И вдохновенный разговоръ.

Въ стихотвореніи «Три розы» поэтъ говоритъ, что первая изъ нихъ цвѣтетъ въ долинѣ Кашемира—

«Она любовница зѣбра
 И вдохновенье соловья».

Другая распускается каждое утро на небѣ—это роза утренней зари, вѣчно возрождающаяся съ одинаковою свѣжестью и красотой. Низкоцвѣтъ уртыя—лучше, свѣтѣе двухъ первыхъ—

Хотя она не въ небесахъ.
 Ее для жаркихъ устъ летѣтъ
 Любовь на дѣвственныхъ щекахъ.
 Но эта роза скоро вянетъ;
 Она пуглива и нѣжна,
 И тщетно утра лучъ проглянетъ —
 Не расцвѣтетъ опять она.

Изъ «завѣщанья» мы узнаемъ, на сколько Веневитиновъ былъ проникнутъ религіознымъ чувствомъ:

...Ты вѣришь, милый другъ,
 Что за могильнымъ снѣгъ предѣломъ
 Душа моя простится съ тѣломъ
 И будетъ жить какъ вѣчный духъ,
 Безъ образовъ, безъ тьмы и свѣта,
 Однимъ негнѣимъ одѣта.

Въ книгѣ «Поэтъ и другъ» высказалось страшно - обывшоеся предчувствіе близкой смерти. Въ отвѣтъ на увѣренія друга въ томъ, что ему еще не время умирать, когда онъ полонъ силъ и жизни, поэтъ, между прочимъ говорить:

Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей вромчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься!

Словами «тебѣ все чувствовать дано» Веневитиновъ какъ нельзя лучше опредѣлилъ свойство своей природы. Дѣйствительно онъ одаренъ былъ удивительно воспримчивостью, живою любовью къ знанью и поэзіи, но къ несчастью онъ умеръ слишкомъ рано для того, чтобы мы могли опредѣлить какой характеръ приняла бы его дѣятельность. Одно можемъ сказать, что, по нашему мнѣнію, онъ не былъ бы великимъ поэтомъ, — для этого у него не доставало твердости. Его собственное мнѣніе о значеніи поэта, выраженное во вѣтомъ нами эпиграфѣ, служитъ подтвержденіемъ нашимъ словамъ. Мы уважаемъ весьма объ немъ мнѣ объ одномъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, заранѣе внесшемъ къ намъ серьезныя занятія философскія; но что касается до его поэтической дѣятельности, мы невольно возвращаемъ его же «последніе стихи».

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ встрай.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатно тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Что же касается до самаго изданія сочиненій Веневитинова, то оно удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ и можетъ доставить немалое удовольствіе любителямъ «прошедшаго» въ литературѣ. Трудъ г. Пятковского тѣмъ болѣе достоинъ нашего уваженія, что едва ли бы кто другой взялся въ наше время, за подобное, мало-благодарное предпріятіе.

П. Р.—ВЪ.

ЛОЖНЫЯ И ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

Объясненія къ «Памятникамъ древней русской литературы», вып. 3.

II. (*)

Перехода къ самымъ памятникамъ, скажемъ сначала нѣскольکو словъ о внѣшней сторонѣ нашего изданія. Изъ того, что мы говорили прежде объ объемѣ и происхожденіи нашей литературы ложныхъ книгъ и сообразъ самого издателя, легко видѣть, что въ старинныхъ запискахъ далеко не было абсолютной точности, что въ статьѣ о ложныхъ книгахъ, составившейся по греческимъ образцамъ, съ одной стороны упомянуты ложныя книги совершенно неизвѣстныя древней русской письменности, а съ другой названы далеко не всѣ ложныя

(*) Эта вторая статья была уже приготовлена къ печати, когда въ Петербургѣ полученъ былъ 1-й № Русскаго Вѣстника. Мнѣ указали въ немъ статью г. Тихонова, библиографическо-извѣстнаго содержания, направленную противъ изданныхъ мною памятниковъ. Онъ обвиняетъ меня въ дилеттантствѣ и «легкомысленномъ» исканіи «какой-то» занимательности (осужденіе, которое обыкновенно съ наибольшимъ удовольствіемъ произносятъ «ученые» мужа, особенно если ихъ тревожитъ *jalousie du métier*), на томъ основаніи, что изданные мною памятники не разобраны, или даже «искажены» (т. е. изданы каждый по двумъ-тремъ, а не по двадцати рукописямъ), что статья о ложныхъ книгахъ не объяснена, что въ памятникахъ не указано то и то, и проч. Очень просто, но указано въ книгѣ все это потому, что я предложилъ собрать свои замѣчанія въ цѣль статьи, — впрочемъ удобопонятныя (очень былъ бы доволенъ, еслибъ онѣ были и занимательны) для читателей и не пресыщенные указаніями на листы и форматы рукописей. Это всадѣе я охотно согласался бы, по возможности, предоставить спеціальнымъ любителямъ прѣлой бумаги. Въ статейкѣ г. Тихонова видны его познанія, есть новыя библиографическіе факты, но большую часть тѣхъ вещей, недостатковъ которыхъ онъ ставитъ главнымъ аргументомъ противъ моего изданія, онъ, если бы подождалъ, нашелъ бы въ настоящихъ статьяхъ Русскаго Слова. Намъ жаль, что онъ понапрасну растерялъ свой порошокъ.

писанія, — недостовѣрныя книги христіанскаго ученія и христіанской исторіи, — которыя были извѣстны намъ старинѣ и получали у насъ народно-поэтическій смыслъ. Сама старина русская, какъ видно изъ этой неточности запрещеній, не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что ложно и что не ложно; наивность вѣрованья и фантастическіе вкусы, свойственные неразвитому народу, заставляли принимать за истину много такого, что очевидно было чистой басней. Поэтому оставляя въ сторонѣ догматическую сторону предмета и рассматривая весь отреченный отдѣлъ старинной литературы вообще какъ матеріалъ для исторіи народныхъ понятій, мы не стѣснялись буквально указаніями статьи о ложныхъ книгахъ; напротивъ, руководясь культурнымъ значеніемъ памятниковъ, мы внесли въ наше изданіе — кромѣ книгъ, несомнительно считавшихся ложными — и нѣсколько проповѣдей, не упомянутыхъ къ индексѣ, но представлявшихъ тотъ же ложный характеръ: такмы напр. нѣкоторые преданія объ Адамѣ, о Соломонѣ, пророкѣ Іереміи, Никодимово евангеліе, посланіе Пилата къ Тиверію, исторія о нахожденіи рая св. Агапіемъ, рассказъ Трифона Коробейникова о фараоновыхъ людяхъ въ Черномъ морѣ и т. п. По своему отношенію къ формѣ народныхъ понятій, они имѣютъ для насъ тоже значеніе, какъ ложныя книги, хотя и не были упомянуты въ древнемъ индексѣ. При обширности памятника или въ случаѣ неполноты доступныхъ намъ рукописей, мы брали иногда одни отрывки, какъ напр. въ сказаньяхъ объ Авраамѣ, завітахъ патриарховъ, вопросахъ Іоанна Богослова, и пр. Въ другихъ случаяхъ мы должны были довольствоваться, при недостаткѣ первообытныхъ редакцій, болѣе поздними формами памятника, имѣющими свою важность въ исторіи распространенія этой литературы: такими варіаціями первоначальной формы являются напр. изданный нами отрывокъ изъ первоевангелія Іакова, новѣйшій видъ «Епистолинъ о недѣлѣ» и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. и въ этомъ послѣднемъ, памятникъ новѣйшей эпохи имѣетъ уже и новое заглавіе, но мы поставили «Іерусалимскій свитокъ» и съ общимъ заглавіемъ «Епистолинъ о недѣлѣ», чтобы тѣмъ обозначить терминъ употребленный для обозначенія его въ самомъ индексѣ, потому что «Іерусалимскій свитокъ» принадлежитъ именно къ тому разряду ложныхъ писаній, который обозначенъ въ нашемъ индексѣ подъ именемъ «Епистолинъ».

Такимъ же образомъ, чтобы опредѣлить отношеніе памятника къ статьѣ о ложныхъ книгахъ, подъ общее заглавіе «Павлова Видѣнія» мы отнесли двѣ статьи, составляющія второстепенную обработку этой

заглавие; подъ заглавиемъ «Календаръ» мы приведемъ статью, составляющую много страницъ, но представляющую именно то содержаніе, какое имѣетъ греческій «Календаріогікъ», послужившій оригиналомъ для номера «Мелодика»; подъ заглавіемъ «Жизнь Богородицы на мукѣ» помѣстимъ статью, которая имѣетъ въ русскомъ изданіи иное заглавіе, но очевидно представляетъ именно памятникъ, названный въ индексѣ «Жизнь Богородицы», а въ греческомъ оригиналѣ «Апокалипсисомъ прор. Богородицы». Эти и другія важныя подробности мы укажемъ впрочемъ въ своей книгѣ, а теперь прибавимъ еще только, что къ ложнымъ книгамъ мы присоединяли иногда варианты ихъ, разнаго мѣста и времени, напр. «Соль Богородицы» вытѣтъ изъ польской книги XVII вѣка и другой вариантъ, изъ современной народной пѣсни; какъ рѣше justificative мы поместили статью Аммарія «о древнѣ поэмннхъ», любезннтую по тѣмъ причинамъ, которымъ представляетъ она для исторіи ложной литературы.

Въ разборѣ памятниковъ, составляющихъ нашу древнюю литературу апокрифовъ, мы будемъ слѣдовать по возможности тому порядку, въ какомъ они идутъ и въ самой статьѣ о ложныхъ книгахъ и въ исторической неслѣдовательности апокрифическихъ личностей и событій.

Вой свеча о ложныхъ книгахъ, греческія и славянскія, прежде всего упоминаютъ апокрыы о первомъ событіи человѣческой исторіи и первомъ лицѣ ея.—созвореніи міра и Адамѣ. Мы уже замѣчали, что указанія нашей статьи, вытѣты съ греческихъ индексомъ не всегда прямо соответствуютъ русскимъ памятникамъ; такимъ образомъ мы, заметивъ напрасно стали бы искать книги «Адамъ» въ древней письменности русской. Книги съ этимъ названіемъ, напр. «Апокалипсисъ Адама», «Жизнь Адама», «Покаяніе Адама», существовали дѣйствительно и были весьма извѣстны въ эпоху составленія греческихъ индексомъ, но у насъ, сколько мы знаемъ, не было книгъ съ поставленнымъ и точнымъ заглавіемъ этого рода; и читавшіе статью о ложныхъ книгахъ сами уже понимали, о какихъ сказаніяхъ идетъ дѣло и что говорится.

У насъ не было апокрифической книги, которая бы собрала въ одно цѣлое всю исторію созданія міра и творенія Адама; но тѣмъ не менѣе русская старина представляетъ очень много разныхъ преданій и сказаній о твореніи и объ Адамѣ, сказаній чисто апокрифическаго свойства, чрезвычайно распространенныхъ и любимыхъ читающей массой, которая вѣрила имъ, не привыкнувъ къ критической повѣркѣ и увлекалась тѣми фантастическими или ослѣдственными картинками, въ ко-

торыхъ не было недостатка въ языкѣ сказаній. Вслѣдствіе своей популярности своей, сказанія эти повторялись въ различныхъ формахъ, они раздроблялись на отдѣльныя мелкія статьи, мѣнялись съ другими апокрифами и переходили въ народныя сказанія и повѣрья. Усердный читатель встрѣчалъ знакомыя апокрифы объ Адамѣ и въ «Бесѣдѣ трехъ святителей», и въ исторіи крестнаго древа, въ отдѣльныхъ загадкахъ, которыя помѣщались въ рукописяхъ, и наконецъ принималъ къ нимъ какъ къ преданью несомнѣнному: апокрифическіе мномъ становились его собственными понятіями; они срослись съ его поэзіей; исторія творенія отбѣялась мнози изъ древней славянской космогоніи, и въ чисто народномъ стихѣ, въ народной легендѣ съ нѣкоторой поэтичностью встрѣчаемъ мы теперь отрывки преданій, составлявшихъ чисто мѣстное прозвѣденіе еврейской или древнехристіанской сентавин.

Мномъ объ Адамѣ естественно должны были прежде всего дѣйствовать на воображеніе средневѣковыхъ народовъ, обратившихся въ христіанство. Изъ всей вѣдзавѣтной исторіи личность Адама наиболее представляла интереса, потому что на ней сосредоточивалась вся космогонія новой религіи. Въ ней средніе вѣка нашли источникъ поэзіи, какинъ прежде была ихъ древняя мнеческая космогонія. Процессъ замѣны старымъ мномъ новой поэзіи не могъ совершиться вдругъ и вполнѣ; новое ученіе вооружалось часто огнемъ и мечемъ, особенно на западѣ, и побѣждало; но внутренній резервъ не могъ быть совершенно отнимъ средствами, и новыя христіане на долге сохранили остатки старымъ вѣрованій. Какъ въ жизни новымъ гражданскіе и политическіе порядки христіанскаго общества мѣшались со множествомъ старымъ обычаемъ языческаго времени; такъ и въ поэзіи и вѣрованіяхъ, или по крайней мѣрѣ господствовали иногда убѣжденія, уцѣлѣвшія отъ старины, или жили во множествѣ отдѣльныхъ мномъ, которое сѣмивалось съ христіанскими понятіями и составляли особенный мнеческій міръ преданій, характеризующій всѣ понятія, искусство и литературу среднимъ вѣкомъ, и на западѣ и на востокѣ одинаково. Очень естественно поэтому, что христіанскія преданія въ понятіяхъ массы часто могли принимать на себя оттѣнокъ и подробности изъ старой языческой космогоніи. Мы увидимъ, что языкъ былъ съ преданіями объ Адамѣ и многорыхъ другихъ личностяхъ вѣдзавѣтной исторіи.

При всей свободѣ однако, съ которой средніе вѣка принимали по-

ые мифы, въ которыхъ мифо догмата они видѣли и поэтическій матеріалъ, способный къ разлчнкой обработкѣ, при всемъ этомъ и принесенныя чужія сказанья имѣли много власти надъ умами и часто удерживались въ той самой формѣ, какую получили еще на востокѣ, подъ другими условіями и совершенно независимо отъ поэзи и мифовъ европейскихъ. Мы думаемъ, что эта литературная, генетическая исторія занимающихъ насъ преданій освѣтитъ много темныхъ фактовъ въ народныхъ мифахъ западныхъ и русскихъ, и многое объяснитъ простымъ путемъ литературнаго преданья. Къ сожалѣнію неразработанность этого предмета у насъ не даетъ еще возможности точнаго изложенія дѣла.

Въ средніе вѣка ходило множество преданій объ Адамѣ, весьма разнообразнаго содержанія и происхожденія; народная фантазія недовольствовалась библейскимъ рассказомъ и стремилась дополнить его или изъ чисто поэческаго влеченья или изъ наивной пытливости, которая искала опредѣленій и законченной картины творенія міра и жизни перваго человѣка. Этому стремленію въ особенности давали пищу апокрифы, которые сами по себѣ были поэтическимъ продолженіемъ и дополненіемъ исторіи, заключенной въ канонъ и ставшей догматомъ. Это значеніе апокрифовъ опредѣлило и тотъ успѣхъ, который получили они въ средніе вѣка у всѣхъ христіанскихъ народовъ Европы. Распространеніе ихъ было чрезвычайно обширно. Имъ вѣрили, потому что сохранили еще патріархальное уваженіе къ старинѣ и къ климъ. Такимъ образомъ исторія творенія и первыхъ временъ ветхозавѣтной исторіи, переданная чисто христіанскимъ ученіемъ, дополнилась множествомъ апокрифическихъ сказаній, стараго и сравнительно новаго происхожденія. Въ Европу и къ намъ проникли и древніе еврейскіе мифы, которые не признавались еврейскимъ канономъ и были преданьемъ народа и вѣрованьемъ массы; проникли и другія сказанья, которые еще менѣе допускались церковью и родились въ той массѣ ересей, ознаменовавшей первые вѣка христіанства. Въ исторію творенія замѣшались наконецъ, какъ мы уже замѣтили, и мѣстные народные мифы космогоническаго содержанія. Все это смѣшивалось впоследствии въ одну массу, изъ литературы переходило въ народъ и обратно, дѣлалось легендой и повѣрьемъ.

Русскія намятники представляютъ подобныя апокрифы объ исторіи творенія и первыхъ людей, съ самой ранней поры нашей письменности. Несторъ внесъ въ свою лѣтопись нѣвѣстную проповѣдь гре-

жескаго миссіонера, приходившаго къ князю Владимиру, и эта проповѣдь, представляющая довольно обширное изложеніе ветхозавѣтной исторіи, вносить уже въ рассказъ объ Адамѣ и Еввѣ и другихъ патриархахъ, подробности, которыхъ нѣтъ въ библіи, напр. о смерти и погребеніи Авеля, о смерти Арона брата Авраамова и т. п. Лѣтописцу эти апокрифы знакомы были изъ Амартала, котораго онъ читалъ, но особенно изъ такъ называемой «Палея»; мы будемъ еще встрѣчаться съ этимъ послѣднимъ памятникомъ. «Палея» была безъ сомнѣнія одной изъ очень старыхъ книгъ нашей или южнославянской литературы; это былъ пересказъ ветхозавѣтной исторіи, отчасти составленный по библіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ дополненный множествомъ эпизодовъ и преданій апокрифическаго свойства. Несторова лѣтопись служитъ яснымъ доказательствомъ, что во время ея составленія, слѣдовательно въ эпоху очень далекую, къ намъ уже приходили изъ Византіи апокрифическіе мнны.

Такимъ образомъ первые извѣстные апокрифы объ Адамѣ въ нашей литературѣ являются еще до редакціи Несторовой лѣтописи. Послѣ того явились другіе памятники говорящіе объ Адамѣ, исторіи которыхъ до сихъ поръ не была у насъ тронута. Таковъ напр. любопытный памятникъ, носящій въ Румянцовской рукописи XV-го вѣка (№ 358) имя «Исповѣданія Еввы»; въ другой рукописи XVII-го вѣка (№ 370) находятся «Сказаніе, како сотвори Богъ Адама»; рассказы объ Адамѣ, перемѣшанные съ апокрифическими подробностями, находятся въ палеяхъ и хронографахъ, въ разныхъ исторіяхъ творенія, въ апокрифической «Бесѣдѣ» и т. д.

Сначала объ имени Адама, которое имѣло свои легенды въ нашихъ рукописяхъ. Румянцовская рукопись № 380, л. 29 даетъ такое объясненіе этого имени: «Азъ наречеся начало и конецъ,—и повелѣтъ Господь ангеломъ своимъ взяти на востокъ; *добро* на западъ; *мыслете* на юзѣ, *ерь* на сѣверѣ,—и нарече Господь Богъ имя ему Адамъ, се же бысть первый человекъ на земли». Въ томъ же родѣ говорится объ имени Адама въ болгарской рукописи XVI вѣка, принадлежащей г. Григоровичу: «Вопросъ: кто обрѣлъ имя его? Отвѣтъ: четыре ангела. Архангелъ Михаилъ вышелъ на востокъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Анатоли, и, взявъ то слово, принесть передъ Господа слово *Азъ*. Архангелъ Гавриилъ вышелъ на западъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Дисисъ, и, взявъ то слово, принесть передъ Господа слово *Добро*. Рафаилъ вышелъ на полудень и увидѣлъ звѣзду, имя ей Арк-

тось, и, взявъ то слово, принесъ передъ Господа слово *Азъ*. Уриль вышелъ на полуночь и увидѣлъ звѣзду, имя ей *Северія* и, взявъ то слово, принесъ передъ Господа *Мыслете*. И сказалъ Господь: чтиль Уриле! И Уриль прочелъ Адамъ (*)».

Въ этотъ символизмъ собственная русская фантазія, какъ мы увидимъ, участвовала очень мало; русскіе сборники воспользовались греческой выдумкой, которая на русскомъ языкѣ потеряла отчасти свой смыслъ. Буквы Адамова имени очень рано подверглись символическому объясненію, которое здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, стало незамѣтнымъ источникомъ легенды. Еврейскіе каббалисты утверждали, что три буквы А. Д. М. означали Адама, Моисея и Давида, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію ихъ, послѣдовательное переходила душа перваго человѣка. На греческомъ языкѣ четыре буквы Адамова имени прилились къ названіямъ четырехъ странъ свѣта (*arktos, dysis, anatole, mesembria*), и изъ этого выводилось, что имя Адама уже заключало въ себѣ названіе странъ свѣта, которыя должны были населиться его потомствомъ. Этотъ совпаденіемъ буквъ воспользовались книга Сивилль, Августинъ, псевдо-Іеронимъ и другіе писатели. Этотъ послѣдній въ толкованіяхъ къ Н. З. говоритъ, что Адамъ получилъ имя свое отъ четырехъ буквъ и отъ четырехъ звѣздъ (съ означенными выше именами), которыя означаютъ четырехъ евангелистовъ, — какъ отъ Адама каждый человѣкъ рождается, такъ отъ четырехъ евангелистовъ онъ научается вѣрѣ (**). Въ библейскихъ преданіяхъ Арабовъ отношеніе имени Адама къ странамъ свѣта передаю еще иначе: именпо, при сотвореніи человѣка, четыре высшіе ангела—Гавриилъ, Михаилъ, Израфилъ и Азраилъ — должны были принести съ четырехъ концовъ свѣта земли, изъ которой я сдѣлано было его тѣло; только голова и сердце созданы были по арабскому преданію изъ земли, взятой въ странѣ Мекки и Медины (**). Греческое объясненіе перешло даже въ древній англо-саксонскій памятникъ, гдѣ разныя мистическіе вопросы о сотвореніи міра и т. д., очень похоже на нашу апокрифическую «Бесѣду» вложены въ уста

(*) Буслаевъ, Очерки и пр. 1, стран. 498.

(**) См. Fabric., *Vetus Test.* 1, 49; 2, 30. Adam a quatuor litteris et a quatuor stellis nomen accepit, quod est artis, desis, anatholis, mesimbrio etc. Словомъ *mesembria* очень просто объясняется слово *Северія*, котораго въ приведенномъ выше текстѣ не могъ объяснить себѣ г. Буслаевъ.

(***) Weil, *Biblische Legenden der Muselmänner*, стр. 12.

Соломону и Сатурну. Въ началѣ Сатурнъ спрашиваетъ между прочимъ Соломона:

— Скажи мнѣ: изъ чего составлено имя Адама?

— Я скажу тебѣ: изъ четырехъ звѣздъ.

— Скажи мнѣ: какъ они называются?

— Я скажу тебѣ: Arthox, Dux, Arotholem, Minsymbrie (*).

Такимъ образомъ болгарскій памятникъ, приведенный г. Буслаевымъ, передаетъ цѣлкомъ греческое преданье, сдѣлавши только *Севрию* изъ *Месемери*. Разсказъ о твореніи человѣка различно передается нашими апокрифами, съ большимъ или меньшимъ участіемъ народнаго міоа, своего и чужаго. По отношенію къ народнымъ апокрифическимъ преданьямъ въ особенности любопытно Румянцовское сказанье (№ 370), небрежное по формѣ, но замѣчательное подробностями міоа объ Адамѣ, которыя до сихъ поръ еще не были извлекаемы изъ старыхъ памятниковъ. Указавши мѣсто творенія въ землѣ Мадіамской, сказаніе начинается съ извѣстнаго преданья о созданіи Адама отъ осьми частей—отъ земли тѣло, отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ свѣта свѣтъ (sic), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. Болѣе древняя, но кажется спутанная редакція преданья находится въ Рум. рукописи конца XV в. № 358, гдѣ оно является какъ отрывокъ изъ апокрифическихъ Бесѣдъ трехъ святителей:

— Григорій рече: отъ колѣкъ частей Адамъ созданъ?

— Иванъ рече: отъ 8 частей созданъ бысть Адамъ: сердце отъ камня, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ Чермного моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ святого духа (л. 281).

Давно были указаны древнія фризскія, нѣмецкія, англосаксонскія преданья, представляющія аналогію съ этимъ міоомъ, и не вдаваясь въ подробности объ этомъ предметѣ, мы отсылаемъ читателя къ книгѣ г. Буслаева, гдѣ (**) сдѣлано много любопытныхъ сближеній по поводу осьми частей Адама. Укажемъ только еще одну англосаксонскую редакцію преданья, которой еще не имѣли въ виду наши изслѣдователи. Въ той бесѣдѣ Соломона съ Сатурномъ, о которой мы

(*) Migne, Dictionnaire des Apocryphes, Paris 1856—1858, 2, стр. 880.

(**) Т. 1, стр. 143—150. См. также *Grimm*, Mythologie, 1844, стр. 531, 1218. *Haupt*, Zeitschrift für d. Alterthum, Bd. 9.

упоминали выше, послѣдній обращается къ Соломону съ вопросомъ о твореніи Адама:

— Скажи мнѣ: изъ какого вещества созданъ былъ Адамъ, первый человѣкъ?

— Я скажу тебѣ: изъ восьми ливровъ вѣсу (*octo pondera*, въ средневѣковой латинской редакціи).

— Скажи мнѣ: какъ они называются?

— Я скажу тебѣ: первый былъ ливръ земли, изъ котораго было сдѣлано его тѣло; второй ливръ огня, изъ котораго произошла его красная, горячая кровь; третій—вѣтра, отъ котораго дано его дыханіе; четвертый—пѣны, отъ которой дана ему измѣнчивость его духа; пятый—бѣлка, откуда его толщина и ростъ; шестой—свѣта, откуда разность его глазъ (*varietas oculorum, ib.*); седьмой—росы, откуда его потъ; восьмой—соли, отъ которой солены его слезы» (*).

Это преданіе найдено было также и въ старыхъ рукописяхъ южныхъ Славянъ, такъ что извѣстность преданья была чрезвычайно обширна. Она хранится до сихъ поръ въ нашемъ стихѣ о Голубиной книгѣ, который далъ ему полное развитіе и грандіозную обстановку. Древняя Палей, изъ которой брали въ старину много апокрифическихъ подробностей о первомъ человѣкѣ, не знаетъ, кажется, преданья о восьми частяхъ, изъ которыхъ былъ созданъ человѣкъ, и находитъ только четыре состава человѣческаго тѣла отъ четырехъ стихій,—именно: отъ огня человѣкъ имѣетъ теплоту, отъ воздуха *студень*, отъ земли сухоту, и отъ воды мокроту (**).

Разсказавши мнѣ о восьми частяхъ человѣка, Румянцовское Сказаніе продолжаетъ исторію новыми подробностями, которыя очень любопытны своимъ сходствомъ съ народными легендами, напр. съ тѣми какія собраны въ Орловской губерніи г. Якушкинымъ. Современная легенда разсказываетъ такъ:

«Создалъ Господь Адама и Еву и пустилъ ихъ жить въ пресвѣтломъ раю; а къ воротамъ райскимъ приставилъ собаку, звѣря чистаго: по всемъ раю ходила. И повелѣлъ Господи собакѣ, звѣрю чистому: «не пускай, собака, звѣрь чистый! не пускай ты чорта лукаваго въ рай: не напганилъ бы онъ моихъ людей». Лукавый чортъ пришелъ къ райскимъ воротамъ, бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба,

(*) См. Migne, Diction, des Apocryphes, 2, стр. 880.

(**) Рум. Палей, 1494 г. л. 38 обор.

а та собака и пропустила лукаваго въ рай. Лукавый чортъ возьми да и оплюй Адама съ Еввой; всѣхъ оплевалъ, всѣхъ съ головы до послѣдняго мизинчика во лѣвой ногѣ. Приходитъ Господи — только руками объ полы ударилъ! На Адама съ Еввой глянуть срамно!.. Но Богу, извѣстно, не обтирать ихъ стать, не марать же рукъ въ чертовы слюни: взялъ да и выворотилъ Адама съ Еввой. Отъ того и слюна погана. — «Слушай, собака, сказалъ Господи: была ты, собака, — чистый звѣрь: ходила во всемъ пресвѣтломъ раю; отнынѣ будь ты несь — нечистый звѣрь: въ избу тебя грѣхъ пускать, коли въ церковь вѣжишь — церковь снова святить». Съ тѣхъ поръ не собака зовется, а песъ: по шерсти погана, а по нутру чиста» (*).

Вотъ старая редакція разсказа, сохранившаяся отъ XVII-го вѣка, Адамъ лежалъ созданный, но еще неимѣвший очей, на землѣ; сатана пришелъ къ беззащитному человѣку и вымазалъ его каломъ; Богъ разгнѣвался и проклялъ сатану. Затѣмъ онъ очистилъ Адама отъ «пакости сатанины» и смѣсивъ ее съ Адамовыми слезами создалъ собаку и велѣлъ ей стеречь Адама; самъ Богъ отошелъ въ горній Іерусалимъ за Адамовымъ дыханьемъ. Сатана опять пришелъ, но испугался лаявшей собаки и не рѣшился подойти къ Адаму; онъ взялъ дерево и издали истыкалъ всего Адама деревомъ и этимъ сдѣлалъ ему семьдесятъ болѣзней. Когда Богъ сошелъ съ горняго Іерусалима, онъ увидѣлъ зло, сдѣланное злымъ сатаной и спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Сатана отвѣчалъ, что еслибы не было человѣку болѣзни, онъ никогда не вспомнить Бога; если же будетъ страдать недугомъ, то всегда будетъ призывать имя Божіе на помощь. Богъ помилосердовалъ объ Адамѣ, прогналъ діавола и «оборотилъ всѣ недуги» въ Адама, — такъ что они скрываются внутри человѣка.

Оба приведенныя преданья очевидно находятся въ связи, и современная редакція уже отчасти потеряла точность разсказа. Далѣе, сказавши о насажденіи рая, о сотвореніи Еввы, Румянцовское Сказаніе приводитъ любопытный мнѣю о видѣніи Адама, которое Богъ показалъ ему во снѣ: Адамъ увидѣлъ Христа распятаго въ Іерусалимѣ, Петра ходящаго въ Римѣ и Павла въ «Дамаскѣ», проповѣдующихъ распятіе и воскресеніе Спасителя. Апокрифическая Бесѣда упоминаетъ объ этомъ событіи; она называетъ первымъ пророкомъ Адама, и это видѣніе и было «Пророчествомъ Адама» (**).

(*) См. Лѣтоп. Тихонр. 2, стр. 101.

(**) Fabricii, V. Test, 1, стр. 6.

Въ дальнѣйшей исторіи творенія, замѣтимъ только о времени осужденія Адама, опять общезвѣстное повѣрье: въ третій часъ дано было запрещеніе вкушать отъ древа познанія добра и зла, въ шестой часъ заповѣдь была нарушена, въ девятый—Адамъ былъ изгнанъ изъ рая. Старая Палей указываетъ объ этомъ предметѣ два различныя мнѣнія: одни говорятъ, что Адамъ былъ въ раю *шесть* часовъ, по другимъ 40—дней, которые представляютъ собой сорокъ дней поста Спасителя (*). По еврейскому преданію Адамъ также созданъ былъ въ третій часъ, согрѣшилъ въ одиннадцатый, осужденъ въ двѣнадцатый и, изгнанный изъ рая, плакалъ до зари слѣдующаго дня (**). Старый французскій памятникъ буквально повторяетъ исчисленіе нашего сказанія: *a la tierce heure si donna Adam noms a toutes bestes, a la siste heure si mangea la femme la roume e en dona à sun baroun, e il en mangea par lamur de li, e a choure de noune si furent gette hors de paradis* (***).

Мы перейдемъ теперь къ другому произведенію нашей апокрифической литературы, также полному любопытныхъ преданій о твореніи. Къ сожалѣнію, мы знаемъ его въ новомъ спискѣ очень испорченномъ. Статья называется «Свитокъ божественныхъ книгъ», и безъ сомнѣнія также стариннаго происхожденія; мы встрѣчаемся въ ней съ преданіями, которыя извѣстны по рукописямъ нашимъ XV и XVI вѣка; другія до сихъ поръ обращаются въ устахъ народа въ легендахъ и повѣрьяхъ. До сихъ поръ «Свитокъ»—едва ли не единственное извѣстное произведеніе, въ которомъ собрана почти вся апокрифическая исторія Адама, существующая въ нашихъ народныхъ преданіяхъ, но рукопись, которая была у насъ въ рукахъ, пересытана ошибками, такъ что было бы трудно издать ее вполнѣ. И въ этомъ отношеніи она можетъ служить образчикомъ старыхъ преданій въ ихъ послѣдней народной формѣ, въ которой они являются обыкновенно крайне испорченными: ихъ пишутъ уже люди малограмотные, преданье забывается. Другой списокъ Сказанья, также новѣйшій, былъ въ рукахъ г. Буслаева, который привелъ изъ него нѣкоторые отрывки въ своемъ изслѣдованіи о «Горѣ-Злочастіи» (****). Изложеніе очень сходно съ нашимъ Свиткомъ, изъ чего можно заключить, что онъ имѣлъ уже до-

(*) Румянцовская Палей 1494 г. л. 33.

(**) *Fabric.*, V. Test. 1, стр. 20.

(***) *Migne*, Dict. des Apocr. 2, стр. 880.

(****) Очерки, т. I, стр. 615—618.

вольно установившуюся народную форму. Мы постараемся передать его сколько возможно вѣрнѣе съ текстомъ.

Статья начинается разсказъ еще до сотворенія міра, когда «бысть Господь «Саваофъ» въ трехъ каморѣхъ, на воздухѣ, въ лѣпотѣ, безначальный царь, невѣдомыя тайны» и проч. «Тогда бысть свѣтъ отъ лица Господа Саваофа семидесяти седмерицею свѣтлѣе свѣта сего; ризы его были бѣлѣе снѣгу, свѣтозарнѣе солнца». Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе Троицы. Міръ еще не существовалъ: «не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни ангель, ни архангель, ни херувимъ, ни серафимъ, ни рѣкъ, ни озеръ, ни кладезь, ни источникъ, ни чело-вѣкъ, ни горницъ, ни холмовъ, ни облакъ, ни звѣздъ, ни свѣту, ни звѣрей, ни птицъ, ни вѣтру, ни зари: егда была тьма, и не бысть тогда ни дней, ни ночей»... За этимъ предисловіемъ слѣдуетъ исторія творенія. «Рече Господь: буди небо по хрусталу на воздухѣ сотворено и буди заря, и облако, и звѣзды, и облаки, и востокъ, и вѣтры дунувъ изъ нѣдръ своихъ, и рай насади на востокѣ, и западъ, и сѣверъ, и югъ, — а Богъ сидитъ на востокѣ (*), въ вельлѣпотѣ превыспренней славы своея, и семьмъ небесъ словомъ своимъ сотворилъ Господь. А мразъ отъ лица Господня, а громъ—гласъ Господень, въ колесницѣ огненной утверждёнъ; а молнія—слово Господне, изъ устъ Божіихъ исходитъ; а солнце—внутреннія ризы Господни (**).

Потомъ Богъ создалъ тмы столповъ на воздухѣ, и столпы неподвижны, связаны отъ начала вѣка, а на томъ столпѣ камень неподвиженъ, потомъ создана земля и адъ съ веревями желѣзными и мѣдными вратами; «подъ адомъ тартаръ—дна нѣсть». За твореніемъ первыхъ столповъ и ада слѣдуетъ новый фазисъ творенія: «И рече Господь: буди тмы столповъ мѣдныхъ и каменныхъ, и на камени земля, и ста подъ исподъ песокъ, а на днѣ сотвори Господь словомъ камень и кременіе,.. и на той земли море Тиверіадское, а бреговъ у него не было».

(*) У Буслая невѣрно: ангель сидитъ на востокѣ.

(**) Въ этихъ словахъ г. Буславѣе справедливо видитъ связь съ однимъ мѣстомъ въ стихѣхъ о Голубиной книгѣ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,

Солнце красное отъ лица Божьяго,

Самаго Христа Царя Небеснаго;

Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;

Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;

Ночи темныя отъ думъ Господнихъ, и проч. Бусл. стр. 615.

«И сниде Господь на море по воздуху... и видѣ на морѣ *гоголя* плавающа, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанайлу, аки не вѣдая его: «ты кто еси за чело-вѣкъ»? И рече ему Сатана: азъ есмь богъ. «А меня како парещи»? Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ Богомъ и Господь Господаемъ. Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ же бы Господь его сокрушилъ на морѣ Тиверіадскомъ.

«И рече Господь Сатанайлу: «понырни въ морѣ и вынеси мнѣ песку и кремень». Сатанайлъ же послушася Господа и нырну въ море и вынесе песку и кремень. И взявъ Господь песку и кремень, и разсѣя по морю Тиверіадскому, и глаголя: «буди земля толста и пространна». И взявъ Господь кремень и преломи на двое; въ правой рукѣ Господь (остави) у себя, а изъ лѣвой руки отдасть Сатанайлу; и взя Господь песокъ, и нача бити изъ того кремня, и рече Господь: «вылетайте ангелы и архангелы и вся силы небесныя по образу и по подобію», — и нача изъ того кремня вылетати искры съ огнемъ, и сотвори Господь ангелы и архангелы и всю девять чиновъ.

«И видѣ Сатанайлъ, что Господь сотвори, и нача той кремень бити, что Господь дастъ изъ лѣвой руки, и начали у Сатанайла вылетать его ангелы и сотвори Сатанайлъ силу на небесахъ. Потомъ сотвори Господь Сатанайла начальникомъ надо всѣми чинами его ангельскими; сатанинову силу — его сотвореніе причте въ десятый чинъ» (*).

По списку г. Буслаева это рассказывается нѣсколько иначе: сатана досталъ со дна моря камень, этотъ камень преломляется на двое, и изъ одной половины его, отъ ударовъ божественнаго жезла, «вылетали души чистые»; изъ другой же половины сатана «набилъ бѣсовскую безчисленную силу, боговъ *плотныхъ*». На морѣ Тиверіадскомъ произведены тридцать три кита; на тѣхъ китахъ утверждена земля, и стала она на нихъ «толста, широка и пространна». Мы еще встретимся дальше съ этими знаменитыми китами.

Сатанайлъ увидѣлъ что онъ почтенъ и возгордился, и захотѣлъ быть подобнымъ Вышнему. Тогда Богъ повелѣлъ архангелу извергнуть лукавую силу, но огонь отъ сатаны попалилъ архангела и онъ воротился, не исполнивъ повелѣнія. Богъ постригъ архангела въ чернецы и назвалъ его Михаиломъ; въ другомъ спискѣ прибавлено, что Богъ

(*) Ср. въ лѣтописи Нестора, Арх. Комм. 1, стр. 37, и ниже выписку изъ Румянц. Палея 1494 г. л. 12.

положилъ на него схиму со крестами *простыми*, знаменіями Христа, Сына Божія. И послалъ Богъ во второй разъ Михаила, и онъ ударилъ скипетромъ силу сатанину, и она пала на землю какъ дождь. Михаилъ поставленъ былъ начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими, и архангелы сказали: аминь. Это слово застало много изъ лукавыхъ въ горахъ, много въ рѣкахъ, много летающимъ по воздуху, кто увязъ ногою, кто рукою въ облакъ,—тамъ они пребываютъ и до сего дня...

Далѣ идетъ созданіе человѣка. Богъ насадилъ для него рай на востокѣ, и Адамъ созданъ былъ по образу Божію отъ семи (т. е. восьми) частей, отъ земли—тѣло, отъ камня—кость и т. д. Потомъ «Свитокъ» даетъ близкій вариантъ исторіи, находящейся въ Румянцовскомъ сказаніи. «И поиде Господь на небеса ко Отцу своему по душу Адамову, Сатана же не вѣдая, что ему сотворити (т. е. Адаму), и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію и видѣ тѣло Адамово и рече Господь: «о дьяволе, что ты сотворилъ, какъ смѣлъ надъ моимъ созданіемъ тако сотворити»? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи, забудеть тебя сей человѣкъ,—еще у него что заболитъ, тогда Господа вспомянетъ. И Господь обрати Адаму внутрь, и отъ того во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; еще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя.

Затѣмъ Богъ оживилъ Адама и далъ ему «область» въ раю надо всѣми птицами и звѣрями, потомъ создалъ ему жену Евву. Въ это время имѣлъ Адамъ свое пророческое сновидѣніе, въ которомъ «видѣлъ Петра въ Римѣ внизъ головою распята, въ Дамасцѣ апостола Павла, въ Ефесѣ (Іоанна Богослова), а тебе, Господи, во Іерусалимѣ градѣ на Голгофѣ на крестѣ распята и копіемъ въ ребра прободена».

Адамъ насадилъ въ раю три древа, одно древо—свою часть, другое—Еввину, посреди—Господне древо, но потомъ Евва и Адамъ согрѣшили соблазномъ змѣя; они были изгнаны изъ рая, и—«паде Адамова часть во Ефратъ—рѣку, а Еввина часть паде на Тигръ—рѣку, а Господне древо осталось въ раю». По другому списку этого сказанія, Богъ по сотвореніи Адама и Еввы повелѣлъ имъ вкушать отъ всѣхъ плодовъ, «не повелѣлъ же есть *винограднаго* древа»... Сатана не имѣлъ доступа въ рай, и чтобы проникнуть туда, онъ велѣлъ змѣѣ пожрать себя, и она такимъ образомъ внесла его въ рай. Тогда «*извернулся* сатана *червемъ*... обвился около винограднаго дерева и началъ змѣевыми устами говорить Еввѣ». Когда первые люди со-

грѣшили, сняли съ нихъ вѣнцы и одежды свѣтлыя, и стали они прикрываться древесными листьями.

«И плакася Адамъ (послѣ изгнанія) при раю тридцать лѣтъ, и видѣ Господь слезы Адамовы, и хотя его помиловать... и посла Господь ангела своего Михаила и повелѣ Адаму поручити (научити?) ручная дѣла и повелѣ ему землю пахати. И прииде къ нему Сатана и рече: «господине, твоя есть небеса, я моя земля; аще хочещи божій быти, поиди на небеса; аще хочещи землю пахати, то дай отъ себя рукописаніе на весь родъ свой и на будущій по тебѣ»... И (Адамъ) написа на себя рукописаніе свое, и на весь родъ свой, и на будущій по немъ, и отдалъ Сатанѣ. И Сатана взя рукописаніе и отдала *адамовой смерти*...»

Наконецъ «Свитокъ» рассказываетъ рожденіе Каина и Авеля: Каинъ изъ зависти убиваетъ Авеля на каменномъ полѣ, по наученію дьявола; Адамъ погребаетъ сына по примѣру горлицъ, посланныхъ Богомъ: одна изъ нихъ упала мертвая, а другая вырыла въ землѣ яму и закопала мертвое тѣло. Рожденіе Сноа, смерть Адама и исторія о древѣ, принесенномъ изъ рая, точнѣе и подробнѣе передаются въ другихъ рукописяхъ, которыя мы указываемъ дальше. По другому списку исторіи, «Адамъ пожилъ на землѣ 930 лѣтъ и умеръ. И пришла *смерть сатанина* и взяла душу его и внесла въ адъ мучитись 3000 лѣтъ внутри ада во огнѣ горячемъ, руки и ноги связаны, на шесть прицѣплены». Сказаніе кончается сошествіемъ І. Христа во адъ и освобожденіемъ Адама отъ смерти.

Таковъ своеобразный взглядъ этой исторіи на твореніе и судьбы міра. Исторія эта заслуживаетъ вниманія людей, изучающихъ старину и преданья; въ ней повторяется много подробностей, извѣстныхъ и по древнимъ рукописнымъ источникамъ и по современнымъ легендамъ народа, и ихъ изслѣдованіе можетъ привести къ занимательнымъ историческимъ результатамъ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, подобныя мины рѣдко указывались въ старыхъ памятникахъ, что было бы необходимо для точной исторіи преданья; и не рѣшаясь теперь на окончательные выводы, мы попробуемъ только указать нѣкоторыя исторически важныя стороны этого сказанья. Замѣтимъ прежде всего, что наивное воззрѣніе на первобытную исторію міра, намъ приведенное, до сихъ поръ живо въ народѣ. Полуграмотная рукопись, по которой мы излагали содержаніе «Свитка», писана нѣсколько лѣтъ назадъ; народныя легенды, которыя и въ настоящую минуту собираются изъ

устъ народа, повторяютъ тѣ же мотивы; нѣкоторые изъ нихъ мы указывали въ Румянцовскомъ Сказаніи XVII-го вѣка, слѣд. мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ старымъ. Для сличенія мы приводимъ народный разсказъ, записанный г. Якушкинымъ, гдѣ читатель узнаетъ главные обстоятельства нашей исторіи, именно — желаніе злаго духа участвовать въ твореніи.

«Стальъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить, — разсказываетъ легенда, записанная въ Орловской губерніи, — распустилъ онъ море-окіянь; надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господу: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіянь-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынырнулъ: глядь — всю землю водой размыло. Опустился въ другой — тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и по Божьему повелѣнью оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, и всякими для человѣка угодами. «Будемъ съ тобой, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу: — ты будешь меньшей братъ, я большой!» Господи усмѣхнулся. — «Будемъ, Господи, братьями равными». Господи усмѣхнулся опять. — «Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшей!» — «Возьми, говоритъ Господи: — возьми меня за ручку повыше локотка: пожни ты ручку ту изъ всей силы». Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка, жалъ ручку изъ всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю. Люди да еще святые люди, нарицаются *сыны Божіи*, а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣзть!» (*)

Ту же основу имѣетъ народная легенда о *Нолѣ*, на котораго разсказчикъ перенесъ исторію перваго человѣка.

«Приходитъ Господь (послѣ потопа): «что вы, живы ли всѣ?»

— Слава тебѣ, Господи! всѣ живы! «Выходите же вонъ!» Всѣ вышли; напоследокъ дьяволъ сигъ! «Вотъ, Господи, хотѣлъ меня уо-

(*) См. Лѣтописи рус. литер., Тихонр., 2, стр. 100.

пять; вѣдь я вѣтанъ! Я тебѣ большой врагъ!» Коли-жъ ты мнѣ большой врагъ, возьми-жъ ты меня за руку. Возьметъ дьяволъ Господа поперегъ руки, да не поймаетъ руку опустить. «Дай-же я тебѣ возьму за руку!» Какъ возьметъ Господь дьявола за руку, — «ой, ой, ой! я буду тебѣ хоть меньшей братъ!» все, вишь въ братья лѣзтъ. «Лѣзь же ты, меньшей братъ въ море, достань земля гореть: давай землю застѣвать.» Они прибились къ кургану, а кругомъ все море стояло. Полѣзь дьяволъ въ море, схватилъ земли гореть, да не вытащилъ—всю размыло! Разъ слѣзь, другой, третій слѣзь... въ четвертый полѣзь. «Братъ, говорятъ Господь, скажи: Господи Иисусъ Христосъ!» Сказалъ дьяволъ: Господи Иисусъ Христосъ! нырнулъ въ море и вытащилъ земли въ горсти, съ маковыхъ два зерна. «Лѣзь же еще, этой земли мало!»—Постой-же, говоритъ самъ себѣ дьяволъ, я зашпаю себѣ за щеку земли: что Господь будетъ дѣлать, я себѣ тоже сдѣлаю. Взялъ Господь перекрестился, кинулъ землю на три стороны: сдѣлались по взморью луга, лѣса, рощи... ровна! «Господи, а что-жъ за мои труды, какое будетъ угроженіе»... (*).

По поводу творенія міра изъ камня и песку, г. Буслаевъ сближаетъ народную легенду съ слѣдующей колядкой карпатскихъ русиновъ, которая указываетъ по его мнѣнію на связь приведеннаго преданья съ древнимъ мнѣологическимъ эпосомъ. Вотъ эта колядка, приведенная г. Костомаровымъ въ его книгѣ о русской народной поэзіи:

Колись то було зъ початку свѣта,
 Подуй же, подуй Господи, за Духомъ святымъ по землѣ!
 втоды не було неба ни землі,
 неба ни земли, нимъ сине море,
 а середь моря та два дубойки:
 сѣли-упали два голубойці,
 два голубойци на два дубойки,
 почали собѣ раду радити,
 раду радити и гуркотати:
 якъ мы маємо свѣтъ основати?
 спустиме мы ся на дно до моря:
 вынеме си дрібного піску,
 дрібного піску, синѣго каменьце,
 дрібный писочокъ посѣме мы

(* *Аванас.*, Легенды, стр. 51—52.

снѣй каминець подунеме мы.
 Зъ дрібногo пѣску—чорна земляца,
 студена водица, зелена травица;
 зъ синего каминьця—сивѣе небо,
 снѣе небо, свѣтле совейко,
 свѣтле совейко, ясенъ мѣсячокъ,
 ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки» (*).

Что бы ни означали эти два дуба (можетъ быть случайно попавшіе въ пѣсню) и голуби, колядка имѣетъ большое сходство съ нашимъ разсказомъ: точно также въ началѣ міра предполагается одно огромное море, изъ песку и камней создается цѣлый міръ. При всемъ томъ карпатская пѣсня не совсѣмъ объясняетъ нашъ памятникъ. Существенная черта послѣдняго заключается въ двойственномъ началѣ, на которомъ основано твореніе; этотъ мотивъ вѣрно сохраненъ и въ указанныхъ народныхъ легендахъ, которыя точно также даютъ злomu духу участіе въ твореніи или стремленіе въ немъ участвовать.

Мы приведемъ еще два образца народныхъ сказаній, которыя также вертятся на этомъ общемъ сюжетѣ. Одна карпато-русская сказка разсказываетъ о сотвореніи міра такъ: въ началѣ было только небо да море; по морю плавалъ Богъ въ лодкѣ, и встрѣтилъ огромную и пустую пѣну, въ которой находился чортъ. «Кто ты?» спросилъ его Богъ.—«Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу.»—«Ну ступай!» сказалъ Богъ, и въ слѣдъ за тѣмъ послышался отвѣтъ: «я чортъ». Молча поплыли они далѣе. Чортъ началъ говорить: «Хорошо какъ-бы была твердая земля, и намъ было-бы гдѣ отдохнуть». «Будеть!» отвѣчалъ Богъ, «опустись на дно морское, набери тамъ, во имя мое, горсть песку и принеси, я изъ него сдѣлаю землю». Чортъ опустился и набралъ песку въ обѣ горсти, примолвивъ: «беру тебя во имя мое!» Но когда онъ вышелъ на поверхность воды, въ горстяхъ не осталось ни зернышка. Онъ погрузился снова и набралъ песку въ горсти, сказавъ: «беру тебя во имя его!», и когда возвратился, песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ, и изъ него сдѣлалась земля ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобъ имъ обонмъ

(*) Буславъ, Очерки 1, стр.148—149.

улечься. Они легли рядо́мъ на землю. Богъ къ востоку, а чортъ къ западу. Когда чорту показалось, что Богъ уснулъ, онъ сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и погибнулъ; но земля далеко расшвирилась къ востоку. Увидавъ это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и къ сѣверу: во всѣ эти стороны, куда онъ толкалъ его, земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а чортъ по пятамъ за нимъ. Тутъ Богъ кивнулъ громовнику Ильѣ, и тотъ началъ гремѣть и блистать, и громомъ сразилъ чорта съ неба внизъ... Въ другой, сербской сказкѣ чортъ укралъ съ неба солнце и убѣжалъ съ нимъ на землю; тамъ онъ воткнулъ его на копьѣ и носилъ съ собою на плечахъ. И послалъ Богъ ангела своего на землю отнять солнце у чорта. Ангелъ присосѣдился къ чорту и всюду ходилъ съ нимъ; наконецъ, они пришли къ морю. Тутъ чортъ бросилъ копьѣ съ солнцемъ на берегу, и они пошли вмѣстѣ купаться. Во время купанья ангелъ сказалъ: «станемъ нырять, кто глубже». Чортъ отвѣчалъ: «опустись ты»; ангелъ опустился на самое дно, и, въ доказательство того, принесъ въ зубахъ морскаго песку. Пришла очередь нырять чорту. Но онъ боялся, чтобы тѣмъ временемъ ангелъ не унесъ у него солнца; онъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его сдѣлалась сорока, которой чортъ приказалъ стеречь солнце, покамѣстъ онъ не вернется. Когда чортъ опустился въ море, ангелъ сдѣлалъ рукою надъ моремъ крестное знаменіе и море замерзло толщиной въ девять локтей. Потомъ онъ схватилъ солнце и убѣжалъ съ нимъ на небо, и въ это самое время начала кричать сорока. Чортъ, услышавъ крикъ сороки, спѣшилъ вернуться назадъ, но, видя, что ему не пробраться сквозь ледъ, снова пошелъ на дно морское, досталъ большой камень, пробилъ имъ ледъ и пустился догонять ангела.

По объясненіямъ Эрбена (*), на которыя ссылается г. Буслаевъ, обѣ эти сказки несомнѣнно будто бы указываютъ на древній славянскій мнѣ о борьбѣ Бѣлаго и Чернаго бога, Солнца и Зимы: въ первой сказкѣ подъ Богомъ просто слѣдуетъ разумѣть солнце, которое съ начала, именно зимою, во время солнворота, являясь низко на небосклонѣ, такъ сказать, плаваетъ по снѣгу (въ сказкѣ по морю); и одинаково съ зимою (олицетворенною въ видѣ чорта) идетъ далѣе, возносится выше, разогрѣваетъ снѣга и выводитъ наружу, творить землю; а по-

(*) Русск. Бѣседа, 1857, № 4.

томъ, достигнувъ извѣстной высоты, приводитъ время грозъ, окончательно уничтожающее зиму. Въ сербской сказкѣ Эрбенъ видитъ то же самое; только сказка отступаетъ отъ естественнаго порядка въ томъ, что «чортъ и солнце взаимно обмѣнялись свойствами» (?), на томъ основаніи, что въ природѣ зима (чортъ) производитъ ледъ, а солнце, поднимаясь выше на небо, уничтожаетъ его своими лучами. Вся исторія по Эрбену сводится такимъ образомъ къ олицетворенію лѣта и зимы, дня и ночи. Мы думаемъ, что читатель замѣтитъ самъ произвольность этихъ мифологическихъ толкованій.

Всѣ эти памятники, не разъ указанные нашими мифологами, по нашему мнѣнію еще не рѣшаютъ достаточно вопроса: откуда взялось это *дуалистическая* воззрѣніе, принадлежитъ-ли оно коренному народному мнѣю? Намъ еще не разъ придется встрѣтить въ нашихъ старыхъ памятникахъ и преданіяхъ слѣды этого своеобразнаго воззрѣнія, и потому мы остановимся нѣсколько на его объясненіи.

Гриммъ, начиная въ своей мифологій изслѣдованіе о бѣсѣ, находятъ прежде всего, что представленіе о зломъ духѣ, которое бросило потомъ такіе глубокіе корни въ народныхъ вѣрованіяхъ, было чуждо нѣмецкому язычеству. Онъ находитъ вообще, что дуализмъ, создающій двѣ высшія силы, независимыя одна отъ другой—если онъ не коренится въ исконной глубинѣ мифологической системы (какъ въ Зендской),—бываетъ результатомъ уже болѣе позднѣйшей отвлеченной мысли; что онъ не сроденъ непосредственной, чувственной мифологій, развивающейся въ широкой средѣ; что поэтому его не знаютъ ни греческіе, ни нѣмецкіе мифы. Это простое, но очень важное замѣчаніе по нашему мнѣнію вполне прилагается и къ народной мифологій древней Руси: она не знаетъ различія добрыхъ и злыхъ духовъ, — и если это различіе является потомъ въ народныхъ преданіяхъ, то вовсе не составляетъ въ нихъ кореннаго явленія. Правда, мы знаемъ изъ исторій Бѣлаго и Чернаго бога балтійскихъ Славянъ, но Гриммъ справедливо сомнѣвается въ первобытности этого дуалистическаго дѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ древнихъ свидѣтельствъ о божествахъ стараго русскаго язычества не говоритъ ни о чемъ подобномъ существованію двухъ высшихъ, враждебныхъ силъ, которыя бы дѣлили между собой природу. Въ словахъ лѣтописцевъ, проповѣдниковъ, возставшихъ противъ идольскихъ жертвъ, нельзя найти никакого основанія, которое бы могло подтверждать существованіе вполне развитой системы дуализма. При распространеніи христіанства, всѣ языческія божества

ства и мѣла одинаковую участь; въ понятіяхъ массы они отступили сначала на второй планъ, потомъ мало-по-малу получили значеніе бѣсовъ и злыхъ идоловъ. Древніе волхвы говорили, по словамъ лѣтописца, что они вѣрятъ «Антихристу», сидящему въ безднѣ, что боги ихъ живутъ «въ безднѣ, суть же образомъ черни, и крилати, и хвосты и муща, — въсходить же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ,» но ясно, какъ слѣдуетъ понимать извѣстіе лѣтописца, который этими словами выразилъ не столько ученіе волхвовъ, сколько свое личное понятіе объ этомъ ученіи.

Противоположность двухъ началъ могла однако проявиться и въ нашей, какъ и въ вѣтепской мифологіи, когда эта противоположность извлекалась изъ самой природы, рождавшей пантеистическія мифы, напр. изъ дня и ночи, весны и осени, лѣта и зимы и т. п. Но эта двойственность никогда не достигала того рѣзкаго дуализма, съ какимъ является понятіе о злыхъ и добрыхъ духахъ, принесенное въ первый разъ введеніемъ христіанства.

Съ этой точки зрѣнія нашъ апокрифическій памятникъ можетъ не имѣть никакой связи съ древнимъ мифологическимъ эпосомъ. Если море Тиверіадское, съ котораго начинается твореніе по нашему памятнику, и дѣйствительно было взято съ древняго мифическаго моря, упомянутаго въ карпатской пѣснѣ, то смыслъ памятника тѣмъ не менѣе могъ сильно измѣниться и сохранивъ съ древностью связь чисто внѣшнюю: на первомъ планѣ стоитъ твореніе міра двумя различными силами. Но съ другой стороны преданье не можетъ быть вполне объяснено и вліаніемъ чисто христіанскихъ понятій, потому что въ библейскомъ разсказѣ, который могъ въ этомъ случаѣ руководить фантазіей народа, злой духъ является вполне отверженнымъ: онъ вовсѣ не имѣетъ въ исторіи творенія той роли, какую приписываютъ ему преданья. Очевидно, что въ ихъ образованіи участвовалъ иной порядокъ идей, болѣе развѣвшій отношенія двухъ высшихъ силъ, управляющихъ человекомъ.

Понятіе о добромъ и зломъ началѣ, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно является въ нашемъ памятникѣ, дѣйствительно принадлежитъ уже поздней эпохѣ (*). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что въ средніе вѣка первоначальное понятіе о зломъ духѣ получило особенное развитіе и постепенно складывалось въ болѣе и болѣе опредѣленные

(*) См. Grimm, Mythologie, стр. 937.

черты, характеръ которыхъ зависѣлъ отъ степени религіознаго пониманія; фантазія народа и духовныхъ писателей не остановилась на томъ значеніи злыхъ духовъ, которое было указано первыми христіанствомъ; она старалась дополнить мрачный образъ злаго духа, производившаго сильное впечатлѣніе на умы, и легенда произвела цѣлый рядъ разнообразныхъ типовъ злаго духа отъ ужаснаго до комическаго. Въ то время, когда составлялась наша Палея, уже развился мифъ о блестящемъ ангелѣ Сатанаялѣ (Денница, Lucifer), который, прельстившись красотой творенія и видя землю пустую и не населенную, задумалъ обладать «поднебесной», завладѣть землей и поставить престолъ на облакахъ: онъ сверженъ былъ за свою гордость, названъ сатаной, и мѣсто его отдано было Михаилу (*). Особенное развитіе идеи злаго духа до полнаго дуализма было принесено, кажется, съ востока изъ тѣхъ многочисленныхъ ересей, которыя, начавъ съ первыхъ вѣковъ христіанства, вводили церковь враждебными ей ученіями и мифами. Восточныя ереси въ первый разъ стали говорить о зломъ началѣ, какъ самобытномъ и равноспльномъ божественному началу; на основаніи этого понятія они создали собственную исторію творенія, въ которой злomu духу дано было положительное участіе въ судьбѣ міра и челоуѣка. Эти ереси не одинъ разъ проникали и въ Европу и приобрѣтали въ ней великую силу; такъ распространилось съ начала аріанство; такъ, съ X вѣка, по всей южной Европѣ разлилась новоманихейская ересь, именно съ тѣмъ фантастическимъ ученіемъ о зломъ духѣ, которое мы указали. Подъ разными названіями — Павликіанъ, Богомиловъ, Катаровъ, Патареновъ, Альбигойцевъ—эта ересь господствовала въ Арменіи, Византіи, Болгаріи, Сѣверной Италіи, Южной Франціи и т. д. Вскорѣ по своемъ появленіи она навлекла на себя горячія преслѣдованія и церкви, и государства, но тѣмъ не менѣе долго держалась и дѣйствовала на умы; во Франціи она пала только подъ страшными ударами альбигойской войны.

Особенный успѣхъ ново-манихейская ересь имѣла въ славянско Болгаріи. Ея послѣдователи извѣстны были тамъ подъ народнымъ именемъ *богомиловъ*, и были ревностными агитаторами: они пахали много прозелитовъ дома, отъ нихъ шли еретическія книги къ западнымъ катарамъ; они имѣли своихъ писателей. Южнославянская литература, только что начинавшаяся, уже должна была защищать

(*) Румянцовская Палея, 1494 г., л. 12.

церковь отъ этого врага. Ея обвиненія уцѣляли отчасти и въ нашихъ рукописяхъ и сохранили для исторіи содержаніе догматовъ богомильства, затронувшаго въ своей пропагандѣ и древнюю Русь. При тѣхъ частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ, которыя древняя Русь поддерживала съ Болгаріей и болгарской церковью, при томъ множествѣ памятниковъ церковныхъ, литературныхъ и апокрифическихъ, которые перешли къ намъ отъ южныхъ славянъ, очень естественно ожидать, что древняя Русь ознакомилась и съ ученіемъ Богомиловъ и съ его оригинальными мнѣніями. Наша старая письменность до послѣдняго времени помнила богомиловъ и интересовалась ими: въ рукописяхъ уцѣляли обвиненія богомиловъ, составленныя болгарскимъ пресвитеромъ *Козмою*, въ первый вѣкъ болгарской письменности; въ нашихъ *Коричкахъ* и сборникахъ до послѣдняго времени помѣщалась статья мнѣха Аванасія, осуждавшая апокрифическія преданія, и между прочими книги *Еремея* пресвитера о Троицѣ и крестномъ древѣ; русская *Коричка* XV—XVI вѣка довольно опредѣленно излагаетъ всѣ пункты богомильскаго ученія; наконецъ статья о ложныхъ книгахъ, съ особеннымъ удареніемъ возстаетъ противъ того же болгарскаго попа Іеремиа, богомила, *составшаго* разныя басни о предметахъ христіанскаго вѣрованія. Память болгарскаго еретичества и апокрифовъ осталась и до XVI—XVII вѣка, когда переводчикъ или переписчикъ сочиненій Дамаскина жаловался, что въ его время мнимые учителя народа больше «въ болгарскіе басни, або паче въ бабскіе бредни упражняются», чѣмъ наслаждаются разумомъ истинныхъ учителей (*).

Авторъ «Разсужденія о ересяхъ и расколахъ не сомнѣвается въ томъ, что богомилы жили и дѣйствовали въ русской землѣ, и первыхъ еретиковъ, какіе появлялись въ русской церкви въ XI—XII столѣтіи, именно Адріана и Дмитра, онъ считаетъ послѣдователями богомильской ереси (стр. 37).

Въ послѣдующемъ разборѣ апокрифическихъ и ложныхъ книгъ, мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что нѣкоторыя изъ книгъ, навлекавшихъ осужденіе и проклятіе на болгарскаго богомила Іеремию, еще сохранились или въ старыхъ рукописяхъ, или даже въ народныхъ повѣрьяхъ, которыя черезъ сотни лѣтъ перенесли древнее еретическое суевѣріе. Къ числу памятниковъ древняго богомильства мы относимъ и рассказанное въ «Свиткѣ» преданіе о двойственномъ сотвореніи міра.

(*) Румянц. Муз. № 193.

Богомилское учение самыми основаниями своими расходилось съ христианствомъ; оно признавало Троицу, но понимало ее не правильно и совершенно извращало христіанскіе догматы о воплощеніи, о земной жизни Спасителя и т. д. Корень ереси заключался во взглядѣ на ветхій заветъ: богомилы отвергали ветхій заветъ, какъ порожденіе злаго начала, не вѣрили книгамъ Моисея и другихъ пророковъ, думая, что до пришествія Спасителя люди повиновались злому духу, ему поклонялись и отъ него получали законъ. Царство Бога на землѣ начиналось по ихъ мнѣнію только съ пришествія Спасителя.

Признавая два начала, изъ которыхъ произошелъ міръ, богомилы совершенно по своему рассказывали исторію сотворенія міра и человѣка. Они утверждали, что могущественный духъ, котораго Спаситель называлъ сатаной, самъ былъ сыномъ Бога Отца и назывался Сатананомъ; сверженный съ неба за свои гордыя покушенія, онъ сохранилъ силу творчества, но «не могъ удержаться въ водахъ» (*), и уже послѣ того какъ Богъ въ началѣ создалъ небо и землю, онъ съ своими ангелами рѣшился создать второе небо и другую землю и затѣмъ всю тварь, которая землю наполняетъ. Онъ сдѣлалъ по тому тѣло человѣка, смѣшавши землю съ водою, но не могъ вдохнуть въ него души: онъ дунулъ былю въ Адама, но духъ его прошелъ сквозь тѣло и вылетѣлъ черезъ правую ногу и перешелъ въ змѣю, которая отъ того стала мудрою между животными. Тогда Сатананъ, увидѣвъ, что трудится напрасну, просилъ Бога вдохнуть душу въ человѣка и общалъ, что живой человѣкъ будетъ принадлежать одинаково имъ обоимъ. Но въ послѣдствіи Сатананъ всегда стремился завладѣть людьми: онъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ и люди безраздѣльно были во власти его во всемъ ветхомъ заветѣ. Родъ человѣческій спасенъ былъ отъ власти дьявола только Исусомъ Христомъ, который побѣдилъ Сатананга, заключилъ его въ безднахъ ада и называлъ его сатаной.

Намъ могутъ возражать, что въ нашемъ памятникѣ этотъ богомилскій дуализмъ далеко не имѣетъ ни опредѣленной формы, ни послѣдовательнаго развитія. Это правда; но иначе и быть не могло съ преданьями, имѣвшими источникъ чисто еретическій. Нѣтъ сомнѣнія, что позднѣйшая редакція нашего «Свитка» должна была много потерять точности въ рассказѣ преданья; достаточно сравнить его съ на-

(*) Рассказъ Кримиа Зигадена.

родными легендами, которые произошли конечно от него, т. е. от письменного наметивка того же рода, — чтобы видеть, какь легко перетолкуются и итъшаются мелкія подробности и аксессуары. Но, обративъ вниманіе на сумность преданья, мы увидимъ въ немъ замѣчательное сходство съ ученіемъ богомиловъ о твореніи и если между ними остается еще разница, то она легко объясняется самой исторіей богомильскаго мнѣя: извѣстно во первыхъ, что у самихъ богомиловъ преданье не получило законченной, догматической формы и въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами оно передавалось съ различными вариантами; даже, Евоній Зигадець (*), писавшій о нихъ въ началѣ XII вѣка, и пресвитеръ Козьма (**), изъ которыхъ мы взяли изложеніе богомильскаго мнѣя, обращали вниманіе только на существенныя черты ереси и гораздо больше заботились о должномъ обличеніи злодѣрія, чѣмъ о подробномъ сборѣ еретическихъ вѣрованій; такъ что во немъ еще трудно судить, въ какой формѣ ходили эти преданья въ народѣ, — потому что богомильская ересь была народною въ Болгаріи. Наконецъ наши изложенія въ «Сказаніи» и въ «Святкѣ» оба относятся къ весьма поздней эпохѣ, когда они по необходимости потеряли первоначальную свѣжесть и точность преданья и быть можетъ отбросили уже изъ него многое, въ чемъ ересь была слишкомъ замѣтна.

Наши редакціи не ясно говорятъ о томъ, какинъ образомъ Сатаналъ палъ, какъ явилась у него мысль участвовать въ твореніи; но они знаютъ, что его преждее имя было Сатаналъ, что онъ потерялъ окончаніе этого имени, когда былъ побѣжденъ пришестіемъ Спасителя. Дьяволъ точно также подражаетъ Богу въ твореніи, онъ раздѣляетъ съ Богомъ власть надъ первымъ человѣкомъ и даетъ ему болѣзани. Когда Адамъ въ первый разъ начинаетъ пахать землю, дьяволъ вступается за нее какъ за свою собственность (у богомиловъ, она была его созданіе). Наконецъ, злой духъ во всемъ разказѣ сохраняетъ полную свободу своихъ дѣйствій. Мы приводимъ въ прилѣжаніи (***) разказъ о Сатаналѣ, взятый нами изъ Румянц. Палея

(*) *Gieseler*, Euth. Zygadeni narratio de Bogomilis. Gotting: 1841.

(**) *K. Sakcinski*, Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, т. IV, стр. 69—97.

(***) Въ Палеѣ 1494 года. Румянц. музея, на листѣ 12 обор., находится слѣдующій разказъ:

О Сатаналѣ.

В сін убо день единъ отъ ангелъ наричаемыя Сатаналъ, иже убо бѣ старѣшина 10-му чяну, видѣти (sic) яко украси Богъ твердь ту, о немъ же

и послужившей во многих случаях источником для нашего сказанія. Но сличивши два разсказа, читатель тотчасъ увидитъ ихъ разницу: Палея, хотя также апокрифическая въ этомъ случаѣ, далеко не имѣетъ тѣхъ подробностей, какія переданы въ нашемъ новомъ сказаніи, — а главное, Сатаналъ вовсе не имѣетъ въ ней того особеннаго, независимаго характера, который дается ему въ «Свѣткѣ» и которымъ, по нашему мнѣнію, наше сказаніе сближается съ южно-славянскими преданіями богомиловъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ нашего сказанія. Мы видѣли, что по его словамъ древо, отъ котораго Адамъ и Ева вкусили и впади въ грѣхъ, было древо *виноградное*. Это преданіе находится и въ повѣсти о горѣ-злочастіи, которая говоритъ въ началѣ, что когда Богъ сотворилъ Адама и Еву, то

«далъ имъ заповѣдь божественную,
не повелѣлъ вкушать *плода винограднаго*
отъ едемскаго дерева великаго».

рекохомъ, и землю, и развеличися грѣ достью и рече въ помыслѣ своемъ: коль красная поднебесная си, но не вижу живущаго на ней, — да прииду на землю и прииму землю, и обладаю ею и буду яко Богъ, и поставлю престолъ мой на облацѣхъ.

И ту абіе съврже ѿ Господь съ небеси за грѣдость помысла его. По немъ же спадша иже бѣаше подъ нимъ чинъ 10-ти, яко пѣсокъ просушася съ небеси, и проразишася въ преисподняя; друзіи же ихъ на земли бы... ..си повеси архангельскыи гласъ.

Архистратигъ Михаилъ, сы началникъ и воевода силы Господня, иног чину силъ старейшина, виде отступника съпадша съ чиномъ 10 своимъ, и звучнымъ гласомъ, крѣпкыи и страшныи и рече: вонемъ, гласомъ силы всѣхъ похвалимъ истиннаго Бога...

Слышавши же дѣмони гласъ архаангела Михаила, и абіе повешени быша на аере, прѣви, иже ты спадши дѣмоны, въпререзиша въ преисподняя, и суть яко и глусы, и ти отголе не свѣдятъ ничтоже въ мирѣ; а еже отъ нихъ на земли падша, то... ходяща (по) землѣ съ своими прелестями; послѣдняя же ихъ устава архаангельскыи гласъ по аеру, и ти убо висѣ(ти) и что могуще пакость творити, творять тое.

Се же убо Сатана старей бѣ въ чину, иже бе подъ нимъ, приставникъ бе земному чину, и земли блюденіе приемъ, и отъ Бога естъствомъ не лукавъ бѣ испрѣва, но благъ сы...

Въ него же мѣсто постави Господь старейшину Михаила, спадши же чинъ нарекоша; дѣмоны отъ нихъ же Господь отъятъ славу и честь и свѣтлость, бывшую на небесѣхъ прежде, и преложи я въ духъ темень, и по воздуху облѣтати имъ повеле. Спадшаго же мѣсто чина 10-го, умысли Богъ створити челоувѣа, — да свѣтлость и вѣнецъ спадшихъ предати имаеть Богъ правовѣрнымъ...

*

Въ недавнѣйшее время, повѣрье о томъ, что виноградное дерево было причиной паденія Адамова, — стало общезвѣстнымъ народнымъ преданіемъ; его принимали за несомнѣнный фактъ и придавали ему поучительный смыслъ. Г. Буслаевъ указываетъ, что это повѣрье извѣстно было нашимъ предкамъ еще въ XVI столѣтіи, какъ можно видѣть изъ одной миниатюры въ Синод. списокѣ Козьмы Индикоплова (писанномъ въ 1542 году), гдѣ на полѣ миниатюры написаны приведенные стихи объ Адамѣ (*). Но древность преданья восходитъ еще далѣе и опять связывается съ исторіей богомилскаго ученія. Въ древнихъ Коричихъ очень часто встрѣчается обыкновенно статья, подъ именемъ «Написанія Аванасія мнѣха іерусалимскаго къ Панковю», предметомъ котораго было именно древо познанія добра и зла. Этотъ Панко держался живыхъ мнѣній о дрѣвѣ спасеннаго креста, и о другихъ вещахъ, которыя обличала потомъ наша статья о ложныхъ книгахъ. Точно также ложно говорилъ онъ о райскомъ дрѣвѣ добра и зла, и Аванасій прямо съ этого начинается свое посланіе (**): «сказали мнѣ нѣкоторые люди, что ты многихъ учишь о разумномъ дрѣвѣ добра и зла, отъ котораго Богъ возбранилъ вкушать Адаму, — и говоришь, что это былъ виноградъ». Аванасій прямо обличаетъ его тѣмъ, что по писанію Евва увидала древо красное видѣніемъ и доброе въ снѣдъ, — «а какую красоту имѣетъ виноградный гроздь?» и проч. Въ концѣ статьи Аванасій предостерегаетъ его отъ писаній попа Іереміа, изъ которыхъ Панко извлекалъ свое ложное ученіе. Быть можетъ, что мнѣ о виноградномъ плодѣ также принадлежалъ къ баснямъ Іереміа болгарскаго и если не былъ прямой принадлежностью его ереси, то могъ вмѣстѣ съ ея мнѣніями войти въ народное южнославянское преданіе.

Источники преданья могъ быть не только не русскій, но и не южнославянскій. Библейскія преданія Арабовъ, перенятая почти всегда у Евреевъ, рассказываютъ иначе о райскомъ виноградѣ: самъ Богъ далъ вкусить его Адаму и онъ впалъ отъ этого въ глубокій сонъ, во время котораго создана была Евва.

Такимъ же чужимъ было преданье о томъ, какимъ образомъ сатана, которому запрещенъ былъ входъ въ рай, проникъ въ него; ве-

(*) Очерки, 1, стр. 617.

(**) Мы напечатали это любопытное посланіе, какъ матеріалъ для исторіи ложныхъ книгъ, Памяти, стр. 84.

дѣвши змѣю поглотить себя и потомъ извергнувшись изъ него, когда змѣй прошелъ въ райскія жилища (*).

Преданье о рукописаніи, которое далъ Адамъ бѣсу, находится и въ разсказѣ «объ исповѣданіи Евыи» въ Румянц. рукописи № 358. Статья представляетъ въ началѣ легкую вариацию библейскаго разсказа, къ которой прибавляются дальше апокрифическія подробности: Адамъ плачетъ о потерѣ рая слѣдующими стихами:

Раю мой, раю, прекрасный раю,
Красота неизреченная,
Меня ради сотворень еси,
А Евы ради затворень еси,
Милостиве помилуй мя.

Съ этимъ началомъ до сихъ поръ извѣстны въ народѣ стихи, описывающіе грѣхъ и раскаяніе Адама (**). Быть можетъ стихъ старѣе и этого списка XV вѣка, гдѣ указываютъ его древнѣйшій слѣдъ. Румянцовская Палея 1494 года, представляющая весьма старыи памятникъ нашей литературы, въ томъ же родѣ говоритъ сбъ Адамовомъ плачѣ: «и плакася Адаамъ горцѣ глаголя: раю пресвятый,—иже мене ради насажденъ, а Евы ради затворень»... (л. 32 на обор.).

И за тѣмъ для своего пропитанія Адамъ просить у Бога райскаго благоуханія: Богъ посылаетъ ему оимьянъ, ливанъ и ладанъ—извѣстное древне-христіанское преданіе, которое между прочимъ упоминается (и подробнѣе чѣмъ у насъ) въ древней эоіопской книгѣ «о битвѣ Адама и Евы» (противъ сатаны), переведенной въ энциклопедіи аббата Миня (***).

«Исповѣданіе» Румянц. сборника представляетъ разсказъ отъ лица самой Евы дѣтямъ о грѣхопадѣніи и изгнаніи изъ рая; но повидимому въ немъ соединены двѣ различныя статьи, потому что въ среднѣ, послѣ разсказа о рукописаньи, сказано: «а инде писано во святомъ писаньи» и снова говорится о рукописаньи. Въ заключеніе статья описываетъ покаяніе Адама и Евы и болѣзнь Адама; статья оканчивается смертью первыхъ людей. Для совершенія покаянія Адамъ

(*) См. у Вейля, Bibl. *Legenden der Muselmänner*, и *Migne*, Di. ct. des *Apostrophes*.

(**) *Варенцова*, Сборникъ дух. стиховъ, стр. 40—45.

(***) *Migne*, Diction. 1, 308.

поставилъ Евву въ рѣку Тигръ, а самъ стоялъ во Иорданѣ и такъ они постылись до сорока дней; бѣсъ соблазнялъ опять Евву, приходилъ къ ней въ образѣ ангела, потомъ въ видѣ Адама и убѣждалъ выйти изъ рѣки. Но Адамъ предупреждалъ ее объ искушеніи, и она не поддавалась ему. Тогда Богъ освободилъ ихъ отъ діавола, и они поселились въ землѣ Мадіамской. Это преданье также принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя уже въ первыя времена были извѣстны на христіанскомъ востокѣ и, не получивши одной неизмѣнной редакціи, сохранились въ книгахъ и изустныхъ преданьяхъ. Чтобы показать степень ихъ извѣстности, замѣтимъ напр., что этотъ разсказъ съ нѣкоторыми вариантами находится и въ упомянутой нами эіопской книгѣ (*). Источникомъ нашего сказанія были, конечно, византійскіе памятники.

Наконецъ Адамъ почувствовалъ болѣзнь и приближеніе смерти: чтобы успокоить его болѣзнь, Сноѣ рѣшился идти въ рай и принести ему вѣтвь отъ райскаго. Евва сопровождала сына; когда они приближались къ раю, лютый звѣрь Горгоній не хотѣлъ пропустить ихъ, но Сноѣ заклялъ его; они пришли къ раю, и ангелъ далъ ему вѣтвь... Адамъ узналъ его, извилъ себѣ вѣнецъ изъ вѣтви, и рука Господня приняла его душу... Когда Адамъ былъ погребенъ, изъ вѣнца выросло дерево: на немъ распяты были потомъ Спаситель...

«Странствованіе Сноа въ земной рай» было многомъ общезвѣстнымъ на востокѣ и на западѣ и одной изъ любимыхъ легендъ въ средніе вѣка (**). Западныя легенды развили гораздо обширнѣе эту тему и сдѣлали изъ нея цѣлую длинную исторію; главные ея пункты переданы и въ русскомъ памятникѣ, списокъ котораго находится въ Румянц. Сборникѣ XVII вѣка, № 380, гдѣ помѣщено сначала разсказанное нами «исповѣданіе» Еввы, а потомъ прибавлена (изъ другаго памятника) исторія трехъ деревьевъ, на которыхъ были распяты Спаситель и два разбойника. Мы возвратимся къ нимъ впоследствии.

Мѣстомъ смерти Адамовой наша Палея назначаетъ островъ Афулисъ; по другимъ апокрифическимъ извѣстіямъ, этотъ островъ былъ также и мѣстомъ, на которомъ Ной строилъ ковчегъ (***). Это одно изъ множества подобныхъ сближеній, какія очень любили дѣлать въ старину, тѣмъ больше, что они легко придумывались.

(*) *Migne*, тамъ же, стр. 309—310.

(**) *Migne*, тамъ же, стр. 387—390. *Fabricii, Vet. Test.* 1, стр. 81.

(***) Румянц. сборникъ № 367, л. 57 обор.

Мы не упомянули еще о томъ, какъ преданья рассказывали о Каннѣ и Авелѣ. Несторъ, въ известной проповѣди греческаго миссіонера, котораго онъ заставляетъ говорить съ Владиміромъ, уже воспользовался апокрифическимъ рассказомъ, который представляла славянская Палея. Сатана вошелъ въ Канна и подстрекалъ его убить своего брата; они вышли въ поле и Каннъ не зналъ, какъ совершить убійство.

«И рече ему Сотона: «возми камень и удари ѱ» Возьмъ камень и уби ѱ...»

«Адамъ же и Евга плачущася бѣста, и дьяволъ радовашеся, рѣка: «се, его же Богъ почти, азъ створихъ ему отпастн Бога, и се нынѣ плачь ему налѣзохъ». И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и не умѣста его погresti. И повелѣньемъ Божьимъ штенца 2 прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго и погребе ѱ. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму и вложиста Авеля, и погребоста съ плачемъ» (*).

Прямимъ источникомъ этого преданья была для нашего лѣтописца уже названная нами Палея, которая такимъ образомъ съ первыхъ временъ нашей письменности принесла съ собой апокрифическіе мѣфы. Тѣже мѣфы старинный читатель встрѣчалъ въ другихъ уважаемыхъ книгахъ и привыкалъ имъ вѣрить. Въ числѣ вопросовъ Аванасія Александрійскаго, писанныхъ къ князю Антиоху, и уже давно у насъ переведенныхъ, находится между прочимъ вопросъ: «Никому же еще не умрѣшу, откудѣ навькну Каннъ убити Авеля? Діаволъ ему во снѣ показа, кимъ образомъ умрѣтвити брата своего» (**). Въ старинныхъ «Бесѣдахъ» вставлено много вопросовъ этого рода, взятыхъ изъ сказанной нами апокрифической исторіи перваго человѣка, и эти вопросы, обращавшіе вниманіе на то, что было или казалось особенно эффектно и занимательно, получили огромную популярность между старинными грамотѣями. Отъ нихъ они по прямому наслѣдству перешли къ новымъ грамотникамъ и начетчикамъ, которые остались вѣрны «старымъ» книгамъ.

Преданья, которыя принесла въ русскую письменность Палея, принадлежали къ числу весьма древнихъ еврейскихъ мѣфовъ, которые въ позднѣйшую эпоху были собраны изъ воспоминаній народа и настав-

(*) Лѣтопись (изд. Арх. Комм.), 1, стр. 38.

(**) Румянц. рукопись № 435, листъ 564.

лений талмудистовъ, Съ распространеніемъ христіанства они вышли изъ своей прежде ограниченной сферы и нашли большой успѣхъ въ литературѣ среднихъ вѣковъ, которая принимала ихъ безъ дальнейшей критики. Талмудъ и библейскія преданія арабовъ—мусульманъ рассказываютъ совершенно сходно съ нашей исторіей, что когда Адамъ и Ева оплакивали Авеля и не знали, какъ похоронить его, тогда воронъ рѣшился научить ихъ: онъ убилъ другаго ворона вырылъ клювомъ яму и спряталъ тамъ убитаго. Еврейское преданіе прибавляетъ, что Богъ вознаградилъ за это ворона тѣмъ, между прочимъ, что съ тѣхъ поръ всегда дождь идетъ, когда кричатъ о немъ вороны (*).

Продолженіе библейской исторіи въ Палестинѣ постоянно перемежается съ апокрифическими подробностями. Она рассказываетъ и исторію о путешествіи Сноа въ рай, но рассказываетъ съ совершенно новыми подробностями, чѣмъ тѣ, которыя мы видѣли въ «исповѣданіи Евы». По ея разсказу, большой Адамъ посылаетъ Сноа въ рай за «масломъ отъ древа милванія», и когда Сноа пришелъ къ вратамъ Эдемскимъ, явился къ нему архангелъ Михаилъ, который предрекъ ему пришествіе Спасителя, который будетъ «олеемъ (т. е. елеемъ) милванія» для Адама и всѣхъ дѣтей его.

Адамъ жилъ во островѣ Афуліи, но по смерти его ангелы взяли его тѣло и погребли *посреди земли* въ Іерусалимѣ, «надъже распаша Господа, еже ся ирричаеть лобное мѣсто, еврейскы Голгофа» (**). Сноа, сынъ Адама, былъ мужъ праведный, ему даны были еврейскія письмена, и съ того времени началась грамота. Наша апокрифическая «Бесѣда» воспользовалась и этимъ свидѣніемъ и на вопросъ: «кому Богъ сослалъ первія грамоту?» отвѣчаетъ: «къ Сноу, сыну Адамову». Это преданіе пользовалось полнымъ авторитетомъ, и ученый Свидва занесъ его даже въ свой словарь. Палея говоритъ, наконецъ, что Сноа первый далъ имена звѣздамъ, временамъ года, лѣтамъ и мѣсяцамъ (***).

Были вѣроятно и другіе апокрифы объ Адамѣ, ходившіе въ старыя рукописяхъ и народныхъ преданьяхъ, но они не встрѣчались намъ; такова напр. статья, упомянутая въ статьѣ о ложныхъ книгахъ подъ именемъ «Лобъ Адамъ», и вѣроятно принадлежащая къ числу

(*) См. *Weil*, *Biblische Legenden* стр. 39. *Fabricii*, *Vetus Test.* 2. стр. 47—48.

(**) Ср. *Migne*, 1, стр. 34. *Fabricii*, *Vet. Test.* I, стр. 35.

(***) Ср. Григорія (Амартола) въ цитатѣ Мих. Галки. *Fabricii*, *ib.* I, 147. О названіи Сноовыхъ дѣтей—божьими, у Феодорита, *ibid.*, стр. 146.

преданій о древѣ креста. Въ той же статьѣ запрещается еще книга «Адамъ завѣтъ», которой мы также не находили въ рукописяхъ. Г. Буслаевъ видитъ ее въ одномъ старинномъ произведеніи, съ которымъ мы встрѣтимся дальше: «есть, говоритъ онъ, обширное сказаніе о завѣтѣ Адама, о его смерти, и о связи этихъ событій съ крестнымъ древомъ, подъ заглавіемъ, — *Слово о крестѣ честнѣмъ и о двою разбойничю; избраніе Григорія Богословца*». Онъ пересказываетъ этотъ мифъ въ своей книгѣ (*), изъ болгарской рукописи XVI в., принадлежащей проф. Григоровичу; но во всей этой статьѣ, рассказывающей объ исторіи креста Гоеподня, нѣтъ ни слова о *завѣтѣ*. Въ другомъ мѣстѣ г. Буслаевъ даетъ, кажется, названіе «завѣта Адамова» тому пророческому сновидѣнію Адама, о которомъ мы прежде упоминали (**); но г. Буслаевъ нигдѣ не говоритъ, чтобы эти статьи такъ названы были въ самыхъ рукописяхъ, и можетъ быть, что подъ этимъ именемъ въ статьѣ о ложныхъ книгахъ обозначалось другое особенное произведеніе, тѣмъ больше, что апокрифическая исторія креста упоминается въ статьѣ о ложныхъ книгахъ особо: *о древѣ крестномъ лано...* Въ апокрифическихъ книгахъ греческихъ и восточныхъ передавался между прочимъ именно завѣтъ, т. е. *завѣщаніе* Адама, которое вѣроятно и принималось въ нашей статьѣ. Такое завѣщаніе, извѣстное по сирійскимъ и арабскимъ рукописямъ, издалъ извѣстный ориенталистъ Эрнестъ Ренавъ. Завѣщаніе указываетъ часы дня и ночи, по которымъ распределялось мистическое поклоненіе божеству со стороны всего творенія, начиная отъ ангеловъ и демоновъ до неодушевленной природы; оно пересчитываетъ и описываетъ всѣ ангельскіе чины и ихъ обязанности, и сообщаетъ подробныя предсказанія, сдѣланныя Адамомъ Снеу, о потопѣ, о пришествіи Спасителя и будущемъ избавленіи. Снеъ записалъ этотъ завѣтъ; Адамъ умеръ и солнце и луна померкли на семь дней; Снеъ запечаталъ завѣщаніе и положилъ его въ «пещерѣ сокровищъ» вмѣстѣ съ золотомъ, ливаномъ и смирной, которые по восточному преданію Снеъ принесъ Адаму изъ рая. Нѣкогда волхвы должны были взять завѣтъ изъ пещеры и принести его вмѣстѣ съ дарами къ родившемуся Спасителю, въ вилоемскій вертепъ. Этотъ мифъ былъ извѣстенъ и византійской литературѣ; въ лѣтописяхъ Кедрина и Сил-

(*) Очерки 1, стр. 489—491.

(**) Очерки 1, стр. 616.

келла сохранились нѣкоторыя выдержки изъ содержанія этой ложной книги (*).

Упомянемъ еще произведеніе, связанное съ именемъ Адама, хотя и несоставляющее въ сущности ложной книги; это азбука Адамова, изобрѣтеніе позднѣйшихъ грамотѣевъ, неимѣющее никакого мнѣшескаго характера. Въ ней по буквамъ азбуки пресказана исторія Адама: въ одной рукописи XVII-го вѣка она начинается слѣдующимъ образомъ (**).

а—азъ нареченъ бысть Адамъ.

б—благослови его Богъ велелѣпотю славы его и вѣнцемъ украси его.

в—введе мя въ райскую эдему, на востокъ.

г—глаголя ему: отъ всѣхъ древъ яждь, отъ единаго ему заповѣда и проч.

Въ Румянцовскомъ сборникѣ (***), эта толковая азбука, едва понятна отъ безмыслищъ; она здѣсь нѣсколько подробнѣе и будто бы взята «отъ словесъ апостола Иванны Богослова». Въ заключеніе мы приводимъ въ своемъ изданіи любопытный памятникъ, извѣстный въ старинныхъ «Златоустахъ» подъ названіемъ: «Слово святыхъ апостолъ, иже отъ Адама во адъ къ Лазарю» (****). Это поэтическое обращеніе Адама заключеннаго въ аду, къ Спасителю, когда вѣсть о его пришествіи на землю достигла преисподней; четверодневный Лазарь дѣлается вѣстникомъ его ко Христу. Намъ этотъ памятникъ извѣстенъ по рукописи, XVI в., которая была сообщена намъ г. Забѣлинымъ.

Послѣ книги «Адамъ», наши старинные списки ложныхъ книгъ пересчитываютъ слѣдующія апокрифическія писанія «Енохъ, Ламехъ, Завети патриарстѣи; молитва Іосифова; Асенеозъ; Ельдадь и Модадь; заветъ Моисѣвовъ» и пр. Мы упоминали уже, что наши индексы ложной литературы, составленные по греческимъ образцамъ, называли иногда и такія книги, которыхъ никогда не было въ русской письменности. Въ самомъ дѣлѣ изъ приведенныхъ нами сейчасъ книгъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, одна только положительно существуетъ въ

(*) Ср. *Migne*, I, стр. 289—294. *Fabric*, I, 16—19.

(**) Сборн. публ. библ. XVII. F. № 23, л. 68.

(***) Сборн. № 380, л. 29—31.

(****) См. напр. царск. № 179.

русскихъ памятникахъ. Намъ остается слѣдовательно только объяснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе этого апокрифическаго цикла, и упомянуть другія, не названныя въ нашемъ спискѣ книги.

Произведеніе, обозначенное въ греческихъ индексахъ именемъ Еноха, упоминается уже въ посланіи апостола Іуды, но долго было извѣстно только по указаніямъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей и по отрывкамъ у Кедрина и Синкелла. Въ концѣ прошлаго столѣтія одинъ путешественникъ привезъ три рукописи этой книги изъ Абиссиніи; она была разобрана Сильвестромъ де-Саси и потомъ издана въ англійскомъ переводѣ Лауренсомъ (*). И тотъ и другой предполагали, что оригиналъ эіопской книги былъ написанъ на еврейскомъ языкѣ, или на одномъ изъ нарѣчій его, словомъ былъ палестинскаго происхожденія. За изданіемъ Лауренса послѣдовало много другихъ изданій и комментаріевъ книги, особенно нѣмецкихъ; французскій переводъ самой книги и диссертациі Лауренса напечатаны въ словарѣ апокрифовъ Миня (1, стр. 397—514).

Время перваго появленія книги еще не было кажется опредѣлено съ точностью, но многіе относятъ ея составленіе еще ко временамъ до Рождества Христова и тѣмъ больше даютъ ей исторической важности, что находятъ въ ней подтвержденіе древнихъ библейскихъ пророчествъ о Мессіи. Мистическое содержаніе книги не имѣетъ строгаго единства: въ ней заключается откровеніе данное Еноху о наградахъ праведниковъ и казни грѣшниковъ; рассказывается далѣе о соединеніи ангеловъ съ дщерями человѣческими, объ ихъ совѣщаніи и клятвѣ на горѣ Армонъ или Эрмонъ и происхожденіи гигантовъ; за тѣмъ о вознесеніи Еноха на небо, и его видѣніи, въ которомъ онъ видѣлъ Всемогушаго, видѣлъ небеса, преисподнюю и райскія жилища, и странствовалъ до краевъ вселенной; далѣе, новыя видѣнія, пророчество о потопѣ; наставленія о движеніи свѣтилъ, переданныя Еноху ангеломъ Уріиломъ, наконецъ сны и видѣнія, которыя Енохъ рассказываетъ своему сыну Маусаилу и т. д.

Въ нашихъ рукописяхъ не рѣдко встрѣчается коротенькая статья съ именемъ Еноха подъ заглавіемъ: «отъ книгъ Еноха праведнаго, прежде потопа». Самый старыи списокъ ея, указанный до сихъ, поръ находится въ сборникѣ Синодальной бібліотеки XV вѣка, № 202; въ нашемъ изданіи напечатанъ списокъ, относящійся къ началу XVII вѣ-

(*) The book of Enoch, by Laurence. Оксфордъ 1821.

на. Эта статья говорит отъ имени Еноха, и по своему тону и содержанию имѣетъ нѣкоторую связь съ апокрифической книгой Еноха, въ ея известной редакціи; но не смотря на то, въ этой послѣдней во все нѣтъ рѣчи, которую наши рукописи влагаютъ въ уста древняго пророка.

Енохова книга пользовалась въ первые вѣка христіанства большою известностью; о ней упоминаютъ или изъ нея выписываютъ очень многіе писатели того времени и византійскаго періода (*). Она вѣроятно существовала въ нѣсколькихъ редакціяхъ: по крайней мѣрѣ выписки изъ нея, сдѣланныя византійцемъ Синкелломъ, значительно отличаются отъ соотвѣстнаго имъ текста зоіонской книги; Оригенъ говоритъ какъ будто о нѣсколькихъ книгахъ, которыя носили у Евреевъ имя Еноха. Наша статья, безъ сомнѣнія переведенная съ греческаго, могла быть пересказомъ или извлеченіемъ изъ знаменитой въ то время книги. Впрочемъ для рѣшенія вопроса, было бы необходимо сравнить известные списки нашей статьи, и собрать другія известія объ этомъ апокрифѣ въ нашихъ рукописяхъ. Соловецкая статья о ложныхъ книгахъ именно упоминаетъ «о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и исписалъ 300 книгъ», о чемъ вовсе не говорится въ нашемъ отрывкѣ «отъ книгъ» праведнаго Еноха. Легко можетъ быть, что это известіе представляетъ другой слѣдъ Еноховой книги въ нашей древней письменности, и для будущихъ изслѣдованій мы укажемъ статью, въ сборникѣ Царскаго № 389, гдѣ на л. 522—545 помѣщена статья подъ заглавіемъ: «отъ потаенныхъ (т. е. апокрифическихъ, тайныхъ или таинственныхъ) книгъ, о *восхищеніи* Еноховѣ праведнаго». Хотя Строевъ и ссылается при этомъ на указанную выше короткую статью (напечатанную въ нашемъ изданіи), но судя по заглавію и величинѣ этой *потаенной* книги, это должно быть совершенно иное произведеніе, и вѣроятно то самое, о которомъ говорятъ соловецкій индексъ.

Замѣтимъ наконецъ, что въ другой синодальной рукописи, указанной въ описаніи Горскаго, Румянц. статья встрѣчается съ именемъ Іереміи пресвитера (болгарскаго?), котораго имя играетъ такую важную роль въ исторіи нашихъ апокрифовъ (**).

Трудно сказать, что означаетъ въ нашихъ запрещеніяхъ книга

(*) Ср. Fabricii, Vet. Test. 1, pag. 160—199.

(**) Описаніе Синод. рук., ч. 3, стр. 620—627.

Ламехъ, если это не было бессознательное повтореніе греческаго индекса. Соловецкая статья, любопытная тѣми объясненіями, которыя она прибавляетъ къ названіямъ ложныхъ книгъ, ставитъ здѣсь вмѣсто простаго имени Ламеха, — *книги Ламеховы*, — но подобнаго апокрифа мы не встрѣчали ни въ нашихъ памятникахъ, ни въ византійской литературѣ, — если не принять за цѣлый апокрифъ отдѣльнаго преданія о печальномъ убійствѣ Каина Ламехомъ. Это преданье, рассказано о Ламехѣ въ нашей Псалтѣ и въ главныхъ чертахъ совершенно сходно съ рассказомъ, который не разъ приводится у древнихъ писателей, Евтихія, патріарха Александрійскаго, у Меводія Патарскаго, Михаила Глики и т. д. (*).

Далѣе наша статья о ложныхъ книгахъ упоминаетъ книгу *Патріархи*. Греческій индексъ, снова повторенный здѣсь нашей статьей, понималъ подъ этимъ названіемъ или извѣстные «Завѣты», или апокрифическія завѣщанія двѣнадцати сыновей Іакова (**), или вмѣстѣ съ ними и завѣты трехъ болѣе древнихъ патріарховъ — Авраама, Исаака и Іакова: апостольскія постановленія именно упоминаютъ книгу этихъ *трехъ патріарховъ* (Const. Ap. кн. VI, гл. 16). Впрочемъ *три* патріарха были мало извѣстны, и въ послѣдствіи въ индексахъ чаще понимали подъ этимъ названіемъ тѣ Завѣты двѣнадцати патріарховъ, которые были извѣстны и въ нашей древней письменности.

Время составленія этихъ послѣднихъ въ точности еще неизвѣстно; уже очень давно думали, что они составлены были образованными по гречески Евреями, и слегка передѣланы первыми христіанами. Въ первые вѣка христіанства Завѣты были уже хорошо извѣстны. Другіе полагали, что они составлены были на еврейскомъ языкѣ, еще до Рождества Христова, и только впоследствии переведены на греческій языкъ. Они изданы были въ первый разъ въ 1532 г. Линкольномъ и снова напечатаны на греческомъ и латинскомъ языкахъ и съ комментаріями у Фабриція (1, 496—759). Содержаніе ихъ заключается обыкновенно въ предсказаніяхъ о судьбѣ еврейскаго народа и въ нравственныхъ житейскихъ правилахъ.

Славянскій переводъ Завѣтовъ принадлежитъ безъ сомнѣнія очень далекому времени и нерѣдко встрѣчается въ Псалтѣхъ и Ишарагахъ;

(*) Напр. Румянц. № 433, л. 42—43. Ср. Fabr., Vetus Test. 1, стр. 120—122, 223.

(**) *Δι' διαδέχας τῶν ἑβ' πατριάρχων.*

есть указаніе на списокъ Заветовъ 1261 года (*). По обширности цѣлаго памятника мы помѣстили въ своемъ изданіи только два первые изъ этихъ Заветовъ, по которымъ можно составить себѣ понятіе о характерѣ содержанія ихъ и самомъ переводѣ памятника.

Пересчитывая въ слѣдъ за греческимъ индексомъ апокрифическія исторіи ветхаго завета, наша статья забыла по обыкновенію упомянуть настоящее ложное сказанье о *Ное* (Памятн., стр. 17—19) въ сочиненіяхъ Меодія Патарскаго, извѣстныхъ еще древнему нашему лѣтописцу. Несмотря на баснословный характеръ ихъ, статья наша причисляла постоянно Меодія къ книгамъ истиннымъ. Это сказаніе о Ноѣ передается въ статьѣ Меодія, подъ заглавіемъ «Слово о созданіи Адама, и о второмъ пришествіи, и о Михаилевѣ царствѣ, и о Антихристѣ» (такъ въ Толст. 2, 229), чрезвычайно извѣстной въ старину и имѣющей различныя редакціи. Меодій рассказываетъ, что когда Ной по повелѣнію ангела началъ тайно строить ковчегъ на горѣ, то дьяволъ, искони ненавидящій человѣческому роду, подстрекалъ жену его узнать, куда ходитъ ее мужъ. Чтобы вѣрнѣе успѣть въ этомъ, онъ велѣлъ ей взять травы, которая вѣтается около дерева, заквасить съ мукой и напоить Ноя, — новая легенда о происхожденіи хмѣльнаго питія. Жена Ноя исполняла наставленіе и ласкалась къ повеселѣвшему мужу, узнала его тайну; и когда на другой день Ной поднялся на гору, онъ увидѣлъ, что ковчегъ, который онъ строилъ семь лѣтъ, разрушенъ. Это было божіе наказаніе за нарушеніе заповѣди. Тогда Ной надѣлъ *власяницу*, сорокъ лѣтъ не прикасался къ своей женѣ и въ это время снова выстроилъ ковчегъ. Ангелъ велѣлъ ему войти въ ковчегъ со всѣмъ семействомъ и далъ ему бильцо: Ной, ставши у ковчега, началъ бить въ него, и бильцо всякимъ языкомъ звало животныхъ, и они шли въ ковчегъ изъ воздуха и изъ пустынь. Это преданье о *бильѣ*, часто замѣнявшемъ въ старину колокола, повторяется и Палея; по разсказу ея ангелъ также даетъ Ною било, — «и удары (Ной) въ било, слышавше же гласъ той и собравшася къ нему звѣріе и скоты, и птица, и гады, и *прочіи народи* отъ четырехъ концевъ (**)». Эти *прочіи народы* довольно забавны.

Въ это время дьяволъ опять искусилъ жену Ноя и велѣлъ ей войти въ ковчегъ только тогда, когда Ной скажетъ ей: «поди, діа-

(*) См. *Оболенскаго*, Переясл. лѣтоп., предисл., стр. 22, 29.

(**) Румянц. Палея 1494 г., л. 44.

воде, въ ковчегъ», — тогда онъ надѣялся и самъ попасть въ ковчегъ, куда не могъ проникнуть иначе. Такъ и случилось. Собирая население ковчега, Ной долго звалъ свою жену, наконецъ сказалъ съ гнѣвомъ эти слова, и дьяволъ въ пазухѣ жены его вошелъ въ ковчегъ. Тогда начался потопъ, оттого, — что тридцать китовъ сошли въ морѣ отъ своихъ мѣстъ и открыли *морскія оконца*. Вода поднялась выше горъ *аравицкихъ* — весьма извѣстныхъ въ нашихъ сказочныхъ преданіяхъ, — все живущее на землѣ погбло, и дьяволъ задумалъ погубить и остальныхъ людей: онъ превратился въ мышъ и началъ грызть дно ковчега; Ной помолился Богу, лютой звѣрь левъ *прыснулъ* (чихнулъ), и къ ноздрей его выскочили котъ и кошка и удавили мышъ. Дьявольское злоумышленіе не удалось.

Это ложное преданіе рукописи очень вѣрно передается въ народномъ разсказѣ, который г. Якушкинъ записалъ въ Орловской губерніи; перешначено только послѣднее приключеніе: именно, дьяволъ спокойно просидѣлъ все время въ ковчегѣ и вышелъ потомъ на землю; этимъ и объясняется, что «*потопа* прошла, а грѣхъ остался» (*). Въ другой также народной редакціи, этотъ конецъ снова передѣланъ, опять въ особенномъ смыслѣ: попавши въ ковчегъ, дьяволъ обернулся мышью и проточилъ дно, но *ужъ* заткнулъ отверстие своей головой и ковчегъ уцѣлѣлъ. Это должно объяснять, почему въ народѣ считается грѣхомъ убить ужа (**).

Сомнѣнне въ истинности разсказовъ Мееодія Патарскаго рѣдко обнаруживается въ старину; книги Мееодія, какъ мы замѣтили, считались обыкновенно истинными; иногда совѣтовали въ отношеніи къ нимъ нѣкоторую осторожность, и только въ соловецкой редакціи статьи о ложныхъ книгахъ мы встрѣтили до сихъ поръ отзывъ о Мееодіи, прямо неодобрительный. Статья такими словами указываетъ ложные пункты Мееодіевыхъ писаній: «слово Мееодія епископа паторимскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ *Мунтъ*, сынъ Ноевъ, и три гѣта земли горѣти», — послѣднее относится къ концу упомянутаго слова Мееодія, гдѣ говорится о послѣднихъ дняхъ и о второмъ пришествіи; но преданіе о построеніи ковчега и здѣсь неупомянуто.

Что касается до *Мунта* или *Монда*, которому приписывалось

(*) Лѣтописи р. лит. и древн., Тиховр., 2, 102.

(**) Аванасьева, Народн. легенды, стр. 51.

изобрѣтеніе астрономіи, гонимой древними моралистами,—онъ былъ въ числѣ многихъ сыновей Ноя, которые не показаны въ его семействѣ потому, что родились уже послѣ потопа. Въ греческихъ памятникахъ онъ называется Монетономъ (*).

Изъ такихъ же греческихъ источниковъ взяты разныя редакціи нашихъ сказаній о *Мельхиседекѣ*, которыя также не занесены въ статью о ложныхъ книгахъ. Главнымъ изъ этихъ произведеній было «слово» Аванасія Александрійскаго, весьма часто встрѣчающееся въ прологахъ (22 мая), Палеяхъ и сборникахъ (**). Содержаніе статьи, какъ замѣтитъ читатель, имѣетъ нѣкоторое сходство съ началомъ Уврамова «откровенія», о которомъ мы упомянемъ ниже. Мельхиседекъ представляется сыномъ царя-идолопоклонника Мельхила, и также какъ Авраамъ сомнѣвается въ истинности языческихъ боговъ. Когда Мельхилъ послалъ его однажды за тельцомъ для жертвоприношенія, Мельхиседекъ на пути взглянулъ на небо, и помывшись о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, убѣдился, что жертву слѣдуетъ приносить не идоламъ, а зиждителю этихъ свѣтилъ. Когда онъ вернулся домой безъ тельцовъ и началъ убѣждать отца поклониться истинному Богу, отецъ пришелъ въ ярость и хотѣлъ съжечь Мельхиседека въ жертву своимъ богамъ; но providѣніе спасло Мельхиседека. Онъ удалился на гору Фаворъ, принесъ молитву Богу, чтобы онъ наказалъ идолопоклонниковъ и земля пожрала ихъ. Оттого Мельхиседекъ называется «безъ отца и безъ матери»; отъ рода его не осталось памяти. Послѣ того онъ семь лѣтъ молился на Фаворѣ, не носилъ одежды, питался корой; наконецъ Богъ послалъ къ нему Авраама и Мельхиседекъ благословилъ его. Впослѣдствіи, когда Авраамъ воротился «отъ съчи съ царями», Мельхиседекъ принесъ чашу неразвореннаго (водой) вина и уломокъ хлѣба для Авраама и людей его, которыхъ было 318. Приношеніе его было прообразованіемъ христіанской жертвы, а число людей Авраама предвѣщало число святыхъ отцовъ собравшихся на соборъ въ Никей.

Статья Аванасія предшествуетъ обыкновенно «память» Мельхиседека, повторяющая вкратцѣ почти тоже самое. Наконецъ Палея приводитъ изъ Феодорита баснословную генеалогію Мельхиседека, въ ко-

(*) *Μονήτων ὁ τοῦ Νῆε υἱός.. πρῶτος ἀστρονομίας τέχνην ἐράρειν.* См. Fabric.. V. Test. 1, 276.

(**) Напр. въ Румянц. рукописяхъ XV-го вѣка № 42, 321 (Прологи), 433 (Палея), и множество списковъ болѣе позднихъ.

теру ю вставлены гигантъ Невротъ, Нинъ и Семирамида, цари персидскіе и египетскіе. Подлинникъ статьи Аванасія приведенъ въ книгѣ Фабриція, гдѣ можно найти извѣстія объ этомъ апокрифѣ (*). Варианты нашей статьи съ греческимъ памятникомъ очень незначительны.

Переходимъ къ апокрифическому *Апокалипсису Авраама*. Къ сожалѣнію, мы должны были ограничиться въ своемъ изданіи однимъ отрывкомъ его, потому что у насъ не было подъ руками полного и вѣрнаго списка его. Литературная исторія Аврамова Апокалипсиса любопытна въ особенности по отношенію къ общей исторіи апокрифическихъ памятниковъ христіанства: онъ до сихъ поръ оставался очень мало извѣстенъ историкамъ этой литературы и нашъ памятникъ впервые объяснитъ содержаніе этого «Откровенія».

Наша статья о ложныхъ книгахъ не знаетъ однако этого памятника; какъ въ другихъ случаяхъ называла она вещи, не существовавшія въ нашей письменности, такъ здѣсь она не замѣтила ложной книги,—помѣщавшейся въ «Палей», которую статья одобрила.

Книга съ именемъ Авраамъ упоминается въ нѣкоторыхъ греческихъ индексахъ, напр. у Аванасія и Никифора Константинопольскаго, и подъ это названіе подводили различные апокрифы и ложнонаписанныя книги съ именемъ этого патріарха. Въ числѣ ихъ называли и Апокалипсисъ Авраама, о которомъ упоминаетъ Епифаній въ своемъ сочиненіи о ересяхъ (XXXIX, 5): онъ говоритъ именно, что у еретиковъ Сноянъ были книги, сочиненныя ими подъ именами великихъ мужей, и между прочимъ книга съ именемъ Авраама, которую они выдаютъ за его Апокалипсисъ. Ученый Фабрицій не зналъ этого произведенія; издатель французскаго «Словаря апокрифовъ» также не сообщаетъ о немъ никакихъ ближайшихъ извѣстій,—такъ что нашъ памятникъ едва ли не впервые положительно открываетъ древнюю еретическую книгу Сноянъ. Старо-славянскій переводъ «Откровенія» Авраама извѣстенъ въ весьма древнихъ спискахъ, но до сихъ поръ изъ него былъ изданъ только отрывокъ въ нѣсколько строкъ по Сильвестровской рукописи XIV столѣтія, послужившей для изданія житія Бориса и Глѣба (**); другой старый списокъ XVI ст. на-

(*) Fabric., V. Test. I, 311—320. Греческій текстъ взятъ изъ изданія Аванасія, Монокона.

(**) *Святописательскаго*, сказаніе о св. Б. и Глѣбѣ, въ предисл.

ходится въ рукописи Царскаго № 286. Мы заимствовали свой текстъ изъ Румянцовской Палеи, гдѣ онъ по обыкновенію слѣдуетъ съ другими сказаньями и помѣщенъ подъ общимъ заглавіемъ: «книги о Авраамѣ праотца и патриарха». Настоящее названіе этого *Дюкалмиса* сохранилось однако въ упомянутыхъ Селивестровомъ *Сборникѣ* и въ рукописи Царскаго: «книги *откровленія* Авраамѣ, сына Ферина» и проч. Текстъ въ первой половинѣ XIV вѣка былъ уже значительно испорченъ, но языкъ отличается весьма древними особенностями, такъ что первоначальное появленіе славянскаго памятника необходимо отнести къ еще болѣе отдаленной эпохѣ.

Не имѣя подъ руками удовлетворительнаго списка цѣлаго «Откровенія», мы ограничились изданнымъ отрывкомъ, котораго будетъ достаточно для объясненія литературной судьбы этого памятника. Эта часть «Откровенія» рассказываетъ о томъ, какимъ образомъ Авраамъ первый среди язычниковъ оставилъ идольское служеніе и позналъ истиннаго Бога, который открылъ ему себя и повелѣлъ оставить домъ отца—язычника. Отецъ его поклонялся идоламъ, слѣзаннымъ изъ дерева, камня и металловъ; когда они разбивались, онъ дѣлалъ новыхъ. Испытывая силу этихъ боговъ, Авраамъ бросалъ ихъ въ рѣку и старался убѣдить отца въ слабости его боговъ, которые не могутъ помочь самимъ себѣ; въ другой разъ Авраамъ поставилъ такого бога раздвѣять огонь, на которомъ онъ приготовилъ своему отцу «брашно», но когда Авраамъ отлучился, то богъ упалъ въ огонь и обгорѣлъ,—но это также не подѣйствовало на его отца. Вслѣдствіе этого Авраамъ такъ разсуждалъ объ истинномъ Богѣ: онъ начинаетъ съ огня, который разрушаетъ и то, что не принадлежитъ ему,—но Авраамъ не признаетъ его богомъ, потому что его одолеваетъ вода, которая слѣд. *честнѣе* его; честнѣе воды земля, останавливающая воды,—потомъ солнце, иссушающее землю, дальше звѣзды и мѣсяць; наконецъ, онъ признаетъ Богомъ того, кто убагрилъ небеса, озолотилъ солнце, освѣтилъ луну и звѣзды, иссушилъ землю среди водъ и сотворилъ человѣка. Отецъ не слушалъ убѣжденій. Тогда Авраамъ рѣшился «искусить» боговъ своего отца и зажечь храмъ, гдѣ они стояли; братъ его Аронъ бросился помогать богамъ, «вымчать» ихъ, но и самъ сгорѣлъ съ ними. Онъ былъ первый человѣкъ, который умеръ прежде своего отца, и только послѣ этого дѣти стали умирать раньше своихъ отцовъ. Наконецъ Богъ явился Аврааму, повелѣлъ ему оставить домъ язычника—отца, и когда Авраамъ вышелъ,—небес-

ный огонь сжегъ домъ его и все, что было въ домѣ и землю на сорокъ локтей.

Таково содержаніе изданнаго нами отрывка. Древній лѣтописецъ былъ уже знакомъ съ этимъ апокрифическимъ разсказомъ—такъ далека его древность въ нашей письменности. Несторъ вставилъ нѣкоторыя подробности его въ извѣстную проповѣдь греческаго миссіонера, приходившаго ко Владиміру. Сличивши его разсказъ объ Авраамѣ съ нашимъ текстомъ, читатель легко узнаетъ буквальную выписку изъ «Откровенія» (*).

Греческій оригиналъ нашего памятника, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ не только не изданъ, но и не указанъ историками апокрифической литературы, такъ что нашъ памятникъ до сихъ поръ есть единственный слѣдъ, оставшійся отъ этого произведенія. Источникъ Авраамова Апокалипсиса, существовавшего по словамъ Епифанія у Сивоня, заключался, конечно, не въ этой христіанской ереси, а въ богѣ древнихъ восточныхъ преданьяхъ. Эти преданья вообще съ особенной любовью останавливались на личности патріарха, въ первый разъ говорившаго объ истинномъ Богѣ между язычниками. Аврааму приписывалось на востокѣ много разныхъ книгъ глубокаго и таинственнаго содержанія, напр. книги о магіи, идолопоклонствѣ, мистическія книги о твореніи міра, его «завѣтъ»; ему приписывали дальше изобрѣтеніе астрологій, названій двѣнадцати мѣсяцевъ; онъ первый наученъ былъ ангелами еврейскому языку и т. д. Огромной славой Авраамъ пользовался и у народовъ мусульманскихъ, какъ отецъ Измаила, отъ котораго они ведутъ свое происхожденіе. Библейскія народныя легенды, собранныя въ позднихъ еврейскихъ и арабскихъ книгахъ, разсказываютъ о немъ длинную исторію, въ которой Авраамъ считается современникомъ мнѳическаго Нимрода и въ преданьяхъ которой нельзя не видѣть связи съ апокрифическимъ «Откровеніемъ».

Эти преданья разсказываютъ, что когда Авраамъ родился, язычникъ-царь Нимродъ который требовалъ отъ своихъ подданныхъ, чтобы они поклонялись ему какъ Богу,—видѣлъ во снѣ звѣзду, помрачившую солнце и луну: свотолкователи объяснили ему, что родится мальчикъ, который лишитъ его престола и поклоненія людей. Нимродъ тотчасъ же, какъ Иродъ, велѣлъ истребить всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, но мать успѣла скрыть новорожденнаго Авраама

(*) Лѣтопись, 1 стр. 39.

въ уединенной пещерѣ; она только изрѣдка приходила къ нему, потому что Богъ посылалъ ему небесную пищу. Когда Авраамъ въ первый разъ вышелъ изъ пещеры, онъ увидѣлъ одну прекрасную звѣзду: «вотъ мой Богъ,—сказалъ онъ,—который кормилъ и поилъ меня въ пещерѣ». Но скоро явилась въ полномъ блескѣ луна и затемнила звѣзду; тогда онъ сказалъ: «это вовсе не Богъ; я буду поклоняться лунѣ». Къ утру луна поблѣднѣла и взошло яркое солнце, но и солнце къ вечеру скрылось за горизонтомъ. Авраамъ сталъ спрашивать о Богѣ свою мать; она сказала ему о Нимродѣ, но Авраамъ отказался поклоняться ему,—онъ зналъ уже истиннаго Бога. Арабская исторія говоритъ и о жизни Авраама въ домѣ идолопоклонника—отца, но вариантъ ея довольно далекъ отъ нашего текста. Нѣсколько ближе эта исторія передается въ чисто еврейскихъ легендахъ, которыя были, конечно, прямымъ источникомъ и для мусульманскихъ преданій и для еретической книги Слѣянь.

«Терахъ былъ идолопоклонникъ,—говорить одна изъ нихъ,—однажды онъ отлучился и велѣлъ Аврааму продавать вмѣсто себя идоловъ. Когда приходилъ къ нему попушникъ, Авраамъ спрашивалъ его, сколько ему лѣтъ, и когда тотъ отвѣчалъ: мнѣ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то онъ говорилъ: горе человѣку шестидесяти лѣтъ, который хочетъ молиться дѣлу одного дня! И попушникъ уходилъ пристыженный. Однажды пришла къ нему женщина съ блюдомъ хлѣбовъ и сказала: вотъ! поставь передъ ними! Но онъ взялъ палку, разбилъ идоловъ и потомъ вложилъ палку въ руку самому большому изъ нихъ. Отецъ возвратившись спросилъ его, что онъ сдѣлалъ?

— Что мнѣ опираться, отвѣчалъ Авраамъ: приходила женщина съ блюдомъ хлѣбовъ и велѣла отдать имъ. Когда я сдѣлалъ это, то каждый изъ нихъ хотѣлъ первый ѣсть хлѣбы и тогда самый большой изъ нихъ всталъ и разбилъ ихъ палкой.

Но Терахъ сказалъ:

— Что ты выдумываешь? Развѣ они имѣютъ сознаніе?

— Развѣ уши твои не слышатъ, что говорятъ твои уста, спросилъ Авраамъ.

Тогда Терахъ взялъ его и передалъ Нимроду. Этотъ сказалъ ему:

— Оставь насъ поклоняться огню!

— Лучше же вамъ поклоняться водѣ, которая тушитъ огонь.

— Ну водѣ.

— Такъ лучше облакамъ, которыя носятъ воду.

— Хорошо, облакамъ.

— Лучше вѣтру, который разсвѣваетъ облака.

— Ну, вѣтру.

— Лучше же человѣку, который выноситъ вѣтеръ.

— Ты только болтаешь, сказалъ Нимродъ. Я поклоняюсь огню и

брошу тебя въ огонь; пусть освобождаетъ тебя изъ него Богъ, котораго ты почитаешь.

Авраамъ брошенъ былъ въ пылающую печь, но былъ спасенъ изъ нея».... (*)

Съ нѣкоторыми вариантами почти всѣ эти подробности находятся въ еврейской книгѣ *Ишаръ* или «Книгѣ вѣрнаго», которая заключаетъ въ себѣ богатое собраніе ветхозавѣтныхъ, еврейскихъ легендъ и теперь въ первый разъ переведена въ «Словарѣ апокрифовъ» аббата Миня (т. 2, р. 1103 и слѣд.). Такимъ образомъ зародыши «Откровенія» несомнѣнно относятся къ древнимъ легендамъ еврейскаго народа. Вмѣстѣ съ множествомъ другихъ апокрифическихъ преданій они перешли и въ христіанство,—Апокрифы еврейскаго происхожденія вообще хорошо были извѣстны византійскимъ писателямъ и автору Пален, въ которой встрѣчается Авраамово «Откровеніе»;—какъ видно, содержаніе его было близко извѣстно византійцамъ Свидѣ и Синкеллу (**). Во время броженія ересей, Апокалипсисъ Авраама нашелъ особенную вѣру у Сноянъ и сталъ окончательнo еретической книгой. Христіанскіе учителя внесли ее въ индексъ и запретили ея чтеніе. Но этого запрещенія не было въ тѣхъ греческихъ индексахъ, которыми руководились составители нашей статьи о ложныхъ книгахъ, и она почти всегда ускользала отъ запрещеній. Мы уже говорили, что точно также ускользали отъ нихъ и многія другія ложныя книги.

Съ другой стороны статья до поздняго времени продолжала запрещать книги «Асенеоъ», «Ельдадъ и Модадъ», которыя по видимому никогда не бывали въ русской письменности. Большая часть нашихъ индексовъ пропускаютъ—впрочемъ эти имена, и безъ сомнѣнія именно потому, что на дѣлѣ они ничего не напоминали русскому грамотнику. Ихъ опять приводитъ однако составитель Соловецкаго списка, очевидно старавшійся собрать въ немъ все запретное и ложное, что только зналъ или слышалъ.

Асенеоъ (Α'σενε'ος) по книгамъ апокрифическимъ была дочь геліопольскаго жреца Пентефрія, совѣтника Фараона, и жена Іосифа. По видимому, преданье смѣшало отчасти этого Пентефрія съ тѣмъ, жена котораго соблазнила Іосифа. Асенеоъ была необыкновенная красавица; кромѣ отца, ее никогда не видѣлъ ни одинъ мужчина; она презирала

(*) См. Geiger, Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? стр. 124. Weil Bibl. Legenden der Muselmänner, 68—72.

(**) Fabric. V. Test, 1, 336 и слѣд.

мужчинъ и хотѣла отдаться только царскому сыну. Когда Іосифъ, ставшій уже первымъ другомъ и совѣтникомъ Фараона, собиралъ въ плодородные годы хлѣбъ на будущее голодное время, онъ былъ по этому и у Пентефрія; гордая Асенеоъ увидѣла его и увлеклась его красотой, но Іосифъ упрекнулъ ее идолопоклонствомъ. Тронутая укоромъ Асенеоъ отреклась отъ своихъ ложныхъ боговъ; она окончательно предалась истинному Богу, когда ея раскаяніе было услышано и ангелъ явился къ ней на небесной колесницѣ съ привѣтствіемъ. При новой встрѣчѣ съ Іосифомъ, она открылась ему, и Іосифъ на ней женился.

На этомъ основана исторія Асенеоъ,—прекрасный маленькій романъ съ чисто восточными красками и фантазіей. Этотъ библейскій романъ былъ довольно извѣстенъ и средневѣковой Европѣ: Винцентій Бовесскій вставилъ его въ свое латинское «Историческое зеркало» (I. 2, с. 118); у нѣмцевъ также была *Liebliche Historia Assenath*. Греческій и латинскій тексты ея оба изданы въ книгѣ Фабриція объ апокрифахъ Ветхаго Завѣта (*). Наши памятники знали Асенеоъ кажется только по имени; хронографы рассказываютъ только, что «Фараонъ даетъ Іосифу жену Асенеоъ — (въ Палеѣ 1494 г. Асенеа), дочь Пентефріеву іерея, еже есть владыки солнечнаго града» и пр.

Въ нашей письменности неизвѣстна была кажется и та апокрифическая *молитва Іосифова*, названіе которой перенесено было въ нашу статью изъ греческаго индекса, и которая во многихъ спискахъ неправильно называется Синовою молитвой. Этотъ апокрифъ считаютъ произведеніемъ александрійскихъ евреевъ или первыхъ христіанскихъ сектъ; Оригенъ приводитъ изъ него отрывки. Содержаніе этой молитвы въ точности неизвѣстно; одни считали ее молитвой самого Іосифа,—но такъ какъ въ извѣстныхъ отрывкахъ выводится говорящимъ самъ Іаковъ, то думали, что это было благословіе, которое давалъ своему сыну умирающій Іаковъ. Ученые богословы стараго времени находили въ ней слѣды неоплатонизма или же ученіе еврейскихъ каббалистовъ (*). Въ нашей старинной Палеѣ также есть «молитва Іосифова» (напр. Румянц. № 453 л. 94), въ которой онъ проситъ Бога объ избавленіи отъ нечестивства жены Пентефрія, и обращаясь къ Іакову, проситъ его заступленія предъ Богомъ. Молитва начинается слѣдующими словами:

(*) V. Test. 1, 774—784; 2, 85—102.

(*) Fabric. 1, 761.

«Боже отец нашихъ, Авраамовъ, Исааковъ, Иаковль, избави мя отъ звѣри сего, се бо якоже самъ видиши неистовство жены сеа, како мя хошетъ убити таи» и проч.

По всей вѣроятности это есть совершенно особое произведеніе, не имѣющее связи съ упомянутымъ апокрифомъ.

Наша статья упоминаетъ наконецъ имена *Ельдадь* и *Модадь*. Имена эти приводятся и въ древнемъ спискѣ пророковъ, которыхъ пророчества не сохранились. Это были два человѣка изъ числа семидесяти двухъ мужей, которыхъ Моисей выбралъ для управленія народомъ, когда онъ призвалъ ихъ къ священному жертвеннику, они отказались идти къ нему, считая себя недостойными, и тогда, въ награду за смиреніе, на нихъ сошелъ духъ пророчества. Отсюда кто-то въ древности взялъ поводъ составить апокрифическую книгу ихъ пророчествъ, теперь уже неизвѣстную. Эта книга, обозначаемая ихъ именами, упомянута была въ греческихъ индексахъ, напр. у Аванасія, Никифора Константинопольскаго, затѣмъ у Никона Черногорца и въ томъ спискѣ апокрифовъ, который находится въ сборникѣ Святослава; изъ этихъ послѣднихъ источниковъ запрещеніе книги попало и въ разныя редакціи статьи о ложныхъ книгахъ. По однимъ извѣстіямъ Ельдадь и Модадь пророчествовали о смерти Моисея въ пустынѣ и предводительствѣ Исуса Навина; по другимъ—объ иныхъ событіяхъ, напр. о Гогѣ и Магогѣ...

Изъ приведенныхъ теперь примѣровъ читатель могъ уже видѣть нѣкоторыя черты старинной ложной литературы, съ которыми мы послѣ познакомимся еще ближе. Ложныя книги, напр. разсказъ о твореніи міра и первомъ человѣкѣ, давно уже и глубоко проникали въ народныя представленія и создавали въ понятіяхъ массы новую космогонію. Чуженародный элементъ, именно византійскій, сильно дѣйствовалъ при этомъ на характеръ религіозныхъ представленій и, слѣдовательно, налагалъ на народность особенныя черты, вошедшія потомъ въ ея сущность. Такимъ образомъ исторія самой народности, т. е. ея измѣненій и переходъ отъ однихъ свойствъ къ другимъ, начинается уже съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, съ которыхъ мы можемъ указывать вліяніе христіанства, Византіи и ложныхъ книгъ. Въ это время, съ первыхъ ложныхъ памятниковъ уже начинается создаваться то популярное христіанство, о которомъ мы говорили прежде, и которое должно было составить впоследствии сущность религіозныхъ понятій рас-

каза. Наконецъ въ неопредѣленности обозначенія ложныхъ книгъ, мы могли бы замѣтить слѣды той неясности догматическую положеній, которой не были чужды въ древней Руси даже официальные благовѣстители вѣры, и которая поэтому такъ легко могла въ перазантой мѣстѣ дойти до самыхъ странныхъ представленій.

Въ слѣдующей статьѣ мы кончимъ нашъ обзоръ ложныхъ книгъ ветхозавѣтной исторіи и перейдемъ къ новозавѣтнымъ преданьямъ.

А. ПЫПИНЪ.

Русскій Донъ-Кихоть. (Сочиненія И. В. Кирѣевского I и II т. Москва. 1861 годъ.)

I.

Ничто не можетъ быть безцвѣтнѣе и неопредѣленнѣе общихъ выраженій: обскурантъ, прогрессистъ, либералъ, консерваторъ, славянофилъ, западникъ; эти выраженія нисколько не характеризуютъ того человѣка, къ которому они прикладываются; они надѣваютъ непрошеный мундиръ на его умственную личность и, вмѣсто живаго человѣка, мыслящаго и чувствующаго по-своему, показываютъ намъ неподвижную вывѣску замкнутаго круга убѣжденій. Чѣмъ даровитѣе и замѣчательнѣе разсматриваемая личность, тѣмъ пошлѣе кажутся мнѣ общіе эпитеты, прилагаемые къ ней такими критиками, которые не хотятъ или не умѣютъ вдуматься въ ея личныя особенности, прослѣдить ея индивидуальное развитіе и, такимъ образомъ, вмѣсто голаго термина дать оживленную характеристику.

Еслибы подойти къ сочиненіямъ И. В. Кирѣевского такъ, какъ подошелъ къ нимъ критикъ Современника, то съ нимъ порѣшкить было бы очень не трудно. Причислить его къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ вовсе не мудрено; за цитатами дѣло не станетъ;

изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ покоробить самага невзыскательнаго читателя; ну, стало быть и толковать нечего; приведемъ полдюжины самыхъ пахучихъ выписокъ, поглумился надъ каждою въ отдѣльности и надъ всѣми въ совокупности, поспорилъ для виду съ авторомъ, давая ему чувствовать все превосходство своей логики и своихъ воззрѣнй, завершилъ рецензію общимъ прогрессивнымъ заключеніемъ и дѣло готово—статья идетъ въ типографію.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Напасть то Кирѣвскаго не трудно, да толку то въ этомъ мало. Бороться съ нимъ не зачѣмъ, потому что его дѣятельность уже принадлежитъ прошедшему; если же мы останавливаемся на немъ, какъ на совершившемся фактѣ, то мы должны или объяснить его по мѣрѣ силъ, или сознаться въ томъ, что мы объяснять не умѣемъ; а поработать надъ объясненіемъ личности Кирѣвскаго, какъ любопытнаго психологическаго факта—право стоить. Друзья и единомышленники Кирѣвскаго скажутъ, конечно, что его слѣдуетъ изучать, какъ мыслителя, что его должно уважать, какъ двигателя русскаго самосознанія, что принесенная имъ польза будетъ оцѣнена послѣдующими поколѣніями. Съ подобными мнѣніями согласиться невозможно: Кирѣвскій былъ плохой мыслитель,—онъ боялся мысли; Кирѣвскій никуда не подвинулъ русское самосознаніе, онъ даже не затронулъ его; его статьи никогда не производили впечатлѣнія; ихъ читали мало, и теперь ихъ совсѣмъ забыли, несмотря на то, что послѣдняя изъ нихъ была написана всего лѣтъ семь тому назадъ; пользы Кирѣвскій не принесъ никакой, и если послѣдующія поколѣнія по какому нибудь чуду запомнятъ его имя, то они пожалѣютъ только о печальныхъ заблужденіяхъ этого даровитаго человѣка. Еслибы Кирѣвскому удалось составить себѣ обширный кругъ читателей и приобрести себѣ значеніе въ литературѣ, то влияние его идей составило бы самый яркій антагонизмъ съ пропагандою Бѣлинскаго. Всякому честному дѣятелю литературы пришлось бы воевать съ нимъ всѣми силами своего пера; противъ него поднялись бы всѣ люди, сколько нибудь дорожащіе мыслию; за него стали бы только люди очень органиченныя или очень недобросовѣстные. А самъ Кирѣвскій былъ человѣкъ очень не глупый и въ высшей степени добросовѣстный — отчего же онъ хотѣлъ остановить разумъ на пути его развитія? Отчего онъ порывался поворотить его назадъ къ младенческимъ его годамъ? Вотъ въ этихъ-

то пунктахъ и заключается психологическій интересъ тѣхъ вопросовъ, на которые наводитъ чтеніе сочиненій Кирѣевского и приложенныхъ къ нимъ матеріаловъ для его біографіи.

II.

И. В. Кирѣевскій родился въ 1806 году и выросъ въ деревнѣ своихъ родителей. Отецъ его умеръ, когда ему было шесть лѣтъ, а мать его, черезъ 5 лѣтъ послѣ смерти своего мужа, вышла замужъ за Елагина. Молодой Кирѣевскій привязался къ своему вотчину и выросъ подъ его вліяніемъ. Доброе согласіе его съ своимъ семействомъ продолжалось во время всей его жизни; ему не пришлось относиться критически къ личностямъ своихъ родственниковъ, и поэтому онъ не испыталъ того тяжелаго разочарованія, которое переживаютъ почти всѣ люди, начинающіе мыслить. Вѣроятно, дѣтство Кирѣевского оставило въ его душѣ самое свѣтлое воспоминаніе; до конца жизни онъ дорожилъ тѣми лицами, которыя управляли его первоначальнымъ воспитаніемъ; его совершенно удовлетворяли ихъ педагогическіе приемы, ихъ воззрѣнія на жизнь, ихъ отношенія къ разнымъ практическимъ и теоретическимъ вопросамъ; одобряя ихъ понятія, Кирѣевскій самъ успокоивался на нихъ и не чувствовалъ необходимости стремиться къ чемунибудь болѣе разумному; спокойно и пріятно проведенное дѣтство вмѣстѣ съ неизгладимыми воспоминаніями оставило въ его умѣ такой густой осадокъ допотопныхъ идей, котораго не могли сдвинуть съ мѣста ни житейскія волненія, ни теоретическія размышленія. Любознательность Кирѣевского была очень велика—онъ много читалъ, серьезно задумывался надъ прочитаннымъ, но какъ только вычитанныя идеи начинали разрушать образы, населявшіе его дѣтство, такъ онъ отстранялъ ихъ прочь, чистосердечно называя ихъ заблужденіями и не считая даже нужнымъ останавливаться на вопросѣ—точно ли это заблужденія. Кирѣевскій любилъ тѣ понятія, съ которыми онъ свыкъся въ дѣтствѣ; а когда человѣкъ любитъ какуюнибудь идею, тогда бываетъ очень трудно убѣдить его въ ея несостоятельности; чтобы опрокинуть въ головѣ его эту любимую идею, необходимъ сильный толчокъ, крутой переворотъ или постоянное вліяніе другаго человѣка, стоящаго

выше его по развитію и смотрящаго на вещи непредубѣжденными глазами. Ни того, ни другаго не пришлось испытать Кирѣевскому.

— Мы,—пишетъ онъ къ г. Кошелеву, мечтая о жизни,—возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностью, возбудивъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога.

Въ началѣ 1830 года Кирѣевскій, воодушевленный этими *высокими* стремленіями, уѣхалъ за—границу; ему въ это время пришлось пережить глубокое огорченіе; онъ сдѣлалъ предложеніе любимой женщинѣ и получилъ отказъ; это событіе потрясло его здоровье и медики предписали ему путешествіе, какъ лучшее средство поправиться и развлечься. Его не манило вдаль стремленіе къ широкой жизни *мысли*; ему было уютно въ московскомъ кругу родственниковъ и друзей, и спокойное наслажденіе ровными отношеніями съ окружающими людьми было для него дороже кипучей дѣятельности и разнообразныхъ волненій умственной жизни. «Я возвращусь, возвращусь скоро, писалъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего отъѣзда изъ Москвы, это я чувствую, разставшись съ вами.

Мягкосердечный московскій юноша пробылъ за—границею всего 10 мѣсяцевъ, и заграничная атмосфера не успѣла произвести въ немъ никакого благотворнаго измѣненія. Онъ мѣрзая западную мысль крошечнымъ аришномъ своихъ московскихъ убѣжденій, которыя казались ему непогрѣшимыми и которыя раздѣляя съ нимъ всѣ убогія старушки Бѣлокаменной. Онъ слушалъ лекціи извѣстнѣйшихъ профессоровъ, усваивалъ себѣ фактическія свѣдѣнія, сообщалъ въ письмахъ къ родственникамъ и друзьямъ остроумныя замѣтки о методѣ и манерѣ ихъ преподаванія, и между тѣмъ самъ оставался неразвитымъ, наивнымъ ребенкомъ, не умѣвшимъ ни на минуту возвыситься надъ воззрѣніями папеньки и маменьки.

Слушая лекціи Шлейермахера, профессора теологіи, Кирѣевскій находилъ, что Шлейермахеръ слишкомъ много рассуждаетъ, и что современному мыслителю слѣдуетъ воздерживаться отъ анализа подробностей. Избавляю себя отъ обязанности выписывать то мѣсто, въ которомъ Кирѣевскій произноситъ сужденіе надъ Шлейермахеромъ, и прошу читателей моихъ, желающихъ познакомиться съ этимъ сужденіемъ, пробѣжать въ I томѣ, 42—ую страницу матеріаловъ.

Въ Берлинѣ Кирѣевскій познакомился съ Гегелемъ, и на него сильно подѣйствовала чарующая мысль, что онъ окруженъ *первокласс-*

смысли умами Европы; онъ выразилъ эту мысль въ письмахъ на родину; съ первоклассными умами онъ говорилъ «о политикѣ, о философіи, о религіи, о поэзіи»; какъ на него подѣйствовали сужденія первоклассныхъ умовъ объ этихъ высокихъ предметахъ, онъ не пишетъ. Развивалъ ли онъ самъ передъ ними свои наивно-ребяческія понятія и нравилось ли имъ его нетронутое простодушіе, онъ также не сообщаетъ. Сношенія Кирѣевского съ Гегелемъ и его знакомыми продолжались очень недолго и поэтому не успѣли произвести прочнаго впечатлѣнія. Кирѣевскій съ любопытствомъ осматривалъ мнѣнія первоклассныхъ умовъ, какъ осматриваютъ диковинки какого нибудь музея, и оставилъ эти мнѣнія нетронутыми вѣроятно потому, что они рѣзко расходились съ его стремленіями и казались ему непригодными для жизни.

Въ концѣ 1830 года Кирѣевскій возвратился въ Россію. Впечатлѣнія его заграничной жизни глубоко запали въ его воспримчивый умъ, и выразились въ искреннемъ сочувствіи къ западному просвѣщенію, въ сильномъ желаніи провести въ русскую жизнь начала лучшей цивилизаціи. Въ теченіи 1831 года онъ собралъ матеріалы для изданія журнала, составилъ себѣ кругъ сотрудниковъ и въ 1832 году выпустилъ въ свѣтъ двѣ первыя книжки журнала Европеецъ. Сочувствіе Кирѣевского къ западному просвѣщенію обнаружилось въ его статьѣ «Деятнадцатый вѣкъ», открывшей собою его журналъ и выразившей въ общихъ чертахъ ту программу, которой намѣренъ былъ слѣдовать издатель. Въ этой статьѣ проведена мысль о необходимости постоянного умственного общенія между Европою и Россіею. «Ибо просвѣщеніе одинокое, говоритъ Кирѣевскій, китайски отдѣленное, должно быть и китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага—ибо нѣтъ прогрессія, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными успліями человечества». Въ этой статьѣ можно замѣтить только одинъ существенно важный недостатокъ—крайнюю голословность и бездоказательность. Въ подтвержденіе своихъ идей Кирѣевскій не приводитъ ни одного факта. Вся статья вертится на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ; Кирѣевскій составляетъ себѣ какую-то химическую формулу европейской образованности и потомъ, отвернувшись отъ дѣйствительныхъ фактовъ, смотритъ только на эту формулу, передвигаетъ и перетасовываетъ ея ингредиенты, и подводитъ такіе итоги, которые столько же похожи на дѣйствительность, сколько списокъ при-мѣтъ, означенныхъ въ отпускномъ билетѣ, похожъ на живаго

владѣтеля этой бумаги. Все сочувствіе Кирѣвскаго къ европейской цивилизаціи улетучивается въ общихъ мѣстахъ и въ фразахъ; если оно не выражается въ междометіяхъ и восклицаніяхъ, то это происходитъ единственно оттого, что Кирѣвскій старается вездѣ выдерживать тонъ серьезнаго и основательнаго мыслителя. На самомъ же дѣлѣ въ его статьѣ кромѣ внѣшняго тона, нѣтъ ничего солиднаго и основательнаго; онъ беретъ изъ Гизо (не указывая на источникъ) его мнѣніе о томъ, что европейская цивилизація сложилась изъ трехъ элементовъ, изъ остатковъ классическаго міра, изъ христіанства и изъ германскаго варварства, и на эту тему начинаетъ разыгрывать варіаціи очень однообразныя, утомительныя и бесполезныя. Ни одна реальная сторона европейской жизни не затронута въ этой характеристикѣ девятнадцатаго вѣка. Мы не видимъ даже въ общихъ чертахъ, какъ живутъ люди въ Европѣ, какъ смотрятъ другъ на друга различныя сословія, къ чему стремятся отдѣльныя личности и цѣлыя партіи, какія потребности жизни отражаются въ литературѣ. Видно, что благоговѣніе Кирѣвскаго передъ первоклассными умами Европы еще продолжается; ему нѣтъ дѣла до того, что ѣсть французскій блузникъ, нѣтъ дѣла до того, что говорить на своемъ митингѣ англійскій ремесленникъ, нѣтъ дѣла до того, какъ богатая буржуазія эксплуатируетъ пролетаріевъ, и какъ буржуа, хозяинъ въ своемъ домѣ и въ своей семьѣ, давитъ индивидуальное развитіе своихъ сыновей и дочерей; бытовые вопросы, возникающіе въ европейской жизни и составляющіе ея животрепещущій и общечеловѣчскій интересъ, проходятъ мимо его просвѣщеннаго ума, занятаго недостижимо высокими интересами и аристократически идеальными стремленіями. Продолжая восхищаться первоклассными умами Европы, Кирѣвскій, очевидно, думаетъ, что эти—то первоклассные умы, т. е. дюжины двѣ нѣмецкихъ профессоровъ философіи олицетворяютъ въ своихъ особахъ самые характерные моменты европейской цивилизаціи. Кирѣвскому кажется, что мысль Шеллинга о сущности истиннаго познанія имѣетъ міровое значеніе, и что высказавши эту мысль въ научной формѣ, Шеллингъ сдѣлалъ истинно великое открытіе, просто въ конецъ разбодолжилъ все человѣчество. Придавая такое колоссальное значеніе нѣмецкой умозрительной философіи, Кирѣвскій, конечно, забываетъ, что врядъ ли одна сотая часть всего населенія западной Европы интересуется діалектическими построеніями нѣмецкихъ профессоровъ, и что даже эта сотая не выноситъ для себя изъ этихъ діалектическихъ построеній ни-

чего существеннаго. Если роль именемъ цивилизаціи подразумѣвать тѣ формы, въ которыя укладывается жизнь отдѣльнаго человѣка и народа, то умозрительная философія получитъ право участвовать въ картинѣ цивилизаціи настолько, насколько она содѣйствуетъ развитію и измѣненію бытовыхъ формъ и жизненныхъ отношеній. Въ этомъ случаѣ, она электрическимъ токомъ проходитъ черезъ тысячи работающихъ головъ; когда же эта умозрительная философія ограничивается построеніемъ формулъ, тогда она оставляется на долю досужимъ людямъ, которыхъ не поняла желѣзная рука вседневной заботы, и которымъ пріятно носиться въ отвлеченныхъ пространствахъ, вмѣсто того чтобы смотрѣть на горе окружающихъ людей и помогать имъ дѣломъ и совѣтомъ.

Умозрительная философія—пустая трата умственныхъ силъ, безцѣльная роскошь, которая всегда останется непонятною для толпы, нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ. Этого не понимали ни Гегель, ни Шеллингъ, этого, конечно, не понялъ и Кирѣевскій. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на умозрительную философію какъ на хроническое повѣтріе, какъ на болѣзненный наростъ, развившійся вслѣдствіе того, что живыя силы, стремившіяся къ практической дѣятельности, были насильственно сдавлены и задержаны, Кирѣевскій преклоняется передъ философами какъ передъ вожаками европейской мысли, любитъ ими, какъ цвѣтомъ и надеждою европейской цивилизаціи. Замѣчательно, что масса чтателей обыкновенно сочувствуетъ мыслителю только въ какомъ нибудь одномъ, часто очень узкомъ, часто чрезвычайно широкомъ примѣненіи его идеи. Масса беретъ только практическій выводъ и обыкновенно дѣлаетъ этотъ выводъ такъ смѣло и такъ рѣзко, что самъ мыслитель пугается и пятится назадъ. Анабаптисты и крестьянскія войны были практическимъ выводомъ идей Лютера и Меланхтона, и Лютеръ вмѣстѣ съ Меланхтономъ испугались и проклинали свое собственное дѣло. Также точно Гегель, Шеллингъ и всѣ прочіе предводители «нѣмецкаго любомудрія» проклинали бы тѣ неожиданные выводы, которые дѣлаетъ Кирѣевскій на основаніи ихъ идей и ихъ дѣятельности. Этимъ «первокласснымъ» умамъ Европы пришлось бы краснѣть отъ стыда и досады, еслибы они узнали, что ихъ въ Россіи глядятъ по головкѣ за то, что они показали неудовлетворительность чистаго разума, составили реакцію противъ энциклопедистовъ XVIII вѣка и такимъ образомъ натолкнули европейскій западъ на возвратный путь — — Кирѣевскій, какъ мягкосердечный московскій юноша, сросшійся съ идеями своего родимаго го-

рода, увидалъ и понялъ въ немѣцкихъ философахъ только то, что имѣло сходство съ его стремленіями. Чтобы согласить свое уваженіе къ первокласснымъ умамъ Европы съ своею слѣпою привязанностью къ тому, что толковали ему съ дѣтства маменька да нянюшка, Кирѣевскій употреблялъ довольно ловкій маневръ: Кирѣевскій говоритъ что Гегель тѣмъ великъ и полезенъ, что, доведя рационализмъ до крайнихъ предѣловъ, онъ показалъ недостаточность чистаго разума и убѣдилъ людей въ необходимости искать другихъ источниковъ познания, «очистилъ дорогу къ храму живой мудрости». Вотъ, думаетъ Кирѣевскій, западъ увидалъ, что на своихъ философахъ далеко не уѣдешь; вотъ онъ погорюетъ, погорюетъ да и обратится къ намъ за совѣтомъ, а мы, конечно, дадимъ ему совѣтъ въ московскомъ духѣ; западъ прислушается, увидитъ, что это «добро зѣло», скажетъ подобно князю Владимиру, что, отѣвдавъ сладкаго, уже не хочетъ горькаго, и заживемъ мы съ западомъ душа въ душу, какъ жили съ нимъ слишкомъ лѣтъ тысячу тому назадъ. Въ такихъ-то краскахъ рисуются Кирѣевскому будущія отношенія между цивилизаціями Россіи и Европы. Эти краски въ его статьѣ «Деятнадцатый вѣкъ» положены такъ легко, что онѣ проходятъ незамѣтными для невнимательнаго читателя; Кирѣевскій въ этой статьѣ напираетъ всего больше на то, что мы должны сблизиться съ Европою и заимствовать у нея образованность, но за этими словами слышится тайная надежда: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ; придетъ къ намъ Европа просить ума разума и мы великодушно подѣлимся съ нею нашими духовными благами. Въ статьѣ «Деятнадцатый вѣкъ» выражались такимъ образомъ два главные момента умственной жизни Кирѣевского; на эту статью положили свою печать дѣтство Кирѣевского и его путешествіе за-границу; первое отразилось въ теплотѣ чувства и въ робости мысли, второе—въ искреннемъ, но голословномъ и необъясненномъ сочувствіи къ европейской цивилизаціи. Чему сочувствуетъ Кирѣевскій—мы не видимъ. На что ему нужна Европа—не понимаемъ. Словомъ, во всей статьѣ переплетается московскій сентиментализмъ съ какимъ-то сердечнымъ влеченіемъ къ европейскому западу. При этомъ должно замѣтить, что это неопредѣленное, сердечное влеченіе не имѣетъ ничего общаго съ сознательнымъ уваженіемъ зрѣлаго человѣка къ оцѣненной и проверенной идее.

III.

Еслибы Кирѣевскій, управляя журналомъ, продолжалъ уяснять себя и публикѣ свои стремленія и симпатіи, то вѣроятно онъ договорился бы до какихъ нибудь осязательныхъ результатовъ; онъ увидалъ бы противорѣчіе между европеизмомъ и московскою сантиментальностью и склонился бы опредѣленнымъ образомъ на ту или на другую сторону. Пока впечатлѣніе заграничнаго путешествія было еще свѣжо и сильно, можно было надѣяться, что западный элементъ возьметъ верхъ надъ воспоминаніями дѣтства; но тутъ, къ несчастью, непредвидѣнные обстоятельства насильственно прервали дѣятельность Кирѣевского. Европеецъ прекратился на первыхъ двухъ книжкахъ. Люди съ сильнымъ характеромъ раздражаются неудачами; ихъ энергія удваивается при борьбѣ съ препятствіями; ихъ убѣжденія становятся строже и послѣдовательнѣе, обозначаются отчетливѣе, рѣче и неумолимѣе. Но съ Кирѣевскимъ этого не могло случиться; онъ упалъ духомъ, пересталъ писать, сталъ внимательно пересматривать свои убѣжденія и во многомъ измѣнилъ ихъ основной характеръ. Онъ, конечно, не прививалъ къ себѣ искусственно такихъ идей, которыя гармонировали бы съ обстоятельствами; онъ не сталъ себя насилловать, не поплылъ сознательно по теченію, но, какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный, онъ испыталъ отъ этой неудачи самое сильное потрясеніе; встревоженный и огорченный, онъ усомнился въ самомъ себѣ; ему пришло въ голову, что можетъ быть, это само *Провидѣніе* даетъ ему спасительный урокъ, что, можетъ быть, онъ заблуждался и указывалъ своимъ согражданамъ такой путь развитія, который не соответствуетъ ихъ потребностямъ. Когда въ умѣ Кирѣевского началось это тяжелое раздумье, когда ему такимъ образомъ представился случай, подъ влияніемъ житейской невзгоды, выковать себѣ убѣжденія зрѣлаго человѣка, тогда воспоминанія дѣтства въ полной яркости и отчетливости представились его встревоженному воображенію. Окружающія впечатлѣнія, Москва и Долбино (родовое имѣніе Кирѣевскихъ), взяли верхъ надъ европейскими тенденціями, пробудившимися во время заграничной поѣздки, и выразившимися въ прерванной дѣятельности молодого журналиста. Эти тенденціи, въ которыхъ было такъ много неяснаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много искренняго, эти тенденціи, изъ которыхъ, при другихъ

условіяхъ, могло выработаться много хорошаго и разумнаго, отошли на задній планъ, завяли и зачахли, уступили свое мѣсто другимъ возрѣніямъ, мрачнымъ, бесплоднымъ и безжизненнымъ.

Если можно сблизать литературный типъ съ личностью дѣйствительно существовавшего человѣка, то я позволю себѣ сравнить участь Кирѣвскаго съ судьбою Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда» Тургенева. И Кирѣвскій, и Лиза носили въ себѣ съ дѣтства зародыши того разложенія, которое современемъ погубило и извратило ихъ богатія умственныя силы; оба они, и Кирѣвскій, и Лиза были способны жить разумною жизнью; еслибы имъ благопріятствовало счастье, то Лиза не пошла бы въ монастырь, а Кирѣвскій остался бы вѣренъ чисто европейскимъ тенденціямъ; но когда надъ ними обрушилась бѣда, тогда въ нихъ поднялись всѣ ихъ мистическіе инстинкты, и оба кончили очень дурно.

Прекративъ заданіе Европейца, Кирѣвскій сосредоточился и въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ написалъ только двѣ небольшія статьи; когда онъ снова началъ высказываться въ печати, тогда направленіе его мыслей оказалось уже существенно измѣненнымъ. Составитель матеріаловъ для біографіи Кирѣвскаго находятъ, конечно, что это измѣненіе было важнымъ шагомъ впередъ; я скажу съ своей стороны, что это измѣненіе было глубокимъ и окончательнымъ паденіемъ.

Обо многихъ людяхъ, шедшихъ по тому пути, по которому пошелъ Кирѣвскій, можно сказать просто: туда имъ и дорога! Но о Кирѣвскомъ нельзя не пожалѣть, какъ нельзя, на примѣръ, не пожалѣть о Гоголѣ. Несмотря на то, что его умъ никогда не дошелъ до самоосвобожденія, ему невозможно отказать въ значительной степени даровитости. Онъ не доводитъ никакой идеи до послѣднихъ предѣловъ, но въ діалектическомъ развитіи этой идеи онъ всегда обнаруживаетъ гибкость ума и логическую находчивость. Логика Кирѣвскаго скована пристрастіями и предрасудками, но отстаивая эти пристрастія и предрасудки, онъ пускаетъ въ ходъ самые разнообразныя діалектическіе приемы и дѣйствуетъ на читателя не силою послѣдовательности, а разнообразіемъ и наглядностью аргументовъ. Онъ не мыслитель; онъ просто человѣкъ горячо чувствующій и старающійся убѣждать читателя въ нормальности и законности своихъ симпатій. Люди, одаренные отъ природы непобѣдимою логикою здраваго смысла, конечно, увидятъ, къ чему клонятся усилія Кирѣвскаго, и не поддадутся ни его доводамъ, ни теплотѣ чувства, разлитаго въ его статьи.

Что же касается до людей слабых, чувствительных и способных увлекаться, то на них могут подѣйствовать въ высшей степени — тенденціи Кирѣвскаго, прикрытыя приличною литературною формою, соглашенныя наружнымъ образомъ съ интересами гуманнаго развитія и подкрашенныя научными терминами и именами новѣйшихъ философовъ.

Когда Кирѣвскій толкуетъ объ общихъ историческихъ вопросахъ, о потребностяхъ народа и человѣчества, тогда онъ оказывается совершенно не на своемъ мѣстѣ. У него не хватаетъ широты взгляда и силы ума, для того чтобы охватить подобные вопросы во всемъ ихъ величїи и чтобы, обсуживая ихъ, не забиться въ какую нибудь трущобу, изъ которой нѣтъ выхода на свѣжій воздухъ. Объ Европѣ и о Россїи онъ судитъ вкривь и вкось, не зная фактовъ, не понимая ихъ и стараясь доказать всему читающему міру, что и философія, и исторія, и политика нуждаются для своего оживленія именно въ тѣхъ понятїяхъ, которыя были привиты ему самому. Тотъ же Кирѣвскій, имѣя дѣло съ частнымъ вопросомъ, съ небольшимъ явленіемъ, не превышающимъ пониманія обыкновеннаго человѣка, оказывается очень тонкимъ цѣнителемъ, очень остроумнымъ критикомъ и безпристрастнымъ судьей.

Въ его мелкихъ статьяхъ разсыпано много удачныхъ замѣчаній о нашей всендневной жизни, объ уродливыхъ и смѣшныхъ явленїяхъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ нашемъ несложившемся обществѣ. Вотъ напр. что говоритъ Кирѣвскій въ своей статьѣ «Горе отъ ума на московскомъ театрѣ»:

«Философія Фамусова и теперь еще кружитъ намъ головы; мы и теперь, также какъ въ его время, хлопочемъ и суетимся изъ ничего, кланяемся и унижаемся безкорыстно, только изъ удовольствія кланяться; ведемъ жизнь безъ цѣли, безъ смысла; сходимся съ людьми безъ участія, расходимся безъ сожалѣнія; ищемъ наслажденій минутныхъ и не умѣемъ наслаждаться. И теперь, также какъ при Фамусовѣ, дома наши равно открыты для всѣхъ: для званныхъ и незванныхъ, для честныхъ и для подлецовъ. Связи наши состояются не сходствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою цѣлью въ жизни и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сводитъ, случай разводитъ и снова сближаетъ безъ всякихъ послѣдствій, безъ всякаго значенія».

Эти слова, по моему мнѣнію, выражаютъ вѣрный и безопадный взглядъ на пустую жизнь нашего общества, на отсутствіе въ немъ общихъ интересовъ, на узкую ограниченность той сферы, въ которой мы живемъ и стараемся дѣйствовать. Ясно, что Кирѣевскій, выражая подобныя мысли, не мирился съ несовершенствами нашей дѣйствительности и считалъ необходимымъ исправленіе этихъ недостатковъ. Причину недостатковъ онъ видитъ въ томъ, что «изъ-подъ европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ русскаго кафтана и что, обривши бороду, мы еще не умыли лица». Средство исцѣленія заключается, по его мнѣнію, въ сближеніи съ Европою, въ усвоеніи общечеловѣческихъ идей, въ уничтоженіи особенности и неподвижности. Всѣ эти идеи здравы и вѣрны; въ положительной ихъ части, т. е. тамъ, гдѣ Кирѣевскій указываетъ на то, что должно дѣлать, можно замѣтить ту же отвлеченную голословность, которую мы уже видѣли въ статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ». Что же касается до отрицательной части, т. е. до перечисленія недостатковъ, то должно сознаться, что въ ней много справедливаго и даже оригинальнаго. Кирѣевскій глубоко чувствовалъ безалаберность русской жизни, и это чувство выразилось въ его произведеніяхъ въ очень разнообразныхъ формахъ; порою онъ является обличителемъ житейскихъ неглупостей, порою выражаетъ свое сочувствіе къ тѣмъ лучшимъ единицамъ, которыя страдаютъ въ душной атмосферѣ, порою самъ тоскливо стремится вонъ изъ дѣйствительности въ міръ мечты или въ область отвлеченнаго умозрѣнія. Въ небольшой статьѣ его «О русскихъ писательницахъ» можно найти нѣсколько горячо прочувствованныхъ страницъ. Кирѣевскій понимаетъ, что женщина, чувствуя потребность высказаться передъ своими согражданами, принуждена бороться въ Россіи со многими и положительными, и отрицательными препятствіями; онъ понимаетъ, что трудъ женщины далеко не получилъ еще у насъ права гражданства, что женщина, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, принужденная преодолевать предубѣжденіе однихъ, равнодушіе другихъ, непониманіе третьихъ, рискуетъ умереть съ голоду, несмотря ни на свою даровитость, ни на свое образованіе, ни на искреннее стремленіе къ честному и общеплезному труду. Если этого уже нѣтъ теперь, если въ наше время даровитая писательница пользуется всеобщимъ уваженіемъ, то это было иначе въ тридцатыхъ годахъ, когда писалъ Кирѣевскій; тогда вообще кругъ читающей публики былъ гораздо тѣснѣе, и кромѣ того, предубѣжденіе противъ литературнаго труда женщины имѣло свое значеніе въ обществѣ и въ

*

семействъ. Вотъ напр. краткій разсказъ Кирѣевского объ одномъ замѣчательномъ фактѣ тогдашней литературы и тогдашней жизни:

«Недавно, говоритъ онъ, россійская академія надала стихотворенія одной русской писательницы, которой труды займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями нашихъ дамъ—поетовъ, и которая до сихъ поръ оставалась въ совершенной неизвѣстности. Судьба, кажется, отдѣляла ее отъ людей какою-то страшною бездною, такъ что, живя посреди ихъ, посреди столицы, ни она ихъ не знала, ни они ее. Они оставили ее, не знаю для чего; она оставила ихъ для своей Греціи,—для Греціи, которая, кажется, одна наполняла всѣ ея мечты и чувства; по крайней мѣрѣ о ней одной говоритъ каждый стихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, написанныхъ ею. Странно: семнадцать лѣтъ, въ Россіи, дѣвушка бѣдная, бѣдная со всею своею ученостію! Знать восемь языковъ, съ талантомъ поэзіи соединить талантъ живописи, музыки, танцованья, учиться самымъ разнороднымъ наукамъ, учиться безпрестанно, работать все дѣтство, работать всю первую молодость, работать, начиная день, работать, отдыхая; написать три большихъ тома стиховъ по-русски, можетъ быть столько же на другихъ языкахъ; въ свободное время переводить трагедіи, русскія трагедіи,—и все для того, чтобы умереть въ семнадцать лѣтъ, въ бѣдности, въ крайности, въ неизвѣстности!»

Въ этомъ живомъ разсказѣ о неизвѣстныхъ трудахъ, объ этой глухой борьбѣ съ нуждою, объ этой молодой жизни, испепелившейся въ безплодныхъ усиліяхъ, слышенъ голосъ человѣка, способнаго чувствовать и понимать чужое горе. Въ этомъ разсказѣ слышится страшный укоръ нашей жизни. Отчего дѣвушка даровитая, работающая во-всѣхъ силъ, обладающая значительными свѣдѣніями, тратитъ время на бесполезные стихи о Греціи, не находитъ въ русской жизни матеріаловъ для своей дѣятельности и умираетъ безпомощная, непризнанная, никому не нужная, никтою и ничѣмъ не согрѣтая?

Кирѣевскій глубоко сочувствуетъ тѣмъ постояннымъ огорченіямъ, которыя впечатлительная душа женщины испытываетъ ежеминутно при разнообразныхъ столкновеніяхъ съ уродливыми явленіями *нашей* жизни. Онъ понимаетъ, что женщина, одаренная живымъ эстетическимъ чувствомъ, можетъ и должна стремиться въ какую нибудь болѣе изящную и гармоническую среду.

«Италія, кажется, сдѣлалась ея вторымъ отечествомъ, говоритъ онъ объ одной изъ нашихъ писательницъ, и, впрочемъ, кто знаетъ?

Можетъ быть, необходимость Италии есть общая, неизбежная судьба всѣхъ, ижившихъ участь ей подобную? Кто изъ первыхъ впечатлѣній узналъ лучший міръ на землѣ, міръ прекраснаго; чья душа, отъ перваго пробужденія въ жизнь, была, такъ сказать, взлелѣяна на цвѣтахъ искусствъ и образованности, въ теплой итальянской атмосферѣ южнаго; можетъ быть, для того уже нѣтъ жизни безъ Италии, и синее итальянское небо, и воздухъ итальянскій, исполненный солнца и музыки, и итальянскій языкъ, пропитанный всею прелестью нѣги и граціи, и земля итальянская, усыпанная великими воспоминаніями, покрытая, зачарованная созданіями гениальнаго творчества, — можетъ быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственнымъ, неудушающимъ воздухомъ для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія».

Любуясь изящнымъ произведеніемъ, Кирѣевскій невольно сравниваетъ гармонию этого произведенія съ нестройностью окружающей жизни; онъ чувствуетъ разладъ, существующій между міромъ мечты и міромъ сѣвелькой дѣйствительности, и самое эстетическое наслажденіе переходитъ въ тихое чувство грусти. «Все слишкомъ идеальное, говоритъ онъ, даже при свѣтлой наружности, рождаетъ въ душѣ печаль какимъ-то магнетическимъ сочувствіемъ; такова одинокая, чистая пѣснь прослышанная сквозь нестройный, ее заглушающій шумъ; такова жизнь дѣвушки съ душою пламенною, мечтательною, для которой изъ міра событій существуютъ еще одни внутреннія». Пожалуйста, гг. читатели, не останавливайтесь на вѣшной сентиментальности, которую грѣшитъ это мѣсто; взгляните въ основную мысль, вникните въ то настроеніе, которое выразилось въ этихъ тихихъ изліяніяхъ грусти, поставьте себя на мѣсто Кирѣевского, перенеситесь въ его время, и вы увидите, что причины этой грусти были очень реальныя.

У Кирѣевского разсѣяно въ его статьяхъ много замѣчательныхъ мыслей; чисто литературная критика его отличается вѣрностью эстетическаго чутья. Замѣчательнѣе другихъ его произведеній небольшая статья о стихотвореніяхъ Языкова. Приведу изъ этой статьи нѣсколько выписокъ, выражающихъ общія отношенія автора къ общимъ вопросамъ жизни.

«Мы часто, говоритъ Кирѣевскій, считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго

стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случилось встрѣчать человека, согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго притомъ сильными страстями, то вспомните и сочтите, сколько нашлось людей которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые замѣтили одни заблужденія. Странно, но правда, что для хорошей репутаціи у насъ лучше совѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ, какъ въ самомъ дѣлѣ, скажите, есть ли на свѣтѣ что нибудь безнравственнѣе равнодушія».

Вотъ замѣчательная мысль Кирѣвскаго объ отношеніяхъ между жизнью и искусствомъ:

«Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа, — тогда обязанность критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ становится уже вопросомъ второстепеннымъ; даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ; но мысль, одушевлявшая поэта, получаетъ интересъ самобытный, философскій; и лицо его становится идеею, и его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смотримъ на нихъ, сколько сквозь нихъ, какъ сквозь открытое окно; стараемся разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ божество, его освящающее.

Оттого, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы можемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника творческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ воображеніи то состояніе души, при которомъ она исполнена. Впрочемъ и это послѣднее сочувствіе съ художникомъ свойственно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только въ томъ, что въ немъ чисто человѣческаго: съ его любовью, съ его тоской, съ его восторгами, съ его мечтою-утѣшительницею, однимъ словомъ, съ тѣмъ, что происходитъ внутри его сердца, не заботясь о событіяхъ его мастерской.

Такимъ образомъ на нѣкоторой степени совершенства искусство само себя уничтожаетъ, обращаясь въ мысль, превращаясь въ душу».

Вотъ сужденіе Кирѣвскаго объ особенностяхъ поэзіи Языкова:

«Если мы выикнемъ въ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино, имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь

двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, всѣдневною; другая — праздничною, поэтическою, просторною. Первая угнетаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ восторгомъ. И между сими двумя существованіями лежитъ явная, бездонная пропасть; но черезъ эту пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: это любовь, это слава, дружба, вино, мысль объ отечествѣ, мысль о поэзіи и, наконецъ, тѣ минуты безотчетнаго, разгульнаго веселья, когда собственные звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра,—звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему».

Я, можетъ быть, утомилъ читателя выписками, но мнѣ хотѣлось дать возможно полное понятіе о свѣтлой сторонѣ литературной дѣятельности Кирѣевскаго. Въ этой свѣтлой сторонѣ отразилось способность сочувствовать всѣмъ человѣческимъ ощущеніямъ, и понимать чувствомъ всѣ человѣческія слабости и страданія. Кирѣевскій родился художникомъ и, неизвѣстно почему, вообразилъ себя мыслителемъ. Онъ впечатлительнѣе, воспримчивѣе, отзывчивѣе, способенъ подчиняться чужому вліянію, увлекаться чужими идеями; у него нѣтъ умственной самобытности; онъ постоянно отражаетъ въ себѣ идеи и симпатіи той среды, въ которой онъ живетъ и которую любитъ. Бывши юношею, онъ жилъ тѣмъ, что было втолковано ему въ дѣтствѣ; поѣхавши за границу, онъ увлекся «первоклассными умами» Европы и началъ стремиться къ западному просвѣщенію, которое было извѣстно ему какъ-то по наслышкѣ, да по философскимъ трактатамъ Гегеля и Шеллинга. Воротившись на родину и заслушавъ гулъ московскихъ колоколовъ, онъ крѣпко приросъ къ той родимой почвѣ, о которой убивается журналъ Время и вообразилъ себя представителемъ славянскаго любу мудрія, необходимаго для спасенія разлагающагося запада. Но, какъ ни глубоко было заблужденіе Кирѣевскаго, оно органически вытекало изъ основныхъ свойствъ его характера, изъ тѣхъ самыхъ свойствъ, которыя выразились въ нѣсколькихъ блестящихъ мысляхъ и въ нѣсколькихъ горячо прочувствованныхъ страницахъ.

Вотъ, видите ли, есть люди, которые не могутъ смотрѣть хладнокровнымъ критическимъ взглядомъ на все, что ихъ окружаетъ; имъ необходимо горячо любить, горячо отдаваться чему нибудь, съ полнымъ самоотверженіемъ служить какому нибудь принципу или даже какому нибудь лицу. Когда эти люди успѣваютъ обречь себя на служеніе какой

нибудь великой, истинной идеѣ, тогда они совершаютъ великіе подвиги, становятся благодѣлячи своего народа и заслуживаютъ привѣтливость современниковъ и потомковъ. Когда же они ошибаются въ выборѣ своего кумира, тогда они дѣлаются безпутными людьми, поступаютъ въ число гасильниковъ и становятся тѣмъ опаснѣе, чѣмъ ревностнѣе и чистосердечнѣе увлекаются своею привязанностью къ превратной идеѣ. Кирѣевскій чувствовалъ, что многія потребности просвѣденнаго ума не находятъ себѣ удовлетворенія, что многія обыденныя явленія оскорбляютъ человеческое чувство. Что же оставалось ему дѣлать въ такомъ положеніи? Оставалось бороться противъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя можно было измѣнить, и мириться съ тѣмъ, что было не подъ силу отдѣльному человѣку. Мирясь съ явленіями жизни чисто внѣшнимъ образомъ, надо было оградить самого себя отъ развращающаго вліянія этой жизни. Надо было, отказываясь отъ фактической борьбы, оставаться на сторожѣ и хранить свою умственную самостоятельность среди хаоса неутѣства, насилій и предрасудковъ. Но жить такимъ образомъ, безъ дѣятельной борьбы и безъ страстныхъ привязанностей значило жить чистымъ отрицаніемъ, не вѣрить ни въ себя, ни въ другихъ, ни въ идею, сознавать безотрадность настоящаго и сомнѣваться въ возможности лучшаго будущаго. Остановиться на такомъ печальномъ возрѣніи на жизнь способны очень немногіе люди; чтобы ужиться съ чистымъ сомнѣніемъ въ области науки и жизни, надо обладать значительною трезвостью ума и недожонною твердостью характера. Но у Кирѣевского не было ни того, ни другаго; страдая отъ особенностей жизни, онъ не могъ ни свыкнуться съ этими особенностями, ни выстрадать себѣ полное равнодушіе къ этой жизни. Уродливыя явленія мѣшали ему дѣйствовать, но они не мѣшали ему мечтать, и онъ весь ушелъ въ міръ мечты, унося съ собою свою диалектическую ловкость, которая помогала ему доказывать и себѣ, и другимъ, что мечта его—не мечта, а живая дѣйствительность. Еслибы Кирѣевскій былъ мыслителемъ, еслибы онъ заботился не объ удобствѣ того или другаго міросозерцанія, а только о степени его дѣйствительной вѣрности, тогда онъ не сталъ бы утѣшать себя произвольными фантазіями; еслибы онъ былъ чистымъ поэтомъ, тогда онъ просто окружилъ бы себя созданіями собственнаго воображенія, не стараясь связывать эти созданія съ явленіями дѣйствительной жизни. Но, къ сожалѣнію, въ Кирѣевскомъ соединились эти два рѣдко-совмѣстимые элемента; онъ по природѣ своей художникъ, а по развитію ученикъ нѣмецкихъ эл-

лософовъ. Онъ постоянно мечтаетъ, но воспѣваемые имъ предметы, къ сожалѣнію, вовсе не вяжутся съ поэзіею; вмѣсто того чтобы изображать свои собственные чувства, настроеніе своей души, наконецъ то или другое, мелкое или крупное событіе, онъ беретъ самыя отвлеченныя темы и пишетъ поэму въ прозѣ о европейской цивилизаціи, объ отношеніяхъ между западомъ и Россіею, о новыхъ пачалахъ въ философіи. Такого рода сочиненія оказываются плохими поэмами, и плохими разсужденіями. Личное настроеніе автора не можетъ выразиться въ свободномъ лирическомъ изліаніи, потому что оно сковано логикою, діалектикою и фізіономіею дѣйствительныхъ фактовъ. Что же касается до логики автора, то она, конечно, стоитъ ниже всякой критики, потому что ея дѣло — доказывать то, во что Кирѣевскому пріятно вѣрить. «Логическій выводъ, говоритъ собиратель матеріаловъ, думая похвалить своего героя, былъ у Кирѣевского всегда завершеніемъ и оправданіемъ его внутренняго вѣрованія, и никогда не ложился въ основаніе его убѣжденія». Въ сочиненіяхъ Кирѣевского хороши только тѣ мѣста, въ которыхъ онъ является чистымъ поэтомъ, тѣ мѣста, въ которыхъ онъ бессознательно выражаетъ всю полноту своего чувства. Повѣсти Кирѣевского (изъ которыхъ окончена только одна «Опаль») очень плохи, потому что въ нихъ преобладаетъ головной элементъ; онъ сбивается на аллегорію или же на разсужденія на заданную тему. У Кирѣевского не хватило бы творческой силы на то, чтобы обдумать и создать художественно-стройное цѣлое; у него мечтательность выражается въ общемъ направленіи мысли, а сильное воодушевленіе появляется только проблесками и продолжается недолго; я выписалъ почти все тѣ мѣста, въ которыхъ Кирѣевскій, увлекаясь лирическимъ порывомъ, производитъ на читателя сильное и вполне гармоническое впечатлѣніе. Такихъ мѣстъ въ двухъ томахъ очень не много, и эти мѣста тонуть въ сотняхъ дидактическихъ, утомительно-сучныхъ и глубоко-безполезныхъ страницъ.

IV.

Направленіе, по которому пошелъ Кирѣевскій послѣ своего двѣнадцатилѣтняго бездѣйствія, называется *православно-славянскимъ*. Задачи этого направленія заключаются еще въ основныхъ положеніяхъ его статьи: девятнадцатый вѣкъ, но эти положенія получили пол-

ное развитіе и принесли обильные плоды впоследствии, въ его отвѣтъ Хомякову, въ письмѣ къ графу Комаровскому, въ критическихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ Москвитянинѣ, и въ послѣдней его философской статьѣ, украсившей собою страницы покойной Русской Бесѣды. Всѣ эти статьи болѣею частью посвящены сравненію европейской цивилизаціи съ русскою. Существованіе самобытной русской цивилизаціи, процвѣтавшей «во время оно» и задавленной реформою Петра составляетъ въ глазахъ Кирѣевского неопровержимый фактъ, не требующій никакихъ доказательствъ. Эта русская цивилизація восхваляется всеми возможными возгласами и причитаніями; сравнивая ее съ западною, Кирѣевскій находитъ, что она не въ примѣръ лучше; онъ останавливается на этомъ сравненіи съ особенною любовью и съ трогательнымъ патріотическимъ самодовольствомъ; главное преимущество, которое онъ находитъ въ русской цивилизаціи, заключается въ томъ, что русская цивилизація не проникнута рационализмомъ и не подчинена господству разума. Чтобы доказать, что Кирѣевскій считаетъ это свойство дѣйствительнымъ и важнымъ преимуществомъ, и что дѣятельность разума кажется ему въ высшей степени опасною, я приведу слѣдующую цитату изъ его письма къ графу Комаровскому. Она очень длинна и скучна, но читатель узнаетъ изъ нея замысловатое мирозозерцаніе Кирѣевского и убѣдится въ томъ, что русская цивилизація стоитъ неизмѣримо выше западной:

«Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія западно-европейскаго и древне-русскаго; ибо, кажется, достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, чтобы, сведя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности.

«Христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви,—въ Россіи оно зажигалось на свѣтильникахъ всей церкви православной; богословіе на западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности. — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ {раздвоеніе силъ разума, здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сцѣпленія понятій, здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою

и сливая церковное и мирское значеніе въ одно устройство смѣшаннаго характера,—въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мирскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты,—въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познаванію; тамъ взаимное проростаніе образованности языческой и христіанской, здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, здѣсь—изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій,—въ древней Россіи ихъ единомышленная совокупность при естественной разновидности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльные государства, здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность—первое основаніе гражданскихъ отношеній, здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально логическая, здѣсь—выходящая изъ быта; тамъ склонность права къ справедливости внѣшней, здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшенія всегда совершались насильственными перемѣнами, здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, здѣсь избыточность основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды, здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности, здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни, здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, у Русскаго—глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія при постоянной недоувѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раз-

двоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и *всѣхъ отдѣльныхъ* видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; въ Россіи, напротивъ того, — преимущественное стремленіе къ *цѣльности* бытія внутренняго и вѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Поэтому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность* будутъ послѣдними выраженіемъ западно-европейской и древне-русской образованности.

Читатель долженъ помнить, что всѣ великія достоинства, о которыхъ говорятъ Кирѣевскій, принадлежать только древне-русской цивилизаціи. Мы, современные русскіе люди, должны только *воздымать* о томъ, что намъ не пришлось насладиться этими благами, и что мы, но всей крайней испорченности, потеряли даже способность любить и уважать эту милую старину. Исследователь древне-русскаго быта могъ бы, пожалуй, возразить Кирѣевскому, что въ древней Руси было плохое житье, что тамъ били батогами не на животь, а на смерть, что судъ никогда не обходился безъ пытки; что рабство или холодство существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, что мужья хлестали своихъ женъ шелковыми и ременными плетками, а блюстители нравственности, въ родѣ Сильвестра уговаривали ихъ только не бить зря, по уху или по видѣнію. Много подобныхъ возраженій могъ бы привести исследователь, но Кирѣевскій не обратилъ бы на нихъ никакого вниманія; онъ сказалъ бы, что все это мелкія, вѣшнія, случайныя явленія, не касающіяся внутренней идеи, что сущность нашей цивилизаціи остается неприкосновенною, что принципъ ея великъ и непогрѣшимъ, несмотря на всѣ продѣлки, творившіяся подъ покровомъ этого принципа. На такіе убѣдительные доводы исследователь, конечно, не нашелъ бы отвѣта. Подобно этому предполагаемому исследователю, мы преклоняемся передъ непонятною мудростью мыслителя-поэта, и съ трепетомъ живой надежды прислушиваемся къ его обѣтованіямъ, открывающимъ намъ перспективу лучшей, просвѣтленной жизни. Изъ слышащихъ словъ его мы узнаемъ, что мы еще не совсѣмъ погибли, что и для насъ есть возможность спасенія:

« Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой, православной церкви. Поэтому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи.... Построеніе же

этого заданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе—вырабатывать мысленно общественное самосознаніе; когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ проникнутый западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда съ разумною жаждою полной правды онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ—подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго любомудрія, русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія святыхъ отцевъ церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности».

Мнѣ нечего прибавлять къ этимъ словамъ. Они сами говорятъ за себя.

V.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о критической статьѣ, помѣщенной въ Современникѣ подъ заглавіемъ «Московское словенство». Эта статья своею бездоказательностью и голословіемъ можетъ поспорить съ философскими поэтами самаго Кирѣевского. Всѣ представители православно-славянскаго направленія—Хомяковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскій, ступешаны подъ одинъ колеръ; у всѣхъ на лбу прицѣпленъ ярлыкъ съ надписью «славянофилъ», и всѣ они совершенно лишены своей индивидуальной физиономіи; славянофильство принимается за какое-то умственное повѣтріе, свалившееся на Москву, какъ снѣгъ на голову, и заразившее собою цѣлый кружокъ людей, очень честныхъ и очень неглупыхъ. Внѣшніе признаки славянофильства описаны въ общихъ чертахъ, но изъ этого описанія читатель никакъ не можетъ составить себѣ понятія о томъ, какъ возникло это направленіе мысли, и почему именно оно пришлось по душѣ Кирѣевскому, Хомякову и компаніи,

Если закоренные обскуранты смотрят на нововведения, как на дьявольскую прелесть, пушенную въ міръ для соблазна и погубленія православныхъ христіанъ, то должно сознаться, что нѣкоторые отчаянные и черезъ-чуръ запальчивые прогрессивы смотрятъ на явленія, подобные славянофильству, какъ на какое-то чудовищное и неосъяснимое порожденіе духа тьмы и зла. Обскуранты и прогрессивы нѣсколько не похожи другъ на друга по образу мыслей, но тѣ и другіе, сражаясь съ враждебными имъ явленіями, увлекаются за предѣлы всякаго благоразумія, теряютъ способность хладнокровно анализировать, и, впадая въ декламацію, берутъ фальшивыя ноты, вредящія тому дѣлу, которое они защищаютъ.

Вмѣсто того, чтобы прослѣдить развитіе Кирѣевского, Хомякова и другихъ славянофиловъ, вмѣсто того, чтобы рассмотреть тѣ свойства этихъ людей, которыя породили въ нихъ недовѣріе къ дѣятельности разума, словомъ, вмѣсто того, чтобы объяснить славянофильство какъ психологическій фактъ, критикъ Современника вдается въ совершенно безплодную полемику съ положеніями славянофильскихъ теорій.

Спорить съ славянофилами—это, право, странно; благоразумный человѣкъ не станетъ ни опровергать отрывочныхъ восклицаній, ни сифтаться надъ несвязною рѣчью. Онъ будетъ наблюдать — изучать развитіе и причины — и сообщать результаты своихъ изслѣдованій другимъ людямъ, способнымъ и желающимъ его слушать.

Славянофильство — не повѣтріе идущее неизвѣстно откуда, это—психологическое явленіе, возникающее вслѣдствіе неудовлетворенныхъ потребностей. Кирѣевскому хотѣлось жить разумною жизнью, хотѣлось наслаждаться всѣмъ, чего проситъ душа живаго человѣка, хотѣлось любить, хотѣлось вѣрить... Въ дѣйствительности не нашлось матеріаловъ; а между тѣмъ онъ полюбилъ ее, объидеализировалъ ее, раскрасилъ ее по-своему и сдѣлался рыцаремъ печальнаго образа, подобно незабвенному Донъ Кихоту, любовнику несравненной Дульциней Тобозской. Славянофильство есть русское донъ-кихотство; гдѣ стоятъ вѣтряныя мельницы, тамъ славянофилы видятъ вооруженныхъ богатырей; отсюда происходятъ ихъ вѣчно-фразистыя, вѣчно неясныя бредни о народности, о русской цивилизаціи, о будущемъ вліяніи Россіи на умственную жизнь Европы.

Все это—донъ-кихотство, всегда искреннее, часто трогательное, болѣею частью несостоятельное.

Д. ПИСАРЕВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АМЕРИКАНСКІЙ КРИЗИСЪ И ВЛІЯНІЕ ЕГО НА ЕВРОПЕЙСКІЯ ДѢЛА.

1. AMERICAN CRISIS, AND ITS PROSPECTS. London. 1861.

2. UTILITARIANISM. By J. S. Mill. Fraser's Magazine. 1861.

Послѣ паденія греко—римскаго міра единственный примѣръ соединенія свободныхъ политическихъ учрежденій съ социальнымъ рабствомъ представляетъ намъ Америка. Нигдѣ и никогда личныя права человека не достигали такого полного развитія, какъ въ американской республикѣ, но нигдѣ и никогда положеніе раба не было такъ тягостно и позорно, какъ на американской землѣ. Два различныя и, по взаимнымъ отношеніямъ, враждебныя племена—*бѣлые* угнетатели и *черные* угнетенные, бичъ плантатора и свободное дѣйствіе гражданина, неприкосновенность собственности, независимость общественнаго мнѣнія и публичный торгъ людьми, выводимыми на рынокъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, встрѣтились подъ однимъ историческимъ горизонтомъ и въ одной географической чертѣ. Само собою разумѣется, что никакая политическая сила, никакая законодательная власть, какъ бы она гениальна ни была, не могла примирить эти два противоположныя начала; внутренняя борьба ихъ постоянно чувствовалась, и рано или поздно должна была окончиться всеобщимъ потрясеніемъ американскаго союза. Люди дальновидные, живущіе идеями не одного нынѣшняго дня и взвѣшивающіе ходъ событій не по внѣшнимъ признакамъ времени, а по живучести и силѣ самаго прин-

ципа, давно предвидѣли этотъ кризисъ, хотя и не могли оцѣнить всей важности его значенія; они справедливо думали, когда утверждали, что чѣмъ позднѣе наступитъ неизбежное столкновение между рабствомъ и свободой, тѣмъ хуже будетъ развязка. Дѣйствительно, развязка оказалась самой мучительной, потому что болѣзнь, растравленная годами, потребовала сильныхъ хирургическихъ средствъ вмѣсто прежняго патологическаго леченія. За семьдесятъ лѣтъ раньше американское невольничество могло быть уничтожено однимъ энергическимъ голосомъ на представительномъ сеймѣ или однимъ параграфомъ въ конституціи, но теперь, когда деморализація его заразила всѣ здоровыя части народной жизни, для искорененія зла сдѣлалась необходимой крутая мѣра. Прежде чѣмъ отложились Южные Штаты отъ Сѣверныхъ, органическая связь ихъ давно была разорвана. Политика рабовладельцевъ издала приготовила этотъ разрывъ, и только ожидала благопріятной минуты для осуществленія его. Избраніе президентомъ Авраама Линкольна послужило поводомъ, но не было главной причиной возстанія. «Мы не можемъ долѣе жить, говорилъ Джеферсонъ Дэвисъ, подъ однимъ управленіемъ, съ одними законами, на одинаковыхъ правахъ; съ этого времени интересы наши различныя, политическія и нравственныя цѣли расходятся; съ этого времени мы (т. е. южные плантаторы) должны имѣть свой національный флагъ, свои границы, свой парламентъ и свою собственную администрацію.» Переводя эти слова монгомерійскаго оратора на простой человѣческій языкъ, надо было выразиться такъ: «мы отлагаемся отъ Сѣверныхъ Штатовъ не потому, чтобъ ихъ свободная конституція стѣсняла нашу дѣятельность или нарушала общественные интересы, а потому что рабство Негровъ для насъ дороже всякой свободы; мы имъ живемъ, насчетъ его богатѣемъ, мы составили громадныя торговые обороты, всемірную промышленность руками африканскихъ невольниковъ, и потому желаемъ сохранить ихъ, во что бы то ни стало; а для сохраненія рабовъ и удержанія ихъ въ прежней покорности намъ необходимо особенное управленіе—строгая внутренняя администрація съ полицейскимъ надзоромъ, съ философіей Фицъ-Гуга, проповѣдующей право рабства, намъ необходимы заставы, черезъ которыя не могъ бы перейти невольникъ или зайти свободное слово; намъ необходимъ особый національный флагъ, на звѣздномъ фонѣ котораго была бы вышита плеть; однимъ словомъ, намъ нужны четыре милліона Негровъ, обрабатывающихъ наши плантаціи и поля и набивающихъ наши кар-

ианы долларами. Вотъ почему мы отпадаемъ отъ союза и лучше рѣшаемся на братоубійственную войну, чѣмъ на уничтоженіе рабства». Между тѣмъ, какъ партія плантаторовъ говорила такъ, аболіціонисты Сѣверныхъ Штатовъ разсуждали иначе: «рабство Негровъ, протестовали они, пятнаетъ честь американской республики, тяготитъ нашу совѣсть, заставляетъ лицемерить и лгать въ сношеніяхъ съ другими націями и передъ народнымъ мнѣніемъ; рабство развращаетъ наше селеніе, школу и общество, задерживаетъ прогрессъ, искажаетъ законодательныя мѣры, изъ представительной системы дѣлаетъ органъ безчестныхъ и своекорыстныхъ расчетовъ негровладельцевъ, однимъ словомъ, та же цѣпь, которая звенитъ на ногахъ невольника, связываетъ наши собственныя руки и причиняетъ боль всему государственному организму»...

Въ этихъ радикально-противоположныхъ взглядахъ и политическихъ стремленіяхъ скрывался постоянный антагонизмъ Сѣвера съ Югомъ. Въ послѣднія десять лѣтъ онъ обратился въ открытую и упорную борьбу партій, изъ которыхъ каждая домогалась преобладанія въ правительственной власти. Съ одной стороны, люди, подобные Броуну, шли на эшафотъ за свое горячее сочувствіе свободѣ, составлялись общества въ пользу эманципации; съ другой стороны, плантаторы добивались явнаго перевѣса въ парламентѣ и вносили одинъ билль за другимъ для огражденія своего самоуправства и основанной на немъ эксплуатаціи рабовъ. Не было ни одного государственнаго распоряженія, въ которое не замѣшивался бы вопросъ о неграхъ и не торжизилъ бы развитіе той или другой реформы; ему подчинялось мнѣніе большинства, отъ него зависѣли промышленныя соображенія и система выборовъ, такъ что, наконецъ, свобода надъ рабствомъ или рабство надъ свободой должно было восторжествовать, но жить вмѣстѣ они не могли, какъ говорилъ Дэвисъ.

Такимъ образомъ распаденіе союза было совершившимся фактомъ гораздо прежде, чѣмъ объявили его монгомерійскія палаты. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было его отсрочить взаимными уступками еще на нѣсколько лѣтъ, остановить кой-какими административными палліативами, но предотвратить навсегда не могла никакая человѣческая сила. Первые симптомы междоусобной войны начались со стороны Юга, и это было логическимъ послѣдствіемъ плантаторской политики. Провозгласивъ независимость южной федераціи, рабовладельцы имѣли въ виду не только отдѣлаться отъ союза, но также нанести рѣши-

тельный ударъ его матеріальному могуществу и силой вырвать признание своихъ правъ. Остаться въ спокойномъ положеніи — значило поставить вопросъ на дипломатическую почву и разрѣшить его въ пользу Сѣвера. Притомъ возмущившіеся штаты опасались вторженія враговъ въ свои границы, гдѣ треть народонаселенія могла подняться по первому сигналу противъ своихъ притѣснителей; наконецъ Югу надо было начать войну и потому, что она, возбуждая патріотическій энтузіазмъ, склоняла на сторону его пограничныя провинціи, болѣе или менѣе заинтересованныя въ выгодахъ отъ рабовладѣнія, и благовидными антипатіями прикрывала свои неблаговидныя цѣли; въ случаѣ успѣха, она давала возможность побѣдителю предписать Сѣверу свои условія и обозначить пограничную линію тамъ, гдѣ было бы ему угодно. Иначе распорядились Сѣверныя Штаты. Принужденные вести оборонительную войну, потерявъ лучшія позиціи, они не хотѣли воспользоваться даже нравственнымъ превосходствомъ своего положенія. Вмѣсто того, чтобы стать открыто на сторонѣ эманципаціи, осмыслить кровопролитную борьбу уважительными причинами, Янки вздумали доказывать свѣту, что война ведется за нарушение третьяго параграфа конституціи, за произвольное отложеніе Юга. Но кого же могла убѣждать эта бюрократическая формальность, когда единство союза сдѣлалось невозможнымъ на дѣлѣ? И стояло ли ради воображаемой цѣлости федеративнаго политическаго тѣла ставить на ноги трехсотысячную армію, покрыть поля, болѣе шестидесяти лѣтъ не слыхавшія ни треска ядеръ, ни грома пушекъ, кровью своихъ жителей и развалинами городовъ, подвергаться опасности государственнаго банкротства, отрывать отъ мирныхъ занятій работника и вносить разоръ и горе въ тысячи семействъ? Такое поведеніе ясно показало, что Сѣверъ лицемерилъ въ своихъ антипатіяхъ къ рабству, что онъ не желалъ уничтоженія его, а хотѣлъ пользоваться имъ вмѣстѣ съ плантаторами, но нѣсколько иначе, чѣмъ это было прежде. Если это такъ — а сомнѣваться въ этомъ очень трудно — то надобно было имѣть всю недалекую видность Бьюканана и полное отсутствіе энергіи Линкольна, чтобы допустить изъ-за такихъ мелкихъ обстоятельствъ разгорѣться такой колоссальной войнѣ. Неужели заатлантическіе лавочники не могли понять, что, допустивъ вооруженное столкновеніе съ Югомъ, они должны были развернуть свое знамя не во имя юридическихъ кляузъ, а во имя свободы рабовъ. Только при такомъ направленіи дѣла, они находили себѣ сочувствіе въ европейскомъ мнѣніи, въ лучшихъ людяхъ своего собственнаго об-

щества и давали войнѣ характеръ не купеческаго разсчета, а человѣческой справедливости. Кромѣ того, они приобрѣтали себѣ надежную помощь въ самыхъ Неграхъ, которые дѣлались естественными сторонниками своихъ освободителей. А теперь что? Изъ-за чего рѣжутся эти сотни тысячъ людей? На это отвѣчать со смысломъ не легко. Возвратить отложившіяся провинціи невозможно, заставить ихъ признать надъ собою политическое преобладаніе Сѣвера—совершенно бесполезно, а освободить Негровъ нѣтъ искренняго желанія. Изъ-за чего же споръ и драка, спрашиваемъ мы? Въ сущности изъ-за того, что американскій вопросъ съ самаго начала попалъ въ руки бюрократовъ и легистовъ; благодаря имъ, онъ не былъ достаточно понятъ ни той, ни другой стороной, и теперь судьба его предоставлена случаю или перевѣсу силы.

Рѣдко человѣческій оптимизмъ поступалъ такъ близоручо какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Передъ войной, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ была какая-то наивная увѣренность, что отложеніе Юга отъ Сѣвера—невозможный фактъ, что рабовладѣльческіе штаты не могутъ существовать независимо и ограничатся одной угрозой отпаденія, но наконецъ все-таки возвратятся къ союзу. Уашигтонская палата, ослѣпленная этой надеждой, постоянно ожидала раскаянія со стороны плантаторовъ и была убѣждена, что вотъ-вотъ явятся депутаты съ просьбой о прошеніи. Но депутаты не являлись, а составлялось огромное войско и занимало самые выгодные посты. Когда же открылись военныя дѣйствія, и непріятельскія арміи стояли другъ передъ другомъ, публицисты начали на разныя варіаціи оплакивать бѣдствія междуусобія и распаденія такой могущественной націи, какъ Соединенные Штаты. Все это было, конечно, очень чувствительно и грустно, но совершенно естественно. Нѣтъ сомнѣнія, что война—величайшее несчастіе нашего времени, но что же дѣлать, если человѣчество еще не дошло до того, чтобъ разрѣшать международные вопросы, самые незамысловатые, не кулакомъ, а разумомъ... Само собою разумѣется, что много погибнетъ людей, много будетъ разрушено состояній, но развѣ меньше зла причинить рабство въ ряду нѣсколькихъ поколѣній, развѣ не тѣми же человѣческими костями будутъ устѣяны поля, залиты потомъ и кровью Негровъ. Мы даже думаемъ, что никакая война, какъ бы она ни была гибельна по своимъ послѣдствіямъ, не можетъ идти въ сравненіе съ такимъ глубокимъ зломъ, какъ медленныя и глухія страданія четырехъ милліоновъ рабовъ, впродолженіе уже истекшихъ семидесяти лѣтъ.

Но оптимизмъ упоренъ; несмотря на то, что американскій запросъ достаточно выяснилъ свою идею и результаты, многіе публицисты продолжаютъ думать, что единство союза возможно, что побѣда Сѣверныхъ Штатовъ можетъ снова утвердить его надолго. Къ крайнему нашему удивленію, въ числѣ этихъ сентиментальныхъ публицистовъ замѣшался человекъ, мнѣніями котораго привыкла дорожить Европа: мы говоримъ о Стюартѣ Милѣ. Милъ одинъ изъ тѣхъ мыслителей, въ головѣ котораго укладывается гораздо больше здравыхъ идей, чѣмъ у всѣхъ государственныхъ людей Англій вмѣстѣ; его многостороннему образованию и реальному философскому воззрѣнію доступны всѣ современные вопросы, и когда онъ подаетъ свой голосъ о нихъ, мы напередъ знаемъ, что въ этомъ голосѣ заключается много правды и умственной силы. По убѣжденіямъ, Милъ стоитъ въ ряду искреннихъ друзей свободы и прогресса; когда онъ былъ молодъ, его демократическія убѣжденія примыкали къ крайнимъ социальнымъ идеямъ Франціи; но съ лѣтами и пережитыми опытами, его сангвиническій темпераментъ умирался болѣе спокойнымъ взглядомъ на вещи: изъ восторженнаго поклонника массы онъ перешелъ къ утилитарной школѣ, положивъ въ основу своего ученія болѣе положительныя результаты вмѣсто прежнихъ блестящихъ, но отдаленныхъ надеждъ... Есть одна прекрасная черта въ этомъ писателѣ, которую мы особенно уважаемъ: добросовѣстное обращеніе съ тѣми вопросами, о которыхъ онъ разсуждаетъ. Милъ рѣдко беретъ перо въ руки, но когда его беретъ, то всегда скажетъ что нибудь очень хорошее; онъ долго и зорко слѣдитъ за развитіемъ социальнаго или политическаго явленія, тяжело обдумываетъ его, выжидаетъ, какъ оно выразится на дѣлѣ, взвѣшиваетъ его съ разныхъ сторонъ, и когда положить свою мысль на немъ—эта мысль отличается необыкновенной зрѣлостью и широкимъ кругозоромъ. Но у Миля, особенно въ послѣднее время, стали появляться и значительные недостатки. Увлекаясь чисто-практическими цѣлями вопроса, онъ часто грѣшитъ уступками *данной минутѣ* и *текущимъ обстоятельствамъ* насчетъ самаго принципа; иначе говоря, онъ жертвуетъ строго-логическими выводами своей идеи въ пользу постороннихъ вліяній на его мнѣніе.

Такого свойства и послѣдняя его статья, поставленная въ заглавіи нашего разбора. Во всѣхъ частныхъ и второстепенныхъ замѣчаніяхъ мы согласны съ ней; мы раздѣляемъ задумешное отвращеніе Миля къ невольничеству, его пламенную вѣру въ отживающія его на-

чала, мы никогда не сомнѣвались, что послѣдняя побѣда, какъ бы дорого ни была куплена, всегда останется за свободой, но мы рѣшительно расходимся съ нимъ въ самомъ основаніи его идеи. На этотъ разъ его покидаетъ обычная ясность ума и пронизательность взгляда: съ небольшимъ различіемъ онъ становится на ту точку зрѣнія, съ которой хлопаютъ по воздуху фразами сладенькіе французскіе публицисты и вторятъ имъ наши кислые подражатели. Миль утверждаетъ, что для уничтоженія невольничества, самое вѣрное средство заключается въ покореніи Южныхъ Штатовъ и если не въ добровольномъ, то въ насильственномъ присоединеніи ихъ къ союзу; онъ убѣжденъ, что съ той минуты, когда побѣдоносный сѣверъ заставитъ отложившіяся провинціи опять войти въ общій составъ федераціи и опояшетъ рабство извѣстными предѣлами, тогда распространеніе его сдѣлается невозможнымъ и оно будетъ обречено на самоуничтоженіе. «Тотъ день, говоритъ Миль, когда рабство не можетъ болѣе распространяться, будетъ днемъ его смерти. Рабовладѣльцы знаютъ это и потому бѣснуются. Они знаютъ, какъ и всѣ, кто слѣдилъ за предметомъ, что ограниченіе невольничества въ его настоящихъ границахъ есть приговоръ надъ его уничтоженіемъ. Несовмѣстное съ какимъ бы то ни было образованнымъ трудомъ, оно сосредоточиваетъ всѣ произведенія страны на одномъ или двухъ продуктахъ, главнѣйшимъ образомъ на хлопчаткѣ, разведеніе и приготовленіе которой для рынка требуетъ немногимъ болѣе грубаго животнаго труда. Обработка хлопка, по мнѣнію всѣхъ свѣдующихъ судей, преимущественно спасаетъ американское рабство; но если эта обработка будетъ замкнута въ извѣстную территоріальную черту, то по прошествіи немногихъ лѣтъ она истощитъ всѣ земли, и должна отыскивать новыя, углубляясь къ западу. Поэтому разработка новыхъ полей составляетъ для рабскаго труда вопросъ жизни и смерти. Заключить этотъ трудъ въ настоящихъ штатахъ — значитъ осудить рабовладѣльческую собственность на скорое разореніе или заставить плантаторовъ найти средства для преобразования агрикультурной системы: но преобразовать систему нельзя, не возвративъ рабамъ человѣческія права или не замѣнивъ принудительный трудъ свободнымъ; въ обоихъ случаяхъ неизбежнымъ и вѣроятно быстрымъ послѣдствіемъ было бы рѣшительное уничтоженіе рабства». Къ такому выводу приходятъ Миль въ своей оптимистической теоріи. Во-первыхъ, онъ допускаетъ возможность и законность возстановленія союза, какъ цѣлаго политическаго организма. Во-вто-

рыхъ, въ слѣду побѣды Сѣверныхъ Штатовъ, онъ считаетъ неспремѣннымъ условіемъ ея опредѣленіе точныхъ границъ для рабства, которое вслѣдствіе своего собственного безсилія не замедлитъ исчезнуть. Посмотримъ, насколько вѣроятны и основательны эти выводы.

Еще недавно въ Англіи и Франціи повторялось мнѣніе, что американская война ведется не изъ-за рабства, а изъ чисто коммерческихъ расчетовъ, что настоящей причиной разрыва штатовъ были несогласія по предмету тарифа. Одинъ изъ французскихъ писателей (Рену) даже совѣтовалъ европейскимъ правительствамъ, въ видахъ собственной пользы, принять участіе въ судьбѣ Южныхъ Штатовъ, облегчить имъ побѣду надъ Сѣверомъ, чтобы обезопасить Европу на будущее время отъ угрожающаго могущества Америки. Нодумать такъ—значитъ не понимать смысла фактовъ. Мы сказали выше, что Сѣверные Штаты не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ въ борьбѣ съ Югомъ, что они придали войнѣ ложный и лицемерный характеръ; но событія сильнѣе всякихъ дипломатическихъ соображеній и всего лучше говорятъ сами за себя. Вопросъ нисколько не измѣняется оттого, какъ смотреть на войну та или другая американская партія, какъ понимаетъ его то или другое правительство: въ сущности онъ остается вопросомъ рабства, имѣющимъ общечеловѣчскій интересъ. Въ основаніи его, какъ мы видѣли, лежатъ глубокія антипатіи двухъ политическихъ системъ; въ немъ выражается самая капитальная часть исторіи союза. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему постоянно стремились Южные Штаты съ 1829—1860 годъ? Къ легальному утверженію рабства, сначала признаннаго на правахъ исключительнаго учрежденія. Преобладающій голосъ Юга въ парламентѣ, въ каждые четыре года, прибавлялъ какую нибудь новую привилегію рабовладѣльцамъ. Сначала было позволено имъ отодвинуть свою границу за Миссури и Арканзасъ, потомъ они завладѣли Техасомъ, домогались Кубы, отстаивали законъ о выдачѣ невольниковъ сосѣдними свободными штатами, настаивали на томъ, чтобы жители каждой провинціи рѣшали на основаніи мѣстныхъ условій допущеніе или запрещеніе невольничества, почти открыто, подъ національнымъ флагомъ, производили торговлю Неграми, перевоза ихъ толпами съ береговъ Африки, довели спекуляцію черными людьми до цинизма — разлучали семейства, откармливали дѣтей, какъ животныхъ, исключительно для рынка, и наконецъ потребовали, чтобы Сѣверные Штаты покровительствовали рабству не молчаніемъ и скрытными уступками, а явно и закономъ. Постѣ

всего этого какая же перспектива лежала передъ Америкой? Очевидно, она должна была или отказаться отъ своихъ свободныхъ принциповъ или отдѣлать двѣ противоположныя системы, не согласныя съ ея гармоническимъ развитіемъ, съ ея социальными и промышленными интересами, съ ея внутренней и вѣдшей независимостью. Поэтому разрывъ союза былъ натуральнымъ и неострашимымъ послѣдствіемъ всей исторической жизни народа. Но какимъ же образомъ, возразятъ намъ, онъ могъ существовать доселѣ? Почему же не раньше, а только теперь рабство разрываетъ страну на двѣ половины, такъ долго уживавшіяся вмѣстѣ? Это объясняется самымъ характеромъ американскаго общества. Составленное изъ разнообразныхъ элементовъ, со всевозможными оттѣнками цивилизацій и религіозныхъ ученій, разбѣянное на необозримомъ пространствѣ земель, оно прямо отъ колониальной зависимости перешло къ полной демократической свободѣ. Формулируя эту свободу въ конституцію, подъ влияніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ войны и гражданской анархіи, оно, по необходимости, должно было помириться со многими неудобствами прежней жизни; въ это критическое время для него дѣломъ первой важности было сохраненіе территориальнаго союза, и потому вопросъ о рабствѣ отступалъ далѣе, чѣмъ на второй планъ. Притомъ, закладывая въ основу государственнаго зданія чисто-народное управленіе съ всеобщей подачей голосовъ, съ обезпеченіемъ коммунальной автономіи, съ законодательной властью всѣхъ гражданъ, американская республика, разумѣется, ввѣряла свою будущую судьбу не палатамъ и правительственному сословію, а общественному мнѣнію. Отъ зрѣлости и степени образованія его прямо зависѣло благосостояніе страны; оно (т. е. это мнѣніе) могло покрыть силой большинства ужасныя ошибки и злодѣянія или быть органомъ справедливости смотря по тому, камъ и кѣмъ выражалось. При дурномъ направленіи его самая лучшая конституція могла обратиться въ самое худшее правительство, точно такъ, какъ самая плохая хартія при хорошей народной инициативѣ могла бы быть удовлетворительною. Но было бы странно думать, чтобъ общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, по отношенію къ рабству, было также гуманно въ концѣ прошлаго вѣка, какъ въ половинѣ XIX-го; еще болѣе странно было бы думать, чтобъ оно въ полстолѣтія не сдѣлало прогресса; при тѣхъ матеріальныхъ и умственныхъ успѣхахъ, какими изумляетъ насъ настоящее состояніе

Америки. И надо замѣтить, что въ этомъ случаѣ оно развивалось диаметрально-противнымъ путемъ самому рабству; если первое постоенно очищалось и созрѣвало въ своемъ политическомъ воспитаніи, то второе, въ той же пропорціи, опомлялось и грубѣло. При избраніи Линкольна они разошлись настолько, что столкновение ихъ было необходимо; а черезъ пятьдесятъ лѣтъ, по всей вѣроятности, для нихъ наступилъ бы тотъ моментъ, когда они и одного дня не могли бы остаться въ федеративномъ союзѣ. Поэтому мы убѣждены, что распаденіе Штатовъ не есть случайный фактъ, а органическое явленіе, подобное тому, какъ отъ здороваго тѣла отпадаетъ болѣзненный наростъ, потерявшій свою связь съ выздоровѣвшимъ иѣстомъ. Здѣсь происходитъ раздѣлъ не одного политическаго союза, а самыхъ принциповъ, приведенныхъ въ жизнь.

Но если добровольное и мирное соединеніе Штатовъ сдѣлалось невозможнымъ, то нельзя ли спаять ихъ, какъ думаетъ Милль, насильственно, посредствомъ завоеваній? И если можно это сдѣлать, то не легче ли достигнется эманципація Негровъ въ соединенномъ, чѣмъ въ распавшемся государствѣ? При такомъ взглядѣ, очевидно, вопросъ ставится на практическую почву, и главной задачей его дѣлается результатъ, а не идея самаго факта. Мы, конечно, согласились бы съ Миллемъ, какой бы способъ эманципаціи онъ ни предложилъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ мы желали бы съ его стороны гораздо больше убѣдительныхъ доводовъ, чѣмъ онъ представляетъ намъ. Въ защиту мнѣнія Милля есть два предположенія: во-первыхъ то, что рабство скорѣе исчезнетъ въ томъ случаѣ, когда удержится союзъ и когда свободная жизнь Сѣвера переработаетъ южное невольничество. Это одна изъ тѣхъ иллюзіи, которая особенно нравится филантропамъ: они увѣрены, что если смѣшать добро и зло въ одну кучу, то добро всегда побѣдитъ зло, такъ что нечего и заботиться о послѣднемъ:—оно само по себѣ, съ помощію химическаго процесса, превратится въ доброе начало. Теоретически это невярно, потому что, какъ въ природѣ вообще, такъ и въ человѣческой жизни, есть такіе принципы, которые какъ не смѣшивайте, какъ не соединяйте, они не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія другъ на друга. Рабство относится именно къ разряду тѣхъ принциповъ, которые можно реформировать отдѣльно, а не смѣшивать съ свободой, и ожидать отъ этого смѣшенія происхожденія какого-то особеннаго гражданскаго метиса. Греція, подобно Америкѣ, пользовалась свободными политическими учрежденіями, но не переработала своего рабства, а погибла

вѣстѣ съ нимъ. Кромѣ того, положеніе американскаго раба имѣетъ ту отличительную черту, что онъ отдѣленъ отъ блага населенія племеннымъ типомъ, самой антипатичной чертой въ народныхъ понятіяхъ. Въ Южныхъ Штатахъ Негра эксплуатируютъ, а въ Сѣверныхъ его презираютъ, и это слѣпое и жалкое презрѣніе всегда мѣшало сближенію двухъ расъ. Наконецъ отношенія плантатора къ своему рабу вовсе не таковы, чтобы онъ отступился отъ своихъ правъ ради филантропическихъ цѣлей:—плантатору нуженъ Негръ, какъ работникъ, какъ собственность, какъ орудіе его промысла и жизни, а извѣстно, что когда матеріальныя выгоды играютъ главную роль въ реформахъ, такіа реформы разрѣшаются чрезвычайно туго. Между тѣмъ, какъ мы будемъ ожидать перерожденія рабства въ союзъ съ свободой—нѣтъ сомнѣнія, плантаторы не станутъ дремать съ своей стороны; отодвигая границу на западъ и югъ, они, попрежнему, будутъ занимать новыя земли и переправлять изъ Африки новыхъ невольниковъ, такъ что еще черезъ семьдесятъ лѣтъ прибавится новыхъ четыре милліона рабовъ. Ясно, что тогда эманципация сдѣлается гораздо труднѣе, чѣмъ въ настоящую минуту.

Другое предположеніе, высказанное Миллемъ на основаніи экономическихъ соображеній и приведенное нами выше, гораздо практичнѣе перваго, но и оно не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Положимъ, что побѣда Сѣвера обезпечитъ за нимъ политическое преобладаніе надъ Югомъ, то какимъ же образомъ побѣдитель ограничитъ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ распространяться рабство, и слѣдовательно вымретъ само собою отъ недостатка дѣятельныхъ печей? Сколько можно догадываться изъ словъ самого Милля, онъ считаетъ возможнымъ опредѣленіе этой границы законодательными мѣрами. Но здѣсь является другой вопросъ: будутъ ли допущены плантаторы своимъ въ парламентъ? Будутъ, отвѣчаетъ Милль, но въ такомъ количествѣ голосовъ, чтобъ вліяніе ихъ не имѣло перевѣса надъ вліяніемъ большинства членовъ. Здѣсь опять чистѣйшая мечта умнѣйшаго публициста: вліяніе голосовъ въ какомъ бы то ни было совѣщательномъ собраніи вовсе не зависитъ отъ числа членовъ, а обусловливается множественностью другихъ обстоятельствъ—нравственнымъ характеромъ партіи, богатствомъ представителя, умственнымъ образованіемъ его и т. п. Слѣдовательно ограниченіе небольшой цифрой представителей юга ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ограниченіемъ преобладанія ихъ въ совѣтѣ. Помимо официальныхъ связей, они могутъ имѣть общіе интe-

ресы съ частными лицами, участвующими въ эксплуатаціи Негровъ, а такихъ лицъ, какъ извѣстно, найдется на Сѣверѣ не мало: большая часть банкировъ, адвокатовъ, мелкихъ фабрикантовъ и кушцовъ постоянно участвовала своими капиталами и трудомъ въ промышленности рабовладѣльцевъ и, конечно, не откажется на будущее время поддерживать ихъ въ законодательныхъ палатахъ. Такимъ образомъ, когда возникнутъ дебаты о томъ, чтобы провести пограничную черту Южнымъ Штатамъ, легко можетъ случиться, что пять или шесть плантаторовъ одержатъ верхъ надъ остальными членами. Доселѣ такъ и было: избраніе президентовъ и разныя преимущества въ пользу Юга почти всегда утверждались большинствомъ голосовъ, подъ вліяніемъ негровладѣльцевъ, хотя численный перевѣсъ былъ на сторонѣ сѣверныхъ представителей. Но согласимся, что Сѣверные Штаты не допустятъ этого вліянія, то кто же можетъ поручиться за исполненіе постановленій парламента? Чего нельзя будетъ сдѣлать легально, то сдѣлаютъ плантаторы тайно, какъ они до сихъ поръ и поступали во многихъ случаяхъ... Самымъ вѣрнымъ средствомъ для опредѣленія и охраненія пограничной линіи плантаторскихъ земель можетъ быть одна принудительная система, употребляемая завоевателемъ относительно завоеванной земли: но это значило бы выбивать кливъ клиномъ—идти къ уничтоженію рабовъ посредствомъ обращенія всей страны въ рабство или, по меньшей мѣрѣ, въ вассальную зависимость отъ побѣдителя. Мы увѣрены, что Южные Штаты никогда не покорятся такому положенію.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Милль, что рабскій трудъ сосредоточенный исключительно на производствѣ хлопокъ, со временемъ сдѣлается невыгоднымъ для плантаторовъ, если они не будутъ находить для себя новыхъ полей. Но почему же думать, что, въ случаѣ необходимости, они не рѣшатся измѣнить систему земледѣлія и не введутъ новыхъ агрикультурныхъ изобрѣтеній, чтобы поддержать плодородіе великолѣпныхъ почвъ юга и тѣмъ продлить рабовладѣніе? Эти почвы еще далеко не такъ истощены, чтобы могли угрожать безплодіемъ при самомъ незначительномъ уходѣ за ними. Притомъ доселѣ Южные Штаты занимались обработкой риса, сахарнаго тростника, табаку и хлопчатки, обмѣнивая эти произведенія на хлѣбъ и фабричныя издѣлія, добываемыя изъ Англіи, Франціи и Сѣверныхъ Штатовъ; нѣтъ сомнѣнія, что они находили эту промышленность болѣе выгодной для себя, чѣмъ всякую другую. Съ перемѣной обстоятельствъ ничто

не помышляет имъ обратить трудъ своихъ рабовъ на другія отрасли производства и сообщить земледѣльческой дѣятельности то разнообразіе, которое считаетъ Миля необходимымъ для поддержанія плодородія почвъ. Наконецъ, еслибъ предположеніе Милиа вполне осуществилось, то и тогда нѣтъ настоящей причины для плантаторовъ освобождать Негровъ; вмѣсто того что бѣ употребить раба на обработку земли, изъ него сдѣлаютъ предметъ рыночной спекуляціи, подобно тому, какъ теперь это дѣлается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ агрикультурной дѣятельности. Тѣ же тысячи черныхъ людей, взрывающихъ плантаціи южныхъ собственниковъ, впоследствии могутъ быть продаваемы, вмѣстѣ съ лошадьми и быками, мексиканскимъ и гренадскимъ эксплуататорамъ. Во всякомъ случаѣ гипотеза Милиа, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, могла бы перейти въ фактъ не ранѣе двухъ или трехъ сотъ лѣтъ; а двѣсти или триста лѣтъ ужаснаго рабства, какое только когда либо пятнало нашу планету, есть возмутительное явленіе новѣйшей исторіи.

Итакъ вотъ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли по поводу статьи Милиа: во-первыхъ, возстановленіе Союза положительно невозможно на прежнихъ мирныхъ основаніяхъ; если же оно совершится въ силу победы, то представитъ одну изъ величайшихъ соціальныхъ аномалій и не только не поможетъ эманципация рабовъ, но усложнитъ и отодвинетъ ее въ отдаленную эпоху; во-вторыхъ, какъ бы ни разсматривалась настоящая война Штатовъ, чѣмъ бы она ни кончилась, но главной причиной ея послужило рабство и послѣднимъ результатомъ ея будетъ уничтоженіе его. Мы еще не можемъ навѣрное сказать, какой оборотъ дѣлъ приметъ американскій кризисъ и какъ онъ разрѣшитъ самое освобожденіе Негровъ, но въ одномъ нельзя ошибиться, что онъ нанесетъ страшный ударъ рабовладѣльцамъ и поставитъ ихъ лицомъ къ лицу или съ внутренней революціей, или съ внѣшней зависимостью отъ завоеванія.

Кромѣ мѣстнаго значенія, американскій вопросъ не лишенъ общеевропейскаго характера; нѣкоторыя изъ ближайшихъ послѣдствій его уже опредѣлялись настолько, что историкъ и публицистъ могутъ говорить о нихъ, какъ о событіяхъ законченныхъ. Между Америкой и Европой, въ послѣдніе годы, образовалась та солидарность взаимныхъ интересовъ, которая связываетъ старый міръ съ новымъ многими соціальными отношеніями. Такъ, наприимѣръ, между рабствомъ американскаго Юга и пауперизмомъ западной Европы есть своя логическая

причины. Борьба человечества имѣетъ то отличительное свойство, что отъ одной страны непременно сообщается другой и чувствуется всеми націями, принимающими участіе въ мировомъ движеніи. Наши «люди почвы», распыляющіе ужаснѣйшій вздоръ о народности, заткнувъ себѣ носъ хлопчатой бумагой, никакъ не могутъ почувать этой международной связи; но и въ этомъ есть своя своего рода солидарность: не будь американскаго хлопка, вѣроятно, обоняніе нашихъ «людей почвы» было бы нормальнѣе, и они перестали бы называть воздушныйгъ кемпозитизмъ то, что составляетъ одну изъ самыхъ реальныхъ задачъ нашего времени... Зависимость Европы отъ Америки состоитъ преимущественно изъ промышленныхъ интересовъ. Недавно, не болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ въ Англіи создавалась колоссальная отрасль фабричнаго труда, поглотившая сотни тысячъ человѣческихъ силъ и множество капиталовъ; отъ Англіи перешла эта дѣятельность на континентъ, и здѣсь заняла видное мѣсто въ мануфактурномъ производствѣ. Происхожденіемъ своимъ эта промышленность обязана плантаціи Южной Америки. Съ 1794 года, когда Уитней изобрѣлъ свою знаменитую машину для чески волоконъ хлопчатой бумаги, Англія начинаетъ быстро распространять фабрики для выдѣлки бумажныхъ матерій. Въ 1860 году у нея работали 2,200 мануфактуръ, съ 400,000 ремесленниками и съ пятью миллиардами франковъ, пущенныхъ въ оборотъ этой торговли. Легко вообразить, какимъ паническимъ страхомъ былъ пораженъ британскій народъ, когда междоусобная война Америки прекратила ввозъ хлопка на англійскій рынокъ; тысячи пролетаріевъ въ нѣсколько недель, лишились труда и, слѣдовательно, насущнаго куска хлѣба. Катастрофа не замедлила обнаружиться въ болѣе многолюдныхъ и торговыхъ городахъ—Манчестерѣ и Ланкаширѣ. Изъ 842 мануфактуръ первого только 259 продолжали работать правильно; многіе ремесленники ограничились только половиной своей недѣльной платы и многіе должны были совершенно оставить фабрики. Нищета, выстѣсь съ голодомъ Ирландіи, потрясла общественный кредитъ и естественно отразилась на всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности. Этого мало: такъ какъ отъ англійскаго рынка болѣе или менѣе зависятъ всѣ европейскіе рынки, то вездѣ—отъ Мадрита до Берлина—почувствовался такъ называемый финансовый кризисъ, т. е. приостановилась биржевая спекуляція, сократились торговые предпріятія и обращеніе звонкой монеты между нуждающимися классами. То же самое явленіе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, повторилось во Франціи;

здѣсь оно парализовало трудъ японскихъ фабрикъ, откуда бѣдность, обыкновенно, распространяется на всю страну.

Въ виду такой опасности, Англія немедленно озаботилась прискаиваніемъ новыхъ источниковъ для добыванія хлопокъ. Изъ многочисленныхъ колоній ея одна Индія даетъ возможность запастись этимъ продуктомъ въ довольно значительномъ количествѣ; но здѣсь представляется затрудненіе—отсутствие путей сообщения и судоходныхъ рѣкъ для подвоза хлопокъ къ береговымъ портамъ. Кромѣ того, общее состояніе земледѣлія, отъ котораго во многомъ зависитъ самая разработка хлопчатки, находится въ Индустанѣ въ жалкомъ видѣ и требуетъ чрезвычайныхъ усилій для поправленія своего. Нѣтъ сомнѣнія, что Англичане не пренебрегутъ ничѣмъ; у нихъ есть деньги и силы, они сдѣлаютъ все, чтобы избѣжать крайнихъ послѣдствій еще только начинающагося кризиса, но на это требуется время, а между тѣмъ факторіи закрываются, фабрики падаютъ и рабочіе голодзуютъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать худшія изъ золъ не для Англіи,— а для континента, особенно для тѣхъ народовъ, гдѣ административная централизація загораживаетъ дорогу свободному труду и частнымъ предпріятіямъ. Что же касается правительственной помощи, на которую рассчитываютъ оптимисты, то имъ должны быть извѣстны государственные бюджеты двухъ первыхъ монархій въ Европѣ—Англіи и Франціи: долгъ первой простирается до 19 миллиардовъ (4,750,000,000 р.), а второй — около 12 миллиардовъ (почти 3,000,000,000 р.). При тѣхъ многосложныхъ расходахъ, которые обременяютъ современные правительства, нѣтъ надежды скоро уплатить этотъ долгъ, если только не обезоружатъ огромныя арміи. Другихъ средствъ у современной цивилизаціи нѣтъ и быть не можетъ; она осуждена бороться съ пролетаріатомъ и пауперизмомъ тѣмъ же оружіемъ, которымъ нанесла эти двѣ глубокія язвы западной Европѣ.

Кромѣ потрясенія промышленнаго труда, американскій кризисъ угрожаетъ и съ другой стороны. Междоусобныя смуты и ослабленіе Соединенныхъ Штатовъ, доселѣ не допускавшихъ посторонняго вмѣшательства въ американскія дѣла, теперь открываютъ ему доступъ и, разжигая политическія страсти европейскихъ кабинетовъ, подстрекаютъ въ нихъ желаніе новыхъ завоеваній. Англія едва удержалась отъ покушенія принять сторону плантаторовъ; Испанія вмѣшалась съ своимъ авторитетомъ въ дѣла мексиканскія и вмѣстѣ съ Франціей и Англіей предпринимаетъ походъ противъ Мексики. Если только

этотъ походъ состоится и увѣщается усѣхомъ, весь американскій югъ легко можетъ потерять свою автономію и надолго подчиниться вліянію Европы. Колоніи, которыя, благодаря продолжительному миру и возрождавшейся независимости, начали процвѣтать, снова впадутъ въ тотъ летаргическій сонъ, который ихъ душилъ въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ сколько предвидится столкновѣній между союзными державами, вслучаѣ дележа добычи, сколько вражды и ненависти между туземными населеніями, сколько бѣдствій и потери людей между непріятельскими войсками и мирными жителями!

Въ заключеніе мы можемъ утѣшиться однимъ обстоятельствомъ, которое разъясняетъ намъ американскій вопросъ, —возрастающимъ значеніемъ экономическаго развитія народовъ и преобладаніемъ его надъ чисто-политическими побужденіями. Соціальный принципъ раздражаетъ Штаты, съ неотразимымъ упорствомъ ведетъ рабовъ къ эманципации, запутываетъ дѣла Европы, бросаетъ сѣмена новой жизни на дряхлѣющій востокъ и отдѣляетъ гнилыя чести человѣчества отъ здоровыхъ. Прежде достаточно было одного желанія какого нибудь честолюбца для того, чтобы собрать на-скоро многочисленную армію, повести ее противъ той или другой націи и возмутить спокойствіе міра. Теперь не то—всякая бесполезная война слишкомъ дорого обходится правительству; смерть каждаго солдата и каждый выстрѣлъ наръзной пушки сопровождаются чувствительными потерями для завоевателя; мы дѣлаемся бережливѣе на растрату человѣческихъ силъ и не такъ хладнокровно смотримъ на самое убійство, какъ смотрѣли прежде. Притомъ современная война рѣзко противорѣчатъ всѣмъ экономическимъ условіямъ образованныхъ націй: она нарушаетъ обычное теченіе труда, разрушаетъ частныя состоянія, уноситъ здоровье и счастье миллионновъ людей. «Человѣчество не хочетъ войны», говоритъ Прудонъ; мы думаемъ, что оно никогда не хотѣло ея; но гдѣ же то благодѣльное средство, которымъ бы народы могли замѣнить ее въ своихъ междоусобныхъ спорахъ?

Г. Б.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Мой трепетъ передъ призракомъ общественнаго мнѣнія. — Роковая скамья подсудимыхъ и общественное чело. — Русскіе скептики и ихъ тенденціи. Нѣчто о демоническихъ натурахъ. — Кто сомнѣвается въ русскомъ прогрессѣ? Ода прогрессу. — Разница между скептицизмомъ нѣмецкаго Фауста и русскаго Собакевича. — Два слова о Никитѣ Безрыловѣ и Викторѣ Аскоченскомъ. — *Два бойца* — мимолетная импровизація. — Домашній литературный вечеръ и его составъ. — Общественное мнѣніе въ лицахъ. — Старая княжна и юный господинъ. — Парикъ допотопнаго поэта и увлеченіе институтки. — Темный человекъ передъ судомъ *выбраннаго* общества. — Мои надежды и окончательное пораженіе. — Литературныя чтенія — какъ одна изъ казней моды. — Мое злорадство. — Сказаніе о нѣкоемъ Охочекомоннѣ и объ его кулачной расправѣ съ петербургскими профессорами. — Уступка Охочекомонны въ пользу г-жи Толмачевой и одного изъ сотрудниковъ Русскаго Слова. — Счастливая звѣзда г. Печаткина. — Гимнъ Библиотекѣ для Чтенія. — Причитанья журнальной маски (З—на) надъ могилой Добролюбова. — Можно ли ставить памятники людямъ, которыхъ фамилія писалась черезъ маленькую букву? — Мой проектъ объ открытіи подписки на пожизненные монументы Зорилу, З—ну, и Охочекомоннѣ. — Осужденіе статей Добролюбова и его друзей. — Тенденціи г. З—на и дочери становаго. — «Жалоба уѣздной красавицы». — элегія. — Смыслъ могильныхъ червей. — «Кто ты?» — лирическое восклицаніе къ псевдониму. — Фантастическая сцена гласнаго судопроизводства. — Г. Лермантовъ и г-жа Кобякова. — Протестъ послѣдней. — Я, какъ адвокатъ обвиненнаго. — Моя блестящая рѣчь о собственности и кражѣ. — Почему г. Лермантовъ назвалъ *Невозможнаго богачество* — *Легкимъ богачествомъ*? — Масляница и ея удовольствія въ Петербургѣ. — Послѣдній маскарадъ въ Большомъ театрѣ и его характеръ. Сцена въ буфетѣ, гдѣ я опять являюсь адвокатомъ, но неудачнымъ. — Нерѣшенный вопросъ: кто долженъ больше обижаться: тотъ—ли, кого бьютъ, или тѣ, которые смотрятъ, какъ бьютъ?!.. — Мои маскарадныя иллюзіи. — Маскарадный мотивъ. — стихотвореніе. — Петербургская начальница и ея классическое: *встаньте!*.. — Нѣчто о скоромъ торжествѣ буквы *Ъ*.

Какъ человекъ вполне прогрессивный и въ высшей степени гуманный (я даже своей женѣ не рѣшаюсь говорить грубаго *ты*), болѣе всего въ мірѣ я боюсь общественнаго мнѣнія. Я глубоко вѣрю въ его симпатіи и антипатіи, въ его сознаніе и зрѣлость и уважаю

его приговоры. Вотъ почему, ежемѣсячно являясь передъ лицомъ моего читателя, я со страхомъ прислушиваюсь къ каждому слову, къ каждому мнѣнію о скромныхъ листкахъ темнаго человѣка. Мнѣ все чудится роковая скамья подсудимыхъ и грозное, безпощадное veto общественнаго мнѣнія.

Не разъ случалось мнѣ встрѣчаться съ такими скептиками, которые мейстофильскими улыбка ми отвѣчали на мое благоговѣйное уваженіе къ общественному суду. Самый безпощадный изъ этихъ мейстофелей всѣхъ болѣе раздражалъ меня своимъ циническимъ отрицаніемъ самыхъ лучшихъ и святыхъ моихъ упованій.

— Скажите, говорилъ онъ, что вы такъ отстаиваете?

— Общественное мнѣніе!

— Да развѣ оно у насъ существуетъ? Не будьте такъ наивны... Общественное мнѣніе! Да оно у насъ также темно, какъ древнія слова: мани, факель, фаресь и также пережѣнчиво, какъ петербургская погода. Наше общественное мнѣніе имѣетъ только одну добродѣтель—славянское гостепримство (а какъ извѣстно этой добродѣтью отличаются всѣ дикіе). Общественное мнѣніе съ одинаковымъ чувствомъ встрѣчаетъ «Современникъ» и «Домашнюю Бесѣду», слушаетъ Ристори и Бурдяна (послѣднему, впрочемъ, отдаетъ даже преимущество), присутствуетъ на публичныхъ лекціяхъ и на публичныхъ зрѣлищахъ, и свои симпатіи и антипатіи мѣняетъ или, по прихоти или по модѣ.

Такимъ образомъ рѣчь моего скептика шла *crescendo*. Люди съ такими односторонними взглядами на вещи неисправимы—хоть брось.

— Стало быть, вы даже не вѣрите въ русскій прогрессъ? замѣтилъ я съ нескрываемою досадою.

Скептикъ засмѣялся какимъ-то гадкимъ смѣхомъ, отъ котораго меня всего покорибило.

— Блаженъ, кто вѣруетъ—тепло тому на свѣтѣ! воскликнулъ онъ, ударяя меня по плечу: а это весьма удобно и комфортабельно, особенно въ такіе холода, какіе стояли нынѣшнюю зиму.

— Знаете, замѣтилъ я скептику, вѣкъ демоническихъ натуръ давно прошелъ; развѣ одинъ только Аполлонъ Григорьевъ итъ не забылъ и потому странно встрѣтить теперь петербургскаго прогрессиста—новаго Алеко во фракѣ, декламирующаго очень картинно:

Нѣтъ, я не вѣрю ни чему:
 Ни снамъ, ни шаткимъ увѣреньямъ,
 Ни даже сердцу твоему.

— Нѣтъ, уже извините: я готовъ гораздо болѣе вѣрить снамъ, чѣмъ вами же сочиненному прогрессу.

Такихъ людей къ несчастію есть много... Слышите ли, господа! Понимаете ли вы, какъ глубоко долженъ скорбѣть каждый изъ насъ за это осмѣяніе нашего новаго гражданскаго чина, нашей гражданской доблести! Какого грознаго протеста заслуживаетъ подобный невѣрующій мытарь!.. Такой голосъ также возмутителенъ и страшенъ, какъ чумный гость, представшій на шумномъ праздникѣ новобрачныхъ. Едва только появился передъ нами этотъ милый гость съ обѣтами новыхъ ласкъ, едва только на наше дѣвственное ложе опустился этотъ юный женихъ, этотъ прогрессъ, какъ тотчасъ, точь-въ-точь въ русской сказкѣ, какой-то ужасный Змѣй-Горынычъ хочетъ похитить дорогогаго юношу отъ молодой, только начинавшей оживать невѣсты...

А между тѣмъ, когда мы опомнимся отъ этого кошмара, отъ этихъ зловѣщихъ словъ современныхъ мытарей, да трезво оглянемся вокругъ себя, кто же изъ насъ усомнится въ нашемъ прогрессѣ? Гдѣ тотъ смѣльчакъ, который не злобными выходками, а на дѣлѣ докажетъ намъ его мноическое существованіе? Явился одинъ только смѣльчакъ... Но о немъ мы поговоримъ послѣ, а пока вновь прошу оглянуться васъ, господа, а главное заглянуть въ самихъ себя и потомъ рѣшить: неужели мы не созрѣли граждански?

Каждый изъ насъ, говорятъ, есть сынъ—вѣка, въ каждомъ изъ насъ вполне

Отразился вѣкъ
 И современный человекъ...

Будучи тоже сыномъ вѣка, я на этотъ разъ останавливаюсь пока на самомъ себѣ, заглядываю во всѣ изгибы своего сердца и ума и, окончивъ это трудное путешествіе, вполне остаюсь довольнымъ самимъ собою или иначе—вѣкомъ. Въ своихъ жилахъ я чувствую его мощь, въ своихъ идеяхъ—нахожу его идеи, и готовъ теперь каждаго называть въ глаза клеветникомъ, если онъ меня будетъ увѣрять въ нашей всеобщей непрогрессивности.

*

Коснувшись такого важнаго вопроса, я никакъ не могу говорить прозой, и, настроивъ свою лиру на самый торжественный ладъ, я начинаю:

ОДА ПРОГРЕССУ.

О, зачѣмъ не дала мнѣ судьба
Кисть Микѣшина, стихъ Розенгейма!
Для чего не по силамъ борьба
Мнѣ въ кругу прогрессивнаго сейма!
Пусть на доброе дѣло Зевесъ
Дастъ мнѣ краски и строгую лиру,
Чтобъ вездѣ по россійскому міру
Я прославилъ грядущій прогрессъ.

—
Надъ собою самимъ наблюдая,
Вѣка новаго чувствую духъ;
Всюду звонкія фразы кидая,
Я дивлю стариковъ и старухъ.
Обскуранту, въ полемикѣ жаркой,
Становлюсь я во всемъ въ перерѣзъ;
Обращаюсь гуманно съ кухаркой...
Это ты, нашъ великій прогрессъ!

—
Въ наказаніи порока неистовъ,
Не щажу я мнѣ близкихъ людей,
И на памятникъ двухъ публицистовъ
Я пожертвовалъ тридцать рублей.
Зло, развратъ моя казнь не прощаетъ,
И хоть часто я гнусь въ букву С,
Но вѣдь это порой разрѣшаетъ
Даже самъ нашъ великій прогрессъ!

—
Пошлыхъ львовъ, что живутъ для омаровъ
Я громилъ съ озлобленьемъ не разъ,
Если жъ книгу издастъ Костомаровъ
Не прочту, но разрѣжу тотчасъ.
И, неся современности бремя,
Бью неправду, застои на отвѣсъ,

Рецензирую Павлова «Время»...
 Это ты нашъ великій прогрессъ!

—
 Въ русскихъ дамахъ гражданства прищѣты
 Я нашелъ, и воскликнулъ: пора!
 За ланцеты, mesdames, за ланцеты!
 Въ доктора, въ доктора, въ доктора!..
 Чтобъ расходы на женскія тряпки
 Снять съ себя,—я женѣ далъ совѣтъ
 Поступить въ повивальныя бабки
 Или женскій открыть лазаретъ...

—
 Такъ себя наблюдая повсюду,
 Наконецъ я невольно призналъ,
 Что въ себѣ я—тантъся не буду—
 Гражданина ношу идеалъ,
 Хоть портретъ свой чертилъ не хитро я,
 Но большой ли вамъ въ немъ интересъ:
 На такого, какъ самъ я, героя
 Не скупится вѣдь русскій прогрессъ!

—
 Мы всѣ, какъ встые прогрессисты, увѣренные въ своихъ собственныхъ силахъ, даже не придаемъ никакого значенія тѣмъ голосамъ, которые поютъ ему погребальную пѣсню, мы уважаемъ всякое убѣжденіе, но не простимъ только одного безцѣльнаго, случайнаго отрицанія и грубыхъ выходокъ... Мы всѣ очень хорошо умѣемъ различать страстное, беспощадное отрицаніе современнаго человѣка отъ безобразнаго скептицизма какого нибудь Собакевича, бросающаго камни направо, налево, только на томъ основаніи, что у него такая ужъ широкая натура...

За что, напримѣръ, новорожденный фельетонистъ Библиотеки для Чтенія, Никита Безрыловъ, былъ встрѣченъ такимъ беспощаднымъ свистомъ? Неужели за то, что онъ не признаетъ нашего прогресса? Сильно сомнѣваюсь въ этомъ... Скорѣе всего всѣхъ возмутилъ въ немъ тонъ Собакевича, Собакевича, который говорилъ: одинъ у насъ городничій—порядочный человѣкъ, да и тотъ свинья!.. Глумясь въ этомъ родѣ, надъ всѣмъ, что не пошло подъ руку, Никита Безрыловъ вызвалъ у всѣхъ не улыбки, а досаду и сожалѣніе. »Искра»

даже обошлась съ нимъ уже черезъ-чуръ круто, поставилъ его на одну доску съ редакторомъ «Домашней Бесѣды». Положилъ Никита Безрыловъ сильно проврался и слишкомъ большую волю дать своей широкой натурѣ (вѣдь широкія натуры и зеркала любятъ бить для потѣхи), но я все-таки держусь того мнѣнія, что сравненіе гг. Н. Безрылова и А. Писемскаго съ Аскоченскимъ уже слишкомъ сильное сравненіе... Разумѣется я не сатирикъ, и слишкомъ мягкаго права для того, чтобъ рѣшиться на такой рѣзкій приговоръ, а потому не могу быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ пришла въ голову только одна мысль. Не знаю насколько гг. Безрыловъ и Писемскій оскорбятся сравненіемъ съ знаменитымъ Викторомъ Ипатьевичемъ, но вполнѣ увѣренъ, что самъ г. Аскоченскій чрезвычайно доволенъ такимъ приятнымъ для него сопоставленіемъ именъ. Сначала Аскоченскаго сравнивали съ г. Катковымъ, потомъ съ И. Аксаковымъ, наконецъ и съ г. Писемскимъ: какъ же послѣ того не удивляться темному редактору «Домашней Бесѣды»! Вѣдь это честь для него великая!

Впрочемъ, «о безобразномъ поступкѣ» Никиты Безрылова я не буду много распространяться. О немъ прокричали повсюду, даже въ *ерундль* Льва Камбека какой-то ерундистъ лягнулъ его... Чтобы съ своей стороны вовсе не пройти молчаніемъ новую «фельетонную клячу», (какъ самъ именуешь себя Никита Безрыловъ) и ея рѣшительнаго пораженія, я начинаю импровизировать слѣдующую коротенькую балладу:

Два бойца.

Разъ, съ запасомъ стрѣлъ и свиста
Старый, русскій хроникеръ
Поджидалъ фельетониста
Изъ какихъ-то темныхъ горъ.

У Печаткина въ конторѣ
Ужъ гремѣлъ о немъ разговоръ.
И сразиться въ новомъ спорѣ
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ на бой Безрыловъ,
Авторъ дивныхъ трехъ страницъ,

И хотѣлъ всѣхъ самостофановъ
Преклонить покорно ницъ.

Хроникеръ же предъ толпою,
Защищая свой принципъ,
Посмотрѣлъ, трянулъ главою —
Ахнулъ дерзкій — и погибъ.

И простертый на подмосткахъ
Неподвижно онъ лежалъ,
Тамъ, гдѣ въ «*Изгари и Блесткахъ*»
Чей-то корчился журналъ.

Вернусь теперь къ тому, съ чего я началъ — къ моей вѣрѣ въ непреложность и единство общественнаго мнѣнія. Если выходки многихъ скептиковъ не могли до сихъ поръ поколебать въ этомъ дѣлѣ моего убѣжденія, то одинъ случай, недавно бывший со мной, заставилъ сильно меня призадуматься и поколебаться. Это было на одномъ домашнемъ литературномъ вечерѣ, въ домѣ богатаго барина, къ которому, въ числѣ многихъ гостей, попалъ и я. Какъ уже извѣстно, благотворительные спектакли и литературныя чтенія сдѣлались на-сущною потребностью нашего развитаго общества. Кромѣ публичныхъ чтеній вошли въ моду домашніе вечера, на которыхъ читаются лучшія произведенія русскихъ писателей. Имѣя случай быть на одномъ изъ такихъ засѣданій, я отправился туда, довольный тѣмъ сознаниемъ, что люди нашего вѣка умѣютъ проводить свои досуги безъ танцевъ и ненавистныхъ мнѣ картъ... Не имѣя права на замѣтное появленіе въ роскошной гостиной, я, какъ незвѣстный «темный человекъ», никогда не являвшійся передъ публикою во время литературныхъ чтеній въ пассажѣ, скромно и тихо явился на званный вечеръ и изъ пустаго уголка началъ наблюдать и разсматривать окружающую меня публику. Публика же была самая разнообразная, разноцвѣтная... Я понялъ, что только одни общіе интересы и стремленія могли соединить въ одну гостиную и шумныхъ прогрессистовъ, и молчаливыхъ офицеровъ, подагрическихъ стариковъ и нервныхъ дамъ, парики и львиныя прически, шпоры и дипломатическія бакевбарды... Ктобы могъ доказать мнѣ въ ту минуту, что эти люди сошлись сюда такъ себѣ, случайно, и я на-

чалъ снова всматриваться въ лица посѣтителей литературной гостиной...

При видѣ пышныхъ львовъ и львицъ,
 Мушинъ, старушекъ и дѣвицъ,
 Шепталъ тихонько я въ гостиной:
 Всю эту смѣсь одеждъ и лицъ
 Соединилъ прогрессъ единый;
 Кого, кого тамъ не встрѣчалъ
 Мой взоръ въ толпѣ перебѣгая...
 Тамъ былъ въ отставкѣ генералъ,
 На всѣхъ смотрѣвшій не моргая;
 Тамъ былъ угрюмый откупщикъ,
 Бранившій невскіе трактиры,
 И пережившій свой парикъ
 Поэтъ, отставленный отъ лиры;
 Тамъ былъ развязный офицеръ
 Съ непозволительнымъ румянцемъ,
 Домашній врачъ, акціонеръ,
 Артистъ, смотрѣвшій итальянцемъ;
 Тамъ былъ пріятный господинъ
 Болонку гладившій хозяйки,
 И двѣ княжны, вносившихъ сплинъ,
 Дѣвицы въ лѣтахъ и всезнайки.

—
 Я созерцалъ—колоду картъ
 Всего общественнаго миѣнья:
 Тамъ былъ наfabренный валетъ
 Съ обѣтохъ вѣчнаго молчанья
 И дама пикъ,—ужъ двадцать лѣтъ
 Дочь вывозившая въ собрание.
 Чиновникъ, баринъ и купецъ
 Всѣ были призваны на чтенье:
 Тамъ все общественное миѣнье
 Нашелъ я въ лицахъ наконецъ.

—
 Съ особеннымъ любопытствомъ началъ я прислушиваться къ толкамъ и рѣчамъ представителей и представительницъ русскаго прогресса. Книжки и журналы, покрывавшія большой столъ, еще не были тронуты;

всѣ разсѣлись по небольшимъ группамъ, точно посетители тепершняго шахматнаго клуба и предавались тихой и разумной бесѣдѣ:

Я подошелъ къ первому кружку, гдѣ сидѣла сама хозяйка еще молодая и красивая женщина.

— Какъ вы думаете, говорила хозяйка сладко улыбающемуся господину, игравшему съ ея собачкой: нужно ли женщинамъ учиться медицинѣ и добиваться докторскихъ патентовъ?

— Это было бы нужно... въ такомъ случаѣ, еслибы на землѣ остались однѣ только женщины, а теперь пока, все это—маленькія утѣшкі, дѣтскія теорейки... ей—Богу—съ!

— Да и къ чему женщинамъ медицина, замѣтилъ развязный господинъ, когда онѣ и безъ помощи аптеки могутъ поражать и укладывать насъ въ могилу... Ха, ха, ха!..

Блѣднощекая блондина бросила на говорившаго такой благодарный и глубокий взглядъ, отъ котораго не устояло бы ни одно застрахованное отъ огня сердце...

— Согласились ли бы, продолжалъ развязный господинъ обращаясь къ блондинкѣ, поступить во врачѣ, съ обязанностью ѣздить по грязнымъ больницамъ и вознѣться съ мертвыми трупами?

— Фи! за кого вы меня считаете? Развѣ прилично дѣвушкамъ спускаться до роли какой—то лекарки? Вы вѣдь знаете, что у насъ даже... акушерки (при этомъ словѣ она сильно покраснѣла) нигдѣ не приняты, нигдѣ не бываютъ.

— Нашлись же порядочныя женщины, замѣтилъ рѣзко студентъ, который не нашлѣ *неприличнымъ*—слушаніе лекцій въ медицинской академіи...

— Мало ли, батюшка, есть женщины, проговорила съдама разряженная старуха... Всякія есть... Всѣмъ законъ не писанъ...

Я перешелъ въ другую сторону.

Въ это время къ кружку нѣсколькихъ дамъ и мушницъ подошелъ только—что пріѣхавшій молодой человекъ.

Сыпались пріѣтствія и вопросы.

— Bonjour, M—г Зборингъ! Здравствуйте! Откуда вы такъ поздне?

— Изъ русской оперы—смотрѣлъ Никольскаго въ «Жизни за Царя»...

— Изъ русской оперы? удивлялась полная дама: да развѣ можно ѣздить въ русскую оперу... это должно быть очень уморительно и скучно!..

— А чья это овера «Жизнь за царя?» продолжала она.

— Глики, зачиталъ кто-то. Последовало длинное: а, а, а!..

— А что, хорошея собою Никольскій, допрашивала старая книжка своего соседа.

— Извините, это уже никакъ не по моей части...

— Ахъ, Марію, очаровательный Марію, вздыхала книжка: кто зачитать намъ его!...

— Говорять, что Сятовъ,—улыбаясь, зачитилъ новопришедшій. Мы, какъ патриоты, должны поддержать эту мысль, хотя клеветники и говорятъ, что онъ потерялъ свой голосъ.

— Что такое за исторія поднялась въ нашихъ газетахъ о кукельвантѣ, началъ лысый начальникъ отдѣленія. Вы должны знать это, обратился онъ къ домашнему врачу.

— Это одна изъ клеветъ, отвѣчалъ врачъ, на которомъ такъ щедро теперешняя журналистика. Обличительная литература оказалась гораздо вреднѣе всѣхъ возможныхъ кукельвантовъ...

— Дѣйствительно, теперь у насъ читать нечего, виѣшалась дама съ мужскими формами: ни одного почти журнала въ руки взять нельзя... Только за одними переводными романами и можно еще отдохнуть...

— Ахъ, вы были на последнемъ литературномъ чтеніи? обратилась къ ней розовенькая институтка.

— Нѣтъ.

— Жаль... Майковъ стихи читалъ, такъ хорошо читалъ, что я чуть не плакала... Ахъ, какой онъ думка!..

— Знаете печальную новость, говорилъ аукціонеръ дремшему посету въ парикѣ: вчера скоростижно умеръ И. И. Панаевъ.

Древній поэтъ поправилъ галстукъ и слезливо покачалъ головой.

Отставной генералъ первый разъ въ продолженіи вечера моргнулъ глазами и что-то промычалъ.

— А кто это Панаевъ? смѣло спросилъ начальникъ отдѣленія, я, кажется, слушалъ...

— Это одинъ изъ русскихъ литераторовъ, одно время очень любимый публикой. Какъ авторъ легкихъ рассказовъ и очерковъ, онъ составилъ себѣ имя въ журналистикѣ....

— Ахъ, помню, виѣшался завитой молодой человекъ, вѣдь это онъ, кажется, написалъ: «опытъ о хлыщахъ»... Бойко написано...

Разговоры шли въ этомъ тонѣ. Гости, собравшись на литературный вечеръ, видимо старались говорить о «матерьяхъ важныхъ», но

все это какъ-то не удавалось и тихій ангелъ не разъ парилъ то надъ тѣмъ, то надъ этимъ кружкомъ.

— Что жъ? думалъ я. Одна только непривычка къ подобнымъ собраніямъ—ничего болѣе. Вѣдь могли бы и въ карты съестъ играть, а вотъ не играютъ...

Между тѣмъ время проходило и хотя въ карты дѣйствительно не играли, но вечеръ только по названію былъ литературный. Нѣсколько молодыхъ людей и дамъ, чтобъ хоть немного очистить свою совѣсть, подошли къ огромному столу съ книгами, начали перелистывать журналы и пробѣгать нѣкоторые стихотворенія.

Наконецъ—это была роковая для меня минута—кому-то вдумалось развернуть одну изъ послѣднихъ книжекъ Русскаго Слова и именно тамъ, гдѣ начинается «дневникъ темнаго человѣка».

Понимаете ли вы, добродѣтельный читатель, что долженъ былъ чувствовать я, скромный труженикъ, въ то время, когда, находясь въ такомъ блестящемъ обществѣ, начали громко читать вступительные стихи моего листка, а потомъ и самый листокъ. Я задрожалъ, какъ невѣста передъ дверью перваго база и почувствовалъ, что въ горлѣ моемъ вдругъ пересохло...

Хозяинъ дома, сидѣвшій рядомъ со мной, нѣсколько разъ хотѣлъ объявить о присутствіи въ гостиной самого автора, но я такъ убѣдительно и слезно посмотрѣлъ на него, что онъ понялъ мою изъясную просьбу.

Я перевелъ дыханіе и началъ слушать.

Листокъ мой начали читать вслухъ, сначала тихо, а потомъ довольно громко. Нѣсколько улыбокъ двухъ, трехъ слушателей заинтересовало другихъ—и всѣ примолкли.

Во время чтенія, въ безмолвныхъ лицахъ слушателей я старался прочесть свой приговоръ и чутко, съ замраніемъ сердца взглядывался въ каждую фзюномію.

Каждую улыбку слушателя я цѣпилъ на вѣсъ золота, отъ каждой зѣвоты приходилъ въ лихорадочное содроганіе. Особенно безпокоило меня выраженіе лица начальника отдѣленія, выраженіе до того грозное, что я готовъ былъ въ ту минуту дать вѣчный обѣтъ—никогда не писать ни въ одномъ русскомъ журналѣ. Я съ трепетомъ ждалъ конца чтенія; я молилъ судьбу, чтобъ какойнибудь непредвидѣнный случай, въ родѣ сосѣдняго пожара или землетрясенія, разомъ заставилъ бы забыть гостей и журналъ, и литературу, и бѣднаго темнаго человѣка.

Но землетрясенія не случилось, пожара—тоже, и чтеніе на одной изъ страницъ остановилось...

— Кто это пишетъ подъ именемъ темнаго челоѣвка? небрежно замѣтила старая княжна: немножко тривіально, но не совѣтъ скучно... Стишки есть не дуришь!..

Какъ не безобразна была говорившая, но за эту жесткую похвалу я готовъ былъ поцѣловать ее прямо въ губы, въ ея ужасныя, искривленныя губы.

— Мало ли нынче развелось разныхъ псевдонимныхъ писакъ, злобно замѣтилъ начальникъ отдѣленія, глядящихся надъ встрѣчнымъ и исперечивымъ... Розенгеймъ какой нибудь пишетъ...

Что я чувствовалъ въ эту минуту? Въ тѣ дни, когда самаго Писемскаго и Аксакова сравниваютъ съ Асоченскимъ, меня, даже мой антагонистъ, смѣшалъ, да съ кѣмъ смѣшалъ?

Вго творца, героя, полу-бога

русской сатиры—Розенгейма могъ подозрѣвать въ темномъ авторѣ темнаго листка? Чтобъ не сказалъ послѣ этого сравненія начальникъ отдѣленія, какъ бы не разобралъ меня—я былъ исполненъ тайной и великой горлости.

— Куплеты есть бойкіе—произнесъ древній поэтъ, но поэзія нѣтъ, мягкости, отдѣлки... Современные поэты возвышенныхъ чувствъ не понимаютъ, замѣтилъ онъ со вздохомъ.

Отставной генералъ вторично моргнулъ глазами и я въ первый разъ услышалъ его голосъ:

— Малокососы! Уваженія къ лѣтамъ и званію не имѣютъ...

— Я нахожу, виѣшался завятой господинъ, что современные, такъ называемые свистуны, ужасно циничны... Рѣшительно порядочнаго тона не знаютъ: есть что—то трактирное, вульгарное, неопрятное даже въ самомъ ихъ остроуміи...

Я бросилъ взглядъ ненависти на говорившаго, и если бы не студентъ съ длинными волосами оборвавшій его, я былъ самъ готовъ на какую нибудь рѣзкую выходку.

— Вотъ толи дѣло, говорить княжнѣ развязный офицеръ—статейки «рыцаря стеклышка и пѣзда» въ Модномъ Магазиנѣ. Если вы не читали, княжна, то пожалуйста прочтите: граціозно, легко и не обидно...

— Ахъ, я читала, замѣтила институтка... еще тамъ написано о томъ, какъ рыцарь нашелъ портъ-моне на невскомъ проспектѣ.

Въ это время хозяинъ дома предложилъ обществу прочесть новое произведеніе Островскаго—Козьма Минина.

— Что это—повѣсть? спросила вдовушка, шала вѣеромъ.

— Нѣтъ, драма; Островскій получилъ за нее награду—бриллиантовый перстень и вмѣстѣ съ награжденнымъ Кальцоляри принадлежитъ къ любимцамъ публики...

Поэтъ въ парикѣ вызвался быть чтецомъ и чтеніе началось. Во время его я успѣлъ отдохнуть послѣ тяжелого впечатлѣнія собственной казни, и съ какимъ-то почти нескрываемымъ озлобленіемъ началъ смотрѣть, какъ неистово скучала вся публика, слушая однообразную декламацию стараго чтеца. Я съ наслажденіемъ ловилъ скуку и зѣвоту на лицахъ гостей, обманывавшихъ другъ друга своимъ напряженнымъ, вымученнымъ вниманіемъ. Взглядъ отставнаго генерала какъ бы окаменѣлъ и онъ сидѣлъ туго и недвижно, точно во время сеанса фотографа. Институтка, искоса поглядывая на развазнаго офицера, усиленно глотала свою зѣвоту. Завитой господинъ кусалъ ногти, сидя какъ разъ противъ злоулыбающагося студента и показывая видъ, что онъ внимательно слѣдитъ за чтеніемъ... Мнѣ было весело въ эти часы видѣть добровольныя мученія благовоспитанныхъ слушателей, и къ общему негодованію (тайному разумѣтся) вслухъ восторгался нѣкоторыми монологами и декламациею несчастнаго читальщика.

Наконецъ ужинъ прервалъ чтеніе, и гости измученные, истерзанные, проклиная въ душѣ новую моду литературныхъ вечеровъ, отправились въ столовую, разомъ начавши говорить о новомъ пьесникѣ, затѣваемомъ ими на той недѣлѣ.

— Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ нашего общества? думалъ я, садясь на извожника, послѣ этого вечера. Неужели я обманывался? Но я тутъ же понялъ, что смотрю на это дѣло пристрастно, подъ вліяніемъ только-что задѣтаго авторскаго самолюбія. Нѣтъ, я обманулся на этотъ разъ, рѣшилъ я наконецъ и торжественно воскликнулъ:

Во всемъ прогрессъ по волѣ неба,
Во всемъ развитіи законъ...

Съ какими еще отрадными явленіями нашихъ дней познакомлю я моего читателя? Явленій отрадныхъ такъ много, что я теряюсь въ сво-

ить соображеніяхъ и не знаю съ чего начать!.. Съ добродѣтельныхъ ли порывовъ Н. Ф. Павлова, (которому я собираюсь посвятить свой переводъ изъ гётевскаго Фауста, гдѣ Фаустъ продаетъ свою душу мѣстошлю) съ театралныхъ ли полемикъ г. Ротчева или наконецъ съ замѣчательныхъ произведеній г. Охочекомонна въ Библіотекѣ для Чтенія. Начну именно съ послѣдняго, какъ съ самаго ютѣйшаго журнальнаго прогрессиста.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ всѣ мы ужасно какъ волновались и обижались, когда нашихъ петербургскихъ дѣятелей и журналистовъ, г. Борисъ Чичеринъ и К^о называли *литературными казакками, сплетниками* и другими болѣе или менѣе граціозными названіями.

Всѣ непрактическіе люди или, выражаясь приличнѣе, «люди не выходящіе почмы подъ ногами», не могли вынести равнодушно зиптетовъ московскаго изготолвенія. Такая неестественная скромность, достойная только институтокъ, дѣйствительно была странной въ серьезныхъ, кабинетныхъ людяхъ, никогда не заглядывавшихъ въ лексиконы *приличья* и *модныхъ* выраженій...

Ну, вотъ великая, въ самомъ дѣлѣ, бѣда, если на мѣсто чина какого нибудь надворнаго совѣтника насъ обзовутъ казаккомъ или черносомъ!.. Невѣдніе наше продолжалось бы еще очень долго, еслибы не явился новый голосъ, новый полемическій реформаторъ, который доказалъ, что порядочные люди вовсе не должны жеманиться и красить отъ каждаго рѣзкаго выраженія. Вотъ Англичане и образованный народъ, а боксами занимаются же...

— Долю рутину, возопилъ Охочекомонна, надѣвая кулачныя рукавицы. Будемъ искренны и откровенны во всемъ. Подъ цинизмомъ нравовъ скрывается ихъ красота и сила.

Въ слѣдъ за этимъ, г. Охочекомонна началъ искать себѣ журнальнаго органа, гдѣ бы онъ могъ распоясаться и приступить къ своей новой полемикѣ.

Библіотека для Чтенія, утопленная стихотвореніями Зорина и Иванова, предложила ему свои услуги.

— Авось, думаетъ, скандалъ надѣлаетъ, а безъ него плохо теперь приходится. Идите же, г. Охочекомонна,

Гуляйте, гдѣ благоугодно!..

И вотъ появилось грозное слово объ университетахъ и о статьяхъ

нѣкоторыхъ ученыхъ, писавшихъ на эту тему. Охочекомонна задаль себя задачей поразить всѣхъ своихъ враговъ разомъ.

— Чѣмъ же ихъ поразить? думаль новый Илья Муромецъ. Логикой? Не сладишь. Здравымъ смысломъ? Тоже трудно... Что же дѣлать? Но боецъ не сробѣль и придумаль новый методъ битвы.

Началь онъ съ самаго сильнѣйшаго.

— Вы, говорить, сударь не ученый, а *мартышка*,—ничего бо-
лѣе. Знаете, какія стигмы къ вамъ идутъ? Вотъ какіе:

Стой, братцы, стой: кричить *мартышка*,—погодите,
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите...

— А для васъ господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ другимъ своимъ противникамъ, тоже стигмекъ есть:

Постойте, я сыскаль секретъ,—кричить *оселъ*,
Мы вѣрно ужъ поладимъ, коль рядомъ садимъ.

Лица названные такъ откровенно *осламы*—разумѣется были поражены на смерть.

Охочекомонна видимо повяль всю выгоду своей полемикѣ; онъ по методу г. Бланка, только и можетъ называть людей именами различныхъ животныхъ. Вотъ она сила—то басни!..

Ахъ, если бъ критикомъ родился въ мирѣ я—
На басни бы налѣгъ—охъ, басни—смерть моя!...

Ихъ оружіе убійственно, особенно въ рукахъ г. Охочекомонны. Но г. Охочекомонна не всегда такъ беспощаденъ и неумолимъ въ своихъ приговорахъ; иногда у него является и снисходительность и мягкость невѣроятная.

Напримѣръ, изъ уваженія къ личности женщины, онъ не рѣшился сравнить съ какой-нибудь птицей или рыбой г-жу Толмачеву за чтеніе «Египетскихъ ночей» въ Перми, но только назвалъ ее за это «развратительницей общества».

Въ другомъ случаѣ онъ оказался не менѣе того любезенъ, и его любезность должна вполне оцѣнить редакція Русскаго Слова. Одинъ изъ сотрудниковъ Русскаго Слова, заслуживъ пенялость г. Охоче-

комонны, дождался отъ него слѣдующаго замѣчанія, относительно очень деликатнаго:

Принципы этого философа, пишетъ онъ, «давно принимаются, какъ основаніе стремленій тѣхъ животныхъ, которыхъ нима служатъ символомъ неоприятности, людей, которые не стыдятся походить на нихъ».

Не правда ли, что есть большая разница между словами—ты осель, ты свиная и такимъ выраженіемъ: ты принадлежишь къ числу тѣхъ животныхъ, которая извѣстны своей несприятностью. Въ первомъ случаѣ фраза выходитъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ послѣднемъ и мы не можемъ не замѣтить, что г. Охочекомонна вполне владѣеть тонкой діалектикой, исполненной мягкости и достоинства.

Можно ли теперь не признать заслугъ Библіотеки для Чтенія, которая почти разомъ подарила насъ блестящими талантами гг. Зорина и Охочекомонны, Петра Нескажуса и Никиты Безрылова... Подъ счастливой звѣздой родился г. Печаткинъ, умѣя въ одно время соединить въ своемъ журналѣ имена этихъ новыхъ дѣятелей. Не могу не воскликнуть при этомъ:

Милъ и хорошъ твой, Печаткинъ, журналъ,
Вѣрная пристань средъ нашихъ тумановъ;
Пишетъ стихи въ немъ Зоринъ и Ивановъ...
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ,
Славить, и пѣть я его не боюся,
И не забуду Петра Нескажуса...
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ,
Въ немъ къ озлобленью полемикофиловъ
Смѣло предсталъ ты Никита Безрыловъ...
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ!
Но что статьи всѣ, стихи, фельетоны
Передъ трудами Охочекомонны?
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ мыслителей, въ Библіотекѣ для Чтенія народился еще новый дѣтель (ужъ такой урожай на нихъ пошелъ!), который явился растолкователемъ и суровымъ судьей дѣятельности покойнаго Н. А. Добролюбова. Авторъ статьи «Небывалые люди» г. З—нъ (кто ты, прекрасная маска?) доказалъ намъ, самымъ положительнымъ образомъ, какъ безцвѣтна и безслѣдна была вся трудовая жизнь Добролюбова и какъ жалки были всѣ друзья покойнаго, высоко ставившіе его дарованіе!.. Напрасны бы мы думали ждать пощады отъ г. З—на, напрасно бы думали защитить передъ нимъ имя человѣка, глубоко нами уважаемаго, въ котораго даже враги его не рѣшались бросить камня, г. З—нъ не умолимъ и не останавливается на полъ—пути. Онъ сбиваетъ своихъ слушателей и открываетъ свою карающую лекцію такимъ ядовитымъ восклицаніемъ:

— Бовъ—и монументъ по подпискѣ! Имя кандидата въ великіе люди пишется съ маленькой буквы даже въ томъ случаѣ, когда имъ начинается строка, потому что нельзя же написать—Бовъ, если намъ постоянно встрѣчался—бовъ!..

Итакъ—вотъ въ чемъ дѣло: г. З—нъ негодуетъ на то, что въ пользу памятника Добролюбова идетъ общественная подписка! Такому суровому публицисту какъ г—нъ З—нъ въ этомъ случаѣ:

Есть отчего въ отчаянье придти!..

Кто не согласится, въ самомъ дѣлѣ, съ г. З—нымъ, что нелѣпо ставить памятникъ человѣку, фамилія котораго писалась чрезъ маленькую букву —бовъ!.. Это орфографически невозможно и довольно одного этого довода, чтобы понять справедливое негодованіе г. З—на. Вотъ другое дѣло, еслибы фамилія, которую подписывалъ покойный литераторъ подъ своими статьями, начиналась съ большой буквы—тогда еще памятникъ возможенъ. На этомъ же основаніи, всѣ мы готовы составить подписку даже на пожизненный мавзолей нѣкоторыхъ геніевъ Библіотеки для Чтенія, какъ напр. гг. Охочекомонны, З—на, Зорна, потому что ихъ фамилія начинается съ большой буквы.

Господа! Я призываю къ подпискѣ и первый готовъ подать призывъ пожертвованія въ пользу большихъ начальныхъ буквъ этихъ счастливыхъ именъ литературы!.. Да здравствуетъ же орфографическая вѣрность г. З—на!..

Отд. III.

2

Но г. З—нъ на этомъ не останавливается и начинаетъ разбирать, достоинъ ли Добролюбовъ долгой памяти своихъ читателей.

Онъ обращается къ друзьямъ покойнаго:

— Какъ рѣшились вы на гробъ Добролюбова, *второстепеннаго* человѣка вашего кружка, въ его некрологѣ и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, такъ много наговорить о его *честности*? (!)

— Какъ? думаютъ слушатели, неужели г. З—нъ, не вѣрить въ честность покойника? Неужели безъ всякаго основанія онъ имѣетъ дерзость дѣлать упреки такого рода?

Но, послушайте, что дальше говорить г. З—нъ:

— «Добрые инстинкты большинства публики, не развившаго въ себѣ самостоятельнаго отношенія къ вещамъ и *готоваго* *многому* *не* *вѣрить* *на* *слово* (т. е. честности Добролюбова?) *не должны быть* *злоупотребляемы!*..

Вотъ какое обвиненіе низвергаетъ г. З—нъ на голову друзей Добролюбова, обвиняя ихъ въ неправдѣ, во лжи передъ русской публикой.

Онъ продолжаетъ далѣе:

— «Публика состоитъ изъ всякихъ членовъ, въ томъ числѣ есть и добрыя дѣти.

Соблазнить *единаго* *отъ* *малыхъ* *сихъ* *и* *поселить* *въ* *немъ* *убѣ-* *жденіе*, *что* *покойный* *—* *бовъ* *былъ* *человѣкъ* *необыкновенный*, *значитъ*, *извратить* *понятія* *ребенка* *о* *величіи* *людей*, *умалить* *его* *нравственный* *идеаль*» и т. д. Однимъ словомъ, г. З—нъ обвиняетъ друзей Добролюбова въ гражданскомъ преступленіи. Горе, горе имъ!..

Какъ осмѣлялись они предложить подписку на сооруженіе могильнаго памятника человѣку, никогда не переводившаго «Сарданапала» Байрона и не писавшаго стиховъ во вкусъ Зорина и Иванова?—Да знаете ли вы, восклицаетъ г. З—нъ съ байроновскимъ жаромъ, если бы мы стали дѣлать памятники разнымъ рецензентамъ, «то для этого не достало бы ни денегъ, ни мрамора десяти такихъ планетъ, какъ наша».

О благородномъ негодованіи Охочегомонны 2-го, мы можемъ судить по слѣдующимъ восклицаніямъ:

— Ломаніе друзей Добролюбова передъ русской публикою во *всѣхъ* *отношеніяхъ* *отвратительно!*..

— Ихъ похвалы—есть выпрашивание на водку! Мы не можемъ *безъ* *лично* *глубокаго* *стыда* *вспомнить* *объ* *этомъ!*..

Теперь интересно будетъ узнать какъ думаетъ, г. З—нъ о дѣ-

ательности Добролюбова и какое мѣсто позволяетъ занять ему въ русской литературѣ... Слѣдить за развитіемъ мысли г. З.—на будетъ для насъ слишкомъ утомительно; мы лучше выберемъ всѣ характерныя изрѣченія новаго Мартына Задени, въ которыхъ онъ излагаетъ свой взглядъ на покойнаго писателя. Смѣю увѣрить читателя, что эти изрѣченія взяты не изъ Домашней Бесѣды, но изъ статьи моей прелестной маски. Итакъ, вотъ нѣсколько изрѣченій:

— Добролюбовъ былъ *литературнымъ поматчиномъ* и покровителемъ *бездарности*.

— Единственное достоинство его статей—плодовитость и растянутасть.

— Труды его были чужды оригинальности; онъ даже не терпѣлъ оригинальности въ другихъ.

— Статьи Добролюбова—плохая пожива для мысли.

— У него мы нигдѣ не видимъ *принципа, состоятельнаго или временно-годнаго...*

— Особенность Добролюбова—*сантиментальность*, въ большинствѣ случаевъ, просто надоедливая.

— Добрый, добросердечный—*божь!*..

Предоставляя друзьямъ Добролюбова и критикамъ собрать въ цѣлое всѣ эти жемчужины и оцѣнить ихъ по достоинству, я приведу еще одно послѣднее изрѣченіе г. З.—на, весьма замѣчательное.

— «Добролюбовъ, говоритъ онъ, разсматривая его критическій методъ съ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ своихъ, старался передать вамъ то совершенно непередаваемое чувство боли, которое было въ мужикѣ, когда его били, и онъ съ такимъ непонятнымъ усердіемъ и съ такою монотонною длиннотою предавался этому неблагоприятному и вполне безплодному упражненію, что вамъ, наконецъ, хотѣлось сказать: да отстаньте же отъ меня! я и безъ того знаю, что когда бьютъ—то бываетъ больно».

Кто ты, кто ты, таинственная маска? Слушая тебя, я такъ и вижу уѣздный городокъ, сальную комнату, гдѣ за книжкой сидитъ и разсуждаетъ перерзѣлая дочка какого нибудь становаго или исправника, дочка, которая *ужасно* какъ любитъ *ошцеровъ*, мороженое и скандальные французскіе романы московскаго издѣлія. Я будто вижу, какъ въ руки подобной провинціальной Нимфы попалась критическая статья Добролюбова, и она, подобно г. З.—ну, негодуетъ на сочинителя, котораго никто не просилъ страдать за каждый ударъ по спинѣ его

*

ближнего! Образъ такой уѣздной барышни въ ситцевой блузѣ и съ заспанными глазами, такъ и выросъ теперь передо мною, и нѣтъ нѣтъ возможности отдѣлаться отъ него иначе, какъ—стихами. Думаю, что моя элегія въ этомъ случаѣ весьма кстати:

ЖАЛОБА УѢЗДНОЙ КРАСАВИЦЫ.

Элегія.

Что это, тетенька,—просто мученіе
 Новыя книги читать!
 Нѣтъ никакого почти развлеченія:
 Такъ и захочется спать.

—
 Повѣсть раскроешь—герои все штатскіе;
 Нѣтъ интересныхъ двухъ лицъ,
 Все разговоры такіе дурачкіе —
 Скука одна для дѣвицъ.

—
 А уже критики—вотъ наказанье!
 Слово туманъ въ головѣ;
 Нѣтъ и примѣтъ благороднаго званія,
 Тонъ—настоящій *мосе*...

—
 Очень вѣдь нужно порядочной женщицѣ
 Знать, какъ живутъ мужики.
 Слышите: чувство нашили въ деревенщицѣ,
 Сердце нашили... Пустяки!..

—
 Словно они всё съ такими же нервами,
 Также страдаютъ, какъ мы.
 Ужъ не хотятъ ли поставить ихъ первыми
 Критиковъ этихъ умы?..

—
 Бьютъ ихъ! Такъ что же? за дѣло и слѣдуетъ,
 Такъ говорить самъ *папа*.
 Что жъ сочинитель-то тутъ проповѣдуетъ —
 Я и сама не глупа.

Дай-ка, возьму я «Письмовникъ Курганова»

Или стихи Зорина,

Иль «воеводу», пожалуй, Иванова...

Критики жъ скука одна.

—

Нѣтъ... Погадаю ужъ лучше о суженомъ...

Просто заснешь у носка!

Хоть бы лѣсничій пришелъ передъ ужиномъ!

Господи, что за тоска!..

—

«Въ снисхожденіи къ побитому мужичку у г—бова было дѣйствительно что то странное» — продолжаетъ уже не уѣздная барышня, а столичная журнальная маска... Но довольно говорить о красотахъ статьи г. З—на, ихъ и такъ было указано достаточно. Г-нъ З—нъ самъ очень высоко ставитъ свою статью и говоритъ, что его *критика* — *есть здоровая*. Мы при этомъ еще добавимъ отъ себя, — что кромѣ здоровья (здоровье всего дороже) она отличается и предусмотрительностью. Пока живъ былъ Добролюбовъ, пока его голосъ — *сантиментальный* положимъ — время отъ времени раздавался въ русской журналистикѣ, маленькія букашки не смѣли выползати изъ своихъ щелей и только пугливо показывали на свѣтъ Божій свои крошечныя головки. Но вотъ когда смерть сковала этотъ голосъ честнаго и энергическаго дѣятеля

И полѣзли изъ щелей

Мошки и букашки,

Зашипѣли, завозились эти Охочекомонны, эти З—ны, сильные и смѣлые передъ холоднымъ трупомъ. Бываютъ же на свѣтѣ смѣльчаки такіе, подумаешь!.. Одной только смѣлости не хватило у нашей маски, скрывающагося подъ литерами З—нъ, явиться съ своимъ мнѣніемъ прямо и открыто, безъ маскарднаго забрала. Впрочемъ, какъ всѣ маски, и эта захотѣла еще болѣе возбудить въ насъ любопытство, заставить обратить на себя вниманіе. Выгода есть двойная...

Мое любопытство, какъ и многихъ было тоже задѣто, и я посвятилъ тебѣ, маска, слѣдующее стихотвореніе:

Кто ты?

(Посвящ. г. З—ну).

Изъ подъ таинственной журнальной полу-маски
Ловилъ я рѣчь твою внимательно вездѣ,
Я ждалъ никогнито упорнаго развязки,
Но вмѣсто имени нашель лишь букву З.

Меня тянулъ къ себѣ, приковывалъ невольню
Твой не разгаданный и скромный псевдонимъ,
И думалъ, думалъ я—а сердце билось больно—
Зачѣмъ скрываешься, о маска, ты за нимъ?

О, еслибъ кто нибудь съ прекрасной незнакомки
Снялъ маску темную съ узломъ стыдливимъ лентъ,
То разомъ шаръ земной весь дрогнулъ бы отъ локки
И ей поставили бъ мы вѣчный монументъ.

И создалъ я теперь въ моемъ воображенъ,
Прочтя для паоса двѣ пѣсни Зорина,
Лица незримаго и смыслъ, и выраженье,
И вновь надеждою душа моя полна.

И все мнѣ кажется: я слышалъ рѣчи эти!
И кто-то мнѣ шепталъ, таинственъ и незримъ:
У Аскочевскаго, въ прославляемой газетѣ
Та маска явится, раскрывъ свой псевдонимъ.

Будемъ же терпѣливо ждать этого времени, не имѣя возможности пока удовлетворить своему любопытству. А теперь... теперь мы перейдемъ къ другимъ явленіямъ, позабытымъ или неизвѣстнымъ нашимъ читателямъ. Пользуясь правомъ фантази, я перемесу теперь васъ въ огромную залу гласнаго судопроизводства, гдѣ разбирается дѣло С.—Петербургскаго книгопродавца Лермонтова и г-жи Кобяковой. Мы находимся при самомъ началѣ засѣданія и потому можемъ слѣдить съ самаго начала за ходомъ дѣла. Отбросимъ въ сторону всѣ лишнія формальности—начинаю.

Обвиняемый былъ—г. Лермонтовъ, истецъ—г-жа Кобякова.

Г-жа Кобякова требуетъ слова и начинаетъ свои обвинительные пункты:

«Въ 5 и 6 №№ журнала Русское Слово я помѣстила повѣсть подъ заглавіемъ: «Неожиданное Богатство». Статью эту я отдала *исключительно* въ одинъ этотъ журналъ, не предоставляя права никому перепечатывать ее въ другихъ какихъ либо журналахъ, хотя бы даже въ Народномъ Читеніи; но вдругъ вижу, что она напечатана въ этомъ журнальчикѣ.

Голосъ президента (къ Лермонтову) вы издатель Народнаго Читенія?

Подсудимый. Я...

Г-жа Кобякова. «Издатель этого журнала, не то чтобы взявъ отъ меня дозволеніе, какъ это слѣдовало и по закону, да и вообще по человѣческимъ отношеніямъ, онъ даже не соблюлъ общественныхъ приличій: не заявивъ мнѣ своей личности, оттиснулъ мою статью въ своемъ журналѣ, объяснивъ въ особомъ примѣчаніи, что будетъ продолжать и впредь (общій ропотъ). Этого мало: онъ далъ статьѣ другое названіе—вмѣсто «Неожиданнаго богатства» назвалъ «Легкимъ богатствомъ», изуродовалъ ее, урѣзалъ, перековеркалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнилъ самый смыслъ, передѣлалъ цѣлыя фразы на собственный свой ладъ—слогъ мой, вѣдь, ему не понравился (смѣхъ) и такъ, изъ статьи моей остался одинъ скелетъ безъ плоти и кожи, и скелетъ самый плохой, собранный самымъ плохимъ остеологомъ, не знающимъ даже самыхъ простыхъ приѣмовъ остеологіи. И все это сдѣлано безъ позволенія автора. Неправдади, господа, это уже очень прогрессивно!.. Покрайней мѣрѣ, до сихъ поръ подобныхъ вещей не дѣлалось; бывали случаи, что кто нибудь и позаимствуется, крадучи, чѣмъ нибудь у другаго, да и постарается замаскировать такъ, чтобъ не было слишкомъ ярко, что большая часть тутъ чужаго, а г. Лермантовъ говорить прямо, открыто, у кого онъ взялъ собственность».

Обвиненіе было кончено. Г. Лермантовъ, не желая самъ себя защищать, ждалъ своего адвоката, ждалъ чужаго голоса въ свою защиту, но, увы! никто не рѣшался протянуть ему руку и заступиться за обвиненнаго.

Въ эту критическую для него минуту смѣлая мысль пришла мнѣ въ голову—я хотѣлъ попытать свои силы въ новомъ дѣлѣ и неожиданно для всѣхъ явился адвокатомъ г. Лермантова.

Господа! началъ я при общемъ молчаніи, я беру подъ свою защиту обвиняемаго и постараюсь оправдать его. Уже по одной теоріи Прудона, что собственность—есть кража—книгопродавецъ Лермантовъ не можетъ считаться совершенно виновнымъ. Какъ прудонистъ, онъ легко можетъ доказать вамъ, что гдѣ нѣтъ собственности—тамъ нѣтъ и кражи, или же, что кража есть тоже собственность. Воровство—есть понятіе совершенно условное, относительное какъ и все на свѣтѣ. Одинъ украдетъ у васъ платокъ изъ кармана и будетъ строго наказанъ и судомъ, и вашимъ презрѣніемъ; другой украдетъ у васъ жену и прославится, какъ рѣшительный эмансипаторъ. За одно мы казимъ, а за другое милуемъ. Кража—не та грубая, циническая кража, которая работаетъ изъ-за угла, но кража тонкая, изящная, галантерейная, чуть-чуть не добродѣтель нашего времени. Мы крадемъ другъ у друга жизнь, репутацію, время, счастье, великія и малыя идеи, знаніе, крадемъ сознательно и бессознательно — и никто насъ не казнить за это. Мы обкрадываемъ нашихъ враговъ, еще чаще друзей, а еще чаще самихъ себя—и все это совершенно безъ послѣдствій. Вспомните мнѣ о Прометѣѣ, желавшаго украсть огонь съ неба и спросите самихъ себя, насколько ненавистенъ для васъ образъ Прометеева, этотъ высоко-идеальный образъ человѣка...

Поощренный общимъ одобреніемъ, я перевелъ духъ и снова началъ:

— Разсмотримъ теперь, въ чемъ собственно заключается проступокъ книгопродавца Лермантова. Въ Народномъ Читаніи была безъ позволенія автора перепечатана его повѣсть «Неожиданное Богатство». Такъ что же изъ этого! Если мы допустимъ, что г. Лермантовъ—коммунистъ по убѣжденію, то кто изъ насъ можетъ позорить это убѣжденіе? Повѣсть, сочиненіе писателя — есть общественное достояніе. Объясню примѣромъ. Вы выписали журналъ, заплатили за него деньги—и читали. Являюсь къ вамъ я, прошу тотъ же самый журналъ и читаю его уже даромъ. Неужели редакторъ, увидя книгу въ моихъ рукахъ будетъ тоже требовать уплаты денегъ. Тоже самое и въ дѣлѣ г. Лермантова. Вопросъ останавливается только на томъ: нужно или нѣтъ просить у автора позволенія на вторичное печатаніе его сочиненія, съ перемѣнами или безъ оныхъ? На это вамъ можетъ отвѣчать другой книгопродавецъ, г. Вольфъ, очень хорошо знакомый съ такой передѣлкой и произвольной перепечаткой. Что же касается до перемѣны самаго названія повѣсти г. Кобяковой, то она объясняется сама собою. Въ Русскомъ

Словѣ повѣсть называлась «Неожиданнымъ Богатствомъ»; г. Лермантовъ же, которому повѣсть досталась такъ легко, имѣлъ полное право назвать ее «Легкимъ Богатствомъ». Не правда ли, милостивые государи?

Пятитысячная публика, темные инстинкты которой я возвелъ въ перлъ гражданской добродѣтели, привѣтствовала меня дружнымъ рукоплесканіемъ. Даже дамы не остались равнодушными и

Кричали женщины «ура»

И въ воздухъ чепчики бросали...

Свою блестящую рѣчь, которую не рѣшаюсь здѣсь всю выписывать, я заключилъ слѣдующими выводами:

1) Г. Лермантовъ правъ, потому что онъ дѣйствовалъ открыто по своимъ убѣжденіямъ.

2) Не признавая чужой собственности, онъ могъ перепечатать повѣсть г-жи Кобяковой.

3) Не спрашивалъ на то разрѣшенія автора, во 1-хъ, по принципу, а во 2-хъ, потому что не имѣлъ удовольствія быть знакомымъ съ г-жею Кобяковой.

Влѣдствіе этихъ причинъ, онъ, по моему мнѣнію, долженъ совершенно освободиться отъ общественнаго суда и безбоязненно продолжать свое книгопродавческое поприще.

Что же касается до того, насколько мы можемъ довѣрять г. Лермантову, то я первый, въ случаѣ изданія какой либо книги, не рѣшусь отдавать ее въ его магазинъ на комиссію, изъ боязни, что онъ по своей теоріи приметъ мое изданіе за свою собственность и не заплатитъ мнѣ ни копѣйки.

Нужно же что набудь теперь сказать и объ общественной жизни Петербурга. Хотя съ гримасой, а все-таки я долженъ приступить къ разсказу о томъ, какъ шумно и весело прошелъ російскій карнаваль съ его балаганами, блинами, утренними и вечерними спектаклями и т. д., и т. д.

Несмотря на то, что наша русская классическая масляница потеряла у насъ свой первобытный колоритъ и только одни блины остались ея памятникомъ, несмотря на это, во время всей скоромной недѣли наша столица собираетъ весь запасъ своего веселья, чтобы вполне ему предаться. Петербургъ въ эти дни какъ-то судорожно,

верно опѣнить насладиться всеми благами своего скуднаго карнавала; петербуржецъ всегда бросается въ вихрь удовольствій, очерта голову, съ дхлорадочною поспѣшностью, какъ будто бы завтра онъ попадетъ въ тюрьму или въ долговое отдѣленіе, какъ будто бы завтра для него не существуетъ: его веселье — словно пляска на канунѣ смерти, на краю гроба. И вотъ вырвавшійся изъ душныхъ кабинетовъ, конторъ и канцелярій, петербуржецъ мечется какъ угорѣлый по всѣмъ театрамъ, маскарадамъ и загороднымъ гуляньямъ, шалить, пѣть, канканнруетъ, и все это безъ вдохновенія, безъ личнаго участія въ наслажденіи, а такъ себѣ, чтобъ воспользоваться свободной минутой. Съ одинаковымъ чувствомъ джентльмена смотритъ онъ «Кару Божью», «Испорченную жизнь» въ Александринкѣ, слушаетъ Бурдина, Тамберляка и Стѣова, любитъ Богдановой и Розатти и ѣдетъ домой усталый, но довольный: обычай праздника былъ исполненъ и на другое утро онъ снова является съ оффиціальной физиономіей въ конторѣ, въ канцеляріи, въ департаментѣ.

На масляницѣ, чтобы отдать, какъ и другіе, долгъ празднику, отправился я въ послѣдній маскарадъ Большаго театра, съ надеждою отдохнуть, развлечься въ шумной толпѣ, въ шумномъ говорѣ. Но люди вездѣ люди — и въ блестящей залѣ маскарада, гдѣ собралась разнообразная публика для веселья, а не для службы, я нашелъ ту же канцелярію, ту же контору. Однѣ маски еще разнообразили и мѣшали этому сходству, но и то чрезвычайно мало. Скука и тоска были самыя величественныя; самое веселье было такое узкое, мертвое, бюрократическое... Изъ ложъ нѣсколькихъ ярусовъ смотрѣли внизъ съ полу-презрительнымъ любопытствомъ головы пышныхъ дамъ, не рѣшившихся явиться подъ маской въ самомъ маскарадѣ и ревниво слѣдившихъ за пестрой толпой мужчинъ и темныхъ домино. Въ сущности же и ревновать было некого среди этихъ двигающихся и толкающихся манкеновъ и автоматовъ во фракахъ, въ кринолинахъ, въ парикахъ и маскахъ. Какими-то ходячими и приторными группами ходили по залѣ маскарадные диллетанты, заглядывая для развлечения въ глаза встрѣчавшихся масокъ; по сторонамъ залы, на креслахъ, въ тупомъ созерцаніи дремали почтенные съдовласые старцы, сладко улыбаясь во снѣ при каждомъ шорохѣ женскаго платья.

— Пойдемъ ужинать, пищала какая нибудь промышленная маска, наклоняясь къ уху дремавшаго старца.

Старецъ еще слаще улыбался, предлагалъ руку м, ковыляя, выходилъ въ столовую.

А вокругъ для маскарадныхъ интригъ такого невиннаго содержанія.

— Я тебя знаю, говорила бархатная маска лимфатическому ювені съ бакенбардами.

— Знаешь? А какъ меня зовуть?

— М-г Джоржъ. Ты влюбленъ въ жену N.

Затѣмъ слѣдовали догадки, допросы, замѣчанія, новыя догадки— и такъ проходилъ весь вечеръ. Лимфатическій юноша былъ въ восторгѣ: его интриговала маска!

Напрасно бы откровенная, безпечная молодость думала найти въ этой залѣ безпечное, довольное веселье: въ этой толпѣ ее обдало бы крещенскимъ холодомъ. На каждомъ лицѣ она прочла бы постоянное холодное выраженіе; на каждомъ лбѣ было написано званіе, классъ и рангъ его владѣтеля. Никто не забывалъ въ эти часы своей постоянной игры мѣстничества и горе тѣмъ, которые ее не исполняли. Одни только маскарадныя манюфреды, давно потерявшіе вѣру въ искреннее веселье, только съ помощью буфета сносили ея къ вечеру и, довольно часто скрываясь изъ залы, являлись въ нее болѣе развязными и рѣшительными. Въ одномъ только буфетѣ пронеходили иногда сцены болѣе оживленныя, но за те не всегда веселыя. Вотъ одна изъ нихъ, доказавшая мнѣ, насколько развита наша *столичная* публика.

Въ одно время со мной въ маскарадный буфетъ явился господинъ въ епотовой шубѣ самой внушительной наружности. Не успѣлъ я закурить папиросу, какъ услышалъ, что этотъ господинъ началъ ссору съ лакеемъ за какую-то невинную его ошибку. Разгораясь все болѣе и болѣе, — не отъ вина, потому что новый Рыковъ ничего не пилъ—онъ наконецъ схватилъ слугу за воротникъ и началъ трясти его, изрыгая самыя крупныя ругательства.

Я оглянулся кругомъ, чтобъ посмотрѣть, какое впечатлѣніе производятъ на публику буфетные діалоги свирѣпаго господина. Впечатлѣніе оказалось весьма слабое, потому что вѣрно для всѣхъ подобныя сцены очень обыкновенны и обыденны.

Только одинъ изъ присутствующихъ возмущился этой сценой... съ своей особой точки зрѣнія. Къ Вергейму № 2 античной походкой подошелъ господинъ солидныхъ лѣтъ, и громогласно замѣтилъ ему:

— Милостивый государь! Позвольте вамъ замѣтить, что въ обще-

ствѣ нельзя такъ ругаться и кричать... Вся публика можетъ обидѣться.

— Позвольте, не выдержалъ я, пораженный логикой протестующаго, вы забыли самое главное: прежде всего не публика, а слуга можетъ обидѣться такими ругательствами.

Кажется, что можетъ быть проще этого замѣчанія, а между тѣмъ и театральныи обличитель, и Вергеймъ № 2 — оба готовы были въ эту минуту проглотить меня живаго. Даже, къ чему скрывать, самъ обиженный камердинеръ былъ удивленъ тѣмъ, что нашлись люди, предполагавшіе, что онъ больше чѣмъ публика оскорблѣся ругательствами барина въ енотѣ.

Я понялъ всю непрактичность своего замѣчанія и ускользнулъ въ залу сковфуженный и пристыженный. А тамъ

Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ...

Видя повсюду кругомъ себя шумную вереницу масокъ, бродившихъ подъ руку съ разными счастливицами, я началъ испытывать тяжелое чувство одиночества и какой-то тайной зависти.

— Отчего же это, думалъ я, ни одна маска не подойдетъ ко мнѣ? Неужели ни одна женщина не захочетъ опереться на мою руку, и, пользуясь маскарадными правами, не выскажетъ мнѣ своей снисхожденія? Неужели... и въ эти минуты мнѣ захотѣлось болѣе, чѣмъ когда говорить съ женщиной о возвышенныхъ чувствахъ, о любви, о женской эманципаціи.

— Что ты скучаешь? вдуугъ раздался сзади меня женскій голосъ. Я оглянулся: передо мною стояло черное домино.

Въ головѣ моей уже мелькнулъ цѣлый планъ вечера проведеннаго съ милой маскою: интимная бесѣда о любви, о страсти, о долгѣ, теплыя пожатія руки, кроткіе взгляды, но вся эта минутная иллюзія вдругъ исчезла какъ дымъ, отъ одной фразы незнакомки:

— Угости меня шампанскимъ, веселѣе будетъ!.. И маска, звонко засмѣявшись, положила на мое плечо крошечную ручку въ сѣрой перчаткѣ.

Я вздрогнулъ отъ этого прикосновенія и вызова, отскочилъ въ сторону и скрылся въ толпѣ. Я былъ рѣшительно уничтоженъ и цѣлый вечеръ проходилъ одинъ, съ какимъ-то озлобленіемъ поглядывая на скользившія мимо меня пары. На досугъ, толкаясь въ тол-

пѣ, я сложилъ маскарадный мотивъ, искренно желая прочесть его вслухъ передъ всей безтолково-шумной залой. Но тамъ мнѣ это не удалось сдѣлать; пусть же не пропадаетъ моя пѣсня, которую я и привожу здѣсь:

Маскарадный мотивъ.

Яркимъ свѣтомъ залитъ залъ,
За толпой ходилъ я слѣдомъ
И коломенскимъ Манердомъ
Пышнымъ праздникомъ созерцаю:

Люстры, перья, женщинъ плечи,
Въ черныхъ фракахъ молодежь,
И въ тѣни закрытыхъ ложъ
Чьи-то сдержанные рѣчи.

Говоръ, шумъ, несносный жаръ,
И въ дали, какъ бы въ туманѣ,
Въ доморощенномъ канканѣ
Вьются тѣни рѣзвыхъ наръ.

А изъ ложъ, какъ василиски,
Львицы съ завистью глядятъ,
Какъ болтаютъ и шалятъ
Развеселая модистки.

Львицы остуженная грудь
Сжата модой и бездѣльемъ:
Имъ циническимъ весельемъ
Такъ и хочетсядохнуть.

А внизу кипятъ и вьется
Пестрой лентой маскарадъ,
И въ подагрѣ бюрократъ
Съ маской подъ руку плетется.

Безконечный гулъ растеть...
 Звуки шнорь, сверканье насокъ..
 Ни единая изъ насокъ
 Лишь ко мнѣ не подойдетъ.

Ни одна изъ нихъ съ отвагой
 Мнѣ руки не дасть... О, вѣтъ!..
 Но съ другимъ пойдетъ въ буфетъ
 За шампанскимъ я малагой.

Словно въ нихъ какой-то даръ
 Непонятнаго прозрѣнья.
 Граціозныя творенья!
 Вамъ не юный нуженъ жаръ,

Но ходячіе ашкетты,
 Что дарять за вашу блажь,
 Перлы, новый экипажъ
 И кредитныя билеты...

Одиноко я шагаю;
 Отъ меня вѣдь взяты гладки.
 Что я дать могу? Перчатки,
 Да дешевый мадригалъ...

Тактомъ дамъ обезоруженъ,
 Оцѣнилъ я ихъ привѣтъ:
 Двѣ улыбки—за браслетъ,
 И лобзаніе—за ужинъ...

И горѣлъ огнями залъ,
 За толпой ходилъ я слѣдомъ,
 И коломенскимъ Манфредомъ
 Пышный праздникъ созерцалъ.

Изъ зала маскарада перенесемся теперь въ залу одного частнаго женскаго учебнаго заведенія, съ начальницей котораго я уже познакомилъ нѣсколько своихъ читателей въ прошломъ году. Не могу пройти молчаніемъ еще новаго подвига этой начальницы, смѣшивающей слова: *географія* и *орфографія*. Недавно въ ея училищѣ былъ назначенъ публичный *переходный* экзаменъ съ почетными посѣтителями и родственниками ученицъ. Собрались учителя и экзаменъ начался подъ строгимъ контролемъ самой начальницы. Первый началъ экзаменовать учитель исторіи, вызвалъ одну изъ ученицъ и сѣлъ у стола съ тѣмъ чтобы начать свои вопросы.

— Встаньте! замѣтила начальница сѣвшему преподавателю.

Почтенный педагогъ, не понявшій желанія начальницы, всталъ съ мѣста на одну минуту и потомъ снова сѣлъ въ кресло.

— Встаньте! снова раздалось грозное приказаніе.

Учитель совершенно растерялся, всталъ и простоялъ на ногахъ во время всего экзамена. Находившіеся тутъ другіе его сослуживцы—педагоги глубоко были обижены такимъ грубымъ обращеніемъ съ ихъ товарищемъ, въ лицѣ котораго оскорблялось самое ихъ званіе. Они всѣ рѣшились выйти изъ заведенія, гдѣ существовали такіе башкирскіе законы.

До начальницы дошли наконецъ слухи объ общемъ негодованіи ея учителей. Черезъ нѣсколько дней всѣ они собрались къ ней и прямо ей высказали всю негѣпость и грубость ея отношеній къ учителямъ.

Неудовольствіе ихъ поразило начальницу.

— Помиляйте, господа, увѣряла она ихъ, у насъ уже давно существуетъ такой порядокъ, что учителя экзаменуютъ *стоя*... Иначе, по моему, неприлично держать себя...

Она окинула быстрымъ и обиженнымъ взглядомъ весь кружокъ педагоговъ.

Одинъ изъ учителей замѣтилъ ей на это, что давность лѣтъ и преданія ничего не доказываютъ; что терпѣлось прежде, то сдѣлалось непозволительнымъ теперь.

Испуганная тѣмъ, что всѣ учителя готовы оставить заведеніе начальница должна была уступить «силѣ времени и обстоятельствъ», затаявъ въ себѣ до поры—до времени весь запасъ своего гнѣва и скрытой мести.

Кстати о педагогахъ. Всѣмъ болѣющимъ за русское правописаніе,

такъ дерзко нарушенное и поруганное нашей журналистикой, вѣроятно будетъ пріятно узнать о новомъ педагогическомъ обществѣ учреждаемомъ съ цѣлью дать строгую систему русской орфографіи,

И всѣмъ намъ точно указать:

Гдѣ ставить е, гдѣ ставить ѣ.

Къ числу полѣднихъ новостей мы также должны отнести: замѣчательное открытіе Кіевскимъ Телеграфомъ пилюль *Pilules saquin* (нѣчто въ родѣ философскаго камня). Пилюли эти, какъ гласитъ К. Т. есть вѣрное средство отъ всѣхъ возможныхъ въ мірѣ болѣзней. О, великодушный Кіевскій телеграфъ! Только ты одинъ и умѣешь сообщать намъ драгоценныя извѣстія и изумительныя открытія вѣка!..

Хотѣлъ бы я еще теперь сказать нѣсколько словъ о неожиданномъ исчезновеніи Русской Рѣчи изъ Москвы и «праздношатающагося» изъ Петербурга, о преміи полученной авторомъ «*Косьмы Минина*» и еще кое-чемъ... Но я уже давно не обращался къ своимъ любезнымъ провинціальнымъ соотечественникамъ, что лежитъ на моей совѣсти, и потому съ береговъ Невы я въ слѣдующій разъ перенесу моего читателя въ другія, далекія мѣста...

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 38.

ФЕВРАЛЬ 1862 ГОДА.

О комментаріяхъ дѣйствительно игранныхъ партій.—Двѣ игры К. А. Яниша противъ кн. Д. С. Урусова и Стаунтона съ примѣчаніями, составленными къ первой изъ нихъ г-мъ Янишемъ, а ко второй Стаунтономъ. — Замѣчаніе А. Д. Петрова касательно одной изъ помѣщенныхъ въ Листкѣ игръ. — Партія: И. С. Шумова съ кн. С. С. Урусовымъ, Колиша съ Паульсеномъ, Гиршфельда съ Майетомъ и Дюфреномъ.—Задачи. —Корреспонденція.

Редакторамъ шахматныхъ періодическихъ изданій часто случается слышать упреки въ томъ, что они не довольно подробно комментируютъ печатаемые ими партіи. Въ этомъ будто бы заключается главная ихъ обязанность, и пренебрегая ею, они будто бы лишаютъ любителей главной пользы, которую способны доставлять чтеніе шахматнаго журнала. Такая укоризна можетъ исходить единственно отъ лицъ, незнакомыхъ со свойствомъ труда, сопряженнаго съ изданіями этого рода. Очевидно, во первыхъ, что углубляться въ подробности *посредственно* игранной партіи, разгадывать, осуждать или хвалить планы игроковъ тамъ, гдѣ можетъ быть плановъ даже не было, а были одни слегка задуманныя комбинаціи, непрерывно измѣнявшіяся,—очевидно, говоримъ, что все это составляло бы непростительную трату времени. Обстоятельнаго анализа вполнѣ достойны тѣ только партіи первостатейныхъ игроковъ, которыя разыгрывались съ напряженнымъ вниманіемъ. Но съ другой стороны, ограничиваться помѣщеніемъ въ шахматный жур-

надъ малочисленныхъ партій этого разряда было бы совершенно противно его преимущественной цѣли, быть сборникомъ партій *современныхъ* любителей. Это послѣднее условіе еще въ многомъ отношеніи очень стѣсняетъ редактора. Разбирая партію Мавдоннеля съ Лабурдонне, я властенъ приписывать тому или другому, на какомъ ходѣ, такіе-то и такіе-то замыслы, лишь бы я не отдалялся въ своихъ сужденіяхъ, отъ общихъ основаній, принятыхъ всѣми лучшими игроками. Но весьма щекотливо, критикуя партію современнаго шахматиста, утверждать напримѣръ, что въ извѣстный моментъ игры планъ его былъ таковъ, а что онъ между тѣмъ, не привелъ его въ исполненіе, или что ему слѣдовало постоянно имѣть въ виду такую-то цѣль, которую онъ будто бы пренебрегъ. Ясно, что онъ можетъ отвѣтить мнѣ, что никогда не имѣлъ того плана, который я ему приписываю, или, на оборотъ, что онъ нисколько не упускалъ изъ виду требуемой мною цѣли, а былъ только отъ нея отвлекаемъ важнѣйшими соображеніями. Вотъ почему редакторы при разборѣ подобныхъ игоръ, рѣдко идутъ далѣе похвалы несомнѣнно заслуженной, или указанія ошибокъ, подтвержденнаго непреложными доводами. Никто не вправѣ винить ихъ за такую естественную осмотрительность. Но любители, желающіе, чтобы партіи ихъ подвергались подробному анализу, сами имѣютъ въ рукахъ нужныя къ тому средства: имъ стоитъ только сообщать шахматнымъ редакціямъ соображенія, руководившія ихъ въ рѣшительныя мгновенія описываемыхъ партій; излагать самимъ главныя причины ихъ побѣды или пораженій. Тогда редакціи могутъ обсуждать эти соображенія, и присовокуплять собственныя мнѣнія, когда они несогласны съ мнѣніями выраженными.

Мы давно уже желали ознакомить читателей Листка съ лучшими партіями, игранными въ разное время нашимъ извѣстнымъ шахматистомъ К. А. Янишемъ. Эти партіи разсѣяны во многихъ иностранныхъ изданіяхъ, какъ то: въ Schachzeitung, въ Chess-Player's Chronicle, Illustrated London News, въ сочиненіяхъ Гейдебранда и другихъ. Мы выбрали, на первый разъ, двѣ, показавшіяся намъ весьма замѣчательными, одну изъ книги Chess-Tournament, изданной Стаунтономъ въ 1852 году, а другую изъ англійской газеты «Ега»

за 1857 годъ. Но какъ послѣдняя не была снабжена нужными поясненіями, то, по причинамъ вышеизложеннымъ, мы сочли долгомъ обратиться къ содѣйствію самаго г-на Яниша. Вотъ записка, при которой онъ сообщилъ намъ собственныя свои комментаріи на означенную партію.

«Составленіе требуемыхъ вами примѣчаній къ одной изъ партій, «игранныхъ мною, пять лѣтъ назадъ, съ княземъ Д. С. Урусовымъ, «немадо меня затруднило потому, что пришлось описывать не одни «собственныя сильныя упущенія, но также слабые моменты въ игрѣ «истинно уважаемаго мною противника. Посылаю вамъ все, что я «смогъ придумать, и истинно благодарю за приобщеніе, къ этой «партіи, другой, проигранной мною, въ 1851 году, Стаунтону, послѣ «супорнаго сопротивленія; благодарю тѣмъ болѣе, что англійскій «шаестро самъ сопровождалъ ее примѣчаніями, дѣлающими комментарій «съ моей стороны излишнимъ».

ПАРТІЯ № 237.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Изъ газеты «Ега»)

Кн. Д. С. Урусовъ.	К. А. Янишъ.	(Бѣлые.)	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	13) d1 — d3	c6 — b8
1) e2 — e4	e7 — e5	14) b1 — d2	b8 — d7
2) g1 — f3	b8 — c6	15) h4 — g3	c7 — c5 ⁽⁸⁾
3) f1 — b5	a7 — a6 ⁽¹⁾	16) f3 — h4 ⁽⁴⁾	c5 — c4
4) b5 — a4	g8 — f6	17) h4 — f5	e7 — e6
5) d2 — d3 ⁽²⁾	b7 — b5	18) d3 — f3	c4 — b3°
6) a4 — b3	f8 — c5	19) d4 — d5	e6 — e8
7) c1 — g5	d7 — d6	20) f5 — d6°	e8 — b8
8) c2 — c3	c5 — b6	21) d6 — b7°	b8 — b7°
9) 0 — 0	h7 — h6	22) a2 — b3°	b6 — c7
10) g5 — h4	d8 — e7	23) f3 — e2	a6 — a5
11) d3 — d4	c8 — b7	24) g1 — h1	d7 — c5
12) f1 — e1	0 — 0	25) a1 — d1	f6 — d7

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
26) f2 — f3	f7 — f5 ⁽⁵⁾	44) f2 — h4	g7 — g5
27) d1 — b1	a8 — b8	45) h4 — f2	d8 — b6
28) h2 — h3	b7 — a6	46) a3 — a6° ^(a)	b6 — f2°
29) g3 — h2	a6 — g6	47) a6 — f6°	d7 — f6°
30) b1 — d1	g8 — h8	48) a1 — a5	h8 — g7 ⁽⁷⁾
31) d1 — c1	f5 — f4	49) b3 — d2	h6 — h5
32) h2 — g1	f8 — f6	50) d2 — b1	g5 — g4
33) c1 — c2	g6 — e8	51) d3 — e2	f2 — g3 +
34) e1 — a1	a5 — a4	52) h2 — g1	g4 — h3°
35) b3 — a4°	c5 — a4°	53) h2 — g3°	c8 — h3°
36) b2 — b3	a4 — c5	54) c2 — g2	h3 — d7
37) b3 — b4	c5 — a6	55) g2 — e2	g7 — h8
38) c2 — a2	e8 — c8	56) a5 — a6	h8 — g8
39) d2 — b3	c7 — d8	57) a6 — e6	d7 — a7 +
40) e2 — d3	f6 — d6	58) g1 — h1	g3 — f2
41) g1 — f2	d6 — g6	59) h1 — h2	g8 — g1
42) a2 — a3	g6 — d6	60) h2 — h3	a7 — g7
43) h1 — h2	d6 — f6		

Въ этомъ положеніи черные дѣлаютъ матъ черезъ три хода, почему бѣлые и сдали игру.

Примѣанія Г. Яниша.

(1) Еще въ Schachzeitung 1848 и Chess-Player's Chronicle 1849 годовъ, я показалъ, что подвиганіе этой пѣшки должно предшествовать ходу $\overline{g8-f6}$, или составлять, лучше сказать, необходимое усиленіе защиты Лопцова дебюта. (Бѣлые не могутъ взять коня с6, не лишившись тотчасъ же атаки). Мнѣніе мое раздѣляютъ нынѣ всѣ сильные игроки Европы, за исключеніемъ германскихъ теоретиковъ, которые продолжаютъ отстаивать введенную ими впервые выступку черного коня $\overline{g8-f6}$ еще на 3-мъ ходѣ.

(2) Князь Д. С. Урусовъ, самъ одинъ изъ первыхъ знатоковъ теоріи, предпочелъ этотъ ударъ рокировкѣ потому, что онъ менѣе анализированъ, и что именно въ предвидѣніе рокировки съигранъ

былъ ходъ 3. $\overline{a7 - a6}$, доставляющій чернымъ, въ случаѣ 5. $\overline{o - o}$, успѣшную защиту: 5. $\overline{f6 - e4}$. 6. $\overline{f1 - e1}$. Присовокупляю для неизслѣдовавшихъ настоящій дебютъ, что всякій, менѣе смѣлый отвѣтъ на 5. $\overline{o - o}$ невыгоденъ для черныхъ, какъ указалъ мнѣ долговременный опытъ.

(3) 10-й, 12-й и 13-й удары черныхъ сдѣлались необходимыми для правильнаго развитія ихъ игры, вслѣдствіе коварнаго отступленія бѣлаго слова 10. $\overline{g5 - h4}$. Затѣмъ подвижаніемъ пѣшки 15. $\overline{e7 - e5}$ окончательно побѣждено черными первенство хода (l'avantage du trait). Но весьма странно, что неосторожный отвѣтъ противника 16. $\overline{f3 - h4}$, стоившій ему офицера, вмѣсто того, чтобы доставить легкую побѣду чернымъ, на оборотъ ослѣпилъ ихъ до того, что рядомъ опромѣтчивыхъ движеній (смотри ниже) они привели игру свою, на нѣкоторое время, въ стѣсненное положеніе.

(4) Слѣдовало ступить 16. $\overline{b3 - d5}$.

(5) Ударъ этотъ, а равно слѣдующій 27. $\overline{a8 - b8}$ имѣли цѣлію открыть атаку на королевскомъ флангѣ, и позволить отойти туда ферзю движеніями 28. $\overline{b7 - a6}$ и 29. $\overline{a6 - g6}$. Но такой расчетъ былъ совершенно ложный. На означенномъ флангѣ покуда нельзя было успѣть ни въ чемъ, а между тѣмъ отведеніе черной ладьи предоставило бѣлымъ, въ послѣдствіи, занять линію a1. . . a8. Дѣлая одни выжидательные ходы, и сохраняя нападеніе на пѣшку b5, бѣлые парализовали всѣ намѣренія черныхъ, и едва не добились розыгрыша, не смотря на понесенную ими потерю офицера. Вмѣсто 26. $\overline{f7 - f5}$, слѣдовало чернымъ непремѣнно подвинуть 26. $\overline{b5 - b4}$, затѣмъ сдѣлать проломъ на ладейной линіи, овладѣть ею и всячески споспѣшествовать мнѣ офицеровъ, отложивъ на время атаку на другомъ флангѣ.

(6) Эта мѣна оказалась для бѣлыхъ весьма невыгодною и, такъ сказать, «перевернула листь». До 46-го хода (смотри примѣчаніе 5), положеніе ихъ было совершенно обезпечено, и партія даже клонилась къ непрерывному повторенію однихъ ударовъ съ обѣихъ сторонъ.

(7) Съ этого момента черные, вышедши изъ своей апатіи, рядомъ атакующихъ маневровъ быстро достигаютъ выигрыша.

ПАРТІЯ № 238.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВА КОНЯ.

(Изъ книги «Chess Tournament»).

Г. Яничъ. (Бѣлые).	Г. Стаунтонъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) c2 — e4	e7 — e5	24) f2 — g3°	d7 — f5° ⁽⁸⁾
2) b1 — c3	g8 — f6 ⁽¹⁾	25) e1 — e5	f5 — g6
3) f2 — f4	d7 — d5	26) b2 — b3	c4 — f7
4) e4 — d5°	e5 — e4 ⁽²⁾	27) c5 — d7	b6 — d6
5) d2 — d4	f8 — b4	28) h4 — h5 ⁽⁹⁾	g6 — h5°
6) f1 — c4	f6 — d5°	29) d7 — f6 ⁺ ⁽¹⁰⁾	g7 — f6°
7) c4 — d5°	d8 — d5°	30) g5 — f6° ⁺	h5 — g6
8) g1 — e2	c8 — g4	31) e5 — g5	d6 — f6°
9) 0 — 0	b4 — c3°	32) g1 — h2	a8 — e8
10) e2 — c3° ⁽³⁾	d5 — d7	33) a1 — g1	g6 — g5°
11) d1 — e1 ⁽⁴⁾	f7 — f5	34) g3 — g5° ⁺	f6 — g6
12) c1 — e3 ^(*)	0 — 0	35) g5 — d2	c7 — c6
13) e1 — h4	f8 — f6	36) g1 — g6° ⁺	f7 — g6° ⁽¹¹⁾
14) h2 — h3	f6 — h6	37) d2 — g5	a6 — c7
15) h4 — f2	g4 — h5	38) g5 — a5	c7 — b5
16) g2 — g4	h5 — f7 ⁽⁵⁾	39) d4 — d5	b7 — b6
17) h3 — h4 ^(**)	f7 — c4	40) a5 — d2 ⁽¹²⁾	e8 — d8
18) f1 — e1	f5 — g4°	41) a2 — a4	d8 — d5°
19) c3 — e4°	c4 — d5	42) d2 — f4	b5 — d6
20) f4 — f5	h6 — b6	43) f4 — f6	d5 — d2 ⁺
21) e3 — g5	b8 — a6	44) h2 — g1	d2 — d1 ⁺
22) c2 — c4 ⁽⁶⁾	d5 — c4°	45) g1 — h2	d1 — d2 ⁺
23) e4 — c5	g4 — g3 ⁽⁷⁾	46) h2 — g1	d2 — d1 ⁺
		47) g1 — h2	d1 — d5 ⁽¹³⁾

(*) Если-бъ бѣлые сыграли 12. c5 — e4°, съ цѣлю отдать коня за три пѣшки или прикрыться конемъ отъ шаха 12. d8 — d4°⁺, то чернымъ слѣдовало не брать ни коня, ни пѣшки, а просто отгрокировать. *Прим. Редакціи.*

(**) Весьма отважная атака! *Прим. Редакціи.*

(Бѣлые).	(Черныя).	(Бѣлые).	(Черныя).
48) f6 — d8 +	d6 — e8	71) d4 — c5	c7 — b7
49) d8 — e7	d5 — d2 +	72) g1 — f1	b2 — d2
50) h2 — g1	d2 — d3	73) f1 — e1	d2 — d7
51) b3 — b4	d3 — d4	74) e1 — e2	d7 — d2 +
52) b4 — b5	c6 — b5°	75) e2 — e1	d2 — d5
53) a4 — b5°	d4 — d5	76) c5 — f8	c4 — e5
54) e7 — e6 +	g6 — f7	77) f8 — g7 +	b7 — a6
55) e6 — g4 +	g8 — f8	78) g7 — c7 ⁽¹⁶⁾	b5 — b4
56) g4 — b4 +	e8 — d6	79) c7 — c8 +	a6 — b5
57) b4 — a3	f8 — e8	80) c8 — b8 +	b5 — c4
58) a3 — a7°	d5 — b5°	81) b8 — b6	b4 — b3
59) a7 — c7 ⁽¹⁴⁾	b5 — b1 +	82) e1 — e2	c6 — b5
60) g1 — h2 ⁽¹⁵⁾	b1 — b2 +	83) b6 — c7 +	c4 — b4 +
61) h2 — g1	d6 — c4	84) e2 — e3	d5 — c5
62) c7 — c6 +	e8 — e7	85) c7 — d8	e5 — d3
63) c6 — e4 +	f7 — e6	86) d8 — d4 +	b5 — c4
64) e4 — h7° +	e7 — d6	87) e3 — d2	b3 — b2
65) h7 — g7	b6 — b5	88) d4 — c3 +	b4 — a4
66) g7 — f8 +	d6 — d5	89) d2 — c2 ⁽¹⁷⁾	c4 — b3 +
67) f8 — d8 +	d5 — c6	90) c2 — b1	b3 — a2+ ⁽¹⁸⁾
68) d8 — e8 +	e6 — d7	91) b1 — a2°	c5 — c3°
69) e8 — e4 +	c6 — c7		
70) e4 — d4	d7 — c6		

и выигрываютъ.

Примѣханія Г. Стаунтона.

(¹) Эта защита гораздо сильнѣе употребленнаго мною, въ одной изъ предшествовавшихъ партій (⁶), выхода слона 2. $\frac{f8-c5}{}$, который позволилъ Г-ну Янишу разыграть съ такимъ успѣхомъ королевскій гамбитъ 3. $\frac{f2-f1}{}$.

(²) Этотъ ходомъ партія сводится на слѣдующій, довольно извѣстный варіантъ отказаннаго (*фалькберова*) гамбита: 1. $\frac{e2-e4}{e7-e5}$
 2. $\frac{f2-f4}{d7-d5}$ 3. $\frac{e4-d5^{\circ}}{e5-e4}$ 4. $\frac{b1-c3}{g8-f8}$.

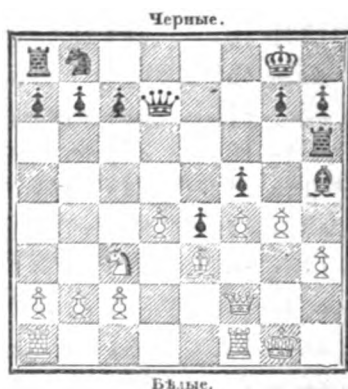
(⁶) Она напечатана въ томъ же сочиненіи Г. Стаунтона. *Прим. Редакціи*

(5) Вѣрный ходъ. Братъ пѣшкой хуже.

(4) Бѣлые отдаютъ пѣшку съ намѣреніемъ. Но чернымъ нѣтъ выгоды ее брать, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго анализа:

11. $\frac{d8-d7}{+}$ 12. $\frac{c1-c3}{d4-c4}$ 13. $\frac{h2-h3}{g4-d7}$ 14. $\frac{a1-d1}{b8-c6 (*)}$ 15. $\frac{e3-d4}{+}$. Теперь бѣлые отыгрываютъ свою пѣшку, сохраняя притомъ лучшее расположеніе силъ.

(5) Бѣзопаснѣе было бы для меня не отводить слона, а стать ладьей на g6. Приобщая діаграмму положенія игры послѣ 16-го хода бѣлыхъ.

и опишу вѣроятное ея продолженіе, при означенной перемѣнѣ:

16)	h6 — g6
17) c3 — e4°	h5 — g4°
18) h3 — g4° (лучшее)	f5 — e4°
19) g4 — g5	d7 — f5 (**)

(6) Этимъ пожертвованіемъ бѣлые очень усилили свою атаку.

(7) Единственное средство отклонить грозящую опасность.

(8) Братъ копя нехорошо, какъ видно изъ слѣдующаго: 24. $\frac{a6-c5}{+}$

25. $\frac{d1-c3}{b6-b2}$ 26. $\frac{g3-c3}{+}$. Бѣлые выигрываютъ. Равнымъ образомъ,

(*) Черные могли бы отстоять королевскую пѣшку, ступивъ 14. $f7-f5$, но подверглись бы, въ такомъ случаѣ, опаснымъ атакамъ. *Прим. Редакціи.*

(**) Г. Стаунтонъ присовокупляетъ, что тогда игра черныхъ будетъ выгоднѣе расположена. Особеннаго перевѣса на ея сторонѣ мы не видимъ. *Прим. Редакціи.*

любители легко убѣдятся, что взятіе ферзевой пѣшки 24. $\overline{d7-d4}+$ было бы не менѣе неосторожно.

(9) Ударъ этотъ блистателенъ и достоинъ великаго игрока. Между тѣмъ, по мнѣнію моему, было бы проще и вѣрнѣе продолжать нападеніе такъ:

28) $e5 - e7$ $f7 - d5$

Черные принуждены отвести слона, для отвращенія гибельныхъ послѣдствій атаки бѣлаго коня на $e5$.

29) $d7 - e5$ $g6 - e4$

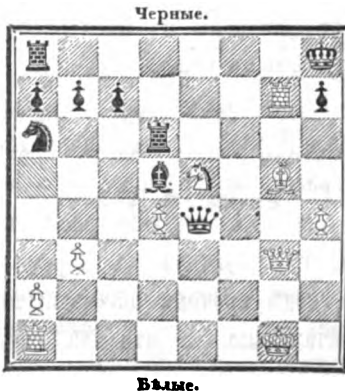
30) $e7 - g7^\circ +$ $g8 - g7^\circ (*)$

31) $g5 - h6 +$ и выигрываютъ.

(10) Это гораздо лучше хода $g5 - f6$, который позволилъ бы чернымъ выйти изъ затрудненія, придвиганіемъ ферзя на $h6$.

(*) Г. Янишь проситъ насъ замѣтить, что онъ, по окончаніи настоящей игры, сообщалъ г-ну Стаунтону, что приведенный выше вариантъ былъ имъ (Янишемъ) исполнѣн предвидѣнъ еще въ то время, когда онъ обдумывалъ свой 28-й ходъ, и что если онъ не ступилъ 28. $e5 - e7$, то единственно потому, что послѣ шаха 30. $e7 - g7^\circ +$ черному королю не слѣдуетъ брать ладьи, а отойти на $h8$. Тогда бѣлые не смотря на видимое торжество свое, въ сущности, сами угрожаемы будутъ потерей офицера. Затѣмъ, не только въ дѣйствительной партіи, гдѣ надо мысленно расчитывать отдаленныя послѣдствія хода, но даже въ совершенно безотвѣтственномъ положеніи и съ правомъ переигрыванія шашекъ, крайне трудно рѣшить, какъ слѣдуетъ бѣлымъ ступить въ настоящее мгновеніе, не упустивъ изъ рукъ своихъ выгодъ?

По всему видно, что эта именно трудность побудила Г. Стаунтона не упоминать въ своей книгѣ о возможномъ для чернаго короля отступленіи 30. $g8 - h8$. Предлагая это положеніе любителямъ, въ вистательнѣ, но и солиднѣе удара 28. $e5 - e7$. *Прим. Редакціи.*

дѣ задачи, прибавляемъ отъ себя, что тутъ черные едва ли не выигрываютъ, какъ бы бѣлые ни ходили, и что за тѣмъ критикуемый г-мъ Стаунтономъ 28-й ходъ нашего соотечественника $h4-h5$ былъ не только блестящъ

(11) Взять ладью пѣшкой было бы безопасно.

(12) Ошибка важная, давшая чернымъ слишкомъ рѣшительный перевѣсъ. Надобно было ступить 40. $a5 - a6$.

(13) Шахи оказались бесполезными, такъ какъ бѣлые рѣшились не подвергать короля нападеніямъ прочихъ офицеровъ.

(14) Ходъ *отличный*, принудившій черныхъ къ крайней осторожности.

(15) Въ настоящую минуту слѣдовало уже ступить королю на f2, чтобы поскорѣе приблизить его къ театру дѣйствій. Потери темповъ въ такія минуты оказываются гибельными.

(16) Такая защита обнаруживаетъ великое умѣніе и необыкновенный запасъ терпѣнія у русскаго любителя. Однимъ ферземъ онъ выдерживалъ напоръ всѣхъ непріятельскихъ силъ втеченіе пятидесяти ударовъ, и часто заставлялъ черныхъ сомнѣваться въ успѣхѣхъ, не смотря на значительное превосходство ихъ матеріальныхъ средствъ.

(17) Бѣлые не сдѣлали шаха 89. $c3 - c2 +$ въ предвидѣніи варіанта: 89. $c4 - b3$ 90. $c2 - d3$ 91. $d3 - d5$, $b3 - d5$, который доставилъ бы противнику слишкомъ очевидную побѣду.

(18) Еслибъ черные взяли ферзя на девяностомъ ходѣ, то было бы розыгрышъ. Вотъ съ какою осторожностію, до самой послѣдней минуты, надобно играть подобныя партіи.

Присовокупляемъ, отъ редакціи, что блестящая, истинно *калбрійская* атака бѣлыхъ въ первой половинѣ этой игры, и немовѣрная стойкость ихъ обороны въ послѣдней половинѣ, неволью заставляютъ забывать объ ошибкахъ, которыя были причиною ихъ проигрыша. Честь и слава побѣдителю, но признаемся, что симпатія наша, при разыгрываніи партіи, вся принадлежала побѣжденной сторонѣ. Г. Янишъ рассказывалъ намъ, что во время продолжительной борьбы его ферзя съ ладьею, слономъ, конемъ и двумя пѣшками противника, г. Стаунтонъ съ жаромъ воскликнулъ, что «превосходство ферзя надъ прочими шахматными офицерами слишкомъ, слишкомъ значительно, и что это обстоятельство составляетъ прямой недостатокъ въ основныхъ правилахъ игры». Конечно, слова эти сказаны были въ минуту увлеченія, и правила о

ходѣ и дѣйствии офицеровъ такъ совершенны, какъ только могутъ быть. За всѣмъ тѣмъ по отзыву Г. Яниша, настоящая партія рѣшительно опровергаетъ мнѣніе германскихъ теоретиковъ, утверждающихъ, что ферзь слабѣе двухъ ладей и даже трехъ *мелкихъ* офицеровъ.

Если партіи игроковъ второстепенныхъ не заслуживаютъ, вообще говоря, подробнаго анализа, то тѣмъ не менѣе и въ такихъ партіяхъ нерѣдко встрѣчаются положенія, изъ которыхъ могутъ быть выведены красивые и поучительные варіанты. Такъ напримѣръ, въ партіи А. И. Максимова съ Н. А. Михайловымъ, помѣщенной въ Шахматномъ Листѣ за октябрь прошлаго года послѣ ходовъ:

1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$ 2. $\frac{f1 - e4}{g8 - f8}$ 3. $\frac{d2 - d3}{f8 - c5}$ 4. $\frac{g1 - f3}{d7 - d6}$ 5. $\frac{0 - 0}{c8 - g4}$ 6. $\frac{a2 - a5}{a7 - a6}$
7. $\frac{b1 - d2}{c7 - c6}$ 8. $\frac{b2 - b4}{c5 - a7}$ 9. $\frac{e2 - c3}{d6 - d5}$ 10. $\frac{e4 - d5}{c6 - d6}$ 11. $\frac{e1 - a5}{0 - 0}$ 12. $\frac{c1 - b2}{b8 - c8}$
13. $\frac{d1 - b3}{e5 - e4}$ 14. $\frac{d3 - e1}{d5 - e4}$ 15. $\frac{f3 - g5}{}$ получилось положеніе изображенное на прилагаемой діаграммѣ.

Н. А. Михайловъ.

Опасаясь нападенія на пунктъ f7, черные сыграли ферзя на e7, на что бѣлые отвѣчали движеніемъ 16. $\frac{c3 - c1}{}$ и, постоянно усиливая атаку, кончили побѣдою. «Это произошло оттого, — пишетъ щимъ, весьма остроумнымъ анализомъ.

А. И. Максимовъ.

намъ изъ Варшавы А. Д. Петровъ, — что г-нъ Михайловъ сыгралъ боязливо. Пятнадцатымъ ходомъ ему слѣдовало просто брать коня ферземъ». Мнѣніе свое г-нъ Петровъ подтверждаетъ слѣдую-

(Бѣлые).

(Черные).

- 15) . . . . .
16) g5 — f7°

- d8 — d2°
d2 — f4

Грозный шахъ на вскрышу совсѣмъ не опасенъ: кромѣ обмѣна ладьи на коня (а черные имѣютъ уже лишняго офицера) ничего нѣтъ.

(Бѣлые).	(Черные).
17) f7 — h6 †	g8 — h8
18) h6 — f7 †	f8 — f7°
19) b3 — f7°	c6 — e5
20) f7 — b7°	e5 — f3 †
21) g2 — f3°	a7 — b8
22) f1 — b1 или на e1 см. вариантъ.	
22)	f4 — h2° †
23) g1 — f1	h2 — h1 †
24) f1 — e2	h1 — f3° †
25) e2 — d2	f3 — d3 †

и куда бы бѣлый король ни ступилъ, ему матъ слѣдующимъ ходомъ: если на e1, то 26. $\overline{d3-e2}$ ♘, и если на c1, то 26. $\overline{d3-d1}$ ♘. ●

ВАРИАНТЪ НА 22-й ХОДЪ БѢЛЫХЪ.

(Бѣлые).	Бѣлые.	(Черные).
22) f1 — e1		f4 — h2° †
23) g1 — f1		h2 — h1 †
24) f1 — e2		h1 — f3° †
25) e2 — d2		f3 — d3 †
26) d2 — c1		b8 — f4 †
27) e1 — e3		d3 — d1 ♘
		Черные.

ПАРТІЯ № 239.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

И. С. Шумовъ. Кн. С. С. Урусовъ.		(Бѣлые).	(Черные)
(Бѣлые).	(Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	26) h2 — h3	h8 — b8
2) g1 — f3	b8 — c6	27) b2 — c3	b7 — b1 +
3) d2 — d4	e5 — d4°	28) h1 — h2	b1 — c1
4) f1 — c4	f8 — b4 +	29) c3 — b2	c1 — e1
5) c2 — c3	d4 — c3°	30) b2 — c3	e1 — e2
6) 0 — 0	c3 — b2° (1)	31) f2 — f3	e2 — a2°
7) c1 — b2°	e8 — f8 (2)	32) f3 — g3	a6 — e2
8) d1 — d5 (3)	d8 — e7	33) f4 — f2	b8 — b3
9) f3 — g5	c6 — d8	34) h4 — g6	a2 — c2
10) f2 — f4 (4)	e7 — c5 +	35) g6 — e7°	c2 — c3°
11) b2 — d4	c5 — d5°	36) g3 — c3°	b3 — c3°
12) c4 — d5°	h7 — h6	37) e7 — d5	c3 — c2
13) g5 — f3	g8 — e7	38) d5 — f4	e2 — d1
14) d5 — b3	d8 — e6	39) f2 — f1	c2 — d2
15) d4 — b2	f7 — f6	40) f4 — d5	a7 — a5
16) f3 — h4	b4 — c5 +	41) d5 — c7°	a5 — a4
17) g1 — h1	e6 — d4	42) c7 — b5	d1 — c2
18) b1 — d2	d7 — d6	43) f1 — e1	c2 — d3
19) f4 — f5 (5)	d4 — b3°	44) b5 — d6° +	f7 — e7
20) d2 — b3°	b7 — b6	45) d6 — b7	c5 — c4
21) a1 — d1 (6)	f8 — f7	46) b7 — c5	a4 — a3
22) b3 — c5°	b6 — c5°	47) e1 — a1	a3 — a2
23) f1 — f4	c8 — a6	48) c5 — d3°	c4 — d3°
24) d1 — d2	a8 — b8	49) h2 — g1	d2 — b2
25) d2 — f2	b8 — b7		

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 239.

(1) Завоеваніе второй пѣшки въ этомъ положеніи партіи подвергается черныхъ очень сильной атакѣ.

(2) Стаунтонъ говоритъ, что лучше всего защищать пѣшку g7 посредствомъ 7. $\overline{b_4 - f_8}$; кн. Урусовъ предпочитаетъ ходъ королемъ и мы раздѣляемъ его мнѣніе.

(3) Преждевременно; лучше было бы двинуть сперва пѣшку на e5. Ланге совѣтуетъ также ходъ 8. $\overline{f_3 - d_4}$.

(4) Необдуманый ходъ; онъ даетъ возможность чернымъ вынудить мѣну ферзей, что значительно ослабляетъ атаку бѣлыхъ.

(5) e4 — e5 было бы кажется сильнѣе.

(6) Стаунтонъ замѣчаетъ, что тутъ тоже слѣдовало подвинуть королевскую пѣшку и приводить слѣдующій выгодный для бѣлыхъ вариантъ:

21) e4 — e5	d6 — e5°
22) b3 — c5°	b6 — c5°
23) b2 — a3	и т. д.

ПАРТІЯ № 240. ⁽¹⁾

ГАМБИТЪ ФЕРЗЯ.

Г-нъ Мачушій.	И. С. Тургеневъ.	(Бѣлые).	Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	15) 0—0—0	f6 — g4
1) d2 — d4	d7 — d5	16) d1 — e1	h7 — h6
2) c2 — c4	e7 — e6 ⁽²⁾	17) d4 — d5	c6 — e5
3) b1 — c3	f8 — b4	18) f3 — e5°	g4 — e5°
4) f2 — f3	c7 — c5	19) f1 — g1	g2 — f3
5) a2 — a3	b4 — c3° +	20) e1 — e3	f3 — f6
6) b2 — c3° +	d8 — a5	21) d2 — c3	e5 — d3° +
7) c1 — d2	g8 — f6	22) c2 — d3°	f6 — e7
8) d1 — c2	c8 — d7	23) c3 — g7°	h8 — g8
9) e2 — e4	d5 — e4°	24) e3 — g3	0—0—0
10) f3 — d4°	c5 — d4°	25) d3 — e3	b7 — b6
11) c3 — d4°	a5 — h5	26) e3 — h6°	e7 — c5
12) d1 — f3	h5 — g6	27) g7 — d4 ⁽³⁾	c5 — c5° +
13) f1 — d3	g6 — g2°	28) g3 — c3	g8 — g1° +
14) h1 — f1	b8 — c6	29) c1 — d2	e4 — c3° +

(Черные).	(Бѣлые).	Бѣлые.	(Черные.)
30) d2 — c3°	g1 — g4	40) h4 — h5	e6 — d5
31) h6 — h5	g4 — f4	41) e4 — d5°	d2 — d5°
32) h5 — e5	f4 — f3+	42) h5 — h6	d7 — f5
33) c3 — b2	b8 — g8	44) c3 — b4	a7 — a5+
34) d4 — c3	d7 — a4 ⁽⁴⁾	43) h8 — f6	d2 — c2+
35) e5 — d4	g8 — g2+	45) b4 — a4	c2 — c7 ⁽⁶⁾
36) c3 — d2	a4 — d7	46) a4 — b3	d5 — b5+
37) h2 — h4 ⁽⁵⁾	f3 — f2	47) b3 — a4	f5 — d7 ⁽⁷⁾
38) b2 — c3	f2 — d2°	и бѣлые здаются.	
39) d4 — h8+	c8 — b7		

Примѣчанія къ партіи № 240.

(1) Эта партія принадлежитъ въ матчу, игранному, въ концѣ прошлаго года въ Café de la Régence, между И. С. Тургеневымъ и однимъ изъ сильныхъ парижскихъ шахматистовъ Владиславомъ Мачускимъ (Maczuski). Матчъ игрался на одиннадцать выигранныхъ партій; окончательный результатъ его намъ еще не извѣстенъ: по послѣднему извѣстію г. Тургеневъ имѣлъ одну выигранную партію, его противникъ три, ничьихъ двѣ.

(2) Вѣрный ходъ; принимать гамбитъ ферзя не выгодно: бѣлые непременно возвратятъ пѣшку и быстро разовьютъ свои силы.

(3) Бѣлые отдають двѣ ладьи за пѣшку и ферзя; это невыгодно, особенно если принять во вниманіе открытое положеніе ихъ короля, дающее возможность чернымъ сильно атаковать ладьями.

(4) Очень хорошо.

(5) Спасти слона нѣтъ уже возможности, а затѣмъ партія бѣлыхъ песомнѣнно проиграна.

(6) Угрожая матомъ въ слѣдующій ходъ.

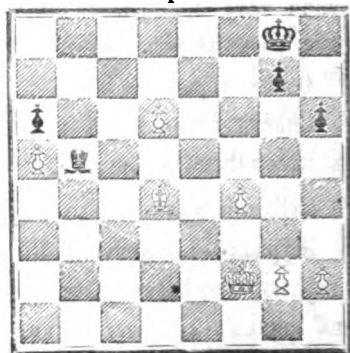
(7) Журналъ Le Nouvelle Régence, изъ котораго мы заимствуемъ эту партію, замѣчаетъ, что отъ начала до конца, она мастерски ведена нашимъ соотечественникамъ.

ПАРТІЯ № 241.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ПАУЛЬСЕНЪ.	КОЛИШЪ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	32) a2 — a4	b5 — b7
1) e2 — e4	c7 — c5	33) a4 — a5	a7 — a6
2) g1 — f3	e7 — e6	34) d4 — b6	f8 — f7
3) b1 — c3	d7 — d5	35) h1 — g1	b7 — e7
4) e4 — d5°	e6 — d5°	36) g1 — f2	d5 — c4
5) d2 — d4	c8 — e6	37) b6 — e3	e7 — b7
6) c1 — e3	c5 — c4	38) a1 — a4	c4 — d5
7) f1 — e2	f8 — b4	39) a4 — f4 +	f7 — g8
8) e3 — d2	g8 — f6	40) e3 — c5	b7 — f7
9) 0 ♣ 0	b4 — c3°	41) f4 — b4	h7 — h6
10) d2 — c3°	f6 — e4	42) b4 — b6	f7 — f5
11) c3 — e1	0 — 0	43) c5 — e3	d5 — c4
12) b2 — b3	b8 — c6	44) b6 — c6°	c4 — b5
13) f3 — e5	c6 — e5°	45) c6 — c8 +	f5 — f8
14) d4 — e5°	f7 — f6	46) c8 — c5	f8 — f6
15) f2 — f3	d8 — b6 +	47) c2 — c4	b5 — a4
16) g1 — h1	e4 — c5	48) c5 — d5	f6 — c6
17) e5 — f6°	f8 — f6°	49) c4 — c5	a4 — b5
18) e1 — f2	b6 — c6	50) e3 — d4	c6 — c7
19) d1 — d4	c5 — d7	51) d5 — d6	c7 — d7
20) f1 — d1	f6 — f7 (1)	52) f3 — f4	d7 — d6°
21) b3 — c4°	d5 — c4°	53) c5 — d6°	
22) d4 — d6	d7 — b6		
23) d6 — b4 (2)	b6 — d5		
24) b4 — c4°	d5 — c3		
25) c4 — c6°	b7 — c6°		
26) d1 — d6	e6 — d5		
27) e2 — f1	a8 — b8		
28) f2 — d4 (3)	c3 — b5		
29) f1 — b5°	b8 — b5° (4)		
30) d6 — d8 +	f7 — f8		
31) d8 — f8° +	g8 — f8°		

Черные.

Бѣлые.

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
53)	g7 — g6	68) h4 — h5	g6 — e8
54) g2 — g4	g8 — f7	69) h6 — h7	e8 — h5°
55) f4 — f5	g6 — f5°	70) h7 — h6	h5 — f7
56) g4 — f5°	b5 — d7	71) h6 — h7	f6 — g5
57) f5 — f6	f7 — e6	72) h7 — g7	f7 — a2
58) d4 — e5 (5)	d7 — c6	73) g7 — h7	a2 — b1 +
59) f2 — g3	c6 — b5	74) h7 — g7	b1 — c2
60) g3 — g4	b5 — e8	75) g7 — f7	g5 — f5
61) h2 — h4 (6)	e6 — e5° (7)	76) f6 — e7	f5 — e5
62) f6 — f7	e8 — f7	77) e7 — f7	e5 — d6
63) d6 — d7	f7 — e6 +	78) f7 — f6	d6 — c5
64) g4 — h5	e6 — d7°	79) f6 — e5	c5 — b5
65) h5 — h6	e5 — f6	80) e5 — d4	b5 — a5°
66) h6 — h5	d7 — f5	81) d4 — c4	a5 — a4
67) h5 — h6	f5 — g6	82) c4 — c3	игра ничья.

Примѣчанія къ партии № 241.

- (1) d7 — b6 было бы кажется лучше.
 (2) Теперь бѣлые выигрываютъ пѣшку.
 (3) Сперва слѣдовало бы двинуть a2 — a4.
 (4) При разноцвѣтныхъ слонахъ черные могутъ надѣяться на ничью.
 (5) Очень хорошо; очевидно, что если король возьметъ слона, то пѣшка f проходить въ ферзи.
 (6) До сихъ поръ бѣлые мастерски вели весь конецъ партии, но послѣдній ихъ ходъ — грубая ошибка; слѣдовало идти королемъ на f4.
 (7) Теперь чернымъ нѣтъ уже опасности брать слона.

ПАРТІЯ № 242.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Берлинѣ въ маѣ 1861 года).

Майетъ.	Гиршфельдъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	2) g1 — f3	e7 — e6
1) e2 — e4	c7 — c5	3) b1 — c3	a7 — a6

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
4) d2 — d4	c5 — d4°	16) e4 — g3	a8 — c8
5) f3 — d4°	b8 — c6	17) c5 — a3	d5 — e3
6) d4 — c6°	b7 — c6°	18) h1 — g1	c7 — e5
7) e4 — e5	d8 — c7.	19) f2 — e2	e3 — g2° +
8) f2 — f4	d7 — d5	20) e1 — f1	g2 — e3 +
9) e5 — d6° ^(на про- ходѣ)	f8 — d6°	21) f1 — e1	c8 — c2°
10) d1 — d4	g8 — f6°	22) d3 — c2°	e3 — c2° +
11) f1 — d3	c6 — c5	23) e1 — d1	c2 — a3°
12) d4 — f2	c8 — b7	24) e2 — e5°	f4 — e5°
13) c1 — e3	f6 — d5	25) g1 — e1	b7 — f3 +
14) c3 — e4	d6 — f4°	26) d1 — d2	a3 — c4 +
15) e3 — c5°	f7 — f5		

и бѣлые сдаются.

ПАРТІЯ № 243.

СИЦИЛІАНСВІЙ ДЕБЮТЪ.

Дюфрениъ. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	c7 — c5	17) f3 — g5	h3 — h2°
2) g1 — f3	e7 — e6	18) g5 — f7° +	d8 — c7
3) d2 — d4	c5 — d4°	19) 0—0—0	h2 — f4 +
4) f3 — d4°	g8 — f6	20) c1 — b1	h8 — g8
5) c1 — g5 ⁽¹⁾	d8 — a5 +	21) g1 — g5 ⁽⁶⁾	d7 — d5
6) g5 — d2	a5 — e5	22) d1 — h1	c8 — d7
7) d2 — c3	e5 — e4° +	23) g5 — h5 ⁽⁷⁾	f8 — c5
8) f1 — e2	a7 — a6 ⁽²⁾	24) f2 — f3	a8 — e8
9) b1 — d2	e4 — g6	25) e2 — g2	e8 — e7
10) d2 — f3	f6 — e4	26) h5 — h4	f4 — e3
11) e2 — d3 ⁽³⁾	g6 — g2°	27) g2 — g3 +	c7 — b6
12) h1 — f1°	e4 — c3°	28) f7 — d6	g7 — g5
13) b2 — c3°	b8 — c6	29) b1 — a1	f5 — f4
14) d4 — f5 ⁽⁴⁾	e6 — f5°	30) h1 — b1 +	b6 — a7
15) d1 — e2 +	e8 — d8 ⁽⁵⁾	31) b1 — b7° +	a7 — a8
16) f1 — g1	g2 — h3		

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 243.

(1) f1 — d3 или b1 — c3 было бы основательнѣе.

(2) Этотъ ходъ почти всегда необходимъ при сицилійской за- шитѣ, для предупрежденія сильной атаки конемъ.

(3) Осторожнѣе было бы рокировать.

(4) Остроумный ходъ, имѣющій цѣлью завоеваніе ферзя, а именно

14. $\frac{e6-f5}{e6-f5}$ 15. $\frac{d1-e2+}{f8-e7}$ 16. $\frac{d3-f5}{}$ а за тѣмъ f1 — g1 и чер- ный ферзь погибъ.

(5) Этимъ отступленіемъ черные лишаютъ противника возможно- сти привести въ исполненіе объясненный въ предыдущемъ примѣ- чаніи планъ; потому что, на 16. $\frac{d3-f5}{}$, они могутъ теперь от- вѣтить 16. $\frac{f8-e5}{}$ и если тогда 17. $\frac{f1-g1}{}$, то 17. $\frac{e5-f2+}{}$

18. $\frac{e2-f2}{h8-e8+}$ — черные выигрываютъ

(6) Не лучше ли двинуть слона на c4?

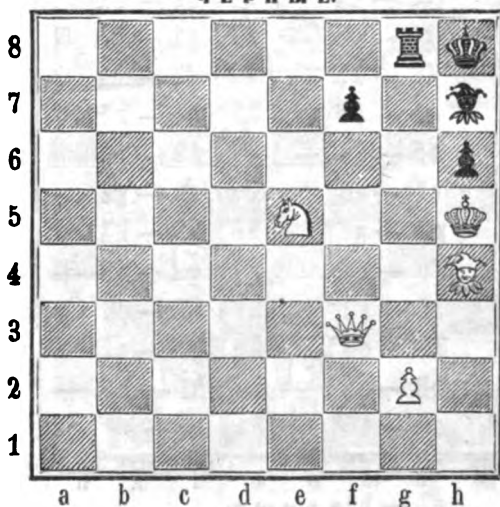
Опять угрожаетъ завоевать ферзя посредствомъ h5 — h4.

З а д а ч и.

№ 126.

А. Д. ПЕТРОВА (въ Варшавѣ).

ЧЕРНЫЕ.

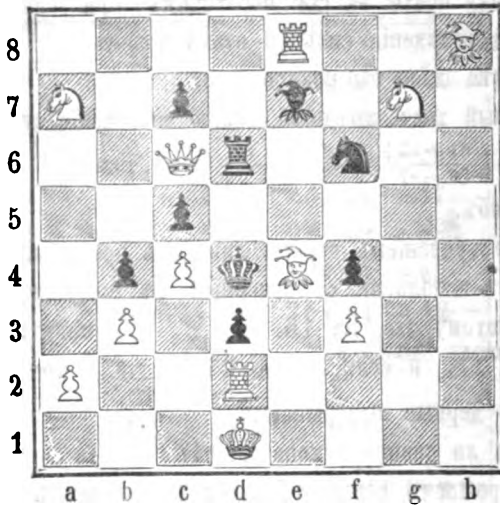
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 11 ходовъ.

№ 127.

К. К. ШЕЙБА (въ Николаевъ).

ЧЕРНЫЕ.

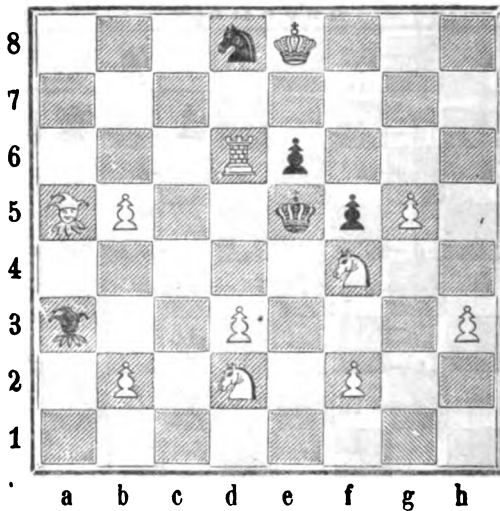
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 128.

В. К. КНОРРЕ (въ Николаевъ).

ЧЕРНЫЕ.

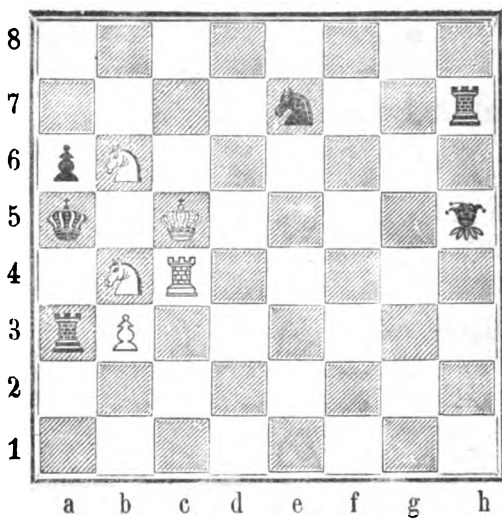
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 129.

С. А. ЯЦКЕВИЧА.

ЧЕРНЫЕ.

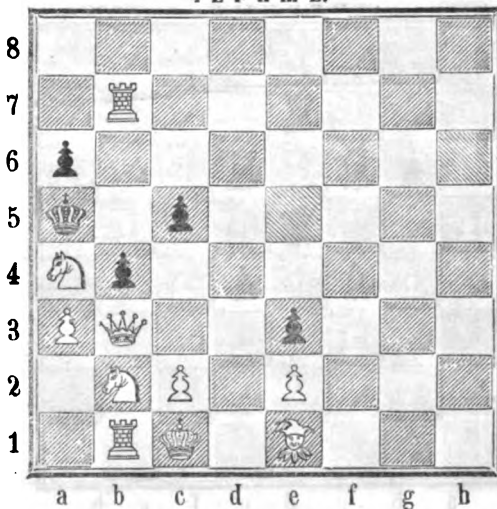
БЪЛЫЕ.

Бѣлые начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 130.

КРАУЗЕ (въ Кенигсбергѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БЪЛЫЕ.

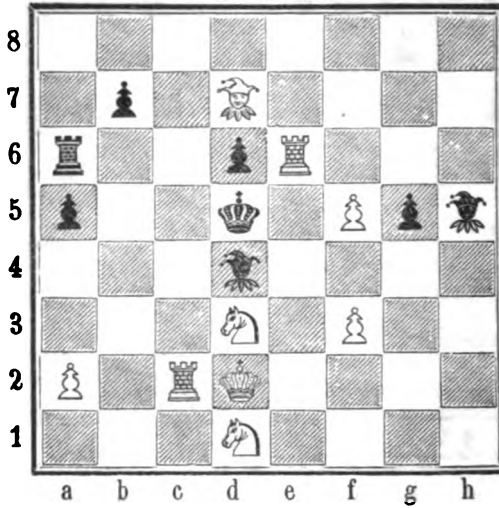
Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

№ 131.

С. А. ЯЦКЕВИЧА.

(Посвящается Г. П. ЦЕЦЕНЕВСКОМУ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

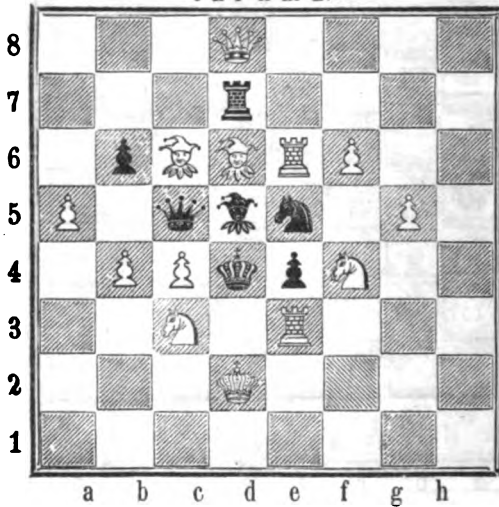
БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

№ 132.

Звѣздочка.

Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

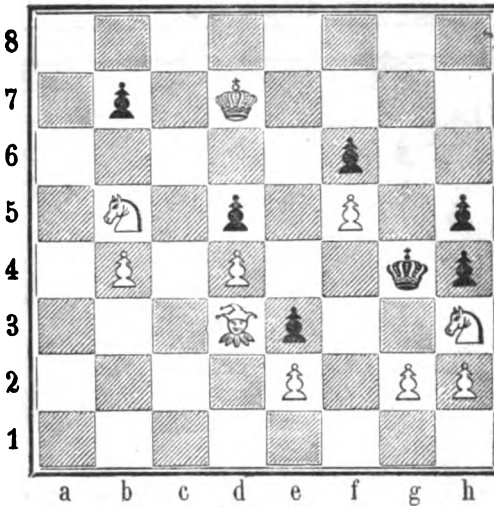
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

№ 133.
К. К. ШПЕЙЕРА.

ЧЕРНЫЕ.

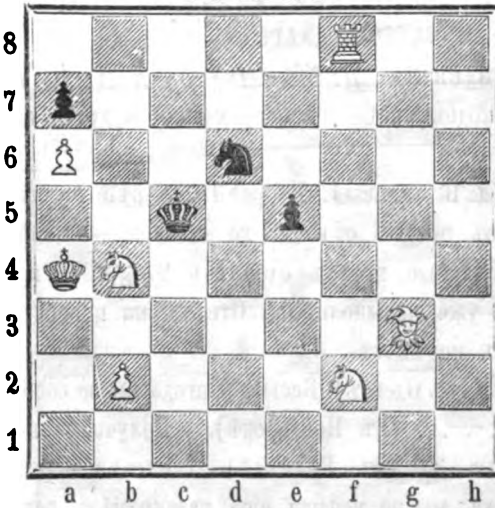
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и дают матъ въ 4 хода.

№ 134. (*)

Фридриха РЕЙМАНА (въ Кенигсбергѣ).

ЧЕРНЫЕ.

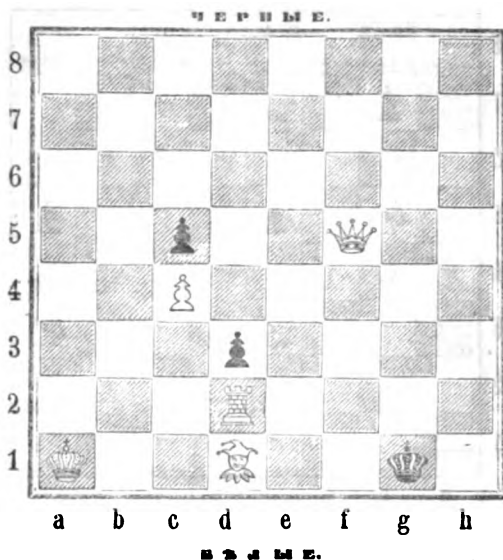
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

(*) Эта проблема предложена берлинскою Schachzeitung (декабрь 1861 г.) въ 4 хода и развѣшена Н. И. Петровскимъ въ 3 хода.

№ 135.

Изъ Schachzeitung.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. *К. К. Шп—ру* и *В. К. К—ре*. Ваши задачи превосходны; всё онѣ непременно будутъ напечатаны мало по малу.

Тов—чу (д. Берестовы). Второе Ваше рѣшеніе задачи № 67,— сообщенное въ письмѣ отъ 24-го января, — не вѣрно: на ходъ 9. e5—d5+, черные могутъ отвѣтить 9. b7—d6 и затѣмъ условія проблемы уже невыполнимы. Отвѣтъ на первое письмо отправленъ къ Вамъ по почтѣ.

Г. Яцк—чу (въ Одессѣ). Весьма благодарны за сообщеніе проблемъ.

Г-ну К. . . . . (въ Новгородѣ). } Получивъ послѣднія Ваши

К. О. Цгх—чу (въ Волжскѣ). } письма передъ самымъ вы-

пускомъ Листка, мы не успѣли еще рассмотретьъ заключающіяся въ нихъ замѣчанія.